This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

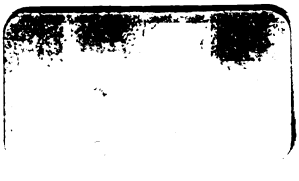
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

№ 8. АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.) № д. 11.
1894.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, Д. № 40.

Digitized by Google

PSlav 475.65 (1894) Δ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1894 ГОДУ (ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же направленіи,

безъ предварительной цензуры.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода:	За три мѣсяца:
Безъ доставки	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересылкою иногороднымъ . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
Съ пересылкою за границу . . .	17 »	9 » — »	5 » — »

Подписчики **«Наблюдателя»** (годовые, полугодовые и разсроченные), желающіе получить **второе, дополненное,** изданіе монографій *А. П. Пятковскаго* **«Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія»**, приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору,* причемъ вносится:

	При подпискѣ.	Къ 15 апрѣля.	Къ 15 августа.
Безъ доставки. . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою . . .	5 »	5 »	3 »
Съ пересылкою . .	5 »	5 »	4 »
Съ перес. за границу.	8 »	5 »	4 »

Библіотеки для чтенія *пользуются разсрочкою платы наравнѣ съ прочими подписчиками;* выписывающія же не менѣе 10-ти годовыхъ экземпляровъ и вносящія полностью подписную плату пользуются 50 к. скидки съ каждаго экземпляра.

Гг. служащимъ—разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи, Пушкинская ул. (близъ Невскаго пр.) д. № 11.* Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 1971

Digitized by Google

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ „НАБЛЮДАТЕЛЯ".

Въ Главной Конторѣ, изъ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія «Наблюдателя», полные экземпляры журнала имѣются въ небольшомъ количествѣ только за 1893 и 1892 г.г.

Содержаніе журнала за 1893 г.

1) **Совѣсть заврила**, романъ *А. Михайлова*; 2) **Лицемѣры**, романъ *І. І. Ясинскаго*; 3) **Ночь**, романъ *Н. Ѳ. Бажина*; 4) **Волчья яма**, романъ *П. Лѣтнева*; 5) **Надорванныя силы**, романъ *К. В. Назарьевой*; 6) **Къ чему?** романъ *И. Д. Ахшарумова*; 7) **Призраки минувшаго**, романъ *В. Свѣтлова*; 8) **Изъ любопытства**, разсказъ *А. А. Виницкой*; 9) **Что дѣлается въ деревнѣ?** разсказы *В. А. Рышкова*; 10) **Изъ воспоминаній**, *В. Р. Зотова*; 11) **Очерки иностранной литературы**, *Его же*; 12) **Борьба съ холерою**, *Н. П. Дружинина*; 13) **Эрнестъ Ренанъ** (по поводу его смерти) *В. В. Чуйко*; 14) **Неурожаи прошлаго вѣка** (по архивнымъ матеріаламъ) *П. В. Безобразова*; 15) **Артемій Петровичъ Волынскій**, историческая характеристика, *К. В. Ярошa*; 16) **Къ вопросу о преобразованіи государственнаго банка**, *Л. Н. Нисселовича*; 17) **О задачахъ искусства**, *К. Говорова* 18) **Послѣдній могиканъ идейной поэзіи** (по поводу «Стихотвореній А. М. Жемчужникова») *Его же*; 19) **А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки**, *С. Ѳ. Шарапова*; 20) **Глинка и его Русланъ**, *В. С. Баскина*; 21) **Гуно и Чайковскій**, *Его же*; 22) **Иллинойсъ и Чикаго**, *М. И. Венюкова*; 23) **Ирландія въ 1893 г.** *Его же*; 24) **Народъ по еврейскому законодательству, древнему и новому**, *Н. Тембе*; 25) **Галаха и Агада** (къ еврейскому вопросу) *Его же*; 26) **Уѣздныя письма**, *Ѳ. Э. Ромера;* 27) **Изъ жизни французскаго резервиста**, *Ж. де-Кервильи;* 28) **Парижскія письма**, *Его же;* 29) **Условія правильнаго классическаго воспитанія и его нынѣшняя постановка**, *Одного изъ родителей;* 30) **Панамскій каналъ и его исторія**, *И. П.;* 31) **Философія права, какъ самостоятельный предметъ юридическаго факультета**, *А. Н. Котельникова;* 32) **Тяжелый годъ** (по поводу голодовки) *В. Бирюковича*; 33) **Тамбовскій оригиналъ и полемистъ** (по архивнымъ источникамъ) *И. И. Дубасова*; 34) **Школа жизни**, *М. Слобожанина;* 35) **Наша драматическая сцена подъ новымъ управленіемъ**, *В. Свѣтлова*; 36) **Михайловскій театръ**, *В. И.*; 37) **Бетховенъ, какъ человѣкъ и музыкантъ**, *В. Е. Чешихина;* 38) **Судъ и жизнь**, *А. О. Дукмасова;* 39) **Земельная неурядица въ Уфимской губерніи**, *А. Якимова*; 40) **По дорогѣ въ Корсику и на островѣ**, *М. В.;* 41) **Наташа** (быль изъ станичной жизни) *Н. Затонскаго*;

Digitized by Google

42) **Наша журналистика**, *К-скаго;* 43) **Изнанка сцены** (театральный очеркъ) *В. Свѣтлова;* 44) **Студенческіе годы**, *Бывшаго студента;* 45) **Общественные идеалы Фридриха Нитцше**, *В. В. Чуйко;* 46) **Нужды нашего сельскаго хозяйства**, *В. Бирюковича;* 47) **Изъ жизни въ деревнѣ**, *И. Васина;* 48) **По цѣлебному предгорью Кавказа**, *М. Слобожанина;* 49) **Гимнъ торжествующей толпы** (произведенія гр. Л. Н. Толстаго) *К. П. Медвѣдскаго;* 50) **Докторъ Паскаль**, романъ *Эмиля Золя;* 51) **Партизаны**, романъ *Ганса Гофмана;* 52) **Американскій претендентъ**, романъ *Марка Твена* (съ англ.); 53) **Призракъ**, повѣсть *Перѣса Гальдоса* (съ испанскаго); 54) **Бѣлое братство**, романъ *А. Конанъ-Дойля* (съ англ.); 55) **Новая система**, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, *Бьёрнстерна-Бьёрнсона* (съ норвежск.); 56) **Разсказы Матильды Серао** (съ итальянск.) переводъ *П. Лѣтнева;* 57) **Мой пріятель Мюссаръ**, разсказъ *Л. Галеви* и пр., и пр.

Фельетоны *Ефима Простосердова*: «**И смѣхъ, и горе**» помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра **10** р. съ перес.; за полгода—**5** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

Содержаніе журнала за 1892 г.

1) **Изъ трясины на дорогу**, романъ *А. Михайлова (А. К. Шеллера);* 2) **Петербургскіе туманы**, романъ *І. І. Ясинскаго;* 3) **Итоги**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 4) **Священный огонь**, романъ *Г. Таранскаго;* 5) **Вмѣсто хлѣба—камень**, романъ *П. Лѣтнева;* 6) **Ораторы**, романъ *К. В. Назарьевой;* 7) **По призванію**, романъ *В. Свѣтлова;* 8) **Лукавый попуталъ**, разсказъ *Ф. Д. Нефедова;* 9) **Карьера**, разсказъ *І. І. Ясинскаго;* 10) **Событіе** (картины изъ обыденной жизни) *А. А. Виницкой;* 11) **За что погибъ человѣкъ?** разсказъ *П. Добротворскаго;* 12) **Безъ цѣли**, повѣсть *кн. Б. А. Щетинина;* 13) **Желѣзнодорожный царекъ**, разсказъ *А. Молотова;* 14) **Что дѣлается въ деревнѣ?** *В. Рышкова;* 15) **Голодовки и способы ихъ предупрежденія**, *М. И. Венюкова;* 16) **Эволюція въ исторіи уголовнаго права**, проф. *Бѣлогриць-Котляревскаго;* 17) **Послѣднія произведенія гр. Толстаго**, *В. В. Чуйко;* 18) **Крестьянскій судъ въ его послѣднемъ фазисѣ**, *Н. П. Дружинина;* 19) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова;* 20) **Тамбовскіе дипломаты XVIII вѣка**, *И. И. Дубасова;* 21) **Художественныя выставки Рѣпина и Шишкина**, *В. В. Чуйко;* 22) **Любовь въ мірѣ животныхъ**, *П. В. Безобразова;* 23) **Религіозное движеніе въ Англіи**, *В. Флурансова;* 24) **Евреи въ Одессѣ**, *Л. М.;* 25) **Евреи вокругъ Одессы**, *В. Трушко;* 26) **Четырехсотлѣтіе открытія Америки**, *М. И. Венюкова;* 27) **Первая выставка народныхъ картинъ въ Петербургѣ**, *В. П. Воленса;* 28) **Можно ли поднять нашу земледѣльческую промышленность?** *А. К. Гриневскаго;* 29) **Очеркъ этическихъ ученій въ современномъ обществѣ**, *В. В. Чуйко;* 30) **Колумбовская всемірная выставка**, *М. И. Венюкова;* 31) **Научныя новости**, *Его же;* 32) **Наши театры**, *В. В. Чуйко;* 33) **Альфредъ Теннисонъ** (литер.-біографич. очеркъ) *Его же;* 34) **Шелли** (опытъ литературной характеристики) *Его же;* 35) **Оклеветанный геній** (А. С. Пушкинъ) *К. Го-*

Digitized by Google

ворова; 36) **Торжествующій разночинецъ,** *Его же;* 37) **Англійскій публицистъ XVII** в. (Даніэль Дефоэ) *А. С. Залшупина;* 38) **Генрихъ Гейне,** *В. В. Чуйко;* 39) **Опытъ литературной фальсификаціи** (по поводу книги г. Песковскаго: «Роковое недоразумѣніе») *А. П. Пятковскаго;* 40) **Какою должна быть крестьянская школа?** *Г. Яковлева;* 41) **Современное русское міросозерцаніе и его отраженіе въ литературѣ,** *К. П. Медвѣдскаго;* 42) **Профессіональные союзы во Франціи,** *Г.;* 43) **Позитивизмъ передъ судомъ научной критики,** *В. В. Чуйко;* 44) **О международномъ правительствѣ,** *В. А. Бѣлинскаго;* 45) **Курьезы талмудической мудрости,** *Н. Тембе;* 46) **Музыкально-театральная выставка въ Вѣнѣ,** *В. С. Баскина;* 47) **Наши театры,** *В. В. Чуйко;* 48) **Парижскія письма,** *Ж. де-Кервильи;* 49) **Разгромъ,** романъ *Эмиля Золя;* 50) **По тернистой дорогѣ,** романъ *Георга Эберса;* 51) **Ксантиппа,** историческій романъ *Франца Маутнера;* 52) **Народный учитель,** повѣсть *Эдмонда де-Амичиса;* 53) **Отверженный,** разсказъ *Матильды Серао;* 54) **Наша журналистика,** *К—скаго* и пр.

Фельетоны **Ефима Простосердова: «И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра съ пересылкою: **8** р.; за полгода—**4** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

КРОМѢ ТОГО, ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

I.

„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія",

монографіи и критическія статьи **А. П. Пятковскаго,** въ 2-хъ частяхъ, *второе,* дополненное, изданіе. СПб., 1888 г. (около 40 печатн. листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и другихъ предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-й части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I до Александра I-го); 2) Журнальный тріумвиратъ (изъ исторіи русской журналистики 30-хъ годовъ: Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями; 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Отзывы объ обоихъ изданіяхъ: въ «Голосѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Всемірной Иллюстраціи» и пр.

Digitized by Google

Къ оставшимся экземплярамъ втораго изданія приложенъ портретъ автора. **Цѣна 3 р. съ перес.** *Подписчики «Наблюдателя» (годовые, полугодовые и разсроченные) приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р.*

II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

изданіе (3-е) подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.** Съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи о его жизни и сочиненіяхъ.

С.-Петербургъ. 1862 г.

Цѣна **1 р. 25 к.** съ пересылкою.

Изданіе одобрено ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія, Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и бывшимъ IV-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

III.

ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ.

Сборникъ современныхъ стихотвореній, изданный подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.**

(Сюда вошли стихотворенія: *И. Аксакова*, *Добролюбова*, *Жемчужникова*, *Плещеева*, *Некрасова*, *Никитина*, *Хомякова* и др.).

С.-Петербургъ. 1863 г.

Цѣна **50 к.** съ пересылкою.

Во избѣжаніе излишней переписки и возвращенія денегъ, Главная Контора считаетъ необходимымъ предупредить, что изданные редакціею въ разное время: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**; 2) **Сераписъ**, историческій романъ *Георга Эберса*; 3) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Шпильгагена*; 4) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**, литературно-біографическій очеркъ, *А. П. Пятковскаго*; 5) **Живые вопросы**, критическіе очерки и этюды изъ современной жизни, *Его-же*, и 6) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Золя*—уже распроданы.

Digitized by Google

ЗОЛОЧЕНАЯ БОГЕМА.

Романъ.

XVI.

Проводивъ Воеводскаго, художникъ Замойскій вернулся въ комнату, подошелъ къ мольберту и отдернулъ зеленый пологъ, скрывавшій картину. Художникъ взглянулъ на нее. Мечтательно-томные глаза Анны глянули на него съ неоконченнаго холста.

— Бѣдная!—прошепталъ Замойскій и грустно задумался. Она вспоминалась ему, веселая, бойкая, улыбающаяся, беззаботная. Казалось, никогда горе не должно было коснуться ея,—такъ она была жизнерадостна. Тогда, въ Крыму, гдѣ онъ ее встрѣтилъ, у нея было утро любви. Онъ и тогда, не зная еще Воеводскаго, удивлялся, что̀ нашла она въ немъ; не могъ понять, что̀ могло привязать къ нему, молодому, но отжившему человѣку, ее—цвѣтущую дѣвушку? Но она видимо любила его горячо и искренно, со всѣмъ пыломъ и экстазомъ юной страсти. Какъ скоро наступили сумерки любви, какъ быстро надвигался вечеръ и какъ неожиданно ее окутала ночь, темная, безпросвѣтная, грустная ночь!..

Дрогнулъ звонокъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Замойскій. Онъ опять закрылъ картину и пошелъ отворять. Къ нему вошла высокая, стройная дама подъ густой вуалью. Въ комнатѣ было темно. Вечернія сумерки быстро сгущались за окнами мастерской; вдали въ городѣ, за рѣкой, зажигались огни. Ножки столовъ и стульевъ тонули уже во мракѣ, и мракъ этотъ, подымаясь снизу, казалось, наполнялъ всю комнату. Эскизы и картины, развѣшанныя по стѣнамъ, свѣтили еще своими неопредѣленными красками.

Digitized by Google

— Я пришла по объявленію...—начала дама взволнованнымъ голосомъ и замолчала. Собравшись съ духомъ, она продолжала:—простите, я подымалась по лѣстницѣ, устала... дайте мнѣ отдохнуть.

Онъ предложилъ ей стулъ. Онъ слышалъ, какъ у нея бьется сердце и дыханіе отрывисто вырывается изъ груди. Она говорила голосомъ, измѣнившимся отъ смущенья и волненія. По ея манерѣ держать себя, и по чему-то еще, чего онъ никакъ опредѣлить не могъ, онъ сразу догадался, что имѣетъ дѣло не съ профессіональной натурщицей, что она, эта женщина, быть можетъ, въ первый разъ рѣшилась выступить на тяжелый путь новаго ремесла. Чтобы дать ей время оправиться, онъ подошелъ къ столу и сталъ зажигать лампу. Ея волненіе передалось ему и онъ, самъ не зная почему, чувствовалъ себя неловко. Руки его дрожали. Спичка вспыхнула, освѣтивъ на мгновеніе комнату и снова погрузивъ ее во тьму. Наконецъ, тусклый свѣтъ лампы освѣтилъ мастерскую и, разгораясь все болѣе и болѣе, сообщилъ ей нѣкоторый комфортъ и уютность. Все еще выигрывая время, Замойскій подошелъ къ окну и спустилъ штору. Потомъ онъ обернулся къ своей гостьѣ. Онъ думалъ найти ее на стулѣ, но она стояла передъ нимъ съ поднятой вуалью, встревоженная, блѣдная, взволнованная.

— Анна!..—крикнулъ онъ:—Анна Яковлевна?.. вы?..

— Левъ Михайловичъ!.. О, еслибы я знала, что это вы! Но въ объявленіи не было фамиліи художника. Когда вы зажигали лампу, я уже догадалась по вашей фигурѣ, что это вы... Но я еще сомнѣвалась. Какъ вы живете? что дѣлаете?..

Она говорила много, торопливо, сбиваясь и вновь возвращаясь къ начатому, и старалась выдержать беззаботный тонъ. Многорѣчивостью хотѣла она заглушить овладѣвавшее ею смущенье. Но веселый тонъ ей не удавался; въ каждомъ словѣ, въ каждой неловко придуманной фразѣ, въ каждомъ фальшивомъ звукѣ голоса ему слышалось горе, тоска, отчаянье.

— Видите ли, бываютъ идеи...—не переставала она говорить, подгоняя сама себя и не давая себѣ возможности остановиться, чтобы не разрыдаться.—Мнѣ пришла дикая мысль явиться къ художнику въ качествѣ натурщицы... только договориться, конечно... вы понимаете? Но еслибы я знала, что

Digitized by Google

натолкнусь на васъ... Это глупо, не правда ли? Но вы знаете, я сумасбродка... Оставимъ это... мы давно не видались, я совершенно потеряла васъ изъ виду. А я могла бы быть натурщицей? А? Вы меня видѣли въ купальномъ костюмѣ, въ Крыму. Скажите...

Она не выдержала тона; въ голосѣ ея что-то порвалось; она безсильно опустилась на стулъ. Глаза ея закрылись, смертельная блѣдность покрыла лицо,—такая блѣдность, что даже губы ея побѣлѣли. Онъ испугался и быстро подошелъ къ ней. Онъ не могъ видѣть человѣческаго горя, а женскаго въ особенности. Этотъ мягкій человѣкъ,—самъ нѣжный, какъ женщина, не смотря на его грубый видъ,—смутился. Онъ былъ робокъ и никогда не вторгнулся бы въ интимную жизнь того, кто самъ не пожелалъ бы ему открыться. Но тутъ онъ не выдержалъ: въ ея рѣчахъ было столько муки, столько чего-то надорваннаго и больнаго, что онъ почувствовалъ неодолимую потребность приласкать, успокоить, утѣшить свою нежданную гостью. Робость его вдругъ прошла, а изъ глубины души подымалась глубокая, мучительная жалость.

Онъ подошелъ къ ней и сѣлъ рядомъ. Мягкимъ движеніемъ взялъ онъ ея руку и тихо сказалъ:

— Анна Яковлевна, голубушка, зачѣмъ намъ играть комедію? Это тяжело для насъ обоихъ. Я все знаю. Нѣсколько минутъ тому назадъ, онъ былъ здѣсь...

Она еле замѣтно вздрогнула, припомнивъ силуэтъ встрѣтившагося ей на темной лѣстницѣ мужчины, но продолжала сидѣть блѣдная и съ закрытыми глазами. Замойскій продолжалъ говорить, избѣгая упоминать имя Воеводскаго и побуждаемый къ тому желаніемъ успокоить ее и дать время оправиться:

— Вы, можетъ быть, повстрѣчали его... Онъ мнѣ все разсказалъ, какъ вы разошлись съ нимъ и поступили на сцену; онъ говорилъ, что вы въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и сказалъ еще... что... у васъ... есть ребенокъ.

Онъ умолкъ на мгновенье, думая, не слишкомъ ли далеко зашелъ; не слѣдовало ли умолчать объ этомъ; не лучше ли было пощадить ее? Но что-то неудержимо толкало его и подсказывало, что лучше все сказать сразу, все самое непріятное, самое тяжелое, самое горькое, чтобы облегчить и себя, и

Digitized by Google

ее, чтобы избавить ее отъ необходимости самой признаваться и вызывать къ себѣ довѣріе...

— Онъ очень сокрушался и собирался сегодня же выслать деньги... И я знаю, что онъ это сдѣлаетъ. Зачѣмъ же вамъ идти въ натурщицы? Это тяжелый хлѣбъ, неблагодарный трудъ... Развѣ у васъ нѣтъ другаго дѣла? Развѣ вы не можете опять поступить на сцену?

Онъ взглянулъ на нее. Она сидѣла все такая же блѣдная, неподвижная, съ лицомъ, затѣненнымъ абажуромъ... Ему показалось, что она умерла. Глухая ненависть подымалась въ немъ къ виновнику ея несчастья, безсильная злоба кипѣла въ немъ, и злое чувство къ Воеводскому наростало и властно требовало выхода.

— Послушайте, Анна Яковлевна,—началъ онъ вновь и голосъ его задрожалъ:—не слѣдуетъ такъ убиваться; право, онъ не стоитъ ни этого отчаянья, ни этихъ мукъ... Вы молоды, талантливы, красивы... вся жизнь у васъ еще впереди. Ваши дороги разныя. Онъ—жуиръ и ничего не признаётъ въ жизни, кромѣ удовольствія. Онъ живетъ интересомъ одного дня: ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ у него ничего нѣтъ!.. Онъ неудержимо стремится къ наслажденіямъ, въ которыхъ видитъ единственную разумную цѣль жизни... Разъ онъ ея достигъ, она больше его не интересуетъ... Сорванный цвѣтокъ теряетъ для него всю прелесть новизны, и онъ топчетъ его ногами... Ничего святаго у него нѣтъ и не можетъ быть. Это—нравственный нигилистъ. Онъ нищій во всѣхъ смыслахъ... Бросьте вы думать о немъ. Это ядовитый грибъ, взросшій на нашей истощенной почвѣ... Ну, голубушка, дорогая, перестаньте... Встряхнитесь, бодро взгляните въ глаза жизни; нельзя же считать, что все погибло для васъ... для васъ, такой хорошей, такой сильной. Вѣдь онъ—дрянь, сущая дрянь, безсильная, апатичная, но алчная. У него два девиза въ жизни: бери отъ жизни все, что плыветъ въ руки, а главное—деньги, этотъ архимедовъ рычагъ. Онъ [redacted]бнетъ естественной смертью. Это—гнилой обломокъ. Я вижу—вы не забыли его... Что же вы хотите? чтобы онъ и васъ увлекъ въ свою гибель?.. Онъ вамъ приглянулся изящной внѣшностью, наружнымъ лоскомъ заученными красивыми фразами, которыя онъ ловко умѣетъ брать на прокатъ, обворовывая книги, которыя еще иногда

Digitized by Google

попадаются ему на глаза... Но своего-то, искренняго, внутренняго, святаго—у него, вѣдь, ничего нѣтъ! Неужели вы не поняли его? Ну, вы ошиблись... вы жестоко ошиблись... но вѣдь всякая ошибка поправима. Нѣтъ непоправимыхъ ошибокъ: одну можно исправить въ часъ, другую въ цѣлую жизнь, но исправить можно всегда...

Онъ еще долго говорилъ, путаясь въ словахъ и фразахъ; туча мыслей, которыя ему хотѣлось высказать, толпились въ его головѣ, нагоняя другъ друга, и онъ обрывалъ одну, чтобы дать мѣсто другой. Онъ не зналъ, какая изъ нихъ важная, какая второстепенная, что̀ именно изо всего пришедшаго ему на умъ можетъ повліять на нее; и потому онъ говорилъ все, что̀ приходило въ голову, не стѣсняясь оборотомъ и формой. Главное было то, что онъ говорилъ искренно, каждая фраза, зародившаяся въ мозгу, звучала у него въ сердцѣ. Еще разъ ему пришло въ голову, что нехорошо онъ дѣлаетъ, что осуждаетъ Воеводскаго, — онъ, который никогда никого не осуждаетъ, но потомъ онъ мысленно произнесъ: «э, да чортъ съ нимъ! Очень нужно»!—и продолжалъ говорить.

Она наконецъ открыла глаза и, повидимому, слушала его внимательно. Потомъ она перебила его.

— Я дошла до послѣдней степени униженія. Вы не все, кажется, знаете. Я просила у него денегъ... въ грубой, дерзкой формѣ. Но мнѣ оставалось утопиться или убить своего ребенка, потому что я не могла, я не хотѣла видѣть его страданій. Я не могла убить себя, потому что тогда у малютки не было бы не только отца, но даже и матери. Я боролась, какъ могла, пока у меня хватало силъ... Ихъ не стало больше. Я кормить сама не могла... у меня не было молока. Кормилицу взяла... Я задолжала ей семьдесятъ рублей. Она меня держитъ въ тискахъ, говоритъ дерзости, требуетъ денегъ, терзаетъ ребенка, лишая его пищи. Можете ли вы понять это?.. О, какая жестокая пытка! Я изнемогаю. Я начала служить, но должна была бросить сцену, потому что становилось замѣтно... Потомъ я заболѣла; а послѣ родовъ пролежала два мѣсяца. Сезонъ прошелъ, всѣ мѣста были заняты, города разобраны, товарищества опредѣлились, да къ тому же меня скоро забыли: я вѣдь актриса начинающая. И я осталась безъ мѣста, съ своей тоской, съ ребенкомъ и кормилицей на рукахъ. Я зало-

Digitized by Google

жила все, что было, что можно было заложить, даже чего неслѣдовало закладывать — образа. Всѣ мишурныя театральныя блёстки, фальшивые камни, поддѣльное золото, парики, костюмы — все, все... пошло за безцѣнокъ. Теперь, еслибы я и хотѣла служить и работать, еслибы я нашла наконецъ ангажементъ, я бы не могла ѣхать: я совсѣмъ голая! Мнѣ осталось одно: или пасть еще ниже, чѣмъ я пала, сойдясь съ этимъ... или искать труда. Я случайно прочла ваше объявленіе. Чѣмъ трудъ натурщицы хуже, позорнѣе другаго? Все же это трудъ, а не паденіе. Я хотѣла обмануть васъ... я шла именно съ цѣлью наняться, а вовсе не изъ любопытства. Когда вы заговорили, когда я узнала, что вамъ все извѣстно...—и о томъ, какъ онъ меня бросилъ... и о ребенкѣ, и о просьбѣ денегъ, — вся моя гордость возмутилась, мое самолюбіе, мое женское достоинство были уязвлены. Но вы все знаете... нужно съ этимъ мириться; пора сбросить маску, пора перестать лицемѣрить. Я озвѣрѣла и мнѣ надоѣло притворяться. Еслибы я его встрѣтила, еслибы я могла ему все, все высказать...

— Онъ бы не понялъ васъ...

— Тогда я ему вцѣпилась бы въ горло. Я бы задушила его.

Вся подавленность, вся забитость, вся усталость ея пропали. Голосъ ея звенѣлъ и пріобрѣталъ ту красивую гибкость и силу, которою всегда отличался на сценѣ. Страстное, ничѣмъ неутолимое негодованіе слышалось въ немъ.

— Сама, сама я виновата! Мы женщины—несчастныя созданія. Природа какъ будто шутитъ нами. Когда мы влюбляемся—мы лишаемся разсудка. Намъ по преимуществу нравятся пошлые, ничтожные мужчины. Это что-то роковое. Что меня прельстило въ немъ? Изящная внѣшность, громкое имя, или то, что онъ ко всему относился шутя, легкомысленно, издѣваясь?.. Почемъ я знаю? Мнѣ просто опротивѣли наши театральные мужчины, наши актеры—изломанные, искалѣченные люди, съ фразами изъ старыхъ ролей на устахъ. А въ немъ я видѣла человѣка общества, человѣка изъ большаго свѣта... Онъ умѣлъ говорить, когда хотѣлъ меня покорить. У него былъ какой-то огонекъ, который неудержимо влекъ меня къ себѣ и я налетѣла на этотъ огонекъ, какъ глупая ночная бабочка. Я сожгла себѣ крылья и душу. Сама, сама виновата!

Digitized by Google

И я не обвиняю его за то, что онъ бросилъ меня... Ну, что жь? его любовь прошла...

— Любовь!—съ негодованіемъ воскликнулъ Замойскій.

— Ну, пусть прихоть, прелесть новизны, ну, тамъ что хотите. Я не признаю за нимъ обязательствъ по отношенію къ себѣ. Но ребенокъ? Вѣдь это *его* ребенокъ... вѣдь его-то онъ долженъ любить? Ну, хотя немного? Я ничего не сказала бы, еслибы у него не на что было жить. Но вѣдь я знаю... Онъ кутитъ съ кафе-шантанной пѣвицей, онъ ухаживаетъ за Словенской, ради которой бросилъ... меня. А вѣдь это дорого стоитъ. Значитъ, у него есть деньги, есть?.. Я должна была напомнить ему обязанности къ ребенку... и я сдѣлала это... правда, грубо, дерзко, но вѣдь и у меня же есть нервы. Вы думаете, его деньги не будутъ жечь мнѣ руки? Вы думаете, мнѣ пріятно будетъ сознавать, что мой ребенокъ живетъ, благодаря его средствамъ? Вы думаете, я не возвращу ему этихъ денегъ, когда ихъ заработаю? Терпѣнье мое истощилось. Я не могу, не могу, не могу больше... Силъ моихъ нѣтъ.

Она разрыдалась. Тѣло ея судорожно вздрагивало подъ напоромъ сильныхъ, порывистыхъ рыданій.

Замойскій стоялъ передъ ней блѣдный, растерянный. Онъ не зналъ, что предпринять, что сказать, чѣмъ утѣшить... Слезы ее облегчили и она нѣсколько успокоилась. Когда онъ увидѣлъ, что ея горестный порывъ прошелъ, онъ заговорилъ:

— Нѣтъ у него денегъ,—заговорилъ онъ:—нѣтъ ихъ, нѣтъ!.. Я говорю вамъ: онъ нищій... Ну, онъ вамъ вышлетъ теперь какіе нибудь пустяки... ну, тамъ сто рублей, что ли... А потомъ? Неужели вы не хотите понять его? Мы, люди съ ограниченными потребностями, живемъ трудами своихъ рукъ. Мы работаемъ и въ потѣ лица зарабатываемъ свой хлѣбъ. Мы не знаемъ, будемъ ли завтра ѣсть и не выселятъ ли насъ изъ квартиры за неплатежъ. Есть работа—хорошо, мы счастливы, живемъ, дышемъ, питаемся скромнымъ обѣдомъ, потому что мы знаемъ, какимъ трудомъ заработали каждый свой грошъ... Нѣтъ работы—и мы голодаемъ, нищенствуемъ, зябнемъ. У насъ, бѣдныхъ, но честныхъ тружениковъ, есть, по крайней мѣрѣ, утѣшеніе: работа, трудъ, искусство. Я, напримѣръ, горячо, беззавѣтно люблю свое искусство... но я и его приношу иногда

Digitized by Google

въ жертву ради куска хлѣба. Это тяжело, это больно, но если это необходимо? И я живу, какъ птица небесная... Зато насъ, живущихъ своимъ трудомъ, люди, подобные Воеводскому, называютъ презрительнымъ именемъ богемы... Я въ его глазахъ «богемецъ», человѣкъ, не имѣющій пріюта, человѣкъ, не знающій, гдѣ онъ будетъ завтра обѣдать и жить... Все въ жизни богемца зависитъ отъ случая, удачи и труда. Подъ нимъ нѣтъ твердой почвы; она постоянно колеблется подъ его ногами... Мы не дошли до состоянія босяка, жующаго найденную въ отбросахъ корку, обглоданную собакой, и ютящагося въ ночлежномъ пріютѣ, или подъ заборомъ, или въ части, но мы никогда не дойдемъ и до положенія человѣка обезпеченнаго... Мы—что-то среднее, мы цыгане интеллигентной жизни; мы бродячее племя цивилизованнаго общества, которое прозвало насъ богемой... А онъ, этотъ жуиръ, этотъ прожигатель жизни, этотъ съ иголки одѣтый франтъ съ золотыми часами и дорогими кольцами, этотъ Воеводскій, такъ презрительно именующій насъ богемой, вы думаете, кто онъ самъ? Кто онъ и всѣ его присные, похожіе на него?.. Да вѣдь онъ такой же богемецъ. Неужели вы не хотите видѣть этого? Нужно быть слѣпымъ... Вѣдь и его квартира—большая и роскошная—не оплачена; вѣдь и его обстановка—взята на прокатъ; вѣдь и онъ сегодня обѣдаетъ въ модномъ ресторанѣ съ шампанскимъ, а завтра сидитъ дома и щелкаетъ зубами, потому что не пойдетъ въ кухмистерскую или закусочную. Онъ носитъ платье, за которое не уплачено, онъ ѣздитъ на лошадяхъ, за которыхъ тоже не плачено... У него также нѣтъ пріюта, какъ у меня; подъ нимъ почва колеблется, какъ и подо мной. Завтра его «опишутъ» и выселятъ, и онъ останется нищимъ безъ пріюта и крова. У меня есть убѣжище—это мой внутренній міръ, мое дѣло, мое искусство. Я найду себѣ утѣшеніе... А онъ? Внутри у него ничего нѣтъ, кромѣ желудка, требующаго пищи, и микроскопическихъ мозговъ, разыскивающихъ денегъ. О, повѣрьте: его положеніе тяжелѣе нашего. Наше безвыходное положеніе—элементарно, ясно, просто, какъ день. Оно неприглядно, это правда. Его—нѣсколько сложнѣе, прикрытѣе... оно позолочено внѣшнимъ блескомъ, той тоненькой и жиденькой позолотой, которая быстро сходитъ отъ перваго кредиторскаго взысканія, описи или отказа въ ссудѣ... Онъ—тоже богема, увѣряю васъ,

Digitized by Google

но... золоченая богема, и онъ, и его Словенская, и всѣ имъ подобные. Богема съ болѣе широкимъ маштабомъ жизни—и только. Тѣ же цыгане, стоящіе на высшей ступени, но зато и паденіе будетъ для нихъ куда ощутительнѣе и больнѣе! Мы обтерпѣлись, привыкли, закалились; у насъ есть мужество, характеръ, выдержка. Мы не стонемъ, не киснемъ и послѣ одной неудачи бодро беремся за дѣло вновь. А они?.. При первомъ легкомъ дуновеніи невзгоды, они безсильно опускаютъ руки и падаютъ, потому что у нихъ нѣтъ опоры. Потомъ, когда имъ откуда нибудь случайно подвернется кушъ, они оживаютъ, опять падаютъ, пока не упадутъ такъ низко, что никакое золото ихъ не подыметъ. И они превращаются въ прихлебателей золотой еще не вовсе прокутившейся молодежи, въ шулеровъ, въ альфонсовъ—все это кажется имъ лучше труда, лучше грошоваго, но честнаго заработка...

Замойскій увлекся нарисованной имъ характеристикой и не могъ остановиться. Онъ продолжалъ:

— *Мы*, которыхъ они величаютъ богемой, должны иногда прибѣгать ко сдѣлкамъ съ совѣстью, къ компромиссамъ, къ ухищреніямъ, къ обманамъ; но мы это дѣлаемъ съ болью въ сердцѣ, съ душевной тоской, въ силу крайней необходимости, когда приходится спасать убѣгающую жизнь, въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. *Они* взросли на компромиссахъ и приступаютъ къ нимъ съ легкимъ сердцемъ. Мы голодаемъ, богемствуемъ на *свои* деньги, они—роскошествуютъ на чужія, загребленныя, выклянченныя, присвоенныя... Нѣтъ, они та же богема, но богема золоченая, мишурная, бель-этажная... они въ тысячу разъ хуже и опаснѣе для порядка и для общества, чѣмъ мы, потому что въ нравственномъ отношеніи они тѣ же богемцы. Къ нравственности они относятся также, какъ къ деньгамъ. Поймите это наконецъ всѣ вы, которые увлекаетесь ихъ нахальнымъ апломбомъ, ихъ мишурной, легко сползающей позолотой. Я Воеводскаго не часто встрѣчалъ... Но вѣдь это не сфинксъ и я разгадалъ его, не будучи хитрымъ Эдипомъ. Я снялъ съ него маску... Почему же вы... такая хорошая, славная... артистка въ душѣ, женщина съ чуткимъ сердцемъ,—почему вы не хотите его понять? Вы его любили... кто знаетъ, можетъ быть, любите и теперь...

Она сдѣлала негодующій жестъ.

Digitized by Google

— Теперь вы его ненавидите,—продолжалъ онъ, не замѣтивъ въ своемъ увлеченіи ея негодованія:—и любовь, и ненависть ваша... слишкомъ много для него чести. Онъ заслуживаетъ только презрѣнія.

Подавленная, она молчала. Все накипѣвшее на ея душѣ, все наболѣвшее въ ней разрѣшилось слезами. Пока Замойскій говорилъ свою вдохновенную рѣчь, ей было много времени для того, чтобы успокоиться. Дѣйствительно теперь, въ этой мастерской, чувствуя близость друга, слушая его сочувственныя слова, видя искренность и горячность этого человѣка, она вздохнула свободнѣе и уже не считала себя такой падавленной, такой несчастной, такой оброшенной... И она стала вѣрить въ возможность спасенья.

Тишина водворилась въ комнатѣ. Оба молчали; онъ, утомленный своей рѣчью, она—подъ впечатлѣніемъ его словъ, которымъ жадно внимала. И, не смотря ни на что, она не чувствовала въ себѣ того презрѣнія,—въ сущности сильнѣйшей степени ненависти,—о которомъ говорилъ художникъ. Потомъ, постепенно переходя къ дѣйствительности, она заговорила:

— Я рѣшилась искать работы и на послѣднія деньги пріѣхала въ Петербургъ, оставивъ ребенка въ хорошихъ рукахъ, на попеченіе хозяйки, которая его горячо полюбила. У меня нѣтъ ужь ни пріюта, ни друзей, ни знакомыхъ. Я думала условиться съ художникомъ, выпросить задатокъ и вернуться на день въ Царское... И это не удалось. Рекомендуйте мнѣ кого нибудь, кому нужна натурщица,—спокойно сказала она.

— Бросьте это, мы придумаемъ что нибудь лучшее.—Онъ подошелъ къ комоду, вынулъ оттуда десятирублевку, проклиная себя за то, что всѣ деньги отдалъ Воеводскому, тогда какъ теперь могъ бы существенно помочь Аннѣ Яковлевнѣ. Но онъ ничего не упомянулъ объ этихъ деньгахъ и, подойдя къ ней, робко, неувѣренно, весь красный отъ смущенія, сказалъ:

— Анна Яковлевна! Сдѣлайте мнѣ одолженіе... прошу васъ, не откажите взять вотъ эти десять рублей... Они вамъ теперь помогутъ, ну—хоть на три дня.

Она покраснѣла до корня волосъ.

— Я не хотѣла бы милости, я хотѣла бы заработать ихъ трудомъ. Развѣ вамъ не нужно натурщицы? вѣдь вы публиковали...

Digitized by Google

Онъ окончательно смутился.

— Какъ не нужно?—необдуманно воскликнулъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, я беру это, какъ задатокъ... я заработаю.

— Ради бога, не надо, не надо... я найду, я обойдусь... возьмите это отъ друга,—бормоталъ онъ.

— Но какъ же вы... сами?

— О, не безпокойтесь, у меня еще остались деньги,—солгалъ онъ.

Она торопилась, чтобы захватить поѣздъ.

— Который часъ?—спросила она.

Но у него часовъ не было и онъ побѣжалъ къ сосѣду справиться о времени.

— Теперь часъ,—сказалъ онъ, вернувшись.

Анна Яковлевна вскрикнула.

— Боже мой, я пропустила послѣдній поѣздъ! Что мнѣ теперь дѣлать?..

— Оставайтесь у меня,—просто и радушно сказалъ онъ.— Ночуйте здѣсь... о, не безпокойтесь, я пойду къ товарищу...

И, не слушая ея возраженій, протестовъ и криковъ, онъ быстро схватилъ шапку и пальто и, сказавъ ей въ дверяхъ, что вернется завтра утромъ, еще быстрѣе сбѣжалъ по лѣстницѣ, предварительно сунувъ ей ключъ отъ своей квартиры.

XVII.

Отецъ Воеводскаго не пріѣхалъ съ утреннимъ поѣздомъ. Василій Ивановичъ растерялся. Онъ прождалъ до 5 часовъ вечера. Что ему дѣлать? Откуда взять денегъ?.. Онъ опять вспомнилъ о часахъ и послалъ Казиміра заложить ихъ. Когда Казиміръ принесъ ему выданные кассою ссудъ двѣсти двадцать пять рублей,—онъ обрадовался и уже забылъ о тѣхъ чужихъ ста рубляхъ, которые наканунѣ растратилъ. Ни мысли объ Аннѣ, ни мысли о Замойскомъ ему не приходило въ голову. Одна мысль вытѣснила всѣ другія—это мысль о вечерней игрѣ, о рулеткѣ. Онъ задумалъ выиграть, непремѣнно, во что бы то ни стало выиграть. Какъ всѣ люди расшатанные и не чувствующіе почвы подъ своими ногами, онъ вѣрилъ во всевозможныя примѣты. Примѣты — что-то стихійное, внѣ насъ ле-

Digitized by Google

жащее, не отъ насъ зависящее, какое-то полуязыческое вѣрованье въ таинственный фатумъ. Люди прячутся за эти вѣрованья, которыя служатъ имъ убѣжищемъ въ ихъ безсиліи быть хозяевами своей жизни. Воеводскій, какъ бы случайно, хотя не безъ намѣренія, разсыпалъ коробку спичекъ, что̀ всегда служило признакомъ полученія денегъ. Онъ тщательно собралъ ихъ, уложилъ вновь въ коробку и успокоился: сегодня онъ получитъ деньги. Онъ только что собирался незамѣтно выйти, какъ предъ нимъ предсталъ Казиміръ.

— Нехъ баринъ дастъ мнѣ денегъ! — заявилъ онъ, становясь въ дверяхъ, и въ голосѣ его звучала настойчивость.

— Но у меня ихъ нѣтъ, Казиміръ...—отвѣтилъ онъ.

— Какъ нѣтъ, баринъ? Я же вамъ принесъ.

— Но онѣ нужны мнѣ до зарѣзу самому...

— А мнѣ, панъ думаетъ, не нужно?.. Крестъ на мнѣ съ этими деньгами!.. — Казиміръ иногда сбивался на польскій языкъ, въ особенности когда злился, и по этому признаку Воеводскій всегда угадывалъ настроеніе лакея. Онъ почувствовалъ, что ему не отвертѣться, и, быстро сунувъ въ руку Казиміра двадцатипятирублевку, скрылся.

Совершенно неожиданно Воеводскій увидѣлъ у подъѣзда пролетку Никанора. На козлахъ сидѣлъ самъ Никаноръ, невозмутимый и степенный, и очевидно ждалъ барина, какъ ни въ чемъ ни бывало. Онъ пронюхалъ черезъ Казиміра, что ожидается къ вечеру «папашенька» молодаго барина, и зналъ, что сынъ будетъ опять при деньгахъ.

Лидія Викторовна встрѣтила Воеводскаго очень любезно: она успѣла заложить утромъ свои брильянты и была по этому случаю очень весела; она мило поблагодарила его за подарокъ. У нея было много гостей. На столѣ въ гостинной были разставлены поднесенные ей подарки: конфекты въ изящныхъ и дорогихъ бонбоньеркахъ, статуэтки, ящики духовъ и цвѣты, цвѣты, цвѣты... «слишкомъ много цвѣтовъ», между которыми красовалась и арфа Воеводскаго.

Обѣдъ прошелъ шумно и весело; много ѣли, еще больше пили. Лидія Викторовна была обворожительна; туалетъ ея былъ элегантенъ. Онъ былъ выписанъ недѣли за двѣ до этого дня изъ лучшей мастерской Парижа и стоилъ баснословныхъ денегъ, которыя были съ трудомъ собраны и заняты гдѣ только

Digitized by Google

возможно. Онъ состоялъ въ гладкомъ, очень открытомъ лифѣ изъ синяго, ласкающаго взоръ, дорогаго бархата. Вырѣзъ лифа и очень пышные бархатные рукава были красиво драпированы шолковымъ муслиномъ съ золотой вышивкой; грудной фестонъ этой отдѣлки былъ схваченъ брильянтовой брошкой, только что полученной въ подарокъ и которую не успѣли заложить. Широкій атласный кушакъ, съ пестрой вышивкой и отдѣланный внизу широкой бахромой, перехватывалъ ея тоненькую талью и имѣлъ видъ шарфа, украшавшаго своими длинными концами юбку съ небольшимъ трэномъ до самаго подола; къ тальѣ шарфъ былъ приколотъ букетомъ изящныхъ живыхъ цвѣтовъ, набранныхъ изъ поднесенныхъ корзинъ. Голова ея,—съ мелко завитыми спереди волнистыми волосами, подобранными къ верху, такъ что не закрывали небольшаго матоваго лба, съ косою, причесанною à la grec сзади,—была украшена вѣнкомъ изъ тѣхъ же цвѣтовъ, что были приколоты къ кушаку.

Вскорѣ послѣ обѣда, начали съѣзжаться гости, приглашенные къ вечеру. Домъ Словенской былъ очень странный домъ. Въ немъ бывали всѣ: высокопоставленные сановники, начинающіе поэты, выдающіеся художники, знаменитые музыканты, прожектеры, игроки, артисты, «знатные иностранцы», пріѣзжіе генералы и администраторы, банкиры, дѣльцы, адвокаты, представители родовитыхъ фамилій, бюрократіи, плутократіи, ничего недѣланья, прожиганья жизни и пр. Это была *улица* чуть не въ полномъ ея составѣ: «смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній». Какъ и гдѣ всѣ эти люди съ ней знакомились и какимъ образомъ попадали въ домъ—никому не было извѣстно, ни даже ей самой. Но всѣ очень любили посѣщать ея салонъ: тамъ можно было хорошо выпить и поѣсть, много выиграть, еще больше проиграть; тамъ гости чувствовали себя легко, свободно, нѣсколько даже sans-façon. Входили, почти не замѣчая хозяйки; уходили, не прощаясь; дѣлали, что хотѣли, врали, что взбредетъ на умъ и пр. Такое времепровожденіе посѣтители называли почему-то: «держать себя по американски».

У Лидіи Викторовны была страсть дѣлать вечера съ приманкой. То у нея долженъ былъ пѣть баритонъ, кумиръ столичныхъ дамъ, то разсказывать сценки извѣстный blagueur и разсказчикъ, то пѣть хоръ цыганъ...

*

Digitized by Google

Сегодня у нея былъ вечеръ съ рулеткой. Это было, по крайней мѣрѣ, и ново, и оригинально, и куда интереснѣе всякаго пѣнья, разсказовъ и танцевъ. Она демонстрировала сегодня нѣкоего «знатнаго иностранца», пріѣзжаго испанца изъ Барселоны. Никто изъ гостей, и она сама, не знали въ точности его рода-племени, его соціальнаго положенія, не знали даже, какъ слѣдуетъ, его имени. Одни называли его baron, другіе mon prince, третьи просто—monsieur. Одинъ шутникъ величалъ его все время président, самъ не зная почему, и шепча всѣмъ на ухо, что господинъ съ такой черномазой физіономіей и роскошной шевелюрой, цвѣта воронаго крыла, не можетъ быть никѣмъ инымъ, какъ президентомъ одной изъ южно-американскихъ республикъ. Большинство называло его просто: *Барселонцемъ*. Барселонецъ держалъ себя великолѣпно: осанисто и съ достоинствомъ. Онъ былъ въ безукоризненно-бѣлоснѣжной сорочкѣ съ брильянтовыми запонками, въ превосходномъ фракѣ съ розеткой какого-то экзотическаго ордена въ петлицѣ. Онъ прибылъ годъ тому назадъ въ столицу, показывался въ обществѣ рѣдко и дѣлалъ видъ, что пріѣхалъ въ Россію по своимъ дѣламъ, для привлеченія инертныхъ русскихъ капиталистовъ къ какому-то чрезвычайно доходному предпріятію. Въ послѣднее время онъ быстро втерся въ аристократическіе дома, отчасти благодаря покровительству дамъ и въ особенности благодаря Лидіи Викторовнѣ, легкомысленно снабжавшей его рекомендательными письмами сановниковъ и вообще популяризировавшей его страшно. Благодаря еще его рулеткѣ, Барселонца требовали на расхватъ. Рулетку онъ привезъ съ собой; это была обыкновенная рулетка, но приспособленная для домашняго употребленія: разграфленная клеенка и колесо. Подъ шумокъ ходили слухи, что онъ ни больше, ни меньше, какъ агентъ одного банкирскаго дома, которому запрещены были операціи въ Россіи, благодаря его хищнической дѣятельности. Другіе называли его просто шулеромъ. Но въ сущности никто не могъ сказать о немъ ничего опредѣленнаго и, видя его принятымъ въ лучшихъ домахъ, всѣ умолкали.

Въ гостинной было шумно. Въ разныхъ углахъ велись самые разнообразные разговоры: гдѣ толковали о модахъ, гдѣ о театрахъ, гдѣ объ ожидающейся свадьбѣ, на которую приглашенъ tout Pétersbourg; гдѣ о смерти министра, гдѣ о теку-

Digitized by Google

щихъ дѣлахъ и злобахъ дня. Вѣнценосцевъ увивался за Словенской и говорилъ ей неуклюжіе комплименты; но она относилась къ нему и его комплиментамъ пренебрежительно; Горемыкинъ, какъ тѣнь, ходилъ за великимъ свѣтиломъ адвокатуры и жадно внималъ его словамъ; какой-то господинъ поймалъ Вѣнценосцева и интервьюировалъ его относительно существующихъ законоположеній для товариществъ на паяхъ, на вѣрѣ и на акціяхъ. Адвокатъ уклонился отъ дачи объясненій, сухо замѣтивъ дѣльцу:

— Я въ частныхъ домахъ не даю юридическихъ консультацій...

— Но я хотѣлъ вамъ предложить участіе въ весьма выгодномъ предпріятіи...

— У меня нѣтъ для выгодныхъ предпріятій свободныхъ капиталовъ...—Потомъ ему вздумалось пріятельски подшутить надъ Воеводскимъ и онъ сказалъ приставшему къ нему господину:—другое дѣло, если вы обратитесь съ этимъ къ m-r Воеводскому. Онъ человѣкъ съ большими средствами.

— А... въ самомъ дѣлѣ?! Я не зналъ этого...

— Да, да, обратитесь къ нему.

Дѣлецъ изловилъ Воеводскаго.

— Удѣлите мнѣ минуту времени, monsieur Воеводскій...— мягкимъ и заискивающимъ тономъ сказалъ онъ ему, нѣжно тронувъ его за пуговицу сюртука.

— Что вамъ угодно?

— Самое лучшее, если мы пойдемъ въ курильную или въ буфетъ... тамъ меньше народу и мы поговоримъ на свободѣ.— Замѣтивъ его недовольную мину, онъ поспѣшилъ его успокоить:—О! не бойтесь, я задержу васъ не болѣе пяти минутъ.

«Кредиторъ»! съ ужасомъ подумалъ Воеводскій и, какъ приговоренный, поплелся за нимъ, понуривъ голову.

Уединившись, дѣловой господинъ наконецъ сказалъ ему:

— Я хочу вамъ предложить одно выдающееся выгодное дѣло. Видите ли, для человѣка, обладающаго солидными и свободными капиталами—это кладъ... Много ли процентовъ вы получите на свой капиталъ, если держите его въ государственныхъ бумагахъ?..

«Какой такой у меня капиталъ»? съ недоумѣніемъ думалъ Воеводскій, слушая и ничего не понимая.

Digitized by Google

— Между тѣмъ, то дѣло, которое я имѣю въ виду предложить вамъ—вѣрное дѣло... Оно, положимъ, еще молодое и не гарантированное правительствомъ... но мы думаемъ привлечь къ нему самые выдающіеся банкирскіе дома Европы: Блейхредеръ уже согласился, въ принципѣ, конечно... Мы организуемъ «товарищество на акціяхъ искателей жемчуговъ по берегамъ Средиземнаго моря». Итальянское правительство очень заинтересовано этимъ дѣломъ, а такъ какъ оно находится въ тройственномъ союзѣ съ Германіей, то германскіе капиталисты, конечно, не откажутъ въ своихъ фондахъ новому и смѣлому предпріятію...—Онъ быстро вынулъ изъ своего кармана какую-то бумажку съ бланкомъ, напечатаннымъ жирнымъ шрифтомъ: «I pescatori di Perli».—Я не хочу вводить васъ въ заблужденіе,—продолжалъ онъ:—въ первый годъ или даже во второй, дивидендъ съ акцій нужно считать весьма проблематичнымъ и даже... можно разсчитывать на нѣкоторый дефицитъ; третій годъ сведемъ концы съ концами, а четвертый дастъ уже прибыль, которая будетъ расти и прогрессировать неудержимо...

Воеводскій чуть не расхохотался.

— Но откуда вы взяли, что у меня есть капиталы... т. е. свободные капиталы? У меня все состояніе въ имѣньѣ, въ землѣ.

— Меня направилъ къ вамъ г. Вѣнценосцевъ, указавъ на васъ, какъ на капиталиста,—сразу охладѣвъ и утерявъ къ нему елейную нѣжность, сказалъ дѣлецъ.

Воеводскій обозлился. «А, онъ вздумалъ меня вышучивать... негодяй»! Онъ вышелъ изъ курильни и направился въ залу. Тамъ окружили Барселонца, который дурнымъ русскимъ языкомъ, въ перемѣжку съ французскимъ, разсказывалъ о необыкновенно дурныхъ условіяхъ жизни въ Барселонѣ.

— Тамъ вредоносный климатъ,—говорилъ онъ.—Міазматически... вѣчны эпидеміи... всякіи колера, тифусъ... disenteria... C'est un trou...

Къ Воеводскому подошелъ генералъ.

— Когда пріѣзжаетъ отецъ?—спросилъ онъ.

— Сегодня.

— Отчего вы ко мнѣ не заѣдете? Я представлю васъ моей дочери. Une charmante personne... И мы бы потолковали о мѣстѣ для васъ. Нужно служить, нужно служить.

Digitized by Google

Воеводскій отвѣтилъ сдержанно:

— Очень благодаренъ за любезное приглашеніе, Степанъ Ѳерапонтычъ, и непремѣнно имъ воспользуюсь...

Дѣлецъ уже приставалъ къ другому гостю, горячо изъясняя ему что-то. Воеводскій, проходя мимо, заинтересовался и остановился послушать.

— Вотъ видите ли—говорилъ дѣлецъ съ необыкновенно важнымъ видомъ, постоянно поправляя усы и золотыя очки, соскальзывавшія съ его носа:—вамъ, конечно, извѣстно, что дрезденская картинная галерея занимаетъ въ Европѣ первое мѣсто и принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ хранилищъ великихъ произведеній живописи. Въ ней находятся образцовые экземпляры счастливой эпохи процвѣтанія искусствъ...

— Да, но въ чемъ же дѣло?—прервалъ его собесѣдникъ.

— Сейчасъ. И, въ особенности, рѣдкое по количеству собраніе картинъ итальянской школы. Но истинное ея достоинство заключается въ несомнѣнно доказанной подлинности ея сокровищъ...

«Онъ говоритъ, какъ путеводитель»,—подумалъ Воеводскій, тщетно стараясь себѣ уяснить, къ чему клонится дѣло.

— Вся коллекція картинъ, — невозмутимо продолжалъ тотъ,—достигаетъ до 2,400, и онѣ размѣщены въ 54-хъ комнатахъ и залахъ.

— Виноватъ... не лучше ли намъ сѣсть?—перебила обезкураженная жертва дѣльца, со стоическимъ мужествомъ приготовляясь выслушать историческій очеркъ дрезденской галереи и недоумѣвая, къ чему ему нужно знать подробности объ этомъ хранилищѣ.

— Сейчасъ. Вотъ я и хочу доложить вамъ: въ числѣ этихъ двухъ тысячъ четырехсотъ картинъ есть одна подъ № 72... Она называется: Мадонна la belle jardinière... принадлежитъ къ римской школѣ, но это только *копія* съ Рафаэля. Понимаете—*копія*!

— Ну, такъ что же?

— Какъ что же? Поми-и-луйте! — взвизгнулъ дѣлецъ.—Я знаю, гдѣ хранится оригиналъ. Понимаете: ори-ги-налъ! У одной старухи на Охтѣ. Да-съ... У нея Мадонна la belle jardinière *самого* Рафаэля. И она проситъ пустяки—всего пять-

Digitized by Google

сотъ тысячъ... Еслибы образовать синдикатъ капиталистовъ, мы бы ее продали дрезденской галереѣ много дороже. Мы бы взяли милліонъ...

— И даже меньше,—громко сказалъ, отходя, Воеводскій.

Дѣлецъ окинулъ его негодующимъ взглядомъ и проговорилъ:

— Онъ глупъ. Это блестящее дѣло, увѣряю васъ... Я давно васъ знаю и потому обратился къ вамъ. Это дѣло блестящее... только надо найти пятьсотъ тысячъ...

— Сущіе пустяки,—засмѣялся тотъ и хотѣлъ удалиться.

— Послушайте,—остановилъ его дѣловой человѣкъ, хватая за руку, и конфиденціально-дѣловитымъ тономъ спросилъ: — нѣтъ ли у васъ сейчасъ при себѣ тысячи рублей? А? Я отдамъ вамъ черезъ двѣ недѣли... какъ только мое дѣло опредѣлится...

— Какое дѣло?

— А о товариществѣ искателей жемчуговъ...

— Нѣтъ у меня денегъ.

— Ну, сто рублей?—быстро спросилъ дѣлецъ.

— И этого нѣтъ.

— Ну, можетъ быть, пять?

Тотъ, смѣясь, сунулъ ему синенькую бумажку, чтобы отвязаться.

Въ большой гостинной собирались играть въ рулетку. Jean, по требованію Барселонца, принесъ клеенку и рулеточное колесо, привезенныя съ собой иностранцемъ и оставленныя въ передней. Клеенка была небольшая, разграфленная по всѣмъ правиламъ, съ красными и черными цифрами. Ее положили на столъ и поставили рядомъ плоскую тарелочку съ крутящимся колесомъ. Какая-то дама приставала къ Барселонцу съ разспросами о техникѣ игры, которую она не твердо знала. Она держала уже въ рукахъ нѣсколько золотыхъ и вся горѣла желаніемъ «поставить» и выиграть. Глаза ея искрились, дыханіе прерывалось и она съ жадностью старалась уловить и постигнуть смыслъ его объясненій. Къ ней присоединились и другіе.

— На какой же нумеръ мнѣ ставить?—спрашивала она.

— Oh, madame, какой кочете... en plein, c'est à dir un seul numero... противъ васъ тридцать пьять шансы, но зато вы

Digitized by Google

получите тридцать пьять кушъ... Можно à cheval—два нумера, что̀ есть семнадцать шансъ... Transversale pleine—три нумеръ—одиннадцать шансъ... Un carré—четыре нумеръ... восемь кушъ... Enfin bas de colonnes—deux colonnes, douze numéros... tout simplement rouge et noir, pair, impair, zéro, passe, manque... comme vous voudrez...

Сѣли за игру. Столъ покрылся золотыми монетами. Барселонецъ, забывшись и войдя въ ражъ, съ глазами, въ которыхъ при видѣ золота мелькали искры алчности, выкрикивалъ, какъ настоящій, заправскій крупье:

— Rien ne va plus!.. Rouge, impair, manque, vingt et un.

— Всегда играйте на равные шансы,—совѣтовалъ кто-то Воеводскому.—Выждите серію. Иногда она даетъ пятнадцать подъ рядъ. Тутъ нужно чутье, чтобы выдержать и не поколебаться...

Воеводскій хладнокровно, мужественно ставилъ свои ставки, размѣнявъ двѣсти рублей на золото. Въ первый разъ, желая попробовать счастья, онъ поставилъ два золотыхъ en plein. Въ надеждѣ взять въ тридцать шесть разъ больше—онъ ихъ проигралъ. Затѣмъ поставилъ на rouge и выигралъ; оставилъ кушъ на томъ же цвѣтѣ и опять выигралъ. Вспомнивъ совѣтъ держаться стойко серіи, онъ проигралъ четыре раза подъ рядъ. Тогда онъ вздумалъ переждать: красные взяли семь разъ одинъ за другимъ. Онъ поставилъ на шесть нумеровъ и взялъ пятерной кушъ, поставилъ карре и проигралъ. Вновь поставилъ пять разъ impair и вновь проигралъ... Дама, запасавшаяся свѣдѣніями, тоже проиграла всѣ свои золотые и, огорченная, собравъ всѣ свои силы, отошла отъ стола и даже удалилась въ слѣдующую комнату, чтобы не соблазняться.

Барселонецъ вошелъ совсѣмъ въ ражъ. Онъ спорилъ, кричалъ, топалъ ногами... Потъ лилъ съ него градомъ, волосы растрепались, голосъ осипъ. Онъ уже много забралъ денегъ, но надѣялся на еще большее. Лидія Викторовна доигрывала послѣднюю тысячу. Вспомнивъ, что ей сегодня стукнуло сорокъ одинъ годъ, она непремѣнно хотѣла поставить на цифру 41, вѣря въ сумашедшее счастье, и молча отыскивала этотъ нумеръ, никому, конечно, не выдавая своихъ лѣтъ. Но такого нумера не было, и она поставила en plein на самый старшій—на тридцать шесть—крупный кушъ.

Digitized by Google

— Oh, madame, ne risquez pas!—воскликнулъ Барселонецъ, глаза котораго заблистали.

— Allez,—беззвучно отвѣтила она.

Колесо завертѣлось.

— Vingt quatre... pair...—закричалъ онъ.

Лидія Викторовна проиграла все до копѣйки, и побѣжала отыскивать денегъ. У Воеводскаго тоже ничего не осталось и онъ ей сухо отказалъ, обозленный неудачей. Зато Вѣнценосцеву везло, какъ утопленнику. Съ свойственной ему жадностью онъ поставилъ на красную серію одинъ золотой и взялъ подъ рядъ восемь разъ. Онъ выигралъ двѣ тысячи пятьсотъ пятьдесятъ рублей, считая полуимперіалы по номинальной цѣнѣ въ пять рублей. Потомъ онъ поставилъ сто рублей—двадцать полуимперіаловъ—на carré и опять выигралъ восемьсотъ рублей. Забравъ деньги, онъ спокойно пересчиталъ и уложилъ ихъ въ портфель, заперъ его на ключъ и, отойдя отъ стола, больше и не подходилъ къ нему во весь вечеръ.

Встрѣтивъ уныло бродящаго Воеводскаго, онъ спросилъ:

— Продулъ? Перехвати у меня...

— Убирайся.

— Дайте мнѣ,—услышавъ ихъ разговоръ, сказала Лидія Викторовна, и онъ ей вручилъ, послѣ нѣкотораго чуть замѣтнаго колебанія... двѣсти рублей. Она схватила деньги, врядъ ли видя, сколько ихъ, и помчалась къ столу.

— Послушайте, Вѣнценосцевъ,—сказалъ ему Воеводскій:—довольно намъ лицемѣрить другъ съ другомъ. Мы говоримъ другъ другу «ты», и повидимому пріятели, но, кажется, не чувствуемъ другъ къ другу особенной симпатіи. Я понимаю всякую шутку, кромѣ глупой... а вы очень глупо подшутили надо мной, пославъ ко мнѣ какого-то полоумнаго господина съ предложеніемъ выгоднаго дѣла. Я никому не позволю вышучивать себя... вамъ менѣе, чѣмъ кому либо другому...

Тотъ немного сконфузился; онъ хотѣлъ отвѣтить дерзостью, но счелъ за лучшее разсмѣяться и пошутить:

— Я не зналъ, что *вы* не понимаете шутокъ. Прошу прощенья.

Въ гостинной продолжалась рулетка. Лидія Викторовна снова играла и снова проигрывала. Воеводскій пошелъ взглянуть на игру. Онъ смотрѣлъ съ вожделѣніемъ на столъ, усыпанный зо-

Digitized by Google

лотомъ. Теперь онъ опять безъ копѣйки, а какъ хорошо было бы выиграть! Ему сдѣлалось тошно и онъ ушелъ въ маленькую гостинную. Здѣсь та же дама, которая приставала къ Барселонцу передъ игрой, теперь прижала къ стѣнѣ военнаго доктора и осыпала его такими же страстными вопросами по другому, интересовавшему ее, дѣлу:

— Что дѣлать въ такомъ случаѣ?—допекала она его.

— Гмъ... Мало ли что... Есть разныя анестезирующія средства,—отвѣчалъ тотъ.

— Но какія, какія?..

— Ну, этого я вамъ не скажу...

— Да отчего же, помилуйте... если мнѣ нужно.

Она начала что-то горячо шептать ему на ухо. Воеводскій окинулъ ее взоромъ и взглянулъ на талію. Онъ улыбнулся и пошелъ дальше. Дѣлецъ тоже приставалъ къ кому-то съ новымъ предложеніемъ.

— Организуется новая компанія для утилизаціи морскихъ приливовъ,—говорилъ онъ, объясняя своей новой жертвѣ всѣ выгоды предложеннаго имъ анонимнаго общества. Онъ говорилъ глупости, но съ такимъ серьезнымъ и дѣловитымъ видомъ, что нельзя было не разсмѣяться.

Въ углу, въ одиночествѣ, Воеводскій замѣтилъ какого-то восточнаго человѣка въ національномъ костюмѣ и ему ни съ того, ни съ сего захотѣлось вдругъ пошутить надъ нимъ. Онъ удержался, но сумашедшее желаніе не давало ему покоя.

— Князь, а князь...—сказалъ онъ.

— Чего это?

— Не правда ли, что трижды три суть триста?

Восточный человѣкъ не понялъ и радостно закивалъ головой, въ видѣ утвержденія. Когда же онъ раскусилъ, въ чемъ дѣло, и по привычкѣ нервно схватился за кинжалъ, Воеводскій былъ далеко. Князь всталъ и остановилъ проходившаго мимо него дѣловаго человѣка.

— Послушайте, вы не знаете, какой это человэкъ?—спросилъ онъ, указывая на удалявшагося Воеводскаго.

Тотъ прищурился.

— А—а... знаю, какъ же! Дрянь... у него и пяти рублей не займешь.

Князь опять хотѣлъ обидѣться, подумавъ, что его подозрѣ-

Digitized by Google

ваютъ въ желаніи занять денегъ, но опять опоздалъ и вернулся въ свое уединеніе.

Игра кончилась. Барселонецъ былъ въ страшномъ выигрышѣ. За ужиномъ Вѣнценосцевъ ораторствовалъ, Горемыкинъ подхалимничалъ передъ нимъ и, замѣтивъ установившуюся холодность между великимъ человѣкомъ и Воеводскимъ, въ свою очередь охладѣлъ къ нему и пересталъ его замѣчать. Барселонецъ спрашивалъ, не знаетъ ли кто нѣкоего Снѣжина, московскаго богача-фабриканта, и собственно не его, а его сына; счастливый герой вечера много пилъ и ѣлъ. Восточный человѣкъ, неизвѣстно какъ попавшій на этотъ вечеръ къ Словенской, пилъ еще больше, пучилъ глаза, отдувался и икалъ. Дѣлецъ, молча, сосредоточенно ѣлъ, ни съ кѣмъ не разговаривая и очевидно обдумывая одно изъ своихъ выгодныхъ предпріятій. Докторъ, смѣясь, разсказывалъ не отставшей отъ него дамѣ о Zweikindersystem. Та приставала ко многимъ съ вопросомъ, что̀ значитъ анестезирующее средство. Двое-трое смѣялись надъ этимъ вопросомъ. Воеводскій и Лидія Викторовна сидѣли мрачные—оба проиграли, имъ было не до разговоровъ. Первый курилъ, вторая пила рюмку за рюмкой. Какой-то офицеръ разсказывалъ своей сосѣдкѣ, что онъ не признаётъ женщинъ съ классическими чертами лица и предпочитаетъ имъ тѣхъ, у которыхъ въ красотѣ есть какой нибудь «дефектъ»... Его сосѣдка, обладательница многочисленныхъ дефектовъ, по кошачьи щурилась и пріятно осклаблялась.

Вечеръ кончался. Былъ третій часъ, и Воеводскій уѣхалъ.

XVIII.

Пріѣхавъ домой, онъ засталъ отца въ халатѣ; Иванъ Ѳедоровичъ лежалъ на диванѣ въ гостинной и читалъ послѣдній романъ Жйпа, немилосердно накуривъ въ комнатѣ. Это былъ еще не старый человѣкъ, а съ виду и совсѣмъ молодой. Низко остриженный, съ свѣтло-русой бородкой à la Henry IV и выхоленными усами, онъ имѣлъ чрезвычайно бодрый, молодцоватый видъ. Цвѣтъ волосъ на коротко-остриженной головѣ и въ бородѣ скрывалъ сѣдину. Привычка къ продолжительнымъ путешествіямъ сдѣлала его практичнымъ въ томъ отношеніи, что онъ всегда и вездѣ умѣлъ комфортабельно устроиться. И

Digitized by Google

теперь, пріѣхавъ къ сыну, онъ выбралъ себѣ уголокъ въ гостиной, досталъ отъ Казиміра ширму, къ дивану придвинулъ низенькій достарханъ, установилъ на немъ подсвѣчникъ съ четырьмя свѣчами подъ зеленымъ абажуромъ, разложилъ курительныя принадлежности, облачился въ халатъ и, съ наслажденіемъ затягиваясь ароматическимъ табакомъ, принялся за чтеніе. Онъ ничего не читалъ, кромѣ французскихъ романовъ въ подлинникѣ, да и то не всѣхъ авторовъ одобрялъ: Золя онъ любилъ, пропуская однако «сплошныя страницы» и читая только діалоги и дѣйствіе; Мопассана читалъ всего сплошь, Буржэ не любилъ, Онэ ненавидѣлъ, а Лоти терпѣлъ. Особенное пристрастіе почувствовалъ онъ въ послѣднее время къ Жипу, находя, что его манера идеальная и должна служить образцомъ каждому романисту: ничего лишняго, никакихъ вступленій, отвлеченій, послѣсловій, описаній природы, ничего... прямо дѣйствіе и діалогъ,—живой, блестящій, остроумный. Нѣмецкихъ романистовъ онъ рѣшительно не переваривалъ, находя, что ихъ романы по своему кислому сантиментализму годятся лишь для институтокъ; англійскихъ романовъ тоже не признавалъ, находя ихъ добродѣтельными до одуренія; онъ увѣрялъ, что англійскіе романисты могутъ довести читателя до ненависти къ добродѣтели. Русскихъ писателей онъ отрицалъ in corpore, оставаясь, впрочемъ, вѣрнымъ Лермонтову и Пушкину, не смотря на то, что и они «подражатели».

Сынъ встрѣтился съ отцомъ, какъ добрый знакомый: пожалъ ему по пріятельски руку и любезно освѣдомился о здоровьѣ.

— Гдѣ ты шатался?—спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ, не выпуская жолтенькой книжечки изъ рукъ.

— У Лидіи Викторовны...

— Что у тебя за манера называть своихъ дамочекъ по именамъ. Почемъ я знаю?..

— Словенская.

— А—а! Продолжается? Но причемъ же тогда...

Онъ хотѣлъ спросить о письмѣ Василія, такъ встревожившемъ его, но удержался, ожидая, что сынъ заговоритъ первый.

— Не мѣшай мнѣ читать... Я хочу кончить главу. Уже три часа. Завтра поговоримъ. Bon soir...

— Папахенъ, нѣтъ ли у тебя денегъ?

— Зачѣмъ тебѣ ночью деньги?

Digitized by Google

— Не ночью, а къ-утру нужны.

— Надѣюсь, увидимся утромъ?..

Они разстались. На слѣдующее утро встали поздно, прямо къ завтраку. Василій Ивановичъ, какъ только отецъ заговорилъ о письмѣ и о Пантеонѣ, сейчасъ же принялъ шутовской тонъ, который онъ иногда эксплуатировалъ въ разговорахъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, для того чтобы скрыть свои настоящія мысли и чтобы имѣть на всякій случай отступленіе: все превратить въ шутку.

— И что у тебя за манера, Василій,—говорилъ ему отецъ:— какъ только зайдетъ рѣчь о серьезномъ дѣлѣ, ты впадаешь въ кретинизмъ. Или ты, дѣйствительно, не умѣешь иначе разговаривать, какъ по идіотски?

Они обѣдали дома. Послѣ обѣда, вышли прогуляться безъ опредѣленной цѣли, куда глаза глядятъ, не зная, какъ бы провести вечеръ. На улицѣ они продолжали разговоръ. «Состояніе кретинизма» не покидало Василія Ивановича, и онъ корчилъ изъ себя шута и гаэра самаго фатоватаго и пошловатаго тона.

XIX.

— Никогда, никогда и никогда...—говорилъ Иванъ Ѳедоровичъ, шагая рядомъ съ сыномъ.

— Однако, папаша...—возражалъ ему Василій Ивановичъ.

— Ничего не однако; я сказалъ.

— Но вѣдь и я сказалъ!

— Ты, мой другъ, забываешься.

— Ничего я не забываюсь, выражаясь твоимъ слогомъ, родитель.

— Какой я тебѣ «родитель»? Сколько разъ я тебѣ запрещалъ называть меня этимъ именемъ?

— Какъ, вы развѣ не родитель мой? А я и не зналъ. Вы бросаете тѣнь на память...

— Не смѣй касаться памяти твоей матери, несчастный... У тебя нѣтъ ничего святаго... куда, наконецъ, мы идемъ?!

— Въ Шато, по Фонтанкѣ...

— Глупо, mon fils. Ты такъ испошлился за своими кулисами, что даже разучился говорить и понимать по человѣчески.

Digitized by Google

— А вы, родитель...

— Опять? называй меня отецъ, рара, наконецъ, какъ хочешь, только не смѣй фамильярничать... Что я тебѣ—клубный пріятель, что ли?

— Первый слогъ—нота *fa*, второй—тысяча по французски... *mille*; третій—московскій ресторанъ *Яръ*, четвертый—отрицанье... *ни*, пятый—*чать*... Что такое «чать»?.. А, да это что-то древне-русское, если не ошибаюсь: «чать, вы все въ добромъ здоровьѣ, государь мой»? Угадайте все вмѣстѣ?

Иванъ Ѳедоровичъ даже остановился.

— Да, ты, что... вправду того?—спросилъ онъ и помоталъ пальцами у своего лба.

— Съ рогами вы хотите сказать? О, нѣтъ еще, нѣтъ... Это украшеніе...

— Ну, конечно, спятилъ. Онъ ничего не понимаетъ!... Ты разучился говорить съ людьми за своими кулисами...

— Это вы уже говорили, пап—па! Вы повторяетесь, пап—па! Я нахожу, что вы въ своей деревнѣ разучились говорить по закулисному, пап—па!

— Перестань кричать попугаемъ.

— Но вѣдь вы сами этого требовали, пап—па! Мы, дѣйствительно, другъ друга не понимаемъ. Въ наше время, у каждаго свой «волапюкъ». У театраловъ свой, у клубныхъ мушкетеровъ, къ которымъ ты принадлежалъ когда-то, свой, у мазинистокъ свой. Ну, хорошо, давай говорить на человѣческомъ языкѣ, какъ ты выражаешься, что̀ по твоимъ понятіямъ равносильно языку московскихъ свахъ. Ты непремѣнно хочешь, чтобы я женился.

— Да.

— Не знаю, для чего ты этого хочешь? для того ли, чтобы славный родъ Воеводскихъ не угасъ, или чтобы твои деньги, послѣ того какъ ты отправишься ad patres, не разошлись за кулисами разныхъ театровъ, при моемъ благосклонномъ содѣйствіи—повторяю—не знаю. Но знаю одно, что *я*, comprenez-vous: *я*—противъ всякихъ матримоній... Парижскій статистикъ Бертильонъ...

— Оставь свою невыносимую болтовню. Ну, что тебѣ Бертильонъ?

— И что̀ я Бертильону? Согласенъ, оставимъ г-жу Гекубу, т. е. я хотѣлъ сказать: г. Бертильона съ его статистикой

Digitized by Google

въ покоѣ. Я просто, безъ всякаго Бертильона и Шекспира, не хочу жениться ни на какой Гекубѣ. Это не согласно съ моими правилами.

— Ну, скажите, пожалуйста: не согласно съ его правилами! Какія такія у тебя правила, молокососъ?

— Сооруженіе въ гавани—молъ; органъ зрѣнія—око; сосъ? Что такое сосъ?! А, evrika: половина сосны—сосъ. А все вмѣстѣ мол-око-сосъ! Ха ха ха!..

— Нѣтъ, ты идіотъ, положительно идіотъ!

— Юпитеръ, ты сердишься—значитъ, ты не правъ,—вспомнилъ онъ слова, сказанныя ему Вѣнценосцевымъ.—Но мы удалились отъ темы. Revenons à nos moutons. Да, именно къ барашкамъ... я не хочу быть аркадскимъ пастушкомъ, но не прочь быть аркадійскимъ... Папашенька, вы бывали въ «Аркадіи»? т. е. не въ настоящей, а въ нашей, петербургской?

— Опять! Понесъ...

— ... «студентъ обычный бредъ!» краденое, папаша, краденое: плагіатъ-съ, наказуемый по статьѣ...

— Ну, вотъ извольте съ нимъ разговаривать послѣ этого?..

— Виноватъ, виноватъ; къ дѣлу! къ дѣлу! какъ говорятъ въ парламентѣ. Я вамъ объявилъ мой ультиматумъ: на вашей сухопарой генеральской дочкѣ я жениться не хочу. Но, не смотря на мою антипатію къ этого рода ассоціаціи, я готовъ, изъ послушанія родительской — pardon! — волѣ, жениться на m-lle Пантеонъ.

— Никогда, никогда, никогда!

— Опять! Зарядили одно и то же. Вы мнѣ напоминаете органчикъ.

— Basil, не смѣй говорить дерзости. Ну, подумай... жениться на... Пантеонъ... кафе-шантанной актрисѣ!

— А что жь?

— И имя-то у нея чортъ знаетъ какое: не то зданіе, не то башня...

— Слабыя познанія въ исторіи, мой бѣдный родитель.

— Какая-то канатная плясунья...

— Fi, papa! Какая плясунья? выдумали. Жрица искусства... артистка.

— Опереточная!

— А что жь? Вы, значитъ, не читали статью: «Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха»...

Digitized by Google

— Убирайся ты со своими статьями, въ которыхъ, à vrais dire, ты ни уха, ни рыла не смыслишь. Да скажи мнѣ, наконецъ, серьезно: ты шутишь, балаганишь, или спятилъ съ ума?

— Ни то, ни другое, ни третье. Я говорю серьезно.

— Дуракъ!

— О, какія непарламентарныя выраженія вы употребляете въ столь дипломатическомъ разговорѣ. Серьезно, я хочу на ней жениться. Мы съ ней такъ сошлись во вкусахъ, во взглядахъ, живемъ душа въ душу... И потомъ замокъ, виноградники...

— И давно у васъ эта entente cordiale?

— О, цѣлая вѣчность... Земской давности не прошло, нѣтъ, не скажу, но...

— Однако, сколько времени ты ее знаешь, эту... какъ ее?.. Фаэтонъ, что ли?

— Три мѣсяца, папашенька, и не Фаэтонъ, а Пантеонъ; римскій богъ—*пан*, чай по французски — *thé* и мѣстоименіе или междометіе,—pardon, забылъ по грамматикѣ, какъ это выходитъ:—онъ! Пан-те-онъ! Препикантная дѣвочка, право!

— Я уже сказалъ тебѣ, что никогда не дамъ своего на это согласія.

— «Своего на это согласія». По канцелярски. Совершенно, какъ пишутся отношенія и предписанія.

— Которыхъ ты, къ слову, никогда не писалъ и не читалъ, ибо тебя изъ всѣхъ канцелярій гнали въ три-шеи, за шалберничество.

— Папа! Откуда у васъ такой жаргонъ: ибо, три-шеи, шалберничество? И въ шараду даже нельзя превратить, ибо что такое шал? бер? Ничего. Не придумаешь. Voyons, почему я хочу жениться на m-lle Пантеонъ? Вотъ что я требую отъ женщины, какъ отъ жены.

— Интересно.

— Да?.. Тѣмъ лучше. Извольте прислушать, какъ говоритъ вашъ управляющій Семенъ Ефимычъ, что я требую. Первое: красоту физическую. Обладаетъ она ею въ полной мѣрѣ. Второе: изящество и грацію. Имѣетъ. Третье: умѣнье одѣваться съ шикомъ—и это есть. Четвертое: артистическую натуру—то же есть. Пятое: чтобы при появленіи со мной въ публикѣ, всѣ

Digitized by Google

ахали отъ удивленія. Помилуйте! меня всѣ «человѣки» и гарсоны въ нашихъ ресторанахъ засмѣютъ, если я покажусь тамъ съ какой нибудь выдрой.

— Итакъ, mon cher, ты женишься, какъ я вижу, для человѣковъ и гарсоновъ? Ты требуешь отъ жены граціи, изящества, кокетства, красоты, всего внѣшняго и ничего внутренняго? Хорошъ идеалъ нашей молодежи.

— Ну, да... «съ печалью я гляжу на наше поколѣніе; его грядущее темно и не свѣтло»...

— Не перевирай, пожалуйста, если не знаешь.

— Это все равно... Вы поняли? Ну, и довольно. Всѣ эти ламентаціи мы уже слышали. Про какія это внутренности вы говорите?

— Про душу, про добродѣтель, про нравственность.

— Какая старина! Красота есть добродѣтель. Артистическій огонекъ—душа. Ну, и такъ далѣе.

— Такъ ты бы съѣздилъ въ Парижъ. Тамъ въ Moulin rouge есть чудесные экземпляры.

— A-a! Mesdemoiselles Grille d'Egout, La Goulue, La Sauterelle или Ragou d'or?

— Да, да... чѣмъ не жоны?

— А что, папахенъ, вѣдь я былъ два года тому назадъ влюбленъ въ La Mélénite. Худенькая, стройная блондинка; извивается, какъ змѣя. А ноги! А какъ она дѣлаетъ salut militaire!.. Оближешься... Но жениться... Нѣтъ, merci, pas si bête.

— Почему нѣтъ? Псевдонимъ m-lle Grille d'Egout стоитъ псевдонима m-lle Пантеонъ. Первый, по крайней мѣрѣ, не оставляетъ сомнѣній и простъ до цинизма. Второй — съ претензіями на неподобающія почести.

— А твоя генеральша, вѣроятно, образецъ добродѣтели и... скуки. И навѣрно одѣвается, какъ мѣщанка, и душится Viollette de Parme...

— А по вашимъ современнымъ законамъ, чѣмъ должна душиться дѣвушка общества? Не пачулью ли?

— Нѣтъ, папашенька! Пачуль—это принадлежность горизонталокъ. Но peau d'Espagne... Fin de Siècle, что нибудь пикантное, одурманивающее, сногсшибательное.

— Во всякомъ случаѣ, я не понимаю, почему тебѣ не посмотрѣть генеральшу, какъ ты ее называешь. Ну, только по-

Digitized by Google

смотрѣть, поговорить, познакомиться? Вѣдь тебя не убудетъ отъ этого? А, можетъ быть, понравится? Она свѣтская дѣвушка, изъ общества... И откуда ты взялъ, что она выдра?

— Soit. И посмотрѣть, и статьи опредѣлить, и баллъ поставить. Отчего нѣтъ? Пожалуй. Но съ условіемъ.

— Ты мнѣ условія ставишь, мальчишка? Да для кого же я хлопочу? Для себя что ли? Я на ней хочу жениться или ты?

— Не знаю. Я не хочу.

— Говори условія.

— Я ее посмотрю. А вы посмотрите m-lle Пантеонъ.

— Ты съ ума сошелъ?

— Нисколько. Это условіе sine qua non.

— Скажите!

— Согласны?

Иванъ Ѳедоровичъ колебался. Потомъ, разозлившись, сказалъ:

— Ну, чортъ съ тобой. Идетъ. Хоть давно уже я въ твоихъ вертепахъ не бывалъ.

Они поѣхали въ Chateau Pudique. На афишахъ значилась Nitouche, а потомъ «кафе-консэръ парижьенъ». M-lle Пантеонъ (фуроръ!) играетъ Nitouche; m-lle Patte en l'Air поетъ шансонетку: «Nini boute en train» (огромный успѣхъ!); m-lle Airfaux исполнитъ «Il était une aimable veuve» (первый разъ въ Петербургѣ!) и, наконецъ, *знаменитая* diseuse (étoile!) m-lle Croquemitaine «скажетъ»: «Son corset garde un parfum enchanté».

XX.

Иванъ Ѳедоровичъ, нѣсколько смущенный, вошелъ въ раззолоченныя въ дурномъ тонѣ залы Шато. Старикъ Воеводскій былъ одѣтъ très comme il faut и имѣлъ видъ correct. На немъ были свѣтло-сѣрыя брюки, шевіотовый сюртукъ, бѣлый галстукъ съ булавкой камэ, свѣтлопалевыя перчатки, лакированныя ботинки. Ему никакъ нельзя было дать пятидесяти пяти лѣтъ. На его сынѣ, одѣтомъ à la пшютъ, былъ коротенькій смокингъ изъ діагонали, съ муаровой «шалью», галстукъ нѣсколько кричащаго цвѣта, брюки «съ лентой», — однимъ словомъ все тотъ же костюмъ, въ которомъ онъ являлся всюду, за неимѣ-

Digitized by Google

ніемъ другихъ, давно заложенныхъ въ ломбардѣ. На тощемъ подведенномъ животѣ у него болталась широкая шолковая лента отъ простыхъ черныхъ часовъ, замѣнявшая ему золотую цѣпь, которая тоже была отдана «въ стирку». Въ глазу у него торчалъ роговой монокль, который придавалъ его физіономіи идіотскій видъ. Онъ былъ скорѣй похожъ на брата, чѣмъ на сына своего отца. Походка у него была вялая, развинченная, съ перевальцемъ и подрыгиваньемъ ногъ.

— Courage, mon cher,—говорилъ онъ отцу.—Побольше лихости... Ну, Карлуша, не робѣй...

— Перестань балаганить. Робѣть въ вертепѣ! Есть отчего...

— Въ отчаянье прійти... Отвыкъ, папахенъ. И потомъ qu'est ce que c'est: все вертепъ да вертепъ? Отчего не пріютъ любви и наслажденій?.. Вѣдь это—Chateau Pudique, не забывай?..

Они явились въ залу какъ разъ къ началу «консэръ-парижьенъ». Завсегдатаи ихъ оглядывали. Робость Ивана Ѳедоровича постепенно проходила: когда-то онъ былъ ходокъ по части разныхъ Chateau и теперь быстро освоился съ веселой атмосферой заведенія.

Сынъ его, очевидно, былъ тамъ своимъ человѣкомъ. Къ нему подходили какіе-то субъекты въ такихъ же кургузыхъ и смѣшныхъ смокингахъ, въ какомъ былъ онъ самъ. Субъекты были не ахти какіе: блѣдные, лысые, молодежь или старцы—кто ихъ разберетъ? Ни лѣтъ, ни общественнаго положенія, ни профессіи нельзя было опредѣлить ни по ихъ наружности, ни по разговору. Какъ будто эти люди не имѣли никакихъ связей и корней въ обществѣ, въ городѣ, въ государствѣ, а составляли специфическое населеніе Шато, аборигеновъ веселаго уголка. Видимо, Шато было ихъ излюбленнымъ мѣстомъ, въ которомъ они какъ будто родились и собирались умереть.

— Здравствуй, Basil! Василій, здорово! А-а! Васька!—кричали они на всю залу, потрясая руку вошедшаго юноши-старца.—Il y a du nouveau. Управляющій говорилъ: есть новый нумеръ. Эрфо!.. Une douceur... Онъ ему платитъ 300 франковъ.

— Кому—ему?—спросилъ у сына Иванъ Ѳедоровичъ.—Развѣ это мужчина?

— Нумеру, отецъ, нумеру—m-lle Airfaux.

Отецъ отозвалъ его въ сторону.

Digitized by Google

— Не называй меня, по крайней мѣрѣ, отцомъ въ этой клоакѣ. Неловко. Что за безпутство—отецъ съ сыномъ въ шато-кабакѣ!

— А-а!—завопилъ тотъ.—Молодиться хочешь!

— Совсѣмъ нѣтъ...

— Ну-ну-ну. Знаемъ мы васъ... старшій братецъ.

— Basil, зачѣмъ давно не биваль? — спросила, хлопнувъ его по плечу, проходившая мимо француженка.—Aline скучилься. Aline спросиль сколько разъ: гдѣ мой mouchinka?

Тотъ идіотски заржалъ.

— Го-го-го!.. Она никакъ не можетъ произнести: мужчина и говоритъ мушинка... N'est ce pas que c'est très original?—спросилъ онъ отца.

— Самъ ты орижиналь,—пробормоталъ тотъ, косясь на француженку, которая дѣлала ему глазки, сверкая ими изъ подъ густо намазанныхъ рѣсницъ.

— Mon frère cadet... тьфу, т. е. ainé,—представилъ онъ ей отца.

Та засмѣялась.

— En voila un type, m-r votre frère! — сказала она отцу, хлопая по плечу сына.—Un blageur.

Тотъ заговорилъ съ ней по французски. Но присутствіе сына видимо связывало ему языкъ; француженка тоже жеманилась.

— Dis-donc!—наконецъ сказала она.—Allez donc voir cette pauvre Aline... Elle meurt d'envie...

Юноша ушелъ за кулисы. Отецъ пріосанился и принялъ видъ козыря. Мимо нихъ прошелъ суроваго вида господинъ, похожій на отставнаго французскаго офицера, и строго вполголоса сказалъ пѣвичкѣ:

— En scène... on va commencer...

— J'y vais,—поспѣшила та отвѣтить, вся съежившись, и убѣжала.

Отецъ остался одинъ. Программа началась. Онъ чувствовалъ себя неловко.

— Куда этотъ болванъ запропастился?—подумалъ онъ о сынѣ.

Но тотъ своей дрыгающей походкой уже приближался къ креслу, на которомъ засѣдалъ его frère ainé.

Digitized by Google

— Она, она сейчасъ выходитъ...—торопливо и задыхаясь отъ скорой ходьбы и волненья заговорилъ онъ.—Обрати вниманіе: она будетъ пѣть Gloria изъ Nitouche, которую только что играла цѣликомъ... Но публика очень любитъ Gloria и она его повторяетъ въ видѣ нумера... Это ея cheval de bataille...

Подъ развеселый ритурнель выскочила на сцену m-lle Пантеонъ.

Высокая, стройная брюнетка, худощавая въ тальѣ, съ широкими бедрами и крупными, но удивительно красивыми ногами, которыя, не смотря на пансіонерскій костюмъ «небесныхъ ласточекъ», были открыты до колѣнъ, — была встрѣчена громомъ аплодисментовъ. Волосы, мелко завитые и взбитые, окружали ея небольшой лобъ въ видѣ морской пѣны; въ хорошенькомъ лицѣ ея было много отваги, вызывающей дерзости, а вмѣстѣ съ тѣмъ робости. Руки ея, оголенныя до плечъ, были худощавы, и кисть руки нѣсколько велика, но все же и онѣ производили извѣстное впечатлѣніе.

Иванъ Ѳедоровичъ одобрительно крякнулъ.

— Ага, братецъ,—сказалъ ему сынъ,—проняла?

— Съ чего ты взялъ?

— А съ чего ты крякаешь?

— Не мѣшай слушать.

— Soit...

Торжественный мотивъ Gloria вдругъ смѣнился веселыми канканными звуками, пошлыми до дерзости и дерзкими до цинизма. Пантеонъ приподнимала брови, какъ бы удивляясь, откуда въ партитурѣ гимна взялись эти залихватскія нотки, и ея красивая мордочка приняла вдругъ весело-наивно-изумленное выраженіе. Труднѣйшая мимика, отъ которой вся зала разразилась рукоплесканіями.

— Bravo! Bravo! Bis! Пантеонъ bis!..

Ея нумеръ кончился и на сцену, подъ ритурнель оркестра, выпорхнула m-lle Патанлеръ, пропѣвшая «Nini boute en train». Не смотря на анонсъ афиши, возвѣщавшей «огромный успѣхъ», и легкій канканецъ, сопровождавшій каждый refrain куплетовъ, пѣвичка успѣха не имѣла. Зато m-lle Эрфо, совершенно рыжая и очень дородная женщина не первой молодости, также какъ и Пантеонъ, была встрѣчена громомъ рукоплесканій и привѣтствована, какъ уже готовая знаменитость. Она пѣла

Digitized by Google

фальшиво, нѣсколько грубоватымъ и надтреснутымъ голосомъ. Но она превосходно *подчеркивала* слова, и еще превосходнѣе гримасничала, вздрагивала бедрами и дѣлала жесты, которымъ не могло быть двухъ разныхъ истолкованій... Она пѣла:

Il était une aimable veuve
Qui s'ennuyait énormement
Et d'un nouvel attachement
Eut volontiers tenté l'épreuve.
Or, comme alors trois candidats
Sollicitaient fort son suffrage,
Avant d'obtenir leurs mandats
Ils redoutaient un ballotage...

Во второмъ куплетѣ вдова была изображена, какъ очаротельное созданіе:

Elle était très bien conservée
—Trouvant que son feu dictateur
Etait par trop conservateur—
C'était bien la veuve-rêvée,
Pleine encore d'illusion
Et l'expérience en partage;
Lis blanc! Vase d'élection!
Qui n'a point vu de ballotage.

Въ концѣ концовъ, три кандидата оказываются всѣ выбалотированными. Куплеты были достаточно глупы, но аборигенамъ Шато чрезвычайно понравились и ихъ заставили повторить. Дородная француженка упорхнула съ такой легкостью, что полъ сцены задрожалъ. Публика хохотала. Подогрѣтые возліяніями въ буфетѣ, отуманенные вольнымъ воздухомъ Шато, созерцаніемъ полуобнаженныхъ женщинъ и звуками фривольныхъ пѣсенъ, посѣтители этого уголка были очень невзыскательны и приходили въ бѣшеный восторгъ отъ всякой дряни.

Иванъ Ѳедоровичъ, отвыкнувшій отъ атмосферы этого рода заведеній, мало по малу входилъ во вкусъ. Масляная улыбка заиграла на его лицѣ, глаза съузились, и онъ жадно смотрѣлъ на сцену. Онъ даже не замѣтилъ, какъ сынъ его, послѣ нумера m-lle Пантеонъ, исчезъ за кулисы и, все время высовываясь оттуда, дѣлалъ ему знаки и вызывалъ изъ партера. Наконецъ, онъ послалъ капельдинера къ отцу. Иванъ Ѳедоровичъ все съ той же застывшей на лицѣ масляной улыбкой послѣдовалъ за своимъ чичероне.

Digitized by Google

XXI.

За кулисами Воеводскій познакомилъ своего отца съ m-lle Пантеонъ. Бойкая француженка была не прочь пококетничать съ папашей и весьма резонно сообразила, что, обворожив сына, она ничего не потеряетъ, завоевавъ и симпатіи отца, un propriétaire et rentier russe. Поэтому она очень ловко стрѣляла въ него подкрашенными глазами и дѣлала ему авансы.

Иванъ Ѳедоровичъ пригласилъ ее ужинать, а Василій Ивановичъ, взявъ подъ руку другую пѣвичку, почти увлекъ ее силой, и всѣ вчетверомъ отправились въ ресторанъ. Здѣсь, расположившись въ отдѣльномъ кабинетѣ, они весело разговаривали, запивая бойкую болтовню шампанскимъ. Иванъ Ѳедоровичъ совсѣмъ развеселился. Съ трудомъ переносилъ онъ пребываніе въ имѣньѣ и, вырываясь изъ него на свободу, чувствовалъ себя въ положеніи ссыльно-каторжнаго, бѣжавшаго съ мѣста ссылки. Все его радовало, все веселило, во всемъ онъ находилъ удовольствіе, какъ ребенокъ. Онъ уже начиналъ немного тяжелѣть и дичать въ своей деревнѣ и, смѣясь, говорилъ, что скоро «обратится въ первобытное состояніе», обрастетъ волосами, будетъ ѣсть древесную кору и еловыя шишки, жить на вѣтвяхъ и щелкать на людей зубами. Каждый такой кутежъ служилъ ему «провѣркой» своихъ силъ. Если ему становилось порой скучно во время кутежа, онъ смущался, хандрилъ и убѣждался, что начиналъ старѣть, что все ему надоѣло и что отнынѣ ему ничего не остается, какъ похоронить себя навсегда въ деревнѣ. Эта перспектива ужасала его. Но теперь онъ, напротивъ, чувствовалъ себя превосходно. La belle Aline,—какъ называли Пантеонъ,—ему очень понравилась, и такъ какъ онъ вообще не могъ равнодушно видѣть женщинъ, то совершенно размякъ, и въ глубинѣ души не могъ не подумать: «Эдакій кусочекъ хорошъ былъ бы для меня, а не для такого кисляя, какъ Василій».

Француженка, за пятымъ бокаломъ, вдругъ сдѣлалась серьезной и расчувствовалась. Она вспомнила свое дѣтство, свою родину, свои первые шаги на сценѣ. И она принялась разсказывать свою біографію Ивану Ѳедоровичу. Василій Ивановичъ зѣвалъ. Онъ уже слышалъ эту біографію ровно семь разъ, и

Digitized by Google

хоть каждый разъ въ новой редакціи, съ новыми варіантами и лирическими украшеніями, но она ему пріѣлась до тошноты. Онъ попробовалъ дурачиться съ своей дамой, но пѣвичка оказалась неинтересной и все время зѣвала, прося скорѣе кончить ужинъ, такъ какъ ей хочется спать и она очень устала. Тогда Василій Ивановичъ придумалъ фокусъ. Онъ нагнулся къ отцу и попросилъ у него денегъ, зная, что тотъ никогда не откажетъ ему предъ дамами. Отецъ дѣйствительно далъ ему сто рублей, спросивъ, куда онъ хочетъ ѣхать.

— Я заверну въ клубъ: тамъ навѣрное еще застану игру.

Пантеонъ запротестовала. Тогда лучше всѣмъ разъѣхаться. Не можетъ же она остаться одна съ незнакомымъ ей человѣкомъ? C'est compromettant. Она тоже устала и охотно уѣдетъ. Но Иванъ Ѳедоровичъ рѣшительно возсталъ противъ этого. Неужели она хочетъ лишить его удовольствія пробыть съ нимъ лишнихъ полчаса? Онъ уже старъ и ей нечего опасаться... Онъ и радъ бы, чтобы его считали опаснымъ, но... время прошло, и теперь подъ его защиту можетъ стать всякая молодая женщина. Еще поломавшись немного и назвавъ своего кавалера blagueur'омъ, за то что онъ корчилъ изъ себя старика, ramolli, она согласилась остаться, чтобы допить начатую бутылку шампанскаго.

Василій Ивановичъ, уходя, кивнулъ имъ головой. Пантеонъ вдругъ ему не понравилась, въ особенности потому, что черезчуръ ужь ломалась передъ его отцомъ и корчила высоконравственную, добродѣтельную и уважаемую женщину. «Ужь и впрямь не хочетъ ли она выйти за меня замужъ и ублажаетъ отца?» подумалъ онъ, въ первый разъ чуть-чуть струхнувъ.

— Подожди меня въ клубѣ...—крикнулъ ему вслѣдъ отецъ. Черезъ часъ буду.

— Ладно.

Пантеонъ, послѣ ихъ отъѣзда, продолжала свою біографію. Иванъ Ѳедоровичъ прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ и любилъ его чрезвычайно. Поэтому онъ съ удовольствіемъ болталъ съ француженкой.

— Я дебютировала въ классической пьесѣ: «Тарквиній»,— разсказывала она,—но пьеса шлепнулась и я вмѣстѣ съ нею. Противъ меня устроили cabale. Моя пѣсенка была спѣта. Хо-

Digitized by Google

рошо еще, что у меня оказался голосъ и я выступила въ маленькой роли цвѣточницы въ одной опереткѣ. Здѣсь я имѣла выдающійся успѣхъ и сдѣлалась знаменитостью. Я получала сначала сто двадцать пять франковъ...

— Какимъ образомъ вы пріобрѣли замокъ? — спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ, улыбаясь.—Ce n'est pas un chateau en Espagne?—прибавилъ онъ.

— Mais du tout. Это случилось очень просто: на девяносто восьмомъ представленіи въ меня влюбился баронъ Эльфенбейнъ. Я помню, какъ онъ неистовствовалъ, когда я пѣла свой знаменитый куплетъ цвѣточницы. Хотите, я его вамъ спою?

Она выскочила изъ-за стола и приподняла юбку, заколовъ ее кое-гдѣ булавками, схватила вазу съ фруктами, изобразила голосомъ оркестровое вступленіе и, ставъ въ позу, запѣла вторую половину куплета:

Messieurs, achetez moi des fleurs!
Si vous avez trop du bouquet
Acceptez du moins un oiellet;
Car la petite bou...
Car la petite bou...
Car la petite bouquetière
Aurait vraiment bien du malheur,
Si vous ne preniez pas..... sa fleur.

Она пропѣла этотъ куплетъ съ невиннымъ видомъ и съ соотвѣтствующей мимикой, сдѣлавъ многозначительную паузу передъ словами: sa fleur.

Иванъ Ѳедоровичъ хохоталъ. Онъ начиналъ воспламеняться. Пѣвичка и шампанское кружили ему голову, опьяняли его.

Сѣвъ на мѣсто, Пантеонъ продолжала:

— Баронъ кричалъ: grafd! И всѣ его поддержали. Въ антрактѣ онъ былъ мнѣ представленъ. Потомъ онъ пошелъ въ залу и я видѣла, какъ онъ собралъ вокругъ себя рецензентовъ и пожималъ имъ руки, а они увивались около него. На другой день появились блестящіе отзывы въ газетахъ. J'étais lancée... Потомъ у меня появились цвѣты, лошади, обстановка. Я всегда была une honnette fille, но съ этихъ поръ я сдѣлалась монахиней. О, баронъ могъ не жалѣть своихъ сорока тысячъ, которыя онъ тратилъ на меня ежегодно... это не было

Digitized by Google

брошенными деньгами. Потомъ у меня появился замокъ. Я помогала роднымъ. У меня въ Парижѣ есть тетка, которая меня воспитала. Я ее щедро отблагодарила. Тетка моя очень порядочная женщина: она — вдова лейтенанта и имѣетъ маленькую épicerie. Мой братъ до сихъ поръ служитъ въ арміи... онъ sous-lieutenant...

Она немножко перепутала: Василію Ивановичу она говорила, что у нея дядя—офицеръ, а братъ—помощникъ режиссера въ маленькомъ пригородномъ театрикѣ. Никакой тетки не было. Но француженка увлеклась и продолжала разсказывать о своихъ подвигахъ: какъ за ней ухаживали богатые фабриканты, банкиры, знатные иностранцы, нѣсколько русскихъ бояръ и князей. Но она имъ всѣмъ наклеила носъ и оставалась вѣрна одному Эльфенбейну.

— Да вы прелесть!..—кричалъ уже нѣсколько опьянѣвшій Иванъ Ѳедоровичъ.—Вы не получили монтіоновской преміи?

Она хлопнула его по рукѣ.

— Blageur!

Онъ схватилъ ея руку и хотѣлъ поцѣловать выше локтя. Но она быстро отдернула ее и сказала:

— Si vous commencez déjà à n'être pas raisonnable... je m'en fuit.

Онъ былъ отъ нея въ восторгѣ, словъ у него не хватало и онъ вытиралъ мокрый отъ пота лобъ. Онъ взялъ ее за руку:

— Dites donc,—сказалъ онъ ей серьезно.—Правда ли, что вы хотите выйти за этого шалопая?

— За какого?

— За моего сына, parbleu! Охота вамъ: онъ мальчишка, легкомысленъ, кутила. И у него ничего нѣтъ...

Она встала вслушиваться. Какъ ничего нѣтъ? Онъ ей говорилъ о какихъ-то помѣстьяхъ...

Иванъ Ѳедоровичъ продолжалъ:

— У него ничего нѣтъ. Я ему оставлю имѣнье, но для этого я долженъ раньше умереть. А вы видите: я еще здоровъ, бодръ... хотя и немолодъ.

— Oh, vous êtes un brave garçon...

— Бросьте вы его,—говорилъ, увлекаясь, Иванъ Ѳедоровичъ.—Вашъ ангажементъ когда кончается?

Digitized by Google

— Въ декабрѣ.

— Вот. Вы уѣзжаете въ Парижъ?

— Да.

— Я васъ буду провожать. Мои средства...—онъ немножко замялся—однимъ словомъ, все, что я имѣю, къ вашимъ услугамъ, какъ и мое сердце...

Она стрѣляла въ него своими подкрашенными глазами. Старикъ совсѣмъ потерялъ самообладаніе; голова его кружилась, въ глазахъ мелькали круги... онъ раскисъ.

И прежде онъ не всегда владѣлъ собою въ присутствіи хорошенькой женщины, но съ годами, когда сознаніе уходящей молодости и приближающейся старости становилось все яснѣе и яснѣе, когда возможность имѣть даже самый легкій успѣхъ у женщинъ становилась все болѣе и болѣе проблематичной,—каждое новое увлеченіе дѣлалось интенсивнѣе и продолжительнѣе, потому что казалось уже лебединою пѣснью. Съ горестью неразумнаго ребенка онъ видѣлъ, какъ женщины постепенно и съ каждымъ годомъ становились холоднѣе къ нему и переставали обращать на него свои благосклонные взоры; это его повергало въ отчаянье. Ему не хотѣлось легко сходить со сцены, на которой онъ такъ долго и такъ успѣшно жуировалъ и всегда пользовался успѣхомъ. И вдругъ добровольно уйти, добровольно удалиться, уступивъ дорогу новому поколѣнію, такимъ шалопаямъ, вялымъ и неинтереснымъ, какъ его Василій... И вотъ, когда на закатѣ его красныхъ деньковъ ему попадалась женщина—онъ увлекался ею, не помня себя, со всѣмъ пыломъ быстро уходившей молодости. Онъ цѣплялся за остатки этой молодости, хватался за нее, какъ утопающій за соломенку, хотѣлъ взять съ нея все, что можно было, даже больше того, что было возможно. Онъ муссировалъ и преувеличивалъ свои чувствованьица и, при малѣйшихъ признакахъ побѣды, торжествовалъ ее шумно, радостно, сознавая еще свои силы и испытывая тайную горечь отъ сознанія, что силы эти неумолимо уходятъ и не вернутся никогда. «Въ мои годы нельзя терять ни одной минуты... кто знаетъ, не послѣдній ли это успѣхъ?»—часто говорилъ онъ.

И вотъ онъ сидитъ вдвоемъ съ очаровательной женщиной, хотя уже не молодой. Еслибъ ему удался этотъ романъ! Конечно, онъ не разсчитываетъ на непосредственное чувство,

Digitized by Google

котораго внушить не можетъ. Но у него есть savoir vivre; онъ можетъ еще заинтересовать женщину своимъ поклоненіемъ, умѣньемъ ухаживать, исполнять ея прихоти, переносить капризы. У него есть внѣшняя представительность и огромная опытность. Отъ точно изучилъ женщинъ, особенно того невысокаго сорта, къ которому принадлежала Пантеонъ. Онъ умѣетъ играть на ихъ самолюбіи. Кромѣ того, у него есть еще остатки минувшаго богатства. Отчего ему не воспользоваться ими? А сынъ? Сынъ долженъ сдѣлать партію и взять деньги... Такіе молодые старички, какъ Иванъ Ѳедоровичъ, въ періодъ переживанья второй молодости, всегда съ головой попадаютъ въ сѣти не побрезгавшей ими женщины и погибаютъ въ этихъ сѣтяхъ навѣки, черезчуръ увлекшись закатомъ любви, эфемернымъ успѣхомъ, вспышкой догорающаго пламени и сразу ослабѣвая, теряя здравый смыслъ и силу воли. «Лебединая пѣснь» слишкомъ хороша и печальна, и—увы!—слишкомъ коротка...

Пантеонъ смѣялась на его предложенія.

— En voilà un père! Une lutte contre son fils...

Въ своемъ увлеченіи француженкой Воеводскій лицемѣрно оправдывался тѣмъ соображеніемъ, что онъ спасаетъ сына, а потому онъ съ удвоенной энергіей и убѣжденностью возобновилъ свои предложенія.

Хитрая парижанка сразу поняла, что «le pauvre homme était pris completement» и что она произвела на него дѣйствіе «du coup de foudre dont il ne devait plus se relever». И она перемѣнила тактику, рѣшивъ, что au fond она никогда не принимала серьезно мечты выйти замужъ за Воеводскаго-сына, тѣмъ болѣе, если отецъ дѣйствительно не будетъ давать ему средствъ къ жизни. А имѣть такого вѣрнаго рыцаря, такого преданнаго раба, какъ Воеводскій-отецъ, всегда выгодно. Она не имѣла представленія о его средствахъ, но по всему ей казалось, что это—золотой мѣшокъ, какъ всѣ русскіе grands boyards, шатающіеся «по заграницамъ». Къ тому же, при ея ловкости и умѣньѣ, она всегда будетъ имѣть возможность увлекаться другими за его спиной... Вотъ почему ей улыбнулось его предложеніе. Но, какъ женщина опытная, она сразу перемѣнила тактику, какъ только увидѣла, что Воеводскій потерялъ голову. Нужно сдѣлаться недоступной и выдержать, по-

Digitized by Google

думала она. Чѣмъ меньше дѣлать авансовъ, тѣмъ онъ больше будетъ пылать. Когда онъ совсѣмъ, окончательно влюбится, его можно будетъ взять, «comme une huitre».

— Ca vous va-t-il?—спросилъ ее Воеводскій, весь красный и потный, весь осоловѣвшій и глядя на нее воспаленными глазами.

— Oui et non. Oui, si vous serez sage, non, si vous commencez à faire des bêtises.

Онъ уронилъ салфетку и, нагнувшись поднять ее, не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать ея чернаго шолковаго чулка, очутившагося какъ разъ передъ его глазами. Она разсердилась.

— Ah, pour ça non... non, mon cher monsieur! Je ne suis pas une femme de cette sorte là... Si vous commencez par là...

— Par ou faut-il commencer?

Въ три часа онъ ее проводилъ домой, и она простилась съ нимъ у подъѣзда. Дома его встрѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Это чортъ знаетъ что!—закричалъ онъ.—Я тебя ждалъ въ клубѣ...

— Мы засидѣлись...—смущенно пробормоталъ отецъ.

— Ну, и что же?—иронически спросилъ сынъ.

— Ничего,—озлобленно отвѣтилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Василій Ивановичъ захохоталъ.

— Идіотъ!—послалъ ему вслѣдъ отецъ и пошелъ спать.

XXII.

Дни тянулись за днями, а Иванъ Ѳедоровичъ и не думалъ уѣзжать. Отношенія его къ сыну видимо измѣнились. Между ними образовалось что-то въ родѣ «опаснаго мѣста», которое оба старались тщательно обходить. Сынъ сначала все еще иронизировалъ надъ отцомъ, по поводу его вечера, проведеннаго съ пѣвицей.

— Ну, что, папахенъ,—говорилъ онъ:—entente cordiale теперь у тебя завязалась съ Пантеоншей?... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ она тебѣ понравилась? Воображаю, что̀ она тебѣ наговорила... черты изъ жизни великой артистки. Годится она тебѣ въ belle fille?

Digitized by Google

— Когда ты бросишь свой шутовской тонъ?—сухо отвѣчалъ отецъ.—Если мы будемъ говорить въ такомъ родѣ, то лучше не будемъ вовсе говорить. Если же говорить серьезно...

— То?

— То ясно, что она тебѣ не пара...

— А тебѣ—пара?

— Дуракъ!!

На этомъ кончались разговоры. Василій Ивановичъ никакъ не могъ проникнуть въ сокровенныя мысли отца. Онъ попробовалъ попытать счастья у Пантеонъ и вывѣдать у нея то, что̀ ему нужно, но—къ великому его изумленію—она его не приняла. Тогда онъ кинулся въ Шато и проникъ за кулисы. Около уборной пѣвицы стояла горничная и не пустила его. Это его ужасно поразило. Онъ написалъ пѣвицѣ письмо... другое, третье, но отвѣта не получилъ. Въ полномъ недоумѣніи онъ поклялся разоблачить истину и сталъ разспрашивать о Пантеонъ другихъ пѣвичекъ. Ни одна ничего не отвѣтила ему опредѣленнаго.

Между тѣмъ, матеріальное положеніе его ухудшалось. Въ прежніе пріѣзды отца онъ все таки кое-чѣмъ пользовался. Теперь ему удалось выудить у родителя двѣ-три радужныхъ бумажки, которыя быстро разошлись, менѣе чѣмъ въ одинъ день, чтобы заткнуть вопіющія долговыя дыры. Это была капля воды въ морѣ, и кредиторы не только не унимались, но становились все наглѣе и наглѣе. Убѣдившись, что и присутствіе отца не помогаетъ сыну выпутаться изъ долговъ, они испугались и участили свои настойчивыя требованія. Отецъ же тщательно избѣгалъ говорить съ нимъ о Пантеонъ, о деньгахъ, объ обстоятельствахъ жизни. Болтливый и жизнерадостный Иванъ Ѳедоровичъ сдѣлался молчаливъ, угрюмъ, сосредоточенъ, раздражителенъ, придирчивъ къ сущимъ пустякамъ. Иногда онъ задумывался часами, не выпуская папиросы изо рта, и вздыхалъ, какъ влюбленный юноша. Если онъ еще разговаривалъ съ сыномъ, то только о плохомъ состояніи финансовъ и все чаще и чаще настаивалъ на выгодной женитьбѣ сына, причемъ указывалъ съ особеннымъ упорствомъ, какъ на блестящую партію, на дочь генерала Чудинова, и рекомендовалъ сыну побывать тамъ, что̀ будетъ ему выгодно во всѣхъ отношеніяхъ. Еще чаще онъ говорилъ о своемъ здоровьѣ.

Digitized by Google

Жизнь въ имѣньѣ окончательно расшатала ему нервы. Денегъ на жизнь не хватаетъ, и онъ бьется, какъ рыба объ ледъ. Для чего? Чтобы посылать сыну деньги, которымъ тотъ не знаетъ цѣны и швыряетъ, какъ щепки. Но съ него довольно! Онъ ни въ чемъ упрекнуть себя не можетъ: онъ сдѣлалъ все, что повелѣлъ ему отеческій долгъ. Далъ ему воспитанье и образованье, поставилъ на ноги; теперь онъ же ему нашелъ партію—слѣдовательно, протекцію и деньги. Не его вина, если сынъ не желаетъ ни служить, ни жениться, ни работать, а виситъ до сихъ поръ на шеѣ у родителя. Однако довольно: имѣнье истощено, силы его надорваны и ему на склонѣ лѣтъ хочется отдохнуть и пожить для себя. Онъ думаетъ, что это вполнѣ законное желанье и что онъ вправѣ мечтать объ отдыхѣ. Онъ не желаетъ больше, какъ негръ, работать на сына и уѣдетъ за границу, даже не дожидаясь весны, можетъ быть, въ декабрѣ или въ началѣ января; такъ, по крайней мѣрѣ, совѣтуютъ ему доктора, и онъ долженъ поступить по ихъ совѣту, если не желаетъ окончательно надорвать здоровье. Тѣмъ хуже для Василія, если онъ все еще будетъ разсчитывать на папеньку и не позаботится объ устройствѣ своей будущности.

Такъ говорилъ онъ сыну и тотъ искренно изумлялся.

— Папа—сказалъ онъ ему:—откуда у тебя вдругъ открылся такой фонтанъ краснорѣчія и кладезь премудрости. Ужь не измѣнилъ ли ты Жипу и не начитался ли проповѣдей Петра Аміенскаго? Но я тебѣ долженъ наконецъ признаться, что положеніе мое безвыходное: у меня... одиннадцать тысячъ долга.

— Вотъ какъ! Ого!—промолвилъ ошарашенный этой цифрой отецъ.

— Да. Кредиторы меня терзаютъ. Мнѣ нечѣмъ жить и никуда нельзя показаться...

— Очень жалѣю, мой другъ, но я тебѣ ничѣмъ помочь не могу. Одиннадцать тысячъ. Шутка!.. Ты видишь: тебѣ ничего не остается, какъ жениться. Смотри, пока еще не поздно... Степанъ Ѳедоровичъ въ концѣ концовъ обидится на твое пренебрежительное отношеніе къ ихъ дому и къ его авансамъ и зазываніямъ.

— Вы лучшаго ничего придумать не можете?

— Абсолютно.

— Bene.

Digitized by Google

На этомъ кончился разговоръ.

«Тутъ что-то не спроста», думалъ Василій Ивановичъ. «Очень ужъ оба папеньки хотятъ этой свадьбы. Очевидно, тутъ кроется тайна. Если эта Чудинова—такая выгодная партія, то отчего они присосались ко мнѣ? Я-то что изъ себя представляю? Кромѣ фамиліи—ничего. Молодой человѣкъ, снѣдаемый кредиторами, какъ блохами. Въ самомъ дѣлѣ, нужно посмотрѣть на сію дѣвицу, по крайней мѣрѣ, изъ любопытства. Вѣрно, горбата, или хромаетъ, или уродъ, котораго никто не хочетъ брать»...

Любопытство его было возбуждено, а это уже половина дѣла. Онъ рѣшилъ при первомъ случаѣ отправиться къ Чудиновымъ и удивлялся, что до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчалъ дочери генерала, не смотря на то, что и генералъ, и онъ посѣщали общество. Неужели она такой уродъ, что ей невозможно нигдѣ показаться?

Иванъ Ѳедоровичъ все больше и больше увлекался француженкой, которая вела съ нимъ тонкую игру и становилась все сдержаннѣе и сдержаннѣе. Старый жуиръ неизмѣнно исчезалъ по вечерамъ и ежедневно присутствовалъ въ Шато, не пропуская ни одного представленія. Пантеонъ держала себя съ нимъ, какъ настоящая владѣтельница замка, какъ женщина свѣта, и рѣшительно утрачивала всѣ качества бойкой пѣвички. Въ разговорахъ съ нимъ, она выдерживала какой-то особенный высоко-благородный, возвышенно-добродѣтельный тонъ, напоминавшій тонъ великосвѣтской женщины или маркизы изъ трагедіи добраго стараго времени. Онъ пасовалъ передъ этой высокопарной канителью, утратилъ рѣзвость и бойкость своей рѣчи, и самъ превратился въ какого-то «jeune homme pauvre», млѣвшаго и терявшагося въ присутствіи своего предмета, страстно обожаемаго, но стоящаго недосягаемо выше него. Привыкши съ юности къ слишкомъ легкимъ побѣдамъ, онъ сталъ втупикъ передъ этой несдаваемостью. Препятствія только разжигали его, и хитрая француженка взяла вѣрный тонъ и держалась правильной тактики. Онъ не могъ перенести такого фіаско и рѣшилъ во что бы ни стало пожертвовать всѣмъ для благополучнаго окончанія этого финальнаго романа. Онъ чувствовалъ, что это послѣдняя его пѣсня! Ежедневно теряетъ онъ мужество, увѣрен-

Digitized by Google

ность въ себѣ и въ своихъ силахъ, быстро приближаясь къ несомнѣнной старости, которой до сихъ поръ какъ-то не замѣчалъ и даже наивно сомнѣвался въ возможности ея наступленія. Завоюй онъ любовь француженки—и тогда онъ оживетъ. Эта любовь дастъ ему бодрость, силу, увѣренность, что вообще романы еще возможны для него, что не все погибло, что онъ еще не старикъ, утратившій всякій интересъ для женщинъ. Онъ шибко проживался и послалъ Семену Ефимычу телеграмму въ имѣнье: «Продай немедленно десятины три лѣса Тупицыну. Деньги очень нужны». Семенъ Ефимычъ отвѣтилъ: «Лѣсъ послѣдній, плохо даютъ, нужно выждать». Иванъ Ѳедоровичъ обозлился. «Продай за что̀ даютъ—необходимо. Переведи задатокъ банкомъ». Семенъ Ефимычъ донесъ: «Купчая совершается. Деньги высылаю черезъ недѣлю». Семенъ Ефимычъ Козелковъ, изъ крѣпостныхъ Воеводскаго, послѣ освобожденія остался при молодомъ баринѣ и состоялъ такъ всю жизнь. Онъ блюлъ его интересы, какъ собственные, и часто, видя его сумасбродства, позволялъ себѣ дѣлать ему выговоры. На сей разъ онъ не удержался и послалъ телеграмму: «Деньги высланы, а потомъ что»? Иванъ Ѳедоровичъ написалъ ему отвѣтную телеграмму, краткую, но выразительную: «Дуракъ». Онъ не послалъ этой телеграммы только потому, что ея не приняли.

Иванъ Ѳедоровичъ купилъ роскошный браслетъ, на которомъ былъ изображенъ якорь—символъ надежды—усыпанный крупными брилліантами, и послалъ его Пантеонше. Но та имѣла настолько такта и мужества, чтобы отправить подарки обратно при лаконическомъ письмѣ:

«Monsieur. Je n'accepte pas des cadeaux d'une pareille valeur des personnes que je connais fort peu. Veuillez, monsieur, agreer ma parfaite considération. Aline Panthéon».

Иванъ Ѳедоровичъ совсѣмъ остолбенѣлъ и потерялъ голову.

— Какая порядочная женщина!—прошепталъ онъ благоговѣйно.

Пантеонъ весьма разсудительно сообразила, что во всякомъ случаѣ этотъ подарокъ отъ нея не уйдетъ, и разсказала объ инцидентѣ m-lle Airfaux.

— Pauvre homme, il est pincé!.. il craquera!—захохотала та.

Digitized by Google

XXIII.

Василій Ивановичъ рѣшился, наконецъ, посѣтить домъ генерала Чудинова. Степанъ Ѳерапонтовичъ наканунѣ самъ заѣзжалъ къ Ивану Ѳедоровичу и ласково пенялъ ему, что ни онъ, ни его сынъ не хотятъ заглянуть къ нему. Видя разсѣянность и растерянность своего пріятеля, генералъ не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Да что съ тобой?

— Ничего, какъ всегда...

— Ну, ужь, это извини. Съ тобой что-то произошло въ послѣднее время; не я одинъ, всѣ замѣчаютъ. Ну, да мнѣ тебя и не надо, ты пришли сына...

Онъ нагнулся къ уху Ивана Ѳедоровича и что-то пошепталъ.

— Вѣдь ты обѣщалъ мнѣ: право, онъ ничего не потеряетъ отъ этого.

— Что же я съ нимъ стану дѣлать? Собирается, а не ѣдетъ.

И вотъ молодой Воеводскій собрался... По дорогѣ къ Чудинову онъ размышлялъ о той настойчивости, съ которою къ нему приставали съ этимъ посѣщеніемъ: «я имъ очевидно нуженъ», думалъ онъ: «но къ чему? Что генералъ нашелъ во мнѣ? Какъ женихъ, я не представляю же à vrai dire блестящей партіи... вѣдь я прямо нищій. Но они меня хотятъ женить... Тутъ кроется какая-то тайна. Дочка его, должно быть, уродъ неестественный... Благодарю покорно. Они меня хотятъ купить... чортъ съ ними, съ ихъ деньгами. И отчего это ея нигдѣ не видно? Ни на вечерахъ, ни на балахъ, ни на обѣдахъ... Отчего же она нигдѣ не бываетъ? Au fond—это интересно, и въ концѣ концовъ я ничего не потеряю, если посмотрю, что это такое?.. Непремѣнно, страшный уродъ!»—закончилъ онъ, но любопытство его было очень возбуждено.

Онъ позвонилъ у дверей барской квартиры Чудиновыхъ и лакей провелъ его въ кабинетъ къ Степану Ѳерапонтовичу. Генералъ сидѣлъ у большаго письменнаго стола и широкимъ японскимъ ножемъ разрѣзалъ книгу. При видѣ Воеводскаго,

Digitized by Google

онъ вскочилъ, лицо его расплылось въ широкую, довольную улыбку, и онъ воскликнулъ:

— Наконецъ-то! Прошу покорно...

Онъ засуетился, придвинулъ къ столу мягкое, широкое кресло съ рѣзной готической спинкой, предложилъ гостю сигару, самъ сѣлъ и, обнимая его ласковымъ взглядомъ, сказалъ:

— Ну, что, какъ дѣла?

— Плохо, Степанъ Ѳерапонтовичъ, совсѣмъ плохо.

— Да ну?

Генералъ поднесъ ему зажженную спичку и сказалъ:

— Погодите... Закурите. Моя дочь скоро выдетъ—она еще не одѣта...—замѣтилъ онъ вскользь,—ну, а теперь разсказывайте.

«Любопытно взглянуть на твою дочку», подумалъ Воеводскій и вдругъ на него нашелъ приливъ откровенности. Онъ, неожиданно для самого себя, сталъ жаловаться на судьбу. Положительно она преслѣдуетъ его: долги растутъ и какъ съ ними раздѣлаться — онъ не знаетъ. Къ тому же отецъ страшно измѣнилъ свои отношенія къ нему и сталъ скупъ до неузнаваемости.

Генералъ радостно взглянулъ на него.

— Что деньги—тлѣнъ!—началъ онъ, по своему обыкновенію балагуря. Онъ любилъ говорить вычурно, пересыпая рѣчь цитатами изъ разныхъ авторовъ, немилосердно перевирая ихъ, путая и смѣшивая съ собственными, легко придумываемыми имъ, сентенціями.

— Ну, вамъ ли говорить о деньгахъ? Вы молоды... Въ каждомъ домѣ есть деньги, нужно только умѣть ихъ найти. Вотъ попрекаютъ меня, что безъ толку всегда журю: а вѣдь я добра желаю. Вамъ, мой милый другъ, надо жениться... пора, пора остепениться. Право.

— Да я не прочь... но на комъ?

— Жениться радъ, да свататься мнѣ тошно? — засмѣялся генералъ.—Ну, мало ли на комъ? Развѣ нѣтъ въ нашемъ обществѣ дѣвушекъ?.. Женитесь, потомъ служите, вотъ вамъ рецептъ и все пойдетъ прекрасно...

Генералъ ласково глядѣлъ на него и былъ преувеличенно любезенъ. «Положительно, онъ ловитъ меня», думалъ гость:

Digitized by Google

«посмотримъ!» Между тѣмъ генералъ съ чуть замѣтной усмѣшкой, которая свѣтилась только въ его прищуренныхъ глазахъ, подвергалъ своего гостя тонкому допросу.

— Скажите, мой другъ, вы давно видѣли Словенскую?.. Вы часто, кажется, бываете у нея?..

— Довольно часто...

— Милая женщина... милая и интересная...—И вдругъ, взявъ его за руку, онъ небрежно, какъ спрашиваютъ близкаго пріятеля, кинулъ ему:

— Вы ея ami de la maison... немножко, э?..

И онъ засмѣялся, но такъ осторожно, такъ тонко, чтобы въ случаѣ, если смѣхъ будетъ дурно принятъ, тотчасъ взять его обратно. Воеводскій ничуть не смутился, а только улыбнулся, ничего не отвѣтивъ.

— Уважаю я эту скромность въ нынѣшней молодежи,— серьезно сказалъ генералъ, потерпѣвъ нѣкоторую неудачу:— хоть знаю, что въ догадкахъ моихъ есть истина... Ну, а еще эта... какъ ее? Говорили одно время о какой-то пѣвичкѣ... француженкѣ... Продолжается? — спустивъ голосъ до шепота, какъ бы вызывая на довѣріе, спросилъ онъ.

— Кажется, конецъ,— сухо отвѣтилъ гость, которому надоѣлъ этотъ допросъ, и генералъ, замѣтивъ это, поспѣшилъ сейчасъ же сказать ему что нибудь пріятное.

— Я всегда удивлялся вамъ, мой дорогой Василій Ивановичъ; вы обладаете удивительной способностью—и ею славитесь въ обществѣ — это лансировать женщинъ. Вы ихъ открываете, пускаете въ моду, vous les lancez dans le monde... Ужь если вы кого нибудь откроете и начнете о ней кричать... во всемъ городѣ слышно... отъ «финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды»... Навязнетъ ея имя въ ушахъ и она дѣлается модной... Онѣ должны вамъ быть благодарны... Вотъ секретъ вашего успѣха у нихъ, вашего обаянія, вашихъ неисчислимыхъ побѣдъ.

— Ну, ужь и неисчислимыхъ...—смутился тотъ, чувствуя, какъ генералъ къ нему подыгрывается, льститъ и паясничаетъ.

— Да, да... Не отпирайтесь... я прочелъ «души довѣрчивой признанье» въ вашихъ глазахъ. И я одобряю это... Я самъ былъ ходокъ! Только я никогда не умѣлъ популяризиро-

Digitized by Google

вать женщину, пропагандировать ее... модернизировать. Онѣ этого не любятъ... Но, скажите, у васъ дѣйствительно много долговъ?—вдругъ перемѣнивъ тонъ на серьезный и придвинувшись ближе къ Воеводскому, спросилъ онъ.

Но приливъ откровенности также быстро прошелъ у Василія Ивановича, какъ и явился. И онъ уклончиво отвѣтилъ:

— Ну, не такъ ужь много... Не стоитъ говорить объ этомъ.

— Напротивъ, очень стоитъ. Вѣдь я съ вашимъ отцомъ старый другъ, я съ нимъ поговорю... Что онъ, въ самомъ дѣлѣ, скупердяйничаетъ? Мы это устроимъ... Хорошо, что вы мнѣ сказали...

Во всемъ его тонѣ было столько льстиваго участія, что Воеводскій опять подумалъ: «что ему отъ меня надо?»

— Скажите,—продолжалъ генералъ: — мнѣ говорилъ вашъ отецъ, что онъ очень боленъ и собирается за границу...

Съ Воеводскимъ вдругъ произошла перемѣна: глаза его широко раскрылись съ видомъ изумленія, и монокль выскользнулъ изъ-подъ брови; краска бросилась въ лицо и онъ сталъ подниматься, вглядываясь въ дверь...

Генералъ быстро обернулся. Въ кабинетъ входила его дочь.

— А, вотъ и ты наконецъ...—началъ онъ, но остановился въ свою очередь, замѣтивъ и на ея лицѣ изумленіе и краску. Онъ недоумѣвалъ.—Позволь тебѣ представить... сынъ моего стараго пріятеля, Василій Ивановичъ Воеводскій... Моя дочь...

Они стояли другъ передъ другомъ, смущенные. Онъ узналъ въ ней ту чудную блондинку, которую такъ несчастливо обрызгалъ грязью своей пролетки. Она тоже узнала его. Генералъ не выдержалъ:

— Да что съ вами, дѣти мои? — воскликнулъ онъ. — Вы знакомы? Гдѣ и когда? Вижу, вижу—вы знакомы... Но «какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ»?..

— Я очень виноватъ передъ mademoiselle...—началъ Воеводскій и разсказалъ генералу о непріятномъ случаѣ.

Генералъ хохоталъ.

— И ты назвала его негодяемъ?—смѣялся онъ, весь трясясь.—Но, Маруся, развѣ такъ можно?.. Вѣдь ты рисковала нарваться на дерзость...

Digitized by Google

Воеводскій не находилъ словъ и глядѣлъ на нее съ восторгомъ. Чудные, нѣжные, какъ шолкъ, волосы окружали ея головку воздушнымъ ореоломъ. Овалъ лица, темныя брови, свѣтлые глазки, полныя губы, которыя при улыбкѣ обнажали превосходные зубы; ея ростъ, талія, длинная, узкая; выхоленная кисть руки съ изумительно отшлифованными и отдѣланными миндалинами ногтей—все въ ней было очаровательно. Онъ не могъ оторвать отъ нея глазъ. Она несовсѣмъ такая сердитая, какъ казалась ему тогда; теперь, когда она улыбается, въ ней такъ и сквозитъ веселость, какой-то захватывающій задоръ. Куда исчезли суровость, строгость, сдвинутыя брови?.. Это Эльза... настоящій типъ древне-германской красоты, Эльза, вырвавшаяся прямо изъ какой нибудь скандинавской саги и сошедшая во всемъ ореолѣ ея сѣверной красоты на нашу бѣдную землю... Что-то подобное этому поэтическому сравненію пришло въ голову Воеводскому. «Обалдѣлъ»—думалъ онъ: —«чувствую, какъ ужасно-глупо я обалдѣлъ»... Онъ видѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что она замѣтила его «обалдѣніе» и ей было это пріятно. Было это пріятно и генералу, отъ котораго восторженное состояніе гостя не ускользнуло.

«Клюетъ!»—подумалъ онъ, и по лицу его опять разлилась улыбка.

«Такъ вотъ она какая»!—размышлялъ Воеводскій, невпопадъ отвѣчая генералу на его вопросы, которыми тотъ закидывалъ его, чтобы дать ему время опомниться и прійти въ себя. Но Боже мой! Почему же такая красавица нигдѣ не показывается? Зачѣмъ она прячется? Онъ невольно сравнивалъ ее со всѣми женщинами, которыя ему нравились. Всѣ онѣ блѣднѣли и тускнѣли передъ этой роскошной дѣвушкой. И онъ припоминалъ впечатлѣніе, которое производили на него другія. Ему никогда не нравилась сразу ни одна женщина; онъ долженъ былъ долго присматриваться, привыкать, постигать ея красоту, чтобы потомъ восторгаться ею. Ни одна изъ прежнихъ не производила на него такого поражающаго впечатлѣнія... Онъ вновь провѣрилъ себя и посмотрѣлъ на нее. Лицо ея быстро мѣнялось; когда она молчала, оно становилось серьезнымъ, вдумчивымъ, строгимъ; когда же улыбалась,—все вокругъ нея расцвѣтало и спѣшило рабски отвѣчать на ея улыбку; когда краска выступала на ея блѣдныхъ щекахъ, она стано-

Digitized by Google

вилась похожей на милаго, славнаго ребенка, на дѣвочку, только что нашалившую и наивно сконфузившуюся.

Сказавъ нѣсколько словъ, она вышла изъ кабинета, и кабинетъ сталъ вдругъ мрачнымъ, унылымъ, печальнымъ...

— Какая прелестная! ахъ, какая симпатичная ваша дочка!— воскликнулъ Воеводскій, не удержавшись.

— Мой добрый другъ,—весь расплываясь въ улыбку, сказалъ генералъ:—вы увлекаетесь. Ничего себѣ дѣвчонка... и только. Подите же къ ней, въ гостинную, поболтайте. У васъ есть свободная минутка? А я къ вамъ выду. Мнѣ еще нужно написать письмо.

Воеводскій пошелъ въ гостинную. Блондинка сидѣла за пяльцами въ уютномъ уголку и вышивала въ полкреста огромный коверъ. Они быстро разговорились. Черезъ пять минутъ они уже весело болтали, какъ старые знакомые. Разговоръ ея былъ оригиналенъ и смѣлъ.

— Папа говорилъ, что вы очень любите женщинъ? — начала она.

— Очень...—засмѣялся гость.

— А вы знаете толкъ въ туалетахъ?

— Конечно.

— Всѣ вы такъ говорите, а на дѣлѣ я не видѣла еще мужчины, который съумѣлъ бы дать хорошій совѣтъ женщинѣ...

— Проэкзаменуйте.

— Какія матеріи теперь въ модѣ?

— Ну...—затруднился онъ:—разныя... преобладаютъ changeant. Одно время serpentine было въ модѣ, но это нѣсколько эксцентрично. Такую блондинку, какъ вы, я бы одѣвалъ всегда въ черное... какъ вы одѣты теперь. Вамъ бы очень шла фетровая шляпа Napoléon, съ какимъ нибудь блѣднымъ цвѣткомъ и черными страусовыми перьями, надѣтая нѣсколько на бочокъ, съ задоромъ. Это придавало бы вамъ чуть-чуть вызывающій видъ... quelque chose de provocant... Вамъ очень идетъ задорный видъ и надутыя губки...

— Какъ тогда, когда вы обрызгали меня грязью...

— О, не вспоминайте объ этомъ тяжкомъ преступленіи. Впрочемъ, я не знаю, что бы вамъ могло не пойти, въ самомъ дѣлѣ.

Digitized by Google

Онъ думалъ, что она сконфузится, поблагодаритъ за комплиментъ или скажетъ что нибудь въ этомъ родѣ. Но она очень спокойно, съ сознаніемъ своей необыкновенной красоты, величественно-просто сказала:

— Да, я знаю. Это мнѣ говорили многіе... Скажите, вы ухаживаете за Пантеонъ?—вдругъ спросила она.

Онъ сконфузился.

— Да... то есть... это было.

— Вы не конфузьтесь, я люблю, когда мужчина ухаживаетъ за какой нибудь извѣстной женщиной, которую знаетъ tout Pétersbourg... Это его позируетъ. Пріятно такого мужчину отбить... Ей будетъ досадно.

— Развѣ вы собираетесь меня отбивать?—радостно вскрикнулъ онъ.

Она его смѣрила «длиннымъ» взглядомъ сверху внизъ и въ бокъ. Это придавало ей презрительный видъ, что̀ опять очень шло къ ней. Мимика ея была изумительно разнообразна.

— Я... васъ?—сказала она:—нѣтъ, откуда вы взяли? Я говорю вообще. Еслибы у меня былъ мужъ (она вдругъ покраснѣла и выраженье лица сразу измѣнилось) я бы хотѣла, чтобы въ него были влюблены всѣ барышни. Онѣ бы страдали... бѣдныя! Интересно...

— А вы бы не ревновали?

— Развѣ *я* могу ревновать? — спросила она, и лицо ея приняло гордый видъ.—Пантеонъ очень эффектна... — прибавила она неожиданно.

— Какъ?..—изумился Воеводскій.—*Вы* ее видѣли?

— Ну, да. На набережной.

Онъ нагнулся къ ея работѣ и посмотрѣлъ на вышиванье. Его губъ почти касалась блѣдно-золотистая пѣна ея взбитыхъ волосъ, сквозь которые еле виднѣлась, скорѣе чувствовалась нѣжная, розоватая кожа головы. Тонкій ароматъ духовъ захватывалъ его дыханіе. Онъ еле удержался, чтобы не поцѣловать ея волосы, которые походили, при косомъ свѣтѣ изъ окна, на освѣщенную солнцемъ золотистую паутину.

— Вы душитесь ирисомъ?—спросилъ онъ.

— А, вы понимаете толкъ въ духахъ! Терпѣть не могу мужчинъ, которые не могутъ узнавать запаха безъ этикетки. Да, я люблю ирисъ. Въ этомъ запахѣ есть какая-то грусть.

Digitized by Google

Такъ пахнетъ весной на кладбищахъ. Женщина всегда должна избрать какіе нибудь опредѣленные духи и душиться ими постоянно, не мѣняя. Я перепробовала много духовъ, пока не напала на такой запахъ, который мнѣ очень идетъ. Вы понимаете, что запахъ, какъ и цвѣтъ, могутъ идти и не идти къ женщинѣ?

Онъ никогда не думалъ объ этомъ, но теперь, послѣ ея словъ, вдругъ сразу понялъ и закивалъ головой.

— Рыцари, — продолжала она, — носили цвѣта любимой женщины. Почему не быть запаху любимой женщины?

— Конечно,—согласился онъ.

Онъ чувствовалъ себя съ ней хорошо, свободно, просто. Не прошло и пяти минутъ, какъ они познакомились, но онъ уже говорилъ съ ней, не стѣсняясь, какъ съ добрымъ товарищемъ. «Что за прелесть!»—думалъ онъ, не будучи въ состояніи оторвать свой взоръ отъ ея прелестнаго личика.

— Вамъ сколько лѣтъ?—внезапно спросилъ онъ.

— Двадцать семь!—съ комическимъ ужасомъ отвѣтила она.

«И до сихъ поръ не замужемъ!»—удивился Воеводскій и не могъ объяснить себѣ причины.

— Отчего васъ нигдѣ не видно? Вы никуда не выѣзжаете?

Теперь пришла ея очередь сконфузиться. Она вдругъ вся зардѣлась.

— Такъ... не люблю... дома сижу,—смущенно проговорила она.

«Есть какая-то тайна»—подумалъ Воеводскій и, тоже смутившись, взялся за книгу.

— Ого, какія вещи вы читаете!—воскликнулъ онъ, взглянувъ на заглавіе:—«Опытъ соціальной психологіи женщины».

— Да, я очень много читаю.

Онъ взялъ другую книгу.

— «Эволюція нравственности»!—прочелъ онъ и взглянулъ на третью: «У Орлинаго Гнѣзда», романъ Вернера. «Что за сфинксъ»?—подумалъ онъ.

— Я все читаю... Все, все... Бросьте книги, я не люблю, когда ихъ разсматриваютъ... И серьезныя, и романы... Въ библіотекѣ не хватаетъ книгъ, я ихъ всѣ перечитала. Я очень люблю Вернера. У него все такъ хорошо, такъ изящно... По-

Digitized by Google

нимаете, и *онъ*, и *она* любятъ другъ друга, томятся, терзаются... Она читаетъ въ его глазахъ невысказанныя мысли... Но онъ страдаетъ и не признаётся...

— Почему же не признаётся?—засмѣялся онъ.

— Мало ли... тамъ препятствія разныя. Гордость, самолюбіе... Проходятъ года, они разстаются, но все продолжаютъ любить и потомъ... въ концѣ, въ самомъ концѣ... они встрѣчаются... на послѣдней страницѣ. Онъ не выдерживаетъ и, купивъ право высказать ей свою любовь за долгіе годы, свое молчанье и страданье, наконецъ признаётся гдѣ нибудь у «Орлинаго гнѣзда» или у алтаря... Хорошо... Такъ любить и писать могутъ только нѣмцы. И все у него гордые Роберты или Раули и поэтичныя Эльзы...

Онъ не могъ понять: шутила она или говорила серьезно.

— Вы сами типъ Эльзы,—рискнулъ онъ сказать:—*вы* точно вырвались изъ скандинавской саги,—вспомнилъ онъ сравненіе, пришедшее на умъ при ея видѣ.

— Я бы никогда не умѣла такъ любить сама... — произнесла она и, вдругъ приложивъ палецъ къ своему изящному носику и сощуривъ глаза, сказала свое любимое словечко: — интересно!

Личико ея приняло такой плутовато-комическій видъ, что онъ не могъ не расхохотаться. Вошелъ генералъ. Заставъ ихъ разговаривающими, онъ умилился. Воеводскій сталъ прощаться, генералъ его удерживалъ. Чрезвычайно любезно проводилъ онъ его до самыхъ дверей и просилъ бывать почаще.

Очарованный Воеводскій поѣхалъ домой.

В. Свѣтловъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Два жребія.

Стоялъ весенній ясный день.
Они съ восходомъ солнца встали,
Шли долго степью и устали,
И отдохнуть присѣли въ тѣнь.
Куда ни падалъ взоръ—пестрѣли
И улыбалися цвѣты,
И звонко жаворонка трели
Неслись на землю съ высоты.
Степнымъ раздольемъ очарованъ,
Одинъ изъ путниковъ забылъ,
Что въ кандалы съ утра онъ былъ
Рукой привычною закованъ,—
И захотѣлъ онъ въ эту степь
Уйти скорѣй—извѣдать волю...
Но загремѣла глухо цѣпь,
И проклялъ онъ свою неволю!

Уставъ и жить, и мыслить тамъ,
Гдѣ воздухъ напоенъ борьбою,
Ушелъ я въ глушь, къ роднымъ лѣсамъ
И здѣсь я встрѣтился съ тобою.
Исчезли тягостные сны,
Умчались вдаль мои печали,
И въ сердцѣ струны зазвучали
Давно осмѣянной весны.
Забывъ и холодъ, и ненастье,
И рабства горькіе года,
Съ любовью къ жизни, съ вѣрой въ счастье,
И съ жаждой новаго труда,
Я захотѣлъ на ширь, на волю,
Изъ этой сѣрой, душной мглы...
Но загремѣли кандалы,
И проклялъ я мою неволю!

А. Кругловъ.

Digitized by Google

„СУМЕРКИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА".

...Вотъ какая картина открывается взору при пылающемъ заревѣ «сумерекъ человѣчества»: на небѣ горятъ яркимъ пламенемъ сгустившіяся тучи; надъ землею встаютъ глубокія тѣни и облекаютъ пространство таинственною мглою. Прошелъ день и настала ночь. Старые люди глядятъ съ тревогою и боятся, что они не доживутъ до нарожденія новаго времени. Молодые и здоровые чувствуютъ, какъ въ ихъ жилахъ и нервахъ бьется жизненная сила, и привѣтствуютъ грядущій восходъ солнца. Ночные сны, мечты, безнадежныя воспоминанія однихъ и смѣлыя ожиданія другихъ,—вотъ что составляетъ предметъ и содержаніе искусства нашей эпохи.

Максъ Нордау. «*Вырожденіе*».

I.

Одинъ англійскій врачъ—вѣроятно, большой любитель научныхъ эксцентричностей—подвергъ недавно внимательному изслѣдованію черепъ Вальтеръ-Скотта и рѣшилъ, опираясь на соотвѣтственныя теоріи, что авторъ «Пуританъ», «Айвенго» и «Квентина Дорварда» былъ идіотомъ-микрокефаломъ. Разумѣется, съ своей точки зрѣнія англійскій докторъ правъ, если только «теоріи» примѣнены имъ вѣрно, но образованное человѣчество никогда не приметъ подобнаго опредѣленія великаго писателя. И образованное человѣчество также будетъ право. Ни одна теорія не исчерпываетъ затрогиваемаго ею вопроса до дна; ни одна гипотеза не остается безъ брешей и наскоро зачиненныхъ прорѣхъ.

Эксцентричный врачъ, вынесшій Вальтеръ-Скотту суровый приговоръ, основывался на строеніи его черепа и, игнорируя его художественныя созданія, сдѣлалъ въ сущности не злое дѣло. Онъ лишній разъ напомнилъ, какъ осторожно слѣдуетъ относиться ко всякимъ теоріямъ вообще и «послѣднимъ словамъ науки»—въ частности. Пусть ученые продолжаютъ свои изслѣдованія, не боясь оскорбить самолюбіе толпы или посягнуть на ея святыни. Пусть

Digitized by Google

не будетъ ничего запретнаго для научной критики. Мы вправѣ лишь требовать, чтобы конечные выводы провозглашались съ бо́льшимъ спокойствіемъ и съ меньшею категоричностью. Тогда каждая добытая частица истины пойдетъ на пользу человѣчества и скорѣе выяснится истина цѣликомъ, во всемъ ея ослѣпительномъ величіи.

То, что́ я сейчасъ сказалъ объ англійскомъ врачѣ, произведшемъ В. Скотта въ идіоты-микрокефалы, въ значительной степени относится къ Максу Нордау, выступившему въ прошломъ году съ блестящимъ, но очень парадоксальнымъ этюдомъ на тему *вырожденія* современнаго человѣчества. Нордау, по образованію, психіатръ. Въ качествѣ правовѣрнаго ученика Ломброзо (которому, кстати сказать, посвящена и книга «Entartung»), онъ поставилъ себѣ задачей примѣнить методъ туринскаго профессора къ исторіи искусства и литературы. «Вырождающіеся,—говоритъ Нордау въ письмѣ къ своему учителю,—не всегда преступники, развратники, анархисты или общепризнанные сумашедшіе; иногда они бываютъ писателями, представителями искусства, но въ нихъ преобладаютъ однѣ и тѣ же умственныя,—въ большинствѣ случаевъ и физическія—черты одной и той же антропологической семьи, вооружающія руки однихъ ножемъ или динамитнымъ патрономъ, руки другихъ — перомъ или кистью. Нѣкоторые изъ такихъ выродковъ въ литературѣ, музыкѣ и мірѣ художествъ вошли за послѣдніе годы въ моду и провозглашены многочисленными поклонниками за творцовъ новаго искусства и провозвѣстниковъ грядущихъ вѣковъ».

Цѣль настоящаго труда Нордау — доказать, что большинство мнимыхъ провозвѣстниковъ грядущихъ вѣковъ—люди не нормальные, дѣйствующіе подъ вліяніемъ физическихъ и нравственныхъ факторовъ, характеризующихъ въ совокупности явленіе, извѣстное въ наукѣ подъ именемъ *вырожденія*.

Что такое *вырожденіе*? Слѣдуя опредѣленію Мореля, Нордау разсматриваетъ вырожденіе, какъ болѣзненное уклоненіе отъ первоначальнаго типа. Если организмъ серьезно разслабленъ, то нормальный типъ будетъ разрушенъ и это неминуемо отзовется на дальнѣйшихъ поколѣніяхъ. Признаки вырожденія—двоякаго рода: ихъ нужно искать и въ физическихъ недостаткахъ человѣка, и въ ненормальности его духовной организаціи. Къ числу послѣднихъ относятся: отсутствіе у вырождающихся понятія о нравственности и правдѣ, необыкновенная чувствительность, отвращеніе ко всякой работѣ, ужасъ передъ дѣятельностью, и болѣзнь воли. Въ связи съ атрофіею дѣятельности, находится склонность къ безсодержательной мечтательности. Далѣе Нордау отмѣчаетъ уже общеизвѣстные при-

Digitized by Google

знаки вырождающихся. «Вырождающійся преисполненъ сомнѣній, стремится распознать причины явленій, въ особенности тѣхъ, что̀ являются навсегда тайной для человѣчества, и очень несчастливъ, если его изслѣдованія и умствованія ни къ чему не ведутъ. Онъ дѣлается творцомъ метафизическихъ системъ, разрѣшаетъ вѣковыя тайны мірозданія, разыскиваетъ квадратуру круга и элексиръ безсмертія. Изъ вырождающихъ же вербуется комплектъ изобрѣтателей perpetuum mobile». Главнымъ же характернымъ признакомъ вырожденія Нордау считаетъ мистицизмъ, ссылаясь на авторитетъ Колена.

«Изъ всѣхъ болѣзненныхъ симптомовъ,—говоритъ Коленъ,—мы не знаемъ болѣе вѣрнаго для опредѣленія умственнаго разстройства, какъ пунктъ мистическаго помѣшательства. Если дѣло не дошло до остраго его періода, ненормальность выражается въ постоянномъ интересѣ къ мистическимъ и религіознымъ вопросамъ, въ преувеличенной набожности и т. п.».

Не нужно, однако, выводить изъ этого, что всѣ вырождающіеся—тупицы, бездарности и глупцы. У Нордау на сей предметъ готова уже новая ссылка. Легренъ признаётъ, что вырождающійся можетъ быть даже геніемъ. «Неуравновѣшенный мозгъ часто способенъ къ возвышеннымъ мыслямъ; но параллельно съ тѣмъ приходится наблюдать жалкую и смѣшную работу мозга, еще ярче отражающуюся среди блестящихъ качествъ». Ломброзо, какъ извѣстно, въ своей книгѣ: «Геніальность и помѣшательство» называетъ многихъ геніевъ, бывшихъ, въ то же время, маттоидами [1]). «Наука не утверждаетъ,—говоритъ далѣе Нордау,—что геній долженъ быть сумашедшимъ; встрѣчаются, напротивъ, здоровые, сильные и уравновѣшенные геніи. Точно также понятно, что не всякій сумашедшій—въ то же время геній; большинство изъ нихъ тупы и безсмысленны, но въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ «высшей формы вырожденія» можно, дѣйствительно, наблюдать сильно развитую способность мышленія,—правда, обострившуюся за счетъ другихъ качествъ. Послѣдняя даетъ возможность свѣдущимъ людямъ сразу отличить здоровый геній отъ даровитаго и даже высокоодареннаго вырождающагося. У перваго мы можемъ отнять всѣ особенности, выдѣлившія его въ исключительный разрядъ людей, и передъ нами останется все таки здоровый, часто очень умный, ловкій и нравственный человѣкъ, способный занять достойное мѣсто на всѣхъ

[1]) Маттоидами Ломброво называетъ «разновидность, составляющую промежуточное звено, переходную ступень между геніальными безумцами, здоровыми людьми и помѣшанными» («Геній и помѣшательство», стр. 117, гл. IX, 2-е изд. Павленкова). *Авт.*

Digitized by Google

ступеняхъ общественности. Попробуемъ это сдѣлать съ вырождающимся—и у насъ останется или преступникъ, или обитатель сумашедшаго дома, съ которымъ здоровое человѣчество не можетъ имѣть ничего общаго». «Недостатокъ уравновѣшенности и отсутствіе гармоніи, дѣлающія безплодными признанныя дарованія геніальныхъ вырождающихся, бросаются въ глаза всякому здоровому наблюдателю, не поддающемуся вліянію восторженной и также вырождающейся критики». Вырождающіеся подкупаютъ и ослѣпляютъ толпу, оказываютъ на нее подчасъ извѣстное вліяніе—но всегда во вредъ, а не на пользу человѣчества. «Если они—художники, краски пріобрѣтаютъ у нихъ своеобразную систему и становятся часто декоративными. Какъ поэты, они отличаются часто богатствомъ риѳмъ и блескомъ формы, но въ то же время отсутствіемъ всякой мысли; иногда же они—декаденты».

Послѣдняя цитата приведена Нордау изъ книги Ломброзо. Завершивъ эту общую характеристику вырождающихся, критикъ продолжаетъ:—«Таковы наиболѣе даровитые изъ тѣхъ, что открываютъ новые горизонты въ искусствѣ и въ литературѣ, и которые превознесены восторженными юношами до степени вождей, призванныхъ вести человѣчество въ обѣтованную землю. Вырождающіеся и маттоиды среди нихъ преобладаютъ. На толпу же, восхищенную и колѣнопреклоненную, гоняющуюся за придуманными ими модами и оригинальничающую, приходится смотрѣть, какъ на истеричную или какъ на одержимую неврастеніей».

Переходя къ характеристикѣ толпы fin de siècle, Нордау обнаруживаетъ много остроумія, тонкой наблюдательности и превосходной эрудиціи. Особенно интересны соображенія, которыя онъ высказываетъ относительно причинъ массоваго вырожденія. Ихъ Нордау видитъ въ условіяхъ жизни и дѣятельности современнаго человѣчества. Скопленіе населенія въ большихъ городахъ здѣсь стоитъ на первомъ планѣ и, конечно, нѣтъ надобности доказывать гибельное вліяніе условій городской жизни и на дѣтей, и на взрослыхъ. Достаточно того факта, что смертность въ столицахъ всегда гораздо выше нормальной и въ два раза выше, чѣмъ въ деревняхъ; между тѣмъ ей, по замѣчанію Нордау, слѣдовало бы быть значительно ниже, такъ какъ въ большихъ городахъ сосредоточенъ зрѣлый возрастъ, съ пониженной, сравнительно съ дѣтскимъ и преклоннымъ возрастомъ, смертностью.

Но еще большее значеніе придаетъ Нордау распространенію техническихъ изобрѣтеній и усовершенствованій. Паръ и электричество «перевернули вверхъ ногами жизненныя привычки всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, начиная съ высшихъ классовъ

Digitized by Google

и кончая низшими». Авторъ «Вырожденія» обращается къ свидѣтельству статистики и сравниваетъ то, что было пятьдесятъ лѣтъ назадъ, съ тѣмъ, что мы видимъ теперь. Въ 1840 г., въ Европѣ насчитывалось 3,000 километровъ желѣзныхъ дорогъ; въ 1891 г. ихъ насчитывается 218,000; число пассажировъ въ 1840 г. въ Германіи, Франціи и Англіи равнялось двумъ съ половиною милліонамъ; въ 1891 ихъ 614,000,000. Въ Германіи въ 1841 г., въ среднемъ, приходилось на обывателя — 85 писемъ; въ 1888 году это число увеличилось до 200. Вывозная и ввозная всемірная торговля оцѣнивалась въ 1840 г. въ 28 милліардовъ марокъ. Теперь она доходитъ до восьмидесяти милліардовъ.

Дальнѣйшіе примѣры—въ такомъ же родѣ. Усиленіе пассажирскаго движенія, увеличеніе корреспонденціи, прогрессъ въ мірѣ промышленности и т. п.—все это вызываетъ усиленіе и увеличеніе дѣловитости человѣка. «Послѣдній мужикъ — говоритъ Нордау — имѣетъ теперь болѣе широкія географическія сношенія и сложные умственные интересы, чѣмъ первый министръ мелкаго и средняго государства сто лѣтъ назадъ; если онъ читаетъ свою газету, глупый провинціальный листокъ, онъ принимаетъ все таки, хотя бы чисто механическое, участіе въ тысячѣ событій во всѣхъ концахъ земнаго шара; онъ интересуется судьбою переворота въ Чили, войной въ восточной Африкѣ, кровопролитіемъ въ сѣверномъ Китаѣ, неурожаемъ въ Россіи, уличнымъ возстаніемъ въ южной Испаніи, и всемірною выставкою въ Чикаго. Кухарка получаетъ и отправляетъ теперь больше писемъ, чѣмъ университетскій профессоръ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, а мелкій лавочникъ путешествуетъ и видитъ больше людей и городовъ, чѣмъ владѣтельный князь въ 1840 году».

Естественно, что «такая дѣятельность, даже въ болѣе простыхъ своихъ видахъ, связана съ напряженіемъ нервной системы и съ необычайной затратою силъ. Всякая строчка, прочитанная или написанная нами, всякое новое человѣческое лицо, всякая бесѣда, пейзажъ, влекущій взоръ изъ окна вагона мчащагося поѣзда, возбуждаютъ нервы и мозгъ. Даже безсознательно воспринимаемые нами толчки, постоянный дымъ и измѣнчивая физіономія городскихъ улицъ, постоянный интересъ къ газетамъ, ожиданіе почтальона и новостей—все это заставляетъ работать мозгъ. Населеніе Европы за пятьдесятъ лѣтъ не успѣло удвоиться, затрата же силъ его удесятерилась и стала даже въ пятьдесятъ разъ больше прежней. Всякій культурный человѣкъ совершаетъ теперь работу отъ пяти до двадцати разъ бо́льшую, чѣмъ требовалось отъ него пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Замѣчательно колоссальной и исключительно органической

Digitized by Google

затраты силъ не восполняетъ ихъ прибытокъ; онъ даже не можетъ ее восполнить. Житель Европы ѣстъ нѣсколько больше и лучше, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, но не въ такой пропорціи, въ какой тратитъ свои силы. Впрочемъ, даже въ томъ случаѣ, еслибы онъ поглощалъ лучшую пищу, дѣло мало выиграло бы, такъ какъ онъ не могъ бы ее переварить. Нашъ желудокъ долженъ считаться съ нервною системой и мозгомъ. Послѣдній же требуетъ гораздо бо́льшаго, чѣмъ тотъ можетъ ему дать, и происходитъ то, что́ всегда случается, когда затрата не возмѣщается поступленіемъ: сначала расхо́дуются запасы, а потомъ наступаетъ крахъ».

Во Франціи, которой Нордау отдаетъ предпочтительное, хотя вовсе не лестное вниманіе, ко всѣмъ указаннымъ причинамъ вырожденія присоединяются еще другія, спеціальныя. «Страшныя потери крови въ наполеоновскія войны, потрясенія и нервное возбужденіе, принесенныя съ собою наполеоновскою эпохою, очень дурно подготовили французовъ къ напору великихъ открытій; послѣднія давили ихъ поэтому болѣе жестоко, чѣмъ другіе, болѣе здоровые и сильные народы». Война 1870 года имѣла для Франціи роковое значеніе. «Французъ считалъ себя первымъ народомъ міра— и вдругъ онъ уничтоженъ и растоптанъ, а вмѣстѣ съ нимъ разбиты и его вѣрованія. Каждый былъ разоренъ матеріально, потерялъ своихъ близкихъ и чувствовалъ, кромѣ того, что у него отняли его завѣтнѣйшую вѣру, его честь. Цѣлый народъ уподобился человѣку, потерявшему, благодаря неожиданному удару судьбы, все свое имущество, свое положеніе, семью, уваженіе близкихъ и самоуваженіе. Тысячи людей сходили съ ума. Парижъ пережилъ настоящую эпидемію помѣшательствъ подъ именемъ «осаднаго помѣшательства» (folio obsidionale). Тѣ же, кто не лишился разсудка, носили еще долго слѣды потрясенія, здоровье ихъ расшаталось и нервная система отказывалась служить. Все это объясняетъ намъ, почему истерія и неврастенія встрѣчаются чаще и въ болѣе разнообразныхъ формахъ именно во Франціи, и почему болѣе цѣнныя изслѣдованія въ этой области появились тоже на французскомъ языкѣ. Точно такимъ же образомъ становится яснымъ для насъ, почему модныя болѣзненныя явленія въ литературѣ и искусствѣ должны были зародиться во Франціи, почему тамъ придумали слово для вырожденія—«fin de siècle».

Все, сказанное сейчасъ Нордау, поясняетъ, въ свою очередь, почему критикъ-психіатръ отводитъ особенно много мѣста новѣйшимъ французскимъ художественнымъ теоріямъ, почему ищетъ вырождающихся и маттоидовъ, главнымъ образомъ, среди нынѣшнихъ французскихъ писателей.

Digitized by Google

Что касается формъ вырожденія, то Нордау различаетъ ихъ три: *мистицизмъ*, *эготизмъ* и *реализмъ*. Къ мистикамъ онъ относитъ прерафаэлитовъ, Толстаго съ послѣдователями, Вагнера и вагнеристовъ, символистовъ, окультистовъ и т. д. Парнасцы, декаденты, эстетики, демонисты, Ибсенъ и Ницше составляютъ у него вторую группу; въ третьей же красуется монументальная фигура Золя.

Слабыя стороны теоріи Нордау будутъ видны изъ послѣдующаго изложенія. Нельзя отрицать, однако, что его «Entartung» содержитъ много здоровыхъ мыслей, вѣрныхъ опредѣленій и удачныхъ характеристикъ. Нельзя также не признать «сумеречной» переживаемую нами эпоху. Но вопросъ сводится не къ отдѣльнымъ мыслямъ автора, а къ обобщающей идеѣ, въ доказательство которой написана книга. Вотъ съ этой-то идеей, какъ увидимъ ниже, и трудно согласиться.

II.

Приступая къ обзору группы мистиковъ, Нордау дѣлаетъ, прежде всего, общее опредѣленіе мистицизма. «Мистицизмъ,—говоритъ онъ,—означаетъ такое душевное состояніе, когда неизвѣстныя и необъяснимыя отношенія между явленіями усвоиваются нами, и ихъ даже какъ будто возможно понять; когда повсюду и вездѣ усматривается тайна, и вещи служатъ только отраженіемъ неизвѣстнаго. Состояніе мистицизма неизбѣжно связано съ сильнымъ нравственнымъ возбужденіемъ».

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что въ извѣстной области душевной жизни каждый изъ насъ—отчасти мистикъ. «Обо всемъ, чего мы сами не видѣли, мы имѣемъ смутное и неопредѣленное представленіе. И, тѣмъ не менѣе, здороваго человѣка легко отличить отъ мистика». Для этого существуетъ способъ, который Нордау считаетъ безошибочнымъ. «Здоровый человѣкъ всегда въ состояніи дать себѣ отчетъ въ непосредственныхъ своихъ наблюденіяхъ и связно сопоставить ихъ между собою. Мистикъ путаетъ, напротивъ, туманные и фантастическіе образы съ дѣйствительностью, и все исчезаетъ у него во мракѣ неопредѣленности. Самый суевѣрный мужикъ знаетъ все, касающееся его полевой работы и кормёжки скота; о своемъ надѣлѣ онъ имѣетъ очень ясное представленіе. Онъ можетъ вѣрить въ вѣдьмъ и нечистую силу, нагоняющую непогоду, такъ какъ объ образованіи дождя не имѣетъ понятія, но онъ никогда не будетъ желать, чтобы Господь Богъ прислалъ ему ангела вспахать его поле. У мистика, наоборотъ, преобладаетъ все необъяснимое, не имѣющее образа; въ силу недостатка вниманія, онъ не-

Digitized by Google

способенъ составить себѣ точное представленіе даже объ обыденныхъ вещахъ повседневной жизни, отличить связь между простыми явленіями. Все заставляетъ его искать объясненія ихъ въ таинственныхъ силахъ, волнующихся и кипящихъ въ его сознаніи».

Такимъ образомъ, мистики, съ которыми имѣетъ дѣло Нордау,—не нормальные люди и мистицизмъ ихъ слѣдуетъ разсматривать, какъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ вырожденія. Особенно типичной, въ указанномъ смыслѣ, нѣмецкій критикъ считаетъ литературную и художественную школу *прерафаэлитовъ*, образовавшуюся въ Англіи въ концѣ сороковыхъ годовъ. Полнѣе всего выразить принципы школы удалось Джону Рескину. Джонъ Рескинъ, по выраженію Нордау, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ стилистовъ, одинъ изъ самыхъ мрачныхъ и ложныхъ умовъ нашего вѣка. Онъ примѣнилъ къ искусству схоластическій методъ также точно, какъ его примѣняли до той поры къ теологіи. Живопись и скульптура должны быть одною изъ формъ служенія Творцу или не существовать вовсе. «Произведеніе искусства выдѣляется не по мастерству кисти или рѣзца, а по мысли, имъ выраженной, по чувству благоговѣнія, съ какимъ оно было задумано и исполнено».

Указавъ подробности теоріи Рескина, Нордау критически разсматриваетъ ее. «Теорія Рескина,—говоритъ онъ,—сама по себѣ—сумасшедшая теорія. Она отрицаетъ самыя основанія эстетики и колеблетъ съ дѣтской рѣзвостью границы искусства. Она желаетъ считаться *только съ идеями*. Картина имѣетъ цѣнность по мысли, вложенной въ нее художникомъ, и притомъ по мысли религіозной. Рескинъ не понимаетъ или не желаетъ понять, что чувство наслажденія отъ произведеній кисти объясняется непосредственно *не идеею, а ея изображеніемъ*. Живопись возбуждаетъ въ насъ, при посредствѣ красокъ и рисунка (какъ подобія и противоположности чисто свѣтовыхъ эффектовъ), сначала чувство красоты тоновъ и гармоническаго сочетанія красокъ. Потомъ она даетъ намъ иллюзію дѣйствительности и даритъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, болѣе высокимъ умственнымъ наслажденіемъ въ формѣ представленія дѣйствительности и намѣреній автора; наконецъ, она заставляетъ насъ смотрѣть на предметъ глазами автора и замѣчать особенности въ цѣломъ и частяхъ, ускользающія обыкновенно отъ взоровъ художественно не одареннаго зрителя».

Послѣдователи Рескина продолжали его теорію и установили взглядъ на технику, какъ на нѣчто третьестепенное. Недостатокъ техники можетъ вполнѣ искупить идея. Если идея высока, то на технику не стоитъ обращать вниманія. Поэтому живопись они признаютъ только до Рафаэля. Рафаэль, по ихъ мнѣнію, не «царь художниковъ», а символъ паденія искусства.

Digitized by Google

Совершенно также смотрятъ нѣкоторые архаическіе музыкальные критики на Бетховена. До Бетховена была музыка. Величайшимъ ея геніемъ нужно считать Моцарта. Бетховенъ уже носитъ въ себѣ элементъ декадентизма; о новѣйшихъ же композиторахъ и говорить нечего.

Нужно сказать, что этотъ взглядъ правильно, настойчиво проводился и проводится однимъ изъ способнѣйшихъ нашихъ критиковъ—г. Ларошемъ. Очевидно, взглядъ «вырождающагося».

Съ теченіемъ времени, прерафаэлиты отказались отъ крайностей рескиновской теоріи. Они удержали только, по опредѣленію Нордау, тщательное изображеніе самыхъ несущественныхъ частей и скрытыхъ мыслей. Наиболѣе знаменитымъ изъ прерафаэлитовъ - писателей является Данте Габріэль Розетти, авторъ «The blessed damozel»—преисполненной своеобразныхъ красотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невѣроятной чепухи самаго «декадентскаго» пошиба. Кромѣ Розетти, Нордау называетъ еще Свинборна, написавшаго сказку—преданіе о десяти принцессахъ, и Вилльяма Морриса, душевное равновѣсіе котораго нарушалось не мистицизмомъ, а недостаткомъ самостоятельности и необыкновенною впечатлительностью. Вліяніе прерафаэлитовъ на англійскую литературу было значительно, но преобладающимъ ему не суждено было сдѣлаться. На своей родинѣ, прерафаэлизмъ выродился въ «эстетизмъ»; во Франціи же онъ принялъ форму «символизма».

Нарушая порядокъ книги Нордау, я перейду теперь къ символистамъ, отводя Толстому и Вагнеру мѣсто въ концѣ первой группы. Съ сущностью символизма я уже познакомилъ читателей въ особой статьѣ, посвященной разсмотрѣнію усиленнаго развитія этой художественной теоріи на русской почвѣ [1]). Мнѣ остается, такимъ образомъ, дополнить сказанное нѣкоторыми подробностями. О рожденіи «шайки символистовъ» Нордау разсказываетъ не безъ злаго юмора: «Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ парижскомъ латинскомъ кварталѣ составилась группа лицъ, почти одинаковаго возраста, собиравшихся каждый вечеръ въ одной изъ мрачныхъ залъ кафе «Сенъ-Мишель». Здѣсь они просиживали до глубокой ночи или до ранняго утра, распивали пиво, издѣвались надъ извѣстными и зарабатывающими большія деньги писателями и величались своими никому неизвѣстными талантами. Первое слово на собраніяхъ принадлежало: Эмилю Гудо, болтуну, написавшему два или три глупыхъ стихотворенія; Морису Роллина, автору «Nevroses», и Эдмонду Гарокуру, въ настоящее время одному изъ образцовыхъ французскихъ мистиковъ. Они называли себя

[1]) «Символизмъ на русской почвѣ», «Наблюдатель», 1894 г. книга I.

Digitized by Google

«гидропатами», слово, совершенно безсмысленное, составленное изъ «гидротерапіи» и «невропатіи», но оно было въ духѣ этихъ больныхъ людей и говорило имъ о разбитой нервной жизни. Группа имѣла свой еженедѣльный органъ «Lutèce», опочившій послѣ первыхъ же выпусковъ. Около 1884 г. банда покинула прежнюю временную квартиру и расположилась въ кафе «François I», на бульварѣ С. Мишель. На долю этого кафе выпала великая честь быть колыбелью символизма. Еще до сихъ поръ онъ является храмомъ для честолюбивой молодежи, разсчитывающей примкнуть къ символизму, чтобы добиться не дающейся въ жизни извѣстности. Всѣ тупоголовые иностранцы также отправлялись въ Мекку, чтобы познакомиться съ этимъ уголкомъ и его тайнами. Нѣкоторые изъ «гидропатовъ» не явились на новоселье, но ихъ мѣсто заняли свѣжіе адепты: Жакъ Мореасъ, Лоранъ Тальядъ, Шарль Морисъ и др. Они отказались отъ прежняго имени и одно время называли себя декадентами. Такую кличку далъ имъ одинъ изъ критиковъ въ знакъ своего презрѣнія, но они ухватились за нее, и гордо и смѣло наименовали себя, въ видѣ протеста противъ критики вообще, декадентами. Очень скоро, однако, гостямъ «François I» это слово надоѣло и хозяинъ придумалъ титулъ «символистовъ». Подъ этимъ названіемъ они пріобрѣли себѣ извѣстность; небольшая же группа отщепенцевъ сохранила за собою имя «декадентовъ».

Всѣ символисты, по рѣшительному отзыву Нордау,—«грубые невѣжды и такъ какъ органически они не могли чему либо научиться, то, согласно извѣстному психологическому закону, убѣдили себя, что презираютъ всякую науку и считаютъ достойною человѣка только мечту».

Жажда извѣстности во что бы то ни стало дѣлаетъ символистовъ нечувствительными къ ударамъ критики и сарказмамъ толпы. Правило: «пусть ненавидятъ — лишь бы боялись» здѣсь нашло своеобразную перифразу: «пусть бранятъ—лишь бы знали». Извѣстности символисты добились—надо правду сказать—громкой и обширной. Нордау видитъ въ ней торжество наглой банды. Врядъ ли онъ безусловно правъ. Произведенія символистовъ, конечно, полны смутныхъ, неопредѣленныхъ, часто дикихъ образовъ и почти всѣ дышутъ фальшивымъ религіознымъ экстазомъ, но нельзя же отрицать за нѣкоторыми представителями школы большаго, оригинальнаго таланта. Наконецъ, не всѣ они въ одинаковой степени договариваются до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости. Нельзя смѣшивать, напримѣръ, Рембо съ Верленомъ и у самого Верлена отыскивать лишь исключительно безобразныя и безсмысленныя строфы.

Не касаясь вопроса, въ какой мѣрѣ движеніе символистовъ было

Digitized by Google

вызвано крайностями натуралистическаго движенія, односторонній критикъ спѣшитъ произнести подъ «школою» окончательный приговоръ. «Символисты—говоритъ онъ—прежде всего больные и калѣки, и, какъ таковые, возбуждаютъ состраданіе. Ихъ преступность должна быть разслѣдована, но жестокаго наказанія не заслуживаетъ. Послѣднее упразднено въ домахъ умалишенныхъ». «Большинство символистовъ—читаемъ далѣе—ничего, въ сущности, осмысленно не добивается; но нѣкоторые изъ тѣхъ, кто помоложе, стараются отыскать программу». Они требуютъ, во-первыхъ, бо́льшей свободы для французской версификаціи, возмущаются александрійскимъ стихомъ, возстаютъ противъ закона чередованія риѳмъ мужскихъ и женскихъ. Затѣмъ символисты требуютъ, чтобы стихъ, независимо отъ мысли, *однимъ звукомъ своимъ*, вызывалъ извѣстныя впечатлѣнія. Самой крайней символистической «фракціей» являются инструменталисты, придающіе слову «красочную чувственность». Слово, по ихъ теоріи, должно не только давать музыкальные эффекты, но и гармонію красокъ. Тутъ Нордау не можетъ уже отказать себѣ въ удовольствіи процитировать Легрена, отмѣчающаго склонность нѣкоторыхъ душевно-больныхъ различать добро и зло по цвѣту красокъ, и сослаться на Ломброзо, приводящаго въ примѣръ писателей, заказывающихъ бумагу въ нѣсколько красокъ для своихъ творческихъ упражненій. Авторитетъ названныхъ ученыхъ понадобился критику еще для другой цѣли: Барбе д'Орвиль, почитаемый символистами въ качествѣ великаго предтечи, писалъ письма такимъ образомъ, что каждая буква слова была разрисована особыми чернилами.

Ну, конечно, остается ли послѣ этого сомнѣніе въ ненормальности «шайки», состоящей изъ шарлатановъ, невѣждъ, бездѣльниковъ и искалѣченныхъ талантовъ?

Вполнѣ родственными символистамъ являются мистики и окультисты въ родѣ бельгійскаго декадента Метерлинка и мага Пеладана. Произведенія названныхъ двухъ «вырождающихся» и подобныхъ имъ обнаруживаютъ такое душевное состояніе авторовъ, что даже наиболѣе легковѣрный читатель, легче всего, по выраженію Нордау, поддающійся гипнозу печатнаго слова, долженъ смутиться и усмотрѣть здѣсь нѣчто неладное. «Появляются сочиненія и ученія, гдѣ умственное разстройство авторовъ бросается въ глаза и непроницательнымъ людямъ. Одинъ увѣряетъ, что онъ посвятитъ васъ въ тайны черной магіи и что онъ самъ—магъ; другой создаетъ образы и представленія сумашедшихъ домовъ, третій пишетъ книги, гдѣ высказываетъ мысли и чувства помѣшаннаго и слабоумнаго. И, вопреки ихъ явной ненормальности, находятся люди «всепонимаю-

Digitized by Google

щіе», неутомимо работающіе надъ тѣмъ, чтобы прозрѣть «будущее», «новыя нервныя явленія», «красоту таинственнаго» и сообщить ихъ молитвенно-склоненной толпѣ, какъ откровеніе генія».

Самымъ типичнымъ, самымъ эффектнымъ и въ то же время наиболѣе искреннимъ изъ компаніи оберъ-мистиковъ, спиритовъ, окультистовъ etc. Нордау кажется Жозефъ Пеладанъ, личность дѣйствительно замѣчательная.

Пеладанъ выдаетъ себя за потомка ассирійскихъ маговъ, владѣющаго могущественными тайнами Зороастра, Пиѳагора и Орфея. Онъ также потомокъ рыцарей, воскресившій орденъ розенкрейцеровъ (Rose+Croix). «Саръ» Пеладанъ носитъ голубыя и черныя одежды древняго покроя. Внѣшность его великолѣпна. Густые черные волосы падаютъ на плечи. Борода расчесана, какъ у ассирійскихъ царей, изображенныхъ на фрескахъ. Онъ пишетъ красными, желтыми чернилами на бумагѣ съ особымъ знакомъ—царской ассирійской шапкой и тремя змѣями. Въ гербѣ его щитъ и чаша съ пурпурною розой изъ вѣтокъ-крыльевъ и крестъ. Въ образованномъ Пеладаномъ орденѣ участвующіе дѣлятся на «великихъ пріоровъ», «архонтовъ» и «эстетиковъ»; имѣются еще «постулаты» и «грамматики». Самъ онъ, въ качествѣ «сара» и великаго розенкрейцера, пользуется особыми знаками отличія и уваженія. Въ его честь сочиненъ маршъ; когда онъ появляется въ торжественныхъ случаяхъ, играютъ трубы и бьютъ барабаны.

«Каждая книга Пеладана,—говоритъ Нордау,—украшена символическими иллюстраціями: головою женщины на столбѣ, извергающей пламень женскою грудью и т. д., и выпускается съ особымъ предисловіемъ, воззваніемъ, прибавленіями и заключеніемъ. Я возьму въ видѣ примѣра его сочиненіе: «Comment on devient mage» (Какъ сдѣлаться магомъ), иллюстрированное ассирійскими богами и розами. Сначала мы читаемъ объемистое посвященіе «Графу Антуану Ларошфуко, великому пріору храма, архонту Розы+Креста»; потомъ слѣдуетъ «молитва Ѳомы Аквинскаго на латинскомъ языкѣ, для предупрежденія читателя отъ заблужденій, какія могутъ быть навѣяны книгой», «символъ вѣры», халдейская молитва «обращенія къ предкамъ», наконецъ длинная—рѣчь къ молодежи. Послѣ того, начинается книга. Каждой главѣ предшествуютъ таинственныя формулы, напримѣръ: I. Нофитъ. Имя—Юдъ (еврейскими буквами). Рожденіе—крещеніе. Добродѣтель—вѣра. Дары—божественный страхъ. Блаженство—нищій духомъ. Дѣло — ученіе. Архангелъ—Михаилъ. Архонумъ — единство. Планета — Самосъ. II. Общество—божественное имя: Zah—El (пишетъ онъ по еврейски, вмѣсто «El—lah»). Рожденіе—благословеніе. Добродѣтель—на-

Digitized by Google

дежда. Дары — состраданіе. Блаженство—кротость. Дѣла — совѣты. Архангелъ—Гавріилъ. Архонумъ—вѣтвь. Планета—Синъ».

«О содержаніи,—замѣчаетъ Нордау,—я не буду говорить. Оно совершенно въ духѣ этого оглавленія».

Романы Пеладана распредѣлены на группы, по семи томовъ (мистическое число). Всѣ романы его развиваютъ три идеи. Нордау передаетъ ихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Высшая цѣль человѣчества—слушать музыку Вагнера и понимать ее; нравственный идеалъ состоитъ въ отреченіи отъ половыхъ влеченій и въ постепенномъ обращеніи въ двуполое существо (андрогине); высшій человѣкъ можетъ оставлять въ любой моментъ тѣлесную свою оболочку и подчинять своей волѣ сверхъестественную силу духовнаго міра—добро и зло».

Пеладанъ и воспроизводитъ въ романѣ такое двуполое существо, противящееся физическимъ вліяніямъ и заклинающее духовъ.

Искрененъ ли Пеладанъ, вѣритъ ли онъ въ то, что проповѣдуетъ? На этотъ вопросъ Нордау отвѣчаетъ довольно неопредѣленно и вяло: «Два существа, борющіяся въ каждомъ человѣкѣ, находятся у Пеладана въ постоянной враждѣ. Безсознательное существо носится съ ролями сара, мага, гросмейстера ордена, и онъ подчиняется его власти. Маленькія дѣвочки, играющія въ куклы, одѣваютъ ихъ, даютъ ласкательныя имена и обращаются съ ними, какъ съ живыми, но въ душѣ онѣ отлично сознаютъ что, ихъ любимицы сдѣланы только изъ кожи и фарфора. Пеладанъ, можетъ быть, также чувствуетъ все это; но не въ его власти не играть роли сара, мага и гросмейстера. Всѣ такого рода явленія, какъ и любовь вырождающихся высшаго порядка къ новымъ словамъ, пространнымъ оглавленіямъ, предисловіямъ [1]) и систематизаціи, хранятъ свои корни въ органическомъ предрасположеніи, въ воздѣйствіи высшихъ центровъ. Можно только пожалѣть, что дарованіе Пеладана безсильно выбиться изъ тенетъ, благодаря господствующимъ въ немъ болѣзненно-мистическимъ представленіямъ».

Какъ бы наверстывая неудачу съ Пеладаномъ, Нордау тотчасъ же вцѣпляется въ Меттерлинка, «очумѣвшаго мистика, впавшаго окончательно въ дѣтство».

Меттерлинкъ— несомнѣнно декадентъ, но это поэтъ съ громаднымъ талантомъ и стихи его производятъ впечатлѣніе, не смотря на крайнюю вычурность образовъ и оригинальность пріемовъ. Нордау смотритъ на все это иначе. Напримѣръ, «Les paons nonchalants»— пьеса, пріобрѣвшая большую извѣстность, въ глазахъ предубѣжден-

[1]) Всѣ эти особености отмѣчаетъ у графомановъ-маттоидовъ учитель Нордау —Ломброзо. *Авт.*

Digitized by Google

наго критика, не болѣе, какъ безсмысленный наборъ словъ, характеризующій сумашедшаго. Нордау не хочетъ проникнуть *въ построеніе* пьесы, не хочетъ признать, что настроеніе это передано хотя и въ необычайной формѣ, но все таки полно и ярко. Я не смѣлъ бы рекомендовать Меттерлинка въ качествѣ образца, достойнаго подражанія, однако многія его пьесы свидѣтельствуютъ объ искренномъ поэтическомъ дарованіи и проникнуты теплотою настоящаго чувства. Нордау черезчуръ много придаетъ значенія внѣшности и не обращаетъ вниманія на сущность творчества бельгійскаго декадента. Вообще, нашъ авторъ не стѣсняется въ пріемахъ, лишь бы доказать свою основную мысль.

Мы возвратимся къ характеристикѣ Меттерлинка, которую дѣлаетъ Нордау. «Если прочитать внимательно произведенія Меттерлинка, вамъ сразу же бросается въ глаза, что безсвязные образы, путающіеся у него въ головѣ, какъ въ бреду, заимствованы изъ чрезвычайно ограниченнаго круга представленій. «Чуждый», «старый», «далекій»—его постоянные эпитеты, безпрерывно повторяющіеся; у нихъ одна общая черта: они обозначаютъ незначительное, неопредѣленное, стоящее на границахъ понятнаго; такимъ образомъ, они вполнѣ отвѣчаютъ смутной мистической его мысли. Другое любимое слово Меттерлинка—«нѣсколько»; у французскихъ символистовъ оно также въ большомъ почетѣ. Принцессы, обладательницы замковъ, страдающія отъ голода, заблудившіяся, бродящія въ болотахъ, и т. д.—все это навѣяно на него ребяческими балладами прерафаэлитовъ. Больницы, замки, принцессы,—эти образы преслѣдуютъ его, какъ маньяка, и среди различной галиматьи они одни имѣютъ у него опредѣленныя очертанія. Нѣкоторыя изъ стихотвореній Меттерлинка написаны обыкновеннымъ размѣромъ, въ другихъ нѣтъ, напротивъ, ни размѣра, ни риѳмы; они состоятъ изъ нѣсколькихъ строкъ прозы. Ничего общаго со свободнымъ стихомъ Гёте или сѣверными пѣснями Гейне въ нихъ нѣтъ; они также пусты, также неровны, также безсвязны, какъ простой ресторанный счетъ».

Я уже сказалъ, что съ мнѣніемъ Нордау о Меттерлинкѣ далеко нельзя согласиться. Возьмемъ для примѣра двѣ пьесы разбираемаго поэта—«L'intruse» и «Les Aveugles» *въ пересказѣ самого Нордау*. «L'intruse» развиваетъ такого рода мысль. Въ домъ, гдѣ лежитъ тяжело больной, приходитъ около полуночи смерть; она идетъ черезъ садъ, стучится въ дверь, насильно открываетъ ее, когда ее не хотятъ пустить, и уноситъ свою добычу. Въ «Les Aveugles» разсказывается, какъ слѣпые были приведены изъ своего убѣжища въ лѣсъ священникомъ-монахомъ, какъ тотъ неожиданно скончался,

Digitized by Google

какъ слѣпые сначала не замѣтили этого, какъ они стали тревожиться, пощупавъ трупъ и убѣдившись, что ихъ вожакъ умеръ. Въ страшномъ отчаяніи они ждутъ смерти отъ голода и холода».

Нордау считаетъ такою безсмыслицею обѣ пьесы, что не находитъ нужнымъ доказывать ихъ несостоятельность. Онъ ограничивается лишь бѣглымъ замѣчаніемъ относительно «Les Aveugles»,—доказывая несостоятельность уже не Метерлинка, а собственную, какъ *художественнаго* критика. «Вся эта грустная исторія (со слѣпыми)—пишетъ онъ—разыгрывается на дикомъ островѣ, далеко на сѣверѣ; между лѣсомъ и убѣжищемъ для слѣпыхъ раскинулась рѣка и ведетъ черезъ нее одинъ только мостъ, а слѣпые не знаютъ, гдѣ онъ. Что въ убѣжищѣ пустынниковъ стали бы безпокоиться о долгомъ отсутствіи брата и послали бы кого нибудь на поиски,—этого не допускаетъ ни Метерлинкъ, ни его безутѣшные слѣпые». Возраженія Нордау наивны. Развѣ дѣло въ томъ, отыщутъ слѣпыхъ, встревоженные отсутствіемъ брата, отшельники или не отыщутъ? Главный драматическій моментъ ясенъ. Ужасъ слѣпыхъ, заведенныхъ въ лѣсъ и покинутыхъ вожакомъ, сознаніе безпомощности, невозможность что либо предпринять и необходимость подчиниться всѣмъ страшнымъ случайностямъ—вотъ на чемъ зиждется интересъ пьесы. Золя, котораго, впрочемъ, Нордау также зачислилъ въ разрядъ вырождающихся, даетъ въ «La bête humaine» великолѣпную картину мчащагося поѣзда. Картина, съ точки зрѣнія нѣмецкаго критика, не законченная, ибо мы не знаемъ, что̀ сталось съ поѣздомъ—разбился ли онъ въ дребезги, сойдя съ рельсъ, наскочилъ ли на встрѣчный поѣздъ, или просто остановился, когда догорѣло топливо и израсходовался паръ. Для мало развитаго читателя знать *конецъ* очень необходимо; для понимающаго болѣе высокія задачи искусства и болѣе совершенную красоту нѣтъ ни малѣйшей надобности въ точкахъ надъ і.

Этюдомъ о Пеладанѣ и Метерлинкѣ Нордау заканчиваетъ обзоръ первой группы вырождающихся. Намъ остается еще сказать о Толстомъ и Вагнерѣ, отнесенныхъ авторомъ къ той же группѣ.

Въ этюдѣ о Толстомъ, какъ и въ другихъ частяхъ своей книги, Нордау мѣстами обнаруживаетъ остроуміе и находчивость. Но значеніе Толстаго, какъ романиста, для него неясно. Онъ или не знаетъ Толстаго, или не хочетъ его понимать. Лишь мелькомъ называя «Войну и миръ» и «Анну Каренину», нашъ авторъ обрушивается затѣмъ на Толстаго, какъ на философа и глашатая нравственности. «Какъ философъ—пишетъ онъ—Толстой проповѣдуетъ намъ, въ видѣ понятій о мірѣ и жизни, библейскіе тексты, постоянно противорѣча имъ и дико ихъ толкуя. Какъ глашатай нравственности, онъ при-

Digitized by Google

водитъ теорію непротивленія злу и преступленію, раздачи имущества и уничтоженія рода человѣческаго при посредствѣ воздержанія. Въ своемъ ученіи объ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ онъ настаиваетъ на вредѣ знанія и цѣлительной силѣ невѣжества, на упраздненіи промышленности и на благости земледѣльческаго труда, не объясняя, откуда возьметъ тогда крестьянинъ необходимыя земледѣльческія орудія? Самое замѣчательное въ его системѣ, что она не замѣчаетъ своей собственной ненужности. Еслибы она поняла себя, она ограничилась бы одною проповѣдью воздержанія. Само собою ясно, что нѣтъ никакой надобности ломать голову надъ цѣлью и смысломъ человѣческой жизни, надъ зломъ и любовью къ ближнему, надъ жизнью въ городѣ и жизнью въ деревнѣ, когда мы всѣ исчезнемъ, вмѣстѣ съ современнымъ поколѣніемъ, съ лица земли». Эта характеристика учительной дѣятельности Толстаго отчасти вѣрна, но ея нельзя назвать яркою. Между тѣмъ, Нордау старательно сгруппировалъ здѣсь всѣ выдающіеся тезисы доктрины Толстаго, и пріурочиваетъ эту доктрину къ доктринѣ сумашедшаго Кнудсена, жившаго въ 1860 г. въ Шлезвигѣ. О Кнудсенѣ Ломброзо разсказываетъ, что онъ не признавалъ ни Бога, ни ада, отвергалъ необходимость священниковъ и судей, считалъ бракъ безнравственнымъ учрежденіемъ и т. п. Нордау очень доволенъ своей параллелью и спѣшитъ воспользоваться ею для окончательнаго пріобщенія Толстаго къ геніальнымъ безумцамъ, а то такъ и прямо къ маттоидамъ. Нужно ли доказывать неосновательность подобнаго научно-критическаго пріема? Параллель, сама по себѣ, очень мало значитъ. Бредъ сумашедшаго и заблужденія сильнаго ума, при бѣгломъ, въ высшей степени поверхностномъ и даже шарлатанскомъ сопоставленіи, могутъ показаться какъ будто имѣющими нѣчто общее, но вѣдь «казаться» и «быть» — разница; главное же:—Нордау игнорируетъ послѣдовательность въ развитіи религіозно-нравственныхъ взглядовъ Толстаго и тотъ элементъ *художественности*, который, будучи присущъ всѣмъ имъ, объясняетъ дѣло совсѣмъ иначе.

Русскихъ писателей этюдъ о Толстомъ не введетъ въ заблужденіе, также точно, какъ не введетъ въ заблужденіе нѣмцевъ этюдъ о Вагнерѣ, къ которому я теперь и перейду.

Прежде всего, Нордау удѣляетъ слишкомъ мало вниманія литературнымъ работамъ Вагнера, стараясь доказать, что творецъ «Нибелунговъ»—графоманъ чистѣйшей воды. Понятно, въ двухъ строкахъ, Нордау относитъ къ категоріи графомановъ и Франца Листа, показывая тѣмъ самымъ большое не уваженіе къ его композиторскому и артистическому таланту. Критикъ-психіатръ взялъ на себя

Digitized by Google

непосильную задачу соединить анализъ литературныхъ произведеній съ анализомъ произведеній другихъ отраслей искусства. Для выполненія такой задачи мало основательныхъ свѣдѣній по психіатріи остроумія и нѣкоторой проницательности. На примѣрѣ Метгерлинка мы видѣли, что Нордау—далеко не блестящій *художественный* критикъ и что тамъ, гдѣ научный методъ не въ состояніи ему помочь, онъ, говоря народнымъ выраженіемъ, плететъ лапти.

По мнѣнію Нордау, «одинъ Вагнеръ стоитъ всѣхъ извѣстныхъ намъ вырождающихся. Характерныя черты явленія обозначались въ немъ съ необыкновенною полнотою и поразительною яркостью. Въ его духовномъ строѣ уживались: безумная манія преслѣдованія и величія, и мистицизмъ; проповѣдь любви къ ближнему, анархизмъ и стремленіе къ отрицанію и противорѣчію; въ его писаніяхъ видны чистые образцы графоманіи: безсмысленность и расплывчатость, и въ заключеніе, для полноты характеристики, онъ былъ эротоманъ и мистикъ».

Судить о теоретическихъ соображеніяхъ Нордау касательно мелодіи, формъ различныхъ музыкальныхъ произведеній и т. п. предоставляю спеціалистамъ-критикамъ. Я отмѣчу лишь два пункта этого курьезнаго обличительнаго акта, характеризующихъ вообще пріемы и художественную компетентность автора «Entartung». Къ обзору композиторской дѣятельности Вагнера Нордау приступаетъ послѣ такого предисловія: «Безсмыслицу, противорѣчіе, больной бредъ—все это трудно уловить въ музыкальныхъ звукахъ. Музыкальная фраза не можетъ, сама по себѣ, имѣть опредѣленнаго смысла. Крайняя чувствительность для музыканта—не болѣзнь, а самая сущность композиторскаго творчества. Кромѣ того, мы знаемъ, что музыкальная одаренность отлично уживается съ формами высшаго вырожденія и съ настоящимъ сумашествіемъ, помѣшательствомъ или идіотизмомъ. Солье говоритъ:—«Мы должны указать на нѣкоторыя качества, проявляющіяся съ чрезвычайною силой именно у идіотовъ и тупицъ. Особенно справедливо это относительно музыки. Можетъ быть, музыкантамъ покажется несовсѣмъ пріятнымъ, но только изъ искусствъ музыка менѣе всего—даръ ума». Ломброзо замѣчаетъ, что «музыкальныя дарованія, какъ это не разъ наблюдалось, проявлялись часто не только у маньяковъ или ненормальныхъ людей, но и у настоящихъ сумашедшихъ». Онъ приводитъ случай съ помѣшаннымъ математикомъ, который сталъ замѣчательнымъ импровизаторомъ только послѣ того какъ помѣшался; характерны также случаи—съ женщиною, страдавшей mania grandiosa, пѣвшею трудную арію и импровизировавшею одновременно два

Digitized by Google

мотива, и съ психически-больнымъ, изобрѣвшимъ новые законы мелодіи.

Ломброзо добавляетъ къ этому, что сумашествіе развиваетъ именно музыкальный даръ.

Очевидно, смотря подъ такимъ угломъ зрѣнія на музыкальное творчество вообще, Нордау уже заранѣе приготовляетъ Вагнеру уютное мѣстечко въ компаніи маттоидовъ. Но онъ, мнѣ кажется, упускаетъ изъ виду простую вещь. Разъ музыкальное творчество *вообще* представляется психіатрамъ несовсѣмъ нормальнымъ—быть можетъ оттого, что они мало знакомы съ его законами—то всякіе недочеты въ нравственной организаціи Вагнера—и ея странность, и графоманія—объясняются гораздо проще особенностями артистической натуры композитора, нежели его причастностью къ «маттоидству». Зачѣмъ «маттоидство», коли и такъ музыкантъ невполнѣ нормальный субъектъ?

Человѣку, нѣсколько знакомому съ психологіей и психіатріей, должно быть совершенно ясно, что душевный складъ музыканта отличенъ отъ душевнаго склада поэта, романиста, а тѣмъ болѣе критика или ученаго. Міръ чувствъ, облеченныхъ въ звуки, требуетъ спеціальной нравственной организаціи человѣка, вошедшаго въ него, освоившагося съ нимъ, нашедшаго здѣсь свое призваніе. Я очень сомнѣваюсь, чтобы Солье или Ломброзо были заслуживающими довѣрія цѣнителями музыки и чтобы на ихъ слова можно было полагаться, когда они говорятъ о «превосходныхъ импровизаціяхъ» сумашедшаго математика, о «новыхъ законахъ мелодіи», открытыхъ какимъ-то маньякомъ, о виртуозной игрѣ внезапно помѣшавшагося, до тѣхъ поръ и не подходившаго къ клавіатурѣ. Здѣсь необходимо соблюдать крайнюю осторожность и не полагаться на отзывы гг. ученыхъ. Ученые—тоже большіе чудаки и покопаться въ ихъ мозгу, согласно методу Ломброзо, было бы очень интересно.

Такимъ образомъ, первый, отмѣченный мною, пунктъ нельзя признать сильнымъ и неоспоримымъ. Онъ касается научной стороны вопроса. Второй пунктъ касается стороны художественной и исторической. Нордау упрекаетъ Вагнера въ пристрастіи къ фантастическимъ сюжетамъ, причемъ женщина всегда играетъ у него важную и, можно сказать, фатальную роль. Творческая фантазія Вагнера поглощена вопросомъ о женщинѣ. Но и въ его отношеніяхъ къ мужчинѣ Нордау не видитъ ничего здороваго, естественнаго, ведущаго ко благу и счастію двухъ любящихъ существъ. Какъ всѣмъ болѣзненнымъ эротикамъ, женщина представляется Вагнеру страшною силой, къ ногамъ которой падаетъ ея трепетная жертва—мужчина. «Ни одна тема такъ не увлекала его, какъ отношенія

Digitized by Google

между мужчиною и его гибельною обольстительницею. Мысль объ этомъ поглощаетъ все его существо, и онъ разрѣшаетъ ее согласно со своими взглядами и понятіями о нравственности. Часто мужчина попадаетъ у него подъ власть женщины; но Вагнеръ возмущенъ такою слабостью, отъ которой самъ страдаетъ, и въ главныхъ его произведеніяхъ, мужчина, послѣ отчаяннаго сопротивленія, одерживаетъ побѣду надъ зломъ. Только собственными силами онъ не въ состояніи справиться съ разслабляющими женскими чарами. На помощь ему должно явиться сверхъестественное существо, по большей части, въ видѣ чистой, полной самоотверженія и непорочной дѣвы, въ противоположность сфинксу съ упругимъ женскимъ тѣломъ и лапами льва. По психологическимъ законамъ контраста, онъ создаетъ рядомъ со страшнымъ образомъ женщины, которая живетъ въ его душѣ, небесное созданіе, женщину-ангела. Она—вся любовь вся преданность, вся небесное состраданіе, ничего не требующая и всѣмъ жертвующая, убаюкивающая насъ своими ласками и перевязывающая раны и утѣшающая. Елизавета, Эльза и другія героини Вагнера—своеобразныя созданія, фантазіи эротика и мистика, гдѣ онъ стремится доказать, что спасеніе вырождающихся и половыхъ психопатовъ заключается въ чистотѣ и воздержаніи, или въ обладаніи женщиной, не представляющей изъ себя никакой индивидуальности, не возбуждающей никакихъ желаній и потому безопасной для мужчины».

Вы, конечно, не ожидали того вывода, къ которому подошелъ Нордау? Но этотъ выводъ не заключаетъ ничего страннаго, если прослѣдить, какъ критикъ-психіатръ умышленно старается извратить простыя вещи и дать имъ неестественное освѣщеніе. Во-первыхъ, онъ умалчиваетъ (а здѣсь это нужно было бы подчеркнуть) что основа для либретто оперъ имѣлась у композитора уже готовою, въ видѣ легендъ и симфоній, которыя увлекали его творческую фантазію. Во-вторыхъ, Нордау придаетъ дѣлу такой оборотъ, какъ будто Вагнеръ чуть ли не первый задумался надъ «вопросомъ объ отношеніяхъ женщины къ мужчинѣ» и призналъ за женскими чарами неотразимую стихійную власть. Да вѣдь на этомъ мотивѣ построено безчисленное множество художественныхъ произведеній, начиная сказаніями древнихъ и кончая изданнымъ сегодня романомъ! Точно также, «не представляющія изъ себя никакой индивидуальности», Эльзы и Елизаветы—созданія народнаго творчества, мечты поэтовъ, излюбленные персонажи драматурговъ и романистовъ. Женщина, олицетворяющая собою страсть и все бѣшенство земныхъ желаній, непремѣнно должна была найти противоположеніе въ женщинѣ-ангелѣ, «убаюкивающей ласками, перевязывающей раны и

Digitized by Google

утѣшающей». Зарывшись въ архивѣ психіатрическихъ больницъ, Нордау совершенно игнорируетъ не только несущуюся передъ его глазами жизнь, но и матеріалы, накопленные исторіей. Онъ могъ въ чемъ угодно упрекать Вагнера, только не въ противоположеніи Кали Багавати—Эльзѣ или Елизаветѣ. И на такомъ-то, болѣе чѣмъ зыбкомъ фундаментѣ нашъ авторъ строитъ обвиненіе Вагнера въ отчаянномъ эротоманствѣ!

Покончимъ съ первою группой, которую Нордау началъ прерафаэлитами, продолжилъ символистами, Толстымъ и Вагнеромъ и закончилъ мистиками въ родѣ Пеладана и Метгерлинка. Въ этихъ послѣднихъ онъ видитъ крайній предѣлъ мистицизма, дальше чего идти уже некуда. Посмотримъ теперь, какъ онъ расправился съ вырождающимися второй группы—съ «эготистами».

III.

Нордау покорнѣйше проситъ не смѣшивать *эготизмъ* съ *эгоизмомъ*. Не изъ желанія щегольнуть новымъ словцомъ онъ употребляетъ его вмѣсто пріобрѣвшихъ права гражданства «самовлюбленности» и «самовлюбленнаго». «Самовлюбленность—не больше, какъ невоспитанность, порокъ, недостатокъ культурности, но не болѣзнь. Самовлюбленный и эгоистъ въ состояніи вести нормальную жизнь, занимать опредѣленное мѣсто въ обществѣ, хотя бы цѣли, поставленныя имъ себѣ, были очень низкія; онъ даже часто болѣе приспособленъ къ общежитію, чѣмъ выше его стоящій человѣкъ, полный самоотверженія. Занятый же исключительно своимъ «я» является, напротивъ, больнымъ. Онъ видитъ вещи не такими, какъ онѣ есть; онъ не понимаетъ міра; онъ не умѣетъ стать въ нормальное къ нему отношеніе. Французы совершенно правильно приспособили для такого понятія англійское слово «egotisme». Понимающій авторъ никогда не смѣшаетъ его со словомъ «egoïsme»... «Главные представители этого направленія—продолжаетъ Нордау,—рядомъ съ мистиками, составляютъ особую разновидность; въ общемъ же здѣсь очень трудно провести какія либо границы. Эготисты, съ одной стороны, также мистики и эротики, даже часто, какъ это ни кажется парадоксальнымъ, являются друзьями человѣчества. У мистиковъ, съ другой стороны, мы встрѣчаемъ рѣзко развитыя черты эготизма. Есть между вырождающимися человѣческія особи съ такими равномѣрно развитыми болѣзненными симптомами, что, въ концѣ концовъ, вы можете сомнѣваться, какъ назвать ихъ: мистиками или эготистами. Но, въ общемъ, произвести такого рода классификацію не особенно

Digitized by Google

трудно. Что эготизмъ характерная черта вырождающихся,—это установленный фактъ».

Далѣе Нордау ссылается на болѣе или менѣе авторитетныхъ психіатровъ (конечно, и на Ломброзо) и объясняетъ, какъ образуется болѣзненно-экзальтированный и доходящій часто до якобы величія «эготизмъ». Указавъ главныя основанія теоріи познанія, авторъ снова возвращается къ вырождающимся. «Душевная ненормальность вырождающагося—говоритъ онъ—заключается въ его неспособности къ высшей ступени развитія индивидуальности, а именно къ свободному выходу изъ искусственныхъ границъ индивидуальности, *въ неспособности проникаться альтруизмомъ*. Въ этомъ отношеніи, вырождающійся остается ребенкомъ всю жизнь. Онъ почти не обращаетъ вниманія на окружающій міръ и занятъ исключительно органическими явленіями своего собственнаго «я». Онъ не только эгоистъ, онъ—больной *эготистъ*». «Вырожденіе и эготизмъ—читаемъ далѣе—въ болѣе сильной степени проявляются не въ такой сравнительно безобидной формѣ самоуслажденія и самовозвеличенія, и переходятъ иногда въ форму нравственнаго помѣшательства». «Эготистъ не знаетъ и не понимаетъ явленій окружающаго его міра; въ виду этого онъ не испытываетъ чувства симпатіи, не въ состояніи приспособляться къ людямъ и природѣ. Послѣднее, въ связи съ маньячествомъ и извращенными влеченіями, дѣлаетъ изъ него противообщественное существо. Онъ—нравственно-помѣшанный, преступникъ, пессимистъ, анархистъ и человѣконенавистникъ. Борьба съ такими противообщественными элементами, ампутація ихъ—необходимы, и если это не дѣлается, значитъ организмъ также боленъ и жизненныя его силы истощены. Терпимость и даже восторги по адресу развивающихъ такія теоріи писателей или дѣйствующихъ эготистовъ доказываютъ только, что общественный организмъ страдаетъ неизлѣчимою болѣзнью».

На первыхъ порахъ, Нордау знакомитъ насъ съ разновидностью эготистовъ — такъ называемыми парнасцами и демонистами. Здѣсь критикъ останавливается на четырехъ писателяхъ: на Теофилѣ Готье, де-Банвиллѣ, Катуллѣ Мендесѣ и Боделерѣ. Въ Т. Готье теорія парнасцевъ нашла наиболѣе яркое воплощеніе, выразившись, во-первыхъ, въ совершенствѣ формы, во-вторыхъ, въ отсутствіи чувства, въ безстрастіи, холодности и безучастности. Для Готье и его послѣдователей форма—все, содержаніе—ничего. Катуллъ Мендесъ довелъ теорію до безсмысленнаго набора словъ, де-Банвилль убѣждалъ начинающихъ поэтовъ читать словари, каталоги книжныхъ магазиновъ и музеевъ, т. е. такія главнымъ образомъ книги, которыя способны увеличить запасъ словъ писателя. Боделеръ называетъ

Digitized by Google

глупцомъ и безсмысленнымъ существомъ всякаго, кто способенъ вкусить сладость поэзіи.

Нельзя сказать, чтобы парнасцы *были безучастны ко всему.* «Въ своей поэзіи они кощунствуютъ, проклинаютъ и рыдаютъ, радуются, восторгаются или скорбятъ, но огорчаютъ или приводятъ ихъ въ восторгъ *только исключительно ихъ собственныя дѣйствія*, собственныя испытанія. Единственнымъ содержаніемъ ихъ произведеній служитъ ихъ я». Горе и радость другихъ людей для нихъ не существуютъ».

Поэтому-то Брюнетьеръ самымъ худшимъ послѣдствіемъ теоріи парнасцевъ считаетъ «обособленіе искусства и художника», обращеніе художника въ идолопоклонника своего «*я*». Тѣ же причины даютъ поводъ Нордау обругать парнасцевъ эготистами и объяснить ихъ ученіе болѣзненнымъ состояніемъ.

Я не буду говорить о тѣхъ крайностяхъ, въ которыя вдавался Боделеръ и которыя придаютъ его поэзіи нездоровый оттѣнокъ. Но нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ положеній этого парнасца-демониста, вовсе уже не такихъ сумбурныхъ, какими они кажутся Нордау. Боделеръ, между прочимъ, говоритъ: «Поэзія не должна преслѣдовать никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ лежащихъ въ ней самой; она не можетъ имѣть цѣли; только такое произведеніе будетъ истиннымъ, великимъ, благороднымъ и достойнымъ имени творца, которое написано изъ одного наслажденія творчествомъ. *Я не говорю, что поэзія не облагораживаетъ нравовъ*; пусть поймутъ меня. Я только настаиваю на томъ, что отрывать человѣка отъ его будничныхъ заботъ— *далеко не единственная ея цѣль* и что такая цѣль была бы чистою безсмыслицей. Я говорю, что поэтъ, преслѣдующій нравственныя задачи, истощаетъ источникъ вдохновенія, и можно съ увѣренностью сказать, что такое произведеніе будетъ плохимъ... Сущность поэзіи составляетъ не истина, а поэзія сама по себѣ».

Мнѣ думается, что Боделеръ совершенно вѣрно опредѣлилъ «положеніе поэзіи въ пространствѣ». Ему только слѣдовало бы дополнить это опредѣленіе точнымъ опредѣленіемъ роли поэзіи въ массѣ другихъ факторовъ, вліяющихъ на умственный и нравственный складъ человѣка. Поэзія, дѣйствительно, очищаетъ и поднимаетъ душу вовсе не своимъ благонамѣреннымъ, завѣдомо-нравственнымъ содержаніемъ, а внутреннею силою, заключенной въ ней. Чѣмъ интенсивнѣе сила, тѣмъ ярче и опредѣленнѣе воздѣйствіе поэзіи. Если «безъ грамматики мертва риторика» и т. д., то безъ поэзіи мертвы и науки, и всякія теоріи нравственности, и все, относящееся до внутренняго міра человѣка. Поэзія держитъ человѣка на извѣстной высотѣ, не даетъ потухать въ немъ священному огню, хранитъ

Digitized by Google

добрую почву для добрыхъ сѣмянъ. Скажите же теперь, нужно ли, чтобы поэзія, кромѣ вдохновенности и искренности, заключала въ себѣ еще какіе нибудь другіе элементы, чтобы она шла не только отъ сердца, но непремѣнно и отъ ума?

Можетъ быть, Нордау правъ, обвиняя парнасцевъ въ позорномъ равнодушіи къ добру и злу, въ отыскиваніи красоты тамъ, гдѣ здоровый человѣкъ видитъ лишь безобразіе, но опредѣленія поэзіи, даннаго Боделеромъ, онъ не понялъ и совершенно напрасно придалъ ему значеніе вопля эготиста.

Что касается декадентовъ и эстетиковъ, составляющихъ вторую группу эготистовъ, то здѣсь Нордау отмѣчаетъ Жана Ришпена, Барбе д'Оревилля, де-Лиль-Адана, Мориса Барреса и Гюисманса. Жанъ Ришпенъ «усвоилъ восторженные панегирики Боделера преступности и преступникамъ, и скучно перепѣваетъ его демонизмъ въ своихъ «Blasphèmes». Барбье д'Оревилль и де-Лиль-Аданъ замѣчательны тѣмъ, что, обладая всѣми аттрибутами эготистовъ, приписывали еще себѣ таинственное происхожденіе, отличались оригинальностью образа жизни и мыслей, «и писали, какъ всѣ графоманы, письма и литературныя произведенія непремѣнно цвѣтными чернилами». Больше вниманія удѣляетъ Нордау Гюисмансу, поставившему цѣлью: «изъ отдѣльныхъ чертъ, разбросанныхъ въ прозаическихъ и поэтическихъ произведеніяхъ Боделера, создать одинъ образъ, представить боделеризмъ живымъ, облеченнымъ въ плоть и кровь, мыслящимъ и дѣйствующимъ». Эту задачу Гюисмансъ осуществилъ въ нѣкоторомъ подобіи романа, называющемся «A rebours».

Въ Англіи послѣдователемъ Боделера явился Свинборнъ, помѣщенный Нордау въ разрядъ мистиковъ, ибо мистическій элементъ особенно преобладаетъ въ его произведеніяхъ. Представителемъ же англійскаго декадентизма нужно считать Оскара Уильда, именующаго себя «эстетикомъ» и стоящаго во главѣ движенія. Его Нордау попросту называетъ дуракомъ и противъ этого спорить, если хотите, мудрено. Въ общемъ, ученіе эстетиковъ не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго и вертится около тезисовъ, выставленныхъ демонистами и декадентами.

Перечисленные эстетики, декаденты, парнасцы и т. д., однако, не имѣютъ того значенія, которое имѣютъ слѣдующіе за ними «крупные» эготисты—«поэтъ эготизма» Ибсенъ и «философъ эготизма»—Ницше. Съ ними Нордау расправляется уже не столь легко и каждому посвящаетъ отдѣльный обстоятельный этюдъ. Я ограничусь передачей сущности воззрѣній критика на обоихъ писателей.

*

Digitized by Google

Нордау отдаетъ Ибсену должное, признавая въ немъ громадный и сильный талантъ. Технику Ибсена онъ признаётъ феерической, нѣкоторыхъ его персонажей—«глубочайшими созданіями міровой поэзіи». Но здѣсь и точка похваламъ... «Кто ищетъ въ произведеніяхъ Ибсена прежде всего правды и естественнаго теченія законовъ жизни, на того они должны произвести впечатлѣніе неправдоподобности, вымученности и искусственности». Ибсенъ—властитель думъ современнаго культурнаго человѣчества и сдѣлался властителемъ, именно благодаря тѣмъ своимъ особенностямъ, которыя нашъ критикъ подвергаетъ большому сомнѣнію. Шагъ за шагомъ разбираетъ Нордау драмы Ибсена, чтобы доказать отсутствіе въ нихъ «реализма», его научное невѣжество, фальшь «покаянной тенденціи» и стремленіе къ мистицизму, проповѣдь безнравственности подъ флагомъ «свободной любви». Особенно достается знаменитому драматургу за ту «чепуху», которую онъ нагородилъ о бракѣ. Нордау мастерски подводитъ ей итогъ, и это едва ли не самая интересная и сильная часть этюда. «Соберемъ вмѣстѣ въ одинъ сводъ,—пишетъ Нордау,—брачныя правила Ибсена, на основаніи его пьесъ. Не слѣдуетъ жениться изъ матеріальныхъ разсчетовъ (Гедда, г-жа Альвингъ, Берникъ и др.). Не слѣдуетъ жениться по любви (Нора, Вангель). Бракъ по разсчету—не настоящій бракъ. Но жениться потому, что люди нравятся другъ другу, также не годится. Нужно сначала изучить другъ друга (Эллида). Мужъ долженъ быть воспитателемъ жены (Вангель, Берникъ). Жена не должна ничему учиться отъ мужа, а добиваться сама своего перевоспитанія (Нора). Разъ жена узнаетъ, что ея супружеская жизнь не настоящая жизнь, она уходитъ отъ мужа, такъ какъ онъ ей чужой (Нора, Эллида). Она уходитъ отъ дѣтей. Дѣти отъ чужаго мужа, разумѣется, для нея чужія. Но она должна остаться при мужѣ и постараться сдѣлать его изъ чужаго—своимъ (г-жа Берникъ). Бракъ не можетъ связывать навсегда двухъ существъ и если между ними начинается нѣчто неладное, они возвращаютъ другъ другу кольца и отправляются своей дорогой въ разныя стороны. (Нора, г-жа Альвингъ, Эллида, г-жа Эльфштедъ). Если мужъ бросаетъ жену, онъ совершаетъ тяжкое преступленіе (Берникъ, Верль), И, въ концѣ концовъ, нѣтъ настоящаго брака (Реллингъ)».

«Таково ученіе Ибсена о бракѣ, — торжествуетъ Нордау.— Оно не оставляетъ желать ничего по ясности и діагнозъ умственныхъ способностей драматурга установить теперь не трудно».

Нордау рѣшительно убѣжденъ, и стремится доказать это со свойственной ему настойчивостью, что Ибсенъ добивается одного—вы-

Digitized by Google

сказать анархистскія мысли объ обществѣ, государствѣ, религіи, законахъ и нравахъ. «Попробуйте—говоритъ онъ—очистить его пьесы отъ наносныхъ фразъ—и даже какой нибудь Брандесъ не признаетъ ихъ больше сборникомъ передовыхъ идей, а сочтетъ только искусно нанизанной чепухой. Ибсенъ отыскиваетъ сначала тезисъ, иначе говоря, анархистское положеніе. Потомъ онъ придумываетъ людей, олицетворяющихъ его тезисъ, причемъ знаніе жизни и отношеній не играетъ никакой роли. Онъ проходитъ мимо міра, не замѣчая его; его взоръ вѣчно погруженъ въ свое внутреннее «я». Въ противоположность извѣстной истинѣ, «все человѣческое ему чуждо»; только собственное «я» занимаетъ и привлекаетъ его вниманіе. Онъ говоритъ объ этомъ открыто: «Жизнь есть борьба съ призраками подъ сводами ума и сердца. Поэтически творить—значитъ судить самого себя».

Абсурдность, противорѣчія, склонность къ неопредѣленнымъ и прямо безсмысленнымъ выраженіямъ, пристрастіе къ повторенію словъ и символизму заставляетъ Нордау причислить Ибсена къ вырождающимся мистикамъ, но болѣзненное обожаніе своего «я» даетъ датскому драматургу еще бо́льшія права на званіе эготиста. Нѣмецкаго критика особенно возмущаютъ анархистскія воззрѣнія Ибсена на бракъ. Онъ положительно убѣжденъ, что «благоразумныя женщины должны предать Ибсена анаѳемѣ, возстать противъ ибсенизма, безбожно угрожающаго имъ и ихъ нравамъ. Здоровыя и нравственныя женщины могутъ попасть въ число послѣдовательницъ Ибсена только по ошибкѣ».

Достойнымъ собратомъ Ибсена — не по таланту, а по характеру дѣятельности—Нордау считаетъ Ницше. «Для систематизаціи гадости и человѣческихъ отбросовъ, возвеличенныхъ при помощи чернилъ, красокъ и звука парнасцами и эстетиками,—пишетъ онъ,—для синтеза преступленій, нечистотъ и болѣзней, превознесенныхъ представителями демонизма и декадентства, для созданія культа свободнаго и цѣльнаго человѣка по образцу Ибсена, нуженъ былъ теоретикъ—и такую теорію, или выдающую себя за таковую, провозгласилъ впервые Ницше... Если прочесть произведенія Ницше по порядку, одно за другимъ, впечатлѣніе получится такое, какъ будто вы слышите буйнаго помѣшаннаго съ блуждающимъ, горящимъ взоромъ, дикими ужимками и пѣнящимся ртомъ; онъ извергаетъ бѣшеный потокъ словъ; то смѣется, то изрыгаетъ гнусныя ругательства и проклятія, то пускается въ бѣшеный танецъ, то бросается съ кулаками на посѣтителя или воображаемаго врага. Насколько можно уловить въ этомъ потокѣ словъ какой нибудь смыслъ, Ницше одержимъ сумашедшими представленіями, объясняющимися органическимъ

Digitized by Google

разстройствомъ. Моментами, какъ и многіе буйные помѣшанные, онъ можетъ обнаружить здравую и свѣтлую мысль, но всегда въ видѣ деспотическомъ, въ формѣ повелительной. Такъ оно и слѣдуетъ, согласно наблюденіямъ психіатровъ. «Эта ложь», говоритъ онъ о философскихъ положеніяхъ, съ нимъ не согласныхъ. «И это объясненіе точно также ложно». Сказано! Почему ложно? Въ чемъ здѣсь ложь? Потому, что такъ угодно г. Ницше. Больше разспрашивать читатель не имѣетъ права. Какъ настоящій вырождающійся, онъ противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу. Сначала онъ скажетъ одно, потомъ другое, потомъ совершенно противоположное, и оба положенія свои проповѣдуетъ съ одинаковою страстностью и силою, часто на одной и той же страницѣ»! Ницше проповѣдуетъ зло. «Проповѣдь зла—явленіе достаточно извѣстное психіатрамъ. Есть душевнобольные, въ которыхъ представленіе о жестокости и боли вызываетъ самыя радостныя чувства. Наука придумала даже особое имя для такого душевнаго состоянія. Она назвала его садизмомъ. Ницше страдаетъ садизмомъ въ сильной степени, только онъ не выходитъ у него за предѣлы мысли, ограничивается мысленнымъ прелюбодѣяніемъ. Я не могу останавливаться на явленіи болѣе подробно, и приведу лишь отдѣльные примѣры: «Наслажденіе практиковать свою власть надъ безсильнымъ, «de faire le mal pour le plaisir de le faire»—великая отрада. Путь къ небу идетъ черезъ адъ». Это очень характерно. Ницше не можетъ представить себѣ зла и преступленія безъ того, чтобы они не дѣйствовали на него чисто физіологически; всякое физическое и половое возбужденіе связывается у него съ насиліемъ и кровью».

Нордау протестуетъ противъ мнѣнія, будто «умственная сила Ницше выступаетъ все болѣе ярко и что нѣтъ такой философской области, гдѣ бы можно было обойти молчаніемъ его имя». «Совершенная клевета!—восклицаетъ запальчивый критикъ.—Дѣло обстоитъ пока не такъ скверно. «Философы», увѣровавшіе серьезно въ Ницше,—жалкіе подонки философіи. Правда, численность этихъ отбросовъ замѣтно растетъ и ихъ наглость превосходитъ все, что намъ до сихъ поръ извѣстно».

«Что въ числѣ апостоловъ Ницше долженъ былъ очутиться и Георгъ Брандесъ—ясно само собой. Мы уже знаемъ, что эта умная голова присасывается къ каждому явленію, гдѣ она завидитъ какую нибудь звѣзду, чтобы нажиться, въ качествѣ антрепренера, на ея славѣ. Онъ читалъ лекцію о Ницше въ Копенгагенѣ и въ восторженныхъ словахъ отзывался о германскомъ философѣ, провозгласившемъ мораль Милля болѣзненнымъ проявленіемъ вырождающейся эпохи, объ этомъ радикальномъ аристократѣ, объяснившемъ, что

Digitized by Google

всѣ свободныя народныя движенія, извѣстныя намъ въ исторіи:—реформація, французская революція и новѣйшій соціализмъ—были только «возстаніями рабовъ». Онъ одинъ осмѣлился объявить, что милліонъ милліоновъ народовъ годны для того, чтобы разъ или два въ теченіе столѣтія рождать великихъ людей».

Идеи Ницше, основанныя на неуваженіи къ правамъ толпы, кажутся отвратительными Нордау уже по одному тому, что ихъ проповѣдуетъ *такой* господинъ. «Теперь очень распространенъ взглядъ—говоритъ онъ—что равенство—тяжелое заблужденіе. Многіе возстаютъ противъ ученія, противорѣчащаго законамъ. Человѣчество нуждается въ табели о рангахъ. Оно должно имѣть вождей и руководителей, воспитывать классъ благородныхъ избранниковъ. Но избранникъ, которому человѣчество отведетъ первое мѣсто, не будетъ сверхъчеловѣкомъ Ницше, эготистомъ, преступникомъ, рабомъ своихъ распущенныхъ инстинктовъ, а человѣкомъ глубокаго знанія и самообладанія. Сущность человѣческой жизни—борьба, и людямъ нужны полководцы. Пока они борются между собою, они ставятъ во главѣ развитую мускулатуру и животную силу. Но въ эпоху болѣе совершенную, когда человѣчество объединится для борьбы съ природой, оно изберетъ въ вожди человѣка съ сильнымъ умомъ, съ несокрушимой волей и глубокой наблюдательностью, и въ то же время съ сердцемъ наиболѣе отзывчивымъ, способнымъ откликнуться на всякое чувство. Идеальнымъ человѣкомъ здороваго будущаго явится человѣкъ знанія и самоотреченія, а «не великолѣпное кровожадное животное». Объ этомъ не хотятъ подумать тѣ, кто въ аристократизмѣ Ницше прозрѣлъ апоѳеозъ собственныхъ ничтожныхъ страстей».

Мнѣ остается обозрѣть теперь вырождающихся «реалистовъ», среди которыхъ Нордау главное мѣсто отводитъ Золя. Собственно о Золя я скажу здѣсь лишь мелькомъ, такъ какъ мнѣ предстоитъ спеціально заняться имъ въ слѣдующемъ этюдѣ. Достаточно будетъ привести взглядъ Нордау на реализмъ. «Если мы присмотримся—говоритъ онъ,—ближе къ психологическимъ законамъ, лежащимъ въ основаніи произведеній искусства и литературы, то сразу отличимъ пустую безсодержательность такъ называемаго реализма». Далѣе критикъ развиваетъ свою мысль подробно и переходитъ къ главѣ реалистовъ—автору «Ругонъ-Маккаръ». Конечно, и онъ оказывается вырождающимся—эготистомъ, половымъ психопатомъ, одержимымъ маніей ругательнаго помѣшательства и т. п.

Digitized by Google

IV.

Къ какимъ же конечнымъ заключеніямъ приходитъ Нордау, проведя передъ нами цѣлую армію вырождающихся, мистиковъ, эготистовъ, эротомановъ и маттоидовъ? Авторъ «Entartung» убѣжденъ, что мы переживаемъ въ данный моментъ острую массовую душевную болѣзнь, чуму вырожденія и истеріи. Вырождающіеся должны погибнуть, ибо не въ состояніи выдержать борьбы со здоровыми, приспособиться къ нормальнымъ требованіямъ жизни. Здоровые же,—а въ глубинѣ народныхъ массъ ихъ насчитывается безконечное множество милліоновъ,—легко примѣнятся къ положенію, созданному открытіями и изобрѣтеніями. Неизлѣчимые больные, истеричные и вырождающіеся умираютъ, кромѣ того, бездѣтными. Болѣе же сильные, но только утомленные и сбившіеся съ пути постепенно излѣчиваются; ихъ потомки приспособятся къ быстрому темпу жизни. Конецъ двадцатаго столѣтія увидитъ, по всей вѣроятности, поколѣніе, способное, безъ особаго вреда, перечитать дюжину газетъ, интересоваться пятью частями свѣта одновременно, половину жизни проводить въ вагонѣ и знаться съ десятками тысячъ знакомыхъ, друзей и товарищей. Въ милліонныхъ городахъ оно найдетъ особое удовольствіе и съ своими желѣзными нервами съумѣетъ противостоять требованіямъ жизни».

Нордау предвидитъ и тотъ случай—когда цивилизація можетъ оказаться не по плечу даже самымъ сильнымъ. Очевидно, ее тогда упразднятъ.

Но дѣло, конечно, обстоитъ еще не такъ плохо и Нордау надѣется на болѣе благопріятный для цивилизаціи исходъ. Что касается искусства двадцатаго столѣтія, то оно, по мнѣнію нашего критика, будетъ находиться въ непосредственной связи съ прошлымъ, выполняя, однако, новую задачу—вносить разнообразіе въ однотонность культурной жизни.

Переходя далѣе къ вопросу—мыслимо ли ускорить процессъ излѣченія высшихъ образованныхъ классовъ отъ болѣзни нервной системы собственными силами, Нордау рѣшаетъ, что можно. Признавая мистиковъ, эготистовъ и псевдо-реалистовъ опасными врагами общества, онъ требуетъ, чтобы общество оградило себя отъ нихъ. Съ порнографами, «купающимися въ лужахъ и поѣдающими собственные отбросы», также не слѣдуетъ церемониться. «Они—говоритъ Нордау—не имѣютъ права даже на состраданіе, испытываемое нами по отношенію собственно къ вырождающимся, какъ больнымъ; свое презрѣнное занятіе они выбрали свободно, изъ нежеланія ра-

Digitized by Google

ботать, изъ тщеславія, изъ корыстолюбія. Систематическое возбужденіе низкихъ чувствъ приноситъ людямъ страшный вредъ и въ жизненномъ и моральномъ отношеніяхъ; общество, состоящее изъ половыхъ психопатовъ, не знало бы стыда и законовъ и было бы безповоротно осуждено на гибель. Оно было бы слишкомъ слабо и дряхло для выполненія болѣе высокихъ предназначеній. Порнографъ отравляетъ самые источники, откуда черпаетъ жизнь будущее поколѣніе. Ничто не далось съ такимъ трудомъ цивилизаціи, какъ подчиненіе похоти, а порнографъ хочетъ лишить насъ плодовъ, доставшихся послѣ такой долгой и упорной борьбы. Онъ не имѣетъ права, поэтому, разсчитывать на наше снисхожденіе. Полиція не можетъ намъ помочь въ этомъ случаѣ. Прокуратура и судъ не въ состояніи охранить общество отъ преступленій пера и карандаша. Они слишкомъ часто примѣшиваютъ къ своимъ дѣйствіямъ соображенія объ интересахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ культурой и нравственностью человѣка. Жандармъ не безчеститъ, налагая на кого нибудь руку. Порнографъ долженъ быть пригвожденъ къ позорному столбу, а обвинительный приговоръ судьи не всегда достигаетъ такой цѣли. Осужденіе произведеній, спекулирующихъ на низменныя чувства, должно исходить отъ людей, въ безпристрастіи, независимости духа и высотѣ ума которыхъ никто не можетъ усомниться [1]). Слово такихъ людей окажетъ глубокое вліяніе на народъ; общество борьбы съ безнравственностью уже народилось; къ сожалѣнію, оно поставило себѣ задачей не только заботу о нравственномъ оздоровленіи и чистотѣ толпы, особенно молодежи, но и борьбу съ предразсудками и предубѣжденіями, и это-то послѣднее обстоятельство и ослабляетъ его плодотворные результаты. Тѣмъ не менѣе мы должны послѣдовать данному примѣру. Будемъ дѣлать то, что дѣлаетъ общество, только безъ всякаго ханжества и лицемѣрія. Это великая и благотворная задача для «союза нравственной культуры». Онъ явился бы добровольной весталкой народной чистоты. Порнографы, понятно, попытались бы поднять его на смѣхъ. Но смѣхъ скоро остановится у нихъ въ горлѣ. Союзъ изъ вождей и руководителей народа: профессоровъ, писателей, депутатовъ, судей и высшихъ чиновниковъ, будетъ достаточно могущественъ, чтобы бойкотировать жалкихъ отщепенцевъ. «Союзъ нравственной культуры» производилъ бы расцѣнку произведеній литературы и искусства съ точки зрѣнія этики и самый составъ его гарантировалъ бы судъ отъ мелочности и предвзятости. Его члены будутъ обладать въ достаточной степени вкусомъ и образованіемъ, чтобы отличить здоровый, хотя и заблудившійся, талантъ отъ спекулянтовъ, проституирую-

[1]) Гдѣ же, однако, такіе люди?!

Digitized by Google

шихъ перо. Если только такое общество, по самому своему характеру способное привлечь лучшія силы народа, въ сознаніи своей тяжелой отвѣтственности, послѣ всесторонняго изслѣдованія, скажетъ о человѣкѣ: «онъ преступникъ» или о произведеніи: «оно покрываетъ позоромъ нашу страну», человѣкъ и произведеніе погибли безвозвратно. Никакой благоразумный книгопродавецъ не возьмется распространять книгу; ни одна честная газета не упомянетъ о ней и не допуститъ ея автора на свои столбцы; ни одна семья не пуститъ войти къ себѣ въ домъ заклейменнаго позорнымъ пятномъ, и спасительный страхъ передъ такимъ рѣшеніемъ предохранитъ насъ отъ появленія книгъ въ родѣ «Доброй школы»—Бера, отучитъ «реалистовъ» считать обвинительный приговоръ суда по дѣлу объ оскорбленіи нравственности—за знакъ отличія».

Прежде чѣмъ сдѣлать собственный выводъ изъ тѣхъ явленій, которыхъ касается Нордау, отмѣчу типичнѣйшія особенности критика, вѣроятно, бросившіяся въ глаза и читателю. Нордау обладаетъ прекрасной эрудиціей и литературной, и научной. Его научныя обобщенія всегда логичны; съ фактами онъ обращается умѣло; доказательства комбинируетъ остроумно и ловко. Если къ этому прибавить еще блестящій талантъ публициста, то положительныя стороны писательства Нордау будутъ исчерпаны. Какъ ученый, онъ принадлежитъ къ категоріи ученыхъ «конца вѣка», отличается большою самоувѣренностью и каждое, пришедшееся ему по нраву, положеніе науки выдаетъ за непреложную истину. Его приговоры категоричны. Онъ не допускаетъ длинныхъ споровъ и презрительно относится къ тѣмъ, кто не раздѣляетъ его взглядовъ. Въ данномъ случаѣ, Нордау немного напоминаетъ Ницше, надъ которымъ такъ зло и остроумно глумится. Живость изложенія обнаруживаетъ въ нашемъ критикѣ пылкій темпераментъ, но эта пылкость — если можно такъ выразиться—книжная. Нордау—человѣкъ книги, а не жизни. Онъ, пожалуй, слишкомъ подвиженъ и прытокъ для кабинетнаго ученаго; однако, кабинетная работа унесла у него много свѣжести и непосредственности, отчасти кастрировала его. Отсюда узкое пониманіе поэзіи, доктринерство, жеманничанье по поводу каждой смѣлой сцены, каждаго нескромнаго стиха, каждаго оригинальнаго оборота рѣчи. Нордау—критикъ-психіатръ, но не художественный критикъ. Очевидно, въ области художественнаго творчества онъ компетентенъ лишь настолько, насколько эта область примыкаетъ къ области психіатріи. Односторонность психіатра составляетъ отличительную черту разсмотрѣнной книги Нордау. Ему всюду мерещятся ненормальные люди; оно тѣмъ легче, что типы ненормальныхъ людей — безконечно разнообразны. Позднѣйшіе выводы психіатріи

Digitized by Google

позволили нѣкоторымъ смѣлымъ умамъ прійти даже къ заключенію, что ненормальныхъ людей вообще нѣтъ, что въ каждомъ человѣкѣ заключается какая нибудь странность и этою странностью онъ отличается отъ другихъ, въ свою очередь странныхъ по отношенію къ нему. Иными словами, увлекающійся психіатръ «конца вѣка» готовъ признать индивидуальность—пунктомъ помѣшательства.

Разумѣется, подобный взглядъ чрезвычайно одностороненъ и свидѣтельствуетъ о необходимости какъ можно осторожнѣе обращаться съ недостаточно еще изслѣдованными и обоснованными теоріями. Несомнѣнно однако, что умственныя способности находятся въ зависимости отъ чрезвычайно нѣжнаго аппарата и что малѣйшая неисправность въ этомъ аппаратѣ тотчасъ же отзывается на нравственномъ складѣ человѣка. Оттого ненормальность далеко не составляетъ исключенія, а типы ненормальныхъ—безконечно разнообразны. Можно не раздѣлять популярной теоріи Ломброзо, но психіатрическій матеріалъ, содержащійся въ трудахъ туринскаго профессора, несомнѣнно даетъ основаніе для всевозможныхъ, самыхъ смѣлыхъ и даже эксцентричныхъ, предположеній. Находя высшее проявленіе въ полномъ безуміи, ненормальность достигаетъ, въ нисходящемъ порядкѣ психопатіи, до такого состоянія, при которомъ человѣкъ не можетъ быть признанъ сумашедшимъ и кажется вполнѣ здоровымъ. Раздражительность, распущенность, нравственная неопрятность, слабоволіе и до послѣднихъ предѣловъ развитый эгоизмъ — все это качества до такой степени присущія людямъ толпы, что за обнаруженіе ихъ рѣшительно немыслимо сажать въ психіатрическую лѣчебницу: тогда психіатрической лѣчебницей пришлось бы сдѣлать каждое сотое зданіе.

Мы не видимъ рѣшительно ничего отраднаго въ сравнительной популярности теорій Маньяна, Солье, особенно Ломброзо, Монтегаццы и другихъ. Большая публика не въ состояніи разобраться въ нихъ; онѣ лишь сбиваютъ и путаютъ укоренившіяся представленія о сумашедшихъ, которыя нужно нѣсколько расширить, нѣсколько видоизмѣнить, но отнюдь не перевертывать вверхъ дномъ. Съ насъ совершенно достаточно знать, что безуміе проявляется не въ однѣхъ только рѣзкихъ формахъ; что ненормальность психической дѣятельности человѣка обнаруживается иногда только при особыхъ, опредѣленныхъ для каждаго субъекта, условіяхъ; что разъ проявившій эту ненормальность субъектъ уже не можетъ быть признанъ здоровымъ и всѣ его поступки вообще должны внушать осторожность. Далѣе этого практическое примѣненіе новѣйшихъ и модныхъ теорій умопомѣшательства идти не должно. Юриспруденція, стремясь преступить указанную грань, рискуетъ впасть въ ошибки

Digitized by Google

не меньшія прежнихъ, когда понятія о невмѣняемости не существовало и на каждаго преступника смотрѣли, какъ на здороваго человѣка, сознательно проявившаго злую волю. Мы не понимаемъ, мы считаемъ преступной радость увлекающихся психіатровъ, которую они обнаруживаютъ всякій разъ, какъ имъ удается избавить отъ наказанія спорно-нормальнаго субъекта. Совершенно заблудившись въ тонкихъ психическихъ особенностяхъ, они легко находятъ то, чего ищутъ. Не забудьте, что каждый увлекающійся психіатръ пристрастенъ въ извѣстномъ направленіи. Если же онъ вдобавокъ работаетъ еще надъ теоріей всеобщей невмѣняемости — изъ тысячи преступниковъ едва ли и десять будутъ имъ признаны нормальными. Въ крайности, свойственныя психіатрамъ, начинаютъ впадать также и литературные критики, подобные Нордау. Нельзя не привѣтствовать примѣненія научнаго и естественно-историческаго метода къ созданіямъ искусства. Метафизическая эстетика сказала свое послѣднее слово и передъ новыми литературно-художественными явленіями остановилась въ полномъ безсиліи. Критикъ новой школы основательно недоумѣваетъ, какъ можно обходиться безъ научныхъ основъ и пріемовъ, какъ можно судить о высшихъ проявленіяхъ духовной дѣятельности человѣка, имѣя подъ собой шаткую почву умозрительнаго міросозерцанія. Если юристу необходимо быть свѣдущимъ въ психологіи и психіатріи, то критику и подавно безъ нихъ шага ступить нельзя. Юристъ не обязанъ самостоятельно рѣшать психологическіе и психіатрическіе вопросы; ему на помощь всегда является врачъ-экспертъ, а литературно-медецинской экспертизы еще не существуетъ.

Позитивизмъ Тэна помогъ ему свободно разобраться во многихъ достаточно спутанныхъ и неопредѣленныхъ явленіяхъ. Правда, поэтическій темпераментъ знаменитаго критика препятствовалъ его выдержанности; правда и то, что Тэнъ, подобно самому родоначальнику позитивизма, Ог. Конту, иногда обращался къ пріемамъ, имъ же отвергаемымъ — однако, не слѣдуетъ смѣшивать существеннаго съ второстепеннымъ и строить выводы исключительно на промахахъ и недостаткахъ.

Макса Нардау я не сравниваю съ Тэномъ. Нордау не обладаетъ и сотой долей таланта, критической проницательности и художественнаго чутья автора исторіи англійской литературы, но онъ дѣлаетъ знаменательную попытку соорудить зданіе своей критики на твердой научной почвѣ. Разсматривая произведенія того или другаго писателя, Нордау слѣдитъ за болѣзненными уклоненіями творчества и мысли. Онъ примѣняетъ къ писателямъ теоріи Ломброзо, Маньяна, Солье. Въ однихъ видитъ вырождающихся высшаго

Digitized by Google

порядка, въ другихъ—слабоумныхъ, въ третьихъ—маттоидовъ, графомановъ и т. д. Мы уже видѣли, какъ онъ злоупотребляетъ своимъ методомъ. Ловля вырождающихся обратилась у него въ спортъ. Онъ не задумывается отвести мѣсто безумцу Рембо рядомъ съ Ибсеномъ, Золя и Толстымъ. Онъ находитъ типичнѣйшіе признаки вырожденія въ Вагнерѣ, котораго еще, пожалуй, понимаетъ, какъ автора статей объ искусствѣ, и о которомъ рѣшительно не можетъ судить, какъ о композиторѣ.

V.

Явленія, на которыхъ останавливается Нордау, не одинаковы по своей значительности и, даже съ точки зрѣнія психіатра, не въ равной мѣрѣ носятъ угрожающій характеръ. Допустимъ, что Нордау правъ, отмѣчая болѣзненные элементы въ творчествѣ прерафаэлитовъ, парнасцевъ, символистовъ, эстетиковъ и реалистовъ; допустимъ, что и Толстой, и Вагнеръ, и Золя, и Ибсенъ до извѣстной степени не нормальные люди. Однихъ нашъ критикъ относитъ къ разряду мистиковъ, другихъ къ разряду эготистовъ. И мистицизмъ, и эготизмъ писателей послѣдняго пятидесятилѣтія онъ считаетъ болѣзнью. Очень вѣроятно, что примѣненіе метода Нордау къ писателямъ иныхъ, болѣе здоровыхъ эпохъ, дало бы аналогичные результаты. На протяженіи длиннаго ряда мы встрѣчали бы только вырождающихся, вырождающихся и вырождающихся. Гдѣ же не вырождающіеся? Почему исканіе «новыхъ путей» въ искусствѣ, новыхъ сторонъ въ интимной жизни человѣка—признакъ психическаго разстройства?

Нордау готовъ согласиться, что прежнее міросозерцаніе доживаетъ послѣдніе дни, что прогрессъ внутренней и внѣшней жизни человѣчества ведетъ его къ новой обѣтованной землѣ. Почему же человѣчество должно идти теперь подъ наблюденіемъ психіатровъ? Почему психіатрамъ, а не кому либо другому, принадлежитъ руководящая роль? Современное человѣчество переживаетъ сумеречную эпоху. Заканчивается долгій день одного господствовавшаго міросозерцанія, чтобы дать дорогу, идущему на смѣну, дню другаго міросозерцанія. Человѣчеству, кажется, грозитъ пережить еще и ночь. Сколько она будетъ длиться, этого не предскажетъ и самъ Нордау. Символисты, реалисты, ибсенисты—развѣдчики будущаго; очень вѣроятно, что они заблуждаются, но ихъ эготизмъ, ихъ поклоненіе собственному «я», можетъ быть, предвѣщаетъ существенную особенность новаго міросозерцанія. Теперь мы говоримъ, что это законно и логично, когда «борьба тысячи слабыхъ уноситъ»; что надъ судьбою отдальныхъ людей не стоитъ задумываться, что благо

Digitized by Google

массы безконечно выше блага отдѣльнаго человѣка. Станетъ ли хуже, если работа человѣчества направится еще опредѣленнѣе къ завѣтной цѣли — урегулированію желѣзныхъ законовъ природы, отдающихъ слабаго въ жертву сильнаго? Противъ этихъ-то законовъ и возмущается человѣческое «я»; противъ этого «массоваго эгоизма» и возстаетъ эгоизмъ личности. Брюнетьеръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что «вся исторія цивилизаціи, если смотрѣть на нее съ широкой точки зрѣнія, оставляя въ сторонѣ немногія случайности, нарушавшія ея теченіе, представляетъ рядъ усилій человѣчества избавиться отъ власти тѣхъ животныхъ элементовъ, которые служатъ намъ опорой. Мы тѣмъ болѣе люди, чѣмъ менѣе и слабѣе испытываемъ вліяніе законовъ, которымъ животное подчиняется безъ сопротивленія; въ частности, можно сказать, что объектомъ соціальныхъ законовъ, разъ таковые существуютъ, служитъ избавленіе слабаго отъ тиранiи сильнаго, иными словами, по возможности полное уничтоженіе послѣдствій естественнаго подбора и борьбы за существованіе».

Эготизмъ, какъ протестъ «я» противъ «мы», заслуживаетъ гораздо бо́льшаго вниманія, чѣмъ удѣляетъ ему Нордау. Онъ заслуживаетъ также менѣе боеваго и поверхностнаго отношенія. Самодовлѣющее искусство парнасцевъ или символистовъ, конечно, крайность, но какъ же не понять, что вѣдь это самодовлѣющее искусство—единственное вѣрное прибѣжище для загнаннаго, забитаго «я». Было бы съ полъ-бѣды, еслибы «я» вообще не существовало въ той формѣ, которая Нордау представляется ненормальной. Но «здоровые эгоисты», которыхъ онъ не желаетъ смѣшивать съ эготистами и которые отлично уживаются въ человѣческомъ обществѣ, равнымъ образомъ поклоняются сами себѣ, равнымъ образомъ возвеличиваютъ свое «я». Только «я» эгоистовъ гораздо низменнѣе и матеріальнѣе «я» эготистовъ.

Мистицизмъ, характеризующій настроеніе многихъ современныхъ писателей, Нордау опять таки поворачиваетъ не всѣми сторонами, а только одною клиническою. «Клиническій мистицизмъ» и влеченіе къ таинственному, сознаніе таинственнаго, присуще въ разной степени каждому не окончательно мертвому и не окончательно самонадѣянному уму. Мы окружены массой неразгаданныхъ явленій, и тщетныя попытки объяснить ихъ ушли многіе, долгіе вѣка. Равнодушно отойти отъ запертой двери и терпѣливо ждать, когда подыщутъ къ ней ключъ—очень благоразумно, а для ученаго изслѣдователя прямо необходимо. Но, вообще, это не въ человѣческой натурѣ, которая еще долго не разучится *догадываться*.

Ломброзо, вызывающій въ Нордау чуть ли не благоговѣйное

Digitized by Google

почитаніе, признаётъ ненормальныхъ геніевъ могущественными культурными факторами. Ученикъ, на сей разъ, не согласенъ съ учителемъ и даже проповѣдуетъ крестовый походъ противъ вырождающихся. Очевидно, ему хочется блеснуть оригинальностью воззрѣній; истина же играетъ тутъ второстепенную роль. Вообще, погоня за краснымъ словцомъ, за ошеломляющимъ выводомъ составляетъ замѣтную слабость Нордау. Въ сумеркахъ человѣчества его тезисы не горятъ яркимъ пламенемъ. Они также мало способны освѣтить дорогу бредущему во тьмѣ современному поколѣнію, какъ и писанія какихъ нибудь декадентовъ. Я не напрасно привелъ въ началѣ этюда случай съ англійскимъ докторомъ, занимавшимся изслѣдованіемъ черепа В. Скотта. Это именно «случай съ докторомъ», а не «случай съ черепомъ». Каждый здравомыслящій человѣкъ скорѣе подвергнетъ сомнѣнію всѣ соотвѣтственныя указанія науки, чѣмъ признаетъ великаго писателя микрокефаломъ-идіотомъ. Самоувѣренный послѣдователь научной теоріи не останавливается ни передъ чѣмъ. Онъ ищетъ только внѣшнихъ признаковъ и, найдя ихъ, успокоивается. Какое ему дѣло до *содержимаго*, разъ можно опорочить по всѣмъ правиламъ науки *оболочку*.

«Сумерки человѣчества», подобно сумеркамъ въ природѣ, полны игры тѣней. Здѣсь такъ нетрудно принять призракъ за человѣка, случайное сочетаніе ночныхъ звуковъ—за человѣческій голосъ, за плачъ или призывъ.

Въ сумерки легко обманывать, легко и обмануться. Книга Нордау, посвященная этимъ сумеркамъ, изобилуетъ ложными выводами и обобщеніями, хоть въ ней немало здравыхъ мыслей и основательныхъ теорій. Она не рѣшаетъ вопроса, но, какъ одно изъ явленій времени и притомъ явленій «сумеречныхъ», заслуживаетъ полнаго вниманія.

Нордау для такой книги,—не будь онъ самъ ея авторомъ,—вѣроятно, подыскалъ бы другое хлесткое названіе въ своемъ обширномъ психіатрическомъ лексиконѣ.

К. Медвѣдскій.

Digitized by Google

ЖЕРТВА ИЛЛЮЗІИ.

Романъ.

I.

Въ обширной столовой богатаго барскаго дома накрывали завтракъ.

Яркое солнце освѣщало серебристо-бѣлую скатерть, сверкало и преломлялось въ тонкомъ хрусталѣ, сіяло на массивномъ серебрѣ, украшенномъ княжескими гербами.

Хозяйка стариннаго и богатаго имѣнья, княгиня Софья Павловна Самарская, еще не выходила изъ своихъ комнатъ, но здѣсь, на другой половинѣ, уже давно кипѣла жизнь.

Племянникъ покойнаго князя, Павелъ Самарскій, молодой, симпатичный человѣкъ въ сѣрой блузѣ, перетянутой ремнемъ, и молодая дѣвушка, Зоя, воспитанница княгини, вернулись изъ деревни и, усталые, раскраснѣвшіеся, съ юношескою алчностью поглядывали на накрытый столъ.

— Тетя еще не встала? — спросилъ Поль, обращаясь къ старику-лакею, стоявшему возлѣ стола.

— Изволятъ одѣваться! — степенно доложилъ преданный Василій, лѣтъ двадцать служившій въ домѣ покойнаго князя и знавшій Поля еще ребенкомъ.

— Какъ она долго! Ѣсть смертельно хочется...—воскликнулъ Поль и, безпощадно нарушая порядокъ, царящій на столѣ, взялъ кусокъ хлѣба, намазалъ его масломъ и сталъ рѣзать сыръ.

— Ваше сіятельство! Ахъ, ваше сіятельство,—съ укоромъ прошепталъ старикъ.—Опять!

— Ну, что опять? Что? — смѣясь, приставалъ Поль.—Знаете, Зоя, сей сѣдовласый мужъ никакъ не можетъ помириться съ тѣмъ, что я—большой и въ нѣкоторомъ родѣ служу

Digitized by Google

отечеству. Ему все кажется, что я—ребеночекъ! Ха, ха! Вотъ видите ли, съѣмъ этотъ кусочекъ и за завтракомъ ничего не буду ѣсть... Не безпокойся, старикъ, за двоихъ стану ѣсть!

Василій торопливо возстановлялъ порядокъ на столѣ и продолжалъ добродушно ворчать.

— Сейчасъ вѣдь завтракать.. Кушанья приготовлены всякія, а ваше сіятельство хлѣбъ сухой...

— Съ масломъ, старикъ! Съ масломъ, да съ сыромъ. Ого, смотрите, Зоя, редиска... Похищаемъ!

Василій не выдержалъ.

Первая редиска, съ трудомъ выращенная садовникомъ, должна удостоиться вниманія самой княгини, а тутъ Поль и Зоя хватаютъ ее.

— Ваше сіятельство... Ваше сіятельство! Зоя Михайловна! Да что же это?—разнымъ тономъ говорилъ старикъ, переходя отъ умоляющаго тона къ укорительному.

Но молодые люди громко смѣялись. Они знали, что тетя Сафо не разсердится, знали, что старикъ по долгу службы останавливаетъ ихъ, а въ сущности вовсе ему не жаль выращенной садовникомъ редиски и, охваченные стремленіемъ подурачиться, дразнили Василія.

Старикъ отнялъ тарелку изъ рукъ Зои, поставилъ ее на столъ и, тяжело переводя дыханіе, началъ усовѣщивать Зою.

Все, что онъ говорилъ молодой дѣвушкѣ, относилось главнымъ образомъ къ князю Павлу, но преданный слуга опасался согрубить или обмолвиться.

— Сами изволите хозяйствомъ заниматься; тутъ хорошихъ гостей ждетъ ея сіятельство, а вы... редиску...

— Хорошихъ гостей?! Ахъ, ты, старина! Кто же это гости-то хорошіе, кромѣ насъ съ Зоей Михайловною?

— Онъ говоритъ о Муранскихъ!—по французски сказала Зоя.—Они пріѣдутъ, кажется, сегодня.

— Да? Сегодня?

Старикъ Василій возстановилъ порядокъ и, замѣтивъ, что молодые господа заговорили между собою по французски, вообразилъ, что осуждаютъ его поступокъ. Онъ ощущалъ потребность оправдаться и загладить свою вину.

— Вѣдь я что же? Спросится съ меня, а какъ я скажу?.. Тоже неловко .. Прикажите, такъ я сейчасъ отъ садовника

Digitized by Google

принесу всякую «примёру», а эдакъ—никакъ невозможно. Приказано для гостей беречь... А то, можетъ, сбѣгануть къ садовнику?

И старикъ готовъ былъ упрашивать молодаго князя и ласковую, всегда добрую Зою, чтобы они скушали все, что̀ имъ угодно, а онъ будетъ отвѣчать за такой непорядокъ. Ничего! За своихъ—не обидно. На что это похоже въ самомъ дѣлѣ: гостямъ получше, а своимъ—похуже!..

Между тѣмъ, Полю и Зоѣ уже надоѣло болтать съ Васильемъ или дразнить его своею напускною алчностью.

Молодые люди прошли на террасу, обтянутую сѣрымъ полотномъ и заставленную цвѣтами.

Князь остановился у колонны и, задумчиво глядя на разстилающуюся ширь луговъ, покрытыхъ свѣжею майскою зеленью, обмѣнивался короткими фразами съ Зоей. Хорошенькая блондинка, съ привѣтливымъ выраженіемъ большихъ свѣтло-голубыхъ глазъ, здоровая и розовая, въ простенькомъ, но изящно сшитомъ платьѣ, опустилась въ качалку.

— Зачѣмъ сюда ѣдутъ Муранскіе?—спросилъ Поль.

— Гостить. Софья Павловна звала ихъ на все лѣто.

— На все лѣто? Вотъ такъ тощища будетъ!

— Скучно съ Муранскимъ?

— Васъ, кажется, удивилъ мой вопросъ? Ну, да, съ Муранскимъ невыносимо скучно...

Зоя слегка пожала плечами и снисходительно улыбнулась.

— Вы его почти не знаете, оттого... Но если вы познакомитесь поближе...

Не восхищаться Муранскимъ—казалось Зоѣ невозможнымъ, но князь видимо разсуждалъ иначе.

— Нѣтъ, не понравится мнѣ вашъ Муранскій!—рѣшительно произнесъ молодой человѣкъ.

Онъ замѣтилъ, что при словѣ «вашъ»—Зоя покраснѣла и эта мелочь возбудила въ немъ не только удивленіе, но и досаду. Молодая дѣвушка промолчала. Она очень симпатично относилась къ Полю, цѣнила его заботы, вниманіе и дорожила недавно установившеюся дружбою къ молодому князю. Со всякимъ другимъ она стала бы спорить, защищая Муранскаго и доказывая *свою* правду, но тутъ—ей дѣлалось неловко.

Слишкомъ проницательный, Поль иногда смущалъ Зою во-

Digitized by Google

просами и замѣчаніями, обличавшими его тонкое пониманіе, и дѣвушка боялась своего молодаго друга.

— Знаете, что меня удивляетъ, заговорилъ князь послѣ недолгой паузы,—о чемъ я давно и долго думаю? Вопросъ интересный!

— О чемъ? Скажите, Поль!

Золя вымолвила эти слова веселымъ тономъ, внутренно довольная, что щекотливый вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ Муранскаго дебатироваться не будетъ.

— О той закваскѣ рабства, которое сидитъ въ русской женщинѣ. Да, да! Не удивляйтесь: именно въ современной, культурной, почти равноправной женщинѣ сидитъ тенденція рабыни.

— Вы, конечно, шутите, Поль?! По моему...

— Вовсе не шучу!—горячо прервалъ Самарскій. — Мое убѣжденіе основано на фактахъ. Измѣняются формы и проявленія, но сущность та же. Двадцать лѣтъ тому назадъ, наши дамы рабствовали передъ нигилистомъ, теперь — новый кумиръ..

— А, вотъ вы къ чему...

— Угадали? Очень радъ! Оказывается, я попалъ въ цѣль, Вотъ эти-то факты и интересуютъ меня... Теперь время торжества артистовъ. Пѣвецъ, актеръ, клоунъ и гимнастъ, даже велосипедистъ и пѣшеходъ — все это сказочные королевичи. Передъ ними толпы почитательницъ и поклонницъ, готовыхъ выцарапать глаза другъ другу...

— Остроуміе, заимствованное изъ газетнаго фельетона... Какъ это не похоже на васъ! Вы, всегда самобытный, вдругъ повторяете...

Князь Павелъ опять не далъ ей договорить обвиненія. Онъ повернулся къ Зоѣ и горячо сталъ доказывать, что не питаетъ никакого страха передъ ярлычкомъ.

— Называйте мои мнѣнія заимствованными—мнѣ все равно. Если газеты обратили вниманіе на женскій психопатизмъ,—тѣмъ лучше. Значитъ, газета правильно отражаетъ жизнь. Но я не встрѣчалъ еще объясненія такого печальнаго факта...

— Любить искусство—печальный фактъ?! Нѣтъ, Поль, вы сегодня не въ духѣ, или хотите меня позлить. Оставимъ этотъ вопросъ.

Digitized by Google

— Полноте, Зоя. Неужели барыни, безумствующія на бенефисѣ опереточнаго тенора, любятъ искусство?

— Я вовсе и не защищаю опереточныхъ дѣятелей! Тамъ—дѣло другое...

— Но я скажу то же самое объ оперныхъ пѣвцахъ, актерахъ и ихъ поклонницахъ. Нѣтъ Бога, кромѣ Бога! Любовь къ искусству... Да неужели прежніе люди, наши дѣды, отцы, бабушки и тетушки,—они не любили искусства? Больше, серьезнѣе, глубже любили, но никогда не позволили бы себѣ такъ пресмыкаться передъ актерами или пѣвцами!

— Такъ что нынѣшніе диллетанты, по вашему, притворяются?

Зоя съ иронической улыбкой глядѣла на Поля, по своему объясняя его раздраженіе противъ Муранскаго, котораго онъ почти совсѣмъ не зналъ.

Привыкнувъ быть любимцемъ въ семьѣ дяди, считаясь человѣкомъ умнымъ и даровитымъ, Самарскій могъ завидовать, слыша похвалы, расточаемыя Муранскому. Подобная мелочность въ характерѣ развитаго и обезпеченнаго молодаго князя была не симпатична Зоѣ. Но Поль даже не замѣтилъ иронiи дѣвушки.

Передъ его умственнымъ взоромъ проносились картины жизни, которыя онъ наблюдалъ, вставали образы женщинъ, тяжело поплатившихся за свои увлеченія, и тутъ же, рядомъ, вырисовывались типы героевъ безпечальнаго существованія.

— Ахъ, еслибы онѣ притворялись, было бы въ тысячу разъ лучше. Нѣтъ, это—болѣзненное влеченіе къ рабству, къ нравственному издѣвательству, чуть не къ колотушкамъ. Возьмите барыню, которая нарочно продѣлываетъ истерику. Ее можно вылѣчить подаркомъ или угрозой, а дѣйствительно припадочную,—чѣмъ ее излѣчишь! Нѣтъ, онѣ серьезно идутъ въ кабалу и цѣлуютъ руку деспота. Я знаю женщину. Прекрасный, честный, гуманный мужъ,—а она ушла и сдѣлалась чуть не третьей въ гаремѣ моднаго пѣвца...

Голосъ Поля дрогнулъ.

Молодой человѣкъ коснулся факта, еще не успѣвшаго отойти въ область воспоминаній, и передъ нимъ, точно наяву, стояла милая, бѣдная Маруся, рыдавшая отъ горя, что *не можетъ* разлюбить недостойнаго и злобнаго измѣнника.

Digitized by Google

— Значитъ, въ немъ... въ томъ пѣвцѣ, о которомъ вы сейчасъ говорили, было нѣчто... Вѣдь не изъ выгоды же она поступила такъ...

— Нахальства, дерзости было много! — почти со злостью сказалъ Поль.—А на чемъ держалось рабство, на чемъ держится всякое самоуправство? Все на томъ же вѣковомъ принципѣ. Нахальство съ одной стороны и пассивность—съ другой. Нигдѣ, ни въ одной странѣ, не станутъ такъ пресмыкаться, умаляться, какъ наши дамы... Въ любой барынѣ сидитъ рабыня. Передъ мужемъ—требовательная госпожа, передъ фигляромъ—раба!

Зоя нервно кусала губы и поводила плечами, желая, чтобы Софья Павловна вышла поскорѣе. При ней, Поль такъ говорить не посмѣетъ. Софья Павловна считаетъ Муранскаго своимъ лучшимъ другомъ и съумѣетъ защитить его. «Вѣроятно, какой нибудь артистъ отбилъ у Поля любимое существо, вотъ онъ и злится. Иначе какъ объяснить его узкое отношеніе»?—думала Зоя, пока Самарскій развивалъ свою идею.

Княгиня Сафо,—какъ называли ее всѣ друзья,—вошла на террасу, когда Поль разсказывалъ какую-то драматическую исторію объ обманутой дѣвушкѣ и злодѣѣ-пѣвцѣ.

— Ахъ, Поль, опять!—съ ласковымъ укоромъ сказала она, грозя пальцемъ.—Ты забываешь, что Зоя—дитя. Нельзя посвящать ее въ разныя исторіи.

— Нѣтъ, дорогая, нѣтъ, не согласенъ! Тысячу разъ не согласенъ! — горячо возразилъ онъ.—Оттого-то вы, лучшія изъ женщинъ, и гибнете такъ безсмысленно, дико, что отъ васъ скрываютъ жизнь! Пусть женщина знаетъ больше, пусть понимаетъ многое...

— Но поздороваться со мною все таки не мѣшаетъ? Ахъ, ты, горячая головушка... Опять споръ? О чемъ?—спрашивала Софи, пока племянникъ нѣжно цѣловалъ ея руку.

— Что онъ тутъ проповѣдывалъ, Зоя? — обратилась княгиня къ дѣвушкѣ.

— Да какъ же, мама, онъ говоритъ, что Муранскій...

— Я доказываю, что современная женщина...

Ни Зоѣ, ни Полю не удалось докончить начатыхъ фразъ.

Княгинѣ подали телеграмму и молодая женщина, прочитавъ ее, съ радостнымъ выраженіемъ лица обернулась къ Зоѣ.

Digitized by Google

— Сегодня вечеромъ онъ пріѣдетъ. Непремѣнно сегодня! И Софья Павловна крѣпко обняла Зою.

II.

Проклятая чуткость объяснила Полю значеніе этого поцѣлуя.

Княгиня опомнилась, взяла себя въ руки и стала спокойно, съ достоинствомъ полновластной госпожи, отдавать приказанія, касающіяся до пріема желанныхъ гостей. Но ея притворство было напрасно. Въ горделивомъ тонѣ голоса Поль слышалъ сдержанную радость; въ заботливости радушной хозяйки звучала трогательная нѣжность женщины, любящей или готовой полюбить пока еще чуждаго, но уже близкаго въ мечтахъ человѣка. Такія попеченія о гостѣ обычно раздражаютъ мужей, братьевъ и вообще близкихъ людей. Ничего преступнаго еще нѣтъ, но въ исключительной предупредительности, которою окружаютъ ожидаемаго посѣтителя, кроется столько обидной, хотя и мелочной небрежности къ своимъ, что самый непритязательный человѣкъ становится завистникомъ.

— Столъ надо? Взять изъ комнаты Поля! Вѣдь тебѣ ничего? Тебѣ поставятъ другой... Онъ немного поменьше, но вѣдь тебѣ не заниматься.

Подобныя распоряженія дѣлались, правда, въ ограниченномъ количествѣ, но бываютъ положенія, когда даже мелочь, подтверждающая наши тревожныя подозрѣнія, является мотивомъ для озлобленія.

Поль сосредоточенно молчалъ, пока Софи отдавала приказанія выслать лошадей на станцію. Она ничего не забыла и все предусмотрѣла, даже такой пустякъ, какъ распоряженіе захватить съ собою пледы и зонтики, хотя выѣхать за гостями было приказано въ каретѣ. За завтракомъ, Софи и Зоя, какъ союзники, интересующіеся однимъ и тѣмъ же дѣломъ, обмѣнивались краткими, только имъ понятными замѣчаніями, не думая, конечно, что Поль понимаетъ и мысленно смѣется.

— Что заказать къ ужину? Просто не знаю... — говорила княгиня.

— Кажется, молочное приказано... Вообще городскіе жители любятъ деревенскіе продукты.

Digitized by Google

— Да, конечно, но не вредно ли?..

— Тетя, да обратите вы вниманіе на редиску, результатъ усиленнаго усердія садовника!—прервалъ Поль.—Мы съ Зоей выдержали изъ-за нея настоящую битву.

И молодой человѣкъ шутливо разсказалъ Софи исторію объ ограбленіи стола. Старикъ Василій переминался съ ноги на ногу. Онъ насилу понялъ, что молодой князь дурачится, и позволилъ себѣ какое-то замѣчаніе. Софи сурово взглянула на преданнаго слугу.

— Непріятная манера у этихъ стариковъ вмѣшиваться въ наши разговоры! — сказала княгиня по французски, не обращаясь ни къ кому, но Поль возразилъ на томъ же языкѣ:

— Чудесный онъ старикъ, чудесный! Въ немъ слились: преданность крѣпостнаго и современная культурность, но въ такой пропорціи, что одно не мѣшаетъ другому.

За завтракомъ, угощая Поля и Зою, княгиня послала узнать, много ли зелени въ теплицѣ, есть ли фрукты и т. д., и тутъ же поручила дѣвушкѣ сдѣлать списокъ закупокъ.

— Теперь придется каждый день посылать на станцію, и посылку скоро доставятъ.

— Отчего каждый день?

— Газеты, письма... Арсеній Николаевичъ не можетъ жить безъ газетъ!

— Вы давно познакомились съ Муранскимъ, ma tante?— спросилъ Поль.

— Нынче зимой... Прекрасный человѣкъ, умница... А какой талантъ! Я очень люблю ихъ обоихъ...

— Обоихъ? А другой-то кто?

— Жена Арсенія Николаевича, такая милая, славная бабёночка...

— Ахъ, такъ онъ женатъ?

— А ты не зналъ? Впрочемъ, я забыла, вѣдь эту зиму ты не былъ въ Петербургѣ. Муранскій имѣлъ громадный успѣхъ и у насъ всѣ интересовались его личностью. Они—замѣчательно счастливая парочка.

— Помните Уріэля Акосту? — воскликнула Зоя, сверкая глазами.—Какъ вызывали тогда Райскаго... Какія овацiи ему дѣлали!

Digitized by Google

— Райскаго?—переспросилъ Поль.—Вы знаете Райскаго?

Софья Павловна и Зоя дружно засмѣялись.

— Вотъ видишь, видишь,—съ выраженіемъ торжества говорила княгиня, — даже *ты* знаешь Муранскаго! А ты—совсѣмъ не театралъ!.. Помнишь нашъ разговоръ, Зоя? Еще Арсеній Николаевичъ спорилъ, увѣрялъ, что онъ не пользуется популярностью... Даже Поль его знаетъ!

— Муранскій слишкомъ скроменъ...

Молодой человѣкъ глядѣлъ съ удивленіемъ.

Онъ никакъ не предполагалъ, чтобы желанный гость, ожидаемый въ Покровское, Муранскій, и актеръ Райскій, о любовныхъ подвигахъ котораго онъ слышалъ такъ много отъ самой потерпѣвшей,—было одно и то же лицо...

— Кого же вы ждете, ma tante? Объясните. Ничего не понимаю...

— Ахъ, какой ты смѣшной, Поль! Муранскій игралъ въ провинціи подъ именемъ Райскаго, прославился, но теперь ему захотѣлось играть подъ своей собственной фамиліей. Его псевдонимъ—Райскій, а настоящая фамилія—Муранскій. Онъ очень хорошаго рода... Поступилъ на сцену изъ одной любви къ театру.

Полю стоило большаго усилія, чтобы не сказать рѣзкости по адресу Райскаго.

Онъ удержался, смутно надѣясь, что это не тотъ Райскій... Вѣдь актеры, мѣняя свои псевдонимы, не стѣсняются. Тотъ, о которомъ слышалъ молодой человѣкъ изъ устъ обманутой и несчастной женщины,—былъ не женатъ.

— А Муранскій давно...

Поль хотѣлъ спросить: «женатъ», но удержался.

«Буду слѣдить, наблюдать,—рѣшилъ онъ, — и, въ случаѣ чего, скажу то, что знаю... Теперь—безцѣльно. Ничему не повѣрятъ»...

Вечеромъ Муранскій и жена его пріѣхали налегкѣ. Весь багажъ молодой парочки состоялъ изъ сундука и двухъ-трехъ картонокъ, на которыхъ, на широкой бѣлой полоскѣ, было напечатано крупнымъ шрифтомъ:

«Костюмы артиста столичныхъ театровъ, А. Н. Райскаго-Муранскаго».

— Никакого сомнѣнія, это онъ!—рѣшилъ Поль, видя, какъ

Digitized by Google

лакеи съ усердіемъ передъ желаннымъ гостемъ тащили картонки въ домъ.

Жена артиста, худощавая блондинка, стояла на крыльцѣ и наблюдала за перенесеніемъ вещей.

«А тотъ, какъ баринъ, уже въ комнатахъ! — подумалъ Поль.—Значитъ, и эта—тоже рабыня.

Молодой человѣкъ долго не рѣшался войти въ гостинную, гдѣ находились обѣ хозяйки и супруги Муранскіе. Онъ слышалъ голоса и смѣхъ, но разобрать, о чемъ говорилось, не могъ. Никто не приходилъ звать Поля, и онъ опять ощущалъ ревнивое, завистливое настроеніе. Теплый воздухъ врывался въ раскрытое окно. Молодой князь опустился въ кресло и сталъ вспоминать все, что онъ слышалъ про Муранскаго и на что прежде не обращалъ особаго вниманія.

Исторія жизни бѣдной, маленькой Нелли произвела на него сильное впечатлѣніе. Дѣвушка-подростокъ шестнадцати лѣтъ безъ ума влюбилась въ заѣзжаго актера и умерла въ чахоткѣ, когда тотъ уѣхалъ. Наивная дѣвочка мечтала о герояхъ, но въ жизни ихъ не было. Тоскующая по идеалу, созданному фантазіей, Нелли вообразила, что актеръ, произносящій красивыя фразы съ высоты сценическихъ подмостокъ—такое же исключительное существо, какъ и тѣ герои, которыхъ онъ олицетворялъ. Въ Райскомъ—Нелли полюбила и Гамлета, и Уріэля, не понимая, что смѣшиваетъ копію и оригиналъ. Не ея слабому дѣтскому уму было разграничить мечту и дѣйствительность.

Поклоненіе дѣвушки, игравшей роль въ губернскомъ обществѣ, благодаря положенію отца, льстило Райскому. Какъ женщина, кокетничалъ онъ съ Нелли, играя въ дружбу и раздувая любовь неопытнаго ребенка. Зима пролетѣла, какъ сладкій мигъ. Бенефисъ Райскаго былъ настоящимъ тріумфомъ для дамъ-психопатокъ и ихъ кумира. Цвѣты, подарки, стихи и масса листиковъ съ восхвалительными эпитетами, а вокругъ и сверху гулъ рукоплесканій.

Ошеломленная, подавленная и восторженно-настроенная, бросилась Нелли за кулисы. Видѣть *его!*.. Сказать ему два слова!.. Выразить поклоненіе передъ его могучимъ талантомъ. Вотъ все, чего желала Нелли, впервые рѣшившаяся очутиться за кулисами, среди странныхъ загримированныхъ людей.

Digitized by Google

И какъ жестоко наказала ее судьба! За боковой кулисой, стоялъ онъ, ея герой, кумиръ, ея идеалъ, и... обнималъ толстую, намазанную даму, благодаря за поднесенный подарокъ. Нелли больше не видала Райскаго. Послѣ бенефиса, она захворала, а онъ уѣхалъ, такъ какъ спектакли прекратились. До слѣдующаго сезона Нелли не дожила. Она грустила, плакала и умерла, какъ подстрѣленная птичка.

Останавливаясь теперь на этой исторіи и размышляя о ней болѣе спокойно, Поль подумалъ:

«Тутъ—Муранскій не виноватъ, пожалуй... Конечно, не виноватъ... Не можетъ же онъ влюбляться во всѣхъ, кто начинаетъ обожать его... Наши барыни, какъ мотыльки, сами летятъ на огонь... Чувство порядочнаго человѣка оттолкнутъ, а передъ фразёромъ бросятъ свою душу... Можетъ быть, онъ ни въ чемъ не виноватъ, а моя злоба *на того* заставляетъ быть несправедливымъ? Тетя очень хвалитъ Муранскаго... Она—умная, чуткая, наблюдательная... Она—серьезный человѣкъ. Поживемъ, увидимъ! Не хочу я быть пристрастнымъ».

И молодой человѣкъ рѣшилъ наблюдать, не отдаваясь ни антипатіи, ни симпатіи, хотя не лежала у него душа къ Муранскому.

Въ его памяти вставали различные эпизоды, слышанные въ провинціи. Возможно, что они касались другихъ лицъ и не имѣли никакого отношенія къ Арсенію Николаевичу, но подозрительность человѣка, всегда носившаго только *свою* фамилію, заставляла Поля помышлять съ брезгливостью:

«А кто его знаетъ, можетъ, онъ и Райскій, и Карагаровъ, и Ахметскій? У нихъ это въ модѣ»!

III.

Княгиня Сафо, Райскій-Муранскій и жена его, Катерина, сидѣли за столомъ, когда Поль вошелъ въ комнату.

Зоя наливала чай. Сидя за самоваромъ, она такъ помѣстилась, что могла видѣть Муранскаго, оставаясь незамѣтной. Софья Павловна спокойно, съ достоинствомъ, вела разговоръ съ Муранскимъ, а Катерина, съ прожорливостью проголодавшагося ребенка, торопливо и воровато брала сухари, булочки

Digitized by Google

и печенья, стараясь ѣсть побольше, но не обращать на себя вниманія.

Помня обязанность хозяйки, княгиня обращалась къ Катеринѣ съ просьбою еще выпить чаю или съѣсть тартинку, а худощавая молодая женщина испуганно вскидывала глазами на окружающихъ, скользила взоромъ по лицу мужа и возражала неувѣреннымъ тономъ:

— Mercі... Я не хочу... Я совершенно сыта!

Но едва на нее переставали обращать вниманіе, какъ она снова накидывалась на ѣду.

Софья Павловна познакомила Поля съ пріѣхавшими гостями. Съ находчивостью свѣтской женщины, она съумѣла сейчасъ же создать почву для общенія. Указавъ на спеціальность племянника, занимавшагося архитектурой, княгиня замѣтила, что оба они жрецы одного и того же идола—искусства. Муранскій съ увлеченіемъ заговорилъ о художественности вообще и обнаруживалъ пониманіе и чутье. Поль слушалъ его со вниманіемъ.

Арсеній Николаевичъ, высокій, но чрезвычайно худощавый, со впалою грудью, мужчина лѣтъ 30, казался весьма симпатичнымъ. Его блѣдное лицо загоралось лихорадочнымъ румянцемъ, а глаза блестѣли, какъ у чахоточнаго, едва онъ заводилъ рѣчь о чемъ либо интересующемъ его. Но едва разговоръ кончался, или другіе прерывали его,—выраженіе лица Муранскаго измѣнялось. Точно мертвый, сидѣлъ онъ, откинувшись на спинку стула, блѣдный, съ безкровными губами, и смотрѣлъ въ одну точку, не слыша того, что говорилось вокругъ него. За эту странную манеру обвинили бы каждаго, но Муранскій стоялъ внѣ укора. Артистъ, художникъ, избранная натура, онъ возбуждалъ не порицанія, а восторги, не насмѣшки, а подражательность.

Полю понравилось, что Муранскій не сыпалъ цитатами и не щеголялъ чужою ученостью. Онъ говорилъ пылко и безпорядочно, очевидно увлекаясь не только предметомъ, но и самымъ процессомъ разговора. Дамы жадно слушали его рѣчь. Совершенно незамѣтно для Поля, отвлеченный разговоръ объ архитектурѣ перешелъ на дѣятельность Муранскаго. Съ ловкостью спеціалиста Катерина сказала какое-то словечко, а Зоя подхватила его, и началось восхваленіе таланта Арсенія Ни-

Digitized by Google

колаевича. Молодой князь ожидалъ, что Муранскій взберется на своего конька, станетъ разсказывать о тріумфахъ послѣдняго сезона, но кумиръ оказался тактичнѣе своихъ поклонницъ.—Создать типъ въ современной пьесѣ, изъ ничего сдѣлать нѣчто,—да это, конечно, задача настоящаго художника!—говорила Катерина.—Ахъ, княгиня, какъ Арсеній игралъ Болтова! Ничего вѣдь не далъ авторъ, ничего... Это всѣ знаютъ, а онъ...

— Довольно, Катя! Право, не интересно,—съ легкой досадой прервалъ Муранскій, и Поль замѣтилъ, что это было не кокетство со стороны баловня женщинъ.

— Да, я читала...—значительно возразила Софи.—Васъ сравнили въ этой роли съ Давыдовымъ.

— Съ Давыдовымъ?!. Да сама С—ва сказала, что Арсеній лучше. Она говорила...

— Катя! Я же просилъ!..

И, пожимая плечами съ чуть замѣтной усмѣшкой, Муранскій вымолвилъ извиняющимся тономъ:

— Ахъ, эти жены артистовъ! Въ нихъ нѣтъ того, что всего, всего дороже намъ, представителямъ свободной профессіи: правды нѣтъ, чутья критическаго...

— Я повторяю слова авторитетныхъ людей...

— Которые ошибаются подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, также какъ профаны.

— Ага! Ты сказалъ: «сильное впечатлѣніе»... Значитъ, оно было произведено тобою...

Между супругами готовъ былъ вспыхнуть курьезный споръ... Восхваляемый возражалъ на слишкомъ грубую лесть, а Катерина не умѣла понять, что усердствовала чрезъ мѣру.

— Какъ мнѣ жаль, княгиня,—обратился Муранскій къ Софи,—что вы не видѣли нашу новую звѣзду. Вы—тонкая цѣнительница... ваше мнѣніе было бы такъ дорого.

— Ты говоришь опять о Маньковѣ? Вотъ увлекся! Не вѣрьте ему, княгиня.

— Замѣчательный талантъ! Самородокъ... Едва читаетъ, если хотите, не образованъ, но талантъ громадный... Я уступилъ ему роль Уріэля въ свой бенефисъ, и онъ имѣлъ выдающійся успѣхъ,

— Вы отказались отъ коронной роли для товарища?—воскликнула Зоя.

Digitized by Google

— Иначе ему не разрѣшали выступить на сценѣ, а человѣку надо же было знать: есть у него способности или нѣтъ.

Муранскій выразилъ это безо всякой рисовки.

— Ну, я вамъ скажу, это только *вы* можете сдѣлать!—съ нескрываемой похвалой замѣтила княгиня.—Я знаю, какъ вы ждали бенефиса... какъ онъ важенъ для васъ. Вотъ говорятъ еще, что между артистами вражда царитъ, зависть... Ты слышишь, Поль, что онъ сдѣлалъ?

Софи ощущала потребность не только восхищаться поступкомъ Муранскаго, но и поселять такое же отношеніе въ другихъ.

— Истинному таланту не страшно соперничество! Я понимаю поступокъ Арсенія Николаевича. Онъ пользуется такою широкою извѣстностью, что помочь новичку пробиться—для него удовольствіе.

— Вы спросите: *какъ* отблагодарилъ его Маньковъ?

— Полно, Катя, зачѣмъ?!. Мало ли что можетъ сдѣлать человѣкъ подъ дурнымъ вліяніемъ? Не слушайте ея, княгиня... Она—практикъ и все мѣритъ на свой аршинъ. Ахъ, какъ я хотѣлъ бы, чтобы вы его видѣли! Не сердитесь, я обѣщалъ, что зимой—мы будемъ служить на одной сценѣ—вы пріѣдете посмотрѣть на него? Хорошо?

— Съ удовольствіемъ.

— У васъ рѣдкое чутье, княгиня! Ваши совѣты... помните, я игралъ Макса, а вы сказали...

И Муранскій увлекся, цитируя слова Сафо и приводя цѣлыя реплики изъ любимой роли. Онъ говорилъ замѣчательно-просто, но съ богатыми оттѣнками и модуляціями. Зоя оперлась руками на столъ и жадно слушала, а княгиня, польщенная его памятливостью, смутно сознавала, что давала ему далеко не такіе цѣнные совѣты.

«Да, онъ безспорно талантливъ»! думалъ Поль, и его озлобленіе противъ Муранскаго исчезало. Онъ видѣлъ, что артистъ дѣйствительно любитъ искусство, что онъ работаетъ и не принадлежитъ къ самообожающимъ тупицамъ. Разговоръ о пьесахъ, о новыхъ типахъ и т. д. тянулся довольно долго. Когда Василій пришелъ сказать, что ужинать подано,—всѣ удивились, какъ быстро прошло время.

— Отчего вы не играете на большой сценѣ?—между прочимъ, спросилъ Поль.

Digitized by Google

— О, на это масса причинъ,—смѣясь, отвѣтилъ Муранскій.—Главная, конечно, одна: не берутъ!

— Положимъ, ты самъ капризничалъ! Ему предлагали, но онъ отказался..,

— Пустяки. Меня соглашались взять чуть не на выходà съ грошевымъ окладомъ,— спокойно объяснилъ Муранскій Полю.—Мѣнять положеніе героя на сценѣ провинціальнаго театра на роли лакеевъ—обидно. Теперь у меня есть надежда. Явился меценатъ съ чуткою душой и, можетъ быть...

Арсеній Николаевичъ взглянулъ на Софи. Княгиня отозвалась съ милой усмѣшкой:

— Вашъ другъ обѣщалъ вамъ свое содѣйствіе, а «мецената»—я не знаю.

— Я боюсь такихъ ярлычковъ, княгиня... Имѣть другомъ женщину, культурное, душевное существо,—нѣтъ, это слишкомъ большое, несбыточное счастье.

Муранскіи и Софи сидѣли рядомъ, вдали отъ всѣхъ. О чемъ они говорили,—Катерина не слыхала, но она видѣла, какимъ взглядомъ обмѣнялись собесѣдники, и ея тонкія брови нахмурились,

«Неужели и здѣсь борьба, и здѣсь опасность»? подумала она». Нарочно увезла его сюда, въ деревню, а здѣсь, отъ скуки, пожалуй, начнетъ игру въ любовь? Нѣтъ, надоѣло... Не позволю»!

За ужиномъ, Катерина стала доказывать, что столичная публика холоднѣе провинціальной, что «завоевать» ее не легко; говорила, что жить въ Петербургѣ дороже, и вообще разбирала вопросъ съ чисто практической стороны.

— Полууспѣхъ въ столицѣ я промѣняю на самый шумный тріумфъ въ провинціи,—возразилъ Муранскій.

— Даже такой тріумфъ, какъ въ В..?—ядовито напомнила Катерина.

Это былъ тотъ городъ, гдѣ жила Нелли... Муранскому видимо былъ непріятенъ вопросъ жены.

— Ты отлично знаешь, что туда я никогда не вернусь. Да, много тамъ было хорошаго, но и тяжелаго.

Арсеній Николаевичъ провелъ рукой по лицу и вздохнулъ. Потомъ опомнившись, онъ сталъ говорить, что легкость успѣха въ провинціи развращаетъ актеровъ.

Digitized by Google

— Сдѣлался любимцемъ и—конецъ, все прощаютъ; не полюбился,—ничего знать не хотятъ. Тамъ—нѣчто стихійное... Одна и та же роль, одинаково исполненная, а результаты противоположные. Но что̀ еще непріятнѣе,—продолжалъ Муранскій,—это отсутствіе самобытности. Въ провинціи нельзя быть просто хорошимъ актеромъ, нѣтъ, надо походить на кого нибудь. «Нашъ Давыдовъ»!.. «Нашъ Самойловъ»!.. вотъ эпитеты. Зато въ каждомъ городѣ есть и *своя* Савина, *своя* Ермолова... Вмѣстѣ съ модными шляпками и галстуками привозятъ моду на писателя и актера. Назовись крупнымъ именемъ и смѣло балагань. А здѣсь... здѣсь... Да ради пяти понимающихъ я стану охотнѣе играть, чѣмъ передъ толпою профановъ.—Этотъ разговоръ оживилъ и сблизилъ всѣхъ.

Муранскій и Катерина разсказывали разные случаи, княгиня и Зоя смѣялись, а Поль находилъ Арсенія Николаевича очень милымъ и остроумнымъ.

Послѣ ужина, когда всѣ прощались и расходились по своимъ комнатамъ, Муранскій поцѣловалъ руку хозяйки.

Онъ что-то спросилъ у Софи и тревожно ждалъ отвѣта.

— Непремѣнно!—громко отвѣтила она, а затѣмъ незамѣтно шепнула:

— Завтра утромъ, до завтрака, въ саду...

— Какъ я вамъ благодаренъ!

IV.

Супругамъ Муранскимъ отвели три комнаты, но Катерина стала увѣрять, что боится спать одна, и заставила мужа перенести кушетку.

Усталый и болѣе чѣмъ когда либо разсѣянный, Арсеній Николаевичъ исполнилъ все, чего отъ него требовали. Ему хотѣлось быть одному, хотѣлось сосредоточиться, но Катерина желала болтать, судачить и, по женской манерѣ, перемывать косточки любезной хозяйки, Зои и князя Поля. Всѣ, кромѣ нея самой и Арсенія, были ничтожны, забавны или коварны и злы. Надъ одними—она издѣвалась, противъ другихъ старалась найти оружіе. По натурѣ—Катерина была интриганка и чувствовала себя счастливой, если могла сдѣлаться душой какого нибудь заговора или союза сильныхъ противъ слабыхъ.

Digitized by Google

Въ труппѣ, гдѣ служилъ Арсеній,—Катерина была и нужнымъ, и могучимъ лицомъ. Принять участіе въ любовномъ романѣ, помочь одному и подставить ножку другому, вò-время сказать что нибудь и вò-время промолчать—все это молодая женщина умѣла въ совершенствѣ.

Очень недурненькая, съ открытымъ, симпатичнымъ лицомъ и удивительно ласковымъ выраженіемъ глазъ, увлекающаяся и живая, Катерина быстро завоевывала расположеніе. Даже тѣ, кому она вредила и неожиданно подставляла ножку, не обвиняли ея. Многіе думали, что она находится подъ властью мужа, и что онъ вліяетъ на нее такъ или иначе.

Наивные люди жестоко ошибались. Талантливый, но безхарактерный, Муранскій находился подъ башмакомъ у жены, а Катеринѣ было выгодно изображать рабыню. Деспотка съ глазу на глазъ съ Арсеніемъ, она окружала его при людяхъ такимъ обожаніемъ, что иногда, когда онъ случайно обращалъ на это вниманіе, ему становилось неловко. Въ прошломъ ихъ сближенія существовала тайна и, благодаря ей, Катерина крѣпко держала въ рукахъ Муранскаго.

Женаты формально они не были, но именно эта-то легкость отношеній и давала молодой женщинѣ исключительныя права надъ Арсеніемъ. Рабъ принципа, нравственно порядочный человѣкъ, Муранскій дѣлалъ много глупостей, благодаря откровенности своей натуры, но завѣдомо не совершилъ бы ничего нечестнаго съ разсчетомъ на выгоду.

Вернувшись въ свои комнаты и исполнивъ требованіе жены, Муранскій опустился въ кресло и, закрывъ глаза ладонью, шепталъ что-то. Катерина его окликнула. Онъ не слышалъ. Она вторично позвала мужа.

— Арсеній! Я же съ тобою говорю!

— А? Что? Что надо?

Катерина сухо засмѣялась. Когда на Муранскаго нападало такое мечтательное настроеніе въ обществѣ,—Катя не мѣшала ему и даже оберегала. Она находила эту манеру и эффектной, и выгодной. Но съ глазу на глазъ молодая женщина желала видѣть больше предупредительности. Всю эту разсѣянность и мечтательность она считала игрой, рисовкой и находила ненужною роскошью въ семейной обстановкѣ.

— Я говорю съ тобою, а ты... даже не слушаешь!

Digitized by Google

— Извини, Катя. Я... Какая прелесть этотъ монологъ! Я сейчасъ вспоминалъ. Сегодня мнѣ пришла въ голову одна мысль... Да, здѣсь, въ паркѣ, отлично можно практиковаться. Солнце, просторъ,—и ни души вокругъ.

Муранскій говорилъ вполнѣ искренно. Дѣйствительно, вѣчно живя въ отеляхъ или меблированныхъ комнатахъ, онъ никогда не имѣлъ возможности учить роли на свободѣ, во весь голосъ.

Для него, какъ для артиста, это было лишеніемъ, но Катерина даже не понимала этого неудобства...

Въ настоящемъ заявленіи Арсенія она увидала уловку. Но хитрить съ собой она не позволитъ. Напрасный трудъ!

— Кажется, вы уже поспѣшили назначить свиданіе? — съ легкою язвительностью спросила она.—Но съ которою?

— Катерина! Я просилъ...

— Нѣтъ, *я* просила! Я только съ этимъ и согласилась ѣхать къ вашей княгинѣ,—продолжала Катя холодно и рѣзко.—Ты сказалъ мнѣ, что не влюбленъ въ княгиню, а между тѣмъ съ первой минуты игра глазами, шептанье... Потомъ еще эта Зойка тутъ...

— Ты знала, что эта барышня живетъ здѣсь.

— Но что она тоже въ тебя влюблена, этого *я* не знала.

Муранскій пожалъ плечами. Въ его мозгу смѣшивались фразы монолога, который онъ только что читалъ, и банальныя рѣчи Кати, повторявшей свои укоры. Онъ понималъ, чего она хочетъ.

Давно не было ссоры, одной изъ тѣхъ ссоръ, которыя почему-то считаются «любовными». Наговоривъ другъ другу оскорбительныхъ вещей, люди вдругъ вспоминаютъ, что они все таки любятъ другъ друга, или тѣсно связаны, или просто расходиться имъ неудобно, и... страстными поцѣлуями, въ которыхъ бо́льше злобы, чѣмъ нѣжности, заканчиваютъ распрю. Осадокъ горечи остается въ душѣ у болѣе выработанной натуры, а примитивная также горячо ласкается, какъ горячо и необузданно оскорбляла.

Но Муранскому не хотѣлось ни ссоры, ни примиренія. За возможность общенія съ умной женщиной, но непремѣнно чуждой ему, которая могла бы выслушивать, не упрекая, говорить, не дѣлая намековъ,—онъ благословилъ бы судьбу. Когда-то Катя давала ему это счастье, но теперь, ревниво оберегая

Digitized by Google

свою власть, она вся отдалась практическимъ заботамъ. Пусть *онъ* нравится! Пусть его поклонницы ухаживаютъ за нимъ, какъ за верховнымъ жрецомъ, но только пусть онъ самъ не смѣетъ увлекаться.

— Ты знай,—заключила Катерина свою длинную, полную укоровъ рѣчь, которую онъ слушалъ точно во снѣ,—если я замѣчу что нибудь,—сейчасъ же уѣду! Оставайся здѣсь одинъ.

— Не хочешь ли, уѣдемъ отсюда хоть завтра; мнѣ безразлично.

— Ты отлично знаешь, что намъ некуда дѣться.

— Такъ не терзай же меня. Дай мнѣ хоть недѣлю отдохнуть и отъ нужды, и отъ лишеній, и отъ людей!

Это восклицаніе вырвалось съ мучительною болью. Катерина взглянула на мужа и, благодаря бѣлесоватому свѣту сѣверной ночи, сливавшемуся со свѣтомъ непотушенной лампы, была поражена его мертвенною блѣдностью.

«Да, здѣсь онъ можетъ поправиться»,—мелькнуло у нея.—«Какой онъ блѣдный, худой. Надо остаться!»

— Если ты желаешь, уѣдемъ въ Крымъ, въ богатое помѣстье твоего отца, о которомъ ты такъ любишь разсказывать... профанамъ. Отправимся въ Сибирь, на пріиски твоей матери. Ха-ха, вѣдь ты съ ними разошлась изъ любви ко мнѣ... Еще бы! Дворянка удостоила своимъ вниманіемъ мѣщанина. А то поѣдемъ ко мнѣ на родину, въ мою усадьбу.

Но ироніи больше не хватило. Слезы навернулись на глазахъ у Муранскаго и безкровныя губы дрогнули. Еще секунда и онъ могъ бы разрыдаться. Катерина беззвучно опустилась на колѣни у его ногъ, прильнула головой и надтреснутымъ голосомъ молила о прощеніи.

— Милый... желанный... Люблю вѣдь я тебя, обожаю. Молиться готова! Вру... лгу... хвастаю. Да что же дѣлать иначе? Развѣ они, эти проклятые богачи, пожалѣютъ иначе? Пропадай передъ ними съ голоду—не взглянутъ даже. Сюда пригласили бы, зная правду? Ни за что на свѣтѣ. Не талантъ онѣ цѣнятъ. Мужчина красивый, симпатичный,—вотъ что нравится. Старика-комика не позовутъ. Тѣхъ купцы чествуютъ. Смѣши, гаэрствуй! Какъ же мнѣ не ревновать, не бояться? Тебя отнять хотятъ, радость, жизнь моя!..

Катерина цѣловала его руки, его колѣни, и пылко говорила о своей любви.

Digitized by Google

Муранскій съ тоскою, какъ каторжникъ, лишенный свободы, слушалъ ея страстныя рѣчи. Да, любитъ она его, это вѣрно! Ради его счастья,—но счастья по ея образцу и вкусу—Катя пойдетъ и на сдѣлки съ совѣстью, и даже на преступленіе, а потомъ назоветъ неблагодарнымъ, если онъ станетъ тосковать по прежнему. Для нея богатство—цѣль, для него — средство. Въ его глазахъ, слава—все, а она видитъ въ славѣ ступень къ возможности пользоваться сытымъ покоемъ. Гдѣ же тутъ сговориться?

— Скажи, что ты меня любишь... скажи, что эти аристократки тебѣ не нравятся!—умоляла Катерина.—Я буду молчать... терпѣть. Я ничего не выкажу, я стану помогать тебѣ.

— Какія ты говоришь... глупости! Ну, подумай: «помогать», «терпѣть». Удивительно! умная женщина и такъ относится... Нѣтъ, Катерина, возьми себя въ руки. Ты знаешь, на зиму нѣтъ ангажемента; ты знаешь, что на дорогу надо было заложить послѣдніе часы и въ карманѣ у насъ двугривенный. Княгиня хлопочетъ обо мнѣ; она добра, любезна, но если ты станешь дѣлать мнѣ сцены—я не выдержу и уѣду.

— А ты въ нее не влюбленъ?

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Муранскій отвѣчалъ со злобою человѣка, котораго вынуждаютъ лгать. Въ сущности, онъ не былъ влюбленъ въ Софи, но для него она выдѣлялась среди всѣхъ другихъ женщинъ, и именно особеннымъ колоритомъ своихъ отношеній. Разговаривать съ Софи, встрѣчать задумчивый, нѣсколько мечтательный взглядъ ея черныхъ глазъ, слышать ея отзывы, полные ума и наблюдательности,—являлось для него наслажденіемъ. Онъ дорожилъ нравственною близостью къ Софи, и самый вопросъ жены оскорблялъ его своею вульгарностью. Точно подобные вопросы дѣлаются въ такой формѣ, точно возможно отвѣчать на нихъ правдиво и искренно!

— Ну, вотъ и спасибо... вотъ я и успокоилась,—говорила Катерина, утомленная и ссорой, и продолжительною дорогой.

Для соблюденія приличій они пріѣхали въ купэ перваго класса, но пересѣли въ него всего за двѣ станціи. Весь же путь былъ сдѣланъ въ вагонѣ третьяго класса, причемъ еще приходилось ютиться въ уголкахъ, избѣгая возможныхъ встрѣчъ. Эта двойственность, эта печальная необходимость быть однимъ,

Digitized by Google

а казаться другимъ, производила на Муранскаго удручающее впечатлѣніе, но онъ сознавалъ, что иначе поступать невозможно.

«Проклятая, проклятая жизнь!»—думалъ молодой человѣкъ, чувствуя на себѣ гнетъ нужды и тяжесть попеченій Катерины. Избавиться отъ того и другаго было бы громаднымъ счастьемъ, но...

А Катерина, сознавая свою власть, продолжала ласкаться къ Муранскому. Она убаюкивала его лестью, она ласкала его слухъ тѣми похвалами, которыя были ему необходимы, какъ воздухъ, какъ пища,—и онъ платилъ за нихъ рабскою покорностью.

Утромъ, проснувшись раньше, чѣмъ Катя, Муранскій быстро одѣлся и ушелъ въ садъ. Ему страстно хотѣлось свободы, хотѣлось стряхнуть съ себя все прошлое...

V.

Софья Павловна, княгиня Самарская, испытала немало горя, но горя незамѣтнаго, такого, которое бѣднякъ называетъ блажью, а охладѣвшій мужъ считаетъ капризомъ.

Выдя замужъ по любви, Софи наивно вѣрила, что ея счастью не будетъ конца. Женихъ обожалъ ее. Свѣтскія кумушки передавали настоящія легенды, до чего влюбленъ князь Самарскій въ свою прелестную невѣсту, и находили, что это уже слишкомъ. Онъ прервалъ всѣ свои знакомства съ хорошенькими женщинами и даже вычеркнулъ изъ числа друзей тѣхъ молодыхъ и молодящихся людей, которые отличались умѣньемъ соблазнять самыхъ добродѣтельныхъ мужей.

— Тебѣ будетъ скучно, Гриша,—говорила Софи.—Семейная жизнь...

— Съ тобою семейная жизнь—рай!—прерывалъ князь.

И Софи вѣрила, вѣрила, какъ всѣ молоденькія, наивныя и влюбленныя женщины вѣрятъ своимъ избранникамъ. Зато и разочарованіе ея было ужасно. Добрыя пріятельницы намекали ей на измѣну мужа, но она горделиво улыбалась. Гриша говорилъ, что ему необходимо иногда прикидываться «вѣтрянникомъ» и она не сомнѣвалась въ его словахъ.

Digitized by Google

Скоропостижная смерть мужа причинила ей двойное горе. Она потеряла Гришу и нравственно, и физически, потеряла даже право нѣжно, любовно вспоминать о немъ. У князя Самарскаго оказалась другая семья... Тамъ проводилъ онъ цѣлые вечера, говоря, что ѣдетъ въ засѣданія, тамъ онъ пользовался счастьемъ цѣловать и ласкать своего ребенка.

Много времени нужно было Софи, чтобы сжиться, примириться съ этимъ фактомъ. Молодая женщина поступила съ рѣдкимъ достоинствомъ и сердечностью. Она обезпечила ребенка, и соперницу, но не оскорбляя ихъ своею помощью. Дать имя ребенку—она не имѣла права, тѣмъ болѣе, что Поль, возмущенный поступкомъ дяди Гриши, перенесъ свою злобу на ничѣмъ въ сущности невиновныхъ людей. Честный и глубоко нравственный Поль осуждалъ все нелегальное, ненормальное и говорилъ, что покровительствовать пороку—значитъ сочувствовать ему.

Оскорбленная самымъ милымъ и дорогимъ существомъ, Софи потеряла вѣру и въ людей, и въ любовь. «Всѣ притворяются болѣе или менѣе,—думала она,—всѣ лгутъ и обманываютъ другъ друга. Счастья нѣтъ и быть не можетъ». Такая философія оберегала душевное спокойствіе молодой женщины, но, слѣдуя ей,—жизнь становилась еще скучнѣе. Не на что надѣяться... нечего ждать. Софи любила музыку, чтеніе и театръ; она бывала всюду и вездѣ, всегда хорошо и богато одѣтая, но въ строго приличномъ костюмѣ, никогда не бросающемся въ глаза.

Княгиню замѣчали, ею интересовались, за нею охотно бы ухаживали, но она была слишкомъ холодна и неприступна. Быть представленнымъ Софи и получить право бывать у нея—достигалось немногими, да кто и посѣщалъ роскошную квартиру княгини и даже бывалъ запросто, неожиданно прерывалъ иногда свои визиты. Злословящія барыни объясняли подобныя случайности по своему, но онѣ были неправы. Современная молодежь не любитъ тратить своего времени на безцѣльный флиртъ. Лучше призъ попроще, но... было бы чѣмъ попользоваться, похвастаться и вспомнить при случаѣ.

Убѣдившись, что княгиня холодна и проницательна, что она требуетъ серьезнаго отношенія—столичные чичисбеи отхлынули, и Софи не пожалѣла о нихъ. Между тѣмъ, разочаро-

Digitized by Google

ванная въ прошломъ и страстно жаждущая любви, Софья Павловна скучала. Даже себѣ самой не сознавалась она, что ей нуженъ другъ, и съ горделивостью, добытою путемъ страданія, говорила, что никому не повѣритъ... Она не бранила мужчинъ вообще, какъ безтактно дѣлаютъ это разочарованныя женщины, не находила ихъ порочными и безсердечными, но избѣгала ихъ общества.

Встрѣча съ Муранскимъ внесла массу новыхъ ощущеній въ ея богатую по внѣшности и бѣдную по внутреннему содержанію жизнь. Талантливый бѣднякъ, силою своего дарованія составляющій себѣ имя,—Муранскій понравился Софи, какъ исключительный человѣкъ. До сихъ поръ она видѣла пустыхъ хвастуновъ, а тутъ—талантъ и скромность.

Случайно увидѣвъ Муранскаго на сценѣ въ любительскомъ спектаклѣ, гдѣ онъ, конечно, казался геніемъ, Софи восхитилась. Встрѣчая его имя на афишѣ какого либо захудалаго частнаго театрика, княгиня Самарская, рискуя заслужить насмѣшки, ѣхала туда вмѣстѣ съ Зоей. Объ онѣ восторгались, объ находили въ молодомъ актерѣ нѣчто исключительное и рѣшили, что это — могучій талантъ, нуждающійся въ шлифовкѣ.

Незадолго до конца сезона состоялся бенефисъ Муранскаго. Софи и Зоя, прячась ото всѣхъ, сидѣли гдѣ-то въ уголкѣ, но ихъ присутствіе уже замѣтили... Катерина, практичная и хитроумная, успѣла добыть себѣ мѣсто сзади нихъ и въ теченіе вечера нѣсколько разъ заговаривала съ дамами, сообщая фамиліи актеровъ.

Публики на бенефисъ собралось немного, но Муранскій, точно сознавая, что имъ восхищаются, игралъ замѣчательно хорошо. Костюмъ и гримъ Уріэля Акосты чрезвычайно украшалъ артиста и дамы рукоплескали съ азартомъ, оглашая залу криками: браво, браво! Софи и Зоя только переглядывались.

— Еслибы онъ игралъ на Михайловскомъ!—вырвалось у молодой дѣвушки.

Княгиня безмолвно сжала руку Зои.

«Да, да!»—мысленно рѣшала она.—«Я добьюсь этого во что бы то ни стало! Ничего дурнаго!.. Мужчина, покровительствуя хорошенькой женщинѣ, добивается для нея дебюта съ эгоистическими цѣлями, а я... я люблю искусство. Надо по-

Digitized by Google

знакомиться съ Муранскимъ. Онъ будетъ посѣщать меня. Я приглашу барона, позову критиковъ —и ангажементъ состоится. Какой у него чудный, въ душу льющійся, голосъ. Сколько чувства!»

Сцена отреченія возбудила настоящую бурю. Мужчины и дамы,—всѣ кричали и рукоплескали. На глазахъ Зои навернулись слезы. Она поднялась съ мѣста и, блѣдная отъ волненія, слѣдила за каждымъ словомъ артиста. Вотъ и конецъ акта. «Муранскій» вышелъ на вызовы. Изъ оркестра передали артисту банальнѣйшій подарокъ—дешевый серебряный портсигаръ.

— Ахъ, какъ жаль...—начала Софи, и остановилась.

Она сожалѣла, что не догадалась поднести лавровый вѣнокъ, но увидѣла, что ея ошибку кто-то исправилъ. Муранскому подали роскошный и большой лавровый вѣнокъ съ пунцовой лентой, а послѣ того—маленькій футляръ. Артистъ былъ видимо тронутъ.

Онъ прижалъ къ губамъ вѣнокъ и повернулся въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣли княгиня и Зоя.

Молодая дѣвушка вспыхнула и смутилась. Она боялась, что Софи проникнетъ въ ея тайну, пойметъ, кто виновникъ этого подношенія, но княгиня была слишкомъ огорчена. Поклонъ Муранскаго относился къ кому-то другому, находившемуся сзади нихъ.

Софи обернулась. Прижавшись къ колоннѣ, стояла Катерина.

По ея худощавому, симпатичному лицу катились слезы счастія. Забывая разницу соціальнаго положенія съ этой красивой и гордой дамой, забывая, что онѣ—незнакомы, Катерина отдалась порыву и, протягивая руку Софи, вымолвила:

— Спасибо вамъ! спасибо... Только вы могли понять, что для него сегодня лавры дороже брилліантовъ.

— Но вы ошибаетесь...

— Онъ такъ волновался,—продолжала Катерина, — такъ боялся... Подумайте: Уріэль Акоста идетъ съ двухъ репетицій!.. А съ кѣмъ играть приходится Арсенію?.. Съ кѣмъ, гдѣ, при комъ!

— Вы... родственница г. Муранскаго?

— Жена его, и другъ, и товарищъ... все!

Подъ звуки то утихающихъ, то вновь и вновь гремящихъ

Digitized by Google

рукоплесканій, дамы познакомились. Княгиня успѣла высказать свое мнѣніе о Муранскомъ, намекнула, что большому таланту нужна большая аудиторія, и Катерина, счастливая, благодаря подобному знакомству, полетѣла за кулисы сообщить Арсенію о новыхъ поклонницахъ его дарованія.

Тамъ, за сценой, происходила печальная, но обычная на бенефисахъ исторія. Воображая, что артистъ разбогатѣлъ, явились портной, сапожникъ и еще какой-то кредиторъ. Всѣ они приставали, ворчали и нагло комкали лавровый вѣнокъ, отравляя слухъ Муранскаго порицаніемъ неизвѣстому подносителю.

— Вотъ дуракъ-то! Вѣнокъ подарилъ! Ну, зачѣмъ?.. Куда вамъ? Уху варить?... Далъ бы прямо въ руки двадцать пять рублей, такъ нѣтъ, травы купилъ!..

Тѣмъ не менѣе кредиторы обрывали лавровые листы и прятали ихъ въ карманъ, чтобы принести жонамъ для хозяйства. Муранскій страдалъ невыразимо. Онъ такъ мечталъ сыграть эту роль и своимъ исполненіемъ завоевать общественное мнѣніе, но... знакомыхъ у него было мало, рецензенты не явились и опять надежда прославиться осталась только надеждой. Кто-то поднесъ ему лавры...

О, какъ любилъ онъ теперь этого неизвѣстнаго друга и цѣнителя, какую жгучую признательность питалъ онъ за это вниманіе!

Кредиторы роптали; антрепренеръ бѣсился, упрекая актера за дикую мысль поставить Акосту, не сдѣлавшаго полнаго сбора, а Муранскій жадно слушалъ рѣчи Катерины.

— Княгиня... связи... богатая... Восхищается. Хочетъ познакомиться. Рецензенты—всѣ ея друзья. Она прикажетъ!

И все, о чемъ мечтала Катерина, какъ о недосягаемомъ, казалось ей теперь вполнѣ возможнымъ.

И Муранскій, довѣрчивый, какъ всѣ актеры,—эти взрослыя, дѣти, способныя увлекаться каждою бездѣлицей,—совсѣмъ оживился.

— Она сказала? Обѣщала? О, благородная женщина! Вотъ и видно понимающаго цѣнителя... Вѣнокъ отъ нея? Да, да, я такъ и думалъ, что кто нибудь такой... Развѣ *наши* догадаются?..

Катерина говорила, что Арсеній долженъ ѣхать благодарить княгиню, и артистъ согласился, поддакивая женѣ, но на утро,

Digitized by Google

когда чадъ смѣнился трезвымъ отношеніемъ, Муранскій рѣзко возразилъ Катеринѣ.

— Я не лакей, не стану заискивать... Я самъ князь!

Катерина поплакала, поворчала, но потомъ смирилась. По женской догадливости она сообразила, что княгиня сама станетъ добиваться знакомства и тогда—положеніе будетъ выгоднѣе.

Все такъ и случилось. Софья Павловна познакомилась съ Муранскими, взяла ихъ подъ свое покровительство и пригласила на лѣто къ себѣ въ имѣніе. Затаенная или, быть можетъ, несознаваемая потребность любви заставила молодую женщину принимать въ Муранскомъ особенное участіе. Еслибъ кто нибудь сказалъ ей, что она любитъ Арсенія, княгиня возмутилась бы и сочла подобное заключеніе пошлостью, а между тѣмъ...

Да, быть вмѣстѣ съ Муранскимъ, бесѣдовать съ нимъ, слушать его чтеніе,—доставляло ей громадное наслажденіе. Она мечтала устроить для него блестящее положеніе, доставить его таланту нужную для бо̀льшаго развитія обстановку, и даже не помышляла о наградѣ. Одинокая, Софи искала отрады въ счастьѣ ближняго.

К. Назарьева.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

„Два сердца бьются, какъ одно“.

Два сердца бьются, какъ одно...
Мнѣ въ эти чудныя мгновенья
Увидѣть снова суждено
Зарю любви и обновленья!

Съ какимъ восторгомъ я ловлю,
Благословляя ожиданье,
Въ очахъ потупленныхъ—«люблю»,
Въ пожатьѣ—робкое признанье.

Въ лучахъ любви я весь горю,
И сердцу сонъ отрадный снится;
Душа предчувствуетъ зарю
И, просвѣтленная, томится.

Тоска уходитъ далеко,
Покорена всесильной властью...
И счастью вѣрится легко—
Земному призрачному счастью!

Мих. Гербановскій.

Digitized by Google

НАША МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

(1893 — 94 гг.).

(*Продолженіе*).

«Слово о полку Игоревѣ» достаточно извѣстно всѣмъ образованнымъ читателямъ и, разумѣется, нѣтъ надобности излагать его содержаніе; намъ необходимо доказать только, насколько либретто плохо изъ него выкроено, и поэтому пробѣжимъ это либретто по актамъ. Въ оперѣ такихъ актовъ четыре и прологъ. Изъ нихъ прологъ, первое и послѣднее дѣйствія происходятъ въ Путивлѣ, второй и третій акты у половцевъ. Дѣйствіе начинается отправленіемъ въ походъ Игоря Святославича съ сыномъ Владиміромъ; тутъ происходитъ извѣстное по «Слову» затмѣніе солнца. Игорь однако прощается съ Ярославной, поручаетъ жену брату ея, Владиміру галицкому, а народъ славитъ князя. Первый актъ состоитъ изъ двухъ картинъ: одна происходитъ у Владиміра галицкаго, а другая у Ярославны. Владиміръ пируетъ и веселится; тутъ же находятся пропойцы-гудочники, оставившіе войско Игоря (въ прологѣ), Скула и Ерошка; дѣвушки прибѣгаютъ просить князя отпустить похищенную имъ у нихъ подругу; онъ, конечно, прогоняетъ ихъ; гудочники затягиваютъ «княжую пѣсню»; начинается оргія, принимающая самые отвратительные (на сценѣ) размѣры.

Во второй картинѣ, къ ноющей Ярославнѣ являются съ жалобой тѣ же дѣвушки, приходитъ и самъ обидчикъ, оскорбляетъ Ярославну и уходитъ. Набатъ возвѣщаетъ о пожарѣ; Путивль въ рукахъ непріятелей. Обморокъ Ярославны. Занавѣсъ. Второе дѣйствіе. Половецкія дѣвушки забавляютъ пѣніемъ и танцами дочь хана Кончака. Проходятъ плѣнные; дѣвушки предлагаютъ имъ кумысъ. Всѣ расходятся. Любовный дуэтъ Кончаковны и Владиміра Игоревича. Они уходятъ. Является Игорь, тоскующій о родинѣ, о женѣ. Пришедшій крещеный половчинъ, Овлуръ, предлагаетъ ему бѣжать; онъ отказывается. Возвратившійся съ охоты Кончакъ предлагаетъ ему веселиться и вступить съ нимъ въ союзъ для борьбы противъ Руси; Игорь отклоняетъ это предложеніе. Начинаются пляски. Всѣ славятъ хана.

Актъ кончается ничѣмъ; слѣдующій (третій) также у половецкаго хана, но въ другомъ мѣстѣ. Половцы, возвратившіеся съ добычей, славятъ хана (третье славленье). Игорь, Владиміръ и русскіе плѣнные остаются на сценѣ. Овлуръ опаиваетъ сторожевыхъ. Игорь рѣшается бѣжать и зоветъ сына, но Кончаковна не отпу-

Digitized by Google

скаетъ его. Игорь бѣжитъ одинъ. Кончаковна ударяетъ въ било, сбѣгается народъ, желающій убить Владиміра Игоревича, но Кончакъ рѣшаетъ этотъ вопросъ иначе: «Если соколъ къ гнѣзду улетаетъ, то мы соколика опутаемъ красной дѣвицей». Всѣ собираются въ походъ на Русь, а Владиміръ въ это время остается совершенно равнодушнымъ и вполнѣ счастливъ со своей Кончаковной. Послѣдній актъ у все еще плачущей Ярославны; впрочемъ, плачъ замѣняется радостью, когда благополучно возвращается Игорь. На сцену появляются гудочники, смѣющіеся надъ походомъ князя, но, замѣтивъ послѣдняго, они ударяютъ въ набатъ, сзываютъ народъ, князь выходитъ къ нимъ и народъ славитъ князя (четвертое славленье).

Изъ этого краткаго обзора ужь не трудно убѣдиться, насколько все въ этомъ либретто случайно, немотивировано; здѣсь нѣтъ, какъ мы сказали, ни комедіи, ни трагедіи, вопреки увѣреніямъ г. Стасова. Пропойцы, введенные для комизма, вовсе не нужны для пьесы; ихъ присутствіемъ ничто не обусловливается (вспомнимъ бандитовъ во «Фра-Дьяволо»); комизмъ же ихъ—очень грубаго свойства и можетъ нравиться развѣ только извѣстнымъ посѣтителямъ райка. Драматическій элементъ не болѣе выдержанъ; строго говоря, мы бы даже затруднились (вѣроятно, вмѣстѣ съ либреттистомъ) указать, гдѣ тутъ центръ драмы. Нельзя его видѣть, надѣемся, въ плачѣ Ярославны или въ тоскѣ по родинѣ Игоря, равно какъ и въ дѣйствіяхъ безпутнаго Владиміра галицкаго, который весь могъ бы быть выкинутъ изъ либретто, какъ и упомянутые пропойцы. Остаются Владиміръ Игоревичъ и Кончаковна съ ихъ любовнымъ эпизодомъ; но оба они счастливы, а Владиміръ даже настолько, что не обращаетъ вниманія на то, что всѣ вокругъ него собираются въ походъ на Русь, точно это его не касается.

Но и кромѣ отсутствія какой бы то ни было связи, — сцены планированы крайне неумѣло; дѣйствующія лица приходятъ и уходятъ неизвѣстно почему и зачѣмъ; достаточно указать хотя бы на то, что въ одномъ второмъ актѣ мы имѣемъ пять арій подъ рядъ; актъ этотъ длится часъ съ лишнимъ, а слѣдующій вчетверо меньше. Тѣмъ не менѣе опера слушается съ интересомъ и всегда имѣетъ успѣхъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ («Игорь» давался на частной сценѣ), и въ провинціи; въ «Игорѣ» много музыки, и хорошей. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чувствуются различныя настроенія, но это, вѣроятно, происходитъ отъ того, что композиторъ, весьма медленно созидавшій свою оперу, писалъ ее въ различное время, когда занятія по каѳедрѣ не мѣшали ему работать. Чтобы перейти къ обзору музыкальныхъ №№, остается еще упомянуть объ языкѣ либретто, имѣющемъ весьма мало общаго съ «Словомъ о полку Игоревѣ»; это рубленая проза съ не всегда вѣрнымъ соблюденіемъ размѣровъ стихотворенія; такія вирши пишутъ гимназисты третьяго или четвертаго класса.

Музыка «Игоря» заключаетъ въ себѣ два элемента, сообразно народностямъ, участвующимъ въ немъ: русскій и восточный; изъ нихъ послѣдній въ значительно большей степени удался композитору, чѣмъ первый; какъ ни странно, но это такъ. Затѣмъ, весь

Digitized by Google

характеръ музыки—лирическій, и Бородинъ былъ правъ, считая себя лирикомъ. Въ «Игорѣ» есть №№, которые, если только они не списаны изъ какого нибудь сборника народныхъ пѣсенъ, прямо говорятъ о выдающемся талантѣ композитора; таковъ, напр., хоръ въ послѣднемъ дѣйствіи: «Что не буйный вѣтеръ завывалъ», всегда имѣющій успѣхъ и повторяемый; хоръ этотъ идетъ à capella и хотя не имѣетъ никакого соотношенія къ оперѣ, но самъ по себѣ настолько красивъ и хорошъ, что было бы жалко его выкинуть. Сомнѣваемся только въ одномъ: оригиналъ это или фотографическій снимокъ; что послѣдняго рода творчество входитъ въ «Игоря», свидѣтельствуетъ г. Стасовъ, сообщающій, что «Бородинъ получилъ отъ В. Н. Майнова нѣкоторые мотивы пѣсенъ финско-тюркскихъ народовъ и записанные венгерскимъ путешественникомъ Гунвальфи музыкальные мотивы въ средней Азіи, у потомковъ древнихъ половцевъ».

Если возможны были заимствованія у путешественниковъ по части восточной музыки, то еще легче было обратиться за народно-русскими мотивами къ готовымъ сборникамъ нашихъ народныхъ пѣсенъ. Такъ или иначе, публика въ это не входитъ, музыка ей нравится и этого достаточно, чтобы хроникеръ отмѣтилъ данный фактъ. Акты, происходящіе у половцевъ, самые лучшіе по музыкѣ, какъ по богатству мелодики, такъ и по красотѣ; пѣснь половецкой дѣвушки, арія Кончаковны, аріозо Игоря, арія Кончака — все это прекрасные законченные №№, и довольно характерные; арія Владиміра кажется намъ слишкомъ слащавой (не безъ итальянизма) для русскаго княжича XII вѣка; вотъ почему мы бы ея не причислили къ лучшимъ мѣстамъ. Въ аріозо Игоря есть кое-что, напоминающее «Руслана». Хоры здѣсь очень хороши; нравится намъ также дуэтъ Владиміра съ Кончаковной, къ сожалѣнію, прерываемый безъ всякой надобности. Эффектенъ также и половецкій маршъ. Второй и третій акты—самые удачные во всей оперѣ.

Самое слабое дѣйствіе—первое, въ которомъ является Владиміръ галицкій: и какъ герой—онъ совершенно не нуженъ въ оперѣ, и по музыкальнымъ №№, порученнымъ ему композиторомъ, онъ могъ бы не существовать; въ его пѣснѣ «Только бъ мнѣ дождаться чести»—мало молодецкой удали. Оазисомъ въ разсматриваемомъ актѣ является женскій хорикъ: «Ой, лихонько»; такъ называемая «Княжая пѣснь», затягиваемая Скулой и Ерошкой, ничѣмъ особеннымъ не выдается. Тоскливыя рѣчи Ярославны, которыхъ слишкомъ много во второй картинѣ этого акта, довольно таки утомительны; недурнымъ и здѣсь является женскій хоръ: «Ты помилуй насъ». Рѣшительнымъ контрастомъ первому акту (въ «прологѣ» прекрасно затмѣніе солнца, для изображенія котораго композиторъ нашелъ прекрасный первообразъ въ изображеніи Глинкой оцѣпененія въ «Русланѣ») слѣдуетъ считать второй.

Пѣсня половецкой дѣвушки («На безводьѣ»)—украшеніе всей оперы, если только она буквально не списана съ натуры; арія Кончаковны — «Меркнетъ свѣтъ дневной»—очень поэтична и томно-страстна; вообще нужно сказать, что это лицо наиболѣе рельефно очерчено въ музыкальномъ смыслѣ. Очень удаченъ въ этомъ отно-

Digitized by Google

шеніи и отецъ ея, Кончакъ, для котораго у автора нашлись характерныя фразы, полныя энергіи и силы. Аріозо Владиміра Игоревича красиво, но мало подходитъ къ русскому княжичу изображаемой эпохи; почти тоже приходится сказать и о дуэтѣ его съ Кончаковной, написанномъ въ итальянскомъ стилѣ. Аріозо плѣннаго Игоря—«Ни сна, ни отдыха измученной душѣ»—заключаетъ въ себѣ много драматизма; нѣкоторыя фразы («Ты одна, голубка-лада») слишкомъ близки къ «Руслану» («О, Людмила»), а нѣкоторымъ предстоитъ сдѣлаться популярными («О, дайте, дайте мнѣ свободу»). Танцы тоже интересны.

Половецкій маршъ, которымъ начинается слѣдующее дѣйствіе, по своей мелодической рѣзкости и угловатости, также характеренъ, хотя онъ нѣсколько напоминаетъ маршъ Олоферна изъ «Юдиѳи» Сѣрова. Превосходенъ здѣсь дуэтъ Владиміра съ Кончаковной, который снова является однимъ изъ лучшихъ №№ оперы. Плачъ Ярославны, происходящій въ послѣднемъ актѣ, равно какъ и дуэтъ ея съ Игоремъ, написанъ въ речитативномъ стилѣ, мало дававшемся композитору. Гораздо интереснѣе второй дуэтъ гудочниковъ, свидѣтельствующій о комическомъ дарованіи композитора; нужно однако сказать, что выходъ этихъ лицъ—придуманъ безъ необходимости для оперы, какъ и все, впрочемъ, ихъ существованіе здѣсь. Заканчивается опера славленьемъ князя. Въ итогѣ нужно сказать, что по фактурѣ «Игорь» мало оригиналенъ; пріемы автора довольно примитивны; контрапунктическая разработка довольно таки мизерна; речитативы мало выразительны; характеристики героевъ не всѣ хороши въ одинаковой мѣрѣ: восточный элементъ лучше обработанъ, чѣмъ русскій; формальную характеристику носитъ одинъ только изъ героевъ,—половчинъ Овлуръ, для котораго композиторъ изобрѣлъ одну фразу, преслѣдующую этотъ персонажъ при всякомъ появленіи (à la Вагнеръ). Опера, однако, имѣетъ большія достоинства, благодаря обилію темъ (что́ не удивительно, если вспомнимъ, что Бородинъ былъ врагомъ какофоніи и воспитанъ на Мендельсонѣ и Глинкѣ).

3.

«*Фальстафъ*»—новая опера Верди, заставила о себѣ много говорить весь музыкальный міръ; въ этомъ, конечно, ничего удивительнаго нѣтъ; но говорили о немъ гораздо больше до появленія на сценѣ, чѣмъ послѣ его представленія въ Италіи (Римѣ и Миланѣ), Парижѣ и Петербургѣ. Причина толковъ и разговоровъ совершенно понятна: Верди разъ въ своей жизни попробовалъ себя въ области комической сцены; это было ровно полстолѣтіе назадъ; написалъ онъ тогда «Un giorno di regno» (День власти), комическую трехъактную оперу, разъ въ жизни поставленную и не имѣвшую никакого успѣха; съ тѣхъ поръ авторъ «Риголетто» и «Аиды» отказался отъ мысли браться за комическіе сюжеты и, кажется, не имѣлъ основаніи раскаиваться въ своемъ рѣшеніи. И вдругъ, пятьдесятъ лѣтъ спустя, распространяются слухи, что восьмидесятилѣтній композиторъ возымѣлъ юношескую мысль снова попробовать

Digitized by Google

свои силы въ заброшенномъ имъ жанрѣ; естественно, музыкальный міръ, зорко слѣдящій за трудами престарѣлаго композитора, заинтересовался какъ нельзя болѣе.

Къ этому надо прибавить, что итальянскіе издатели, держащіе въ своихъ рукахъ добрую половину итальянскихъ продажныхъ газетъ и газетчиковъ, — великіе мастера пускать пыль въ глаза читающей публикѣ; мы уже знаемъ, какимъ образомъ взмылили славу такихъ ничтожныхъ произведеній, какъ «Сельская честь» Масканьи и «Паяцы» Леонкавалло; конечно, этимъ издателямъ на руку создавать «геніевъ» изъ авторовъ издаваемыхъ ими произведеній. По отношенію къ Верди имъ, понятно, никакихъ шарлатанскихъ рекламъ вовсе не нужно было; тѣмъ не менѣе о «Фальстафѣ» не переставали трубить чуть ли не со дня постановки «Отелло»; говорили о либретто, составленномъ для Верди по Шекспиру авторомъ оперы «Мефистофель» Бойто, говорили о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя Бойто внесъ въ комедію, говорили о сотрудничествѣ двухъ первыхъ композиторовъ Италіи (Бойто выгодно было выѣзжать на хвостѣ Верди), писали даже объ обстановкѣ помѣщенія, въ которомъ работаютъ оба свѣтила, выпускали ихъ портреты вмѣстѣ, словомъ электризовали публику.

Когда наконецъ опера была написана и партитура озаглавлена: «лирическая комедія въ трехъ актахъ о шести картинахъ», тутъ-то стали писать о распредѣленіи ролей, о костюмахъ, о репетиціяхъ и пр., и пр. Въ итогѣ, однако, опера нигдѣ успѣха не имѣла,— успѣхъ, и колоссальный, имѣлъ Верди, гдѣ онъ присутствовалъ на представленіяхъ (въ Римѣ, Парижѣ); но гдѣ автора, всѣми уважаемаго и любимаго, не было, «Фальстафъ», можно сказать, провалился; такая участь постигла его и у насъ, не смотря на всѣ старанія дирекціи, артистовъ и всѣхъ, причастныхъ къ постановкѣ оперъ вообще. И все это по очень простой и естественной причинѣ: въ оперѣ нѣтъ музыки; это сплошной рядъ речитативовъ не особенно высокой пробы. Можетъ казаться страннымъ, что мы рѣшаемся такъ опредѣленно высказываться о послѣднемъ произведеніи всемірно-извѣстнаго Верди; многіе найдутъ, что изъ уваженія къ его громадному таланту слѣдовало бы мягче смотрѣть на промахъ маститаго композитора; мы однако же думаемъ, что имя Верди не нуждается въ нелѣпыхъ уличныхъ рекламахъ, на которыхъ выплываютъ разные г.г. Масканьи и Леонкавалло, которые, подобно мушкамъ, нарождаются утромъ, чтобы умереть къ вечеру. Слава Верди слишкомъ прочна, чтобы ее пошатнуть; да это и нисколько не входитъ въ нашу цѣль; наше уваженіе къ великому маэстро нисколько отъ этого не уменьшается.

На нашъ взглядъ, послѣ довольно таки неудачнаго «Отелло» (конечно, въ сравненіи съ «Аидой») написать «Фальстафа»— было капризомъ композитора, поддержаннымъ славолюбивымъ Бойто. Либретто, собственно, достаточно извѣстно по шеспировской комедіи «Виндзорскія кумушки» и по оперѣ Николаи того же названія (даже Екатерина II вдохновилась сюжетомъ и написала «въ подражаніе Шакеспеару» свою комедію: «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье»); тѣмъ не менѣе любопытно посмотрѣть, что̀ сдѣлалъ изъ

Digitized by Google

этой комедіи итальянскій либреттистъ Бойто. Онъ не ограничился одной комедіей, но включилъ въ нее еще кое-что изъ обоихъ «Генриховъ», гдѣ, какъ извѣстно, фигурируетъ Фальстафъ; затѣмъ нѣкоторыя лица, дѣйствующія въ комедіи, выпущены: такъ напримѣръ, въ оперѣ не участвуютъ Пэджъ, Слендеръ, судья Шаллоу, Нимъ, Эвенсъ и др. Анна у Бойто дочь не Педжа, а Форда (хотя отъ этой замѣны ничто въ оперѣ не выиграло); роль доктора Каюса увеличена вставками изъ рѣчей Шаллоу; нѣкоторые монологи главнаго героя взяты изъ «Генриховъ», напр., монологъ о его молодости; но дѣло не въ этихъ незначительныхъ измѣненіяхъ. Пробѣжимъ оперу по картинамъ, чтобы перейти къ ея музыкѣ.

Въ первой картинѣ Фальстафъ запечатываетъ письма къ двумъ дамамъ, Фордъ и Пэджъ; разсерженный Каюсъ требуетъ отъ Фальстафа отчета за скандалъ, учиненный имъ въ его домѣ (сцена судьи Шаллоу) и, получивъ апатичные отвѣты отъ стараго толстяка, уходитъ. Слуги нашего героя, Бардольфъ и Пистоль, отказываются отнести письма по адресу, и нуждающійся въ деньгахъ Фальстафъ прогоняетъ ихъ, поручивъ письма пажу. Вторая картина у Форда. Кумушки получили письма, сравниваютъ ихъ между собой, смѣются надъ старымъ ловеласомъ и рѣшаются одурачить его хорошенько. Бардольфъ и Пистоль въ отместку за то, что Фальстафъ ихъ прогналъ, нашептываютъ Форду о любовныхъ затѣяхъ стараго рыцаря. Фордъ въ ревности рѣшается инкогнито повидаться съ Фальстафомъ и залучить его къ себѣ домой, чтобы порядкомъ проучить.

Свиданіе это происходитъ у Фальстафа (третья картина). Убѣдившись изъ словъ послѣдняго, что миссисъ Фордъ отвѣчаетъ ему взаимностью (этой сценѣ предшествуетъ сцена Фальстафа съ Квикли, приглашающей его, отъ имени миссисъ Фордъ, на свиданіе), мистеръ Фордъ начинаетъ ревновать не на шутку, но скрываетъ волнующія его чувства предъ появившимся въ парадномъ платьѣ Фальстафомъ. Четвертая картина содержитъ въ себѣ извѣстный эпизодъ съ корзиной. Фальстафъ явился на свиданіе, но оно прерывается появленіемъ Форда со всѣми его пріятелями, ищущими вмѣстѣ съ нимъ «соблазнителя»; женщины прячутъ его сначала за ширмы, а потомъ въ корзину, а между тѣмъ за ширмы входятъ Анна и ея обожатель Фентонъ, которые цѣлуются. Услышанный поцѣлуй снова подаетъ поводъ къ ревности; всѣ готовятся напасть на Фальстафа съ «измѣнницей» (сцена эта слишкомъ долго длится) и находятъ тамъ молодыхъ влюбленныхъ. Слуги выбрасываютъ корзину съ Фальстафомъ за окно.

Въ пятой картинѣ Фальстафъ, сидящій предъ таверной «Подвязка», размышляетъ о безпокойномъ путешествіи въ корзинѣ. Квикли приноситъ ему письмо, въ которомъ миссисъ Фордъ приглашаетъ его на свиданіе въ полночь къ дубу Герна въ костюмѣ «Чернаго охотника» съ головнымъ украшеніемъ въ видѣ роговъ. Всѣ подслушиваютъ этотъ разговоръ, и когда Фальстафъ съ Квикли удаляются, Фордъ описываетъ Каюсу, влюбленному въ Анну, костюмъ своей дочери и совѣтуетъ ему найти ее вечеромъ и подвести къ нему; тогда онъ ихъ благословитъ и выдастъ дочь за него. Это, въ свою очередь, подслушиваетъ Квикли и въ послѣдней картинѣ (въ лѣсу)

Digitized by Google

происходитъ слѣдующее. Всѣ являются костюмированными. Фальстафъ ждетъ г-жу Фордъ, но видитъ предъ собой «духовъ», предводимыхъ Анной. Какъ суевѣрный человѣкъ, онъ весь маскарадъ принимаетъ за истинное появленіе фантастическихъ существъ; его кружатъ, щиплютъ, толкаютъ, бьютъ и пр. Онъ одураченъ, но вмѣстѣ съ нимъ одурачены и Фордъ съ Каюсомъ. Г-жа Фордъ, узнавъ отъ Квикли объ уговорѣ мужа съ Каюсомъ, одѣваетъ Бардольфа въ костюмъ дочери. Фордъ благословляетъ Каюса съ Бардольфомъ, а Анна достается Фентону. Недоразумѣніе выясняется и все кончается благополучно.

Философствующій Бойто нашелъ нужнымъ пропустить самую лучшую комическую сцену появленія Фальстафа, переодѣтаго женщиной; онъ счелъ почему-то необходимымъ замѣнить эту сцену скучными монологами главнаго героя о чести, о томъ, какъ онъ былъ «тонокъ и строенъ» и пр. Но оставимъ Бойто, хоть роль его въ этой «лирической комедіи» и очень значительна, къ сожалѣнію. Сожалѣемъ потому, что Верди, какъ мы уже сказали, слишкомъ подпалъ подъ его вліяніе; вовсе не склонный къ комизму вообще, композиторъ рабски подчинился либреттисту и въ итогѣ получилась опера ни «комическая», ни «лирическая». Комизмъ Верди напоминаетъ собой немного комизмъ Вагнера; вѣдь и послѣдній написалъ, какъ извѣстно, «комическую» оперу—«Нюренбергскіе пѣвцы»; въ этомъ духѣ и написанъ «Фальстафъ»: умственная работа преобладаетъ надъ сердечной, все основано на холодномъ разсчетѣ, а разсчетъ не въ состояніи замѣнить теплоту, творчество, фантазію, вдохновеніе.

Короче сказать, въ «Фальстафѣ» нѣтъ только музыки; комизмъ заключается въ болѣе или менѣе остроумномъ подстрочномъ переводѣ на языкъ оркестра отдѣльныхъ словъ и фразъ героевъ; оркестръ въ большинствѣ случаевъ заглушаетъ пѣвцовъ, которымъ къ тому же поручены посредственные речитативы; они кричатъ на высокихъ нотахъ, надрываются, а слушателю отъ этого ни тепло, ни холодно, или — вѣрнѣе — только холодно. Напримѣръ, когда Фордъ говоритъ, что онъ чувствуетъ, что у него *вырастаютъ* рога, въ оркестрѣ *поднимается* рядъ диссонирующихъ аккордовъ; или, когда Фордъ даетъ деньги Фальстафу, въ оркестрѣ раздается звонъ сыплющихся червонцевъ. Все это, конечно, остроумно придуманныя мелочи, но онѣ отвлекали композитора отъ главнаго,—отъ интересныхъ мелодій, ансамблей, характеристикъ дѣйствующихъ лицъ, отъ такъ называемаго couleur locale и пр.

Ничего этого нѣтъ въ новой оперѣ Верди; онъ точно насильно удерживалъ свое вдохновеніе, желая быть «новымъ» во что бы то ни стало. Чтобы покончить съ «комической» стороной оперы и перейти къ «лирической», укажемъ, какъ на апоѳеозъ комизма, на шутливую сцену маскарада въ лѣсу, когда всѣ дурачатъ стараго толстяка; вмѣсто веселой, игривой и забавной музыки, хотя бы, напримѣръ, какъ у Николаи въ «Виндзорскихъ кумушкахъ» («Commare di Windsor»), мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тяжеловѣсной симфоніей; оркестръ реветъ и гудитъ, точно рѣчь идетъ о шабашѣ вѣдьмъ на Брокенѣ,—какъ въ «Мефистофелѣ» Бойто,—или о полетѣ воинственныхъ дѣвъ въ «Валькиріи» Вагнера. Сценическое движе-

Digitized by Google

ніе замѣнено постоянной суетней героевъ, балаганомъ,—словомъ грубымъ реализмомъ. Какъ на исключеніе, слѣдуетъ указать на квартетъ кумушекъ, заразительно смѣющихся вмѣстѣ съ оркестромъ; но этотъ пріемъ намъ уже знакомъ по «Мефистофелю» Бойто (квартетъ въ саду).

Лирическій элементъ въ «Фальстафѣ» являютъ собой Фентонъ и Анна; имъ композиторъ, не въ примѣръ прочимъ дѣйствующимъ лицамъ, удѣлилъ по аріи, даже дуэтъ существуетъ у нихъ; но послѣдній прерывается на самомъ интересномъ мѣстѣ приходомъ всѣхъ балаганныхъ шутовъ, выкраденныхъ изъ шекспировской комедіи. Видимо, Верди нарочно не давалъ простора своему творчеству. Особенно замѣтно это въ аріяхъ названныхъ сейчасъ героевъ; какъ далекъ этотъ лиризмъ отъ лиризма Верди—Риголетто, Верди—Травіаты или даже Верди—Аиды! Эти мѣста все жъ таки принадлежатъ къ лучшимъ во всей оперѣ. Остальное все речитативы, и притомъ речитативы мало характерные, мало выразительные, неспособные ярко очертить данную музыкальную фигуру. Еслибы молодой композиторъ написалъ эту оперу, то можно было бы пожелать, чтобы онъ не подпадалъ подъ чужое вліяніе, и посовѣтовать ему скорѣе отречься отъ него; но мы говоримъ о знаменитомъ Верди, имѣющемъ всемірное имя; забудемъ этотъ капризъ его, и предъ нами—все то же свѣтило композиціи.

4.

«*Джамилэ*», одноактная опера Бизэ, составляла вторую новинку сезона. Опера эта, данная нѣсколько разъ, была снята съ репертуара и пришлось только сожалѣть, что на разученіе ея потрачено было столько времени у артистовъ. Прекрасно можно было бы предвидѣть, и даже безъ особенной дальнозоркости, что такое произведеніе, какъ «Джамилэ», не можетъ долго держаться на репертуарѣ, даже еслибы исполненіе ея и было первоклассным. Эта опера, всѣми забытая, выплыла недавно на свѣтъ въ Берлинѣ, гдѣ она почему-то понравилась; тамъ о ней заговорили, правда, въ значительно приподнятомъ тонѣ, а съ легкой руки берлинцевъ и мы съ нимъ познакомились. «Джамилэ» относится къ раннимъ произведеніямъ Бизэ, на которыя слѣдуетъ смотрѣть, какъ на пробу композиторскаго пера. Судя по тому, что Бизэ никогда не добивался ея постановки, надо думать, что и онъ не придавалъ ей особеннаго значенія.

Впрочемъ, это явленіе довольно обычное; надо было, чтобы одна его опера («Карменъ»), сначала никѣмъ непризнанная и освистанная, а потомъ повсюду принимаемая съ энтузіазмомъ,—обратила на себя всеобщее вниманіе, чтобы взяться за предшествовавшія этой оперѣ произведенія; такимъ образомъ, послѣ «Карменъ» стали извѣстны: «Искатели жемчуга», кое-гдѣ «Пертская красавица» и наконецъ теперь—«Джамилэ», названная авторомъ «комической оперой». Но чтобы судить, насколько она «комична», скажемъ пару словъ о содержаніи. Какой-то паша Гарунъ (такіе сюжеты обыкновенно разыгрываются внѣ времени и пространства) разлюбилъ свою невольн-

Digitized by Google

ницу Джамилэ; она въ отчаяніи, но хитростью ей удается снова привлечь къ себѣ вниманіе своего владыки. Ее любитъ секретарь Гаруна; сначала послѣдній уступаетъ ему ее, но потомъ, полюбивъ ее снова, не отдаетъ ея; вотъ и весь «комизмъ» сюжета, который, во всякомъ случаѣ, скорѣе драматиченъ.

Нельзя видѣть, надѣемся, комизма въ томъ, что удаляемая Джамилэ любитъ Гаруна, ни въ безпричинномъ охлажденіи къ ней избалованнаго паши, равно какъ и въ любви къ ней секретаря его. Если же опера названа комической только потому, что все кончается безъ смерти, то тутъ все таки нѣтъ мотивовъ комизма; но дѣло, впрочемъ, не въ названіи. Комическаго нѣтъ ничего главнымъ образомъ въ музыкѣ, а это важнѣе всего. Дѣйствіе происходитъ, какъ гласитъ либретто, въ Каирѣ и мы вправѣ ожидать, если не египетской музыки, то, по меньшей мѣрѣ, восточной, носящей извѣстный мѣстный колоритъ. Этого, самаго главнаго, въ данномъ случаѣ, нѣтъ. Слушая музыку «Джамилэ», вы видите, что имѣете дѣло съ французской музыкой pur sang, что композиторъ—французъ, воспитанный на Обѐрѣ и Гуно, но не обладающій ихъ лирическимъ талантомъ. Есть №№ благопристойные, благозвучные, иногда интересные по замыслу, но ничего законченнаго, цѣльнаго.

Мы видимъ здѣсь трудъ достаточно уже опытнаго инструментатора, прекраснаго порою гармониста; видимъ автора, обладающаго порою изящнымъ вкусомъ, умѣющаго обращаться со звуковымъ матеріаломъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не видимъ того, что̀ композиторъ не преминулъ бы проявить, еслибы онъ съ любовью относился къ этому сюжету. Любопытно, что хоры, которые играютъ въ «Джамилэ» такую незначительную роль, обработаны съ бо̀льшимъ стараніемъ, чѣмъ главные три персонажа, на которыхъ вращается весь интересъ оперы; таковы: хоръ лодочниковъ на Нилѣ («Скрылся солнца лучъ») и хоръ друзей Гаруна («Это кто предъ нами»?), любующихся Джамилэ, появившейся альмеей для плѣненія Гаруна; эти хоры оригинальны и по музыкѣ, и по приданному ей ритму. Самый танецъ альмей, впрочемъ, не представляетъ собой ничего особеннаго, главнымъ образомъ потому, что онъ мало характеренъ; да и поставленъ былъ у насъ этотъ танецъ ординарно, безъ фантазіи, какъ-то безжизненно, какъ и большинство нашихъ балетовъ, къ чему мы уже давно привыкли.

Лирическія же мѣста оперы наименѣе удались автору, хотя въ оперѣ есть и аріи, и дуэты. Одна изъ арій Джамилэ («Часъ близокъ мой») у насъ почему-то была пропущена; вторая же ея арія («Нуръ-Эддинъ, солнце Лагора»), аккомпанируемая pizzicato струнныхъ инструментовъ, недурна въ смыслѣ мелодическаго рисунка. Любовные дуэты не отличаются страстью. Упомянуть можно еще о пѣснѣ баритона (Ситендіано, секретарь Гаруна)—«Потушить мое волненье», носящей, къ сожалѣнію, французскій характеръ, не подходящій къ исполняющему ее персонажу. Что же касается теноровой партіи (Гарунъ), то, въ общемъ, она слаба и не обладаетъ даже тѣми достоинствами, которыя мы могли отмѣтить въ другихъ случаяхъ. Вообще нужно сказать, что такимъ операмъ мѣсто на маленькихъ сценахъ, въ любительскихъ спектакляхъ, а не на боль-

Digitized by Google

шой сценѣ, на которой мы привыкли встрѣчать капитальныя произведенія корифеевъ оперной литературы, какъ отечественной, такъ и иностранной.

Впрочемъ, нужно съ горечью тутъ же прибавить, что послѣдній сезонъ, если не былъ особенно отраднымъ въ смыслѣ продуцированія иностранныхъ произведеній (поставлены были еще «Паяцы», съ которыми мы уже познакомили нашихъ читателей въ прошлогоднемъ нашемъ музыкальномъ обозрѣніи,—іюнь и іюль 1893 г.), то для русской оперы онъ оказался уже совсѣмъ печальнымъ. Одноактныя оперы, и въ особенности ничтожныя произведенія раздутыхъ шарлатанскими рекламами ловкаго издателя Сондзоньо въ Миланѣ гг. Масканьи и Леонкавалло, авторовъ «Сельской чести» и «Паяцовъ», вытѣснили всѣхъ русскихъ композиторовъ безъ исключенія. Оперы эти маленькія, пѣть въ нихъ нечего; къ тому же онѣ одноактныя, слѣдовательно, совершенно пришлись по вкусу нашимъ безголосымъ соловьямъ, командующимъ оперой и топчущимъ въ грязь все родное, все талантливое, все свое. Другой вопросъ, слѣдуетъ ли дирекціи давать такую волю артистамъ, соблюдающимъ только свои собственные интересы, и не справедливѣе ли было бы думать объ отечественномъ искусствѣ, чѣмъ объ удовлетвореніи непомѣрнаго самолюбія безголосыхъ пѣвцовъ, ворочающихъ, однако, всѣмъ театромъ?

Въ «Обозрѣніи Петербурга», дававшемся въ концѣ сезона въ Маломъ театрѣ, одна сцена всегда производила фуроръ: это именно сцена, въ которой банда паяцовъ метлами изгоняла со сцены Глинку, Даргомыжскаго и Сѣрова. Эта сцена не представляла преувеличенія. Да вотъ и факты, которые краснорѣчивѣе всякихъ словъ убѣдятъ читателей въ справедливости сказаннаго. Былъ въ этомъ году особенный поводъ возобновить хоть ту оперу Даргомыжскаго, которая давно уже и безъ всякой причины снята съ репертуара; мы говоримъ о «Русалкѣ» («Каменный гость» его уже давно забытъ); поводъ этотъ—двадцатипятилѣтіе со дня смерти автора названныхъ оперъ; но нашъ образцовый театръ, занятый «Паяцами» и «Сельской честью», позабылъ объ одномъ изъ корифеевъ отечественной музыки. Конечно, такого факта не могло бы никогда случиться за границей, гдѣ умѣютъ уважать свои таланты...

Да и одинъ ли Даргомыжскій въ загонѣ? А Сѣровъ? Кромѣ возобновленной для нѣсколькихъ спектаклей «Вражьей силы», — ни «Юдиѳь», ни «Рогнѣда» не даются, и не потому, что нѣтъ исполнителей въ труппѣ, а потому, что нѣтъ свободныхъ вечеровъ для русскихъ авторовъ. Чета Фигнеръ, на долю которой отходитъ половина всѣхъ спектаклей, почти не поетъ русскихъ оперъ, а пробавляется одноактными «произведеніями» и притомъ иностранными («Іоланта» Чайковскаго въ этомъ сезонѣ тоже не давалась); гдѣ же тутъ ставить русскія оперы? Но и судьба самого Глинки, кажется, не лучше, если еще не хуже участи упомянутыхъ двухъ композиторовъ. Мало того, что чета Фигнеръ почему-то не изволятъ пѣть его произведеній (хотя партіи Финна, и Баяна, и Гориславы были бы въ ихъ средствахъ) и поэтому «Русланъ» такъ рѣдко дается; нашли еще нужнымъ почему-то ставить отрывки изъ «Рус-

Digitized by Google

лана» для съѣзда въ тѣ дни, когда капитальной пьесой для четы Фигнеръ назначались «Паяцы» или «Сельская честь».

Если ужь Глинка, Даргомыжскій и Сѣровъ удостоиваются такой «сельской чести» на нашей образцовой лирической сценѣ, то чего, спрашивается, желать для композиторовъ втораго ранга? О живущемъ Рубинштейнѣ, какъ и о гг. Римскомъ-Корсаковѣ и Соловьевѣ, говорить не приходится: ихъ произведеній вовсе не даютъ. Если «Демонъ» еще время отъ времени появляется, то развѣ только потому, что публика очень любитъ эту оперу и всегда наполняетъ театръ. Но надо посмотрѣть, въ какомъ видѣ, при какой обстановкѣ и костюмахъ, дается эта опера, чтобы убѣдиться, что хуже этого, кажется, ужь ничего и быть не можетъ. А «Маккавеи», «Купецъ Калашниковъ», «Горюша» вовсе не находятъ себѣ мѣста въ репертуарѣ Маріинскаго театра, равно какъ и всѣ оперы г. Римскаго-Корсакова. Что же касается «Нерона», «Фераморса» и балета «Виноградная лоза», то эти произведенія Рубинштейна извѣстны или по другимъ сценамъ («Неронъ» поставленъ былъ по итальянски, а «Фераморсъ»—кружкомъ любителей), или же по концертнымъ эстрадамъ («Лоза»).

Но эти авторы не въ фаворѣ у лицъ, стоящихъ во главѣ театра; обратимся къ тому, который недавно сошелъ въ могилу и считался любимцемъ: мы говоримъ о Чайковскомъ. Посмотримъ, въ чемъ выразился этотъ фаворъ по отношенію къ его произведеніямъ. Давались: «Евгеній Онѣгинъ» и въ концѣ сезона «Пиковая дама»; что же касается «Опричника», «Орлеанской дѣвы», «Черевичекъ», «Мазепы», «Чародѣйки» и «Іоланты», то эти шесть оперъ отсутствуютъ въ репертуарѣ; мало того, передѣланный въ «Черевички»—«Кузнецъ-Вакула» въ обновленномъ видѣ никогда въ Петербургѣ не давался. Сказать, что исполнителей нѣтъ въ составѣ труппы, изъ которой можно было бы организовать три труппы,—нельзя; предполагать, что Чайковскій не былъ любимъ, тоже невозможно; слѣдовательно, опять приходится все объяснять отсутствіемъ времени для репетицій, отсутствіемъ свободныхъ вечеровъ для постановки оперъ, въ которыхъ властвующая «чета Фигнеръ» не изволитъ пѣть.

Далѣе извѣстно, что особенныя заботы направлены на болѣе блестящую обстановку балетовъ, конечно, иностранныхъ. Какъ ни бѣдна наша балетная литература, но все же она существуетъ и, конечно, увеличилась бы и количественно, а можетъ быть и качественно, еслибы авторы видѣли поддержку со стороны дирекціи; но факты говорятъ, наоборотъ, не о поддержкѣ, а о гоненіи. Доказательство на лицо: «Виноградная лоза» Рубинштейна, давно уже отвоевавшая себѣ мѣсто на заграничныхъ сценахъ, у насъ совершенно неизвѣстна, если исключить тѣ отрывки, которые исполняются разными оркестрами симфоническихъ концертовъ. Но она—произведеніе Рубинштейна, остроумно называющаго себя «музыкальнымъ Антономъ Горемыкой»:—слѣдовательно и удивляться нечему. Но вотъ балетъ любимца Чайковскаго: «Лебединое озеро» (первый по времени своего появленія; «Спящая красавица» и «Щелкунчикъ» позже были написаны) также еще не поставленъ на нашей сценѣ, охотно продуцирующей чужія произведенія.

Digitized by Google

Впрочемъ, одинъ актъ этого балета данъ былъ вмѣстѣ съ актомъ изъ «Орлеанской дѣвы», когда устроенъ былъ спектакль, сборъ съ котораго долженъ былъ идти на сооруженіе памятника умершему любимцу; при этомъ, конечно, назначены были такія цѣны, что театръ на двѣ трети былъ совершенно пустъ. Такъ вотъ въ какомъ незавидномъ положеніи находятся отечественные композиторы, когда гг. Масканьи и Леонкавалло, сондзоньевскіе «геніи», царствуютъ на нашей сценѣ, благодаря дорогимъ соловьямъ, не любящимъ русскихъ оперъ. Невольно приходятъ на память слова баритона г. Battistini, сказанныя имъ одному репортеру изъ обивающихъ пороги въ Москвѣ: «для итальянскихъ пѣвцовъ осталась только ваша (т. е. русская) страна; во Франціи и Германіи *культивируютъ свои національныя оперы* и публика скромнѣе въ тратахъ; въ Испаніи и Италіи совсѣмъ нѣтъ денегъ и для хорошей оперы тамъ все кончено; Америка далека, въ Англіи сезонъ коротокъ, да и искусства тамъ не уважаютъ, а слушаютъ пѣвцовъ, отдавая дань модѣ. Россія—единственная страна, гдѣ цѣнятъ артиста (читай: гдѣ платятъ бѣшеныя деньги совершенно не по заслугамъ) относятся къ нему сердечно и съ уваженіемъ» (слѣдуетъ понимать: подносятъ цѣнные подарки).

Понятно само собой, что это мнѣніе для насъ крайне лестно и мы не можемъ не гордиться имъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ есть кое-что и горькое для національнаго самолюбія: мы дѣйствительно не культивируемъ національной оперы, составляя исключеніе среди цивилизованныхъ европейскихъ народовъ; мы дѣйствительно бросаемъ деньги на вѣтеръ, когда рѣчь заходитъ о чемъ либо иностранномъ и мы дѣйствительно нескромны въ тратахъ на пустяки! Хочется надѣяться, что власть имущіе въ театрѣ примутъ, наконецъ, какія нибудь мѣры къ уравненію положенія несчастныхъ корифеевъ русской музыки съ положеніемъ «геніевъ», гг. Масканьи и Леонкавалло; право же, Глинка, Даргомыжскій и др. этого заслуживаютъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ молодые шарлатаны, которымъ приносится въ жертву отечественное искусство. Да и новыхъ, т. е. живущихъ композиторовъ забывать не слѣдуетъ, помня, помимо ихъ талантовъ, что у насъ оперныхъ театровъ вообще слишкомъ незначительное количество и разсчитывать на частныя сцены имъ почти нечего за отсутствіемъ таковыхъ; слѣдовательно, не давать имъ ходу (мы говоримъ, конечно, о лучшихъ произведеніяхъ) равносильно изгнанію ихъ изъ своего отечества; за что же? Вѣдь иностранцы любятъ лишь наши денежки, а насъ самихъ терпѣть не могутъ, смѣются надъ нами за наше же добро; вѣдь иностранцы нашихъ оперъ не ставятъ, да они ихъ и знать не хотятъ; слѣдовательно, нашимъ композиторамъ разсчитывать на вниманіе иностранцевъ и на постановку своихъ произведеній на заграничныхъ сценахъ не приходится. Куда же дѣться нашимъ бѣднымъ талантамъ, вытѣсняемымъ изъ свой родины модными иностранными шарлатанами? Пора же, въ самомъ дѣлѣ, и объ этомъ подумать!

Pour la bonne bouche прибавимъ еще, что въ Маріинскомъ театрѣ возобновлена была опера Обѣра: «Черное домино», которая репетировалась чуть ли не два года, если вѣрить слухамъ о репе-

Digitized by Google

тиціяхъ. Поставлена она была опять таки въ концѣ сезона (все некогда, ни для чего времени нѣтъ: «Паяцы» отуманили всѣ мозги) и только три раза, притомъ въ дни абонементовъ, такъ что, строго говоря, публика ея и не видала. Впрочемъ, что удивительнаго! Все спѣшимъ потѣшать публику гаэрствомъ,—гдѣ ужь поспѣвать сдѣлать что либо путно и обдуманно!..

В. Баскинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ),

Digitized by Google

ЮЛІАНЪ ОТСТУННИКЪ.

Историческій романъ Феликса Дана.

XXVI.

Какъ только императоръ появился подъ Ктезифономъ, онъ вопросилъ будущее—снова при посредствѣ жертвы, принесенной Аресу—покорителю городовъ. Однако признаки, обнаруженные во внутренностяхъ жертвеннаго животнаго, пророчили ему несчастье. Это предсказаніе подтвердилось на дѣлѣ. Битва и побѣда на Тигрѣ была кульминаціоннымъ пунктомъ удачъ Юліана, которыя посыпались на него съ момента внезапнаго назначенія въ цезари прямо изъ подъ сѣкиры палача. Эти постоянные поразительные тріумфы безпрерывно шли въ гору отъ Милана до Ктезифона. Но здѣсь его счастливая звѣзда, достигнувъ зенита, стала клониться къ закату. Несмѣтная добыча досталась побѣдителямъ въ непріятельскомъ лагерѣ подъ столицей: оружіе и конская сбруя всякаго рода, сѣдла, залитыя золотомъ, серебромъ, сверкавшія драгоцѣнными каменьями, великолѣпные парѳянскіе кони, боевыя колесницы съ позолоченными колесами, столы изъ массивнаго серебра.

Полководецъ подѣлилъ все между своими военачальниками и простыми воинами. Самъ онъ изъявилъ притязаніе лишь на «корабельный вѣнецъ»—гладкій обручъ изъ пальмоваго дерева, такъ какъ планъ нападенія на плотахъ принадлежалъ ему и былъ имъ побѣдоносно выполненъ. Передо всѣмъ собравшимся войскомъ и въ виду городскихъ укрѣпленій, императоръ велѣлъ Іовіану увѣнчать себя деревянной короной: персы, стоявшіе на крѣпостныхъ стѣнахъ, только дивились такому зрѣлищу.

Обложеніе Ктезифона и Селевкіи-Кохэ началось. Чтобы покорить эту двойную крѣпость, требовалось много труда и

Digitized by Google

невѣроятныхъ усилій. Между тѣмъ честолюбіе влекло Юліана еще дальше, несравненно дальше! Когда Іовіанъ съ Сераціономъ напомнили ему о жаркомъ времени года, которое вскорѣ сдѣлаетъ несравненно тяжелѣе для жителей сѣвера всякую работу въ этой восточной странѣ, августъ разсмѣялся. Жаркое время года? Разумѣется, оно будетъ еще болѣе знойнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему придется застать римлянъ. Но здѣсь, къ тому сроку, Юліана съ его сподвижниками уже давно не будетъ. Лѣто застанетъ ихъ въ Индіи. Да, да, изъ покореннаго Ктезифона дорога ведетъ прямо на крайній востокъ.

И когда друзья оставили полководца, Іовіанъ замѣтилъ, качая головою:—До него на это не отваживался ни одинъ римлянинъ, не исключая и Траяна. Тотъ пошелъ отсюда къ югу, внизъ по теченію большихъ водяныхъ путей. Но все же не на востокъ—въ неизмѣримое пространство, куда почти не ступала ничья нога! Только одинъ побѣдоносно вступилъ туда съ оружіемъ въ рукахъ и прошелъ эту страну отъ края до края—Александръ Великій.

— «Сынъ боговъ», какъ онъ называлъ себя, — а также и считалъ на самомъ дѣлѣ,—замѣтилъ Сераціонъ.—Что Юліанъ не воображаетъ ничего подобнаго о себѣ—къ чести его несчастной матери!—это одно отличаетъ нашего друга въ его самонадѣянности отъ того — другаго «любимца боговъ». Вѣдь онъ—замѣтилъ ли ты это? — разыгрываетъ изъ себя Александра Македонскаго съ самаго выступленія въ походъ противъ персовъ.

— Ахъ, другъ мой, да, только не передъ другими и не на показъ.

— О, нѣтъ. Онъ разыгрываетъ роль только передъ самимъ собою; Юліанъ никогда не морочилъ другихъ, но такъ часто, такъ долго, съ такимъ убѣжденіемъ морочитъ онъ себя самого, даже не сознавая собственнаго притворства! Какъ прежде, воюя съ нами, германцами, онъ корчилъ Юлія Цезаря, такъ теперь, выступивъ противъ персовъ, корчитъ великаго македонянина, который околдовалъ его по какому-то дьявольскому навожденію. Юліанъ теперь самъ для себя Александръ, какъ въ то время былъ Цезарь; онъ точно помѣшался на Александрѣ, и это безуміе совершенно овладѣло имъ.

— Ахъ, да. Такое увлеченіе не пройдетъ даромъ для

Digitized by Google

двухъ народовъ, — вздохнулъ Іовіанъ: — для римлянъ и персовъ.

— Для трехъ.

— Какъ такъ?

— Также и для германцевъ на Рейнѣ.

— Ты полагаешь? — серьезно спросилъ Іовіанъ, внезапно останавливаясь.

— Да, полагаю. Но пока мы еще въ мирѣ. Спокойной ночи, Іовіанъ.

Однако небо омрачилось для побѣдоноснаго императора. Въ то время, когда войско, радуясь одержанной побѣдѣ, безгранично довѣряя своему увѣнчанному успѣхами полководцу, беззаботно пировало, не жалѣя захваченныхъ у непріятеля и привезенныхъ съ собой припасовъ; пока оно въ самомъ радостномъ настроеніи убаюкивало себя сладкими надеждами, Юліанъ посылалъ гонца за гонцомъ къ сѣверу, къ Низибису. Мучимый нетерпѣніемъ, онъ нерѣдко вскакивалъ на лошадь и мчался одинъ по дорогѣ, ведущей туда, — навстрѣчу желаннымъ извѣстіямъ. Однажды онъ дѣйствительно наткнулся здѣсь на нѣсколькихъ всадниковъ, у которыхъ тотчасъ вырвалъ изъ рукъ привезенныя ими письма. Августъ немедленно прочиталъ ихъ тутъ же на дорогѣ, не слѣзая съ сѣдла, вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и помчался во весь духъ обратно къ своему лагерю.

Здѣсь онъ удалилъ отъ себя жестомъ руки друзей, замѣтившихъ его разстроенный видъ, и провелъ весь вечеръ и всю ночь одинъ въ своемъ шатрѣ, куда Орибазій принесъ ему всѣ карты дорогъ въ тѣхъ странахъ. На другое утро Юліанъ потребовалъ къ себѣ предводителей войска. Они нашли его болѣе разстроеннымъ, чѣмъ это могло случиться отъ одной безсонной ночи; вѣдь ему было не въ диковинку лишать себя сна за чтеніемъ книгъ. Слабо, беззвучно раздался его голосъ, когда онъ началъ:

— Осада Ктезифона снята. Походъ не удался. Войско возвращается назадъ.

— Ну, этого не дай Богъ! — въ испугѣ воскликнулъ Іовіанъ.

— Однако боги пожелали этого, — съ горечью возразилъ императоръ.

Digitized by Google

— Что такое случилось? Что принуждаетъ тебя къ этому шагу?—въ одинъ голосъ спросили предводители.

— Измѣна, адская измѣна, само собою разумѣется, со стороны галилеянъ. Вотъ прочтите эти письма. Я перехватилъ ихъ вчера на дорогѣ. Армяне и ихъ царь Тираннесъ, — вѣдь они такіе благочестивые христіане!—измѣнили намъ. Весь мой планъ былъ основанъ на томъ, чтобы и на этотъ разъ обойти непріятеля «щипцеобразно» съ двухъ сторонъ — съ запада и сѣвера. Направляясь съ сѣвера, отъ Низибиса, корпусъ Себастіана, подкрѣпленный двадцатью тысячами пѣхоты и четырьмя тысячами армянской конницы, обѣщанныхъ мнѣ царемъ Тираннесомъ, должны были соединиться съ нами здѣсь. Однако благочестивый измѣнникъ на царскомъ тронѣ обманулъ меня. Какъ ревностнѣйшій галилеянинъ, другъ Констанція, который женилъ его на своей родственницѣ Олимпіи, онъ съ самаго начала примкнулъ къ мнѣ противъ воли, съ самаго начала, замышляя измѣну, заключилъ со мною союзный договоръ и обязался выставить упомянутыя вспомогательныя войска. Недавно, какъ пишетъ мнѣ Себастіанъ, къ Тираннесу прибылъ знатный армянинъ, состоящій на службѣ Сапора, также галилеянинъ. Поддерживаемый епископомъ Караны, онъ убѣдилъ царя, что погубить меня — самое богоугодное дѣло. И вотъ священники галилеянина, какъ это случалось уже не разъ, достигли своего, идя противъ вѣрности и чести! О, какъ ненавижу я ихъ теперь! Тираннесъ приказалъ своему войску, направлявшемуся къ Себастіану, остановиться и объявилъ, что мнѣ, невѣрующему, отступнику, гнуснѣйшему противнику божію и его святой церкви, никто не обязанъ соблюдать вѣрность. Помогать непризнающему Бога—значитъ тяжко грѣшить! Тираннесъ, по его словамъ, заключилъ союзъ мира и дружбы съ Сапоромъ, и въ случаѣ надобности войско армянъ приметъ участіе въ войнѣ, но не за, а противъ меня. Себастіанъ совершенно основательно пишетъ, что при такихъ обстоятельствахъ онъ не оставилъ своихъ позицій на сѣверѣ и не могъ двинуться къ намъ. Но я также не могу здѣсь оставаться, не говоря уже о томъ, чтобы проникнуть дальше въ глубь Персіи; изъ числа тридцати одной тысячи воиновъ, приведенныхъ мною изъ Цирцезіума, я потерялъ четыре тысячи; съ двадцатью семью тысячами копій мнѣ невозможно обложить этотъ далеко раскинув-

Digitized by Google

шійся двойной городъ. Я такъ твердо разсчитывалъ на Себастіана, на это подкрѣпленіе изъ пятидесяти четырехъ тысячъ! Еще менѣе могу я, имѣя у себя въ тылу обѣ эти непокоренныя крѣпости, выступить на встрѣчу тремъ арміямъ, которыя Сапоръ стягиваетъ сюда изо всѣхъ провинцій своего государства, даже изъ Скиѳіи и Индіи, чтобы выдвинуть ихъ противъ насъ. Мы должны отступить! Какъ больно вымолвить мнѣ это слово, извѣстно только непобѣдимому богу. Я уже побѣжденъ, и не въ одномъ какимъ нибудь сраженіи—а въ цѣломъ походѣ: онъ пропалъ. Я побѣжденъ, но не болѣе мудрымъ веденіемъ войны или болѣе смѣлымъ геройствомъ,—я побѣжденъ чудовищной измѣной галилеянъ. О, я припомню имъ это! До сихъ поръ они имѣли во мнѣ кроткаго противника, но если ради этой вѣры войску и государству грозятъ измѣна и гибель, тогда долгъ императора и безопасность имперіи требуютъ отъ меня инаго образа дѣйствій. Горе галилеянамъ!

— Завтра поутру мы выступаемъ,—однако не обратно въ Цирцезіумъ,—нѣтъ!—но противъ этихъ адски-коварныхъ послѣдователей Христа, въ Арменію. Я растопчу ихъ царя! Ихъ епископа въ Каранѣ я повѣшу на алтарѣ его собственной церкви. Потомъ, на слѣдующій годъ—когда уничтоженная Арменія уже не будетъ имѣть возможности измѣнять намъ!—мы снова двинемся на Ктезифонъ. Аудіенція кончена. Можете идти. Ступайте и вы, Іовіанъ и Серапіонъ. Мнѣ надо остаться одному. Черезъ часъ пошлите сюда Лизія. Съ нимъ я хочу обсудить кару галилеянъ въ Арменіи. Онъ... Онъ именно такой человѣкъ, какой мнѣ теперь нуженъ.

Съ торжествующей миной вышелъ, спустя довольно долгое время, египетскій верховный жрецъ изъ палатки императора.

— Теперь онъ въ моихъ рукахъ!—бормоталъ старикъ.—Недостаетъ еще только одного...—Тутъ онъ наткнулся на Іовіана съ Серапіономъ, которые уже давно просили Юліана вторично допустить ихъ къ себѣ. Лизій прошелъ мимо юношей, бросивъ на нихъ враждебный взглядъ.

Наконецъ, они были допущены къ императору и нашли его въ сильнѣйшемъ волненіи.

— Другъ!—началъ Іовіанъ успокоительнымъ тономъ.—Не теряй бодрости! Небо не покинуло тебя. Узнай: какъ разъ во-

Digitized by Google

время посылаетъ оно тебѣ самое лучшее, что... что можетъ послать тебѣ... теперь.

— Почетное, славное предложеніе мира,—добавилъ Серапіонъ.

— Прими его и спаси войско, государство и честь,—увѣщевалъ августа Іовіанъ.

— Къ намъ въ лагерь прибыло посольство отъ Сапора... еще нѣсколько часовъ назадъ...

— Но ты все не хотѣлъ разстаться со своимъ Лизіемъ!

— Великій царь предлагаетъ тебѣ возмѣщеніе всѣхъ убытковъ, причиненныхъ имъ твоей имперіи, и...

— Онъ хочетъ отстроить на свой счетъ Амиду...

— Заплатить также и за убытки настоящей войны...

— Выдать всѣхъ римлянъ, попавшихъ въ плѣнъ при прежнихъ походахъ, и...

— Обѣщаетъ уступить громадную, поразительно громадную часть своихъ западныхъ владѣній для упроченія твоихъ границъ на вѣчныя времена.

— Наконецъ, онъ предлагаетъ тебѣ свою дружбу и помощь въ войнѣ противъ всѣхъ твоихъ враговъ.

— А въ признательность за то, что ты его побѣдилъ, — сотню вѣнковъ изъ золотыхъ пальмъ.

— Ты видишь, — честь и выгода государства вполнѣ сохранены...

— Какъ только ты могъ пожелать. Къ чему тебѣ еще стремиться?

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь завоевать Индію?

Нахмуривъ лобъ, Юліанъ прохаживался взадъ и впередъ по своему шатру.

— Мщенія хочу я! Хочу унизить великаго хвастуна изъ хвастуновъ.

— Да онъ, кажется, и безъ того достаточно униженъ,— замѣтилъ Серапіонъ.

— Размысли хорошенько! Вѣдь непріятель еще не догадывается, что ты намѣренъ отступать, а это отступленіе будетъ несравненно опаснѣе первой половины похода...

— Если они догадаются, если поймутъ твое положеніе здѣсь—посламъ еще ничего не извѣстно объ измѣнѣ армянъ— тебѣ ни за что не выговорить снова такихъ выгодныхъ условій!

Digitized by Google

— Подумай, если на обратномъ пути дѣло дойдетъ до сраженія, впереди у тебя будутъ армяне, а въ тылу—преслѣдующіе насъ парѳяне.

— А преслѣдующіе парѳяне — подхватилъ Серапіонъ — гораздо опаснѣе нападающихъ германцевъ,—это я самъ испыталъ на себѣ.

— Согласись принять этотъ миръ!

Но Юліанъ, съ досадой качая головой, спросилъ: — Вѣдь еще другой персъ домогался видѣть меня. Кто онъ?

— Перебѣжчикъ, сатрапъ, оскорбленный Сапоромъ. Онъ бѣжалъ къ тебѣ съ порядочною свитой, пылая мщеніемъ, и, само собою разумѣется, этотъ человѣкъ станетъ обѣщать богъ вѣсть какую помощь, какъ и всѣ перебѣжчики. Не слушай его!

— Вотъ кто посланъ мнѣ богами, а не посольство, предлагающее миръ! Богъ мщенія мнѣ теперь всѣхъ ближе. Велите тотчасъ впустить сюда сатрапа. Отъ него мы въ точности узнаемъ, что дѣлается при дворѣ, въ Сузѣ, и почему Сапоръ вдругъ сталъ такимъ уступчивымъ и миролюбивымъ. Вы же оставайтесь тутъ въ качествѣ свидѣтелей. Я догадываюсь!.. И вы сами увидите, что я вполнѣ основательно отвергаю этотъ миръ.

Передъ Юліаномъ тотчасъ появился богато одѣтый персъ, который прежде всего распростерся у ногъ императора.

— Встань, любезный гость. Что привело тебя сюда?

— Мщеніе.

— Нехорошо покидать своего повелителя.

— Я покинулъ не повелителя, а убійцу и негодяя, опозорившаго меня.—И темные глаза перса засверкали на его мужественномъ, прекрасномъ лицѣ, а рука схватилась за усыпанную жемчугомъ рукоятку криваго кинжала за широкимъ золотымъ поясомъ.

— Чѣмъ же оскорбилъ тебя Сапоръ?

— Я имѣлъ жену, — со стономъ и хрипомъ произнесъ бѣглецъ,—прекрасную, вѣрную, горячо любимую жену. Другихъ жонъ у меня не было! Моя жена, гречанка родомъ, блистала юностью и нѣжной красотой. Ее звали Еленой...

Губы Юліана дрогнули.

— Пока я дрался въ сраженіяхъ за это чудовище—моя кровь была пролита за него въ Пири-Саборѣ,—царь захотѣлъ

Digitized by Google

обольстить цѣломудренную женщину, и когда она его оттолкнула, онъ обезчестилъ ее. Елена не перенесла позора. Она поразила себя въ грудь вотъ этимъ кинжаломъ. Пускай Ариманъ терзаетъ мое сердце во вѣки вѣковъ, если я не всажу тотъ же самый клинокъ въ пасть лютаго чудовища. Вотъ ради чего стою я здѣсь. Помоги мнѣ отомстить. Я также могу сдѣлать для тебя многое.

— Ну, вотъ, послушайте, — обратился Юліанъ къ своимъ друзьямъ,—а вы еще сомнѣвались и расхваливали царя Сапора. Неужели мнѣ вступать въ дружбу съ такимъ тираномъ, съ такимъ сластолюбцемъ? Если онъ нарушаетъ вѣрность относительно своихъ преданнѣйшихъ слугъ, то какъ соблюдетъ онъ ее относительно меня? Добро пожаловать, персъ, мститель за свою честь. Вотъ видишь, Сапоръ предлагаетъ мнѣ миръ, который... самъ по себѣ былъ бы выгоденъ, еслибъ... Что ты улыбаешься про себя такъ ехидно? Что это значитъ?

— Я удивляюсь, что Хульхіаношъ, прославившійся своей мудростью отъ заката до восхода солнца, не видитъ разставленныхъ ему сѣтей. Сапоръ предлагаетъ миръ только для виду, чтобы удержать тебя здѣсь подъ Ктезифономъ переговорами, пока сюда прибудутъ три его новыхъ арміи. Онъ поклялся головою Ормузда никогда не заключать съ тобою мира. Онъ поклялся собственноручно выдергать тебѣ бороду и, прибивъ къ столбу, выставить тебя на стѣнѣ Экбатаны. Онъ сказалъ, что пусть его душа переселится въ нечистое животное, если онъ выпуститъ тебя живымъ изъ своихъ владѣній.

— Слышите? Вотъ вамъ хваленое миролюбіе царя Сапора. Какое счастье, что Аѳина-Паллада-Пронойя послала этого человѣка предостеречь меня! Отошлите прочь посольство; я совсѣмъ не желаю его видѣть. А въ слѣдующемъ году я ворочусь обратно и завоюю всю Индію до моря, гдѣ конецъ свѣта.

Персъ внимательно вслушивался.

— Какъ?—спросилъ онъ.—Не ослышался ли я? Вернуться, говоришь ты? Значитъ, ты не хочешь теперь...—Его глаза странно засверкали. — Такъ мнѣ придется отложить свое мщеніе?

— Я такъ полагаю. Впрочемъ, утѣшься, мы все наверстаемъ потомъ.

Digitized by Google

— Но что ты хочешь дѣлать теперь?

— Вернуться. Я не *хочу*, а *долженъ*.

— Почему?

— Армяне измѣнили мнѣ.

Персъ погладилъ свою длинную бороду.

— Гмъ! объ этомъ еще никто не знаетъ при дворѣ тирана,—задумчиво произнесъ онъ.

— Слишкомъ скоро узнаетъ онъ про то, какъ я опасаюсь, а тогда за нами бросятся въ погоню и станутъ травить насъ. Но и тутъ помогутъ намъ боги, пославшіе мнѣ тебя въ предостереженіе. Только одно безпокоитъ меня: запасы, флотъ! Теперь вы всѣ можете идти, мнѣ надо собраться съ мыслями. Я долженъ еще принести жертву богу снова; пускай онъ, какъ уже это не разъ случалось, передъ трудными рѣшеніями пошлетъ мнѣ вѣщій сонъ. Іовіанъ, позаботься о томъ, чтобы хорошенько устроить нашего гостя, нашего новаго друга. Завтра мнѣ придется разспросить тебя, персъ, еще о многомъ. Однако я совсѣмъ забылъ освѣдомиться, какъ твое имя?

— Ногордатъ.

— Ну, еще разъ: добро пожаловать, Ногордатъ!

XXVII.

На другой день Юліанъ, противъ обыкновенія, поздно поднялся съ своего ложа. Послѣ жертвоприношенія Онейросу, онъ заснулъ только подъ утро и ему мерещились пестрыя сновидѣнія. Потомъ онъ долгое время сидѣлъ одинъ, разсматривая карты и особенно внимательно изучая теченіе Тигра и Евфрата; въ заключеніе императоръ потребовалъ къ себѣ перса. Они долго совѣщались между собою, а затѣмъ августъ позвалъ въ свой шатеръ всѣхъ военачальниковъ. Они опять нашли его очень разстроеннымъ; душевное волненіе и внутренняя борьба отражались въ его усталыхъ чертахъ; Ногордатъ стоялъ возлѣ Юліана, опустивъ длинныя черныя рѣсницы и безпрестанно поглаживая широкую бороду медленнымъ, неторопливымъ движеніемъ руки.

— Вы знаете, мои собратья по оружію,—началъ августъ съ печальной улыбкою на дрожащихъ губахъ, — что я обыкновенно держу совѣтъ только съ моими богами, а не съ мо-

Digitized by Google

ими военачальниками; послѣдніе узнаютъ только мои окончательныя рѣшенія. Въ эту ночь боги открыли мнѣ во снѣ, что необходимо дѣлать. Всѣ запасы и весь флотъ будутъ здѣсь сожжены.

Вопль изумленія, испуга и неодобренія вырвался у всѣхъ присутствующихъ; только персъ молчалъ; онъ, очевидно, зналъ заранѣе развязку.

— Императоръ,—началъ старый Северъ,—это...

— Рѣшено, значитъ сдѣлано.

— Болѣе, чѣмъ на двѣсти часовъ пути,—заговорилъ предостерегающимъ тономъ Іовіанъ,—съ безконечнымъ трудомъ, проливая потъ и кровь, тащили мы суда и запасы отъ Антіохіи до Ктезифона...

— Тѣмъ лучше, что намъ не придется тащить ихъ обратно. Трудно было имъ спускаться по теченію, а противъ теченія по Тигру и Евфрату ихъ и совсѣмъ не протащишь. Ни одно судно не пройдетъ за Ктезифонъ вверхъ по рѣкѣ черезъ запруды, стремнины и водопады; ни парусъ, ни весло, ни бичева тутъ не помогутъ. Ужь не подарить ли намъ свой флотъ персамъ? Не провести ли его, какъ добычу, внизъ по рѣкѣ, безо всякаго сопротивленія? А если у насъ не будетъ судовъ, кто же потащитъ грузъ запасовъ? Я привезъ сюда провіанту на шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, а у меня всего двадцать пять тысячъ. Неужели нагрузить ихъ, какъ вьючныхъ животныхъ, и въ такомъ видѣ заставить отбиваться отъ парѳянъ?.. Невозможно!

— Пусть одна половина,—вмѣшался Серапіонъ, — несетъ припасы, а другая—дерется съ непріятелемъ.

Но полководецъ упрямо продолжалъ: — Вы думаете про себя: «Однако, чѣмъ же мы станемъ питаться»? Ну, что жь, пусть война кормитъ воиновъ; богаты и плодородны здѣшнія страны, по которымъ мы будемъ отступать. Мнѣ извѣстно это изъ книгъ, а другъ Ногордатъ подтвердилъ то же самое.

Персъ низко поклонился и вымолвилъ: — Совершенная правда.

— Да,—отозвался Северъ,—я также знаю это. Мнѣ случилось однажды въ мирное время проѣзжать по здѣшней странѣ, куда я былъ отправленъ посланникомъ, но въ военное время жители будутъ...

Digitized by Google

— Или добровольно продавать, или уступать по неволѣ, что̀ намъ нужно. Что у нихъ есть чѣмъ прокормить насъ, это несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что я остаюсь при своемъ рѣшеніи. Самаго свѣдущаго проводника нашли мы въ нашемъ новомъ другѣ. Онъ обѣщалъ мнѣ провести мой авангардъ въ Кордуэну. Ну, что̀ же вы колеблетесь, что̀ у васъ еще на сердцѣ?

— Войско, государь... Какъ приметъ оно это рѣшеніе, это чудовищное поджигательство?—осмѣлился спросить Северъ.

— Я боюсь, они станутъ роптать,—замѣтилъ Невитта.

— Тогда я самъ сообщу имъ принятое рѣшеніе, какъ самъ брошу первый факелъ въ первый корабль и первый возъ съ зерновымъ хлѣбомъ. Я открою имъ также, что̀ заставило меня рѣшиться на это: разскажу имъ свой сонъ въ сегодняшнюю ночь! Богъ сновидѣній, которому я принесъ жертву, показалъ мнѣ подъ утро бога Гефеста, окруженнаго пламенемъ. «Вотъ этотъ», — раздался голосъ, — «будетъ твоимъ помощникомъ». Когда же я взглянулъ въ лицо бородатаго бога, то узналъ черты перса. Съ колебаніемъ насчетъ того, слѣдуетъ ли прибѣгнуть къ сожженію флота и припасовъ, заснулъ я вчера и сомнѣвался въ перебѣжчикѣ, но ниспосланный богами сонъ,— какъ тогда въ Цабернѣ,—разсѣялъ мои колебанія и сомнѣнія. Слѣпо вѣрю я всему, что̀ послали мнѣ боги, и ему, и своему рѣшенію, и сатрапу, взявшемуся быть нашимъ проводникомъ. Ну, ступайте. Созовите войско. Черезъ часъ здѣсь все будетъ объято пламенемъ и мы выступимъ къ сѣверу, въ Арменію, чтобы наказать вѣроломныхъ галилеянъ.

Съ тяжелымъ сердцемъ удалились предводители отъ Юліана, который оставилъ при себѣ только перса, желая посовѣтоваться съ нимъ относительно дорогъ для обратнаго пути, а также потребовалъ Лизія, чтобы приготовить большое жертвоприношеніе богу Гефесту.

— Величайшей жертвой для Гефеста,—сказалъ Іовіану Серапіонъ,—будетъ нашъ флотъ, нашъ зерновой хлѣбъ и наше спасеніе. Императоръ точно пораженъ слѣпотой. Ахъ, противъ боговъ Юліана напрасно борется его мудрость!

Искусная рѣчь, въ которую августъ облекъ передъ собравшимся войскомъ нежданную вѣсть о своемъ рѣшеніи, причемъ старался оправдать себя, была встрѣчена ледянымъ молчаніемъ,

Digitized by Google

все болѣе и болѣе возраставшимъ удивленіемъ, тревогой, а наконецъ и громкимъ ропотомъ. Когда же къ вечеру, послѣ жертвоприношенія богу огня, Юліанъ собственной рукою поджегъ громадный военный флотъ, и когда стоявшія на грузовыхъ судахъ, какъ и въ лагерѣ, многія тысячи возовъ, ящиковъ и мѣшковъ съ зерновымъ хлѣбомъ — вспыхнули яркимъ пламенемъ — страшная и великолѣпная картина! — то персы на стѣнахъ Ктезифона разразились громкими кликами торжества; они толковали, что Ормуздъ истребилъ гордость, силу и надежду враговъ огнемъ, ниспосланнымъ съ неба.

Римлянъ же обуялъ трепетъ и ужасъ при такомъ отчаянномъ поступкѣ своего полководца. — Онъ одержимъ демонами! — перешептывались между собою христіане. — Это наказаніе за его вѣроотступничество, за нарушеніе клятвы. Пророчество Аѳанасія сбылось. Онъ безумствуетъ на собственную пагубу.

Вообще съ Юліаномъ произошла перемѣна, какое-то помраченіе ума съ того памятнаго дня въ Цирцезіумѣ. Упадокъ духа и нервное возбужденіе быстро чередовались въ немъ, а усилившаяся ненависть къ христіанамъ замѣтно увеличивала вліяніе Лизія. Послѣ того какъ пламя и рѣчныя волны уничтожили гордый флотъ и запасы войска, — на это понадобилось нѣсколько часовъ, — римляне въ глубокомъ унынія — шестьдесятъ дней спустя послѣ того, какъ они перешли персидскую границу, твердо увѣренные, что разрушатъ это государство — выступили въ обратный путь, провожаемые ликованіемъ и насмѣшками непріятеля на городскихъ стѣнахъ.

Какъ разрывалось сердце Юліана! Онъ торопливо поскакалъ оттуда во главѣ своего авангарда, чтобы только не слышать больше этихъ оглушительныхъ кликовъ торжества. Съ необыкновенно хмурымъ, сердитымъ лицомъ попросилъ Іовіанъ уступить ему въ распоряженіе конныхъ германскихъ тѣлохранителей и поспѣшилъ съ ними въ самые задніе ряды арьергарда, прикрывавшаго ничтожный обозъ; онъ состоялъ изъ двѣнадцати маленькихъ челноковъ, пощаженныхъ отъ огня по настоятельной просьбѣ того же Іовіана и поставленныхъ на воза, чтобы служить въ случаѣ надобности для переправы. Кромѣ лодокъ, въ обозѣ было только на двадцать дней продовольствія: въ этотъ срокъ Юліанъ надѣялся навѣрняка достигнуть Кордуэнской области, гдѣ мелкіе владѣльцы признавали надъ собою власть римскаго государства.

Digitized by Google

Іовіанъ вѣрно разсчиталъ, что обезумѣвшіе отъ радости персы въ Ктезифонѣ не откажутъ себѣ въ удовольствіи преслѣдовать непріятеля. Дѣйствительно, изъ воротъ крѣпости вскорѣ выѣхалъ съ самоувѣреннымъ видомъ разношерстный отрядъ воиновъ и мирныхъ жителей, съ цѣлью насолить отступающимъ и поживиться добычей у нихъ въ обозѣ. Но имъ не поздоровилось. Бурей налетѣли германскіе всадники на кичливыхъ враговъ и прогнали ихъ безпощадными ударами обратно въ городъ.

— Какъ жаль, императоръ, что тебя не было съ нами,— замѣтилъ Юліану саксонецъ Сигибрантъ, вытирая окрававленный мечъ о знамя, отбитое у персовъ.—Посмотрѣлъ бы ты, какъ имъ досталось.

— Да,—подтвердилъ Сигибото,—мы таки сорвали на нихъ свой гнѣвъ.

— Который кипитъ въ насъ собственно противъ тебя, августъ,—продолжалъ Гиппокреникъ.

— За то, что ты сжегъ прекрасные корабли и хлѣбъ,— упрекнулъ Эккардъ.

— Вѣдь говорятъ, будто бы на судахъ было и вино,— жаловался Гарицо. — Впрочемъ, ты не знаешь, что̀ такое жажда.

Юліанъ засмѣялся. Однако, то не былъ его прежній, непринужденный, самоувѣренный смѣхъ, которымъ онъ, бывало, встрѣчалъ забавныя выходки своихъ любимцевъ. Облако омрачало чело императора и не хотѣло разсѣяться. Его разсчетъ пропитать войско продуктами странъ, по которымъ оно будетъ проходить, оказался совсѣмъ ошибочнымъ. Съ перваго же дня отступленія по мѣстностямъ, куда римляне не заглядывали раньше, они наткнулись на самое ожесточенное противодѣйствіе во всѣхъ видахъ. Задолго до того, когда скакавшіе впереди всадники успѣвали достичь какого нибудь дома, деревни, неукрѣпленнаго города, передъ ними вспыхивало громадное зарево; жители засыпали цистерны, разрушали всякое пристанище, жгли какъ свои деревянныя хижины, такъ и зерновой хлѣбъ на поляхъ, поспѣвающій уже въ это время года въ томъ жаркомъ климатѣ—тогда былъ іюнь мѣсяцъ,—наконецъ угоняли скотъ, а сами бѣжали въ ближайшія крѣпости или укрѣпленные города. Такимъ образомъ, войско встрѣчало одни по-

Digitized by Google

жарища тамъ, гдѣ надѣялось найти для себя кровъ и пищу. Слѣдовательно, легіонеръ съ перваго же дня былъ принужденъ питаться захваченнымъ съ собою провіантомъ. Шелъ уже десятый день пути; границы Кордуэны еще не показывались, а между тѣмъ половина съѣстныхъ припасовъ была уже истреблена.

Вечеромъ Серапіонъ сказалъ Іовіану, когда они вмѣстѣ разставляли караулы по лагерю:

— Мы идемъ по плохимъ дорогамъ.

— Онѣ не ведутъ насъ къ побѣдѣ, едва ли даже къ спасенію.

— Юліанъ опять,—какъ тогда, воюя съ германцами,—не соразмѣрилъ силъ непріятеля, не понялъ души народа, съ которымъ сталъ воевать. Право, мнѣ часто кажется, что у всякаго народа, какъ у отдѣльнаго человѣка, есть своя душа,—это его особенности. Персы, напримѣръ, обладаютъ силой непримиримой ненависти. Безжалостное опустошеніе собственной страны руками тѣхъ, кто воздѣлываетъ землю, грозитъ намъ гибелью...

— А между тѣмъ принудить ихъ къ подобнымъ жертвамъ не могъ бы никакой приказъ далекаго царя и его сатраповъ: люди поступаютъ такъ сами по себѣ.

— Да, они ненавидятъ насъ хуже смерти.

— Только теперь—десять дней назадъ—Юліанъ погубилъ свой походъ.

— Но не какъ полководецъ!

— Какъ государственный человѣкъ.

— Ему слѣдовало согласиться на миръ, предложенный Сапоромъ; я увѣренъ, что царь дѣйствовалъ безъ обмана.

— Къ сожалѣнію, императоръ, помѣшавшись на славѣ Александра Македонскаго, ослѣпленъ. Онъ, видите ли, долженъ завоевать Индію! А вѣдь черезъ это можно лишиться Антіохіи.

Рано утромъ, на одиннадцатый день пути, въ палатку полководца вошелъ сѣдовласый Северъ съ истрепанной картою дорогъ въ рукахъ, въ сопровожденіи другихъ главныхъ военачальниковъ. Они нашли Юліана склонившимся также надъ картою; лицо августа было красно.

— Это хорошій знакъ, Іовіанъ,—прошепталъ старикъ при входѣ.—Онъ, очевидно, сомнѣвается самъ!—Прости, государь,

Digitized by Google

нашу торопливость. Но время не терпитъ. Видишь ли, я единственный человѣкъ, издавна знакомый со здѣшнею мѣстностью; эта карта неудовлетворительна, да и моя память плоховата. Однако, если та и другая не обманываютъ меня, то,—хоть я и не большой знатокъ мѣстныхъ путей,—оказывается, что вѣдь мы всѣ эти дни...

— Да, вмѣсто того чтобы идти на сѣверъ къ Кордуэнѣ, мы шли все дальше на востокъ!—воскликнулъ Юліанъ, вскакивая съ мѣста и ударяя кулакомъ по столу.—Вотъ я и самъ пришелъ къ тому же заключенію. Сейчасъ сюда явится персъ... Ну, Орибазій, гдѣ же онъ?

— Бѣжалъ, о, государь,—воскликнулъ тотъ, врываясь въ палатку съ перепуганнымъ лицомъ.

— Предатель!

— Я не напрасно предостерегалъ тебя,—замѣтилъ Іовіанъ.

— Я поскачу за нимъ,—воскликнулъ Серапіонъ,—и привезу тебѣ его коварную голову.

— Не безпокойся, франкъ,—возразилъ врачъ,—тебѣ его уже не догнать. Еще въ полночь со всей своею свитой онъ покинулъ лагерь и помчался къ юго-востоку съ тайными порученіями императора.

— Ложь!—вымолвилъ Юліанъ, сильно поблѣднѣвъ.

— Часовые пропустили его, потому что персъ показалъ имъ письменный пропускъ, подписанный августомъ, а въ его палаткѣ нашлась вотъ эта записка, положенная въ книгу, въ Новый завѣтъ.—Юліанъ взялъ и громко прочелъ:

«Горе тебѣ, апостатъ! Нарушить вѣрность отступнику есть богоугодное дѣло. Скоро Господь Христосъ отправитъ тебя въ геенну».

— Значитъ, я не ошибся,—съ гнѣвомъ произнесъ Серапіонъ.—Недавно, когда христіане въ нашемъ лагерѣ совершали вечернее богослуженіе, я видѣлъ, какъ этотъ персъ, проходя мимо, торопливо перекрестился украдкой.

— Ну, какъ тебѣ нравятся твои галилеяне, Іовіанъ?—съ горечью спросилъ императоръ.

— А кто,—смѣло возразилъ тотъ,—ручался тебѣ за негодяя? Вѣдь онъ былъ ниспосланъ августу Онейросомъ, Аѳиной-Палладой-Пронойей и другими богами!

— Не станемъ спорить,—спохватился Юліанъ.—Надо спа-

Digitized by Google

сать войско. Повернемъ теперь влѣво. Пойдемъ, наконецъ, къ сѣверу, а не къ востоку.

— А тѣмъ временемъ,—проворчалъ Іовіанъ,—у насъ потеряно десять драгоцѣнныхъ дней, истрачены силы и запасы. Но дѣлать нечего, надо идти впередъ!

XXVIII.

Пока римляне, довѣряя вѣроломному путеводителю, держались ложнаго направленія къ востоку, которое вело ихъ все дальше въ глубь персидскаго государства и къ неминуемой гибели, у нихъ съ фланговъ и съ тылу показывались отряды всадниковъ. Не останавливая непріятеля на его неправильномъ пути, они лишь наблюдали и слѣдили за нимъ издали. Когда же отступающіе повернули, наконецъ, на настоящую, спасительную дорогу, преслѣдователи стали стягиваться все ближе и ближе къ нимъ со всѣхъ трехъ сторонъ, а на слѣдующій день, даже съ фронта, къ римлянамъ начали приближаться крутящіяся облака пыли, возвѣщавшія приближеніе грозныхъ парѳянскихъ стрѣлковъ изъ лука и въ то же время скрывавшія отъ глазъ этихъ опасныхъ противниковъ. Во всевозможныхъ позахъ: и сидя, и лежа, и стоя на своихъ быстрыхъ, какъ вѣтерь, коняхъ, удивительно выдрессированныхъ и при нападеніи, и во время настоящаго или притворнаго бѣгства, они осыпáли врага тучей камышевыхъ стрѣлъ, которыя никогда не давали промаха.

Сначала римское войско было обмануто ложной надеждой, что къ нему спѣшатъ на выручку дружественные обитатели Кордуэны или мчится табунъ вспугнутыхъ дикихъословъ. Эккардъ, страстный охотникъ, не смотря на строгій запретъ, не выдержалъ и бросился преслѣдовать добычу. Но вскорѣ онъ вернулся обратно еще быстрѣе, чѣмъ поскакалъ впередъ, выдернулъ стрѣлу изъ своего плеча и воскликнулъ со смѣхомъ:— На этотъ разъ, кажется, самъ охотникъ оказался осломъ!

Съ тѣхъ поръ не проходило дня или даже полусутокъ безъ стычки. Подъ прикрытіемъ эскадроновъ легкой кавалеріи, стали показываться со всѣхъ четырехъ сторонъ и плотные ряды персидской пѣхоты: римляне очевидно были окружены. Каждый шагъ къ сѣверу приходилось брать съ бою. Отъ немно-

Digitized by Google

гихъ плѣнныхъ они узнали, что противъ нихъ дѣйствуютъ четыре непріятельскихъ арміи. Вездѣсущность этихъ проворныхъ противниковъ, съ ихъ численнымъ превосходствомъ, принуждала римлянъ каждый вечеръ, послѣ изнурительныхъ переходовъ, съ большой затратою времени и силъ, разбивать укрѣпленный лагерь, укрываясь за рвами и насыпями отъ набѣга парѳянскихъ и арабскихъ конныхъ отрядовъ.

Одинъ разъ такое внезапное нападеніе едва не обошлось отступающимъ слишкомъ дорого. Послѣ солнечнаго заката, смертельно измученное войско достигло деревни Маронга: селеніе было покинуто, частью сожжено; въ домахъ ни хлѣбнаго зернышка, цистерны засыпаны,—все, какъ и прежде. Однако, еще уцѣлѣвшія жилища, повидимому, представляли достаточное прикрытіе, чтобы избавить усталыхъ воиновъ Юліана отъ утомительной работы при возведеніи окоповъ въ сыпучемъ пескѣ. Между тѣмъ, ночью послѣдовало нападеніе подъ предводительствомъ старшаго полководца: теперь уже не одни арабскіе наѣздники—обитатели пустыни—но также и пѣхота, и боевые слоны персовъ приняли участіе въ битвѣ. Только съ величайшимъ трудомъ удалось Юліану вытѣснить непріятеля изъ пылающихъ домовъ. Понесенныя имъ громадныя потери достаточно краснорѣчиво показали ему, что при новомъ военачальникѣ война со стороны враговъ ведется несравненно энергичнѣе; кромѣ того, отступающіе римляне, очевидно, не внушали уже такого страха, какъ въ недавнее время наступающіе. Да и на нихъ самихъ обнаруживалось вредное вліяніе отступленія, не смотря на экзальтированную преданность, которую они питали къ любимому полководцу. При выступленіи изъ усѣянной мертвыми тѣлами Маронги, одному отряду кельтійскихъ «петуланти» вздумалось вдругъ потребовать отъ императора денежнаго подарка за свои труды. Съ шумомъ окружили они его, когда онъ садился на коня, и стали выговаривать ему, что, послѣ нищенской награды въ сотню серебряныхъ монетъ, полученной каждымъ солдатомъ изъ добычи въ разграбленной Мацамалхѣ, никто изъ нихъ не видѣлъ никакого поощренія.

Такое требованіе больно задѣло римскую гордость и чувство достоинства въ Юліанѣ.—Вы требуете богатствъ?—печально спросилъ онъ бунтующихъ воиновъ.—Такъ возьмите ихъ въ будущемъ году у великаго царя Персіи. Онъ имѣетъ много,

Digitized by Google

у меня же нѣтъ ровно ничего, чего я не дѣлилъ бы съ вами. Я также бѣденъ, какъ нѣкогда Фабриціи. Мнѣ думалось, что я оказываю вамъ честь, живя на одинаковомъ положеніи съ вами и среди васъ. Если же вы желаете другаго полководца, вмѣсто меня, то для этого вамъ не надо пятнать себя бунтомъ! У васъ довольно способныхъ предводителей и кромѣ меня; говорю это съ гордостью и удовольствіемъ. Итакъ изберите любаго изъ нихъ—провозгласите императоромъ Іовіана. Я охотно вступлю въ ряды щитоносцевъ, въ званіи цезаря, чтобы жить и умереть простымъ воиномъ.

Кельты были жестоко пристыжены и просили прощенья.

Между тѣмъ, жестокія пытки этого отступленія повторялись день за днемъ. Подходилъ конецъ іюня. Необыкновенная жара въ степяхъ, лишенныхъ деревьевъ и тѣни, становилась невыносимой для сыновъ Германіи, Галліи, Иллиріи и даже для итальянцевъ, задыхавшихся подъ тяжестью своихъ грузныхъ доспѣховъ. Не одинъ храбрый франкъ и аламанъ, не боявшійся персидскихъ стрѣлъ, падалъ дордгой, пораженный на смерть стрѣлами знойнаго полуденнаго солнца. Воздухъ кишилъ роями назойливыхъ комаровъ, укушеніе которыхъ, при жарѣ и пыли, производило по большей части воспаленіе; но и въ ядовитыхъ насѣкомыхъ здѣсь также не было недостатка. Погребать мертвецовъ не хватало времени и такимъ образомъ путь, пройденный отступающимъ римскимъ войскомъ, обозначался трупами людей и павшихъ лошадей, и застрявшими въ глубокихъ пескахъ телѣгами, пока вѣтеръ не покрывалъ все это песчаной степной пылью, наметая ее слоями въ футъ толщиною.

А въ воздухѣ надъ бѣдствующей арміей носились, привлеченныя запахомъ падали изъ сосѣдней пустыни, безчисленныя стаи хищныхъ птицъ — лакомыхъ до мертвечины коршуновъ, оглашавшихъ окрестность пронзительнымъ клёктомъ. Какъ зловѣщая туча, омрачали они порою солнечный свѣтъ надъ печальнымъ шествіемъ. Съ содроганіемъ поглядывали тогда къ верху торопившіеся люди: они знали, какой родъ погребенія ожидаетъ ихъ здѣсь, если они упадутъ въ колючія низкорослыя травы, чтобы не вставать никогда болѣе.

Но и въ этомъ тягостномъ походѣ, подъ гнетомъ тяжкихъ заботъ полководца, Юліанъ не переставалъ заниматься изслѣдованіемъ философскихъ, религіозныхъ и мистическихъ вопро-

Digitized by Google

совъ. Прискъ, его «лагерный философъ», — какъ въ шутку прозвалъ ученаго императоръ,—любимый ученикъ Эдезія и сотрудникъ безвременно погибшаго Максима, долженъ былъ постоянно ѣхать на своемъ мулѣ рядомъ съ Аргусомъ, бѣлымъ боевымъ конемъ Юліана. И подъ палящимъ зноемъ, нависшимъ надъ пустынной степью, августъ пересохшимъ языкомъ предлагалъ обливавшемуся потомъ мудрецу вопросы за вопросами, между прочимъ, насчетъ возбуждавшаго столько споровъ и толкованій ученія ихъ общаго наставника о безсмертіи души.

Но еще хуже парѳянскихъ стрѣлъ, сильнѣе полуденнаго зноя пугалъ страждущее войско грозный призракъ голода. Разсчитанные только на двадцать дней, припасы быстро истощались, а до желанной границы Кордуэны все еще оставалось далеко. Давно уже Юліанъ былъ принужденъ день и ночь охранять крѣпкимъ карауломъ изъ самыхъ надежныхъ людей возы съ хлѣбомъ и сушенымъ мясомъ,—не отъ персовъ, а отъ воровства и грабежа собственныхъ голодающихъ дружинъ, которымъ, послѣ пропавшихъ въ дорогѣ десяти дней, ежедневный паекъ былъ уменьшенъ на половину. Только возраставшая съ каждымъ днемъ убыль войска облегчала скудное продовольствованіе тѣхъ, которые продолжали еще кое-какъ плестись впередъ.

Императоръ довольствовался четвертой долей пайка, да и ту добросовѣстно дѣлилъ съ бѣднымъ ребенкомъ, взятымъ подъ его покровительство, маленькимъ Инфортунатусомъ, для котораго, сверхъ того, требовалъ еще восьмую часть ежедневной солдатской порціи. Мальчикъ привязался къ нему съ благодарностью спасеннаго и пользующагося ласковымъ уходомъ маленькаго звѣрка.

Всѣ лошади, безъ которыхъ можно было обойтись, были давно зарѣзаны; ихъ мясо не употреблялось въ свѣжемъ видѣ, но предварительно сушилось у бивачныхъ огней, а потомъ, разрѣзанное на мелкіе кусочки, сберегалось въ прокъ.

Еще большимъ наказаніемъ, чѣмъ комары, служили въ этой странѣ ядовитыя змѣи изъ породы песочныхъ ехиднъ, водившихся здѣсь во множествѣ, какъ будто имъ жилось особенно привольно въ раскаленной почвѣ. Укушеніе ихъ при сильномъ зноѣ причиняло быструю, мучительную смерть многимъ

Digitized by Google

неосторожнымъ, когда они, смертельно измучившись, сбрасывали сандаліи передъ отходомъ ко сну.

Однажды вечеромъ полководецъ вошелъ съ мальчикомъ-персомъ въ палатку, только что разбитую для него въ открытомъ полѣ; коверъ покрывалъ здѣсь раскаленную землю. Императоръ снялъ доспѣхи, защищавшіе его ноги, и бросилъ ихъ возлѣ себя; тутъ подъ ковромъ что-то зашуршало и съ шипѣніемъ выползло наружу; то была ехидна. На половину приподнявшись, она бросилась на обнаженную икру Юліана; въ ту же минуту мальчикъ протянулъ голую руку и схватилъ змѣю. Пресмыкающееся моментально обвилось кольцомъ вокругъ дѣтской руки; правда, ребенокъ сорвалъ ехидну и растопталъ ей голову, но было уже поздно: змѣя ужалила его. Инфортунатусъ, улыбаясь, кивнулъ испуганному другу, который только теперь опомнился, понялъ опасность и сталъ торопливо высасывать кровь изъ раны. Однако, не смотря на попытки Орибазія помѣшать дѣйствію яда, у больнаго сейчасъ начались предсмертныя судороги. Прежде чѣмъ навѣкъ закрыть глаза, которыхъ мальчикъ все время не спускалъ съ Юліана съ выраженіемъ благодарности, онъ написалъ на степномъ пескѣ слова:

«За тебя! Теперь уже болѣе не Инфортунатусъ... Фортунатусъ»! [1]).

Со слезами императоръ собственноручно поджегъ костеръ изъ шестовъ отъ палатокъ и низкорослаго степнаго кустарника, на которомъ былъ положенъ маленькій трупъ.

— Максимъ... Артемидоръ... Инфортунатусъ! Мнѣ не везетъ съ моими любимцами, — печально промолвилъ Юліанъ, возвращаясь къ себѣ.—Или, скорѣе, мое покровительство приноситъ имъ несчастье.

Къ довершенію всего, полководца тревожила еще ужасная мысль, что онъ, пожалуй, и теперь сбивается съ настоящаго кратчайшаго пути. Этихъ жестокихъ сомнѣній нельзя было разрѣшить, такъ какъ мѣстные жители всѣ разбѣжались и римское войско не могло найти себѣ проводниковъ, а карты дорогъ были безполезны въ этой пустынѣ.

---

[1]) Болѣе не «несчастный», а «счастливый».

Digitized by Google

XXIX.

Наконецъ, авангардъ отчаявшейся арміи увидалъ на дальнемъ сѣверо-западѣ — такъ какъ дорога повернула здѣсь изъ степи влѣво—высокія башни довольно большаго города, и Сигибото принесъ желанную вѣсть, что римляне стоятъ передъ Самбарой, крайнимъ пограничнымъ городомъ Кордуэны. Большинство жителей здѣсь были эллины и только небольшая часть изъ нихъ христіане. Они дружески приняли и угостили умиравшихъ отъ изнеможенія всадниковъ авангарда.

Какъ будто избавившись отъ душившаго его кошмара, Юліанъ съ облегченіемъ перевелъ духъ. Значитъ, боги указали таки ему настоящій путь. Когда императоръ стоялъ еще подъ Ктезифономъ, то по совѣту Лизія (который прежде долгое время изучалъ мистеріи въ здѣшнемъ храмѣ Аполлона-Митры) онъ приказалъ черезъ гонцовъ, отправленныхъ имъ обратно въ Цирцезіумъ, отсылать всѣ письма изъ своего государства въ этотъ городъ. Теперь Юліанъ надѣялся собраться здѣсь съ силами и предпринять что нибудь рѣшительное. Лизій также былъ очень веселъ.—Я долженъ самъ объяснить тебѣ богослуженіе Митры въ храмѣ бога,—сказалъ онъ августу.—Но мнѣ нужно нѣкоторое время, чтобы приготовить все необходимое. Конечно, ты дашь отдохнуть твоему войску въ Самбарѣ денька два?

Юліанъ кивнулъ головою. Онъ видѣлъ необходимость отдыха для своихъ совершенно изнуренныхъ дружинъ.

— Однако,—заключилъ онъ,—мы не можемъ долго мѣшкать. Персидскія войска повернули въ ту же сторону, какъ и мы; то, которое шло впереди насъ,—войско Мерены,—точно провалилось сквозь землю. Я увѣренъ, что вскорѣ опять увижу его передъ собою, теперь уже на дорогѣ къ западу.

Императоръ непріятно обманулся, не найдя въ Самбарѣ ожидаемыхъ извѣстій изъ своихъ владѣній. Но къ Лизію, какъ онъ радостно сообщилъ о томъ, прибыли изъ Цирцезіума гонцы съ письмами и разными посылками въ храмъ Митры, въ рощу одного отдаленнаго предмѣстья, куда направилъ ихъ старикъ; самъ онъ, въ качествѣ верховнаго жреца Аполлона, встрѣтилъ радушный пріемъ у тамошнихъ жрецовъ, своихъ старинныхъ

Digitized by Google

друзей. Лизій пригласилъ отъ ихъ имени также и августа поселиться съ нимъ вмѣстѣ, но тотъ предпочелъ остаться въ самомъ городѣ со своими полками.

На другой день, рано поутру, пришли ожидаемыя извѣстія отъ Себастіана, но они оказались самаго печальнаго свойства. Себастіанъ сообщалъ, что онъ не могъ по приказу императора вести свою армію отъ Низибиса къ югу, на встрѣчу Юліану, но былъ принужденъ отступить къ западу, направляясь обратно домой, такъ какъ армяне, получивъ подкрѣпленіе отъ персидскихъ сатраповъ, собирались напасть на него сами съ несравненно превосходнѣйшими силами. Такимъ образомъ, и послѣдняя надежда Юліана не осуществилась! А между тѣмъ онъ имѣлъ въ виду, соединившись съ этимъ тридцатитысячнымъ корпусомъ, немедленно наказать вѣроломныхъ галилеянъ въ Арменіи. Теперь же ему оставалось только поскорѣе убраться восвояси.

Едва онъ успѣлъ сообщить непріятную вѣсть своимъ друзьямъ, Іовіану и Серапіону, которыхъ велѣлъ позвать къ себѣ, какъ доложили о прибытіи другаго посланнаго. Гонецъ входилъ уже въ комнату; на немъ была траурная одежда; съ громкимъ воплемъ кинулся онъ къ ногамъ императора.

— Встань! Кто ты такой?

— О, государь!—вымолвилъ тотъ,—я служитель при храмѣ въ Цирцезіумѣ. Не гнѣвайся на вѣстника печали; я прибылъ изъ Калэ.

— Ну, говори! Что тамъ случилось?

— Калэ больше не существуетъ; въ него ударила молнія, оно лежитъ подъ пепломъ.

— Вотъ, я думаю, испугалась бѣдная сестра! Ну, что жь, на слѣдующій годъ Калэ отстроятъ прекраснѣе прежняго,—изъ персидской добычи. Но куда же переселилась на время жрица Весты съ моею сестрой? Вѣроятно, въ Цирцезіумъ? Что ты смотришь такъ зловѣще? Кто нибудь убитъ?..

— Только одна.

— Кто же, кто?

— О, государь, твоя сестра. Это случилось ночью. Молнія ударила въ ея спальню и пожаръ начался оттуда.

Юліанъ пошатнулся, пронзительно вскрикнулъ и упалъ на руки Серапіона. Іовіанъ, молча, смертельно блѣдный, бросился

Digitized by Google

ничкомъ на кушетку. Наступила ужасающая тишина. Наконецъ, императоръ опомнился; онъ хотѣлъ кинуться на грудь Іовіану, но тотъ сурово отстранилъ его отъ себя жестомъ руки.

— Какъ... какимъ образомъ умерла она?—сталъ разспрашивать врачъ Орибазій.

— Въ одно мгновеніе. Молнія поразила ее, когда Юліана стояла ночью на молитвѣ.

— Откуда это узнали?—спросилъ Серапіонъ.

— Господинъ, прекрасный трупъ остался неповрежденнымъ, только лобъ былъ пробитъ; его нашли съ распятіемъ на рукахъ.

— О, Юліана, она умерла, молясь галилеянину!

— Да,—подхватилъ Іовіанъ, и его голосъ дрожалъ въ порывѣ жестокаго горя. — И, конечно, она молилась за тебя, своего убійцу!

— Іовіанъ!—крикнулъ невыносимо страдавшій августъ.

— Да, это ты, ты заточилъ туда сестру, держалъ ее въ неволѣ. Ты одинъ виновникъ ея гибели.

И онъ бросился вонъ изъ комнаты.

— Кого теперь утѣшать перваго? — серьезнымъ тономъ произнесъ Серапіонъ. — Какого бога винить въ случившемся? Зевса, поразившаго своего молніей христіанку, или галилеянина, не захотѣвшаго спасти ее? И кого обвинять между людьми? Аѳанасія, обратившаго Юліану? Юліана, сославшаго ее въ Калэ? Или лучше не винить никакого бога и никакого человѣка, а только молнію, ударившую изъ тучи не такъ, какъ она того хотѣла, а какъ ей было назначено. Бѣдные друзья, оба одинаково несчастные со своими богами!

Нѣсколько часовъ спустя, Іовіанъ, опираясь на руку германца, снова пришелъ провѣдать императора.

— Прости,—спокойно сказалъ онъ, хотя глаза его были заплаканы. — Я выказалъ себя дурнымъ другомъ—Серапіонъ правъ!—и дурнымъ христіаниномъ. Но видишь ли, Іовіанъ, я такъ безумно любилъ твою сестру... Я такъ любилъ ее!.. Горе дѣлаетъ несправедливымъ. Ты не виноватъ въ томъ, что въ Калэ разразилась гроза.

— Но по моей винѣ Юліана была тамъ!—со слезами возразилъ императоръ.—Прости, братъ мой! Я жестоко наказанъ

Digitized by Google

за вольныя и невольныя прегрѣшенія. Ахъ, вѣдь я собирался черезъ какой нибудь годъ сыграть вашу свадьбу! Прости меня, Іовіанъ, ради государства: эллинистъ и галилеянинъ, станемъ дѣйствовать съ тобою заодно, какъ римляне. Помоги мнѣ! Не покидай меня!

— Разумѣется,—отвѣчалъ Іовіанъ, обнимая его.—Я обѣщалъ Юліанѣ на прощанье никогда не разставаться съ ея братомъ.

Вскорѣ послѣ ухода друзей, къ убитому горемъ императору явился Лизій. Онъ выжидалъ только удаленія королевича съ его товарищемъ. Съ глубокимъ участіемъ обнялъ верховный жрецъ плачущаго Юліана.

— Ахъ! — вымолвилъ тотъ, медленно проводя рукою по лбу,—скоро чаша горести для меня переполнится! Это ужь слишкомъ много: Эвзебія, Елена, Максимъ, Артемидоръ, Дафна, мать, сестра и другъ! Право,—прибавилъ онъ, печально улыбнувшись,—вскорѣ мнѣ нечего будетъ больше терять, кромѣ вѣры въ боговъ и въ тебя, Лизій. А потомъ ужь... и самую жизнь. При такихъ условіяхъ, она была бы невыносима. А смерть... ахъ, какое это желанное благо! Вѣдь я одинокъ. О, Елена! Когда же, когда же наконецъ?..

— Мой возлюбленный сынъ,—торжественно заговорилъ Лизій,—вотъ видишь, въ твоемъ глубокомъ горѣ боги посылаютъ тебѣ утѣшеніе—черезъ меня.

— Утѣшеніе?—тяжело вздохнулъ огорченный.—Его нѣтъ для Юліана.

— Ошибаешься! Сегодня, именно сегодня, Юліанъ, исполню я свое обѣщаніе. Не дальше, какъ сегодня, ты увидишь Елену.

Юліанъ вскочилъ и поблѣднѣлъ.—О, Лизій, Лизій, что ты говоришь?! Заклинаю тебя всѣми богами, не обольщай меня ложной надеждой. Это было бы слишкомъ жестоко. Я не перенесъ бы разочарованія. Такъ ты сказалъ: сегодня?

— Сегодня Юпитеръ и Венера достигаютъ стоянія, котораго я выжидалъ все это время. Итакъ, сегодняшней ночью, едва только появятся звѣзды на небѣ...

— О, Лизій, я не смѣю вѣрить! Такъ мнѣ предстоитъ увидать ее, говорить съ ней, услышать ея голосъ?

— Ты ее увидишь, услышишь и будешь съ ней говорить.

Digitized by Google

— Но гдѣ же?

— Въ храмѣ Митры. За три часа до полуночи. Только приходи... совсѣмъ одинъ.

— Конечно, конечно! О, какъ мнѣ дождаться ночи!

Послѣ обхода лагеря, въ сумерки продолжительнаго іюньскаго дня, Юліанъ сказалъ друзьямъ, прощаясь съ ними:

— Сегодня вы поужинаете вдвоемъ... Лизій... Я приглашенъ къ нему вечеромъ.

— Лизій?—спросилъ Серапіонъ.—Куда же это пригласилъ онъ тебя?

— Въ свой домъ, въ старинный храмъ Митры, верховнымъ жрецомъ котораго онъ состоитъ. Удивительно таинственное зданіе! Лизій хочетъ показать тамъ мнѣ одному... нѣкоторыя вещи, недоступныя прочимъ!

— Но храмъ лежитъ за городомъ, въ густой рощѣ, а парѳянскіе всадники опять рыскаютъ кругомъ. Они не боятся подъѣзжать къ самымъ стѣнамъ города, — предостерегъ Іовіанъ.

— Неужели ты дѣйствительно собираешься туда одинъ?— сталъ допытываться франкъ.

— Жрецъ поставилъ такое условіе. Неужели мнѣ нарушить данное слово изъ-за трусости передъ парѳянами?

— Нѣтъ,—сказалъ Серапіонъ, прощаясь,—ты не долженъ этого дѣлать.

— Нѣтъ,—серьезно возразилъ Іовіанъ.

За дверями дома Юліана, оба они остановились, точно по уговору.

— Его нельзя пустить одного въ ночную пору и въ такую даль,—сказалъ Серапіонъ.

— Тѣмъ болѣе,—подхватилъ другой,—что сегодня передъ разсвѣтомъ, когда я проѣзжалъ верхомъ мимо этого зловѣщаго зданія, то слышалъ за стѣнами или скорѣе подъ землею странный осторожный стукъ, какъ будто тамъ работали молоткомъ. Хоть я не думаю, чтобы парѳяне...

— Нѣтъ, но я не довѣряю этому жрецу.

— Конечно, Лизій не убьетъ Юліана, но онъ что-то затѣваетъ.

— Старикашка самъ не свой, съ тѣхъ поръ какъ мы здѣсь.

Digitized by Google

— У него порой такая торжествующая мина...
— А иногда онъ опять взволнованъ и куда-то спѣшитъ.
— И Лизій вѣчно пропадаетъ въ томъ храмѣ.
— Мы должны бодрствовать надъ страдальцемъ...
— Который слѣпо вѣритъ обманщику.
— Я зайду за тобою, какъ только стемнѣетъ.

XXX.

Первыя звѣзды зажглись на небосклонѣ. На мраморной скамейкѣ, въ заглохшемъ саду при старинномъ храмѣ Митры, бѣлѣла въ потемкахъ дѣвическая фигура съ лирой въ рукахъ. Задумчиво, мечтательно смотрѣла дѣвушка на небо и потихоньку напѣвала нѣжнымъ голосомъ:

Въ небесахъ таинственной стезею
Кроткихъ звѣздъ воздушный хороводъ
Высоко надъ спящею землею
Величаво, медленно плыветъ.

О, безмолвныя свѣтила ночи ясной,
Велика надъ нами ваша власть!
Но всегда ль, скажите, вы безстрастны,
Иль знакомы вамъ тоска и страсть?

Робкій лепетъ нашего моленья
Слышенъ вамъ? до васъ онъ доходилъ?
И доступны ль вамъ любви томленья,
Сердца жаркаго неутоленный пылъ?

Иль надъ вами, странницы эфира,
Тяготѣетъ также рокъ слѣпой?
Равнодушныя къ страданьямъ міра,
Управляете вы смертнаго судьбой?

О, тогда въ спокойствіи безстрастномъ
Дайте мнѣ забыться и заснуть,
Чтобъ въ тоскѣ желаніемъ напраснымъ
Не томилась больше эта грудь!

— Перестань, замолчи!—произнесъ тихій, но повелительный голосъ.—Я приказалъ тебѣ избѣгать всякаго шума и не показываться. Вѣдь ты поешь такъ прекрасно и такъ чудно играешь на лирѣ, что въ этомъ съ тобою не можетъ сравняться ни единое существо на землѣ; но этимъ ты рискуешь привлечь непрошеныхъ слушателей,—продолжалъ Лизій, уже смягченнымъ тономъ, ласково поглаживая темныя кудри дочери.—

Digitized by Google

Пойдемъ, дитя мое, звѣзда моихъ очей! Сегодня насталъ желанный день. Наступило соединеніе звѣздъ, котораго я такъ долго ждалъ. Венера, Юпитеръ и звѣзда, названная Филиппомъ—еще при рожденіи Юліана—«Юліанникомъ», сошлись вмѣстѣ. Сегодня ночью или никогда! Сколькихъ трудовъ стоило привезти тебя и скрыть отъ любопытныхъ взоровъ! Хорошо еще, что тебѣ пришлось выѣхать изъ ближней Каппадокіи, гдѣ ты была оставлена мною. Все удалось такъ отлично только милостью боговъ. Сегодня ночью ты снова увидишь его, назначеннаго тебѣ звѣздами, жениха!

— Отецъ, отецъ!—въ восхищеніи и испугѣ воскликнула дѣвушка.—О, блаженство и мука! Недавно мнѣ было открыто въ вѣщемъ снѣ: «когда ты опять увидишь его, ты умрешь»... Ахъ, пожалуй, отъ радости!

— Тише, повинуйся мнѣ сегодня, какъ всегда. Оставайся совершенно спокойной, не произноси ни слова, я стану говорить за тебя! Что бы ты ни услыхала и ни увидала, стой неподвижно въ одѣяніи и въ уборѣ, которые я на тебя надѣну.

— Но, отецъ, я не понимаю...

— Тебѣ пока и не нужно ничего понимать. Но ты поблагодаришь отца, когда все минуетъ и пророчество звѣздъ исполнится черезъ нѣсколько дней.

Въ назначенный часъ, Юліанъ, закутанный въ свой коричневый военный плащъ, стоялъ у рѣшетки, окружавшей рощу при храмѣ. Когда онъ поднялъ взглядъ на выступавшее изъ кустарниковъ зданіе, ему навстрѣчу, прямо надъ его головой, пролетѣлъ свѣтящійся метеоръ, похожій на красный шаръ, и угасъ позади императора во мракѣ. Онъ обернулся и задумался.

— Что бы это значило?—спросилъ самъ себя Юліанъ.—Счастливое привѣтствіе? Или предостереженіе, чтобы я не входилъ? Или въ метеорѣ воплощается моя собственная судьба? Мой огненный полетъ—высоко... но ненадолго? Все равно. Я пойду на встрѣчу судьбѣ и—Еленѣ!

Съ этими мыслями онъ быстро зашагалъ по узкой тропинкѣ между темныхъ кустовъ. Юліанъ уже достигъ дверей храма; онѣ были отворены и онъ оставилъ ихъ настежъ, потому что хотѣлъ освѣтить это совершенно темное пространство хотя блескомъ звѣздъ, когда сталъ пробираться ощупью впередъ. Тутъ возлѣ него раздался изъ мрака голосъ Лизія:

Digitized by Google

— Добро пожаловать въ жилище боговъ, верховный жрецъ! Вотъ возьми мою руку. Еще три шага. Остановись! Сядь здѣсь, на каменное сидѣнье, и подожди короткое время. Сними шлемъ и надѣнь на голову вотъ этотъ вѣнокъ, сплетенный изъ священныхъ травъ. Онъ охраняетъ отъ демоновъ, которые встаютъ иногда вмѣстѣ съ мертвецами изъ Оркуса. Теперь же ни за что на свѣтѣ не двигайся съ этого мѣста, если тебѣ мила собственная жизнь и спокойствіе дорогой тѣни въ гадесѣ.

Юліанъ опустился на скамью, невольно содрогаясь; онъ чувствовалъ, какъ Лизій выпустилъ его руку; послѣ того шаги жреца раздались по направленію къ внутренней стѣнѣ полукруглаго святилища. Тутъ Юліану, дожидавшемуся въ одиночествѣ, почудилось, что позади него у дверей раздается тихій шопотъ. Онъ оглянулся: все тихо. Въ темнотѣ ничего нельзя было разсмотрѣть, кромѣ широкихъ, темныхъ массъ древнеассирійскихъ колоннъ, поддерживавшихъ низкую крышу. Вдругъ императоръ зажмурилъ глаза, напряженно всматривавшіеся въ окружающее; его неожиданно ослѣпилъ яркій свѣтъ, вспыхнувшій передъ нимъ. Онъ обдавалъ голубоватымъ сіяніемъ только узкую нишу, гдѣ едва могъ помѣститься одинъ человѣкъ; это углубленіе было сдѣлано въ противоположной стѣнѣ вправо отъ алтаря, который также выступилъ теперь изъ мрака. Возлѣ ниши виднѣлся тяжелый темно-красный занавѣсъ, ниспадавшій до земли, покрывая густыми складками даже часть мозаичнаго пола. Онъ слабо освѣщался лучемъ свѣта, направленнымъ прямо на нишу, точно изъ трубки. Юліанъ лишь съ трудомъ могъ смотрѣть на это ослѣпительное сіяніе. Между тѣмъ, ниша стала постепенно наполняться необыкновенно-душистымъ бѣловатымъ дымомъ и вотъ (какъ безумно стучало у зрителя сердце отъ ужаса и страстнаго ожиданія)! въ этомъ благовонномъ облакѣ сначала неясно, потомъ все яснѣе стали выступать очертанія женской фигуры.

Темно-каштановые волосы безплотнаго видѣнія увѣнчивала, въ видѣ діадемы, повязка изъ тончайшей бѣлой шолковой матеріи, вышитая жемчугомъ. Наконецъ, колеблющееся облако ѳиміама понемногу разсѣялось передъ лицомъ призрака и... о, блаженство и ужасъ!—да, тутъ не оставалось больше сомнѣнія: то были милыя черты Елены! То были ея дивные, какъ будто говорящіе каріе глаза; только нѣжныя худощавыя щоки

*

Digitized by Google

поблѣднѣли еще больше, чѣмъ при жизни. И еслибъ приведенный въ восторгъ Юліанъ могъ еще сомнѣваться, точно ли это она, его разубѣдилъ бы видъ діадемы изъ пяти рядовъ янтарныхъ бусъ у нея на головѣ и такого же янтарнаго ожерелья на шеѣ изъ семи нитокъ. Онъ хорошо помнилъ этотъ завѣтный уборъ, которымъ самъ украсилъ покойницу въ ея далекой могилѣ,—тамъ, на берегахъ Сены. Императоръ былъ не въ силахъ вымолвить слова; у него перехватило голосъ, а губы дрожали: неподвижно, какъ мраморное изваяніе, стояла передъ нимъ прекрасная тѣнь. Подъ распахнувшимся пурпуровымъ плащемъ, ниспадавшимъ съ плечъ, виднѣлась на груди великолѣпная одежда изъ золотой ткани и бѣлаго шолка, вышитая до самаго подола драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ. Наконецъ, Юліанъ прошепталъ:—О, Елена, возлюбленная тѣнь! Неужели я вижу тебя снова? О, говори—я не смѣю заключить тебя въ объятія—но говори! Дай мнѣ еще разъ услышать твой сладостный голосъ. Я такъ одинокъ! Такъ мучительны мои ночи! Счастье отшатнулось отъ меня! Говори: неужели у тебя не найдется ни слова для твоего супруга? Что могу, что долженъ я сдѣлать, чтобы моя печальная одинокая жизнь была сноснѣе? Что можетъ утѣшить меня?

Тутъ раздался отвѣтъ—между тѣмъ какъ тѣнь не открывала губъ!—неестественный, нечеловѣческій голосъ медленно заговорилъ могильнымъ тономъ,—голосъ возлюбленной никогда не звучалъ такъ при жизни:

— Тебя должна утѣшить, мой Юліанъ, вторая супруга, другая Елена.

— Обманъ!—внѣ себя воскликнулъ императоръ, вскакивая съ мѣста.—Она заставила меня поклясться совсѣмъ въ противоположномъ.

Онъ хотѣлъ броситься къ призраку, но пошатнулся, точно ему сдѣлалось дурно. Тутъ императоръ увидалъ, какъ изъ-за широкихъ колоннъ у него за спиною выскочило двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ схватилъ привидѣніе за плащъ и сдернулъ его на полъ изъ ниши; другой бросился за занавѣсъ, чтобы вытащить оттуда человѣка, бѣшено сопротивлявшагося съ кинжаломъ въ рукѣ. Наконецъ, ему удалось при ловкомъ поворотѣ всадить клинокъ въ руку противника. Тотъ выпустилъ свою жертву, выхватилъ мечъ и ударилъ его.

Digitized by Google

— Вотъ, — воскликнулъ Серапіонъ, вкладывая оружіе обратно въ ножны,—передъ тобою лежитъ распростертымъ обманщикъ—жрецъ.

— Проклятіе!—заревѣлъ тотъ, роняя кинжалъ.—Проклятіе всѣмъ звѣздамъ и богамъ! Они не держатъ своего слова.

Тѣмъ временемъ Іовіанъ, выпустивъ изъ рукъ дрожащую дочь Лизія, бросился къ Юліану, безсильно прислонившемуся къ колоннѣ. Какъ только Елена освободилась, она съ быстротою молніи схватила кинжалъ отца.—Обманъ! И я, я должна была его обмануть? Ахъ, я уже и сдѣлала это. Мнѣ остается только умереть.

Она вонзила кинжалъ себѣ въ грудь по самую рукоятку и рухнула наземь. Іовіанъ подвелъ шатавшагося друга къ обоимъ трупамъ. Тотъ наклонился, схватилъ янтарную цѣпь и простоналъ:—Лизій, священнослужитель боговъ!.. Мой наставникъ... обманщикъ! Онъ взломалъ гробницу возлюбленной и надругался надъ ея прахомъ. И боги допустили это? Ахъ, слишкомъ много!

И онъ безъ чувствъ упалъ на руки друзей.

XXXI.

Когда, два дня спустя, Юліанъ поднялся съ постели, куда его уложило недавнее потрясеніе, онъ былъ уже не прежнимъ человѣкомъ. Надежда его жизни была сломлена: онъ отказался ото всякихъ земныхъ желаній; одно просвѣтленіе его безсмертной души еще носилось передъ нимъ въ видѣ цѣли. Онъ не обманулся въ своихъ богахъ, но они сами его покинули; съ его стороны было заблужденіемъ считать себя избранникомъ и любимцемъ Аполлона. Нѣтъ, боги прогнѣвались и навсегда отвернулись отъ государства выродившихся римлянъ: олимпійцы предоставили его галилеянину, ради котораго тѣ отпали отъ нихъ.

— Такъ и я буду побѣжденъ имъ, этимъ пророкомъ изъ Назарета,—заключилъ про себя Юліанъ.—Что жь, хорошо; я постараюсь даже ускорить развязку. Въ слѣдующей битвѣ все должно рѣшиться.

Съ такими мыслями, съ такой рѣшимостью, пораженный тяжелымъ ударомъ, императоръ поднялся со своего ложа на

Digitized by Google

другой день вечеромъ. Друзья подмѣтили выраженіе усталости въ его обыкновенно живыхъ и подвижныхъ чертахъ. Онъ почти равнодушно выслушалъ то, что они сообщили ему новаго о катастрофѣ въ храмѣ Митры. У Лизія не было сообщниковъ. Все зданіе, немедленно осмотрѣнное ими, оказалось пустымъ. Своею властью верховнаго жреца онъ удалилъ на ту ночь остальныхъ жрецовъ и служителей изъ святилища въ сосѣднюю постройку, а все, что требовалось для затѣянной имъ комедіи, устроилъ самъ. Серапіонъ снялъ хорошо знакомый янтарный уборъ съ трупа несчастной жертвы звѣздъ. Однако Юліанъ приказалъ сжечь его, а также и пурпуровый плащъ, и шолковую одежду вмѣстѣ съ обоими трупами: драгоцѣнное украшеніе было въ его глазахъ осквернено наругательствомъ надъ ограбленной могилой.

На слѣдующее утро было рѣшено продолжать опасное отступленіе,—теперь уже къ западу. Нравственно убитый императоръ почти не удивился, увидавъ на другой день при своемъ пробужденіи престарѣлаго монаха въ коричневой одеждѣ, сидѣвшаго у его постели.

— Іоаннъ,—вымолвилъ онъ усталымъ голосомъ.—Ты здѣсь? Не смотря на мое запрещеніе? Вѣдь я заточилъ тебя въ монастырь!

— Прости, о государь! Мнѣ не терпѣлось тамъ, когда я узналъ...

— Такъ ты уже знаешь? Ну, что жь ты не говоришь, что я виновенъ въ смерти Юліаны?

— Это не правда. Господу Богу угодно было рано призвать къ себѣ юную душу твоей сестры. Нѣтъ, я пришелъ съ другою вѣстью, хотя и печальной, но примирительной! И ради того, что она примирительна, поспѣшилъ я къ тебѣ.

— Ты плачешь? Значитъ, дѣло идетъ о моей матери! Она...

— Вернулась домой! Послѣдовала за дочерью. Искусству врачей въ Александріи, но, конечно, болѣе молитвамъ благочестиваго Аѳанасія...

— Ну, разумѣется!—подхватилъ Юліанъ, нахмуривъ брови.

— Удалось исцѣлить ее отъ помѣшательства. Къ ней вернулся опять совершенно здравый разсудокъ, и тогда Аѳанасій...

— Довольно о немъ!

— Нѣтъ, ты еще долженъ выслушать кое-что про митро-

Digitized by Google

полита! Его задушевнымъ рѣчамъ, исполненнымъ благости и силы, удалось примирить съ тобою твою мать. Она простила тебя, умирая, и теперь, вмѣсто проклятія, произнесеннаго ею въ безуміи, христіанка Ирена посылаетъ тебѣ свое благословеніе.

— О, матушка, матушка, благодарю тебя! И тебя также, вѣрный, неизмѣнный другъ! Ради этого ты, одинъ, беззащитный, прошелъ многія сотни миль, босой,—только съ посохомъ въ рукѣ?

— Да, Господь сопутствовалъ мнѣ. Я надѣялся дожить еще до нынѣшняго часа и возвѣстить тебѣ слово прощенія. Теперь мнѣ можно и умереть. Я очень любилъ твою мать и тебя, Юліанъ, очень!.. Цѣлую жизнь...

— А я покаралъ тебя въ гнѣвѣ! Ты же рисковалъ своей жизнью, чтобы подкрѣпить меня словомъ мира! Что... что же это такое? Какая сила...

— Это христіанство, возлюбленный сынъ мой, какъ я тебѣ уже говорилъ много лѣтъ назадъ!

Послѣ того—это было поутру двадцать шестаго іюня—растаявшее, но подкрѣпленное четырехдневнымъ отдыхомъ войско Юліана выступило изъ Самбары, чтобы слѣдовать дальше, направляясь домой.

Орибазій обомлѣлъ, увидавъ полководца безъ шлема, доспѣховъ и щита, сидѣвшимъ на своемъ бѣломъ конѣ въ одной бѣлой шолковой одеждѣ, которая издалека бросалась въ глаза.

— Государь,—воскликнулъ онъ,—гдѣ же твой панцырь, шлемъ и щитъ?

— Тамъ.

Онъ указалъ рукою на сосѣднюю улицу.

— Гдѣ?

— Въ храмѣ Ареса. Они повѣшены на алтарѣ; я посвятилъ ихъ богу и никогда больше не надѣну на себя.

— Заклинаю тебя богами!

— Да, именно въ ихъ руки, подъ ихъ защиту отдалъ я себя. Если, конечно, они *захотятъ* защитить Юліана. Вотъ это и окажется теперь.

— Говорятъ, непріятель пересѣкъ намъ отступленіе почти подъ самымъ городомъ.

— Совершенно вѣрно.

Digitized by Google

— И ты выѣзжаешь на битву безоружнымъ?

— О, нѣтъ. Вотъ мой мечъ. Онъ былъ при мнѣ еще подъ Страсбургомъ.

И августъ повернулъ коня къ своимъ тѣлохранителямъ.

— Ахъ, вотъ и «неразлучные», — печально усмѣхнулся онъ.—Вы все еще въ полномъ комплектѣ?

— Да,—отвѣчалъ Сигибото,—нашъ комплектъ еще увеличился. Къ намъ приросъ теперь Сигибрантъ. Но всѣ мы уцѣлѣли пока только чудомъ. Каждому досталось порядочно. Гипокрениксъ пострадалъ отъ укушенія ядовитаго насѣкомаго въ шею, у Эккарта въ плечѣ парѳянская стрѣла, я раненъ дротикомъ въ бедро, а нашъ бѣдный Гарицо на половину высохъ отъ голода и жажды—взгляни, какъ болтается панцырь на его когда-то тучномъ тѣлѣ! Сигибрантъ же увѣряетъ, что послѣ приключившагося съ нимъ солнечнаго удара онъ видитъ передъ собою однѣ кружки съ виномъ, которыхъ нѣтъ. Но драться мы еще можемъ, сколько угодно, всѣ пятеро. Вотъ ты увидишь.

Юліанъ ласково поклонился имъ и проѣхалъ дальше.

— Какъ счастливы эти люди,—сказалъ онъ Приску, медленно трусившему рядомъ съ нимъ на своемъ мулѣ.—Вотъ самые мудрые лагерные философы! Нѣтъ у нихъ сомнѣній, ни о чемъ не вопрошаютъ они боговъ и не знаютъ инаго долга, кромѣ обязанности драться—а это для нихъ величайшее удовольствіе. И нѣтъ на нихъ никакой вины!..

Они приблизились къ узкимъ западнымъ воротамъ городка.

Императоръ натянулъ поводья, останавливая свою лошадь, чтобы пропустить впередъ конницу авангарда. Тутъ ему бросилась въ глаза, рядомъ съ христіанской капеллой, мастерская плотника, который очевидно былъ ревностнымъ христіаниномъ: у его жилища стояло множество деревянныхъ крестовъ, прислоненныхъ къ стѣнѣ и выставленныхъ на продажу; при видѣ Юліана, онъ поспѣшно осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и отвернулся.

— Ты, вѣрно, знаешь меня, другъ?—съ улыбкой спросилъ августъ.

— Я другъ Христа, а не твой.

— Однако ты откровененъ; это мнѣ нравится! Ты, какъ я вижу, подражаешь галилеянину... вѣдь онъ также былъ плотникомъ. Что-то онъ теперь готовитъ?

Digitized by Google

— Гробъ для тебя: онъ скоро понадобится!

Юліанъ добродушно кивнулъ рабочему.

— Въ словахъ твоихъ гораздо больше правды, чѣмъ ты думаешь.

XXXII.

Въ немногихъ часахъ пути къ западу отъ Самбары, по близости лѣса съ густою порослью, главная проѣзжая дорога, ведшая на западъ, пересѣкалась другою, которая шла съ юга на сѣверъ. Четыре персидскихъ арміи выбрали этотъ перекрестокъ сборнымъ пунктомъ: здѣсь онѣ намѣревались отрѣзать отступленіе маленькой римской рати. Обширныя равнины по бокамъ обѣихъ дорогъ и позади лѣса такъ и соблазняли парѳянскіе эскадроны налетѣть на римскую конницу: лѣсу также было опредѣлено разумное назначеніе на этомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. На великолѣпныхъ вороныхъ арабскихъ жеребцахъ, подъ сѣдлами алаго сукна, выложенными золотомъ, объѣхали Варанъ и Вараганъ—двое царевичей—свои эскадроны, выстроили ихъ и поскакали навстрѣчу старшему полководцу, красовавшемуся въ золотомъ шлемѣ, и его брату.

— Заслуга нынѣшняго дня и гибель того лютаго льва, изрыгающаго пламя,—воскликнулъ Варанъ, старшій сынъ Сапора,—должны быть всецѣло приписаны тебѣ. Какъ мастерски ты все придумалъ!

— Ошибаешься,—возразилъ старшій полководецъ.—Не я удержалъ Хулхіаноша отъ заключенія мира, который совершенно серьезно былъ предложенъ твоимъ высокимъ отцемъ—въ минуту слабости—уже окончательно побѣжденному врагу. Тогда онъ былъ бы спасенъ вмѣстѣ со своею славой. И не я велъ одураченнаго непріятеля цѣлыхъ десять дней ложною дорогой на востокъ; эти десять дней совершенно его обезоружили; сегодня остается только безъ труда пожать то, что̀ посѣяно моимъ мудрымъ братомъ.

— Ты правъ,—согласился Вараганъ.—Я подарю тебѣ, о, Ногордатъ, годовую подать съ Бактріи, моей сатрапіи.

— А я подарю тебѣ,—со смѣхомъ подхватилъ Варанъ,—нѣчто такое, что̀ будетъ получше цѣлой Бактріи: прекраснѣй-

Digitized by Google

шую женщину изъ моего женскаго дома, Лейлу, съ глазами газели.

— Оставьте при себѣ и Бактрію, и Лейлу, князья, — отвѣчалъ осыпанный похвалами Ногордатъ:—я попрошу для себя кое-что иное.

— Все, что̀ ты желаешь!—воскликнули оба царевича.

— Голову апостата; я обѣщалъ наполнить ее растопленнымъ золотомъ и принести въ даръ святому патрону Арменіи. Братъ мой, епископъ, посулилъ мнѣ за этотъ обѣтъ вѣрную смерть отступника.

Варанъ пожалъ плечами.

— У неба и моего отца много подданныхъ: почитатели единаго истиннаго бога Ормузда; затѣмъ—іудеи, христіане, эллинисты и поклоняющіеся звѣздамъ арабы. Каждому изъ нихъ мы предоставляемъ то, что̀ ему нравится. Мнѣ, напримѣръ, прелестная головка Лейлы милѣе безобразной, какъ говорятъ, головы изрыгающаго пламя льва. Но ты получишь желаемое. Предоставь мнѣ только наслажденіе обезглавить чудовище вотъ этой кривою саблей.

— Стойте!—воскликнулъ старшій полководецъ.—Взгляните туда, къ востоку! Тамъ вздымается пыль: — это идутъ они, римляне. Ну, помните же нашъ уговоръ!

И римляне вскорѣ приблизились. Противъ лѣса было расположено нѣсколько жалкихъ мазанокъ армянскихъ пастуховъ, пасшихъ козъ. Жители бѣжали въ городъ, узнавъ о предстоявшемъ столкновеніи обоихъ войскъ; только хромой старикъ на деревяшкѣ заковылялъ навстрѣчу авангарду императора. Когда онъ поровнялся съ Юліаномъ, тотъ окликнулъ его черезъ переводчика изъ Самбары и замѣтилъ:—Вѣроятно, у этого маленькаго поселка нѣтъ никакого названія?

— Есть,—отвѣчалъ старикъ.—У него прекрасное имя.

— Какъ же онъ называется?—полюбопытствовалъ Юліанъ.

— Фригія. А меня зовутъ Харономъ,—отвѣтилъ хромой и заковылялъ дальше.

Полководецъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Фригія! Вѣдь мнѣ приказано ее избѣгать, — грустно улыбнулся онъ про себя.—И Харонъ! Теперь недостаетъ только Стикса. Впередъ! Тамъ стоятъ персы. На нихъ!

Столкновеніе было жестоко, но непродолжительно. Юліанъ

Digitized by Google

ожидалъ нападенія и хорошо приготовился къ нему. Его маленькая, но храбрая, только что отдохнувшая рать сорвала на непріятелѣ свой гнѣвъ за послѣднія мучительныя недѣли.

— До сихъ поръ только солнечный зной, змѣи, комары, песокъ и голодъ, а теперь наконецъ опять шлемы, которые можно крошить! Какой шагъ впередъ!—съ восхищеніемъ воскликнулъ Сигибото.

Вмѣсто того чтобы выжидать аттаки, Юліанъ самъ повелъ свое войско на приступъ. Каково же было его изумленіе, когда рядомъ съ нимъ появилась, вынырнувшая невѣдомо откуда, тощая фигурка престарѣлаго монаха на маленькой лошадкѣ.

— Куда, куда ты, Іоаннъ?—спросилъ императоръ.

— Съ тобою, всюду съ тобою.

При первомъ натискѣ римлянъ, парѳянскіе всадники повернули лошадей и обратились въ бѣгство. Они совсѣмъ не выдержали столкновенія и оба ихъ крыла помчались въ разсыпную, направо и налѣво. Центръ персидскаго войска, мидійская пѣхота, медленно отступила въ лѣсъ. Съ криками торжества преслѣдователи бросились за ними, подъ предводительствомъ Юліана, тогда какъ Іовіанъ и Серапіонъ поскакали по слѣдамъ убѣгающихъ фланговъ. Лѣсъ также едва былъ защищенъ; вскорѣ императоръ, впереди всѣхъ, пересѣкъ его и выѣхалъ съ западной окраины узкаго перелѣска на прогалину, выѣхалъ и обомлѣлъ! Пресловутое «парѳянское бѣгство» завлекло его въ коварную засаду: только маленькая часть непріятельскаго войска показалась изъ-за лѣса и для виду дала себя разбить; но здѣсь, за густымъ кустарникомъ, стояли передъ нимъ и по обѣимъ сторонамъ несмѣтныя полчища персовъ, которыя съ громкимъ крикомъ торжества кинулись на слабую горсть римлянъ. Борьба была слишкомъ неравна: только конные тѣлохранители могли поспѣть за своимъ государемъ, отважно скакавшимъ впереди; они падали съ ужасающей быстротой одинъ за другимъ, подъ градомъ стрѣлъ и дротиковъ: престарѣлый монахъ Іоаннъ, не отстававшій на своей лошадкѣ отъ Юліана, рухнулъ наземь; его конь былъ убитъ, а персы уже рвались къ рукопашной схваткѣ. Далеко виднѣлся при яркомъ солнцѣ всадникъ въ бѣлой одеждѣ, на бѣломъ конѣ, въ горѣвшей, какъ жаръ, діадемѣ, вмѣсто шлема, на темныхъ локонахъ.

Digitized by Google

— Стойте, не стрѣляйте! Я захвачу его живьемъ! — воскликнулъ Ногордатъ, подскакивая къ Юліану, лошадь котораго исходила кровью отъ нѣсколькихъ ранъ, нанесенныхъ стрѣлами.

— Нѣтъ, я!—воскликнулъ его братъ и пришпорилъ своего громаднаго жеребца, направляясь къ Юліану.

Тотъ узналъ коварнаго проводника:—А, это ты, предатель!—воскликнулъ онъ; отбилъ, направленное противъ него, длинное копье врага и всадилъ Ногордату въ горло свой мечъ.

Старшій полководецъ увидѣлъ, что братъ его падаетъ.

— Вотъ это посылаетъ тебѣ Іисусъ Христосъ!—крикнулъ онъ и метнулъ дротикомъ въ августа.

Ловкая рука не дала промаха. Безъ сопротивленія, прорѣзавъ шолкъ, оружіе вонзилось въ грудь Юліана.

— Ты побѣдилъ, галилеянинъ!—воскликнулъ онъ и упалъ навзничъ съ лошади, которая тотчасъ рухнула подъ нимъ.

— Хватайте его живьемъ, не убивайте!—кричалъ персидскій полководецъ.—Я привезу чудовище нашему государю въ золотой клѣткѣ.

И вотъ за императора, лежавшаго безъ чувствъ подъ своимъ убитымъ конемъ Аргусомъ, завязалась жаркая схватка. Она была продолжительной и кровавой; вѣрные тѣлохранители, спрыгнувшіе съ своихъ лошадей и прикрывавшіе сначала щитами, а наконецъ и собственнымъ тѣломъ любимаго государя, падали одинъ за другимъ подъ ударами непріятеля, во сто разъ превосходившаго ихъ силою. Громко трубили ихъ трубы, тревожно взывая о помощи, но на всемъ пространствѣ вокругъ не было и слѣда обоихъ римскихъ фланговъ, которые подъ предводительствомъ Іовіана и Серапіона были отвлечены притворнымъ бѣгствомъ враговъ. Тяжело раненый Боконій, напрягая послѣднія силы, держалъ орла тѣлохранителей. Когда онъ упалъ, весь исколотый дротиками, Сигибото схватилъ знамя изъ его рукъ и высоко взмахнулъ имъ въ воздухѣ. То было послѣднее, что видѣлъ Юліанъ; затѣмъ онъ впалъ въ безпамятство. Императоръ уже не сознавалъ, что опасность быстро возрастала. Персидскій полководецъ, хотя и раненый копьемъ Экарда, протѣснился однако впередъ, отбросивъ «неразлучныхъ», и замахнулся на Юліана кривой персидской саблей, острой, какъ бритва. Ни одинъ воинъ не замѣтилъ въ эту минуту опасности; смертельный ударъ обрушился, только не на

Digitized by Google

императора, а на коричневую монашескую рясу и поразилъ старичка-монаха, который въ послѣднюю минуту кинулся впередъ, чтобы прикрыть собою тѣло безчувственнаго августа.

Но тутъ саксъ, Сигибрандъ, замѣтилъ близость непріятеля и закололъ боеваго коня полководца. Однако, персидское войско все ближе насѣдало на жалкую горсть защитниковъ.

— Свѣжую лошадь императору!—воскликнулъ Гиппокреникъ, собственная лошадь котораго пала подъ нимъ уже давно.

— Привяжемъ его къ сѣдлу и поскачемъ назадъ,—посовѣтовалъ Эккардъ.

— Вотъ моя лошадь!—воскликнулъ Гарицо, спрыгивая на землю.

— Ну, «неразлучные», прикрывайте своего господина, пока другіе привяжутъ его и увезутъ отсюда! — крикнулъ Сигибото.—Держитесь твердо; сюда, ко мнѣ, саксонецъ. У меня нѣтъ больше щита!

И, дѣйствительно, этимъ людямъ удалось крѣпко привязать къ сѣдлу остававшагося безъ сознанія Юліана и шагъ за шагомъ увезти его обратно въ лѣсъ.

Но всѣ, почти всѣ тѣлохранители, прикрывавшіе отступленіе, пали.

Да и тѣ немногіе, которымъ удалось достигнуть лѣса, не спасли бы отъ плѣна римскаго императора, тѣснимые со всѣхъ сторонъ разсвирѣпѣвшими персами, еслибъ Іовіанъ съ Серапіономъ не услыхали, наконецъ, вдали отчаяннаго призыва трубъ, которыми изнемогавшіе тѣлохранители молили о помощи. Тогда они тотчасъ бросили преслѣдованіе бѣглецовъ, примчались съ обоихъ фланговъ къ опушкѣ лѣса и вѣсть, что императоръ палъ, воодушевила ихъ такимъ гнѣвомъ, что они налетѣли грозно на персовъ, какъ духи-мстители, и далеко отбросили послѣднихъ. Притворное бѣгство персовъ обратилось теперь въ кровавую дѣйствительность. Серапіонъ сначала примкнулъ къ маленькой свитѣ Юліана, дравшейся въ лѣсу, и какъ разъ во время, чтобы отбить у непріятеля погибшаго друга, которому не оставалось никакого спасенія. При этомъ королевичъ самъ былъ сильно раненъ.

Здѣсь, храбро сражаясь, палъ отъ руки франка персидскій вождь; но тутъ же, на глазахъ Серапіона, были убиты послѣдніе тѣлохранители. Римляне одержали полную побѣду.

Digitized by Google

Іовіанъ собственноручно перевязалъ рану королевича, едва державшагося на ногахъ, а потомъ вторично пустился преслѣдовать бѣглецовъ. Жестоко отмстило войско за гибель своего любимаго августа; бѣшеная погоня продолжалась даже ночью.

Перенесенный въ свой шатеръ, раненый пришелъ въ сознаніе; при первомъ звукѣ трубы преслѣдователей, достигшемъ его слуха, онъ хотѣлъ вскочить, громко потребовалъ свое оружіе, своего коня, но, при первой попыткѣ подняться, снова упалъ на руки Орибазія. Тутъ Юліанъ понялъ, что ему приходится умирать, и съ улыбкой высказалъ это врачу.

— Не плачь, не завидуй мнѣ, что я переселяюсь въ лучшій міръ, въ царство свѣта, гдѣ мнѣ предстоитъ соединиться съ Еленой, съ Максимомъ, съ Эвзебіей, съ примиренными матерью и сестрою, потому что на той планетѣ нѣтъ мѣста ни гнѣву, ни упрекамъ. Такъ какъ теперь уже нельзя сомнѣваться, что я умираю, то прошу тебя прежде всего: позаботиться объ осиротѣвшемъ государствѣ! Въ лицѣ моемъ угасаетъ родъ Констанціевъ, сильный своимъ оружіемъ и нѣкогда богатый мужами. Государство.... и войско на опасномъ обратномъ пути домой нуждаются въ храбромъ воителѣ, въ полководцѣ и, — какъ я вижу теперь,—въ галилеянинѣ!

— Ты видишь это?—спросилъ удивленный, даже сбитый съ толку Орибазій. Ученикъ Филиппа, онъ не долюбливалъ церковь.

— Да, мой вѣрный другъ. Не то, чтобы я сознавалъ — въ самомъ дѣлѣ я не признаю этого!—что галилеянинъ правъ: его ученіе, напротивъ, сильно повредило римскому государству... оно противно человѣческой природѣ и ненормально. За нимъ не правда, а побѣда. Это я давно уже понялъ или, по крайней мѣрѣ, почувствовалъ, прежде чѣмъ высказалъ вслухъ, падая съ лошади подъ смертельнымъ ударомъ. Мать, сестру, друга, народъ — все отнялъ у меня галилеянинъ. Мой наставникъ, исповѣдывавшій древнихъ боговъ, оказался обманщикомъ, игравшимъ комедію. *Мое* ученіе, *мои* боги... никто не принялъ ихъ искренно, потому что негодяи, лицемѣрившіе въ угоду мнѣ—какъ лицемѣрили другіе въ угоду Констанцію,— не идутъ въ счетъ.

— Но все же нашлась одна!...

— Елена! Да, Серапіонъ правъ: народъ не можетъ жить одной философіей, между прочимъ, и моею, и моими идейными

Digitized by Google

богами: онъ требуетъ хлѣба и вина вѣры, — и церковь дѣйствительно даетъ ему и хлѣбъ, и вино, и вѣру! Такимъ образомъ, я стоялъ совершенно особнякомъ: противъ меня два міра: старые боги и новый Богъ. Завоевать міръ возможно, а убѣдить—нѣтъ. Я понялъ это съ Цирцезіума... съ Ктезифона. И потому я захотѣлъ сойти съ арены борьбы, — на которой галилеянинъ одержалъ такую несомнѣнную побѣду, — еще задолго до того, какъ остріе прилетѣвшаго копья вонзилось мнѣ въ грудь.

— О, государь! Ты самъ искалъ смерти. Это нехорошо. «Не надо искушать Бога», — сказалъ монахъ Іоаннъ, увидавъ, что ты выступаешь на битву безъ оборонительнаго вооруженія. Я долженъ былъ добыть ему лошадь. Онъ—крошечный человѣкъ—хотѣлъ тебя защитить. И онъ исполнилъ свое намѣреніе, какъ мнѣ разсказывали. Іоаннъ отдалъ жизнь, спасая императора!

— О, Іоаннъ! Неужели и *этотъ* галилеянинъ побѣдилъ меня?

— Ты самъ искалъ смерти,—съ упрекомъ повторилъ врачъ.

— Несовсѣмъ! Я желалъ только убѣдиться, захотятъ ли боги защитить меня. И вотъ они достаточно ясно показали,— тутъ Юліанъ, вздрагивая отъ боли, схватился за свою рану,— что не хотѣли этого. Конечно, я не долженъ жаловаться! Они возвѣстили мнѣ это заранѣе.

— Какъ! Чѣмъ?

— Опять посредствомъ вѣщаго сна (послѣдняго!) посланнаго ими. Не съ обѣщаніемъ счастья и побѣды,—какъ въ блаженныя времена въ Миланѣ и Страсбургѣ,—нѣтъ! печальнымъ и возвѣщавшимъ смерть предсталъ передо мною въ ту ночь геній Рима — въ послѣдній разъ. Сѣровато-черный траурный флёръ закутывалъ его голову, золотой рогъ изобилія былъ перевязанъ чернымъ платкомъ; сдѣлавъ троекратный жестъ рукой въ знакъ прощанья, сталъ онъ удаляться отъ меня все дальше, дальше, отступая назадъ спиною, и наконецъ пропалъ у меня изъ глазъ. И опять звуки военной трубы пробудили меня отъ сна, въ послѣдній разъ! Тутъ я понялъ, что покинутъ богами, что они предали меня и государство въ жертву галилеянину. И потому... моимъ преемникомъ долженъ быть галилеянинъ, но человѣкъ съ чувствомъ мѣры, который не станетъ преслѣдовать эллинистовъ, снова перешедшихъ, подъ моею охра-

Digitized by Google

ной, къ старинной вѣрѣ. И въ этомъ отношеніи также не сыщемъ никого лучше Іовіана. Я не считаю себя вправѣ насильно навязывать ему императорскій вѣнецъ, назначивъ его своимъ преемникомъ въ моемъ духовномъ завѣщаніи, что вдобавокъ повредило бы Іовіану въ глазахъ галилеянъ. Но я желаю искренно, чтобы вышло такъ; я совѣтую избрать его. Вотъ возьми мой перстень съ печатью для передачи ему, на случай, если я болѣе не увижу друга. Вмѣстѣ съ нимъ — по моему желанію—я передаю Іовіану государство.

Тутъ Юліанъ потребовалъ своего секретаря и продиктовалъ ему завѣщаніе, въ которомъ распорядился своимъ частнымъ имуществомъ.—Настоящій римскій гражданинъ,—съ улыбкой замѣтилъ онъ,—никогда не умираетъ безъ духовной, если, милостью боговъ, у него остается для этого время. По римскимъ законамъ, воинъ въ походѣ можетъ обойтись въ данномъ случаѣ безъ всякихъ формальностей, а вѣдь я былъ воинъ хоть куда, не такъ ли, Орибазій? Да еще, вдобавокъ, мы сейчасъ съ битвы!

Тѣмъ временемъ явились, возвратившись съ погони, глубоко потрясенные горестной вѣстью, Іовіанъ, Северъ, Невитта, Даголайфъ и прочіе предводители: въ нѣмой печали подошли они къ ложу изъ тростника, прикрытому окровавленной львиной шкурой. Съ улыбкой протянулъ имъ умирающій обѣ руки.

— Побѣда! Я уже слышалъ о томъ. Побѣда еще разъ! Конечно, уже въ послѣдній... Не правда ли, Іовіанъ, вѣдь мы одержали великую побѣду?

— Еще болѣе славную, чѣмъ подъ Страсбургомъ!

— Величайшую, какую только одерживало римское оружіе надъ персами и парѳянами! — подтвердилъ старый Северъ.— Многія тысячи непріятельскихъ труповъ покрываютъ залитую кровью почву въ томъ лѣсу и обширныя поля, простирающіяся къ сѣверу и къ югу: въ числѣ павшихъ находится также и Ногордатъ.

— Знаю!—воскликнулъ Юліанъ съ сіяющимъ взоромъ.

— И его братъ, настигнутый въ бѣгствѣ Невиттою и Даголайфомъ, и оба царевича: Варанъ и Вараганъ, а съ ними сорокъ шесть сатраповъ и знатныхъ персовъ.

— Ахъ, какъ отрадно умирать увѣнчаннымъ побѣдой! Давно желалъ я для себя такой смерти. Гдѣ же Серапіонъ? Недостаетъ только его!

Digitized by Google

— Онъ лежитъ раненый у себя въ шатрѣ, — доложилъ Іовіанъ. — Королевичъ отразилъ своимъ щитомъ три копья, брошенныхъ въ тебя; одно изъ нихъ, пробивъ щитъ, вонзилось ему въ плечо. Врачъ запретилъ... да вотъ онъ и самъ, не смотря на запрещеніе!

Страшно блѣдный, закусивъ губы отъ боли, которая обнаруживалась по временамъ содроганьемъ во всемъ тѣлѣ, германецъ медленно вошелъ въ палатку императора.

— Юліанъ,—вымолвилъ онъ,—горячо любимый другъ!

— Храбрый франкъ, теперь мы поквитались за Страсбургъ. Впрочемъ, нѣтъ,—ты сдѣлалъ для меня гораздо больше, чѣмъ я для тебя: ты пролилъ за друга свою кровь.

— Я отдалъ бы всю кровь своего сердца для твоего спасенія.

— Скажи, пожалуйста, какъ заговорилъ ты сегодня! Никогда прежде этого не бывало! Вѣрно, сперва надо умереть, чтобы вызвать скрытое чувство у этихъ твердыхъ, какъ скала, германцевъ. А гдѣ.... гдѣ «неразлучные?» Мнѣ помнится, будто я видѣлъ ихъ какъ разъ возлѣ себя — у той одинокой пальмы... за лѣсомъ. Куда же они дѣвались?

Наступило минутное молчаніе; наконецъ Серапіонъ прервалъ его:—Тамъ!... Тамъ остались они... у пальмы, — всѣ четверо. Всѣ. Даже смерть не могла разлучить закадычныхъ друзей. Они прикрывали тебя своимъ тѣломъ, пока не увезли тебя назадъ на другой лошади. При этомъ всѣ они были убиты.

— Вѣрны до гроба!—вымолвилъ Юліанъ, удерживая слезы.

— И храбрѣйшій изъ «философовъ» также лежитъ тамъ,— Сигибрандъ. Онъ допустилъ совсѣмъ изрубить себя персидскими мечами, чтобы не дать захватить тебя въ плѣнъ. Изъ шестисотъ твоихъ германцевъ, уцѣлѣвшихъ во время похода, тутъ полегло пятьсотъ пятьдесятъ. Видишь, Юліанъ, — вѣдь однажды ты допытывался о томъ, — вотъ тебѣ «германская вѣрность».

Императоръ не могъ удержать слезъ. Онъ протянулъ Серапіону руку.—Прости! Я часто былъ неправъ передъ вами... не умѣлъ цѣнить васъ хорошенько. Вы — вы наши *лучшіе враги*! Недурно сказано, не такъ ли?—спросилъ онъ, улыбнувшись страдальческой улыбкой.—Ахъ, жаль, что не могу я больше припереть къ стѣнкѣ Приска.... Но гдѣ же Прискъ, мой лагерный философъ?

Digitized by Google

— Здѣсь, государь,— отозвался, прерываемый слезами, голосъ.

— О чемъ ты горюешь и сокрушаешься, другъ? Какъ будто моя жизнь проведена такъ дурно, что мнѣ предстоитъ кара въ преисподней! Полагаю, что своими страданіями и дѣлами я заслужилъ право воспарить къ болѣе прекрасной, болѣе близкой къ богамъ звѣздѣ и къ блаженному просвѣтленію.

— Онъ утѣшаетъ насъ,—замѣтилъ Прискъ.—Клянусь, этотъ шатеръ напоминаетъ темницу Сократа, а эта предсмертная бесѣда—послѣднія рѣчи мудреца.

— Къ сожалѣнію, я уже не въ силахъ опровергнуть тебя. Твое толкованіе того мѣста въ сочиненіяхъ Максима (книга вторая, глава пятая!) о безсмертіи — невѣрно. Не по всѣмъ планетамъ размѣщаются души умершихъ: такъ напримѣръ, не одни только воины попадаютъ на Марсъ; супруги же, до смерти соблюдавшіе взаимную вѣрность, поселяются вмѣстѣ на планетѣ Геры. Вскорѣ для меня подтвердится несомнѣнно (жаль, нельзя будетъ написать тебѣ о томъ и послать вѣсточку съ Геры на землю!) что я былъ правъ, а ты — нѣтъ. Это горько. Вотъ также и мой обширный трудъ—объ ученіи галилеянина—останется недоконченнымъ, прерванный въ самой срединѣ, не удавшійся, какъ и вся моя дѣятельная борьба противъ него! Нынѣ выдался прекрасный, счастливый день, самый радостный въ моей жизни. Я желалъ бы умереть сегодня же, въ день побѣды—раньше полуночи. И, видите, даже это послѣднее изъ моихъ желаній исполняется богами: вонъ тѣмъ песочнымъ часамъ еще долго течь до полуночи, а между тѣмъ я чувствую, что... наступаетъ мой конецъ. Прощайте, друзья! Прости, государство римлянъ! Для тебя я боролся, заблуждался и жилъ... За тебя же теперь и умираю. Примите мою душу, великіе боги! О, Елена, скоро!... Геліосъ, вѣдь только я побѣжденъ, а не ты: ты призываешь меня и я готовъ... Радостно спѣшитъ къ тебѣ твой жрецъ.

Юліанъ еще разъ глубоко вздохнулъ и умеръ съ улыбкой на губахъ. Лицо его, не искаженное агоніей, стало прекраснѣе, чѣмъ при жизни, когда оно рѣдко оставалось спокойнымъ отъ безпрестанной смѣны волненій. Страданія не оставили на немъ никакого слѣда; въ его чертахъ отражалась одна безмятежность

Digitized by Google

души, покинувшей все земное, примиренной и съ самимъ собою, и съ цѣлымъ свѣтомъ.

Глубоко потрясенные, обступили друзья и соратники тѣло почившаго, по многимъ бородатымъ лицамъ катились слезы. Іовіанъ взялъ руку мертвеца:—Прощай, Юліанъ! Ты боролся съ церковью, но спасъ отечество. Миръ тебѣ!

— Высокій умъ и благородная душа! — заключилъ Серапіонъ, беря другую руку покойника: — хотя и подверженный отчасти сумасбродствамъ, ты все же увлекался однимъ прекраснымъ и возвышеннымъ. Ничто пошлое не было тебѣ свойственно. Ты былъ однимъ изъ самыхъ нравственныхъ мужей, когда либо жившихъ на землѣ! Непримиримый врагъ и дражайшій другъ—Юліанъ, прощай!

Согласно послѣдней волѣ дорогаго усопшаго, Іовіанъ былъ единодушно провозглашенъ императоромъ въ цѣломъ войскѣ. Тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ, Серапіонъ, въ полномъ вооруженіи и совершенно готовый въ путь, вошелъ въ палатку подъ пурпурнымъ вымпеломъ.

— Что я вижу?—въ изумленіи воскликнулъ Іовіанъ. — А твоя рана?...

— Заживетъ дорогой.

— Какъ? развѣ ты...

— Пришелъ съ тобою проститься. Я отправляюсь.

— Куда же?

— На родину.

— Понимаю! Императору нашего государства не слѣдовало бы отпускать тебя—опаснѣйшаго изъ противниковъ.

— Теперешній императоръ Рима—тотъ самый Іовіанъ, который поручился за ненарушимость договора, обезпечивающаго за мною право вернуться къ себѣ. Принятыя обязательства и условія я выполнилъ. Благородный Юліанъ лежитъ мертвымъ.

— Довольно. Я держу его слово и свое. Но почему ты такъ торопишься? Мы торжественно и не спѣша проводимъ дорогой прахъ въ отечество. Неужели ты не хочешь воздать вмѣстѣ съ нами послѣднихъ почестей усопшему?

— Прежде слѣдуетъ позаботиться о живыхъ. Меня настоятельно призываетъ мой народъ, мой престарѣлый отецъ. Время не терпитъ.

— Ну, тогда ступай. Протяни еще разъ мнѣ дружескую

Digitized by Google

руку, потому что скоро—вѣдь я знаю тебя и твои планы! — придется намъ скрестить оружіе въ далекой странѣ.

— Правда! Итакъ, дружественный непріятель, до свиданья... на Рейнѣ. Я проведу свой народъ за эту великую рѣку въ сердце Галліи или паду съ мечемъ въ рукѣ.

— А я стану защищать ее отъ тебя или паду съ мечемъ въ рукѣ. Прощай, другъ Серапіонъ.

— Только Меровехомъ зовусь я отнынѣ. Прощай, другъ-императоръ. До свиданья на ратномъ полѣ.

Однако, этимъ двумъ людямъ не пришлось встрѣтиться.

Іовіанъ повелъ войско обратно, похоронилъ своего знаменитаго друга въ величавой гробницѣ въ Тарсѣ и вскорѣ послѣ того неожиданно скончался самъ, не успѣвъ достигнуть Европы, въ Дадастанѣ, въ Виѳиніи. Смерть постигла его внезапно ночью, въ походной палаткѣ, послѣ кратковременной болѣзни.

Меровехъ же, въ качествѣ короля батавовъ и сугамбровъ, повелъ свой народъ за Рейнъ. Онъ былъ первымъ королемъ изъ племени салійцевъ въ этой прекрасной странѣ, которая давно уже зовется не по имени галловъ, а по имени храбрыхъ франковъ.

Въ Дюисборнѣ—между Лёвеномъ и Брюсселемъ—основалъ онъ королевскую резиденцію четырехъ своихъ областей; оттуда сыновья Меровеха и златокудрой Ригуитисъ постепенно завоевали всю страну до Пиренеевъ. Долѣе, чѣмъ въ продолженіе двухъ столѣтій, его родъ господствовалъ во Франціи.

Конецъ

Digitized by Google

Силуэтъ.

Онъ умиралъ и мрачный взглядъ
Бросалъ на міръ... Онъ не былъ радъ
Тому, что жизнь въ немъ скороталъ:
Ее онъ съ радостью бъ отдалъ
За смерть той раннею порой,
Когда—дитятей—онъ не зналъ
Ни мукъ, ни горечи земной;
Когда невидимой толпой
Къ нему, младенцу, каждый мигъ
Видѣнья чудныя неслись...
Онъ все бъ отдалъ, чтобъ унестись
Отъ этой жизни (онъ постигъ
Ея обманы!)... къ той порѣ,
Когда младенческой зарѣ
Навстрѣчу свѣтлый день бѣжалъ...
И юный умъ не сознавалъ,
Что̀ жизнь сулить ему могла;
Когда смѣющагося зла
Онъ отъ добра не отличалъ
И вѣрилъ, вѣрилъ!.. И порой
Своею чистою душой
Благословлялъ онъ міръ земной...

В. Булгаковъ.

Digitized by Google

Теорія Броунъ-Секара и ея примѣненіе.

«Если идеалъ гигіены заключается въ томъ, чтобы люди умирали только отъ старости, то нельзя ли, въ подражаніе тому, видѣть идеалъ медицины вообще въ томъ, чтобы люди вовсе не умирали? Мы вѣруемъ во всемогущество естествознанія и медицины, въ неустанное движеніе человѣчества вплоть до прекращенія его существованія по космическимъ причинамъ. Никто нынѣ не удивляется, если гигіена, въ борьбѣ съ внѣшними врагами, разумнымъ питаніемъ удлиняетъ человѣческую жизнь. Почему бы не допустить возможности достиженія того же самаго путемъ непосредственнаго химическаго обновленія или освѣженія тканей человѣческаго тѣла? Идеалы—нѣчто недосягаемое; въ этомъ ихъ суть. Фактическое достиженіе ихъ во многихъ случаяхъ, какъ и въ данномъ, было бы даже не желательно; но это не исключаетъ стремленія по, быть можетъ, безконечному пути къ ихъ осуществленію».

Проф. А. Ѳ. Брандтъ.

«Въ нашемъ организмѣ имѣются своего рода домашнія лабораторіи, доставляющія организму средства для самоисцѣленія».

Проф. А. В. Пель.

I.

Мысли нашего заслуженнаго натуралиста, проф. А. Ѳ. Брандта, предпосылаемыя настоящей статьѣ, навѣяны частицей громаднаго научнаго наслѣдства, оставленнаго знаменитымъ французскимъ физіологомъ, Броунъ-Секаромъ. Частица эта — открытіе возможности пользоваться веществами, вырабатываемыми различными тканями тѣла, какъ врачебными средствами. Охарактеризовать значеніе указываемаго открытія Броунъ-Секара, подвести нѣкоторые итоги вызванному имъ движенію научной мысли — какъ разъ своевременно теперь, когда самъ виновникъ этого движенія смежилъ уже свои очи, оплаканный не только на родинѣ, но и въ другихъ странахъ. Изслѣдователямъ болѣе юнымъ, чѣмъ покойный 76-лѣтній профессоръ, предстоитъ теперь работать по выдвинутому его трудами крупному вопросу уже совершенно самостоятельно, не надѣясь на его указанія и разъясненія. То, что будетъ сдѣлано впредь, явится уже увеличеніемъ оставленнаго наслѣдства.

Digitized by Google

На русской почвѣ первая вѣсть о броунъ-секаровскихъ впрыскиваніяхъ тестикулярной жидкости и производимыхъ ими эффектахъ была встрѣчена съ тѣмъ же живѣйшимъ вниманіемъ, произвела ту же сенсацію, что̀ и въ другихъ европейскихъ странахъ. Какъ извѣстно, на первыхъ порахъ, повсюду дѣло не обошлось безъ увлеченій. Легкомысленно остановившись лишь на одной сторонѣ явленій, поспѣшили формулировать смыслъ новаго научнаго завоеванія заманчивыми словами: «нѣтъ болѣе старости!» Эти слова въ свою очередь вызвали рѣзкія замѣчанія скептиковъ, старавшихся шутками охладить пылъ тѣхъ, кто не въ мѣру обрадовался отысканію способа помолодѣть. «Опыты Броунъ-Секара доказываютъ, что профессорамъ, достигшимъ извѣстнаго возраста, нужно оставлять каѳедру»—вотъ образецъ того, что̀ говорилось суровыми критиками маститаго физіолога. Но рядомъ съ этимъ немедленно же началась и провѣрка указаній Броунъ-Секара. Русскіе медики нисколько не отстали въ данномъ случаѣ. 1-го іюня 1889 года происходило первое сообщеніе Броунъ-Секара въ парижскомъ біологическомъ обществѣ, а уже въ началѣ августа того же года русскій (московскій) докторъ П. П. Викторовъ, обратившись письменно къ Броунъ-Секару за указаніями и получивъ ихъ, началъ производство опытовъ съ броунъ-секаровскою жидкостью. Съ тѣхъ поръ число такихъ опытовъ разрослось до громадной степени. Къ д-ру Викторову присоединился цѣлый рядъ другихъ изслѣдователей-медиковъ, и одна только русская литература о броунъ-секаровскихъ впрыскиваніяхъ достигла теперь уже весьма почтенныхъ размѣровъ. Въ то же время, особенно французскіе, англійскіе и американскіе врачи еще болѣе увеличивали число фактовъ благодѣтельнаго вліянія броунъ-секаровской жидкости. Провѣрка производилась даже въ Австраліи, не говоря объ европейскихъ странахъ, изъ которыхъ лишь Германія хранила почти полное молчаніе объ открытіи знаменитаго ученаго сосѣдней страны. Въ результатѣ весь фактическій матеріалъ для выводовъ теперь уже представляется болѣе чѣмъ обильнымъ. Достаточно сказать, что въ своемъ прошлогоднемъ докладѣ французской академіи наукъ Броунъ-Секаръ могъ уже сослаться на практику болѣе чѣмъ 1,200 врачей разныхъ странъ. Для того, кто желалъ бы свести болѣе близкое знакомство съ имѣющимся матеріаломъ на русскомъ языкѣ, можно рекомендовать прежде всего обстоятельную, написанную изящнымъ языкомъ, книгу д-ра П. П. Викторова: «Броунъ-секаровскій способъ подкожныхъ впрыскиваній и его значеніе въ лѣченіи нервныхъ болѣзней, старческаго ослабленія и чахотки (бугорчатки легкихъ)», а затѣмъ книгу другаго яркаго приверженца броунъ-секаровскихъ впрыскиваній (петербургскаго) д-ра Д. М. Успенскаго: «Цѣлебныя свойства органовъ животныхъ». (Объ этой книгѣ была помѣщена рецензія въ майской книгѣ «Наблюдателя»). Къ двумъ только что названнымъ трудамъ можно еще присоединить книжку д-ра Панченко: «Современное положеніе ученія о сперминѣ» и рядъ тѣхъ работъ, которыя будутъ упомянуты въ нижеслѣдующихъ строкахъ, имѣющихъ цѣлью передать въ краткихъ чертахъ сущность открытія Броунъ-Секара, а также указать вызванные этимъ открытіемъ вопросы и главнѣйшія изъ произведенныхъ подъ его вліяніемъ работъ.

Digitized by Google

II.

Еслибы мы захотѣли искать въ прошломъ и настоящемъ чего нибудь напоминающаго броунъ - секаровское открытіе, то намъ пришлось бы, пожалуй, начинать со средневѣковыхъ легендъ о философскомъ камнѣ, обладавшемъ якобы способностью возвращать молодость и грацію старухамъ. Впрочемъ, стремленіе къ «омолаживанію» — такое естественное стремленіе, что слѣды его можно, по всей вѣроятности, найти и во всѣ времена. Разница была бы несомнѣнно лишь въ формѣ, въ которую облекалось это стремленіе. Но и самая мысль о пользованіи—для укрѣпленія организма и возвращенія старикамъ силъ зрѣлаго возраста—органами животныхъ, какъ и все на свѣтѣ, не нова. Еще въ XVII вѣкѣ давались совѣты употреблять въ извѣстныхъ случаяхъ тестикулы кабана, бобра, собаки, оленя и проч. Современная медицина сохранила отъ древнихъ временъ, въ числѣ своихъ средствъ, бобровую струю и мускусъ, — эти замѣчательные, по своему бодрящему воздѣйствію, продукты животнаго происхожденія. Современные индусы употребляютъ, для возстановленія упавшихъ силъ организма, отваръ тестикулъ козла или барана въ молокѣ. Въ Китаѣ признаётся особенная цѣлебная сила за содержимымъ роговъ горныхъ оленей—мораловъ. Существуетъ даже обычай, при выдачѣ дочери замужъ, давать ей въ приданое пару моральихъ роговъ. Благодаря этому, наши бійскіе купцы организовали цѣлую торговлю моральими рогами, сбывая ихъ по 25 — 30 р. за фунтъ, а въ предѣлахъ Алтайскихъ горъ мараловодство приняло значительные размѣры и мараловоды сами начинаютъ употреблять морали рога, какъ лѣкарство [1]). Всѣ эти отрывочные факты, наряду съ массою другихъ, доказываютъ только лишній разъ справедливость словъ: «ничто не ново подъ луной», но не отнимаютъ и не ослабляютъ значенія у открытія Броунъ-Секара, столь блистательно доказавшаго возможность лѣчить болѣзни продуктами, вырабатываемыми организмомъ животнаго.

Было бы большой ошибкой предполагать, что самъ Броунъ-Секаръ лишь въ послѣдніе годы пришелъ къ мыслямъ о новомъ способѣ лѣченія. Еще четверть вѣка тому назадъ, въ 1869 году, появились его первыя указанія, что всѣ железы нашего тѣла доставляютъ крови полезныя и даже необходимыя для него вещества, и что удаленіе или прекращеніе дѣятельности железъ должно отражаться на организмѣ извѣстными разстройствами или болѣзненными явленіями. Въ объясненіе этого, Броунъ-Секаръ говорилъ, что продукты дѣятельности железъ оказываютъ химическое вліяніе на кровь,

---

[1]) Сообщаю объ этомъ на основаніи сохранившейся у меня статьи «Сибирскаго Вѣстника» за прошлый годъ, подъ заглавіемъ: «Прототипъ терапевтическаго метода Броунъ-Секара». Статья эта, подробно трактующая о мараловодствѣ на Алтаѣ, оканчивается слѣдующими словами, касающимися гг. медиковъ: «Алтайскіе мараловоды отъ души желаютъ, чтобы русская экспериментальная медицина не оставила безъ вниманія и моральихъ роговъ, приносящихъ имъ столь значительный доходъ».

Digitized by Google

а черезъ нее и на центральную нервную систему; далѣе же указывалъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда такого вліянія железъ нѣтъ, его можно достигать искусственнымъ путемъ, вводя въ кровь продукты недостающихъ или не работающихъ железъ. Въ высшей степени любопытны опыты надъ животными, которыхъ лишали разныхъ железъ, а затѣмъ подвергали впрыскиваніямъ вытяжекъ изъ соотвѣтствующихъ железъ: они подтвердили правильность соображеній Броунъ-Секара. Тогда же было произнесено Броунъ-Секаромъ и то магическое слово—rajeunissement (*помолодѣніе* или *омолаживаніе*), которое, будучи повторено въ 1889 году, создало такую шумную популярность открытію престарѣлаго ученаго и такія рѣзкія нападки на него. Вспоминая прошлое, Броунъ-Секаръ говорилъ пять лѣтъ тому назадъ: «Я тогда уже думалъ, что слабость у стариковъ зависитъ не только отъ старческаго состоянія органовъ, но и отъ того, что половыя железы перестали поставлять крови продукты, придающіе организму въ зрѣломъ возрастѣ всю его силу и мощь. Отсюда естественно должна была возникнуть мысль о томъ: нельзя ли найти средство вводить въ ослабленный организмъ тѣ вещества, которыя не доставляются ему болѣе половыми железами? Такимъ-то образомъ я и пришелъ къ мысли о подкожныхъ впрыскиваніяхъ вытяжки изъ этихъ железъ». Осуществляя эту мысль послѣ двадцатилѣтней разработки ея, Броунъ-Секаръ бралъ сѣмянныя железы отъ морской свинки или собаки, растиралъ ихъ, смѣшивалъ съ дистиллированной водой и получавшуюся такимъ образомъ жидкость вводилъ въ кровь посредствомъ подкожнаго впрыскиванія. Первые опыты такого впрыскиванія,—убѣдившись въ ихъ безвредности на собакахъ, — Броунъ-Секаръ произвелъ на себѣ въ теченіе мая 1889 года, а 1-го іюня, какъ уже сказано выше, сдѣлалъ докладъ парижскому «біологическому обществу» объ удивительныхъ результатахъ произведеннаго впрыскиванія, вызвавшихъ изумленіе ближайшихъ сотрудниковъ знаменитаго ученаго. 72-лѣтній старецъ, утратившій способность работать стоя и быстро утомлявшійся отъ самыхъ легкихъ занятій, вернулъ себѣ прежнія силы. Почти бѣгомъ онъ началъ подниматься по лѣстницамъ, по нѣсколько часовъ сряду простаивалъ въ лабораторіи, а послѣ того еще нѣсколько часовъ посвящалъ редактированію своихъ мемуаровъ дома; крѣпкій сонъ, смѣнившій безсонницу, хорошій апетитъ, правильная работа органовъ пищеваренія и проч. и, обнаруженное динамометромъ, увеличеніе силы на 6—7 килограммовъ довершали симптомы внезапнаго подъема силъ ученаго старца.

Вслѣдъ за опытами Броунъ-Секара надъ самимъ собой, д-ръ Варіо произвелъ такіе же опыты надъ хроническими больными въ госпиталѣ, разслабленными стариками, и также былъ свидѣтелемъ укрѣпляющаго и возстановляющаго дѣйствія тестикулярной жидкости. Эти первые опыты и послужили причиною оживленныхъ разговоровъ объ отысканіи средства дѣлать стариковъ—молодыми. Впрочемъ, и помимо опытовъ, самыми коментаріями своими, Броунъ-Секаръ давалъ нѣкоторый поводъ для такихъ разговоровъ. «Я всегда думалъ и теперь еще думаю, — заявлялъ онъ, — что, подобно тому, какъ мышцы, претерпѣвая значительныя органическія измѣненія вслѣд-

Digitized by Google

ствіе болѣзней, иногда снова возвращаются къ своему нормальному состоянію, такъ точно и болѣе глубокія органическія измѣненія, зависящія отъ старости, могутъ исчезнуть, позволяя, такимъ образомъ, тканямъ возвратиться къ прежнему состоянію возмужалаго возраста... Позволительно надѣяться, что впрыскиваніе жидкости, приготовленной изъ сѣмянныхъ железъ, въ состояніи задерживать или уменьшать скорость превращенія тканей, связаннаго съ прогрессомъ возраста».

Не смотря на первые опыты и на послѣдовавшія вскорѣ многочисленныя провѣрки ихъ, скептики продолжали отрицать благодѣтельное дѣйствіе броунъ-секаровскихъ впрыскиваній. Въ числѣ этихъ скептиковъ находился, между прочимъ, знаменитый натуралистъ, 80-лѣтній старецъ Карлъ Фогтъ; но ему пришлось излѣчиться отъ своего скептицизма и на собственномъ примѣрѣ доказать, что броунъ-секаровская жидкость можетъ поддерживать силы старѣющаго организма и даже какъ бы дѣйствительно молодить его. Знаменитый женевскій профессоръ начиналъ уже видимо дряхлѣть; занятія въ лабораторіи стали для него почти невозможными; не говоря о лекціяхъ, даже простое чтеніе утомляло его до крайней степени, и всѣ средства, къ которымъ онъ прибѣгалъ, оказались безсильными измѣнить его состояніе. Наконецъ, по настоянію своего сына-врача, Карлъ Фогтъ согласился подвергнуться броунъ-секаровскимъ впрыскиваніямъ. Первыя впрыскиванія поддерживали его упорный скептицизмъ, но послѣ седьмаго раза окружавшіе Фогта и онъ самъ замѣтили отрадную метаморфозу. Дряхлый старикъ сдѣлался бодрымъ; затѣмъ онъ съ юношескою энергіею принялся за свои работы, лекціи его сдѣлались ясными и т. д. «*Перемѣна эта*,—повѣствовалъ самъ Фогтъ во «Frankfurter Zeitung»,—*была до того внезапна, до того била въ глаза, до того поражала всѣхъ моихъ друзей и знакомыхъ, что мой сынъ Вильямъ немедленно рѣшилъ отправиться въ Парижъ*, чтобы основательно изучить способъ приготовленія жидкости и открыть въ Женевѣ лабораторію для ея приготовленія и примѣненія».

Тѣ 1,200 врачей, о которыхъ упомянуто выше, собрали не одинъ десятокъ тысячъ фактовъ благодѣтельнаго дѣйствія броунъ-секаровской жидкости при самыхъ разнообразныхъ болѣзняхъ. Намъ нѣтъ надобности приводить много примѣровъ. Иллюстрируемъ положеніе дѣла немногими данными и остановимся лишь на нѣсколькихъ наиболѣе характерныхъ случаяхъ, указанныхъ главнымъ образомъ русскими авторами, начиная съ д-ра Викторова, прежде другихъ занявшагося впрыскиваніями броунъ-секаровской жидкости своимъ паціентамъ. Впрочемъ, у д-ра Викторова оспариваетъ пальму первенства, въ данномъ случаѣ, д-ръ Успенскій. Но для дѣла не важно, кто первый началъ подражать, а важно лишь, что эти подражанія привели каждаго изслѣдователя къ одинаково благопріятнымъ заключеніямъ. Затѣмъ вѣсти о примѣненіи броунъ-секаровскаго открытія получались со всей Россіи, отъ Архангельска до Одессы. Наиболѣе типичные случаи были въ практикѣ харьковскаго профессора С. Д. Костюрина, а д-ра Гаузнеръ и Тиктинъ довели свое подражаніе славному французскому учителю до того, что, подобно ему, произвели испытанія на самихъ себѣ. Между прочимъ, броунъ-секаров-

Digitized by Google

ская жидкость примѣнялась при чахоткѣ. Медики русскіе, которымъ принадлежитъ честь первыхъ опытовъ въ данномъ случаѣ, и медики иностранные пришли къ одинаковому заключенію, что броунъ-секаровскою жидкостью можно вылѣчивать, по крайней мѣрѣ, первыя и вторыя стадіи чахотки. Подъ вліяніемъ этой жидкости, почти немедленно прекращались ночной потъ, столь истощающій чахоточныхъ, лихорадка, кашель; появлялся апетитъ, замѣчался общій подъемъ силъ.

Минуя указанія на болѣе или менѣе благопріятные результаты лѣченія броунъ-секаровскими впрыскиваніями проказы, рака, азіатской холеры, цынги, переходимъ къ нервнымъ болѣзнямъ. Первое мѣсто занимаютъ, по размѣрамъ вызваннаго ими удивленія, случаи излѣченія спинно - мозговой сухотки. Убѣжденіе въ неизлѣчимости этой болѣзни было таково, что когда д-ръ Depoux представилъ вылѣченнаго впрыскиваніями паціента біологическому обществу, товарищи его выразили сомнѣніе, дѣйствительно ли у этого больнаго была спинно-мозговая сухотка, и только справки въ больницѣ, гдѣ долго пользовали паціента Depoux, наведенныя проф. Laveran'омъ, убѣдили, что налицо былъ случай излѣченія табетика. Изъ русскихъ врачей наиболѣе характерные примѣры излѣченія табетиковъ были у названнаго выше проф. Костюрина. Одинъ изъ его паціентовъ, болѣвшій 20 лѣтъ, съ большимъ трудомъ ходившій, потерявшій способность писать, благодаря сильному дрожанію рукъ, не имѣвшій апетита, лишившійся сна, послѣ первыхъ же двухъ впрыскиваній, совсѣмъ измѣнился. Походка его стала увѣренной, твердой; онъ началъ довольно хорошо писать. Общее его состояніе настолько улучшилось, что, по его собственному заявленію, онъ началъ чувствовать себя, какъ въ раю. Весьма интересные примѣры сообщаетъ и д-ръ Викторовъ. Общее число случаевъ лѣченія спинно-мозговой сухотки весьма велико: уже въ прошломъ году Броунъ-Секаръ докладывалъ французской академіи наукъ о 342 обстоятельно описанныхъ случаяхъ, изъ коихъ въ 314-ти получилось значительное улучшеніе или полное выздоровленіе.

Вслѣдъ за удивительными примѣрами излѣченія спинно-мозговой сухотки, можно упомянуть о случаяхъ излѣченія гемиплегіи (односторонняго паралича), причемъ, какъ напр., въ случаѣ д-ра Успенскаго, возстановлялась функція парализованной руки, исчезало разстройство рѣчи, и больной, который до того не могъ ходить, вновь возвратился къ своимъ обычнымъ занятіямъ (мастера на заводѣ). Особенно обильно число случаевъ излѣченія неврастеніи,— болѣзни, столь часто встрѣчающейся въ наше время всякихъ переутомленій и проявляющейся въ столь разнообразныхъ симптомахъ. Свою долю благодѣтельнаго вліянія броунъ-секаровская жидкость оказала и при душевныхъ болѣзняхъ. Русскому врачу Багрову удалось, напр., при помощи этой жидкости добиться исчезновенія у одного паціента всѣхъ слѣдовъ психоза. Если мы укажемъ еще на благотворное вліяніе броунъ-секаровской жидкости при морфинизмѣ и запоѣ, замѣченное д-ромъ Викторовымъ и др., то можемъ и закончить нашъ бѣглый обзоръ фактовъ, доказывающихъ благодѣтельное значеніе броунъ-секаровскихъ впрыскиваній [1]).

[1]) Для записи этихъ фактовъ и вообще для того, чтобы слѣдить за успѣ-

Digitized by Google

III.

Послѣ того какъ цѣлебное дѣйствіе броунъ-секаровской жидкости было удостовѣрено массою наблюдателей-медиковъ, среди которыхъ находилось нѣсколько выдающихся профессоровъ, предстояло дать точный отвѣтъ на вопросъ: чѣмъ объясняется это цѣлебное дѣйствіе? Самъ Броунъ-Секаръ не далъ исчерпывающихъ объясненій въ данномъ случаѣ. То, что онъ говорилъ и что отчасти уже приведено выше, служитъ отвѣтомъ на вопросъ: «что происходитъ», а не «какъ происходитъ»? Послѣ упоминаній о химическомъ вліяніи жидкости на кровь, благодаря которому поддерживается достаточное возбужденіе центральной нервной системы, въ толкованіяхъ Броунъ-Секара и его правовѣрныхъ послѣдователей господствуетъ мысль, что сѣмянная жидкость имѣетъ вліяніе динамогенное,—т. е. порождающее силу нервную и физическую,—но указаній на механизмъ этого вліянія мы не встрѣчаемъ. Объясненіе же Броунъ-Секара, по которому его жидкость, вводя въ кровь новые матеріалы, содѣйствуетъ образованію новыхъ клѣтокъ, не можетъ быть принято за полнымъ отсутствіемъ доказательныхъ фактовъ. Гораздо болѣе понятное и болѣе прочно обоснованное толкованіе даютъ изслѣдователи, которые не остались вполнѣ вѣрными Броунъ-Секару, но работы которыхъ явились прямымъ послѣдствіемъ его открытія.

Внушительные результаты впрыскиванія броунъ-секаровской жидкости, весьма естественно, должны были вызвать желаніе узнать ея составъ. На сцену должны были явиться на помощь медикамъ другіе натуралисты — химики. Во главѣ ихъ сталъ проф. А. В. Пель, благодаря работамъ котораго выдвинулся затѣмъ вопросъ о сперминѣ, сдѣлавшемся скоро послѣ этого соперникомъ броунъ-секаровской жидкости. Изслѣдуя эту послѣднюю, проф. Пель нашелъ, что она содержитъ, кромѣ бѣлковыхъ веществъ, нуклеина и лецитина, жировъ и пр., еще гипоксантинъ, гуанинъ, аденинъ, креатинъ, креатининъ и сперминъ. Какъ извѣстно, надъ составомъ животнаго сѣмени работали уже давно, а въ болѣе позднее время, именно въ 1878 г., былъ открытъ Schreiner'омъ сперминъ, но лишь съ 1890 года, благодаря только что упомянутымъ трудамъ проф. А. В. Пеля, наука обогатилась точными свѣдѣніями о химическихъ свойствахъ этого вещества. Надъ уясненіемъ физіологическихъ свойствъ спермина очень много потрудился, кромѣ того, извѣстный физіологъ профессоръ князь Тарханъ-Моуравовъ, произведшій рядъ въ высшей степени любопытныхъ, остроумно задуманныхъ и оригинально поставленныхъ, опытовъ надъ животными. Проф. А. В. Пель прежде всего сдѣлалъ усовершенствованіе въ самомъ способѣ добыванія спермина и болѣе точно опредѣлилъ его химическую формулу, оказавшуюся болѣе сложною, чѣмъ та, которую приводилъ Schreiner. Въ этой стадіи работъ проф. Пеля произошелъ ин-

---

ками броунъ-секаровскаго метода, въ Парижѣ съ прошлаго года созданъ особый ежегодникъ, подъ названіемъ: «Méthode Brown-Séquard vu la médecine par les extraits d'organismes vivants», изд. д-ръ Lajartre.

Digitized by Google

цидентъ, который съ одной стороны содѣйствовалъ еще болѣе уясненію истины о сперминѣ. За границей появились препараты, выдававшіеся за сперминъ, а на самомъ дѣлѣ, какъ оказалось, ничего общаго съ нимъ не имѣвшіе. Въ разрѣшеніи вопроса о настоящемъ сперминѣ принялъ участіе и нашъ знаменитый химикъ, проф. Д. И. Менделѣевъ. Въ письмахъ своихъ на имя проф. Пеля, онъ указывалъ, что препаратъ, добытый имъ, дѣйствительно сперминъ, а препараты, предлагавшіеся изъ-за границы, неправильно называются сперминомъ. Во второмъ письмѣ Д. И. Менделѣевъ сообщилъ, что и сама берлинская фирма отказалась отъ своего якобы спермина, приготовлявшагося синтетически и оказавшагося давно извѣстнымъ діэтилендіаминомъ. Самый «сперминный вопросъ» знаменитый химикъ называлъ однимъ изъ многихъ вопросовъ, «долженствующихъ значительно расширить область современныхъ свѣдѣній о таинствахъ органическаго міра».

Работы проф. Пеля установили, что сперминъ находится не въ однѣхъ только железахъ мужскаго половаго апарата. Оказалось, что онъ содержится въ большомъ количествѣ, кромѣ тестикулъ, въ поджелудочной железѣ, селезенкѣ, щитовидной железѣ, яичникахъ и пр., а также является нормальною составною частью крови какъ мужскаго, такъ и женскаго организма. Это, такъ сказать, вездѣсущіе спермина само собой подкупало въ пользу мысли, что сперминъ именно и является главною, даже единственною дѣйствующею частью броунъ-секаровской жидкости. Мало по малу создалось соперничество между жидкостью, приготовляемою по рецепту Броунъ-Секара, и сперминомъ. Врачи раздѣлились на двѣ партіи: одни пользовались услугами тестикулярной жидкости, другіе впрыскивали лишь сперминъ. Разработка вопроса о сперминѣ и его дѣйствіи сама по себѣ представляетъ въ высшей степени любопытную главу изъ лѣтописи современныхъ знаній,—главу, появленію которой мы обязаны, по существу дѣла, знаменитому французскому физіологу. Для интересующихся этою главою, мы рекомендуемъ, между прочимъ, «Журналъ медицинской химіи и фармаціи», выпустившій пока лишь пять книжекъ и основанный проф. Пелемъ съ особаго одобренія его знаменитаго собрата, возвысившаго, какъ упомянуто выше, свой авторитетный голосъ въ пользу пелевскаго спермина. Въ этомъ журналѣ (іюль, 1893 года) помѣщена первоначально и та работа д-ра Панченко, которая названа выше въ качествѣ отдѣльной книжки, а, кромѣ того, цѣлый рядъ статей самого г. Пеля и другихъ авторовъ, работавшихъ со сперминомъ и отдававшихъ ему предпочтеніе передъ броунъ-секаровской жидкостью. Каковы же ихъ взгляды на факты цѣлебнаго дѣйствія тестикулярной жидкости, примѣры которыхъ приведены выше?

По толкованію проф. Пеля, изложенному, между прочимъ, въ статьѣ его: «О лейкомаинахъ и автоинтоксикаціи», терапевтическіе результаты, получаемые отъ подкожныхъ впрыскиваній броунъ-секаровской жидкости, сводятся къ повышенію процессовъ внутриорганныхъ окисленій. Динамогенные (порождающіе силу) эффекты, полученные Броунъ-Секаромъ и адептами его ученія, основаны на томъ, что введеніемъ спермина въ организмъ повышается его спо-

Digitized by Google

собность бороться съ явленіями автоинтоксикаціи (самоотравленія). Въ виду того, что составъ броунъ-секаровской жидкости находится въ зависимости отъ породы, возраста, здоровья животнаго и пр., проф. Пель признаётъ методъ лѣченія этою жидкостью «не отвѣчающимъ вполнѣ современнымъ требованіямъ науки». Рекомендуя же замѣну тестикулярной жидкости сперминомъ, проф. Пель указываетъ, что это вещество—настоящее физіологическое tonicum, т. е. средство, устраняющее тѣ условія, которыя нарушаютъ нормальную жизнедѣятельность мышечной и нервной тканей.

Приведенное толкованіе будетъ несовсѣмъ ясно, если мы не укажемъ, что̀ разумѣется подъ явленіями автоинтоксикаціи и подъ внутриорганнымъ окисленіемъ. Жизнедѣятельность животной клѣтки сопровождается образованіемъ продуктовъ распада бѣлковыхъ веществъ, представляющихъ одну изъ главнѣйшихъ составныхъ частей клѣтки. Среди этихъ продуктовъ играютъ громадную роль такъ называемые лейкомаины, ученіе о которыхъ въ блестящей формѣ разработалъ французскій ученый Armand Gautier. Накопленіе лейкомаиновъ обусловливаетъ различнаго рода заболѣванія или иначе самоотравленіе (автоинтоксикацію) организма. Armand Gautier именно накопленіемъ лейкомаиновъ объясняетъ различныя нервныя болѣзни, всѣ формы переутомленія, ревматизмъ, бо́льшую часть инфекціонныхъ болѣзней и пр. И такое объясненіе покоится на фактахъ. Добытые изъ организма лейкомаины, дѣйствительно, являются при повѣрочныхъ опытахъ способными воспроизводить разнаго рода болѣзненные симптомы, появленіе которыхъ ставятъ имъ въ вину. Такъ напр., въ продуктахъ выдѣленія почекъ у больныхъ падучей—найденъ лейкомаинъ, вызывающій у животныхъ дрожаніе, судороги, рвоту, расширеніе зрачка и пр. Изъ сказаннаго ясно, что организму для сохраненія своего здоровья необходимо освобождаться отъ лейкомаиновъ. Такому освобожденію помогаетъ дѣятельность почекъ и потовыхъ железъ. Но этой помощи недостаточно, такъ какъ, благодаря ей, выводятся далеко не всѣ лейкомаины, а лишь наиболѣе, такъ сказать, подвижные изъ нихъ. Отъ остальныхъ организмъ можетъ избавиться или путемъ окисленія,—причемъ лейкомаины подвергаютоя полному сгоранію или превращаются въ форму болѣе удобную для выдѣленія изъ организма,—или путемъ болѣе сложнаго химическаго же процесса. Окисленіе происходитъ на счетъ свободнаго кислорода вдыхаемаго воздуха, а также на счетъ кислорода, связаннаго, отщепляемаго для этого отъ тканей. Послѣдняго рода окисленіе и называется внутриорганнымъ, иначе физіологическимъ; ему-то и придаютъ иногда терминъ «тка̀невое дыханіе». Чѣмъ обусловливается внутриорганное окисленіе, до послѣдняго времени не было сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія. Профессорамъ А. В. Пелю и князю Тарханъ-Моуравову принадлежитъ заслуга отысканія цѣлаго ряда убѣдительныхъ доказательствъ, что внутриорганное окисленіе вызывается особымъ ферментомъ и что ферментъ этотъ—сперминъ, какъ указано выше, имѣющій столь широкое распространеніе въ организмѣ. Намъ нѣтъ надобности останавливаться подробно на доводахъ гг. Пеля и кн. Тарханъ-Моуравова. Приведемъ лишь слѣдующее немаловажное указаніе пер-

Digitized by Google

ваго изъ нихъ: сперминъ, повидимому, самъ не принимаетъ, такъ сказать, матеріальнаго участія въ реакціи окисленія и дѣйствуетъ, подобно нѣкоторымъ другимъ веществамъ, лишь своимъ присутствіемъ, является, по научной терминологіи, лишь каталитическимъ агентомъ.

Но сперминъ самъ принадлежитъ къ лейкомаинамъ. На его примѣрѣ мы убѣждаемся поэтому, что не всѣ лейкомаины относятся къ разряду вредныхъ, что могутъ быть между ними и вещества, полезныя для организма. Послѣднее соображеніе даетъ поводъ надѣяться, что вслѣдъ за изученіемъ спермина будутъ выдѣлены и изучены и другіе лейкомаины, химическія и физіологическія свойства которыхъ окажутся весьма цѣнными для организма. «Я убѣжденъ,—говоритъ проф. Пель,—что между ними (лейкомаинами) мы найдемъ болѣе цѣлесообразныя врачебныя средства, чѣмъ среди синтетическихъ продуктовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ лейкомаиновъ навѣрное представляютъ вещества, служащія организму самозащитой противъ автоинтоксикаціи». Прибавимъ, что въ концѣ прошлаго года проф. А. В. Пелю удалось приготовить препаратъ, который содержитъ въ себѣ весь комплектъ наличныхъ лейкомаиновъ, находящихся въ воспроизводительныхъ железахъ. Препаратъ этотъ онъ назвалъ *орхидиномъ* и безвредность его испыталъ,—какъ прежде безвредность спермина,—на себѣ самомъ. Присутствіе другихъ лейкомаиновъ въ этомъ новомъ препаратѣ не парализовало, какъ оказалось, дѣйствія спермина. Попытка приготовить «орхидинъ», конечно, можетъ быть истолкована и въ смыслѣ нѣкотораго примиренія двухъ соперниковъ — броунъ-секаровской эмульсіи и спермина.

IV.

Отдѣльнымъ вопросомъ, выдвинутымъ д-ромъ Викторовымъ, является вопросъ о самостоятельномъ цѣлебномъ дѣйствіи той лихорадки, которая вызывается впрыскиваніями жидкости, получаемой изъ кроличьихъ тестикулъ. Временная реакція повышенной температуры есть особенный физіологическій поводъ къ усиленному обмѣну веществъ и къ усиленному же питанію организма. Въ случаяхъ съ инфекціонными, микробными заболѣваніями цѣлебное значеніе лихорадки почти несомнѣнно. Въ опытахъ П. А. Вальтера животныя, подвергшіяся искусственному согрѣванію, дольше выживали при зараженіяхъ, чѣмъ остававшіяся въ нормальныхъ условіяхъ температуры. Въ опытахъ К. Э. Вагнера куры, невосприимчивыя къ сибирской язвѣ, подвергались зараженію при дѣйствіи искусственнаго охлажденія. Съ другой стороны, работа д-ра Maurel'я, старавшагося выяснить предѣльныя температуры, переносимыя лейкоцитами (бѣлыми шариками) крови, указала, что maximum ихъ дѣятельности обнаруживается при 39—43°. Напомнимъ, что лейкоциты,—по теоріи проф. Мечникова,—обладаютъ способностью захватывать и переваривать микробовъ на подобіе пищи, и что такимъ образомъ мѣста образованія и скопленія лейкоцитовъ (селезенка, лимфатическія железы, костный мозгъ) представляютъ изъ

Digitized by Google

себя своего рода систему органовъ «цѣлебнаго пищеваренія». По Викторову, броунъ-секаровская жидкость, приготовленная изъ кроличьихъ тестикулъ, какъ разъ удовлетворяетъ условіямъ, необходимымъ для усиленной дѣятельности противомикробныхъ элементовъ, фагоцитовъ: помимо повышенія температуры, она можетъ содѣйствовать и непосредственному питанію лейкоцитовъ.

Отъ этихъ соображеній д-ръ Викторовъ переходитъ къ мысли о примѣненіи броунъ-секаровской эмульсіи въ нѣкоторыхъ острыхъ инфекціонныхъ формахъ. Мысль эта отчасти и осуществлена на практикѣ. Д-ръ Успенскій произвелъ рядъ любопытныхъ опытовъ, которые уяснили прежде всего, что тестикулярная жидкость, даже при обыкновенной комнатной температурѣ, дѣйствуетъ на различныхъ микробовъ вредоноснымъ образомъ или, по крайней мѣрѣ, представляетъ среду, весьма неблагопріятную для ихъ развитія. Такъ напр., наиболѣе стойкія сибирско-язвенныя палочки растутъ въ тестикулярной жидкости весьма медленно и вмѣстѣ съ тѣмъ утрачиваютъ свои болѣзнетворныя свойства. Сапная палочка (болѣзни: сапа) относится еще чувствительнѣе къ вліянію тестикулярной жидкости: она вовсе не растетъ въ этой жидкости, если не разбавлять ее питательнымъ бульономъ. Къ такимъ же выводамъ пришелъ другой русскій изслѣдователь, г. Захаровъ. На антисептическія же свойства жидкости Броунъ-Секара указывали въ своемъ докладѣ французскому біологическому обществу д-ра Sabrazés и Rivière. Антисептическія свойства тестикулярной жидкости, на которыя ссылались ея защитники, опровергая мысль о возможности вводить въ организмъ заразу, въ связи съ укрѣпляющимъ дѣйствіемъ на организмъ, привели затѣмъ къ опытамъ, цѣлью которыхъ было выяснить, нельзя ли при помощи этой жидкости достигнуть если не полной невоспріимчивости, то, по крайней мѣрѣ, возможности дольше бороться съ заразными болѣзнями. Опыты эти производились на животныхъ д-ромъ Успенскимъ, совмѣстно съ магистромъ ветерин. наукъ Вознесенскимъ, и касались сибирской язвы и сапа. Благопріятные результаты, получившіеся въ данномъ случаѣ, явились настоящимъ сюрпризомъ для Броунъ-Секара, какъ выразился онъ самъ. Опыты были повторены д-рами Nourry и Michel'емъ, добивавшимися невоспріимчивости къ бугорчаткѣ, и г. Захаровымъ, заражавшимъ животныхъ сапомъ и сибирской язвой. Послѣдній изслѣдователь бралъ животныхъ наиболѣе воспріимчивыхъ: овецъ—для опытовъ съ сибирской язвой и кошекъ—для опытовъ съ сапомъ. Выводъ получался у всѣхъ изслѣдователей одинъ и тотъ же: предварительнымъ введеніемъ броунъ-секаровской жидкости животнымъ, воспріимчивымъ къ данной инфекціонной болѣзни, можно сдѣлать ихъ организмъ невоспріимчивымъ къ этой болѣзни. Въ теченіе же самаго болѣзненнаго процесса, введеніе жидкости даетъ организму способность успѣшно бороться съ развившейся и укрѣпившейся въ немъ заразой.

V.

Вслѣдъ за примѣненіемъ тестикулярной жидкости, самъ собою возникъ вопросъ и о примѣненіи продуктовъ другихъ железъ. Во-

Digitized by Google

просъ этотъ, какъ мы уже видѣли, собственно говоря, поставленъ самимъ Броунъ-Секаромъ еще въ 1869 году. Вскорѣ же послѣ опытовъ 1889 года, онъ еще разъ подтвердилъ свою мысль, что «всѣ ткани, какъ железистыя, такъ и не железистыя, сообщаютъ крови нѣчто спеціальное и что поэтому всѣ ткани могутъ, и со временемъ будутъ, употребляться въ соотвѣтственныхъ случаяхъ въ качествѣ цѣлебныхъ средствъ». И дѣйствительно, новый видъ терапіи, средства которой будутъ состоять изъ продуктовъ, вырабатываемыхъ различными тканями, мало по малу создается. Вслѣдъ за тестикулами, обратились къ сѣрому веществу мозга. Два года тому назадъ, д-ръ Paul докладывалъ парижской медицинской академіи, что онъ впрыскивалъ жидкость, приготовленную изъ сѣраго вещества бараньяго мозга, подъ кожу разнымъ нервнымъ больнымъ и пришелъ къ заключенію, что, напр., неврастенію эта жидкость излѣчиваетъ быстрѣе, чѣмъ всякія другія средства. Уступала лѣченію этой жидкостью спинно-мозговая сухотка. Въ общемъ, вытяжку изъ сѣраго вещества мозга можно признать настоящимъ тоническимъ средствомъ для нервной системы. Проф. Raьés, повторившій опыты д-ра Paul'я, а равно и другіе медики также сообщили рядъ случаевъ примѣненія вытяжки мозговаго вещества при неврастеніи, падучей болѣзни и пр. съ благопріятнымъ исходомъ.

Затѣмъ начали примѣнять вытяжку щитовидной железы для лѣченія той обезображивающей человѣка болѣзни, которая извѣстна подъ именемъ микседемы, или слизистаго отека. Первый опытъ въ этомъ случаѣ произведенъ итальянскимъ врачемъ Vassale, а за нимъ уже послѣдовали англійскіе и французскіе врачи. Микседема относится къ числу болѣзней, длящихся цѣлые годы, и до послѣдняго времени считалась неизлѣчимою. Теперь же въ медицинскую литературу занесено уже болѣе чѣмъ 40 авторами нѣсколько случаевъ удачнаго излѣченія микседемы впрыскиваніями вытяжки щитовидной железы. На послѣднемъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ, вопросъ о лѣченіи вообще по броунъ-секаровскому методу вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, благодаря интересному докладу д-ра Викторова и участію въ преніяхъ проф. Пеля; въ частности—о лѣченіи микседемы вытяжкой щитоводной железы докладывалъ кіевскій проф. В. В. Чирковъ. Болѣзненныя явленія—опухоли на лбу, щекахъ, носѣ, губахъ, увеличенное выдѣленіе слезъ и слюны и т. д.—при этомъ лѣченіи проходили совершенно, и такимъ образомъ являлась возможность признать новое лѣченіе специфическимъ для данной ужасной болѣзни.

Есть надежда распространить броунъ-секаровскій методъ лѣченія и на такъ называемую аддисонову, или бронзовую болѣзнь, называемую такъ потому, что при ней, наряду съ другими симптомами, кожа больныхъ темнѣетъ и принимаетъ видъ бронзы. Еще въ 1856 году, черезъ годъ послѣ того, какъ бронзовая болѣзнь была описана давшимъ ей свое имя Addison'омъ и поставлена въ связь съ заболѣваніемъ надпочечныхъ железъ, Броунъ-Секаръ многочисленными опытами на кроликахъ и морскихъ свинкахъ доказалъ важное значеніе надпочечныхъ железъ, считавшихся до тѣхъ поръ чуть ли не лишними придатками. Тогда же было получено,—и также путемъ опыта,—

Digitized by Google

убѣжденіе, что у животныхъ, умирающихъ послѣ удаленія надпочечныхъ железъ, можно достигнуть почти полнаго возвращенія къ нормальной жизни, впрыскивая имъ подъ кожу вытяжку изъ такихъ же органовъ другаго животнаго. Остается примѣнить эти опытныя данныя у постели больнаго. Первыя попытки въ этомъ направленіи, при которыхъ приходилось имѣть дѣло съ больными, уже близкими къ смерти, не дали права на какое либо опредѣленное заключеніе.

Намѣчено далѣе примѣненіе вытяжки изъ почекъ для лѣченія поджелудочной железы, селезенки, костнаго мозга и пр. Есть и нѣсколько соотвѣтствующихъ наблюденій у постели больныхъ, но окончательные выводы—еще дѣло будущаго. Закончить рѣчь о расширеніи броунъ-секаровскаго метода мы можемъ упоминаніемъ о крови или, вѣрнѣе, о кровяной сывороткѣ. За послѣднее время, нѣсколько изслѣдователей въ одинъ голосъ указывали, что кровяная сыворотка способна убивать микробовъ, и лѣченіе кровью—гематотерапія, или серотерапія—старается пріобрѣсти себѣ права гражданства. Выдающіеся французскіе медики занялись прежде всего гематотерапіей бугорчатки; затѣмъ лѣченіе кровяной сывороткой примѣнялось и къ другимъ болѣзнямъ, до холеры включительно. Останавливаться подробно на гематотерапіи въ нашемъ краткомъ очеркѣ не мѣсто. Вопросъ объ этомъ способѣ лѣченія примыкаетъ не только къ идеямъ покойнаго французскаго физіолога, но и къ другому, крупному вопросу: о невосприимчивости къ заразнымъ болѣзнямъ, и только въ связи съ этимъ послѣднимъ вопросомъ было бы возможно говорить подробно о гематотерапіи.

Поддержаніемъ старческихъ силъ и лѣченіемъ самыхъ разнообразныхъ страданій человѣка, а также примѣненіемъ къ борьбѣ съ заразными болѣзнями различныхъ органовъ животныхъ, едва ли исчерпывается значеніе того, что должно носить названіе броунъ-секаровскаго метода, или «броунъ-секаризма». Основываясь на всемъ извѣстномъ до сихъ поръ, едва ли можно не обращать никакого вниманія хотя бы на ту перспективу, которая открывается пытливому уму въ слѣдующихъ словахъ д-ра П. П. Викторова, столь много работавшаго и мыслившаго надъ открытіемъ Броунъ-Секара: «Можетъ быть, въ способѣ, не въ точно такомъ же именно, а въ подобномъ броунъ-секаровскому, мы найдемъ со временемъ средство не только укрѣплять хилыхъ отъ рожденія особей, но и физически видоизмѣнять самую индивидуальность на подобіе тѣхъ облагораживающихъ прививокъ, которыя практикуются у растеній. Я разумѣю, конечно, опыты на животныхъ, и въ этомъ отношеніи положительно слѣдовало бы испытать подкожныя впрыскиванія тестикулярной жидкости одного вида, одной породы животныхъ—беременнымъ самкамъ другаго вида, другой породы». Такимъ образомъ, броунъ-секаровскому методу можетъ предстоять важная роль и въ дѣлѣ усовершенствованія породъ животныхъ, которое составляетъ предметъ заботливости сельскихъ хозяевъ.

Помимо всѣхъ этихъ примѣненій, имѣющихъ окраску практической пользы, броунъ-секаровская теорія даетъ толчокъ къ разрѣшенію общихъ біологическихъ вопросовъ. Если, при болѣзненномъ

Digitized by Google

состояніи организма, впрыскиванія тестикулярной жидкости производятъ зачастую столь благопріятное вліяніе, то не слѣдуетъ ли на половой актъ вообще смотрѣть, какъ на своего рода питаніе, представляющее взаимную реальную пользу для каждаго организма, а не простое служеніе цѣлямъ рода? Изъ исторіи развитія нѣкоторыхъ представителей животнаго царства мы знаемъ, что оплодотвореніе не есть необходимое условіе размноженія. При партеногенезисѣ, или такъ называемомъ дѣвственномъ зарожденіи, новое недѣлимое развивается изъ неоплодотвореннаго яйца. А съ другой стороны факты позволяютъ предполагать, что актъ оплодотворенія имѣетъ возбуждающее, укрѣпляющее физіолого-химическое значеніе для организмовъ, участвующихъ въ этомъ актѣ. Опыты, которые могли бы въ данномъ случаѣ дать цѣнный матеріалъ для біолога, не могутъ составлять содержанія нашего очерка. Въ спеціальной печати на этотъ счетъ имѣются цѣнныя «Біологическія соображенія» проф. А. Ѳ. Брандта (№№ 35 и 38 «Врача» за 1893 годъ).

Все указанное нами,—достигнутое уже или только еще намѣченное для достиженія,—находится въ непосредственной связи съ броунъ-секаровскимъ открытіемъ. Каковы бы ни были дальнѣйшія поправки къ теоріи Броунъ-Секара, какъ бы ни рѣшился указанный выше споръ между броунъ-секаровскою жидкостью и сперминомъ, заслуга Броунъ-Секара, какъ виновника научнаго движенія, создавшаго новую эру, вызвавшаго плодотворную работу многочисленныхъ адептовъ науки,—молодыхъ и старыхъ, заслуженныхъ и еще только ожидающихъ признанія ихъ заслугъ,—остается незабвенной. Ко всему богатому научному наслѣдству, заключающемуся въ болѣе чѣмъ 400 работахъ Броунъ-Секара, его послѣднее открытіе является прекраснымъ дополненіемъ, вѣнчающимъ его неутомимыя изслѣдованія, имѣющія столь близкое, столь непосредственное отношеніе къ интересамъ страждущаго человѣчества. Новая терапія, созданная Броунъ-Секаромъ,—обращеніе къ веществамъ животнаго происхожденія вмѣсто веществъ растительнаго и минеральнаго царствъ,—является, въ свою очередь, одною изъ замѣчательнѣйшихъ составныхъ частей того богатаго научнаго наслѣдства, которое передастъ доживаемый нами вѣкъ своему преемнику—XX-му столѣтію.

В. Швецовъ.

Digitized by Google

ЖЕЛѢЗОМЪ И КРОВЬЮ.

(Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа при Ермоловѣ).

XXXVII.

Счастье—не надолго.

Свадьба Грибоѣдова отпразднована была 22-го августа. Торжественное вѣнчаніе совершено въ Сіонскомъ соборѣ. Въ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ, съ длинною прозрачною фатою, съ живыми цвѣтами fleurs d'orange, невѣста была необыкновенно хороша; но дѣтское личико ея казалось задумчивымъ и печальнымъ.

— Что съ тобой, Нинушка?—шепнула ей Прасковья Николаевна.

— Я вспомнила, мама, о бѣдной Магуль,—отвѣтила Нина:—она не дожила до моего счастья.

Выдя изъ собора, она глянула на волнистую цѣпь горъ, заслонявшую отъ нея сѣверъ—родину ея Александра:—она уже ревновала его къ этому сѣверу, къ прошлому ея избранника... Онъ уже жилъ, думалъ, мечталъ, можетъ быть, даже любилъ, когда ея еще не было на свѣтѣ... Но теперь онъ все забудетъ—забудетъ этотъ сѣверъ:—ея боги будутъ его богами...

И у Грибоѣдова было смутно на душѣ.

«Еслибъ я былъ грекомъ или римляниномъ, я бы боялся, что боги позавидуютъ моему счастію»,—думалъ онъ, глядя на чудную головку Нины: — «не въ мѣру наградило меня это счастье—даже страшно дѣлается». Почему-то припомнился ему весенній вечеръ въ Петербургѣ на елагинской Стрѣлкѣ, вмѣстѣ съ Плетневымъ, Пушкинымъ и Гоголемъ... Палевая ночь—и этотъ Ростомъ-бекъ... Вотъ и онъ вмѣстѣ съ другими вышелъ изъ собора, сверкая на солнцѣ серебромъ своего грузинскаго вооруженія. Съ нимъ и пріятель его, Дадашъ-бекъ.

Digitized by Google

«Бѣдный Ермоловъ! одинъ онъ всѣми покинутъ... Напишу ему изъ Тегерана».

Торжественный выѣздъ въ Тегеранъ назначенъ былъ на 9-ое сентября. Весь Тифлисъ высыпалъ на проводы молодаго посла съ юной посланницей, почти ребенкомъ. Да и было на что посмотрѣть. Это былъ положительно царскій поѣздъ. Болѣе ста лошадей и муловъ было занято подъ походную поклажу:—дорогіе подарки шаху и его приближеннымъ, дорожная палатка для ночлеговъ и роздыховъ въ пути; домашнія вещи, столовая посуда и серебро, кухонныя принадлежности, бурдюки съ винами,—все это размѣщено было то на арбахъ, то на спинахъ вьючныхъ муловъ. Тутъ же слѣдовали посольская свита и почетный конвой. Въ свитѣ находились: первый секретарь посольства—молодой Мальцевъ, второй секретарь—Аделунгъ, драгоманъ—князь Соломонъ Меликовъ, докторъ Мальмбергъ, штабсъ-капитанъ Шахъ-Назаровъ, канцелярист князь Кобуловъ, грузинскіе князья—Ростомъ-бекъ и его пріятель Дадашъ-бекъ, камердинеръ Грибоѣдова, Александръ Дмитріевъ, поваръ Яковъ Захаровъ, лейбъ-конюхъ юной посланницы—Давидъ съ блестящимъ кинжаломъ на самомъ брюхѣ, перетянутомъ блестящимъ же поясомъ съ серебромъ подъ чернью. Онъ не разлучался съ своими лошадьми и думалъ, что весь Тифлисъ только на него да на его коней и смотритъ. Изъ-подъ навѣса одной изъ арбъ выглядывали няня посланницы и двѣ хорошенькія горничныя.

Саломэ Ивановна провожала дочь до Эривани, гдѣ находился ея мужъ—отецъ юной посланницы. «Вторая мама» ея, провожая свою «дѣвочку-сановницу», порядкомъ всплакнула. Сановница тоже усердно сморкалась, какъ простая смертная.

— Хорошій бакшишъ заработаемъ, когда удачно подложимъ хвостъ чертовки на его дорогѣ, — тихо проговорилъ по грузински Ростомъ-бекъ, оглядываясь на исчезавшій вдали Тифлисъ.

— Подведемъ, только бы помогъ твой дядя,—также тихо отвѣчалъ на это Дадашъ-бекъ.

— Дядя-то поможетъ, да и Аллахъ-Яръ-ханъ еще чуетъ оскомину на зубахъ все отъ него же, отъ слѣпаго съ четырьмя глазами. А съ нею какъ?

— О, ею и самъ старый шахъ не побрезгуетъ, хоть у него и нѣтъ уже зубовъ.

Digitized by Google

— Пхе! да она мягкая и сладкая, какъ рахатъ-лукумъ:— ее и безъ зубовъ можно...

— Она, дурочка, сама и подсунула меня ему, и въ Петербургъ меня къ нему посылала съ письмомъ... Я ей тогда наплелъ о чертовкиномъ хвостѣ — она и повѣрила, да сама теперь на этомъ хвосту и спотыкнется.

У юной посланницы глазки давно были сухи, и она, сидя съ матерью въ одномъ экипажѣ, весело болтала, любовалась постоянно открывавшимися новыми дорожными видами и часто подзывала къ себѣ мужа, ѣхавшаго верхомъ, чтобъ сказать ему какой нибудь занимающій ее пустякъ.

— Знаешь, мама, кто больше всѣхъ удивится, что я—посланница?—говорила она, хитро посматривая на мать.

— А кто, моя милая посланница? — улыбалась Саломэ Ивановна.

— Ермоловъ! Алексѣй Петровичъ! Онъ все дразнилъ меня, что я выду замужъ за Бейбулата.

— За какого Бейбулата?

— А за того, котораго поймали подъ Чирахомъ, гдѣ жила прежде бѣдненькая Магуль:—онъ везъ въ Персію локоны жонъ Сурхай-хана и другихъ акушинцевъ, а его и схватили подъ Чирахомъ.

— Помню, помню—это головорѣзъ такой, говорятъ.

— Да, но онъ бѣжалъ, а Ермоловъ и дразнилъ меня имъ.

— А ты, глупенькая, сердилась, какъ и тогда,—за рѣсницы.

— Знаешь, мама,—таинственно проговорила юная посланница,—за что полюбилъ меня Александръ?

— За глупость, вѣрно.

— Ахъ, нѣтъ!—не угадала... За рѣсницы! Онъ самъ мнѣ вчера признался.

— Значитъ, я права:—онъ полюбилъ тебя за глупость.

— Ну, ужь, мама!

— Я шучу:—онъ полюбилъ тебя за твою дѣтскую невинность и чистоту.

— А знаешь, мамочка, кто такая эта Софья Павловна Фамусова въ «Горѣ отъ ума»?

— Не знаю. А кто?

— Это была въ Москвѣ такая барышня, въ которую Александръ былъ прежде влюбленъ. Онъ мнѣ во всемъ признался.

Digitized by Google

Только ее звали не Софьей—онъ перемѣнилъ ея имя нарочно. Такъ вотъ, мамочка, когда Александръ былъ молоденькій, то и полюбилъ эту барышню: ей было четырнадцать или пятнадцать лѣтъ,—и они поклялись быть вѣрными до гроба. Потомъ Александръ долженъ былъ уѣхать куда-то далеко, на войну что ли, на нѣсколько лѣтъ. Онъ вѣдь такой благородный—un héros comme Bayard—онъ остался ей вѣренъ, а она ему измѣнила и полюбила какого-то чиновника,—противнаго Молчалина. Вотъ дура!—промѣнять благороднаго Александра на кого же?—на лакея, на льстеца, который—фуй!—ухаживалъ за горничной!—Александръ, какъ узналъ это, бросилъ все и уѣхалъ на Кавказъ. Онъ самъ мнѣ сказалъ, что онъ—«немножко Чацкій».

— О чемъ это такъ щебечетъ моя птичка?—съ любовью спросилъ Грибоѣдовъ, подъѣзжая къ ихъ экипажу.

— Разные свои секреты повѣряетъ мнѣ,—отвѣчала, смѣясь, Саломэ Ивановна.

— А! секреты отъ мужа!

— Что жь! матери можно довѣрить все, что даже для мужа должно быть неизвѣстно.

— То-то, плутовка?—а мнѣ не все говоритъ,—улыбнулся Грибоѣдовъ.

— Не правда—все, все, все!—запротестовала юная посланница.

Я не стану дальше описывать ихъ путешествіе. Скажу только, что они ѣхали черезъ Коды, Шулаверы и Гергеры. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, по распоряженію Паскевича, ихъ ожидали блестящія встрѣчи. Передъ ними парадировали войска, гремѣла музыка. Особенно торжественно встрѣчали ихъ въ Гергерахъ и въ Эривани.

— О, насъ точно царей встрѣчаютъ! — говорила Нина, когда въ Гергерахъ показался ея отецъ, князь Чавчавадзе, съ почетнымъ отрядомъ, прибывшій въ эту крѣпость для оказанія воинскихъ почестей русскому послу и полномочному министру.

— Склоняю оружіе передъ моей козочкой-посланницей,—сказалъ князь, цѣлуя свою дочку.

— О, папа!—это точно сказка изъ «Тысячи одной ночи»!—восхищалась Нина.—Я никогда не забуду Гергеръ.

Digitized by Google

— Я не заслужилъ такой встрѣчи, — скромно замѣтилъ Грибоѣдовъ.

— Въ вашемъ лицѣ мы привѣтствуемъ посла государя императора,—отвѣчалъ отецъ Нины.

Но самая величественная встрѣча была въ Эчміадзинѣ. Грибоѣдову показалось, что онъ въ Москвѣ, что это не его встрѣчаютъ, а Иверскую съ крестнымъ ходомъ. Навстрѣчу вышелъ весь монастырь. Въ воздухѣ вѣяли хоругви, надъ толпами клира высились кресты, искрились на солнцѣ драгоцѣнныя ризы иконъ, раздавалось пѣніе гимновъ; воздухъ наполнился куреніями кадильницъ.

— Господи! даже страшно становится, мама,—шептала Нина, увидѣвъ все это.

— Молись, моя дорогая,—отвѣчала ей мать.

Въ монастырѣ Грибоѣдову и Нинѣ отвели лучшіе покои. Утомленный всею сутолокою встрѣчъ,—громомъ музыки, пѣніемъ гимновъ, возгласами толпы,—Александръ Сергѣевичъ рано удалился въ отведенные ему покои, чтобъ собраться съ мыслями, отдохнуть и написать нѣкоторыя письма.

Написавъ коротенкое дѣловое письмо Булгарину, своему фактотуму въ Петербургѣ, онъ невольно задумался... Какъ все это не похоже на то, что было еще такъ недавно!—Какъ высоко поднялось его колесо—колесо фортуны!.. А Ермоловъ?—точно его и не было... А что его самого ждетъ впереди?—что ожидаетъ то милое, невинное созданіе, которое связало съ нимъ свою судьбу?..

— Пусть тамъ поболтаетъ на прощанье съ папой и съ мамой, дорогое дитя,—проговорилъ онъ про себя, и принялся за письмо къ одной старой пріятельницѣ.

Въ это время, къ нему влетѣла Нина.

— Вообрази, Александръ, какой гадкій папа,—говорила она, смѣясь,—ты, говоритъ, козочка, поменьше тамъ въ Персіи стрѣляй глазками, а то—говоритъ—тебя у слѣпаго мужа подъ носомъ украдутъ для шахскаго гарема. Каковъ папка! Я ему за это уши надрала. А ты кому пишешь?—спросила она, заглядывая въ глаза мужу.

— Писалъ Булгарину,—отвѣчалъ Александръ Сергѣевичъ,—а теперь хочу писать m-me Миклашевичъ.

Digitized by Google

— Женщинѣ... вотъ ты какой! А кто она? — молоденькая...хорошенькая?—спросила Нина.

— И молоденькая, и хорошенькая.

Нина надула губки.—Не правда—ты дразнишь меня.

— Какъ Ермоловъ?

— Еще хуже.

— Но, надѣюсь, ты теперь не обрѣжешь себѣ рѣсницъ?

— Обрѣжу! Гдѣ ножницы?

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойся, моя крошка: m-me Миклашевичъ—старушка; она пріятельница моей матери.

— Ну, хорошо,—пиши; не буду тебѣ мѣшать. Я читаю «Prairie» Купера.

Нина взяла книгу и усѣлась недалеко отъ мужа. Онъ началъ писать. Нина украдкой поглядывала на него изъ-за книги. Такъ прошло минутъ десять-двадцать. Ей скоро надоѣло чтеніе.

— Скоро кончишь?—спросила она.

— Я только что началъ,—отвѣчалъ Александръ Сергѣевичъ, откладывая перо.

— А ну, что ты пишешь ей,—сказала Нина, наклоняясь надъ письмомъ мужа.—Можно прочесть?

— Можно—секретовъ нѣтъ.

— А!—«Другъ мой Варвара Семеновна!»—Это старушка-то другъ?—Ну, хорошо.—Жена моя (читала Нина) по обыкновенію, смотритъ мнѣ въ глаза (не правда!) мѣшаетъ писать (вотъ ужь не правда!); знаетъ, что пишу къ женщинѣ и ревнуетъ (не правда, не правда, не правда!). Не пеняйте же на долгое мое молчаніе, милый другъ (милый!—ну ужь!): видите ли, въ какую необыкновенную для меня эпоху я его прерываю. Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ,—сто десять лошадей и муловъ,—ночуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній. Нинушка моя не жалуется (еще бы! милый мой!) всѣмъ довольна, игрива, весела; для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется, пылитъ, смѣшивается и поздравляетъ со счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось. Нынче насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ, съ крестами, иконами, хоругвями, пѣніемъ, куреніемъ etc., и здѣсь, подъ сводами этой древней обители, первое помышленіе объ васъ и объ Андреѣ. Помиритесь съ моею лѣнью».

Digitized by Google

Нина бросилась цѣловать мужа.—Все?—кончилъ?

— Нѣтъ еще, мой ангелъ,—отвѣчалъ онъ, гладя ея головку.

Нина усѣлась ему на колѣни и положила голову на его плечо.

— Какъ все это случилось?—тихо, радостно говорила она.—Гдѣ я, что и съ кѣмъ?.. Будемъ вѣкъ жить — не умремъ никогда!

Онъ нѣжно, восторженно прижалъ ее къ себѣ... «О, мое счастье!»—шепталъ онъ. Она освободилась изъ его объятій, порывисто дыша.

— Доканчивай... Я буду читать... а то я съ ума сойду...

Вздохнувъ полной грудью, Александръ Сергѣевичъ снова сталъ писать.

«Какъ все это случилось?—Гдѣ я, что и съ кѣмъ?—Будемъ вѣкъ жить—не умремъ никогда!»

«Слышите? (писалъ онъ).—Это жена мнѣ сейчасъ сказала ни къ чему — доказательство, что ей шестнадцатый годъ. Но мнѣ простительно ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій, вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей, все далѣе отъ успокоенія души и разсудка? А независимость, которой я былъ такой страстный любитель, исчезла, можетъ быть, навсегда, и какъ ни мило, какъ ни утѣшительно дѣлить все съ милымъ, воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди—такъ темно, неопредѣленно! Бросьте вашего Транера и Куперову «Prairie»,—мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо — другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похожденіяхъ не похожъ на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мной сбывается что нибудь, о чемъ не думалъ — не гадалъ»...

Нина, положивъ книгу, снова подошла къ Александру Сергѣевичу.

— О, какое большое посланіе!—сказала она, заглядывая ему черезъ плечо.—А мнѣ никогда не писалъ.

— Не приходилось, мой ангелъ, — отвѣчалъ Александръ Сергѣевичъ.

— Скоро кончишь?

— Скоро, дружочекъ.

Digitized by Google

Нина опустилась на коверъ и положила голову на колѣни мужа.

— Я тебѣ не мѣшаю?—спросила она.

— Нѣтъ, моя крошка:—мнѣ такъ пріятно чувствовать твою головку.—Онъ погладилъ ее.

— Ну, пиши, а я буду мечтать.

Перо опять заходило по бумагѣ. Грибоѣдовъ писалъ: «Вотъ, послѣ тревожнаго дня, удалился теперь въ свой гаремъ:—тутъ у меня и сестра, и жена, и дочь—все въ одномъ миломъ личикѣ. Разсказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ и должна со временемъ страстно полюбить. Вы понимаете, что въ нашихъ разговорахъ имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать?—Въ Malmaison, въ эрмитажѣ, тотчасъ при входѣ направо, есть мадонна въ видѣ пастушки, Murillo—вотъ она»...[1])

Александръ Сергѣевичъ положилъ перо и нагнулся. Нина не шевилилась. Онъ прислушался. Тихое, ровное дыханіе изобличало, что Нина спала. Александръ Сергѣевичъ осторожно приподнялъ ея голову, другою рукой обхватилъ станъ спящей, осторожно приподнялъ съ ковра и, какъ малаго ребенка, тихо понесъ въ сосѣднюю комнату—въ спальню. Нина продолжала спать. И только когда онъ опустилъ ее на подушки, Нина открыла глаза и обхватила его шею руками.

— Ты мой! — прошептала она и притянула его къ себѣ, чтобъ поцѣловать.—Мой?..

— Твой, твой!—тихо прошепталъ онъ, цѣлуя ее.

— Я спать хочу... А ты?

— Я сейчасъ къ тебѣ, мое сокровище.

XXXVIII.

Предательство.

Вотъ уже скоро четыре мѣсяца, какъ Грибоѣдовъ находится въ Тегеранѣ. Посольство его было принято шахомъ необыкновенно любезно и торжественно—гораздо торжественнѣе, чѣмъ когда-то посольство Ермолова.

[1]) Это письмо напечатано въ «Русской Старинѣ», 1883 г., кн. VI, 660—662.

Digitized by Google

— Вы мой эминъ,—сказалъ на аудіенціи Фетхъ-Али-шахъ Александру Сергѣевичу:—вы мой визирь, и всѣ мои визири—ваши слуги.

Грибоѣдову пожалованъ былъ орденъ Льва и Солнца 1-й степени. Александръ Сергѣевичъ мечталъ уже скоро увидѣться съ Ниной, которая оставалась въ Тавризѣ подъ покровительствомъ Амбургера, нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, и очень скучала по мужѣ. Но судьба распорядилась иначе. Дня за два до отъѣзда Грибоѣдова въ Тавризъ, въ концѣ января 1829 года, вечеромъ, въ домъ Манучехръ-хана вошли два персіянина. Манучехръ-ханъ въ молодости былъ взятъ персіянами въ плѣнъ во время ихъ нападенія на Грузію и отведенъ ко двору шаха, какъ хорошенькій мальчикъ. Тамъ его обратили въ мусульманство и молоденькій Арчилъ, — какъ онъ назывался въ Грузіи, — скоро обратилъ на себя вниманіе шаха, который, видя его способности, быстро потащилъ ловкаго Арчила вверхъ по іерархической лѣстницѣ. Въ концѣ концовъ, онъ сдѣлалъ его правителемъ Испагани, и Арчилъ Манучехръ-ханъ сталъ однимъ изъ видныхъ сановниковъ Ирана. Борода его давно была выкрашена въ огненный цвѣтъ, и онъ рѣдко вспоминалъ о Грузіи и Имеретіи. Когда-то его интересовала трагическая судьба послѣдняго царя Имеретіи, Соломона II, «царя безъ царства», какъ его называли, и его красавицы-дочери, царевны Дареджаны, удалившейся въ монастырь и потомъ бѣжавшей въ Турцію съ своимъ родственникомъ, княземъ Абашидзе; но скоро онъ ихъ забылъ. Въ послѣднее время, Россія и Грузія представлялись ему въ образѣ то Ермолова, то Паскевича, а теперь въ образѣ «слѣпаго съ четырьмя глазами», т. е. Грибоѣдова,—и онъ всѣхъ ихъ ненавидѣлъ.

Пришедшіе къ нему вечеромъ два персіянина были введены въ его «эндерунъ» — во внутренніе покои. Онъ видимо ожидалъ ихъ. Это оказались не персіяне, а грузины изъ свиты Грибоѣдова: Ростомъ-бекъ и Дадашъ-бекъ. По знаку Манучехръ-хана, стоявшій у дверей арапченокъ принесъ всѣмъ тремъ по закуренному наргиле и удалился, затворивъ за собою дверь.

— Ну, какъ дѣла, Рустемъ? — спросилъ Манучехръ-ханъ, поглаживая свою крашеную бороду и дымя кальяномъ.

— Дѣла хорошо налажены, дядя — отвѣчалъ Ростомъ-бекъ.

Digitized by Google

— Наладить хорошо, а кончить еще лучше,—проговорилъ хозяинъ.

— И конецъ будетъ хорошій:—чертовка ужь подсунула свой хвостъ,—загадочно сказалъ Ростомъ-бекъ.

— Изъ куста?—улыбнулся Манучехръ-ханъ.

— Изъ самаго эндеруна средоточія вселенной и убѣжища мира,—сказалъ Дадашъ-бекъ.

— О! Аллахъ-керимъ, Аллахъ-акбаръ!—набожно проговорилъ Манучехръ-ханъ.

— Нѣтъ, дядя,—свой хвостъ чертовка протянула изъ самаго Петербурга, съ Елагина острова, чрезъ всю Россію и Грузію, и только кончикъ хвоста спрятала въ эндерунѣ средоточія вселенной,—пояснилъ Ростомъ-бекъ: — я еще въ Петербургѣ помѣшалъ пальцемъ въ головѣ слѣпаго съ четырьмя глазами, а перцу ему на сердце насыпала его теперешняя жена; не помоги она, не былъ бы я здѣсь.

Дадашъ-бекъ былъ не разговорчивъ:—онъ молча улыбался, усиленно затягиваясь кальяномъ, вода въ которомъ булькала, не переставая. Онъ видимо любовался ловкостью своего товарища.

— Ловко, ловко — процѣдилъ сквозь зубы Манучехръ-ханъ.—Ну, какъ же работаетъ чертовкинъ хвостъ?

— А вотъ какъ работаетъ, дядя,—отвѣчалъ Ростомъ-бекъ:—чертовка такъ нащекотала хвостомъ сердце ходжи-Мирзы-Якуба, что онъ завтра же пойдетъ просить слѣпаго съ четырьмя глазами, чтобъ онъ взялъ его въ Эривань.

— Какъ? самъ ходжа-Мирза-Якубъ!—съ изумленіемъ воскликнулъ Манучехръ-ханъ, переставая курить.

— Да, самъ ходжа-Мирза-Якубъ, — хихикнулъ Дадашъ-бекъ.

— Да это все равно, что отнять жену у средоточія вселенной!—говорилъ Манучехръ-ханъ.—Вы шутите?

Онъ видимо не могъ прійти въ себя отъ этого извѣстія.

— А все таки онъ завтра явится къ слѣпому,—спокойно продолжалъ Ростомъ-бекъ.

— Но его величество, средоточіе вселенной и убѣжище мира, не отпуститъ Якуба,—говорилъ Манучехръ-ханъ.—Скорѣе онъ объявитъ войну Россіи.

— Нѣтъ, дядя,—по прежнему спокойно возразилъ Ростомъ-

Digitized by Google

бекъ:—по туркманчайскому трактату, слѣпой имѣетъ право взять съ собою въ Россію Якуба. Помнишь статью трактата о плѣнныхъ?

— Правда, правда,—согласился Манучехръ-ханъ:—да такъ хитро и самъ чортъ не придумалъ бы: только баба на это и способна. А ты, племянничекъ, и бабу-чертовку перехитрилъ.

Дадашъ-бекъ самодовольно улыбнулся:—онъ гордился своимъ другомъ.—«Да, Ростомъ—голова... у—у!»—пробормоталъ онъ.

— Такъ ты, значитъ, на его же трактатѣ его и поймалъ, племянничекъ? Ловко, ловко, — качалъ головой Манучехръ-ханъ.—Въ Туркманчаѣ онъ вырылъ яму для Ирана, а теперь самъ въ нее попадетъ... Ловко, ой какъ ловко!

— Зато ему бѣлый царь далъ хорошій бакшишъ:—и червонцы, и крестъ на шею, и посольство, — замѣтилъ Ростомъ-бекъ.

Дадашъ-бекъ, покуривая наргиле, продолжалъ хитро улыбаться.

— Да это еще не все,—таинственно замѣтилъ онъ.

— А что еще? — спросилъ Манучехръ-ханъ, теребя свою огненную бороду.

— Пусть онъ разскажетъ, — хитро покосился на своего друга Дадашъ-бекъ.

— Вотъ еще что, дядя,—медленно проговорилъ Ростомъ-бекъ: — ты знаешь, когда слѣпой съ четырьмя глазами перехитрилъ Аллахъ-Яръ-хана въ Туркманчаѣ, его высочество шахъ-задэ Аббасъ-Мирза сказалъ: «Аллахъ-Яръ-ханъ уменъ, какъ ворона, а Грибоѣдовъ—какъ лисица». Этого Аллахъ-Яръ-хана не можетъ простить слѣпому. А мы съ Дадашъ-бекомъ вотъ что подстроили: у Дадашъ-бека есть знакомый евнухъ въ гаремѣ Аллахъ-Яръ-хана, и черезъ этого евнуха Дадашъ-бекъ подговорилъ двухъ любовницъ изъ гарема Аллахъ-Яръ-хана тоже уйти, подобно Мирзѣ-Якубу, къ слѣпому, чтобъ онъ и ихъ взялъ съ собою.

— Что вы! что вы? — замахалъ руками Манучехръ-ханъ, переставъ тянуть наргиле. — Да какъ это можно? по какому праву?

— По тому же туркманчайскому трактату,—спокойно отвѣчалъ Ростомъ-бекъ. — Эти жоны Аллахъ-Яръ-хана, и самыя

Digitized by Google

любимыя—тоже изъ плѣнницъ, которыхъ Грибоѣдъ имѣетъ право возвратить въ Россію.

— Ну, и бѣсъ же ты, племянничекъ, вотъ такъ бѣсъ!—Манучехръ-ханъ не находилъ словъ отъ удивленія: — Да за это Аллахъ-Яръ-ханъ живьемъ съѣстъ Грибоѣда, непремѣнно съѣстъ.

— Особенно когда узнаетъ, что одна изъ этихъ его женъ... товѝ,—подхихикнулъ Дадашъ-бекъ.

— Что товѝ?—полюбопытствовалъ Манучехръ-ханъ.

— Брюхата отъ Аллахъ-Яръ-хана,—снова хихикнулъ Дадашъ-бекъ.

Манучехръ-ханъ отъ изумленія не усидѣлъ даже на мѣстѣ. Онъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Какъ же такъ?—заговорилъ онъ.—Если она беременна, то—значитъ—носитъ въ себѣ плодъ Аллахъ-Яръ-хана; а этотъ плодъ—будущій подданный его величества шаха, средоточія вселенной. Какъ же его-то подвести подъ туркманчайскій трактатъ? Вѣдь этотъ плодъ—тоже чтѝ принцъ крови, потому что главная жена у Аллаха-Яръ-хана—дочь самого шаха.

— Это значитъ:—коли яблоня русская, то и яблочко отъ нея—русское,—коварно замѣтилъ Ростомъ-бекъ.—Пока яблочко не упало съ дерева, его и хотятъ увести вмѣстѣ съ яблонькой.

— Ну, этому не бывать!—порѣшилъ Манучехръ-ханъ.

— Знаю,—согласился Ростомъ-бекъ,—но черезъ это слѣпой скорѣе свалится въ яму.

— Вижу, вижу,—качалъ головой Манучехръ-ханъ. — Вы прямо приготовили ему неизбѣжную гибель, неизбѣжную:—съ одной стороны, его величество шахъ ни за милліоны не выпуститъ изъ своего гарема Якуба, евнуха, который огласитъ въ Россіи всѣ тайны сераля. Развѣ же это можно? Якубъ!—да изъ-за него объявятъ войну Россіи—это оскорбленіе всему Ирану... Тайны сераля... ай-ай, какое это великое дѣло!—А съ другой стороны—эта беременная женщина: она носитъ въ себѣ плодъ отъ самого зятя средоточія вселенной... Нѣтъ, нѣтъ!—онъ не только слѣпой, этотъ Грибоѣдъ, но онъ—безумный:—у него Аллахъ не только въ головѣ пальцемъ помѣшалъ, но онъ эту голову отдалъ на съѣденіе псамъ! Ну, племянничекъ, удружилъ ты не только инглизамъ, но и всему Ирану. И какъ ты это надоумилъ его вмѣшаться въ эти страшныя дѣла?

Digitized by Google

— Меня инглизъ вразумилъ,—скромно отвѣчалъ Ростомъ-бекъ:—онъ еще въ Тавризѣ, когда слѣпой былъ въ Петербургѣ, сообщилъ мнѣ этотъ планъ, когда узналъ о назначеніи посломъ слѣпаго.

— Такъ за свою же выдумку тебѣ инглизъ и бакшишъ обѣщалъ!—удивлялся Манучехръ-ханъ.

— Да, безъ меня и Дадашъ-бека самъ инглизъ ничего бы не подѣлалъ.

— И то правда: — да и я безъ васъ не сварилъ бы этой чихиртмы,—согласился Манучехръ-ханъ.

Онъ хлопнулъ въ ладоши. На этотъ призывъ явился прежній арапченокъ, которому Манучехръ-ханъ и приказалъ подать кофе для гостей.

— Меня безпокоитъ одно,—сказалъ онъ послѣ небольшаго молчанья:—о бабахъ говорить нечего, особенно о беременной; ее Аллахъ-Яръ-ханъ не отдастъ слѣпому. Но Якуба, по трактату, даже самъ его величество шахъ не можетъ удержать. Не объявитъ же онъ изъ-за него войны: мы къ ней не готовы,—да и давно ли эти проклятые урусы отняли Карабагъ и Эривань! — А тутъ, пожалуй, изъ-за Якуба они и до Тегерана доберутся. Англичане насъ не спасутъ; они только могутъ дать намъ денегъ на войну, да и то недаромъ. А у насъ войска мало. Я ужь говорилъ объ этомъ и съ его высочествомъ шахъ-задэ, и съ Аллахъ-Яръ-ханомъ: — они также думаютъ. Ба!—ударилъ онъ себя по головѣ:—Аллахъ-керимъ! Онъ хорошую мысль посадилъ мнѣ сейчасъ въ голову.

— Какую, дядя?—полюбопытствовалъ Ростомъ-бекъ.

— Вотъ какую:—Якубъ-Мирза состоитъ казначеемъ въ гаремѣ его величества; черезъ руки Якуба проходятъ большія суммы на надобности сераля. Мы обвинимъ его въ томъ, что онъ обворовалъ казну, и потому хочетъ бѣжать въ Россію.

— Отличная мысль!—обрадовался Ростомъ-бекъ.

— Да, больше чѣмъ отличная, — улыбнулся Манучехръ-ханъ: — вѣдь я же, какъ главный кади Тегерана, и долженъ буду допросить Якуба—произвести слѣдствіе.

Арапченокъ принесъ кофе и поставилъ передъ собесѣдниками.

— Но вотъ что, дядя,—сказалъ Ростомъ-бекъ, соображая что-то:—Якуба обвинятъ въ томъ, что онъ растратилъ деньги

Digitized by Google

его величества шаха. Хорошо. Ну, а если у него на всѣ расходы есть оправдательные документы?

При этихъ словахъ, Дадашъ-бекъ сдѣлалъ испуганно-серьезное лицо, какъ бы говоря:—«вотъ такъ загвоздка»! А Манучехръ-ханъ сердито отодвинулъ отъ себя миньятюрную чашечку съ ароматнымъ кофе.

— Расписки? счеты? — спросилъ онъ, глядя на Ростомъ-бека.

— Да. Онъ, я думаю, человѣкъ акуратный, осторожный,— отвѣчалъ послѣдній.

— Правда, онъ хитеръ и понатерся таки, служа давно въ эндерунѣ его величества, средоточія вселенной. Ну, а если его счеты и всѣ документы разомъ пропадутъ?

— Какъ пропадутъ?—спросилъ было Ростомъ-бекъ.—Да, понимаю,—улыбнулся онъ потомъ:—всѣ ферраши (полицейскіе) Тегерана въ твоемъ вѣдѣніи... Да, возможно, что и пропадутъ.

— Навѣрное пропадутъ,—подтвердилъ Манучехръ-ханъ.

Лицо Дадашъ-бека просіяло. Глаза его, казалось, говорили:—«ну, и ловко же мы придумали».

Скоро Ростомъ-бекъ и Дадашъ-бекъ простились съ Манучехръ-ханомъ. На базарѣ они вошли въ одинъ домъ, гдѣ помѣщалась «кафана» вмѣстѣ съ цырюльней брадобрѣя, а оттуда черезъ нѣсколько минутъ вышли уже въ грузинскомъ костюмѣ. Съ базара они прямо прошли въ домъ русскаго посольства.

XXXIX.

У Манучехръ-хана.

На другой день вечеромъ, когда Грибоѣдовъ занимался въ своемъ кабинетѣ, къ нему вошелъ Ростомъ-бекъ.

— Что скажете, князь? — спросилъ Александръ Сергѣевичъ.

— Васъ желаетъ видѣть главный евнухъ шаха,—отвѣчалъ Ростомъ-бекъ.

— По какому дѣлу?

— Не объясняетъ:—я, говоритъ, желаю лично видѣть господина посланника.

Digitized by Google

— Не понимаю,—и притомъ вечеромъ является. Что ему до меня?

— Секретное—говоритъ—дѣло.

Грибоѣдовъ вышелъ. Въ пріемной онъ увидѣлъ богато одѣтаго персіянина, по типу—чистокровнаго армянина.

— Что вамъ угодно?—спросилъ Александръ Сергѣевичъ.

— Я, господинъ посолъ, главный евнухъ въ эндерунѣ его величества шаха... Меня зовутъ Ходжа-Мирза-Якубъ. Я пришелъ просить вашего покровительства, господинъ посолъ.

— Въ чемъ я могу помочь вамъ?

— Я, господинъ посолъ,—русскій подданный изъ Эривани. Болѣе пятнадцати лѣтъ назадъ, я былъ взятъ персіянами въ плѣнъ и—извините, господинъ посолъ—былъ подвергнутъ гнусной операціи.

— Понимаю,—прервалъ его Грибоѣдовъ.

— Потомъ, господинъ посолъ,—продолжалъ Якубъ,—меня оставили при гаремѣ его величества шаха, а впослѣдствіи возвели въ должность главнаго евнуха сераля. Теперь, господинъ посолъ, я желаю возвратиться на родину, въ предѣлы Россіи, на что и имѣю неоспоримое право по 13-й статьѣ туркманчайскаго трактата. Вотъ почему я и прибѣгаю къ покровительству вашего превосходительства: защитите меня отъ насилія, дайте мнѣ убѣжище въ посольскомъ домѣ.

Выслушавъ просьбу, Грибоѣдовъ немного помолчалъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Но только почему вы явились ко мнѣ ночью искать убѣжища? Такой способъ искать убѣжища приличенъ только ворамъ; а вы—лицо всѣмъ извѣстное и прибѣгаете ко мнѣ на законномъ основаніи. Ночью я васъ не приму. Я долженъ дѣйствовать гласно, и потому приходите ко мнѣ завтра утромъ.

Онъ позвонилъ. На зовъ явился Ростомъ-бекъ.

— Прикажите, князь, нашимъ феррашамъ отвести Мирзу-Якуба во дворецъ его величества шаха,—сказалъ Александръ Сергѣевичъ, указывая на просителя.—Прощайте.

Утромъ на другой день, Ходжа-Мирза-Якубъ снова явился въ пріемную Грибоѣдова.

— Я удивляюсь,—сказалъ ему Александръ Сергѣевичъ,—зачѣмъ вы хотите оставить Персію. Здѣсь, въ Тегеранѣ, вы—значительная особа: вы занимаете второе мѣсто въ эндерунѣ шаха. На что вы разсчитываете въ Россіи?

Digitized by Google

— Я ни на что не разсчитываю, господинъ посолъ,—отвѣчалъ Мирза-Якубъ,—но Россія—моя родина. Я пятнадцать лѣтъ, какъ не видалъ Эривани: мнѣ хочется умереть на родной сторонѣ. Притомъ же здѣсь я не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ: сегодня я второе лицо въ эндерунѣ его величества, средоточія вселенной, а завтра—моя голова на колу.

Грибоѣдовъ долженъ былъ съ этимъ согласиться.

— Надо оформить это дѣло законнымъ порядкомъ,—сказалъ онъ.—А ваше имущество?

— Оно уже упаковано въ переметныя сумы, только остается послать за нимъ,—отвѣчалъ Мирза-Якубъ.

— А вы сами не пойдете за нимъ?

— Я боюсь, ваше превосходительство, что меня теперь тамъ арестуютъ.

— Хорошо, я пошлю за нимъ своихъ людей.

Грибоѣдовъ позвонилъ, и на зовъ снова явился Ростомъ-бекъ.

— Гдѣ Дадашъ-бекъ?—спросилъ Александръ Сергѣевичъ.

— Онъ сейчасъ только отлучился по дѣламъ; а вамъ что̀ угодно будетъ приказать?

— Да вотъ надо послать кого нибудь съ феррашами во дворъ шаха за имуществомъ Мирзы-Якуба.

— Если позволите, я это сдѣлаю,—предложилъ Ростомъ-бекъ.

— Хорошо. Такъ сейчасъ же попросите Мальцева или Аделунга изготовить отъ моего имени меморандумъ въ визиріатъ его величества шаха о томъ, что, на основаніи 13-й статьи туркманчайскаго трактата, я беру подъ свое покровительство ходжу-Мирзу-Якуба, какъ бывшаго подданнаго государя императора и потомъ персидскаго плѣнника, для возвращенія его въ Россію, согласно изъявленному имъ желанію.

— Слушаю-съ,—поклонился Ростомъ-бекъ.

— А вы идите въ мою канцелярію и ожидайте дальнѣйшихъ распоряженій,—сказалъ Александръ Сергѣевичъ Мирзѣ-Якубу, и удалился въ свой рабочій кабинетъ.

Между тѣмъ, пока въ канцеляріи изготовляли меморандумъ въ визиріатъ, Дадашъ-бекъ, извѣщенный обо всемъ Ростомъ-бекомъ, немедленно вышелъ изъ посольскаго дома, торопливо прошелъ на базаръ въ знакомую уже намъ «кафану» съ цы-

Digitized by Google

рюльнею, и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда хорошо загримированнымъ персіяниномъ съ выкрашенною въ огненный цвѣтъ бородою.

Скоро онъ былъ уже въ эндерунѣ Манучехръ-хана.

— Ну, что?—спросилъ послѣдній.

— Лисица попалась въ капканъ,—отвѣчалъ Дадашъ-бекъ, хитро улыбаясь.—Якубъ уже у слѣпаго въ канцеляріи, а Ростомъ-бекъ дожидается бумаги, чтобъ съ нею и феррашами идти за имуществомъ Якуба.

— Да будетъ благословенъ пророкъ! — радостно проговорилъ Манучехръ-ханъ.—У моихъ феррашей и руки длиннѣе, и ноги быстрѣе, чѣмъ у псовъ слѣпаго.

— Такъ бумажки Якуба пропадутъ?—улыбнулся Дадашъ-бекъ.

— Пропадутъ. Я сейчасъ къ его величеству, средоточію вселенной и убѣжищу мира,—заторопился Манучехръ-ханъ.—А, каково!—гяуры хотятъ плевать въ бороду пророку. Аллахъ-акбаръ! Аллахъ-керимъ!—брать евнуха изъ гарема его величества: да это безбожнѣе, чѣмъ выкрасть изъ гарема главную бегюмъ—жену средоточія вселенной!

Онъ громко захлопалъ въ ладоши. Арапченокъ, какъ изъ земли, выросъ передъ нимъ.

— Коня сейчасъ!—да чтобъ ферраши были готовы со мной!—приказалъ Манучехръ-ханъ.

Арапченокъ исчезъ. Дадашъ-бекъ сталъ прощаться.

— Наше дѣло сдѣлано, — сказалъ онъ.—А ужь теперь—дѣло чертовки.

— А слѣпаго пусть она повѣситъ на своемъ хвостѣ,—весело проговорилъ Манучехръ-ханъ, провожая до дверей Дадашъ-бека.

Фетхъ-Али-шахъ пришелъ въ страшное неистовство, когда Аллахъ-Яръ-ханъ и Манучехръ-ханъ доложили ему о бѣгствѣ его главнаго евнуха и объ укрывательствѣ его въ русскомъ посольствѣ.

— Какъ?—взять у меня моего главнаго «ходжу»!—да это, клянусь бородой пророка! все равно, что меня самого, тѣнь Аллаха на землѣ, меня—царя царей, средоточіе вселенной и убѣжище мира,—меня и всѣхъ моихъ жонъ вывести голыми на базаръ!—бѣсновался Фетхъ-Али-шахъ.—Сейчасъ же воткнуть

Digitized by Google

голову сбѣжавшей отъ меня собаки на колъ передъ моими окнами!

— Но, ваше величество, — робко возразилъ Аллахъ-Яръ-ханъ:—Грибоѣдовъ принялъ подъ свое покровительство собаку вашего всемогущества на основаніи проклятаго туркманчайскаго трактата. Не я ли рвалъ съ горя и досады свою бороду, когда утверждали этотъ унизительный для Ирана трактатъ, а меня тогда не послушалъ его высочество шахъ-задэ, и еще обозвалъ меня вордной.

— Такъ я разорву этотъ трактатъ,—бѣсновался шахъ:—на колъ и сбѣжавшую собаку, и трактатъ съ нимъ—на колъ!

— Ваше величество!—робко заговорилъ Манучехръ-ханъ:—твое слово—слово Аллаха, да продлитъ онъ твою жизнь безъ конца! Что ты сказалъ, то сказалъ Аллахъ... Вотъ моя голова: завтра же не будетъ ни сбѣжавшей собаки, ни проклятаго туркманчайскаго трактата, ни того слѣпаго, который его написалъ... Вотъ моя голова!

Лицо шаха нѣсколько прояснилось.

— А войны не будетъ?—спросилъ онъ.

— Не будетъ,—отвѣчалъ Манучехръ-ханъ:—твои священные глаза не видали и твои священныя уши не слыхали... А это ужь мое дѣло.

Въ это время вошелъ къ шаху одинъ изъ принцевъ крови и начальникъ шахскихъ тѣлохранителей, шахъ-задэ Зилли-султанъ.

— Что, мой вѣрный щитъ и моя острая сабля?—ласково обратился къ нему Фетхъ-Али-шахъ.

— Я сейчасъ изъ визиріата, ваше величество,—отвѣчалъ пришедшій.—Вотъ меморандумъ русскаго посланника:—онъ извѣщаетъ высокій визиріатъ, что, на основаніи 13-й статьи туркманчайскаго трактата, онъ принялъ подъ свое покровительство явившагося къ нему «ходжу» изъ гарема средоточія вселенной и убѣжища мира, презрѣннаго пса Мирзу-Якуба.

Глаза стараго шаха опять вспыхнули гнѣвомъ, и онъ глянулъ на Манучехръ-хана.

— Я сейчасъ призову этого презрѣннаго пса къ допросу,—сказалъ послѣдній. — Онъ обворовалъ казну его величества, царя царей...

— Какъ? обворовалъ мою казну! — вскочилъ Фетхъ-Али-шахъ.

Digitized by Google

— Успокойтесь, ваше величество, казна цѣла до послѣдняго тумана,—проговорилъ Манучехръ-ханъ:—но все таки сбѣжавшій песъ—воръ, и потому онъ скрылся въ русскомъ посольствѣ.

— Если казна цѣла, то чѣмъ же ты докажешь, что сбѣжавшій песъ обворовалъ ее?—спросилъ Аллахъ-Яръ-ханъ.

— Докажу тѣмъ, чего у него нѣтъ, — загадочно отвѣчалъ Манучехръ-ханъ.

— Чѣмъ же это?

— Вотъ чѣмъ: козла заперли въ кладовую, гдѣ былъ кочанъ капусты; приходятъ потомъ въ кладовую, — тамъ только козелъ, а капусты нѣтъ... Чѣмъ докажетъ козелъ, что не онъ съѣлъ капусту?

Фетхъ-Али-шахъ весело разсмѣялся.

— А капуста-то вотъ гдѣ, — улыбнулся Манучехръ-ханъ, вынимая изъ-за пазухи какія-то бумаги.

— Это что такое?—спросилъ шахъ.

— Счеты, ваше величество, которыми могъ бы оправдаться сбѣжавшій козелъ, что не онъ поѣлъ капусту, что капуста цѣла.

— Гдѣ жь ты ихъ взялъ?—снова спросилъ шахъ.

— Мнѣ ихъ Аллахъ послалъ, ваше величество.

— Ну, я вижу, что Аллахъ послалъ тебѣ и умную голову,—окончательно развеселился повелитель Ирана.

Прямо изъ дворца, Манучехръ-ханъ поѣхалъ на посольскій дворъ. Грибоѣдовъ встрѣтилъ его прилично сану правителя Испагани и верховнаго кади Тегерана.

— Я отъ его величества, средоточія вселенной, къ вашему превосходительству,—сказалъ Манучехръ-ханъ.

— Что̀ угодно его величеству?—спросилъ Александръ Сергѣевичъ.

— Изъ эндеруна средоточія вселенной бѣжалъ главный «ходжа» шахскаго гарема подъ вашу защиту: оказалось, что Мирза-Якубъ—воръ, и потому бѣжалъ отъ казни.

— Какъ воръ?—удивился Грибоѣдовъ.

— Да, воръ. Онъ остался долженъ государственной казнѣ нѣсколько тысячъ тумановъ, взятыхъ имъ у казнохранителя Зурабъ-хана. Его слѣдуетъ допросить при свидѣтеляхъ, и потому именемъ его величества Фетхъ-Али-шаха, средоточія все-

Digitized by Google

ленной и убѣжища мира, я прошу ваше превосходительство прислать его ко мнѣ для снятія допроса,—офиціально проговорилъ хитрый армянинъ, превратившійся давно въ персидскаго сановника.

— Очень хорошо, я пришлю его къ вамъ,—отвѣчалъ Грибоѣдовъ, провожая до дверей посланца шаха.

Тотчасъ же по уходѣ Манучехръ-хана, Александръ Сергѣевичъ приказалъ Мальцеву, первому секретарю посольства, и князю Шахъ-Назарову, драгоману миссіи, вмѣстѣ съ Мирзою-Якубомъ отправиться къ Манучехръ-хану. Когда они явились къ нему, то въ передней комнатѣ увидѣли цѣлую толпу шахскихъ «ходжей»-евнуховъ, присланныхъ изъ дворца для обличенія Мирзы-Якуба въ растратѣ ввѣренныхъ ему суммъ.

— Воръ! собака! перебѣжчикъ! гяуръ!—такими возгласами всѣ «ходжи» шаха встрѣтили своего бывшаго товарища, угрожая кулаками, а иные плевали на него, выражая этимъ глубочайшее презрѣніе.

Мальцевъ и Шахъ-Назаровъ поспѣшили провести Мирзу-Якуба дальше, въ эндерунъ Манучехръ-хана, который ожидалъ ихъ вмѣстѣ съ депутатомъ отъ духовнаго суда—«шаро».

— Ты, Мирза-Якубъ, «ходжа» его величества, царя царей, средоточія вселенной и убѣжища мира, Фетхъ-Али-шаха, равнаго царямъ Дарію и Александру Македонскому, обвиняешься въ томъ, что растратилъ довѣренныя тебѣ главнымъ казнохранителемъ его всевеличества, Зурабъ-ханомъ, суммы въ размѣрѣ нѣсколькихъ тысячъ тумановъ, и, чтобъ скрыть свое гнусное преступленіе, бѣжалъ тайно въ домъ русскаго посольства,—проговорилъ Манучехръ-ханъ, когда Мальцевъ и князь Шахъ-Назаровъ заняли свои мѣста.

— Я ничего не растратилъ, — твердо отвѣчалъ Мирза-Якубъ:—я законно исполнялъ всѣ заказы по гарему его величества, на что и получалъ деньги отъ Зурабъ-хана.

— А чѣмъ ты это докажешь?—спросилъ Манучехръ-ханъ.

— Счетами и расписками, которыя хранятся у меня.

— Покажи ихъ: — пусть наши глаза видятъ твое оправданіе.

— Счеты и расписки находятся въ одной изъ моихъ переметныхъ сумъ, которыя я беру съ собою въ Эривань.

— Твои переметныя сумы вонъ гдѣ,—указалъ Манучехръ-

Digitized by Google

ханъ на два пестрыхъ восточныхъ тюка, стоявшіе у порога.—Достань оттуда твои оправданія.

Мирза-Якубъ выразилъ удивленіе, какъ попали его тюки къ Мануchехръ-хану.

— Я приказалъ доставить ихъ сюда изъ дворца, чтобъ слуги и рабы не расхитили твоего добра,—спокойно отвѣчалъ кади Тегерана.—Возьми оттуда свои оправданія и представь ихъ предъ праведныя очи твоихъ судей.

Мирза-Якубъ раскрылъ одинъ тюкъ; но среди разнаго платья, коробокъ, платковъ, поясовъ, оружія—пакета съ бумагами не оказалось. Онъ бросился къ другому тюку,—и тамъ тоже.

— Меня обокрали!—испуганно проговорилъ онъ:—выкрали всѣ бумаги!

— Выкрали то, чего не было,—презрительно пожалъ плечами Мануchехръ-ханъ.

— Нѣтъ, не говорите этого, ваше высокостепенство,—проговорилъ князь Шахъ-Назаровъ:—съ нимъ поступлено не по закону. Его имущество до суда слѣдовало запечатать при немъ или при депутатѣ со стороны миссіи. Этого дѣла такъ нельзя оставить. Мы должны обо всемъ доложить нашему посланнику,—и потому прерываемъ незаконный допросъ.

И Шахъ-Назаровъ всталъ. Всталъ и Мальцевъ.

— Мы уводимъ съ собой незаконно обвиняемаго,—сказалъ послѣдній,—и требуемъ сейчасъ запечатать тюки вашею и нашею печатями.

Тюки были запечатаны.

XL.

Катастрофа.

Когда Грибоѣдовъ, отправивъ Мальцева и князя Шахъ-Назарова къ Мануchехръ-хану, сталъ заниматься въ своемъ кабинетѣ, къ нему вошелъ Дадашъ-бекъ и, подойдя къ письменному столу, таинственно проговорилъ:

— Какія-то двѣ дамы хотятъ видѣть ваше превосходительство.

— Дамы? въ Тегеранѣ дамы!—удивленно вскинулъ глаза на вошедшаго бека Александръ Сергѣевичъ.

Digitized by Google

— Да, ваше превосходительство, только это не женщины,—развелъ руками Дадашъ-бекъ.

— Какъ не женщины!—разсмѣялся Грибоѣдовъ.

— Не бабы, ваше превосходительство,—не простыя бабы:—съ евнухомъ и рабомъ пришли,—докладывалъ Дадашъ-бекъ.

— Чего жь имъ нужно отъ меня?

— Не говорятъ... по секрету пришли... лично говорить хотятъ.

— Любопытно... Въ Тегеранѣ дамы!

Грибоѣдову пришла въ голову совсѣмъ несообразная мысль:—ужь не Нина ли, соскучившись по немъ въ Тавризѣ, инкогнито пріѣхала въ Тегеранъ, сюрпризомъ?—Не можетъ быть!.. А если?..

Онъ быстро вышелъ въ пріемную. Тамъ онъ увидѣлъ двѣ закутанныя женскія фигуры, судя по богатому одѣянію — не простыя бабы, а дѣйствительно—«дамы». Лица ихъ были совершенно закрыты чадрами, и только въ узкія прорѣзи покрывалъ виднѣлись глаза. Глаза одной незнакомки, какъ показалось Александру Сергѣевичу, были голубые, а у другой—блестящіе черные.

— Что вамъ угодно, бегюмъ?—вѣжливо спросилъ онъ по персидски, обращаясь къ голубоглазой.

— Простите, господинъ посолъ, мы пришли искать вашего покровительства,—отвѣчала та по русски.

— Съ кѣмъ же я имѣю честь говорить?—по русски спросилъ Александръ Сергѣевичъ.

— Мы изъ гарема Аллахъ-Яръ-хана, русскія плѣнницы, и намъ сказали, что вы возвращаете на родину тѣхъ изъ плѣнныхъ, которые этого пожелаютъ.

— Совершенно вѣрно, сударыня:—я уполномоченъ на это трактатомъ,—сказалъ Александръ Сергѣевичъ.—Когда же васъ взяли въ плѣнъ и гдѣ вы родились?

— Я родилась въ Тифлисѣ, въ нѣмецкой колоніи; мой отецъ—Іоганнъ Беккеръ... Въ Тифлисѣ его всѣ знаютъ. Меня десятилѣтней дѣвочкой похитили цыгане и продали въ гаремъ Аллахъ-Яръ-хана. Я тамъ и выросла... Я такъ тосковала по родителямъ!

Она заплакала. Заплакала и другая незнакомка.

— Успокойтесь, сударыни, успокойтесь, пожалуйста,—утѣ-

Digitized by Google

шалъ ихъ Александръ Сергѣевичъ.—Я все сдѣлаю, что могу:—законъ на нашей сторонѣ, и вы будете освобождены изъ плѣна. А вы говорите по русски? — обратился онъ къ другой женщинѣ.

— Говорю немного, — отвѣчала та съ восточнымъ акцентомъ.

— Вы откуда же родомъ и когда взяты въ плѣнъ?—спросилъ Грибоѣдовъ.

— Я изъ Эривани... Меня взяли въ плѣнъ въ послѣднюю войну и подарили въ гаремъ Аллахъ-Яръ-хану.

— Такъ я васъ принимаю подъ свою защиту — подъ высокую руку моего государя императора, — сказалъ, наконецъ, Александръ Сергѣевичъ.—Вы можете свободно снять съ лицъ покрывала—васъ теперь никто не посмѣетъ оскорбить... А ты—обратился онъ къ безмолвно стоявшему у дверей евнуху-арапу по персидски, — ступай и скажи твоему господину, Аллахъ-Яръ-хану, что эти обѣ бегюмъ остаются у меня.

— Онъ меня казнитъ, господинъ, — отвѣчалъ евнухъ:—возьми и меня съ собой.

— Да развѣ и ты плѣнный?

— Да, господинъ:—я былъ слугою у господина Катрана, отца моей бегюмъ.

Обѣ женщины сняли, между тѣмъ, покрывала; красота ихъ и молодость поразили Грибоѣдова. Тифлисская нѣмочка, съ льняными волосами и необычайной бѣлизной нѣжнаго личика, представляла собою то, что принято называть неземнымъ созданіемъ. Она казалась почти совсѣмъ ребенкомъ, готовымъ играть въ куклы, а между тѣмъ была уже женой стараго Аллахъ-Яръ-хана. У эриванской же армяночки была жгучая южная красота съ пламеннымъ темпераментомъ, горѣвшимъ въ ея черныхъ глазахъ. Глядя на этихъ двухъ красавицъ, не похожихъ одна на другую, какъ день и ночь, Грибоѣдовъ долженъ былъ согласиться, что Аллахъ-Яръ-ханъ, хотя и грубый дикарь, но человѣкъ не безъ вкуса.

Между тѣмъ, въ эти самые часы, когда Грибоѣдовъ принималъ у себя красавицъ изъ гарема Аллахъ-Яръ-хана, на базарѣ уже изъ устъ въ уста передавалась вѣсть, что русскіе насильно взяли изъ гарема шахскаго зятя двухъ его любимыхъ жонъ и хотятъ обращать ихъ снова въ свою вѣру, не смотря

Digitized by Google

на то, что онѣ приняли вѣру Магомета. Базаръ заволновался. Многіе бросились къ жилищу «муджтехида» Мирзы-Месиха, главнаго духовнаго лица всего Ирана, и требовали именемъ пророка возвращенія плѣнницъ. Какъ бы по сигналу, къ дому «муджтехида» явились и «ахунды», представители духовенства:—они громко заявляли, что русскіе попираютъ мусульманскую вѣру и оскорбляютъ правовѣрныхъ; что бывшій главный шахскій «ходжа», Мирза-Якубъ, публично ругаетъ вѣру пророка. «Ахунды» кричали къ толпившемуся на базарѣ народу:

— На завтра запирайте лавки и собирайтесь въ мечети!—тамъ услышите наше слово.

Весь день чернь находилась въ возбужденномъ состояніи, и то тамъ, то сямъ собирались кучки народа и возбужденно говорили, что надо доказать «собакамъ-гяурамъ», какъ опасно оскорблять обычаи и вѣру поклонниковъ пророка. Съ своей стороны, ахунды подогрѣвали слѣпой фанатизмъ толпы, бросая въ народъ зажигательныя рѣчи. Между тѣмъ полицейскіе ферраши, догадываясь, что не только Манучехръ-ханъ, но даже всемогущій Аллахъ-Яръ-ханъ и самъ повелитель правовѣрныхъ, средоточіе вселенной и убѣжище мира, — на ихъ сторонѣ, вовсе не думали разгонять скопищъ, а, напротивъ,—поддакивали ахундамъ.

— Въ чужой домъ забрались собаки и кусаютъ хозяина, его жонъ и дѣтей,—говорили ахунды.

— А собакамъ собачья и смерть! — отвѣчали на это правовѣрные.

— Ля-илляхъ иль Аллахъ, Мухамедъ расуль Аллахъ!—заключали свою проповѣдь ахунды.

А Грибоѣдовъ ничего этого не зналъ. Онъ помнилъ только, что на его сторонѣ—законъ и право трактатовъ. Онъ приказалъ отвести помѣщеніе для прекрасныхъ плѣнницъ въ посольскомъ же домѣ, приставилъ къ нимъ для услугъ прибывшаго съ ними евнуха-арапа, послалъ имъ въ свое время и обѣдъ, и ужинъ, а самъ на другой день, 30-го января, намѣревался отправиться во дворецъ и къ Аллахъ-Яру-хану для объясненій, какъ по дѣлу хорошенькихъ плѣнницъ, такъ и по дѣлу Мирзы-Якуба.

— Ну, заварили «чихиртмў, — коварно посмѣивался Ростомъ-бекъ, встрѣтившись вечеромъ съ Дадашъ-бекомъ въ пустой пріемной посланника.

Digitized by Google

— И «чихиртмў» и «ча-хохъ-били»,—подмигнулъ послѣдній:—расхлебаютъ ли собаки?

— Да, а намъ надо завтра чуть-свѣтъ улизнуть отсюда къ дядѣ,—а то въ свалкѣ и мы пропадемъ.

— Не пропадемъ!—Манучехръ-ханъ не дастъ.

— А отъ него—прямо въ Тавризъ, къ молодой жонушкѣ слѣпаго.

— И къ инглизу за бакшишемъ.

— Само собой... Вотъ бы ночью пробраться къ красавицамъ Аллахъ-Яръ-хана.

— Нельзя:—черномазая собака ихъ зорко стережетъ.

— Кажется, онъ въ обѣихъ влюбленъ, какъ котъ.

— Оттого и бѣжалъ съ ними... Да мышки-то не по зубамъ ему...—Ростомъ-бе́къ цинично разсмѣялся.

Вечеромъ, оставшись одинъ, Грибоѣдовъ долго ходилъ по кабинету. Онъ думалъ о своей Нинѣ, вспоминалъ, какъ привязался къ ней, когда она была еще ребенкомъ... Эти рѣсницы, обрѣзанныя на зло Ермолову... «Смѣшная, восхитительная дѣвочка»!.. Вспомнилъ и свою службу съ Ермоловымъ... «Желѣзомъ и кровью»... «Нѣтъ, не однимъ желѣзомъ и кровью побѣждаются народы, а чѣмъ-то другимъ»... Вспомнилось ему и послѣднее свиданье съ Плетневымъ и Гоголемъ на Стрѣлкѣ Елагина острова.

— Скоро опять увижу свою Нюсеньку... А все Ростомъ-бекъ:—не привези онъ тогда отъ нея письма въ Петербургъ, я, быть можетъ, такъ и не догадался бы объ ея любви... Ахъ, Нюся, Нюся!—сколько счастья можетъ дать одно такое милое существо! А что она?—ребенокъ еще, совсѣмъ ребенокъ...

Ему пріятно было думать, что, быть можетъ, Пушкинъ и въ самомъ дѣлѣ пріѣдетъ къ нему въ гости. Ему и Нюся будетъ рада,—она такъ любитъ его стихи. Только ужь бѣдной Магуль онъ не увидитъ... Давно нѣтъ никакихъ вѣстей отъ Паскевича... И кто могъ выкрасть эти «локоны жонъ»?.. Эта пропажа привела въ ярость Паскевича...

— Но какъ ему далеко до Ермолова! И при всемъ томъ Ермоловъ такъ и остался просто Ермоловымъ, и притомъ опальнымъ, а этотъ — «графъ Паскевичъ-Эриванскій»... Все такъ на свѣтѣ:—Чацкій забытъ, а оцѣненъ Молчалинъ...

Digitized by Google

Онъ вспомнилъ о своихъ мрачныхъ предчувствіяхъ при отъѣздѣ изъ Петербурга въ Персію.

— Все вздоръ—эти предчувствія... Было одиночество нравственное, мракъ въ душѣ, потому что не было въ ней своего солнышка; а взошло тамъ солнышко — Нюся, и мракъ разсѣялся. И я скоро опять увижу свое солнышко...

Съ мыслью о Нинѣ онъ и уснулъ почти уже подъ утро. Долго ли спалъ онъ, или нѣтъ, но его разбудилъ какой-то шумъ, не то отдаленный гулъ. Въ ту же минуту, къ нему вошелъ его камердинеръ.

— Ты что, Александръ?—спросилъ Грибоѣдовъ.—Что это тамъ за шумъ?

— Что-то неладно, баринъ,—отвѣчалъ встревоженный камердинеръ.—Въ городѣ, кажись, бунтъ.

Александръ Сергѣевичъ велѣлъ сейчасъ давать ему одѣваться. Руки камердинера дрожали.

— Ты что же испугался?—спросилъ Александръ Сергѣевичъ, предчувствуя что-то недоброе.

— Да къ нашему дому ужь подступаютъ.

Въ эту минуту торопливо вошли Мальцевъ и Аделунгъ. Лица ихъ выражали испугъ.

— Что тамъ такое?—спросилъ Грибоѣдовъ, взявъ пистолеты и подвѣшивая черезъ плечо саблю.

— Чернь взбунтовалась... Требуютъ выдачи Мирзы-Якуба и женщинъ,—отвѣчалъ, заикаясь, Мальцевъ.

— Уже камнями бросаютъ въ часовыхъ, — добавилъ Аделунгъ.

— Такъ сейчасъ надо дать знать Манучехръ-хану и въ визиріатъ.

— Мы было послали Ростомъ-бека и Дадашъ-бека, такъ ихъ приняли въ камни... Слышите крики, голоса...

Теперь явственно можно было различить голоса Ростомъ-бека и Дадашъ-бека.

— Пропустите, правовѣрные!—отчаянно кричалъ первый.—Я племянникъ Манучехръ-хана.

— Го-го-го!—ты племянникъ самого шайтана! — отвѣчали ему дикимъ ревомъ.

Грибоѣдовъ съ саблею наголо выбѣжалъ къ воротамъ, которыя защищала горсть казаковъ. Вся площадь передъ посоль-

Digitized by Google

скимъ домомъ залита была бѣснующимся народомъ. Неистовые крики слились въ какой-то дикій гулъ. Изъ толпы уже летѣли камни.

Когда показался Грибоѣдовъ, крики впереди нѣсколько стихли.—Именемъ е. в. шаха требую, чтобы вы разошлись,—сказалъ онъ.—Толпа опять заревѣла, и посыпались камни. Въ воздухѣ уже сверкали ножи.—Разойдитесь, а то велю стрѣлять!—крикнулъ Александръ Сергѣевичъ.

Камни полетѣли съ удвоенною силой. Одинъ угодилъ въ близь стоявшаго, съ ужасомъ на лицѣ, Ростомъ-бека, который взвылъ отъ боли. Одинъ казакъ упалъ, пораженный булыжникомъ въ голову.

— Выдай намъ жонъ Аллахъ-Яръ-хана!—отчетливо проревѣлъ чей-то голосъ.

— Мы ихъ не тронемъ: онѣ правовѣрныя!—кричали другіе.

— Подавай сюда собаку Якуба!

Градъ камней усилился. Снова подшибленный камнемъ, Ростомъ-бекъ упалъ, плача фальцетомъ, точно женщина. Одинъ камень ранилъ въ руку Грибоѣдова, другіе поражали казаковъ.

— А—негодяи! — простоналъ Александръ Сергѣевичъ. — Стрѣляй, ребята!.. Разъ-два-три-пли!

Послѣдовалъ залпъ. Нѣкоторые въ толпѣ попадали; но это довело ярость толпы до послѣдней степени:—она стѣной двинулась на осажденныхъ, не боясь вторичнаго залпа.

— Во дворъ, ребята! — крикнулъ Грибоѣдовъ. — Запирай ворота!

Ворота были моментально заперты желѣзнымъ засовомъ. Камни посыпались въ ворота. Грибоѣдовъ ждалъ, что вотъ-вотъ появятся шахскіе сарбазы, чтобъ разогнать бушующую чернь; но помощь ни откуда не приходила.

— Отдай намъ жонъ Аллахъ-Яръ-хана!—неслись вопли съ площади:—выпусти женщинъ!.. Клянемся Аллахомъ и его пророкомъ—мы не тронемъ жонъ зятя нашего шаха.

— Выдай собаку Якуба!—кричали другіе.

Грибоѣдовъ видѣлъ, слышалъ, что ярость черни возрастала. Иные уже взобрались на кровлю посольскаго дома и ломали ее. Спасенья не было. Александръ Сергѣевичъ бросился къ бѣглянкамъ, жонамъ Аллаха-Яръ-хана, которыя въ ужасѣ жа-

Digitized by Google

лись одна къ другой. У двери ихъ комнаты стоялъ евнухъ-арапъ съ обнаженнымъ кинжаломъ. Огромные бѣлки его глазъ налились кровью. Онъ готовился умереть за своихъ прекрасныхъ бегюмъ, за своихъ любимицъ.

— Не бойтесь,—сказалъ имъ Грибоѣдовъ:—васъ не тронутъ пальцемъ... Вы—жоны Аллахъ-Яръ-хана... Надо пока покориться необходимости:—вы должны теперь воротиться въ гаремъ, а потомъ, когда все успокоится, я потребую вашей свободы:—самъ шахъ отдастъ мнѣ васъ... А теперь я проведу васъ другимъ выходомъ... Идите же за мною... Помните, что васъ не посмѣютъ тронуть.

Онъ вышелъ, уводя за руки бѣглянокъ. Евнухъ-арапъ послѣдовалъ за ними, не выпуская изъ рукъ обнаженнаго кинжала. Скоро бѣглянки и евнухъ вышли боковымъ выходомъ, который тотчасъ же былъ запертъ. Толпа узнала ихъ. Послышались крики торжества. — «Аллахъ-керимъ! — Аллахъ-акбаръ!»—Бѣглянокъ почтительно обступили. Евнухъ свирѣпо глядѣлъ на толпу, показывая кинжалъ.

— Пропустите бегюмъ!—рычалъ онъ.—Пропустите алмазы его ясности Аллахъ-Яръ-хана! не подходите!

Бѣглянки скоро затерлись въ толпѣ, которая передъ ними почтительно разступалась. Но около посольскаго дома, у главныхъ воротъ, чернь бѣсновалась все съ бо̀льшею силой. Крыша дома была уже вся почти разобрана. Камни сыпались внутрь двора.

— Якуба собаку! Якуба собаку!—ревѣла толпа.

Грибоѣдовъ уже никого не видѣлъ изъ посольства—ни Мальцева, ни Аделунга, ни Шахъ-Назарова, ни предателей—Ростома и Дадашъ-бека:—всѣ куда-то попрятались. Остались только казаки—человѣкъ двадцать съ небольшимъ, да и тѣ почти всѣ раненые. У него самого ломила кость ушибленной руки.

— Якуба собаку!..—Якуба собаку!..—ревѣла между тѣмъ толпа, осыпая дворъ каменьями.

Грибоѣдовъ приказалъ отыскать Мирзу-Якуба и вывести боковымъ ходомъ. Якубъ надѣялся, что и его пощадятъ, какъ пощадили жонъ Аллахъ-Яръ-хана. Онъ вышелъ. Но едва его замѣтили, какъ ревъ еще болѣе усилился.

— Вотъ онъ! вотъ собака! вотъ измѣнникъ!

Digitized by Google

Въ одно мгновеніе несчастный былъ смятъ толпою. Черезъ нѣсколько минутъ, отъ него осталась на площади безформенная масса.

Между тѣмъ потолокъ посольскаго дома уже горѣлъ. Многіе изъ бунтовщиковъ съ опасностью сломать себѣ шею успѣли спрыгнуть съ потолка во дворъ. Ворота тотчасъ были отворены, и толпа неудержимою волной залила оба двора.

Грибоѣдовъ, окруженный горстью казаковъ, все еще защищался.

Бунтовщики отыскали гдѣ-то спрятавшихся Ростомъ-бека и Дадашъ-бека, и за волосы вытащили ихъ на середину двора.

— Я племянникъ Манучехръ-хана! — отчаянно взывалъ Ростомъ.

— Шайтановъ племянникъ!.. грузинскій ишакъ!—кричали его мучители, топча ногами.

— Господи!—святая Нина!—это намъ за наше предательство,—стоналъ Дадашъ-бекъ.

Дѣло съ казаками пошло въ рукопашную. Въ ходъ пустили кинжалы.

— А, вотъ онъ,—четвероглазый!—бросился на Грибоѣдова содержатель «кафана» и цырюльни.

Александръ Сергѣевичъ отразилъ кинжалъ ударомъ сабли.

— Ля-илляхъ-илляга, Мухамедъ расуль Аллахъ!—крикнулъ кто-то сзади и всадилъ русскому послу кинжалъ въ правый бокъ.

— Великъ пророкъ!—въ свою очередь крикнулъ кафеджи-цырюльникъ и поразилъ Грибоѣдова, уже падавшаго, въ животъ.

Когда, черезъ нѣсколько минутъ, Зилли-султанъ явился на мѣсто катастрофы съ своими сарбазами, онъ уже не могъ найти не только Грибоѣдова, но и его трупа. На дворѣ валялись такія же безформенныя массы, какую представлялъ изъ себя трупъ, растерзаннаго на площади, Мирзы-Якуба.

Въ числѣ этихъ кровавыхъ массъ Зилли-султанъ не могъ найти русскаго посланника и полномочнаго министра россійскаго императора при высокомъ дворѣ его всевеличества, Фетхъ-Али-Шаха, царя царей и пр.—всѣ тѣла были изувѣчены до неузнаваемости.

Digitized by Google

XLI.

Эпилогъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ исполнилъ обѣщаніе, данное Грибоѣдову на Стрѣлкѣ Елагина острова, гдѣ они, въ концѣ мая 1828 года, гуляли вмѣстѣ съ Плетневымъ и Гоголемъ:—онъ поѣхалъ въ Персію, въ гости къ автору «Горя отъ ума», и встрѣтился съ нимъ на дорогѣ. Но что это была за встрѣча!

Въ своемъ «Путешествіи въ Эрзерумъ», проѣзжая по землямъ древней Арменіи, чтобъ попасть въ лагерь Паскевича, сражавшагося съ турками около Карса, Пушкинъ записалъ:

«Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я объяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу.

«— Откуда вы?—спросилъ я ихъ.

«— Изъ Тегерана.

«— Что вы везете?

«— Грибоѣда.

«Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ».

Такова была встрѣча двухъ великихъ поэтовъ. И это было какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, юная посланница Нина, увидавъ своего отца, князя Чавчавадзе, который, во главѣ отряда, съ музыкой выѣхалъ встрѣтить и привѣтствовать зятя-посланника,—въ дѣтскомъ восторгѣ воскликнула: «О, папа!—насъ встрѣчаютъ съ

Digitized by Google

царскими почестями... Это точно сказка изъ «Тысячи одной ночи»... Я никогда не забуду Гергеръ»!...

«Не думалъ я встрѣтить уже когда нибудь нашего Грибоѣдова!»—говоритъ далѣе Пушкинъ.—«Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: «Vous ne connaissez pas ces gens là; vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux». Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть шаха и междоусобица семидесяти его сыновей. Но престарѣлый шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами персіянъ, жертвой невѣжества. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею».

А Нина?—Отъ нея долго скрывали ужасную смерть ея мужа. Тѣло его она похоронила въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида, на высокой скалѣ, съ великолѣпнымъ видомъ на окрестности и на далекія горы—родину бѣдной Магуль. На памятникѣ Грибоѣдова до сихъ поръ читаются трогательныя слова Нины: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя»?

Д. Мордовцевъ.

Конецъ.

Digitized by Google

Разрушенный храмъ.

Разрушенъ храмъ; разбитъ алтарь,
Лежатъ поруганы святыни;
Гдѣ раздавались гимны встарь, —
Тамъ мертвый прахъ развалинъ нынѣ.

Храмъ въ запустѣнье погруженъ!
Въ его заглохнувшей пустынѣ,
Кончая вѣкъ, ряды колоннъ
Стоятъ въ пыли и паутинѣ.

Въ его задумчивой тѣни,
Въ недвижномъ сумракѣ прохлады,
Давно не зыблятся огни,
Давно не теплятся лампады.

Покрылись плѣсенью и мхомъ
Въ алтарь ведущія ступени;
Въ углахъ таинственно кругомъ
Гнѣздятся сумрачныя тѣни.

Порою путникъ забредетъ
На отдыхъ въ темныя руины,
И о грѣхахъ людей вздохнетъ,
Исполненъ тягостной кручины.

Да съ пѣньемъ ласточка влетитъ
Въ окно разбитое нежданно;
Да гдѣ-то эхо прозвучитъ
Въ отвѣтъ задумчиво и странно.

Digitized by Google

Паукъ-отшельникъ надъ окномъ
Соткалъ сѣтей своихъ основы,
И глухо въ сумракѣ ночномъ
Рыдаютъ филины и совы.

Л. Афанасьевъ.

Digitized by Google

РАБЪ СВѢТА.

Политическій романъ изъ англо-французской жизни,
Генри Сетона Мерримена.

XX.

За исключеніемъ этого единственнаго разговора, Христіанъ не упоминалъ о своемъ плѣнѣ. Буря утихла, погода сдѣлала поворотъ къ лучшему, и безпрерывно-ясное небо способствовало плаванію.

Молодой англичанинъ рѣшилъ не сопротивляться и не искать возможности спасенія, до самаго конца путешествія. У него зародился планъ воспользоваться впечатлѣніями своего путешествія, и бѣжать лишь по прибытіи во Францію. Въ этомъ сказывалась, конечно, его любовь къ таинственнымъ приключеніямъ, но и окружающая среда была дѣйствительно очень интересна. Если этотъ юный аббатъ—типичный іезуитъ, слѣдуетъ заняться его изученіемъ.

Чѣмъ болѣе встрѣчались молодые люди, тѣмъ болѣе возрастала ихъ симпатія, а вмѣстѣ съ нею становилось замѣтнѣе и вліяніе болѣе сильной индивидуальности на другую, болѣе слабую. Хилому и нервному аббату казался чѣмъ-то новымъ этотъ молодой англичанинъ; его живость и спокойная искренность въ разговорѣ удивляли юнаго священника. Ренэ Дрюкеръ впервые близко сошелся съ человѣкомъ, который говорилъ то, что думалъ, поступалъ такъ, какъ приказывала ему совѣсть, и не считалъ себя отвѣтственнымъ ни передъ кѣмъ въ мірѣ за свои слова и поступки. Это была первая миссія юнаго іезуита послѣ долгаго и суроваго искуса. Веллакотъ былъ первый врагъ «святой церкви», бороться съ которымъ посланъ былъ Ренэ Дрюкеръ, вооруженный могучей властью величайшаго въ мірѣ монашескаго ордена, охраняемый его

Digitized by Google

благословеніемъ; и въ сердцѣ юнаго пріэста начинало шевелиться ужасное подозрѣніе, что вопросъ можетъ имѣть и оборотную сторону. Всѣ долгіе годы суроваго ученія, всѣ невидимыя, но прочныя нити, опутывавшія его съ тѣхъ поръ, какъ онъ впервые надѣлъ рясу послушника іезуитской коллегіи,—все это не въ силахъ было скрыть отъ его чистаго, невиннаго сердца свѣтъ истины.

Брестъ остался позади, въ сіяющемъ голубомъ туманѣ. Виднѣлся угрюмый Pointe de Rez, съ его низкимъ тяжелымъ маякомъ, смотрящимъ въ Атлантическій океанъ. Надъ моремъ выступалъ, въ сіяніи заходящаго солнца, длинный, низкій Ile-de-Seine; здѣсь и тамъ чернѣлись скалы надъ водой. Матросъ, управлявшій рулемъ, былъ сардинскій рыбакъ, и каждая скала, каждая струйка этихъ безпокойныхъ водъ была ему знакома. Смѣло направилъ онъ ялботъ мимо высокаго утеса, но съ заходомъ солнца вѣтеръ затихъ, паруса безсильно повисли.

Лѣниво катились волны океана, и ялботъ встрѣчалъ ихъ полусонно, медленно двигаясь впередъ. Отдаленный шумъ прилива звучалъ въ тихомъ воздухѣ, словно колыбельная пѣснь. Величавое спокойствіе солнечнаго заката, тишина приближающейся ночи, присутствіе человѣка, странно и безотчетно привлекавшаго къ себѣ,—все это растрогало сердце юнаго аббата, волновавшагося прежде только религіознымъ экстазомъ. Онъ въ первый разъ заговорилъ о себѣ. Одинокая душа вдругъ разорвала тяготившія ее оковы ложнаго воспитанія и начала развертывать грустную повѣсть своего безвѣстнаго существованія.

— Я думаю,—мечтательно говорилъ онъ,—что никогда двѣ человѣческія жизни не были столь различны, какъ ваша и моя, и, однако же, наши дороги встрѣтились!

Веллакотъ вынулъ изо рта сигаретку. Она была сдѣлана изъ отвратительнаго табаку, называемаго «Petit Caporal»», но лучшаго негдѣ было достать, а Христіанъ имѣлъ привычку примѣняться къ обстоятельствамъ. Итакъ, онъ вынулъ изо рта сигаретку и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выпустилъ клубы тонкаго голубаго дыма, прежде чѣмъ отвѣтить Ренэ Дрюкеру. Онъ тоже глядѣлъ въ морскую даль, но взглядъ его былъ твердъ и задумчивъ, между тѣмъ какъ глаза его собесѣдника мечтательно устремлялись въ пространство, какъ бы ничего не

Digitized by Google

видя. Заходящее солнце освѣщало лицо Христіана и докторъ или мать, можетъ быть, замѣтили бы, что подъ его глазами лежатъ глубокія тѣни, а губы сухи и стянуты.

— Да,—отвѣчалъ онъ наконецъ серьезно и сочувственно,—мы встрѣтились, какъ двѣ вѣтки, унесенныя однимъ потокомъ!

Ренэ перемѣнилъ позу — подтянулъ одну ногу и обвилъ рукой колѣно. Отъ этого движенія длинная черная ряса распахнулась, обнаруживая темно-пурпуровые чулки и грубые башмаки. Рука, обнимавшая колѣно, была длинная, бѣлая и замѣчательно плоская.

— Одна вѣтка была у вѣрной пристани, — туманно заговорилъ онъ,—другая носилась по волѣ потока.

Веллакотъ медленно повернулся и взглянулъ своему собесѣднику въ лицо. Дымъ отъ плохой сигары потянулся мимо нихъ, за вѣтромъ. Христіанъ не зналъ, говоритъ ли Ренэ Дрюкеръ съ профессіональной точки зрѣнія, имѣя въ виду еретиковъ и невѣрную пристань, къ которой они всѣ стремятся, или нѣтъ. Будь Ренэ опытнымъ іезуитомъ, онъ воспользовался бы удобнымъ случаемъ и вставилъ словцо. Но эта благая мысль не пришла ему въ голову.

— Ваша жизнь,—продолжалъ онъ монотонно, — уже намѣчена, какъ путь корабля по морской картѣ. Не правда ли? Я полагаю, что такъ.

Веллакотъ продолжалъ курить нѣсколько минутъ молча. Онъ сидѣлъ, протянувъ свои длинныя ноги впередъ, прислонившись спиной къ периламъ и засунувъ одну руку въ карманъ. Ренэ повернулся къ нему, охваченный внезапнымъ страхомъ, что Христіанъ не такъ понялъ его слова. Но Христіанъ не далъ ему заговорить и тотчасъ же съ улыбкой началъ:

— Мнѣ кажется, что лучше всего не предаваться безплоднымъ размышленіямъ о подобныхъ вопросахъ. Мой жизненный опытъ привелъ меня къ смиренному заключенію, что люди играютъ очень маленькую роль въ устройствѣ собственной судьбы. Капитанъ корабля можетъ сколько угодно сидѣть надъ картой и отмѣчать свой курсъ съ величайшей точностью, съ глубочайшимъ знаніемъ вѣтра и теченій, съ самой изумительной проницательностью,—и, тѣмъ не менѣе, все это нисколько не повліяетъ на благополучный или несчастный исходъ его плаванія.

Digitized by Google

— Но развѣ не лучше имѣть въ виду какую нибудь цѣль, — возразилъ аббатъ, понизивъ голосъ,—принять чью нибудь помощь, методъ, болѣе или менѣе совершенный, для скорѣйшаго достиженія этой цѣли.

— Большинство людей имѣютъ эту цѣль,—отвѣчалъ Христіанъ,—но не сознаютъ этого.

— А вы?

Христіанъ продолжалъ задумчиво курить. Мѣсяцъ назадъ, онъ сказалъ бы: «да!» безъ малѣйшаго колебанія.

— Я думаю, у васъ есть цѣль и вы сознаёте это, — медленно проговорилъ аббатъ.

Онъ и не думалъ нескромными вопросами вызвать своего собесѣдника на откровенность, и Христіанъ понялъ его деликатность. Онъ былъ увѣренъ, что какую бы роль ни игралъ Ренэ прежде — теперь онъ былъ совершенно искреннимъ и видимо уступалъ внезапному желанію поговорить откровенно хоть съ какимъ нибудь живымъ существомъ о своей собственной жизни—забыть, хоть на мгновеніе, суровую сдержанность, которой требуютъ правила іезуитскаго ордена. Христіанъ изучилъ человѣческую природу также хорошо, какъ свои книги, и ему было извѣстно, что наша душа размягчается подъ вліяніемъ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ, въ родѣ луннаго свѣта на спящей водѣ, отдаленной музыки, торжественнаго шума прилива, тонкаго запаха любимыхъ цвѣтовъ. Если Ренэ Дрюкеръ готовъ совершить великую ошибку, онъ, по крайней мѣрѣ, не станетъ помогать ему въ этомъ, а потому Христіанъ продолжалъ курить молча и казался самымъ равнодушнымъ матеріалистомъ.

Аббатъ засмѣялся, короткимъ, жалобнымъ смѣхомъ, въ которомъ не было и тѣни веселья.

— А я не имѣю цѣли, — сказалъ онъ, медленно потирая свои тонкія руки,—и... сознаю это.

— Вы найдете ее,—замѣтилъ англичанинъ послѣ паузы.

Аббатъ покачалъ головой съ тихой улыбкой, которая была гораздо печальнѣе слезъ. Его холодная молчаливость была тяжелѣе самой необузданной скорби; она была похожа на морозъ, который наступаетъ раньше снѣга и который труднѣе перенести. Потомъ онъ сдѣлалъ слабое движеніе къ своему собесѣднику, такъ что ихъ руки встрѣтились, и нѣжнымъ го-

Digitized by Google

лосомъ, пріученнымъ къ таинственному шопоту исповѣдальни, началъ свою исторію.

— Другъ мой,—заговорилъ онъ, переплетая свои нервные пальцы,—ни одинъ человѣкъ ни станетъ хуже отъ того, что выслушаетъ чью нибудь исповѣдь. Прежде чѣмъ судить меня, выслушайте, какова была моя жизнь. Я никогда не зналъ ни друзей, ни родныхъ. Я никогда не имѣлъ сверстниковъ. Съ тринадцати лѣтъ, когда я былъ отданъ на попеченіе святыхъ отцовъ, я ни разу не говорилъ съ женщиной. Меня учили, что жизнь намъ дана лишь для того, чтобы проводить ее въ молитвѣ, духовномъ чтеніи, послушаніи и слѣдованіи по стопамъ блаженнаго святаго Игнатія. Но какъ можемъ мы, едва начавшіе жить, подражать тому, чья юность и зрѣлый возрастъ были проведены при европейскихъ дворахъ, въ суетной и порочной средѣ? Я многаго не подозрѣвалъ, когда былъ въ коллегіи. Тамъ подавлялись и воспрещались чувства мужественныя и благородныя. Насъ учили шпіонить другъ за другомъ, лебезить передъ старшими, предавать тѣхъ, которые стояли ниже насъ. Незамѣтно и постоянно внушали намъ, съ самаго дѣтства, лицемѣріе. Каждое движеніе головы или руки, каждое слово, срывавшееся съ губъ, должно было исходить не изъ сердца, но изъ догматовъ, установленныхъ главою ордена. Это сводится къ слѣдующему: мы вовсе не люди, а машины, но машины, такъ искусно устроенныя и приспособленныя, что грѣхъ становится почти невозможнымъ. Когда является искушеніе, мы отступаемъ,—не изъ страха передъ Богомъ, но изъ страха передъ мыслью, что наша тайна будетъ открыта и что гнѣвъ нашего земнаго владыки не знаетъ жалости и милосердія... Не забывайте, что я не зналъ ничего этого, когда давалъ свой обѣтъ. Я сталъ энтузіастомъ. Наконецъ, наступило мое время. Я пожелалъ сдѣлаться членомъ ордена и былъ принятъ. Начался періодъ суровой науки. Я изучилъ испанскій и итальянскій языкъ, предавшись душою и тѣломъ своей работѣ. Даже шпіоны, приставленные слѣдить за мною днемъ и ночью, должны были сознаться, что я безупреченъ. Однажды меня потребовали къ «провинціалу» нашего ордена: мнѣ готовились поручить миссію. Наконецъ, настало для меня время идти въ міръ и поработать во славу моего создателя. Дрожа отъ волненія, я вошелъ въ келью «провинціала». Это

Digitized by Google

былъ молодой человѣкъ, съ прекраснымъ, но холоднымъ, какъ мраморъ, лицомъ. На этомъ лицѣ не было ни румянца, ни жизни, ни чувства, ни души. Онъ говорилъ тихимъ размѣреннымъ голосомъ, чуждымъ любви или жалости. Когда, черезъ часъ, дверь этой кельи закрылась за мной — повязка спала съ моихъ глазъ. Я началъ подозрѣвать, что это великое зданіе, сложенное не изъ камней, но изъ человѣческихъ сердецъ, представляетъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ насмѣшку надъ религіей. Человѣкъ, въ которомъ я привыкъ видѣть представителя нашего Господа Бога, сталъ вкрадчиво и двусмысленно объяснять мнѣ, въ чемъ заключаются мои будущія обязанности. Онъ называлъ ихъ божьимъ дѣломъ; а для божьяго дѣла вложилъ мнѣ въ руки дьявольское оружіе... Что я подозрѣвалъ тогда, въ томъ убѣжденъ теперь.

Молодой англичанинъ сидѣлъ и слушалъ съ возрастающимъ интересомъ. Его сигаретка давно погасла.

— Кто могъ васъ убѣдить?—спросилъ онъ своимъ спокойнымъ, невозмутимымъ тономъ.—Если вы не знали прежде, какъ можете вы знать теперь?

— Вы убѣдили меня, мой другъ,—пылко отвѣчалъ пріэстъ,—вы и эти грубые простые моряки. У нихъ, по крайней мѣрѣ, есть сердце. А вы—вы сдѣлались моимъ учителемъ.

Христіанъ Веллакотъ молчалъ. Онъ зналъ, что аббатъ говорилъ правду. Нечувствительно, и совсѣмъ не желая этого, Христіанъ раскрылъ юношѣ глаза, и показалъ ему жизнь такою, какова она въ дѣйствительности.

Торопливый, болѣзненный шопотъ Ренэ снова прервалъ молчаніе:

— «Провинціалъ» сказалъ мнѣ, что въ былыя времена мы невидимо управляли римско-католическимъ міромъ изъ кабинета короля и будуара королевы; что теперь нашъ орденъ не имѣетъ власти, но что онъ могучъ по прежнему, почти также богатъ, и въ такой же степени высоко образованъ. Онъ подобенъ колоссальной мельницѣ, совершенной по своему устройству, но остающейся въ бездѣйствіи и терпѣливо ожидающей своего времени, когда благодатное зерно упадетъ на ея могучіе жернова. Передъ нами лежитъ путь, безконечно болѣе опасный, чѣмъ тотъ, которымъ шли первые послѣдователи св. Игнатія, добиваясь

Digitized by Google

власти. Подъ нашими ногами невѣрная почва—тревожная, измѣнчивая народная масса.

Аббатъ снова замолчалъ. Въ его голосѣ слышался трепетъ—что-то пророческое вибрировало въ немъ, но онъ оставался монотоннымъ. Оба собесѣдника продолжали сидѣть рядомъ, неподвижные, какъ изваянія. Они задумчиво глядѣли въ золотистую даль туманнаго запада, каждый думая о своемъ. Тихій ангелъ пролетѣлъ надъ ними—и земля, и небо, и море, оставались безмолвными.

Наконецъ, твердый и сильный голосъ англичанина прервалъ тишину:

— Этого нельзя понять въ два дня. Вы должны были знать это раньше. А если вы знали, почему же вы сдѣлались тѣмъ, что вы есть? Вы никогда не были настоящимъ іезуитомъ и никогда не будете.

— Я клялся передъ ликомъ Божьей Матери—я связанъ...

— Связаны клятвой, вырванной у васъ противъ воли.

— Нѣтъ, клятвой, которую я самъ просилъ взять!

Это была самая горькая капля въ чашѣ Ренэ Дрюкера. Все было сдѣлано по его желанію, съ его собственнаго согласія. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ, его лукаво и постоянно опутывали сѣтью. Онъ становился сильнѣе—укрѣплялась и сѣть.

— Но вы можете объяснить своему «провинціалу», что не годитесь для труда, возложеннаго на васъ,—замѣтилъ Христіанъ.

— Мы ничего не смѣемъ объяснять, другъ мой,—быстро возразилъ аббатъ.—У насъ нѣтъ своихъ желаній. За всякую работу мы должны приниматься и не смѣемъ находить ее тяжелой или скучной.

— Вы можете просить другаго назначенія.

Аббатъ пожалъ плечами.

— Какого?—спросилъ онъ.

— Предложите себя въ миссіонеры,—отвѣчалъ Христіанъ, посмотрѣвъ своему собесѣднику въ лицо. Онъ увидѣлъ, какъ глаза Ренэ зажглись при этихъ словахъ внезапнымъ неземнымъ сіяніемъ; тонкое одухотворенное лицо приняло выраженіе глубокаго, изумительнаго покоя. Юный пріэстъ всталъ съ мѣста, перешелъ палубу и, остановившись у борта, сталъ смотрѣть на тихія воды.

Digitized by Google

Онъ тотчасъ же возвратился и, положивъ тонкую руку на плечо Христіана, сказалъ:

— Другъ мой, вы спасли меня. Въ первую минуту разочарованія, я не подумалъ объ этомъ. Я думаю... я думаю, что для меня еще найдется работа.

XXI.

Вѣрный своему обѣту.

Съ утреннимъ приливомъ, судно *Deux Frères* вошло въ бухту Одьернъ. Грубые матросы перекрестились передъ старымъ деревяннымъ крестомъ, виднѣвшимся на высокомъ берегу Атлантическаго океана. Они подумали о «патронѣ», лежавшемъ въ маленькой нижней каютѣ, и о молодой женѣ, радостно ожидавшей его возвращенія, бѣлоснѣжный чепецъ которой они уже могли различить въ толпѣ народа на пристани.

Оба, и Христіанъ, и аббатъ, были на палубѣ. Они провели тамъ всю ночь, лежа на старомъ парусѣ, не говоря ни слова и не смыкая глазъ. Теперь они стояли возлѣ рулеваго и смотрѣли на приближающійся берегъ съ тѣмъ жаднымъ любопытствомъ, которое чувствуютъ только люди, испытавшіе бурное плаваніе. Англичанину была незнакома эта маленькая рыбачья пристань, и онъ не поинтересовался спросить названіе мѣстечка.

— Это она, monsieur аббатъ,—сказалъ Гоэль-Грель, и его грубый ротъ искривился судорогой, какъ бы отъ боли.—Это она, съ ребенкомъ!

Ренэ Дрюкеръ опустилъ голову, не говоря ни слова. Судно медленно подошло къ пристани. Оттуда перекинули доску, и аббатъ сошелъ на берегъ одинъ. Онъ безъ колебанія направился къ улыбающейся молодой женѣ. Она стояла тамъ среди жонъ другихъ матросовъ, въ своемъ бѣлоснѣжномъ чепчикѣ и чистомъ передникѣ, держа за руку златокудрое дитя. При видѣ аббата, женщины присѣли, потому что церковь еще почитается въ этихъ западныхъ провинціяхъ.

— Дочь моя,—заговорилъ аббатъ,—я приношу вамъ дурныя вѣсти.

Она все еще улыбалась, обманутая его спокойствіемъ.

— Ахъ, батюшка,—отвѣчала она,—теперь какъ разъ насту-

Digitized by Google

пило время непогоды и вѣтра. Какъ вы долго плавали! Мой мужъ навѣрно въ отчаяніи, но въ другой разъ поѣздка будетъ удачнѣе; не правда ли? Я не замѣтила Луи на палубѣ, но у меня не дальнозоркіе глаза. Я не изъ Одьерна, батюшка; въ нашей сторонѣ люди не такъ дальнозорки, какъ здѣшніе моряки.

Аббатъ измѣнился въ лицѣ. Не отвѣчая на ея улыбку, онъ подошелъ ближе и положилъ руку ей на плечо.

— Это было очень дурное плаваніе для вашего мужа,— сказалъ онъ.—Пречистая Дѣва да ниспошлетъ вамъ утѣшеніе.

Румянецъ началъ медленно покидать круглыя щоки молодой женщины. Ея нѣжные, довѣрчивые глаза наполнились ужаснымъ, безнадежнымъ отчаяніемъ и неподвижно уставились на склоненную голову аббата. Остальныя женщины поняли теперь, въ чемъ дѣло, и крестились, принося молитву Богу, что ихъ мужья и братья остались живы.

— Луи умеръ?—хриплымъ голосомъ спросила она. Нѣсколько минутъ простояла она неподвижно; потомъ машинально стала засучивать рукава своего темнаго, грубаго платья, какъ бы собираясь приняться за какую-то работу.

— Да утѣшитъ васъ Пречистая Дѣва, дочь моя, и этого младенца также,—сказалъ аббатъ, наклоняясь, чтобы положить руку на златокудрую голову ребенка.

— Луи умеръ, Луи умеръ!—переходило изъ устъ въ уста.

— Вотъ что̀ значитъ связаться съ пріэстами!—проворчалъ сквозь густые усы таможенный офицеръ. Это былъ старый солдатъ, читавшій газеты и громко ораторствовавшій на воскресныхъ вечернихъ собраніяхъ въ Café de l'Ouest.

Аббатъ услышалъ замѣчаніе и посмотрѣлъ на офицера, но не сказалъ ничего. Онъ помнилъ, что іезуитъ не долженъ защищаться. Юная вдова машинально, какъ бы во снѣ, перешла по доскѣ на судно. Она почти грубо тащила за собой ребенка. Христіанъ Веллакотъ стоялъ у дверей низенькой каюты. Онъ былъ въ одеждѣ послушника іезуитскаго ордена, которую ему несмѣло предложилъ Ренэ Дрюкеръ, и Веллакотъ принялъ этотъ странный нарядъ, потому что не имѣлъ ничего, кромѣ изодраннаго сюртука и праздничнаго платья Гоэля Греля.

— Благословите, батюшка,—пролепеталъ ребенокъ, остановившись передъ нимъ.

Digitized by Google

— Очень поможетъ тебѣ, малютка, мое благословеніе,— пробормоталъ Христіанъ по англійски. Но онъ все же приподнялъ малютку и поцѣловалъ его розовую щечку. Онъ удержалъ ребенка возлѣ себя и пропустилъ мать одну къ ея покойному мужу.

Когда, полчаса спустя, молодая женщина вышла изъ каюты съ суровымъ лицомъ и сухимъ окаменѣлымъ взглядомъ, она нашла своего малютку сидящимъ на колѣняхъ у Христіана и болтающимъ на ломаномъ французскомъ языкѣ. При видѣ безпечнаго, ничего не подозрѣвающаго ребенка, глаза матери наполнились слезами; суровое бретонское сердце, наконецъ, смягчилось.

Аббату было приказано: держать плѣнника подъ замкомъ въ каютѣ до полуночи и затѣмъ, посадивъ въ карету, перевезти въ назначенное мѣсто, подъ охраной двухъ братьевъ-іезуитовъ. Впрочемъ, Христіанъ, твердо увѣренный, что съумѣетъ бѣжать, когда только захочетъ, далъ слово, что *пока* не будетъ принимать никакихъ мѣръ къ своему спасенію. Въ своей одеждѣ послушника онъ не привлекалъ ничьего вниманія и не было надобности откладывать путешествіе до ночи. Поэтому переѣздъ на берегъ былъ совершонъ въ полдень. Одновременно съ этимъ Христіанъ почувствовалъ себя предметомъ самаго неутомимаго вниманія со стороны двухъ гладколицыхъ индивидуумовъ, похожихъ на лакеевъ изъ господскаго дома. Эти люди взошли на судно какъ разъ въ то время, когда аббатъ спускался на берегъ, и Христіанъ замѣтилъ, что между ними и Ренэ Дрюкеромъ не было сказано ни слова.

Между тѣмъ журналистъ не терялъ времени даромъ. Хотя онъ продолжалъ смотрѣть на все дѣло, какъ на забавный фарсъ, тѣмъ не менѣе онъ помнилъ, что въ Англіи его исчезновеніе должно было возбудить величайшую тревогу. Во время безсонной ночи, онъ раздумывалъ о томъ, что происходитъ теперь въ Сенъ-Мери-Истернъ. Снова и снова онъ спрашивалъ себя, какъ отнеслись тамъ къ дѣлу, и его заключенія были необыкновенно близки къ истинѣ. Онъ угадалъ, что м-ръ Бодри будетъ призванъ, въ концѣ концовъ, на совѣтъ, и что выжидательная тактика будетъ признана за лучшую. Въ этой надеждѣ онъ рѣшилъ послать извѣстіе Сиднею Керью. У него былъ таможенный бланкъ, и онъ придумалъ написать письмо на оборот-

Digitized by Google

ной сторонѣ. Въ этомъ письмѣ онъ просилъ своего друга не тревожиться, и, главное, не начинать никакихъ розысковъ, потому что онъ очень скоро возвратится въ Англію. Письмо было написано осторожнымъ языкомъ, потому что Христіанъ могъ его отправить только черезъ Ренэ Дрюкера. Матросамъ теперь было запрещено съ нимъ разговаривать. Поэтому, когда они готовились сойти на берегъ (передавъ заботу о бѣдномъ Луи деревенскому кюрэ) Христіанъ смѣло обратился къ Ренэ со своей просьбой.

— Нѣтъ, мой другъ, я не могу этого сдѣлать,—быстро отвѣтилъ аббатъ.

— Прочитайте письмо,—настаивалъ Христіанъ.—Оно никому не повредитъ. Мой другъ буквально исполнитъ то, о чемъ я прошу его. Въ сущности, это письмо принесетъ вамъ даже пользу.

Іезуитъ продолжалъ отрицательно покачивать головой. Но вдругъ онъ внезапно сдался на увѣщанія Христіана и взялъ письмо.

— Дайте мнѣ письмо; я попробую рискнуть.

Христіанъ видѣлъ, какъ Ренэ опустилъ письмо въ боковой карманъ «сутаны», не прочитавъ его. Два переодѣтые іезуита слѣдили, между тѣмъ, за каждымъ движеніемъ Веллакота и Ренэ.

Пріэстъ тотчасъ же снялъ свою широкополую шляпу и прошелъ черезъ маленькую дверь въ тускло-освѣщенную каюту, гдѣ лежалъ покойникъ. Онъ оставилъ дверь открытой. Взглянувъ на спокойное лицо мертвеца, онъ упалъ на колѣни и оставался такъ нѣсколько минутъ съ поникшей головой. Наконецъ, онъ поднялся съ колѣнъ и вынулъ изъ кармана письмо англичанина. Конвертъ не былъ запечатанъ. Ловко и смѣло вынулъ аббатъ письмо и сталъ читать его при свѣтѣ свѣчи, горѣвшей въ головахъ покойника и долженствовавшей своими лучами освѣщать страдальческій путь бѣдной душѣ, покинувшей грѣшное тѣло. Пріэстъ читалъ медленно и внимательно, потому что плохо зналъ англійскій языкъ. Потомъ онъ простоялъ нѣсколько секундъ неподвижно, съ опущенными руками, устремивъ на пламя свѣчи усталые недоумѣвающіе глаза. Наконецъ, онъ поднялъ руку и поднесъ бумагу къ пламени, гдѣ она тотчасъ вспыхнула. Сгорѣвшіе остатки разлетѣлись по полу и одинъ кусочекъ пепла опустился на грудь покойника.

Digitized by Google

— Онъ сказалъ, что я не іезуитъ,—прошепталъ пріэстъ и по его блѣдному лицу скользнула неземная улыбка.

Едва успѣлъ разсѣяться тонкій дымъ сгорѣвшей бумаги, какъ Христіанъ вошелъ въ каюту. Оба—и онъ, и Ренэ—бросили послѣдній взглядъ на застывшее лицо, тускло-освѣщенное мерцаніемъ свѣчей, и покинули судно. На берегу ихъ ожидала карета, и два монаха, слѣдившіе за Христіаномъ, усѣлись на козлахъ. Христіанъ и Ренэ помѣстились внутри кареты и, когда захлопнулась дверца, Христіанъ услышалъ, какъ щелкнулъ замокъ.

У воротъ деревенскаго почтамта карета остановилась, одинъ изъ монаховъ открылъ дверцу и Ренэ вышелъ изъ кареты. Христіанъ былъ увѣренъ, что Ренэ отправитъ его письмо, адресованное къ Сиднею Керью. Но аббатъ, вмѣсто этого, послалъ телеграмму, извѣщающую о прибытіи *Deux Frères* и адресовалъ ее къ «Morel et Fils, Marchants, Quimper».

— Гоэль Грель просилъ меня отправить это,—спокойно проговорилъ онъ, вручая телеграмму старому почтмейстеру.

Послѣ этого краткаго перерыва, карета быстро покатилась далѣе. Христіанъ, казалось, нисколько не возмущался своимъ плѣномъ. Онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на двухъ шпіоновъ, приставленныхъ слѣдить за каждымъ его движеніемъ. Таинственность его похищенія и этотъ переѣздъ въ каретѣ, неизвѣстно куда, по незнакомой странѣ, возбуждали его любопытство. Откинувшись на подушки кареты, онъ въ полудремотѣ слѣдилъ за мелькающими пейзажами. По солнцу онъ замѣчалъ путь, которымъ его везли, не смотря на многочисленные повороты. Проѣхавъ мостъ, выше Одьерна, карета вскорѣ свернула съ большой дороги. Солнце заходило, когда онъ пробудился и увидѣлъ, что они еще продолжаютъ ѣхать. Теперь Христіанъ уже не могъ оріентироваться въ мѣстности, и видѣлъ только, что они ѣдутъ на востокъ отъ берега. Привалъ былъ сдѣланъ въ маленькой деревушкѣ у подножія холма, населенной, исключительно, женщинами, потому что всѣ мужчины были матросы. Деревушка оказалась очень бѣдной, но можно было достать хлѣба и яицъ, мясо же считалось здѣсь непривычной роскошью.

При свѣтѣ заходящаго солнца, они поѣхали далѣе, то широкой почтовой дорогой, то прохладными и сумрачными лѣ-

Digitized by Google

сами. Много разъ бѣдный аббатъ, когда Христіанъ начиналъ съ нимъ ласково разговаривать, готовъ былъ сознаться въ своей измѣнѣ, по поводу письма. Но каждый разъ онъ воздерживался и подавлялъ въ своей душѣ благородное движеніе. Когда стемнѣло, карета спустилась въ глубокую узкую долину, черезъ которую протекала быстрая рѣка. Здѣсь кучеръ остановился, и оба путешественника вышли изъ кареты. Пріэстъ вполголоса обмѣнялся нѣсколькими словами съ іезуитомъ, спрыгнувшимъ съ козелъ, и затѣмъ вѣжливо обратился къ Христіану:

— Будьте добры, слѣдуйте за мной.

Англичанинъ исполнилъ его просьбу и, свернувъ съ дороги, они направились по широкой тропинкѣ, вдоль рѣки. Вскорѣ они подошли къ коттэджу, изъ отворенной двери котораго на встрѣчу имъ вышла женщина. Ни слова не говоря, она спустилась съ ними по деревяннымъ ступенькамъ къ парому. Когда она перевозила ихъ черезъ рѣку, журналистъ успѣлъ быстро и бѣгло замѣтить все: глубину воды, быстроту теченія и даже тотъ фактъ, что перевозчицѣ не заплатили ничего за ея услуги.

— Мы уже кончили свое путешествіе?—спросилъ онъ по англійски.

— Еще пять минутъ ходьбы,—отвѣчалъ аббатъ тоже по англійски.

Сойдя на берегъ, они снова пошли по тропинкѣ вдоль рѣки. Это была уединенная, заросшая мохомъ тропинка, обсаженная тополями съ обѣихъ сторонъ и, повидимому, совсѣмъ заглохшая. Вдругъ аббатъ остановился. Передъ ними лежалъ стволъ дерева, вѣроятно, срубленный и положенный здѣсь, чтобы устроить родъ грубой скамьи для отдыха.

— Посидимъ здѣсь нѣсколько минутъ,—сказалъ Ренэ.

Христіанъ покорился. Онъ сѣлъ первый и вытянулъ ноги.

— У меня все болитъ!—нетерпѣливо произнесъ онъ.—Не понимаю, что все это означаетъ!

Пріэстъ игнорировалъ это замѣчаніе.

— Другъ мой,—заговорилъ онъ,—еще нѣсколько минутъ и мои заботы о васъ будутъ кончены. Наше путешествіе имѣло для меня большое значеніе. За эти три дня я узналъ болѣе, чѣмъ за всю жизнь, и то, что я узналъ, никогда не будетъ

Digitized by Google

мною забыто. Не говоря ни слова о религіи, вы научили меня уважать ваши убѣжденія. Не произнеся ни слова жалобъ, вы заставили меня съ ужасомъ и стыдомъ вспоминать о той роли, которую я игралъ въ этомъ дѣлѣ. Я почти не смѣю... надѣяться, что вы когда нибудь простите меня!

Христіанъ медленно поднялъ руку къ своему лбу. Онъ не могъ рѣшить: было ли это странное притупленіе чувствъ, эта апатія, все болѣе и болѣе овладѣвавшая имъ — слѣдствіемъ крайней усталости, или признаками начинающейся болѣзни?

— Вы говорите такимъ тономъ, какъ будто мы никогда болѣе не встрѣтимся,—лѣниво проговорилъ онъ.

Аббатъ молчалъ нѣсколько секундъ. Его тонкія, крѣпко сжатыя, руки лежали на колѣняхъ.

— Это весьма возможно, — отвѣчалъ онъ, наконецъ. — И даже навѣрное, если наша дружба будетъ открыта!

— Такъ не надо открывать нашу дружбу,—замѣтилъ практическій англичанинъ.

— Но вѣдь это будетъ обманъ, лицемѣріе!

— Немного болѣе или менѣе лицемѣрія не измѣняютъ дѣла,—возразилъ Христіанъ болѣе суровымъ тономъ.

Пріэстъ рѣзко поднялъ голову, испуганный мыслью, что его предательскій поступокъ съ письмомъ открытъ. Но Христіанъ молчалъ, а темнота не позволяла видѣть выраженія его лица.

— И меня здѣсь оставятъ?—спросилъ Христіанъ послѣ долгой паузы. Въ его тонѣ слышались усталость и равнодушіе, какъ будто ему все равно, гдѣ ни остаться.

— Я ничего не знаю, другъ мой. Я только исполняю приказанія.

— И не допускаете размышленій?

— Я не могу помѣшать мыслямъ зарождаться въ моей головѣ,—мягко отвѣчалъ пріэстъ,—но разъ онѣ тамъ явились, я держу ихъ плѣнницами.

Онъ внезапно всталъ и пошелъ по берегу рѣки. Еслибы Христіанъ отнесся къ нему не такъ рѣзко, онъ признался бы, что сжегъ письмо.

Когда они удалились, изъ-за ствола дерева, служившаго имъ скамьей, приподнялась неясная человѣческая фигура. Это былъ одинъ изъ братьевъ, сопровождавшихъ карету съ Одьерна.

Digitized by Google

Вопреки инструкціямъ Ренэ, которыя тотъ шепнулъ ему по выходѣ изъ кареты, монахъ продолжалъ слѣдовать за ними все время, скрываясь за деревьями. Впрочемъ, онъ опоздалъ. Христіанъ, самъ того не подозрѣвая, своей рѣзкостью спасъ Ренэ.

XXII.

Нашла коса на камень.

Пройдя около ста ярдовъ, они внезапно очутились передъ домомъ, стоявшимъ поперекъ дороги, надъ самой водой.

Ночь была свѣтлая и пріэстъ безъ труда нашелъ ручку звонка, который прозвонилъ, однако, совершенно неслышно. Послѣ краткаго ожиданія, дверь, глубоко высѣченная въ каменной стѣнѣ, была отворена монахомъ. Опять Христіанъ замѣтилъ, что іезуиты не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Монахъ повелъ ихъ вдоль слабо освѣщеннаго коридора, по обѣимъ сторонамъ котораго, черезъ равные промежутки, виднѣлись двери. Въ воздухѣ чувствовался холодъ и сырость каменныхъ плитъ.

Въ концѣ коридора, сквозь полуоткрытую дверь, падала на каменный полъ яркая полоса свѣта. Въ эту келью ввели Христіана. Не замѣчая, слѣдовалъ ли за нимъ пріэстъ, или нѣтъ, Христіанъ вошелъ въ уютную комнату и въ изнеможеніи бросился на кровать. Хотя ночь была удушливо жаркая, онъ дрожалъ и, лежа въ постели, сжималъ руками голову. Глаза его глядѣли тупо и безжизненно, щоки помертвѣли, хотя губы были красны и влажны.

Между тѣмъ Ренэ Дрюкеръ слѣдовалъ за привратникомъ по широкой лѣстницѣ въ верхній коридоръ, который былъ совершенно похожъ на нижній, лишь съ тою разницей, что въ верхнемъ надъ входной дверью и каморкой привратника была устроена комната. Такимъ образомъ, окна этой комнаты приходились надъ рѣкой и она была защищена отъ всякихъ нескромныхъ взоровъ. Привратникъ остановился у дверей этого аппартамента, пропустивъ аббата впередъ и предоставивъ ему самому постучаться. Отвѣтъ на стукъ былъ произнесенъ такъ тихо, что Ренэ едва уловилъ его. Онъ отворилъ дверь, слегка заскрипѣвшую на петляхъ, и одинъ вошелъ въ комнату. Про-

Digitized by Google

тивъ него, за столомъ, помѣщавшимся у окна, сидѣлъ человѣкъ въ черной сутанѣ. Единственная лампа въ комнатѣ—узкой и длинной—стояла передъ нимъ на столѣ и ярко освѣщала его черную голову, обезображенную выбритой макушкой. Когда Ренэ приблизился, сидящій за столомъ человѣкъ слегка приподнялъ голову, но не обернулся. Быстрымъ и ловкимъ движеніемъ большой бѣлой руки онъ такъ искусно сдвинулъ бумаги, лежавшія передъ нимъ, что ни одного исписаннаго клочка не осталось на виду. На столѣ было нѣсколько книгъ; направо отъ простой, незатѣйливой чернильницы стояло превосходной работы распятіе, налѣво—крошечное зеркальце, не болѣе визитной карточки. Оно было помѣщено на хорошенькой проволочной подставкѣ, и, сидя за столомъ, стоило только поднять глаза, чтобы видѣть, кто вошелъ въ комнату, потому что вся она, не исключая и двери, отражалась въ зеркалѣ.

Хотя обитатель этой необыкновенной комнаты сидѣлъ, но можно было видѣть, что онъ высокъ ростомъ. Его плечи, немного узкія, были крѣпки, и еслибы, вмѣсто этой тонкой сутаны, на немъ было свѣтское платье, его сложенье никому не показалось бы слабымъ. Его голова была особенной, замѣчательной формы. Очень узкая въ вискахъ, она была совершенно плоска, начиная отъ вершины высокаго лба и до того мѣста, гдѣ сверкалъ на макушкѣ выбритый кружокъ; длина же черепа отъ передней части къ затылку была необычайна. Самый непроницательный физіономистъ могъ бы съ увѣренностью сказать, что въ такой головѣ должно заключаться что нибудь особенное—доброе или злое. Аббатъ Дрюкеръ прошелъ черезъ келью по голымъ каменнымъ плитамъ и остановился съ лѣвой стороны стола, на одинъ ярдъ отъ локтя начальника — «провинціала». Прежде чѣмъ обратить вниманіе на аббата, «провинціалъ» открылъ толстую книгу, переплетенную въ темный сафьянъ, бѣлые листы которой не имѣли линеекъ и были переложены, какъ дневникъ, пропускной бумагой. Страницы были пронумерованы, хотя въ книгѣ, повидимому, не было оглавленія. Подумавъ съ минуту, «провинціалъ» остановился на одной страницѣ, наполовину исписанной прекраснымъ почеркомъ, короткими параграфами. Тогда, въ первый разъ, онъ взглянулъ на вошедшаго.

— Добрый вечеръ,—произнесъ онъ богатымъ, звучнымъ

Digitized by Google

голосомъ. Когда онъ поднялъ голову, свѣтъ лампы упалъ прямо на его лицо. Это лицо было достойно головы. Безукоризненно правильное, спокойное и величавое, оно дѣйствовало обаятельно не только своей безспорной красотой, но, главнымъ образомъ, выраженіемъ спокойной, почти нечеловѣческой силы во взглядѣ этихъ бархатныхъ глазъ. Они были темны и глубоки, какъ бездна.

— Добрый вечеръ,—отвѣчалъ Ренэ Дрюкеръ, смущенно встрѣчая медленный и ласковый взглядъ своего начальника. «Провинціалъ» наклонился и, взявъ съ письменнаго стола гусиное перо, сталъ водить его концомъ по строкамъ книги, раскрытой передъ нимъ.

— Я понялъ, что ваша миссія была вполнѣ удачна? — произнесъ онъ дѣловымъ тономъ.

— Мнѣ кажется, что да.

«Провинціалъ» слегка повернулъ голову, какъ бы готовясь опять посмотрѣть въ лицо юному аббату, но, пробывъ съ минуту въ этомъ положеніи, онъ снова принялся за книгу.

— Вы отправились въ понедѣльникъ на прошлой недѣлѣ,— продолжалъ онъ.—Въ среду, вечеромъ, вы... выполнили инструкціи, данныя вамъ. Сегодня утромъ вы прибыли въ Одьернъ и на разсвѣтѣ вошли въ бухту. Вы исполнили порученіе удовлетворительно. Вы привезли плѣнника. Слѣдовательно—тутъ «провинціалъ» поднялъ перо отъ книги и едва замѣтно пожалъ плечами—слѣдовательно, вы имѣли полный успѣхъ?

Хотя въ тонѣ послѣдней фразы ясно слышался вопросъ, аббатъ оставался неподвижнымъ и безмолвнымъ. Послѣ паузы, настоятель продолжалъ тѣмъ же ласковымъ, ровнымъ голосомъ:

— Что же показалось вамъ неудовлетворительнымъ, сынъ мой?

— «Патронъ» лодки, Луи Плюферъ, былъ убитъ, при сильномъ вѣтрѣ размахнувшимся багромъ, когда мы еще оставались въ виду англійскаго берега.

— А! очень жаль. Вы успѣли... было у васъ время пріобщить его?

— Нѣтъ, мой отецъ. Онъ убитъ мгновенно.

Провинціалъ отложилъ въ сторону карандашъ и откинулся назадъ. Его нѣжные глаза были твердо устремлены на книгу, лежавшую передъ нимъ.

Digitized by Google

— Произвелъ этотъ случай какое нибудь дурное впечатлѣніе на экипажъ?—спросилъ онъ равнодушно.

— Не думаю. Я старался разсѣять подобное впечатлѣніе въ самомъ началѣ и... и въ этомъ случаѣ мнѣ очень много помогъ англичанинъ.

Не двинувъ ни однимъ мускуломъ, «провинціалъ» обратилъ глаза на молодаго пріеста. Онъ не смотрѣлъ ему въ лицо, но, казалось, слѣдилъ за его тонкими руками, которыя нервно двигались по черной сутанѣ.

— Сынъ мой,—ласково заговорилъ онъ,—какъ вамъ извѣстно, я большой поклонникъ искренности. Искренность въ словахъ и мысляхъ—вотъ чего я желаю, какъ отъ низшихъ, такъ и отъ высшихъ. Я всегда искренно относился къ вамъ и требую отъ васъ такого же отношенія. Мнѣ кажется, что осталось еще что-то неудовлетворительное въ вашей удачно выполненной миссіи. И это *что-то* касается англичанина. Не такъ ли?

Ренэ Дрюкеръ сдѣлалъ слабое движеніе, измѣнилъ позу и сжалъ руки.

— Онъ не такой, какъ я ожидалъ,—отвѣчалъ онъ послѣ паузы.

— Да,—подтвердилъ «провинціалъ».—Эти люди—странная раса. Иные изъ нихъ сильны... дѣйствительно, очень сильны. Но большая часть ихъ—глупы и чрезвычайно самодовольны. Этотъ—уменъ; не правда ли?

— Да, я думаю, что онъ очень уменъ.

— Былъ онъ грубъ и раздражителенъ?

— Нѣтъ; онъ былъ спокоенъ и почти равнодушенъ.

«Провинціалъ» глубоко задумался на нѣсколько мгновеній. Потомъ движеніемъ руки онъ указалъ на стулъ, стоявшій спинкой къ окну, въ концѣ стола.

— Садитесь, сынъ мой,—сказалъ онъ,—мнѣ надо еще о многомъ разспросить васъ. Боюсь, что совсѣмъ забылъ про вашу усталость.

— Теперь,—продолжалъ онъ, когда Ренэ сѣлъ на указанное мѣсто,—скажите мнѣ, не было ли это равнодушіе притворнымъ, чтобы разсѣять подозрѣніе и облегчить путь къ бѣгству.

— Нѣтъ.

— Вамъ случалось бесѣдовать съ нимъ?

Digitized by Google

— Мы почти все время были вмѣстѣ, особенно послѣ смерти «патрона». Онъ очень много помогалъ мнѣ и Гоэлю Грелю, главному матросу, потому что знаетъ морское дѣло.

— А! Такъ онъ свѣдущъ и въ этомъ дѣлѣ?

— Да, отецъ мой.

«Провинціалъ» сдѣлалъ новую замѣтку на листѣ манускрипта.

— О чемъ онъ говорилъ? О религіи, о нашемъ орденѣ, о политикѣ, о себѣ и своемъ плѣнѣ?

— Ни о чемъ подобномъ.

«Провинціалъ» внезапно откинулся въ креслѣ, и нѣсколько секундъ въ комнатѣ царило молчаніе. Онъ, повидимому, глубоко задумался, неподвижно устремивъ глаза въ раскрытую книгу.

— Я знавалъ англичанъ, — заговорилъ онъ наконецъ, — одного типа, какъ мнѣ кажется, съ этимъ человѣкомъ. Они никогда не говорятъ о религіи или о себѣ, и не высказываютъ своихъ мнѣній; и, однако, они вовсе не молчаливы. Они могутъ говорить обо всемъ очень умно и даже съ блескомъ; но темы для разговоровъ выбираютъ общія, держутся объективной точки зрѣнія. Такіе люди никогда не спорятъ, никогда не увлекаются во время бесѣды... Они превосходно умѣютъ слушать...

Тутъ «провинціалъ» остановился на мгновеніе и длинной, бѣлой рукой провелъ по глазамъ, какъ будто его безпокоилъ свѣтъ лампы. Въ то же время онъ опять взглянулъ на пальцы аббата, которые были теперь совершенно неподвижны.

— И трудно рѣшить,—продолжалъ настоятель,—помнятъ ли они то, что̀ слышатъ, или забываютъ. Можетъ быть, они все слышатъ... и ничего не забываютъ. Вашъ другъ этого типа, сынъ мой?

— Я думаю, что этого.

— Именно такіе люди и создали изъ своего маленькаго острова великую страну. Съ подобными людьми трудно бороться; но у нихъ есть слабость: они все готовы принести въ жертву идолу, котораго ошибочно называютъ *честью*, и, слѣдовательно, они не такіе опасные враги, какими могли бы сдѣлаться при иныхъ условіяхъ.

«Провинціалъ» проговорилъ эти слова безпечнымъ, почти

Digitized by Google

довольнымъ тономъ, и не замѣтилъ, что Ренэ смущенно задвигался на своемъ мѣстѣ.

— Итакъ,—продолжалъ онъ,—вы не узнали ничего важнаго въ теченіе тѣхъ дней, которые провели съ нимъ?

— Ничего, отецъ мой.

— Пытался онъ какъ нибудь извѣстить своихъ друзей?

— Онъ написалъ письмо и просилъ меня отправить его.

Провинціалъ нагнулся надъ книгою, держа перо въ правой рукѣ, а лѣвую протянулъ къ аббату.

— Я сжегъ его,—мягко произнесъ Ренэ.

— А! Очень жаль. Зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Мнѣ дали разрѣшеніе дѣйствовать по благоусмотрѣнію!— спокойно и рѣшительно отвѣчалъ аббатъ.

«Провинціалъ» критически посмотрѣлъ на кончикъ своего пера.

— Да,—произнесъ онъ задумчиво. — Конечно, вамъ дали разрѣшеніе. Что было тамъ написано?

— Всего нѣсколько словъ по англійски, которыми онъ просилъ друзей не тревожиться, и, главное, не разыскивать его, потому что онъ можетъ возвратиться всегда, когда только пожелаетъ.

— А! Въ самомъ дѣлѣ онъ написалъ это? И письмо было адресовано къ...

— М-ру Керью.

— Благодарю васъ.

«Провинціалъ» опять сдѣлалъ замѣтку въ книгѣ. Потомъ внимательно прочиталъ всю страницу. Его поза напоминала доктора, готоваго произнести діагнозъ.

— И вы не замѣтили въ немъ ничего особеннаго?—спросилъ онъ въ раздумьѣ и не поднимая глазъ.—Ничего характернаго, типичнаго, хочу я сказать? Какими словами вы могли бы описать его?

— Я долженъ замѣтить, — отвѣчалъ Ренэ Дрюкеръ,—что самая характерная черта его заключается въ энергіи; но эта энергія почему-то ослабѣла въ послѣднее время. Онъ энергично защищался въ среду вечеромъ, даже вывихнулъ мнѣ руку—потомъ онъ же самъ и вправилъ мнѣ свихнутое плечо— и на суднѣ во время бури онъ дѣятельно помогалъ намъ. Но потомъ имъ овладѣла какая-то странная апатія, возраставшая

Digitized by Google

съ каждымъ часомъ. Можно было подумать, что онъ желаетъ покинуть Англію.

«Провинціалъ» приложилъ палецъ къ верхней губѣ. Это былъ жестъ человѣка, привыкшаго въ минуту раздумья гладить усы, и надо полагать, что еще не очень давно гладковыбритый іезуитъ носилъ это мужественное украшеніе. Онъ провелъ пальцемъ по слегка отѣненной губѣ, отчего получился непріятный скребущій звукъ.

— Это странно,—медленно проговорилъ онъ.—Можете вы объяснить логически свое заключеніе?

— Нѣтъ, отецъ мой. Я просто отмѣчаю фактъ. И еще казалось, что это желаніе явилось у него совершенно обдуманно, и уже послѣ того, какъ судно миновало опасность, а съ этимъ одновременно явилось и равнодушіе ко всему.

«Провинціалъ» внезапно закрылъ книгу и отложилъ перо.

— Благодарю васъ, сынъ мой, — сказалъ онъ ласково, но безъ сердечной теплоты,—сегодня я васъ не буду тревожить болѣе. Вамъ необходимо подкрѣпиться пищей и отдохнуть. Доброй ночи, сынъ мой! Вы все исполнили хорошо.

Ренэ всталъ и направился къ двери, но чистый, звучный голосъ начальника остановилъ его:

— Когда будете въ рефекторіи, прикажите послать ко мнѣ Веллакота, когда онъ отдохнетъ. Помните, я не желаю, чтобы вы видѣлись съ нимъ раньше меня!

Когда дверь закрылась по уходѣ Ренэ, «провинціалъ» поднялся съ мѣста и сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ. Потомъ онъ отодвинулъ занавѣсь, скрывавшую небольшой альковъ у двери, гдѣ виднѣлась простая кровать и столикъ. Онъ пригладилъ щеткой свои глянцевитые, черные волосы, погрузилъ концы пальцевъ въ тазикъ съ водой и тщательно вытеръ ихъ. Такимъ образомъ, онъ приготовился принять Христіана Веллакота.

Возвратившись къ своему креслу, онъ опустился въ него съ нѣкоторымъ утомленіемъ. Хотя на столѣ было мало бумагъ, ему предстояло еще три часа прилежныхъ занятій. Онъ откинулся назадъ и снова поднесъ руку къ усамъ, которыхъ не было.

— У меня неопредѣленное предчувствіе,—задумчиво прошепталъ онъ,—что въ этомъ случаѣ мы ошиблись. Мы попали

Digitized by Google

на ложный слѣдъ, и Тальма всему причиной. Его темпераментъ просто фатальный!

Онъ потянулся и зѣвнулъ.

— Боже мой!—вздохнулъ онъ,—борьба становится съ каждымъ днемъ тяжелѣе. Съ каждымъ днемъ, мы все болѣе теряемъ власть. Можетъ быть, дѣйствительно, наше грандіозное зданіе разрушается, и мы медленно умираемъ отъ истощенія, но однако... однако, этого не должно быть—у насъ есть еще *народъ*... А! я слышу шаги. Это, безъ сомнѣнія, нашъ литературный другъ. Я думаю, онъ окажется интереснымъ.

Минуту спустя, кто-то тихо постучался въ дверь. Потомъ послышались удаляющіеся шаги, и Христіанъ вошелъ въ комнату одинъ. Въ его глазахъ виднѣлось странное выраженіе тупой боли, душевной или физической. Бросивъ взглядъ въ зеркало, «провинціалъ» всталъ и церемонно поклонился, опустивъ руку на спинку своего кресла. Когда англичанинъ подошелъ ближе, іезуитъ взглянулъ ему въ лицо и сказалъ, вѣжливо указывая рукой:

— Сэръ, прошу васъ сѣсть.—Онъ сразу заговорилъ по французски, какъ бы увѣренный, что его собесѣдникъ также хорошо знаетъ этотъ языкъ, какъ и свой собственный.

— Благодарю васъ, — отвѣчалъ Христіанъ. Онъ слегка придвинулъ стулъ и сѣлъ, устремивъ глаза на лицо іезуита. Въ теченіе всего разговора, онъ ни на минуту не отводилъ своего взгляда, и замѣтилъ, что нѣжные, глубокіе глаза іезуита ни разу не поднялись на его лицо.

— Я думаю, м-ръ Веллакотъ, — проговорилъ, наконецъ, іезуитъ почти смиренно,—что мы непримиримые враги?

Тонъ, которымъ это было сказано, ничѣмъ не напоминалъ того холоднаго превосходства, съ которымъ «провинціалъ» относился къ Ренэ Дрюкеру. Англичанинъ сидѣлъ, положивъ худощавую руку на столъ, и наблюдалъ. Онъ зналъ, что отъ него ожидаютъ отвѣта, но именно потому предпочиталъ молчать. Коса нашла на камень. «Провинціалъ» встрѣтилъ, наконецъ, достойнаго противника. Его странная, магнетическая сила не имѣла никакой власти надъ этимъ человѣкомъ. Почувствовавъ это, онъ сталъ интересоваться Христіаномъ Веллакотомъ.

— Я думаю, лишнее напоминать человѣку вашего ума,

Digitized by Google

м-ръ Веллакотъ,—продолжалъ іезуитъ, — что каждый вопросъ имѣетъ двѣ стороны.

Англичанинъ улыбнулся и сдѣлалъ легкое движеніе — подобралъ ноги и наклонился впередъ.

— Изъ чего я долженъ понять,—безпечно отозвался онъ,—что въ извѣстномъ вопросѣ вы стоите на одной сторонѣ, а я на другой.

— Увы! это дѣйствительно такъ.

Веллакотъ опять откинулся на спинку стула и скрестилъ ноги.

— Съ своей стороны, monsieur, считаю нужнымъ напомнить вамъ, что я журналистъ.

«Провинціалъ» поднялъ брови, почти непримѣтно, и ожидалъ, что скажетъ дальше его собесѣдникъ.

— Это означаетъ,—пояснилъ Веллакотъ,—что мое мѣсто не на какой нибудь одной изъ двухъ сторонъ, но посрединѣ. Я не принадлежу ни къ какой партіи, и у меня нѣтъ враговъ. Мой долгъ заключается въ томъ, чтобы устанавливать факты возможно яснѣе и безпристрастнѣе, и помочь моимъ соотечественникамъ составить собственное мнѣніе. Можетъ случиться, что сегодня я пишу объ одной сторонѣ вопроса, а завтра—о другой. Это—неизбѣжное зло для журналиста.

— Въ такомъ случаѣ, намъ незачѣмъ быть врагами,—мягко сказалъ іезуитъ.

— Да, незачѣмъ. Но, съ другой стороны,—добавилъ Христіанъ съ непринужденной смѣлостью,—намъ незачѣмъ быть и друзьями.

Іезуитъ слабо улыбнулся—такъ слабо, что это была только тѣнь улыбки, едва тронувшая углы его изящнаго рта, и не освѣтившая мягкой темноты его глазъ.

— Тогда мы враги,—замѣтилъ онъ.—Тотъ, за кѣмъ я слѣдую, сказалъ: всѣ, кто не со мною—противъ меня.

Губы англичанина внезапно сжались, лицо приняло каменную холодность. Были такія темы, которыхъ онъ рѣшилъ не касаться.

— Мнѣ поручили,—продолжалъ іезуитъ, вдругъ переходя отъ пріятнаго тона къ дѣловому,—попросить васъ дать письменное обѣщаніе никогда болѣе не писать ни одного слова ни за, ни противъ іезуитовъ. Взамѣнъ этого обѣщанія, я уполно-

Digitized by Google

моченъ принести вамъ извиненія всего нашего ордена за причиненное безпокойство и помочь вамъ какъ можно скорѣе возвратиться на родину.

Послѣ этихъ словъ, настало глубокое молчаніе. Только монотонно постукивалъ, гдѣ-то въ углу, часовой маятникъ. Оба собесѣдника сидѣли на разстояніи одного ярда другъ отъ друга; іезуитъ съ опущенными глазами, а Веллакотъ — внимательно глядя на его неподвижныя черты.

Наконецъ, спокойный звучный голосъ Христіана прервалъ молчаніе.

— Разумѣется, я отказываюсь,—просто сказалъ онъ.

Провинціалъ поднялся съ мѣста и оттолкнулъ кресло назадъ.

— Въ такомъ случаѣ, я болѣе не удерживаю васъ. Вы, безъ сомнѣнія, утомлены. Въ коридорѣ ожидаетъ келейникъ, онъ проводитъ васъ въ... назначенную вамъ комнату, и въ какое бы время дня или ночи вы ни пожелали меня видѣть, помните, что я всегда къ вашимъ услугамъ.

Христіанъ тоже всталъ. Онъ шатался и, чтобы удержаться, ухватился за столъ обѣими руками. Онъ стоялъ съ минуту, потомъ вдругъ повалился впередъ. Еслибы іезуитъ не подхватилъ его, онъ упалъ бы на полъ.

— Голова кружится...—несвязно бормоталъ Христіанъ.— Въ чемъ дѣло?.. въ чемъ дѣло?..

Іезуитъ обнялъ его за талію одной рукой—тонкой, но сильной и крѣпкой, какъ сталь.

— Вы утомлены,—сказалъ онъ участливо,—можетъ быть, у васъ начинается горячка. Пойдемте, я провожу васъ въ вашу комнату.

И они вмѣстѣ вышли.

XXIII.

Сраженъ болѣзнью.

Впослѣдствіи Христіанъ не могъ припомнить съ точностью эту первую ночь въ монастырѣ. Въ первые часы слышался безконечный, монотонный звонъ церковнаго колокола, вѣроятно, призывавшій братію къ полночной молитвѣ. Послѣ этого онъ впалъ въ глубокое летаргическое забытье, потому что не слышалъ ни звуковъ органа, ни строгаго и мелодичнаго монастырскаго пѣнія.

Digitized by Google

Солнечный блескъ лежалъ на каменномъ полу маленькой кельи Христіана. Толстая дубовая дверь заглушала отдаленные звуки монастырской жизни; слышалось только тяжелое, неровное дыханіе больнаго, нарушавшее мертвую тишину. Христіанъ лежалъ, одѣтый, на узкой постели. Болѣзненная краснота щокъ смѣнилась землистымъ оттѣнкомъ. Сжатыя въ кулакъ руки оставались недвижны. Черезъ открытыя, распухшія губы вырывался безсмысленный хриплый шопотъ.

Дверь отворилась со скрипомъ, но больной не пошевельнулся. Ренэ Дрюкеръ вошелъ въ комнату и бросился къ постели. За нимъ степенно и медленно слѣдовалъ подъ-игуменъ монастыря. Ренэ получилъ разрѣшеніе отъ «провинціала» видѣть Христіана предъ отъѣздомъ въ Индію. Такимъ образомъ, Ренэ сдѣлался миссіонеромъ скорѣе, чѣмъ ожидалъ. Дальновидный «провинціалъ» съ самаго начала рѣшилъ удалить Ренэ Дрюкера съ опаснаго пути, какъ только онъ исполнитъ свою непріятную миссію въ Сенъ-Мери-Истернъ.

— Отецъ мой, онъ умираетъ! — вскричалъ съ испугомъ молодой пріестъ.

Достопочтенный подъ-игуменъ склонилъ голову надъ постелью. Это былъ высокій, худощавый іезуитъ, со впалыми щеками и чудеснымъ выраженіемъ тихаго довольства въ глазахъ, какое бываетъ только у старыхъ монаховъ. Онъ былъ очень свѣдущъ въ медицинѣ и зналъ ботанику лѣкарственныхъ травъ, необходимыхъ для монастырской аптеки. Можетъ быть, иные изъ его паціентовъ не умерли бы на рукахъ болѣе искуснаго врача, но его костлявыя руки такъ нѣжно прикасались къ больнымъ братьямъ, какъ руки женщины.

Онъ пощупалъ пульсъ англичанина и нѣсколько минутъ всматривался въ его землистое лицо, нѣжно положивъ руку на влажный лобъ больнаго, между тѣмъ какъ Ренэ стоялъ возлѣ, чувствуя на сердцѣ гнетущую тяжесть раскаянія и ужаса. Потомъ подъ-игуменъ съ усиліемъ опустился на колѣни и приложилъ гладко-выбритыя губы къ уху больнаго.

— Сынъ мой,—сказалъ онъ,—вы слышите меня?

Дыханіе Христіана стала тише, какъ будто онъ прислушивался къ отдаленному звуку, но ни одинъ мускулъ въ лицѣ не шевельнулся. Вдругъ онъ началъ что-то несвязно бормотать, и монахъ склонилъ ухо, чтобы слышать.

Digitized by Google

— Благословеніе мое да хранитъ васъ, Гильда...—прошепталъ Христіанъ на ухо почтенному брату. Старый монахъ поднялъ голову и казался немного озадаченнымъ. Потомъ онъ опять наклонился и сталъ слушать.

— Смотрите за теткой Юдифью: она не долго проживетъ—шепталъ Христіанъ по англійски, а монахъ не зналъ этого языка.

— У него тифозная горячка,—объявилъ подъ-игуменъ тотчасъ же—одна изъ тѣхъ страшныхъ болѣзней, отъ которыхъ люди мрутъ, какъ мухи отъ холода.

Монаху, казалось, и въ голову не приходило бояться заразы. Онъ стоялъ на колѣняхъ на холодномъ полу, поддерживая одной рукой голову больнаго, а другую положивъ ему на грудь. Онъ внимательно глядѣлъ въ мутные глаза больнаго, наклонившись къ его распухшимъ губамъ.

— Онъ умретъ, отецъ мой?—шопотомъ спросилъ Ренэ Дрюкеръ, лицо котораго было также блѣдно, какъ лицо больнаго.

— Онъ въ рукахъ божіихъ,— торжественно отвѣчалъ монахъ, поднимаясь на ноги и въ раздумьѣ стоя надъ кроватью. Онъ медленно потеръ свои костлявыя руки. Солнечный лучъ проникъ сквозь окно и упалъ на его сѣдую голову, безжалостно освѣтивъ глубокія морщины, бороздившія его впалыя щоки.

— Вы должны присмотрѣть за нимъ, сынъ мой,—продолжалъ онъ,—пока я пойду извѣстить объ этомъ отца провинціала.

Почтенный монахъ не былъ іезуитомъ и, можетъ быть, пребываніе «провинціала» въ монастырѣ было ему несовсѣмъ пріятно, но пріоръ—девяностолѣтній, выжившій изъ ума, старикъ—былъ совершенно во власти іезуитовъ.

Оставшись наединѣ съ Христіаномъ, Ренэ устало опустился на маленькую деревянную скамью — единственная мебель въ кельѣ—склонивъ узкое лицо на обѣ руки. Мысли, занимавшія Ренэ, когда онъ сидѣлъ неподвижно, уставившись глазами въ каменный полъ, были довольно мрачны. Если Христіанъ умретъ, онъ, Ренэ Дрюкеръ, будетъ убійцей передъ лицомъ Всевышняго, потому что послужилъ орудіемъ гибели этого человѣка, совершилъ насиліе надъ нимъ. Сознавать это было невыносимо для юнаго монаха, душа котораго была полна нѣжности и человѣколюбія, а видѣть сильнаго человѣка лежащимъ въ

Digitized by Google

безпамятствѣ на узкой, неудобной кровати — было еще тяжелѣе. Весьма естественно, что подобныя мысли, вмѣстѣ съ сознаніемъ полной безполезности своего существованія, должны были зажечь въ сердцѣ Ренэ чувство глухой вражды къ тому человѣку, который такъ деспотически властвовалъ надъ нимъ, и когда, черезъ нѣсколько минутъ, «провинціалъ» безшумно вошелъ въ келью, Ренэ съ ужасомъ подумалъ, что его сокровеннѣйшія мысли не могутъ составлять тайны для глубокихъ, проницательныхъ глазъ этого человѣка, который читаетъ въ чужой душѣ, какъ въ открытой книгѣ. «Провинціалъ» вошелъ въ келью совершенно неслышной поступью. Его блѣдное лицо не выражало ни досады, ни удивленія, и глаза обратились на фигуру больнаго безъ всякаго страха. Онъ приблизился и пальцемъ тронулъ Христіана за руку. Нѣсколько мгновеній смотрѣлъ онъ на пылающее лицо, потомъ отвернулся, не отходя однако отъ кровати. Онъ тоже, казалось, не боялся заразы. Подъ-игуменъ и Ренэ, вставшій съ мѣста, при входѣ «провинціала», стояли позади.

— Этотъ человѣкъ не долженъ умереть, — холодно произнесъ «провинціалъ».—Спасите его, не щадя ни заботъ, ни денегъ. Можно выписать докторовъ изъ Нанта. Я беру на себя всѣ расходы и буду очень огорченъ, если онъ умретъ!

Затѣмъ онъ повернулся, собираясь уходить. Онъ былъ дѣловой человѣкъ, а его визитъ продолжался почти три минуты. Ренэ Дрюкеръ поспѣшно бросился къ двери и сталъ передъ нимъ.

— Отецъ мой,—сказалъ онъ съ мольбой, — позвольте мнѣ за нимъ ухаживать!

«Провинціалъ» чуть замѣтно поднялъ брови, потомъ махнулъ рукой, чтобы Ренэ отошелъ отъ двери.

— Нѣтъ,—мягко отвѣтилъ онъ,—черезъ полчаса вы отправляетесь въ Нантъ.—И онъ вышелъ изъ кельи въ молчаливый коридоръ.

XXIV.

Возвращеніе къ жизни.

Въ одинъ мягкій осенній вечеръ, когда свѣтъ заходящаго солнца, отраженный отъ бѣлыхъ стѣнъ монастыря, озарялъ

Digitized by Google

фруктовыя деревья, наполняя воздухъ теплomъ и блескомъ, «провинціалъ» прогуливался по саду.

Едва ли нужно прибавлять, что онъ былъ одинъ. Никто никогда не прогуливался съ нимъ. Ничьи ноги не топтали песка дорожки въ тактъ съ его скользящей поступью. Можетъ быть даже, что никто не гулялъ съ нимъ въ сумеркахъ съ того самаго времени, когда рядомъ съ его высокой тѣнью двигалась легкая фигурка лѣсной феи, и чьи-то воздушныя ножки тщетно старались попасть въ тактъ съ его большими ногами. Но это происходило не въ монастырскомъ саду, и цвѣтущій, практическій уголокъ, засаженный фруктовыми деревьями, мало напоминалъ террасу богатаго замка. Можетъ быть, въ тѣ далекіе дни, еще сіялъ лучъ жизни въ глубокихъ, бархатныхъ глазахъ «провинціала»; можетъ быть, и усы украшали эту короткую приподнятую губу, которую такъ часто поглаживали теперь бѣлые пальцы.

Благочестивые монахи занялись вечерней трапезой, и «провинціалъ» остался въ саду совершенно одинъ. Листья дерьвьевъ казались розовыми въ вечернемъ сіяніи. Фрукты поспѣвали и находились въ полной красѣ; но одинокій «провинціалъ» ничего этого не видѣлъ. Онъ ходилъ по дорожкѣ взадъ и впередъ, съ опущенными глазами, поворачивался медленно и равнодушно, какъ будто ему было все равно, гдѣ ни гулять. Веселые дрозды безпрерывно перекликались другъ съ другомъ въ полѣ, примыкавшемъ къ саду; откуда-то доносились крики меланхолическихъ грачей, которые составляютъ, можетъ быть, самые печальнѣйшіе звуки въ великомъ концертѣ природы. Но іезуитъ рѣшительно не хотѣлъ ничего слышать. Впрочемъ, однажды онъ остановился и простоялъ нѣсколько секундъ, слегка повернувъ голову на какой-то отдаленный крикъ, но онъ ни разу не поднялъ глазъ, взглядъ которыхъ былъ такъ глубокъ и безжизненъ. Можетъ быть, возлѣ того южнаго замка, гдѣ когда-то онъ прогуливался въ тихій вечерній часъ, тоже было гнѣздо грачей, а, можетъ быть, онъ прислушивался къ чему нибудь другому. Вскорѣ онъ уловилъ шорохъ шаговъ въ противоположномъ концѣ сада, но не поднялъ головы. Казалось, онъ былъ совершенно равнодушенъ къ мелкимъ интересамъ будничной жизни.

— Тише, тише! — раздался глухой, грубоватый голосъ, въ

Digitized by Google

которомъ іезуитъ призналъ голосъ подъ-игумена; тогда онъ слегка поднялъ глаза, не измѣняя, однако, своего шага.

Онъ увидѣлъ Христіана Веллакота, который двигался возлѣ стараго монаха, колеблющимися, невѣрными шагами, какъ человѣкъ, который разучился ходить. Миновало ровно шесть недѣль съ того вечера, когда Христіанъ шелъ впервые черезъ этотъ садъ вмѣстѣ съ Ренэ Дрюкеромъ, и эти недѣли показались ему страннымъ и довольно пріятнымъ сномъ. Казалось, будто человѣкъ, лежавшій на той монастырской кровати, не имѣлъ ничего общаго съ нервнымъ, энергичнымъ Христіаномъ добраго, стараго времени. Лежа тамъ въ полудремотѣ, слабый и лѣнивый, онъ смотрѣлъ на жизнь какъ бы издали. Ничто не казалось особенно важнымъ. Ему было все равно, наступала ли ночь, или день, утро или вечеръ. И во все время этихъ дремотныхъ часовъ, онъ слышалъ нѣжный шелестъ монашескихъ рясъ и заглушенный звукъ сандалій. Когда бы онъ ни открылъ отяжелѣвшія вѣки, онъ смутно различалъ при тускломъ свѣтѣ неподвижную фигуру, сидящую на простой деревянной скамьѣ, возлѣ его кровати. Каждый разъ, когда онъ хотѣлъ повернуться на своей жосткой постели, а наболѣвшія кости не слушались его, онъ чувствовалъ прикосновеніе сильныхъ и нѣжныхъ рукъ, и тотчасъ же находилъ, безъ просьбы, необходимую помощь. По большей части, этой сидѣлкой былъ высокій подъ-игуменъ, боровшійся, во всеоружіи своихъ медицинскихъ познаній, съ жестокой горячкой; его руки чаще другихъ оправляли измятую подушку. Но и кромѣ него, много гладко-выбритыхъ, полныхъ и худыхъ лицъ склонялось надъ постелью, потому что для каждаго были пріятны обязанности сидѣлки. Монахамъ нравилось сознавать, что они приносятъ кому нибудь пользу, и что ихъ существованіе получило нѣкоторый смыслъ. Но одного посѣтителя, очень часто навѣщавшаго его, Христіанъ никогда не видѣлъ. «Провинціалъ» входилъ въ маленькую келью только тогда, когда зналъ навѣрное, что больной спитъ. Непроницаемый, холодный іезуитъ, казалось, почти стыдился того участія, которое несомнѣнно возбуждалъ въ немъ этотъ больной человѣкъ, попавшій къ нему въ руки, благодаря необычайному стеченію обстоятельствъ. Въ разговорѣ съ подъ-игуменомъ, когда рѣчь касалась Христіана, «провинціалъ» становился холоденъ и саркастиченъ, но не проходило дня, чтобы

Digitized by Google

онъ не заглянулъ, хоть ненадолго, въ маленькую келью, въ концѣ длиннаго, молчаливаго коридора.

— Тише, тише! — говорилъ старый монахъ, протягивая руки, чтобы поддержать своего паціента,—вы слишкомъ самонадѣянны, сынъ мой.

Христіанъ засмѣялся тихимъ, слабымъ смѣхомъ, и поднялъ голову. Смѣхъ внезапно оборвался, когда онъ увидѣлъ «провинціала», и оба человѣка смотрѣли нѣсколько времени другъ другу въ глаза, при тихомъ вечернемъ свѣтѣ. Іезуитъ первый опустилъ взглядъ и съ величавымъ поклономъ медленно удалился.

— Я гораздо сильнѣе, чѣмъ кажусь вамъ, отецъ мой, — проговорилъ Христіанъ, обращаясь къ своему спутнику. Они медленно пошли впередъ и вскорѣ сѣли на деревянную скамью, противъ монастырской стѣны.

Христіанъ, сидя, слѣдилъ за «провинціаломъ», который продолжалъ ходить взадъ и впередъ по той же аллеѣ, гдѣ они его увидѣли. Старый монахъ, спутникъ Христіана, сидѣлъ, сложивъ руки и потупивъ глаза на песокъ дорожки. Западъ блѣднѣлъ, было очень тихо. «Провинціалъ» и Христіанъ изрѣдка бросали другъ на друга взгляды черезъ картофельное поле, раздѣлявшее ихъ, и чувствовали желаніе сойтись и поговорить. Но это было невозможно, особенно въ присутствіи стараго монаха. Было невозможно, чтобы эти два человѣка откровенно высказали свои мысли, потому что одинъ изъ нихъ былъ іезуитъ.

«Провинціалъ», однако, сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію, и англичанинъ впослѣдствіи часто думалъ объ этомъ и не могъ рѣшить, какова была истинная цѣль этого поступка. Іезуитъ направился въ сѣверный конецъ сада, гдѣ возлѣ стѣны росли грушевыя деревья. Они были покрыты плодами, которые раздавались бѣднымъ во время жатвы. «Провинціалъ» выбралъ самую спѣлую грушу и осторожно сорвалъ ее, не прикасаясь пальцами къ плоду. Потомъ обычнымъ, размѣреннымъ шагомъ подошелъ къ скамьѣ, гдѣ сидѣлъ Христіанъ. При видѣ его, старый монахъ всталъ и ожидалъ его приближенія, неподвижный, со сложенными руками; но въ его позѣ не было ни малѣйшаго подобострастія, а даже что-то почти враждебное. Христіанъ продолжалъ сидѣть и устремилъ острые, сѣрые глаза на лицо іезуита съ видомъ спокойнаго самообладанія, которое тотъ игнорировалъ.

Digitized by Google

— Очень радъ, monsieur, что вы поправились, — холодно сказалъ онъ Христіану, и глаза ихъ на секунду встрѣтились.

Англичанинъ слегка кивнулъ головой, и въ этомъ движеніи была какая-то особенная выразительность, выдававшая его французское воспитаніе; но холодное молчаніе, съ которымъ онъ ожидалъ, что̀ скажетъ далѣе его собесѣдникъ, было чисто британское. «Провинціалъ» бросилъ медленный взглядъ изъ-подъ рѣсницъ на неподвижную фигуру стараго монаха. Онъ былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобы не съумѣть выйти изъ неловкаго положенія, и слишкомъ уменъ, чтобы дать замѣтить Христіану свою нерѣшительность. Послѣ минутной паузы, онъ обратился къ старому монаху и спросилъ:

— Вы разрѣшаете своему паціенту, братъ мой, вкусить отъ плодовъ нашихъ? Груша спѣлая и будетъ ему полезна.

Потомъ, не ожидая отвѣта, онъ подалъ грушу Веллакоту. Это былъ странный поступокъ и, безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ особенный смыслъ. Іезуитъ долженъ былъ знать изъ донесенія Ренэ и своихъ собственныхъ наблюденій, что Христіанъ былъ сдѣланъ изъ слишкомъ твердой глины, чтобы растрогаться какими нибудь ничтожными знаками вниманія, какъ бы искренно и сердечно они ни были оказаны. Можетъ быть, онъ ошибочно понялъ натуру Христіана, хотя его опытность въ распознаваніи людей была велика; или, быть можетъ, онъ дѣйствительно желалъ примиренія и сдѣлалъ къ нему шагъ, съ деликатностью и граціею, свойственными его націи.

Вѣжливо поблагодаривъ, Христіанъ принялъ грушу и положилъ ее возлѣ себя, на скамью. Каково бы ни было намѣреніе іезуита, оно не могло теперь достигнуть цѣли. Еслибы Христіанъ сталъ ѣсть грушу, легко могъ бы завязаться разговоръ по поводу этого. Но Христіанъ понялъ тайный умыселъ и поступилъ какъ разъ наоборотъ. Манера Христіана, его спокойное и непринужденное молчаніе, показывали ясно и прямо, что присутствіе «провинціала» было непріятно и неумѣстно. Оставалось только понять намекъ; и, при свѣтѣ угасающаго дня, одинокій несчастный человѣкъ удалился медленно и неохотно. Англичанинъ съ холодной суровостью посмотрѣлъ ему вслѣдъ; въ его душѣ не было торжества, но не было также и жалости. Іезуитъ самъ выбралъ себѣ путь; онъ достигъ

Digitized by Google

своей пристани и эта ужасная жажда—жажда власти—была почти удовлетворена. И если когда нибудь вечеромъ, послѣ тяжелаго, умственнаго труда, когда сердца людей смягчаются утомленіемъ и желаніемъ отдыха, если тогда онъ искалъ чего нибудь другаго, кромѣ власти—сочувствія или участія какого нибудь человѣческаго существа — онъ самъ виноватъ, если ничье сердце не откликалось на его желаніе. Христіанъ спрашивалъ себя, стоитъ ли власть такой цѣны.

Монахъ опять сѣлъ на скамью, смиренно сложилъ руки и молчалъ. Онъ чувствовалъ, что произошло нѣчто, недоступное его пониманію. Инстинктъ подсказывалъ ему, что между этими двумя сильными натурами шла борьба, глухая, упорная и жестокая.

— Вы не сказали еще мнѣ, отецъ мой,—заговорилъ Христіанъ,—какъ долго я былъ боленъ.

— Шесть недѣль, сынъ мой,—отвѣчалъ молчаливый монахъ.

— И сильно былъ я боленъ?

— Да, сильно.

Христіанъ медленно потеръ свои тонкія руки. Пальцы были влажны и черезчуръ бѣлы, особенно въ суставахъ. Лицо было тонко, но не исхудало, подбородокъ не удлинился, но выраженіе рта совершенно измѣнилось: губы не приподнимались къ верху смѣлымъ, рѣшительнымъ изгибомъ, улыбка являлась чаще.

— Я смутно помню, что за мной нѣжно и заботливо ухаживали; больше всѣхъ вы, я думаю. Конечно, я вамъ обязанъ своей жизнью.

Монахъ сдѣлалъ легкое движеніе и подобралъ ноги.

— Ваша жизнь была не въ моей власти,—спокойно отвѣтилъ онъ.

Англичанинъ тактично промолчалъ на это замѣчаніе.

— Приходило вамъ когда нибудь въ голову, что я не возвращусь въ Англію?—спросилъ онъ безпечно, хотя мысль о родинѣ не вызвала улыбки на его лицѣ.

Монахъ не сразу отвѣтилъ. Онъ, казалось, глубоко задумался, наклонившись впередъ и положивъ локти на колѣни.

— Однажды ночью,—задумчиво началъ онъ,—я пришелъ сидѣть возлѣ васъ, послѣ того какъ прозвонили къ заутренѣ. Отъ полуночи до трехъ часовъ вы не пошевельнулись. Надо

Digitized by Google

было дать вамъ лѣкарство и, когда я наклонился къ вамъ, пламя свѣчи заколебалось; на лицѣ вашемъ лежали странныя тѣни и возлѣ рта онѣ сгущались. Я видѣлъ ихъ однажды раньше, на лицѣ моего брата, когда онъ лежалъ на парижской мостовой, съ пулей въ легкихъ, и дыханіе вылетало изъ его рта со свистомъ, какъ свищетъ вѣтеръ зимою вокругъ нашихъ стѣнъ. Я приблизилъ свѣчу къ вашему лицу, когда чья-то рука протянулась черезъ мое плечо и взяла ее у меня. Отецъ «провинціалъ» пришелъ помочь мнѣ. Онъ не сказалъ ни слова, только поставилъ свѣчу на постель и, когда я приподнялъ васъ,—далъ вамъ лѣкарство.

— А!—медленно и многозначительно произнесъ Христіанъ,—такъ *онъ* приходилъ.

Монахъ не отвѣчалъ. Онъ сидѣлъ неподвижно, и его спокойное молчаніе означало или много, или ничего.

— Часто приходилъ онъ?

— Очень часто.

— Я ни разу не видѣлъ его.

Снова не послѣдовало отвѣта. Потомъ монахъ продолжалъ свой разсказъ:

— Наконецъ, когда наступило утро, тѣнь покинула ваши уста. Я думаю, эта ночь была кризисомъ; тогда вы были ближе... ближе, чѣмъ когда либо.

Христіанъ былъ уже настолько силенъ, что начиналъ интересоваться внѣшнимъ міромъ. Онъ былъ очень заинтересованъ отцомъ-провинціаломъ, но скрывалъ свое любопытство и не рѣшался проникнуть во тьму, окружавшую этого человѣка, его прошлое, настоящее и будущее. И подъ-игуменъ тоже интересовалъ его, хотя слабѣе. Старый монахъ былъ въ разговорчивомъ настроеніи и Христіанъ воспользовался этимъ.

— Вашъ братъ умеръ?—спросилъ онъ участливо.

— Умеръ. Да, сынъ мой, онъ умеръ—умеръ, проклиная тирана, прострѣлившаго ему легкія. Онъ пожертвовалъ жизнью для того, чтобы измѣнить законы природы, исправить то, что̀ покривилось и не можетъ держаться прямо. Онъ хотѣлъ вдругъ достигнуть того, что̀ наступитъ только тогда, когда левъ станетъ питаться соломой, подобно ослу. Смотрите, сынъ мой, не сдѣлайте и вы того же.

— Я думаю,—сказалъ Христіанъ черезъ минуту,—что мы

Digitized by Google

всѣ дѣлаемъ это понемногу, и настанетъ день, когда ничтожныя усилія многихъ сольются въ одно могучее движеніе. И вы, отецъ мой, когда-то стремились къ этому!

Монахъ медленно покачалъ головой.

— Я не всегда былъ монахомъ,—сказалъ онъ, какъ бы извиняясь за прошлыя увлеченія.

Было почти совсѣмъ темно. Птицы умолкли и только шорохъ листьевъ нарушалъ торжественную тишину. Оба человѣка молча сидѣли рядомъ. За эти шесть недѣль они такъ хорошо узнали другъ друга, что молчаніе между ними не имѣло ничего натянутаго. Наконецъ, Христіанъ сдѣлалъ тревожное движеніе. Онъ уже настолько окрѣпъ, что неподвижность и бездѣйствіе скоро утомляли его. Это былъ признакъ возвращающейся силы.

— Гдѣ аббатъ Дрюкеръ?—внезапно спросилъ онъ.

— Онъ покинулъ насъ нѣсколько времени назадъ,—уклончиво отвѣтилъ монахъ.

— Аббатъ Дрюкеръ собирался въ чужіе края,—замѣтилъ Христіанъ, не обращая вниманія на отвѣтъ монаха.

— Отецъ-провинціалъ говорилъ мнѣ, что аббатъ отправился въ Индію учить святому евангелію тѣхъ, душа которыхъ еще пребываетъ во мракѣ.

Христіанъ былъ нѣсколько удивленъ, что Ренэ Дрюкеръ такъ скоро достигъ своей цѣли. Онъ и не подозрѣвалъ, что самъ былъ причиной этого, и что іезуиты нашли необходимымъ удалить молодаго аббата изъ-подъ его вреднаго вліянія.

XXV.

Опять за работу.

Христіанъ съ каждымъ днемъ становился сильнѣе. У него сталъ пробуждаться интересъ къ окружающему и къ монастырской жизни. Хотя онъ, проходя по тускло-освѣщеннымъ коридорамъ монастыря, часто встрѣчалъ монашескія фигуры въ сѣрыхъ одѣяніяхъ, и обмѣнивался съ ними поклономъ, но ни съ кѣмъ изъ нихъ не разговаривалъ. Онъ замѣтилъ, что постепенно уходъ за нимъ, какъ за больнымъ, перешелъ въ надзоръ. Онъ выходилъ изъ кельи только въ сопровожденіи подъ-игумена, и въ сущности былъ настоящимъ узникомъ. Его ежедневныя прогулки ограничивались небольшой аллеей, близъ

Digitized by Google

картофельнаго поля, или солнечной стороной сада, гдѣ созрѣвали крупныя груши. Ни съ какого пункта нельзя было видѣть окрестностей, но «провинціалъ» не могъ закрыть солнце, и Христіанъ видѣлъ, гдѣ востокъ и гдѣ западъ.

Возможности спастись еще не представлялось, но Христіанъ спѣшилъ набраться силы и необходимыхъ свѣдѣній. Онъ зналъ, что это не будетъ длиться долго и что рано или поздно «провинціалъ» призоветъ его въ длинную, узкую комнату въ концѣ коридора, во второмъ этажѣ. Этотъ призывъ послѣдовалъ три недѣли спустя послѣ того дня, какъ онъ встрѣтилъ іезуита въ саду—черезъ девять недѣль послѣ отъѣзда изъ Англіи.

— Сынъ мой,—сказалъ однажды пополудни старый монахъ,—отецъ-провинціалъ желаетъ говорить съ вами сегодня въ три часа.

Христіанъ взглянулъ на большіе монастырскіе часы, которые показывали четверть третьяго.

— Я готовъ,—спокойно отвѣтилъ онъ. Его голосъ не дрогнулъ, глаза не блеснули, и онъ продолжалъ лѣниво идти возлѣ стараго монаха, но сердце его дрогнуло отъ радостнаго предчувствія. Черезъ нѣсколько времени, они вошли въ монастырь и вмѣстѣ поднялись по каменной лѣстницѣ. Когда они шли по коридору, часы на башнѣ пробили три.

— Я подожду васъ внизу лѣстницы,—сказалъ монахъ медленно и какъ будто съ сокрушеніемъ. Потомъ онъ направился къ концу коридора и постучалъ въ дверь. Онъ отступилъ назадъ. «Провинціалъ» имѣлъ обыкновеніе заставлять дожидаться. Именно такъ случилось и теперь: лишь черезъ нѣсколько минутъ ясный, тихій голосъ приказалъ ему войти.

Монахъ открылъ дверь и сталъ къ стѣнѣ, чтобы пропустить Христіана. «Провинціалъ» сидѣлъ за столомъ у открытаго окна, потому что было жарко, не смотря на позднюю осень. Съ лѣвой стороны стояло маленькое венеціанское зеркало, позволявшее ему, не оборачиваясь, видѣть входящаго.

Когда Христіанъ подошелъ, іезуитъ всталъ и слегка поклонился, бросивъ одинъ изъ своихъ медленныхъ, бархатнымъ взглядовъ. Потомъ указалъ мѣсто, по лѣвую сторону стола, и произнесъ, не подымая головы:

— Прошу покорно—м-ръ Веллакотъ.

Digitized by Google

Когда они оба сѣли, «провинціалъ» внезапно поднялъ глаза и устремилъ ихъ на лицо англичанина. Это было немного драматично, но очень эффектно и доказывало, что іезуитъ привыкъ побѣждать людей своимъ взглядомъ. Христіанъ встрѣтилъ его взглядъ съ тѣмъ спокойствіемъ, которое труднѣе побѣдить, чѣмъ открытую дерзость. Черезъ секунду ихъ взгляды разошлись одновременно.

— Едва ли есть надобность, — заговорилъ «провинціалъ» особенно любезнымъ тономъ, — извиняться передъ вами, monsieur, за французскую рѣчь, потому что она для васъ почти родная.

Христіанъ поклонился и въ то же время немного придвинулся къ столу.

— Я уполномоченъ переговорить съ вами кое о чемъ— продолжалъ іезуитъ немного поспѣшнѣе,—но сперва я долженъ поздравить васъ съ выздоровленіемъ. Ваша болѣзнь была очень серьезна—надѣюсь, вы не имѣете причины жаловаться на недостатокъ вниманія къ вамъ во время болѣзни.

Христіанъ, оставаясь совершенно неподвижнымъ, успѣлъ, до мельчайшихъ подробностей, осмотрѣть комнату.

— Напротивъ, — отозвался онъ вѣжливо и холодно,—вѣроятно, благодаря заботамъ подъ-игумена, я остался въ живыхъ и—онъ внезапно остановился; едва замѣтное движеніе прямыхъ бровей іезуита заставило его замолчать.

— И?—вопросительно повторилъ «провинціалъ». Онъ откинулся на спинку стула съ видимымъ интересомъ.

— И я очень благодаренъ ему.

— Достопочтенный отецъ — геніальный врачъ, — безпечно замѣтилъ іезуитъ.—Простите,—продолжалъ онъ, вставая и наклоняясь черезъ столъ,—я хочу закрыть окно; съ рѣки начинаетъ тянуть холодомъ.

Журналистъ слегка повернулся, смотря въ окно черезъ плечо; при этомъ онъ локтемъ передвинулъ зеркальце, стоявшее на столѣ. Теперь оно уже не отражало всей комнаты, со входной дверью, но только пустую стѣну, находившуюся противъ завѣшеннаго алькова.

— А теперь, м-ръ Веллакотъ,—продолжалъ іезуитъ, снова садясь, — я попрошу вашего вниманія. Я думаю, взаимная искренность никому не повредитъ, и даже не мѣшаетъ сдѣлать маленькую уступку, если того требуютъ обстоятельства.

Digitized by Google

Онъ помолчалъ и, открывъ манускриптъ, переплетенный въ кожу, казалось, погрузился въ чтеніе какой-то страницы.

— Изъ подъ вашего пера,—продолжалъ онъ затѣмъ дѣловымъ тономъ,—вышло очень важное и доселѣ недоказанное обвиненіе противъ ордена іезуитовъ. Оно появилось въ критическій моментъ политической борьбы, вспыхнувшей тогда во Франціи; и насколько оно возбудило къ себѣ вниманія, настолько же причинило вреда и зла іезуитамъ. Мнѣ сказали, что ваши мотивы были чисто патріотическіе и что вы единственно воодушевлялись желаніемъ вывести изъ затрудненія своихъ соотечественниковъ. Прежде чѣмъ я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ, я сказалъ себѣ: «Вотъ молодой журналистъ, который хочетъ, во что бы то ни стало, на счетъ справедливости, сдѣлать себѣ имя и обратить на себя вниманіе общества». Съ тѣхъ поръ я измѣнилъ свое мнѣніе.

Въ теченіе своей рѣчи, іезуитъ не поднималъ глазъ отъ стола. Теперь онъ откинулся назадъ и созерцалъ свои сложенныя руки. Христіанъ слушалъ внимательно. Его продолговатое серьезное лицо было слегка обращено къ «провинціалу» и взглядъ его глазъ сдѣлался, можетъ быть, немного мягче.

— Я пытался,—сказалъ онъ,—нѣсколько недѣль тому назадъ, сдѣлать яснымъ для васъ мое положеніе.

Іезуитъ склонилъ голову. Потомъ онъ поднесъ длинный, бѣлый палецъ къ верхней губѣ, задумчиво разглаживая голубоватую кожу. Вдругъ онъ поднялъ глаза на лицо англичанина, и Христіану показалось, что въ ихъ мрачной глубинѣ онъ уловилъ выраженіе, похожее на мольбу. Казалось, они просили помощи, ничтожной поддержки въ эту тяжелую минуту. Ни разу потомъ, во всю жизнь, не привелось ему видѣть эти глаза, но воспоминаніе о нихъ оставалось въ его сердцѣ много лѣтъ, когда уже все прошлое было позабыто и потеряло интересъ. Онъ зналъ, что душа, глядѣвшая изъ этого блѣднаго, безстрашнаго лица, была необычайная и могучая.

«Провинціалъ» смущенно двинулся въ креслѣ.

— Это было несчастнѣйшее дѣло,—мягко проговорилъ онъ и, помолчавъ, продолжалъ быстрѣе, не отводя глазъ отъ книги.—Я уполномоченъ принести вамъ извиненія ордена за всѣ неудобства, испытанныя вами. Чувство справедливости подскажетъ вамъ, что мы были вынуждены защищаться тѣмъ или

Digitized by Google

инымъ путемъ. Вы нанесли намъ тяжкое оскорбленіе и, согласно нашему уставу, мы не могли спорить съ вами. Орденъ іезуитовъ никогда не защищается и не обольщаетъ себя тщетной надеждой встрѣтить справедливость среди людей. Я долженъ теперь объявить вамъ, что вы свободны—можете идти куда хотите и когда хотите—и что всякая сумма, какую вы назначите, будетъ въ вашемъ распоряженіи, чтобы помочь вамъ возвратиться въ Англію, но подъ условіемъ, что вы дадите письменное обѣщаніе—никогда не писать болѣе, ни частно, ни публично, ни одного слова касательно ордена іезуитовъ, и никому не диктовать чего нибудь подобнаго.

— Не согласенъ,—лаконически произнесъ Христіанъ, едва успѣлъ іезуитъ кончить.—Какъ я уже объяснялъ прежде, я—слуга общества. Все, что̀ я знаю, должно быть публичнымъ достояніемъ, или я безполезенъ.

Наступило краткое молчаніе. Когда, наконецъ, «провинціалъ» заговорилъ, его тонъ былъ холоденъ и сдержанъ.

— Разумѣется,—сказалъ онъ,—прежде всего я ожидалъ услышать отказъ. Меня уполномочили просить васъ обдумать свое рѣшеніе и черезъ недѣлю сообщить мнѣ результатъ. Если рѣшеніе останется неизмѣннымъ, тогда будутъ ждать еще недѣлю, и такъ далѣе.

— До тѣхъ поръ?...

Іезуитъ закрылъ книгу, лежавшую передъ нимъ, и съ большой акуратностью передвинулъ ее такъ, что она приходилась какъ разъ противъ него. Онъ слегка приподнялъ брови и бросилъ искоса взглядъ на англичанина. Въ этотъ моментъ колоколъ началъ призывать братію къ вечерней трапезѣ; его густые звуки, чу̀дно дрожа и вибрируя, понеслись по пустымъ коридорамъ.

— Пока вы согласитесь,—мягко отвѣтилъ онъ.

Христіанъ посмотрѣлъ на него пытливо. Что-то похожее на тѣнь улыбки мелькнуло у него въ глазахъ; потомъ онъ отвернулся и сталъ глядѣть въ окно.

— Надѣюсь, monsieur,—продолжалъ іезуитъ,—что когда я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ, черезъ недѣлю—ваше здоровье будетъ окончательно возстановлено.

— Благодарю васъ!

— И я буду считать за честь, если, въ теченіе этого

Digitized by Google

времени, вы обратитесь ко мнѣ съ какимъ нибудь требованіемъ.

— Благодарю васъ!—повторилъ Христіанъ. Онъ все еще смотрѣлъ черезъ плечо въ мутную рѣку, бѣжавшую какъ разъ подъ окномъ.

— Извините, что не я встану открыть вамъ дверь,—сказалъ іезуитъ съ холодной надменностью,—мнѣ еще надо написать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ я присоединюсь къ нашей братіи за вечерней трапезой.

Христіанъ повернулся и взглянулъ на него. Его глаза странно блистали, дыханіе стало неровнымъ. Потомъ онъ всталъ и, проходя мимо іезуита, слегка поклонился въ отвѣтъ на его поклонъ. Онъ быстро перешелъ черезъ комнату, не имѣвшую ковра, отворилъ дверь и сейчасъ же шумно захлопнулъ ее. Но онъ не переступилъ порога. Человѣку же, сидѣвшему за столомъ, казалось, что онъ вышелъ изъ комнаты и захлопнулъ за собой дверь.

Тотчасъ же, по привычкѣ, «провинціалъ» бросилъ взглядъ въ зеркало и увидѣлъ, что оно передвинуто. Онъ задумчиво поставилъ зеркало на прежнее мѣсто, такъ что оно опять отражало всю комнату.

— Желалъ бы я знать,—громко сказалъ онъ,—когда и зачѣмъ онъ сдѣлалъ это?

Потомъ онъ снова принялся писать. Черезъ нѣсколько минутъ, однако, онъ всталъ и оттолкнулъ назадъ кресло. Заложивъ руки за спину, онъ стоялъ и пристально глядѣлъ въ окно. Внизу мутная рѣка струила свои волны, и тихое журчаніе воды было единственнымъ звукомъ, нарушавшимъ печальное безмолвіе, царившее вокругъ этого одинокаго человѣка. Его небольшое идеально-правильное лицо абсолютно было лишено выраженія; изгибъ тонкихъ губъ ничего не говорилъ. Вся подавленная жизнь его существа таилась въ этихъ глубокихъ, нѣжныхъ глазахъ, какъ бы завѣшенныхъ дымкой. Вдругъ онъ повернулся; легкими, скользящими шагами перешелъ комнату и вышелъ въ коридоръ.

Въ ту же минуту показался Христіанъ изъ своего убѣжища въ альковѣ. Онъ подбѣжалъ къ окну и неслышно открылъ его. Черезъ мгновеніе онъ стоялъ на каменномъ подоконникѣ. Вечернее солнце свѣтило ему прямо въ лицо и дѣлало замѣт-

Digitized by Google

ными два яркія красныя пятна на щекахъ. Онъ медленно наклонился, держась одной рукой за окно, и бросилъ испытующій взглядъ на поверхность воды. Вдругъ онъ вытянулъ руки и, подобно черной тѣни, безъ шума, безъ плеска исчезъ въ глубинѣ. Когда онъ вынырнулъ, то обернулся и взглянулъ на монастырь. Окно «провинціала» было единственное, выходившее на рѣку.

Теченіе было быстрое и, проплывъ нѣсколько времени, Христіанъ вышелъ на берегъ и легъ отдохнуть подъ гостепріимнымъ навѣсомъ кустовъ. Онъ оставался здѣсь, пока не наступили полныя октябрьскія сумерки. Едва освободившись изъ объятій смерти, онъ лежалъ теперь на землѣ въ мокромъ платьѣ и нисколько не тревожился этимъ. Монастырь уже казался ему чѣмъ-то давно прошедшимъ. Съ быстрой предусмотрительностью онъ думалъ уже о будущемъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ народный духъ во Франціи, чтобы бояться преслѣдованія. Монахи никогда не простираютъ свою дерзость за предѣлы монастырскихъ стѣнъ. Орденъ іезуитовъ былъ менѣе опасенъ во Франціи, чѣмъ въ Англіи, и стоило Христіану заявить въ ближайшей префектурѣ о всемъ происшедшемъ, чтобы возбудить цѣлую бурю общественнаго негодованія противъ святыхъ отцовъ. Но онъ не думалъ объ этомъ. Личные интересы взяли, наконецъ, перевѣсъ надъ всякими другими чувствами. Лежа подъ кустомъ въ своемъ мокромъ платьѣ, онъ думалъ о томъ, что произошло, во время его отсутствія, въ Сенъ-Мери-Истернъ, но не м-ръ Бодри или судьба его «Маяка» интересовали Христіана. Результатомъ его размышленій было то, что онъ всталъ и быстро пошелъ впередъ, по направленію къ сѣверу.

Та часть Бретани, которая тянется вдоль сѣвернаго побережья, представляетъ пасторальную страну, гдѣ сонъ занимаетъ бо́льшую часть человѣческой жизни. Едва наступилъ вечеръ—часъ, когда Парижъ и Лондонъ пробуждаются и вновь спѣшатъ закружиться въ вихрѣ веселья—англичанинъ проходилъ, не встрѣчая ни души, черезъ грязныя деревни, по извилистымъ проселочнымъ дорогамъ. Наконецъ, онъ вышелъ на большую дорогу. Здѣсь ему стали попадаться навстрѣчу крестьянки, съ пустыми корзинами, возвращавшіяся съ ближайшаго рынка, которыя обмѣнивались съ нимъ лаконическими привѣтствіями. Дорога шла на сѣверо-востокъ, что́ было несовсѣмъ для него

Digitized by Google

удобно, но онъ не зналъ другаго пути. Въ восемь часовъ онъ прошелъ черезъ маленькую деревушку, повидимому, уже погруженную въ глубокій деревенскій сонъ. Гдѣ-то громко прокричалъ пѣтухъ; въ отвѣтъ ему залаяла собака; но Христіанъ былъ уже далеко, и снова шагалъ по большой дорогѣ. Онъ начиналъ чувствовать слабость организма, еще не окрѣпшаго послѣ болѣзни. Ноги отяжелѣли и онъ часто садился отдыхать. Дорога теперь шла еще больше къ востоку, и Христіанъ уже подумывалъ свернуть, когда вдругъ вышелъ на перекрестокъ. Онъ сразу остановился и, поднявъ голову, стоялъ нѣсколько минутъ неподвижно.

— А!—пробормоталъ онъ.—Море. Пахнетъ моремъ.

Онъ повернулъ налѣво и по новой дорогѣ направился къ западу. Съ каждымъ шагомъ запахъ моря становился сильнѣе и освѣжалъ его.

XXVI.

Синьоръ Бруно.

Сильванъ Лебрюнъ, капитанъ и отчасти собственникъ брига *Агнеса и Мери,* просыпался рано. Старый морякъ относился къ Морфею безъ всякихъ предразсудковъ и не считалъ нужнымъ заниматься своимъ туалетомъ, прежде чѣмъ упасть въ объятія достославнаго миѳологическаго бога. Говоря правду, онъ предпочиталъ спать въ сапогахъ, и каютный юнга клялся и божился, что онъ даже не снималъ промасленной фуражки съ головы и не вынималъ изо рта трубки во время сна; послѣднее утвержденіе, впрочемъ, всегда отвергалось слушателями, какъ недоказанное.

По внѣшности, старый морякъ былъ почти квадратенъ, со своими короткими ногами и солидной пропорціи туловищемъ. Лицо было темное, морщинистое. Желто-сѣрая борода щетиной покрывала короткій подбородокъ, и если матросская фуражка случайно отсутствовала, то короткіе, желто-сѣрые волосы топорщились къ верху настолько же, насколько борода къ низу, и его лицо въ этой щетинистой рамкѣ имѣло форму круга. Пара острыхъ голубыхъ глазъ, смягченныхъ ласковымъ блескомъ, придавали его лицу пріятность.

Digitized by Google

Бригъ былъ готовъ къ выходу въ море, его грузъ, состоявшій изъ картофеля, бобовъ и яицъ, сложенъ акуратно, и когда, при первыхъ лучахъ яснаго утра, капитанъ Лебрюнъ вышелъ изъ своей каморки, которую онъ величалъ «офицерской каютой», онъ съ чувствомъ удовлетворенія занялся *своимъ* утреннимъ туалетомъ. Операція была немногосложна и заключалась въ томъ, чтобы провести по желто-сѣрымъ волосамъ загорѣлой пятерней и поспѣшно вытрясти изъ бороды попавшую въ нее табачную золу.

Первый предметъ, который представился изумленному взору капитана, была длинная, черная фигура, удобно растянувшаяся на палубѣ. Зеленый илъ, покрывавшій тонкіе башмаки спящаго, доказывалъ, что спящій взобрался на бригъ во время низкаго прилива, когда бухта была суха. Капитанъ Лебрюнъ нѣсколько минутъ въ раздумьѣ глядѣлъ на неожиданнаго пассажира. Потомъ онъ вытащилъ сильно прокуренную трубку и сталъ набивать ее табакомъ, что-то ворча сиплымъ голосомъ.

Закуривъ трубку, онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ помѣстился на край низкаго стола и началъ критически разглядывать незнакомца.

— Бѣдняга!—заговорилъ онъ, обращаясь къ своей трубкѣ.— Онъ, должно, изъ пріэстовъ. Эй, господинъ!—возвысилъ онъ голосъ.

Христіанъ Веллакотъ проснулся и сразу пришелъ въ себя, Онъ ничего не забывалъ и во снѣ.

— Добраго утра, капитанъ!—любезно сказалъ онъ.

— О, такъ вы не французъ!

— Нѣтъ, я англичанинъ.

— Такъ. Извините, если спрошу у васъ, какъ вы сюда попали?

Христіанъ сѣлъ и съ нѣкоторымъ любопытствомъ взглянулъ на свои грязные башмаки.

— Сказать по правдѣ, я бѣжалъ изъ тюрьмы. Мнѣ надо переплыть въ Англію. Я услышалъ вашъ окликъ и влѣзъ на палубу сегодня ночью. Мнѣ казалось, что если англичанинъ попалъ въ западню, ему лучше всего обратиться за помощью къ соотечественнику.

Капитанъ Лебрюнъ съ могучей силой потянулъ изъ трубки, и въ отвѣтъ послышалось легкое сипѣніе.

Digitized by Google

— Такъ! — недовѣрчиво произнесъ онъ.—Но какого рода эта западня? Кто вы такой? Зачѣмъ вы бѣжали и отъ кого?

Не смотря на легкую безцеремонность, обращеніе капитана не было враждебнымъ и Христіанъ засмѣялся.

— Разсказывать вамъ всю исторію будетъ слишкомъ долго,—отвѣчалъ онъ.—Вы помните суматоху, поднявшуюся, мѣсяца два назадъ, изъ-за англійскихъ ружей, найденныхъ въ Парижѣ?

— Еще бы не помнить; у меня вышла тогда цѣлая исторія съ таможней. Всю махинацію обнаружилъ одинъ молодой газетчикъ!

Лебрюнъ медленно потеръ руки одну о другую. Ему страстно хотѣлось услышать дальнѣйшее.

— Этотъ газетчикъ—я,—сказалъ Христіанъ съ быстрой улыбкой.

Капитанъ Лебрюнъ медленно всталъ. Нѣсколько времени онъ глубокомысленно созерцалъ свою трубку, затѣмъ положилъ ее на столъ, повернулся торжественно къ Христіану и протянулъ широкую темную руку, покрытую вмѣсто кожи чешуей.

— Пожмемъ руки другъ другу, мистеръ!

Христіанъ исполнилъ его желаніе.

— А теперь,—живо заговорилъ онъ,—я хочу знать, что случилось съ тѣхъ поръ — съ тѣхъ поръ какъ я покинулъ Англію. Много ли было шуму? Интересовался ли кто нибудь тѣмъ, куда я дѣвался?

Старый морякъ могъ имѣть свои собственныя подозрѣнія. Онъ могъ догадываться, что Христіанъ покинулъ Англію не по своей волѣ; онъ ласково взглянулъ на журналиста своими яркими, голубыми глазами и медленно отвѣтилъ:

— Не могу сказать, чтобы *никто* не интересовался тѣмъ, гдѣ вы были, но—въ газетахъ не было ничего!

— Тѣмъ лучше! Теперь вы согласны перевезти меня, капитанъ?

— Разумѣется. Мы выходимъ въ море въ одиннадцать часовъ утра. Бригъ уже нагруженъ. Но лучше бы вамъ перемѣнить платье. Нестерпимо видѣть васъ въ этой черной сутанѣ. Такъ и кажется, что говоришь съ пріэстомъ.

— Я ничего лучшаго не желаю,—отвѣчалъ Христіанъ.

Гардеробъ капитана былъ весьма небогатъ и не годился

Digitized by Google

для Христіана, а потому пришлось занять необходимыя принадлежности костюма у Тома Слека, высокаго, тонкаго матроса. Въ короткое время Христіанъ превратился въ красиваго англійскаго моряка и только блѣдныя впалыя щоки нѣсколько нарушали это впечатлѣніе. Тайна переодѣванія была соблюдена строго, ибо только длинноногому Тому (онъ же и корабельный поваръ) было извѣстно присутствіе Христіана. Завтракъ, приготовленный Томомъ, отличался благородной простотой. Большой ломоть вчерашняго хлѣба, немного масла на блюдечкѣ, которое на бригѣ отнюдь не считалось принадлежностью чашки; сахарный песокъ въ старой оловянной горчичницѣ, съ клочкомъ желтой бумаги, приклеившимся сбоку, и ломти жосткой ветчины, принесенные изъ кухни прямо на сковородѣ. Но всякія щепетильныя требованія по части сервировки стола должны были умолкнуть передъ добродушіемъ капитана, гостепріимно наливавшаго чай въ разбитую чашку.

Когда бригъ вышелъ изъ бухты, Христіанъ поднялся на палубу. Каналъ былъ узокъ и дулъ легкій вѣтеръ. Бригъ могъ бы легко пройти каналъ, но навстрѣчу показался джерсейскій пароходъ. Его желтая труба сіяла на солнцѣ, на фокъ-мачтѣ развѣвался почтовый флагъ, съ мостика доносилась каиитанская ругань. Капитанъ Лебрюнъ задержалъ машину и пустилъ бригъ въ полхода. Оба судна поровнялись, матросы безучастно смотрѣли другъ на друга. На палубѣ виднѣлось нѣсколько пассажировъ, наслаждавшихся свѣжимъ утреннимъ воздухомъ, послѣ душной ночи, проведенной въ тѣсной каютѣ. Въ числѣ ихъ былъ старикъ съ очень кроткимъ выраженіемъ лица. Онъ стоялъ у руля и старчески-благодушно смотрѣлъ на берегъ. Когда оба судна поровнялись, онъ подошелъ къ периламъ съ пріятной улыбкой на лицѣ, какъ будто ожидалъ увидѣть на бригѣ кого нибудь изъ своихъ друзей.

Христіанъ, сидѣвшій на перилахъ палубы, увидѣлъ старика и съ любопытствомъ началъ слѣдить за нимъ, не измѣняя позы. Оба судна медленно продолжали двигаться, и старикъ очутился противъ Христіана.

Тогда молодой журналистъ вынулъ изо рта трубку, взятую у капитана, и, перегнувшись черезъ перила, крикнулъ:

— Добраго утра, синьоръ Бруно!

Digitized by Google

Это дружеское привѣтствіе произвело на стараго, благодушнаго джентльмена довольно необычайное дѣйствіе. Онъ обѣими руками ухватился за перила и выпучилъ глаза на Христіана. Потомъ, съ неожиданнымъ приливомъ бѣшенства, затопалъ ногами.

— А!—въ ярости закричалъ онъ, и его глаза, подъ ласковыми сѣдыми бровями, загорѣлись, какъ у тигра.—А! это вы!

Христіанъ безпечно скрестилъ ноги и улыбнулся ему черезъ бортъ. Вдругъ старикъ сунулъ руку въ боковой карманъ сюртука. Онъ съ дикимъ усиліемъ старался вытащить какой-то предметъ, запутавшійся въ складкахъ платья, но вдругъ страшная перемѣна произошла въ его лицѣ. Его щоки побагровѣли, глаза налились кровью. Не произнеся ни слова, онъ упалъ грудью на перила, оставался такъ съ секунду, и когда оба судна разошлись, скатился на палубу, сжимая въ правой рукѣ револьверъ.

Христіанъ продолжалъ сидѣть на перилахъ, задумчиво улыбаясь. Онъ видѣлъ, какъ упалъ старикъ и какъ вокругъ безжизненнаго тѣла столпились пассажиры, но «Агнеса и Мери» шла теперь съ попутнымъ вѣтромъ и быстро подвигалась къ морю, гдѣ по волнамъ скользилъ и переливался солнечный свѣтъ.

XXVII.

Опять въ улицѣ св. Жэнгольфа.

Можно было подумать, что добрый гражданинъ Жакето чѣмъ-то огорченъ и взволнованъ. Правда, табачная лавка по прежнему представляла образецъ порядка и ея хозяинъ не покидалъ своего мѣста у окна, за конторкой. Но онъ не курилъ и, по временамъ, отдергивая маленькую красную занавѣску, смотрѣлъ на улицу св. Жэнгольфа съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Потомъ онъ возвращался къ просмотру «Petit Journal». Вдругъ, едва перевернувши нѣсколько страницъ, онъ быстро поднялъ голову и отдернулъ занавѣску. Да! Наконецъ, кто-то идетъ. Шаги были поспѣшные, но невѣрные, точно посѣтитель былъ незнакомъ съ расположеніемъ дома. И однако человѣкъ, вошедшій въ лавку черезъ минуту, былъ несомнѣнно тотъ же самый, котораго мы видѣли здѣсь въ послѣдній разъ.

— Ахъ!—вскричалъ лавочникъ.—Это вы!

Digitized by Google

— Нѣтъ,—отвѣчалъ вошедшій. — Это не я. Это не гражданинъ Моро, какъ вы, вѣроятно, думали.

— Ну, да!—воскликнулъ толстякъ въ смущеніи.—Вы этотъ гражданинъ, а также и виконтъ д'Одьернъ.

Незнакомецъ съ любопытствомъ смотрѣлъ вокругъ; онъ сдѣлалъ шагъ къ завѣшенной двери и повернулъ ручку.

— Я братъ его,—сказалъ онъ.—Мы близнецы. Между нами большое сходство. Это комната? Да?

— Да, monsieur. Но какое замѣчательное сходство!

Лавочникъ, отдуваясь, вытеръ лобъ.

— Идите,—сказалъ посѣтитель, — и приготовьте матрацъ. Положите его на столъ. Мой братъ раненъ.

Жакетъ съ трудомъ поднялся на ноги. Онъ зналъ теперь, что это не виконтъ д'Одьернъ. Его обращеніе было совсѣмъ другое. Онъ говорилъ спокойнымъ, повелительнымъ тономъ, не допускавшимъ возраженій. Было замѣтно, что онъ не умѣетъ обращаться съ народомъ. Виконтъ д'Одьернъ для каждаго собесѣдника имѣлъ особую манеру, а этотъ человѣкъ, такъ сильно напоминавшій его по внѣшности, просто отдавалъ приказанія, не думая о томъ, какъ они будутъ приняты.

Минуту спустя, шумъ колесъ нарушилъ мирную тишину улицы св. Жэнгольфа. Экипажъ остановился, между тѣмъ какъ посѣтитель поспѣшилъ войти въ заднюю комнату и закрылъ за собой дверь. Онъ остановился въ полумракѣ, потому что газъ былъ убавленъ. Ожидать пришлось недолго. Едва онъ закрылъ дверь, какъ она снова открылась и кто-то поспѣшно вошелъ въ комнату. Первый изъ вошедшихъ поднялъ руку и повернулъ газовый рожокъ. При внезапномъ потокѣ свѣта, оба человѣка съ любопытствомъ взглянули другъ на друга. Они были такъ поразительно похожи другъ на друга, сложеніемъ, осанкой, чертами лица, что въ ихъ молчаніи было что-то непріятное, зловѣщее.

— А!—произнесъ послѣдній.—Это ты. Меня почти застрѣлили!

И онъ бросилъ на столъ небольшой револьверъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь? — продолжалъ виконтъ д'Одьернъ.— Кажется, мы рѣшили, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, что свѣтъ достаточно великъ, чтобы намъ никогда не встрѣчаться, если только мы немного позаботимся объ этомъ.

Digitized by Google

— Она умерла, — отвѣчалъ ему братъ.—Она умерла два года назадъ — женой другаго—такъ о чемъ же теперь толковать?

— Я знаю это—но зачѣмъ вы пріѣхали?

— Я посланъ въ Парижъ «генераломъ». Я былъ возлѣ васъ на баррикадахъ и видѣлъ, какъ васъ ранили. Въ какомъ мѣстѣ рана?

Виконтъ опустилъ глаза на руку, прижатую къ груди; газовое пламя трепетало и отражалось на его очкахъ.

— Въ груди,—отвѣчалъ онъ.—Я просто истекаю кровью. Она льется по тѣлу мнѣ въ сапоги. Сначала теплая, потомъ становится очень холодной.

Братъ взглянулъ на него съ любопытствомъ, и его бархатные глаза странно съузились, что̀ случалось и съ глазами виконта д'Одьерна.

— Я послалъ за матрацомъ,—сказалъ онъ.—Пулю необходимо извлечь. Докторъ идетъ за мной слѣдомъ и будетъ здѣсь черезъ минуту.

— Одинъ изъ вашихъ іезуитовъ?

— Да, одинъ изъ моихъ іезуитовъ.

Виконтъ д'Одьернъ улыбнулся и сдѣлалъ гримасу. Онъ слегка пошатнулся и ухватился за спинку кресла. Другой молча слѣдилъ за нимъ, не двигаясь съ мѣста.

— Почему вы не сядете?—холодно сказалъ онъ.—Здѣсь вѣдь нѣтъ вашего *народа*, передъ которымъ надо играть роль.

Виконтъ опять улыбнулся.

— Да, — ласково проговорилъ онъ, — мы идемъ разными путями, не такъ ли? Интересно знать, у котораго изъ насъ болѣе запачканы руки. У котораго изъ двухъ глупцовъ, когда-то поссорившихся изъ-за женщины... у котораго? А она вышла за третьяго—тоже дурака. Таковы онѣ всѣ—эти женщины!

— И однако,—замѣтилъ іезуитъ,—вы еще не забыли ея.

Виконтъ медленно поднялъ взглядъ. Казалось, что его рѣсницы отяжелѣли и поднимаются съ трудомъ.

— Я не люблю слушать крики грачей—вотъ и все,—отвѣтилъ онъ.

Іезуитъ отвелъ свой нѣжный, медленный взглядъ, тотъ взглядъ, который не могъ побѣдить спокойнаго презрѣнія Христіана Веллакота.

Digitized by Google

— Я также,—сказалъ онъ.—Это пробуждаетъ воспоминанія.

Наступило короткое молчаніе и потомъ іезуитъ заговорилъ рѣзко и внезапно:

— Садитесь же, глупецъ! Вѣдь вамъ трудно.

Виконтъ послушался, и въ этотъ самый моментъ дверь отворилась, чтобы пропустить лавочника, съ усиліемъ тащившаго матрацъ. Іезуитъ снялъ шляпу, обнаживъ тонзуру, сверкавшую среди черныхъ какъ смоль волосъ, и помогъ положить матрацъ на столъ. Затѣмъ, «провинціалъ» и лавочникъ изъ улицы св. Жэнгольфа осторожно подняли раненаго аристократа и уложили его на импровизированную постель. Виконтъ д'Одьернъ, вѣрный традиціямъ своей крови, ни разу не простоналъ, но когда братъ сталъ разстегивать ему блузу, въ которую онъ былъ переодѣтъ, онъ потерялъ сознаніе. Вскорѣ прибылъ докторъ. Это былъ совсѣмъ молодой человѣкъ съ бѣгающими хитрыми, сѣрыми глазами, и было непріятно видѣть, съ какой рабской угодливостью онъ привѣтствовалъ «провинціала». Но когда онъ увидѣлъ маленькую, съ голубыми краями, ранку, виднѣвшуюся на мускулистой груди виконта, выраженіе его лица и всей его фигуры измѣнилось. Глаза его перестали бѣгать—онъ, казалось, забылъ присутствіе великаго человѣка, стоявшаго по другую сторону стола. Въ то время какъ онъ перебиралъ инструменты, отыскивая зондъ, виконтъ открылъ глаза. Докторъ сейчасъ же это замѣтилъ.

— А!—произнесъ онъ.—Вы получили рану на бульварѣ?

— Да.

— Какъ вы добрались сюда?—онъ щупалъ теперь пульсъ виконта.

— Въ кэбѣ.

— Всю дорогу?

— Конечно.

— Кто васъ вносилъ въ эту комнату?—Докторъ опять возвратился къ ящику съ инструментами.

— Никто! Я вошелъ самъ.—Вопросы доктора, казалось, тяготили паціента.

— Зачѣмъ вы сдѣлали это?

Спрашивая, докторъ продолжалъ дѣлать приготовленія и ни разу не взглянулъ на виконта.

— Для того чтобы не привлекать вниманія.

Digitized by Google

Это заставило доктора взглянуть на паціента и результатъ былъ поразителенъ. Онъ вздрогнулъ и глаза его опять сдѣлались хитрыми, когда онъ перевелъ взглядъ съ виконта на «провинціала», неподвижно стоявшаго по другую сторону стола. Онъ не сказалъ однако ничего и, молча, опять занялся приготовленіями. Весьма возможно, что это молчаніе было вызвано настойчивымъ взглядомъ двухъ паръ глубокихъ, бархатныхъ глазъ, не покидавшихъ его лица.

— Monsieur желаетъ принять хлороформу?—спросилъ онъ, развертывая чистый платокъ и вынимая изъ жилетнаго кармана маленькій флаконъ.

— Нѣтъ!

— Но я прошу васъ...

— Это лишнее,—спокойно и настойчиво отвѣтилъ виконтъ.

Докторъ посмотрѣлъ черезъ столъ на «провинціала» и сдѣлалъ движеніе плечами, сопровождая его чуть замѣтнымъ поднятіемъ бровей. Іезуитъ отвѣтилъ многозначительнымъ взглядомъ на маленькій флаконъ. Тогда докторъ пробормоталъ:

— Какъ хотите!

Онъ положилъ необходимые инструменты на матрацъ—газъ былъ пущенъ во всю силу. Все было готово. Докторъ отошелъ на минуту, снялъ сюртукъ, положилъ его на стулъ и опять возвратился къ столу, держа одну руку за спиной. Быстрѣе мысли онъ вдругъ кинулся къ раненому и зажалъ ему ротъ и ноздри платкомъ. У виконта д'Одьернъ вырвался заглушенный крикъ ярости и онъ поднялъ руки, но «провинціалъ» въ ту же секунду былъ возлѣ и удержалъ его неподвижнымъ на матрацѣ. Черезъ минуту докторъ принялъ платокъ и виконтъ лежалъ безчувственный и неподвижный.

— Весьма возможно,—сказалъ хирургъ, опять щупая пульсъ виконта,—что monsieur убилъ себя тѣмъ, что самъ вошелъ въ комнату.

Онъ нагнулся надъ матрацемъ, какъ звѣрь надъ добычей. Не повертывая головы, онъ находилъ инструменты ощупью, зная, въ какомъ порядкѣ они лежали. Онъ былъ чрезвычайно искусенъ. Бѣлые пальцы его двигались неслышно, быстро и ловко. Зловѣщаго вида инструменты блестѣли и вспыхивали подъ газовымъ свѣтомъ. Докторъ имѣлъ привычку обтирать каждый инструментъ, до и послѣ употребленія, объ рукавъ

Digitized by Google

своей рубашки, оставляя на полотнѣ тонкія, красныя полосы. Черезъ минуту онъ поднялъ голову, вытеръ какой-то маленькій предметъ, который держалъ въ пальцахъ и протянулъ его «провинціалу».

— Это пуля, отецъ мой,—сказалъ онъ, снова наклоняясь къ раненому и не поднимая глазъ.

— Будетъ онъ жить?—спросилъ іезуитъ, разсматривая пулю.

— Да, отецъ мой, если постарается, — многозначительно отвѣтилъ докторъ.

— Это была бы собачья смерть,—замѣтилъ «провинціалъ», какъ бы про себя.

— Лучше, чѣмъ собачья жизнь,—отозвался виконтъ, со своей обычной ласковой насмѣшливостью, но еще не открывая глазъ.

Нѣтъ ничего легче, какъ свалить свою вину на женщину, а затѣмъ и на весь прекрасный полъ. Еслибы эти братья не поссорились изъ-за женщины, они поссорились бы изъ-за чего нибудь другаго. Есть такія натуры! подобно какимъ нибудь сильнымъ химическимъ тѣламъ, онѣ легки и крѣпки, онѣ всегда остаются наверху и не хотятъ ни съ кѣмъ смѣшиваться.

Эти два брата не могли оставаться въ одной комнатѣ, чтобы не поссориться. Они могли (какъ холодно замѣтилъ іезуитъ) лишь тогда жить мирно, когда были въ разныхъ концахъ міра. Никогда виконтъ д'Одьернъ не былъ такимъ циникомъ и скептикомъ, какъ въ присутствіи брата. Никогда Рауль д'Одьернъ не былъ такъ холоденъ и такъ безсердеченъ, какъ встрѣчая скептицизмъ своего брата. Шестнадцать лѣтъ разлуки не измѣнили ихъ. Они были также враждебны, какъ и въ то сѣрое утро, шестнадцать лѣтъ назадъ, когда виконтъ д'Одьернъ спѣшилъ покинуть пустынный Côte du Nord, гдѣ лежалъ его братъ на пескѣ, съ зіяющей раной на шеѣ. Рана затянулась, но слѣдъ еще остался на его горлѣ и въ сердцахъ обоихъ.

Вѣрный іезуитскимъ правиламъ, Рауль д'Одьернъ сказалъ неправду, говоря, что ему приказали ѣхать въ Парижъ. Во всемъ мірѣ былъ только одинъ человѣкъ, имѣвшій право ему приказывать, но и тотъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы пользоваться своимъ правомъ. Рауль д'Одьернъ пріѣхалъ въ Парижъ за тѣмъ, чтобы видѣть брата—появившагося на свѣтъ однимъ часомъ раньше его. Онъ хотѣлъ поговорить съ нимъ о многихъ вещахъ, касавшихся и далекаго прошлаго, и болѣе близкой эпохи;

Digitized by Google

между прочимъ, о Христіанѣ Веллакотѣ, съумѣвшемъ перехитрить его—что удавалось немногимъ — и о синьорѣ Бруно, или Максѣ Тальмѣ, который умеръ на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ этого самаго англичанина, — умеръ внезапной смертью, вслѣдствіе ужаснаго прилива ярости при видѣ торжествующаго врага.

Но этотъ человѣкъ былъ іезуитъ и д'Одьернъ,—а послѣдній фактъ имѣетъ особенно важное значеніе для тѣхъ, кто, изучая законы наслѣдственности, имѣлъ возможность узнать эту удивительную скрытую исторію Франціи, представляющую самый романтическій образецъ исторіи человѣческаго рода. Итакъ, Рауль д'Одьернъ, человѣкъ, власть котораго похожа на подземный огонь, пылающій внутри земли—неизвѣстный, невидимый, неизмѣримый—этотъ человѣкъ взялъ шляпу и вышелъ изъ маленькой комнаты позади табачной лавки въ улицѣ св. Жэнгольфа, разбитый и уничтоженный.

XXVIII.

Возвращеніе.

Христіанъ только что сошелъ на берегъ съ «Агнесы и Мери» и направился, вдоль пустынной набережной, въ Чельзи. Было девять часовъ утра и висѣлъ густой туманъ. Утро было темное, на улицахъ еще горѣли фонари и сквозь окна домовъ повсюду можно было замѣтить огни рано затопленныхъ, по осеннему очаговъ.

Повернувъ въ свою улицу, Христіанъ прибавилъ шагу припомнивъ, что онъ не былъ дома болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Многое могло случиться за это время—даже что нибудь очень важное, что нибудь, совершенно измѣняющее его жизнь. Подойдя къ дому, онъ замѣтилъ на ступенькахъ крыльца незнакомую, пожилую служанку, и ему вдругъ стало казаться, что въ этомъ спокойномъ, маленькомъ домикѣ его ожидаетъ что-то необычайное. Онъ почти пробѣжалъ остальное пространство и однимъ прыжкомъ очутился на крыльцѣ, не обращая вниманія на остолбенѣвшую отъ испуга служанку.

Въ узкой прихожей горѣлъ газъ, и, сбросивъ шляпу, онъ замѣтилъ теплый отблескъ каминнаго огня, проходившій черезъ

Digitized by Google

полуотворенную дверь столовой. Онъ прошелъ прихожую по ковру и распахнулъ дверь.

У небольшаго стола, гдѣ былъ накрытъ завтракъ, ярко освѣщенная газовымъ свѣтомъ, стояла Гильда Керью. Гильда — въ *его* комнатѣ, среди *его* домашней обстановки, разливающая кофе изъ *его* кофейника. Она была одѣта въ черномъ—онъ замѣтилъ это. Ея чудесные волосы не были зачесаны высоко, по обыкновенію, но массивными волнами спускались по спинѣ. Она казалась высокой, прелестной дѣвочкой. Онъ не видѣлъ ея волосъ, распущенныхъ такимъ образомъ, съ того стараго добраго времени, когда былъ мальчикомъ и считался членомъ ихъ семьи. Когда онъ распахнулъ дверь, она подняла глаза; съ минуту простояли такъ молодые люди. Она поставила кофейникъ осторожно и неторопливо на середину китайскаго подноса, предназначеннаго для него, и румянецъ медленно покинулъ ея лицо.

— Наконецъ, вы возвратились!—монотонно произнесла она. Казалось, это замѣчаніе было сдѣлано для того, чтобы прервать тягостное молчаніе.

Тогда онъ вошелъ въ комнату и машинально затворилъ дверь. Она стояла, не двигаясь, и слѣдила за нимъ. Онъ обошелъ вокругъ стола, позади пустаго кресла тетки Юдиѳи, и молодые люди вѣжливо пожали руки другъ другу.

— Да,—сказалъ онъ, почти задыхаясь,—я возвратился:— вы, повидимому, не особенно довольны этимъ фактомъ.

Она внезапно улыбнулась своей тонкой улыбкой.

— Конечно, я рада—видѣть васъ.

Въ какой-то мечтательной задумчивости она стала наливать въ кофе молоко. Казалось, будто все происходящее не было дѣйствительностью, но игрой на сценѣ.

— Какъ это случилось, что вы здѣсь? — спросилъ онъ съ нервнымъ, отрывистымъ смѣхомъ.—Вы не можете себѣ представить, какъ странно это было для меня: войти и увидать здѣсь васъ—васъ изъ всѣхъ людей въ мірѣ.

Она серьезно взглянула на него и сдѣлала къ нему одинъ шагъ.

— Тетя Юдиѳь умерла, — сказала она, — и тетя Эсѳирь очень больна. Матушка наверху съ ними—съ *нею*—теперь. Я только что пришла сюда отъ больной, гдѣ пробыла всю ночь.

Она остановилась, подняла руку къ волосамъ, какъ бы что-то припоминая, и посмотрѣла въ окно.

Digitized by Google

— Что-то есть въ васъ сегодня,—заговорилъ онъ,—напоминающее старые дни въ Прагѣ Вѣроятно, этому причиной ваши волосы, которыхъ я не видѣлъ распущенными съ того времени.

Она совсѣмъ отвернулась отъ его жаднаго взгляда и стала смотрѣть въ окно. Черезъ нѣсколько времени, она прервала молчаніе.

— Это была ужасная недѣля. Матушка узнала отъ м-ра Бодри, что онѣ захворали. Тогда мы пріѣхали. Я никогда не думала, что съ ними такъ тяжело. Пять лѣтъ продолжалось это?

— Да, пять лѣтъ. Благодарю васъ за то, что вы пріѣхали, но мнѣ жаль, что вы видѣли все это.

— Почему?

— Не надо показывать своего горя постороннимъ.

Она теперь смотрѣла на него.

— Вы очень плохо глядите, — коротко сказала она.—Гдѣ вы были?

— Я былъ украденъ,—отвѣтилъ онъ съ отрывистымъ смѣхомъ,—потомъ заболѣлъ тифомъ. Меня вылѣчили монахи.

— Вы были въ монастырѣ?

— Да—въ Бретани.

Она лѣниво устанавливала на подносѣ чашки и блюдечки лѣвой рукой, какъ бы стараясь обратить его вниманіе на эту руку, но онъ не хотѣлъ ничего видѣть, кромѣ ея лица.

— Слѣдовательно, васъ невозможно было найти?—спросила она.

— Совершенно,—отвѣчалъ онъ, и черезъ минуту прибавилъ съ усиленнымъ равнодушіемъ: — скажите мнѣ, что случилось послѣ моего исчезновенія?

Она, казалось, была смущена этимъ вопросомъ.

— Мы искали васъ... О, Христіанъ, это было ужасно!

— Мнѣ хотѣлось знать,—произнесъ онъ глубокимъ, нѣжнымъ голосомъ,—находили ли вы это ужаснымъ?

— Да—конечно—*всѣ* это находили!

Этотъ отвѣтъ, казалось, не удовлетворилъ его.

— Но вы,—настаивалъ онъ,—вы сами... что вы думали?

— Не знаю,—отвѣчала она съ болѣзненнымъ смущеніемъ,—мнѣ кажется, я совсѣмъ ничего не думала.

Digitized by Google

— Ну, такъ что же вы *дѣлали*, Гильда?

— Я—о, мы разыскивали васъ. Мы телеграфировали м-ру Бодри и онъ сейчасъ же пріѣхалъ. Потомъ пріѣхалъ Фредъ и предложилъ м-ру Бодри свою помощь по части розысковъ. Сперва онъ поѣхалъ въ Парижъ, потомъ въ Брестъ. Онъ сдѣлалъ все, что было возможно, но все было напрасно — васъ нигдѣ не было. По совѣту м-ра Бодри, все держали въ секретѣ. Въ газетахъ ничего не было.

Она внезапно остановилась, и въ комнатѣ наступило молчаніе. Онъ глядѣлъ на нее съ любопытствомъ, все еще не замѣчая этой маленькой лѣвой руки. Изъ всей ея рѣчи онъ, казалось, понялъ одно слово.

— Фредъ?—повторилъ онъ.—Фредъ Фарраръ?

— Да—мой мужъ!

Онъ отвернулся, подошелъ къ двери, потомъ возвратился въ комнату и неподвижно остановился на коврѣ.

— Я думаю, вѣнчаніе было скромное... изъ-за меня,—сухо замѣтилъ онъ.—Не такъ ли?

— Да,—прошептала она.

Онъ ждалъ, но она ничего не прибавила. Тогда онъ вдругъ засмѣялся.

— Я сдѣлалъ самую невѣроятную ошибку!—сказалъ онъ и снова засмѣялся.

— О, не дѣлайте этого!—воскликнула она.

— Чего?

— Не смѣйтесь.

Онъ подошелъ ближе—такъ близко, что его рукавъ почти касался ея наклоненной головы.

— Я думалъ—въ Сенъ-Мери-Истернъ—что вы любили *меня*.

Она отшатнулась отъ него.

— Что заставило меня думать такъ, Гильда?

Она подняла голову, въ ея глазахъ мелькнула мольба о пощадѣ, какъ въ глазахъ прибитой собаки.

— Говорите,—сурово повторилъ онъ.

— Вы думали это потому, — прошептала она,—что я сама такъ думала.

— А когда я исчезъ, вы нашли, что это была ошибка?

— Да, Христіанъ, онъ былъ такъ добръ, такъ благодаренъ, потому что онъ зналъ о моей ошибкѣ.

Digitized by Google

Христіанъ Веллакотъ отвернулся и задумчиво смотрѣлъ въ окно.

— Хорошо,—произнесъ онъ,—коль скоро вы не страдаете отъ этого...

— О!—простонала она, какъ будто онъ ударилъ ее. Она не знала, что онъ хотѣлъ сказать. Теперь она не понимала его. Наконецъ, онъ снова заговорилъ, медленно, задумчиво и безъ волненія:

— Со временемъ, когда вы постарѣете и станете опытнѣе, вы, вѣроятно, не разъ поблагодарите Бога, что я былъ именно таковъ. И я таковъ, можетъ быть, не оттого, что добръ — но оттого, что гордъ — вы помните, что моего отца считали безсердечнымъ; можетъ быть, это правда. Но еслибъ я былъ субъективенъ, еслибъ я былъ страстенъ, вмѣсто того чтобы быть тѣмъ, кого свѣтъ называетъ холоднымъ, умозрительнымъ человѣкомъ— вы были бы—ваша жизнь была бы...—Онъ остановился и, повернувшись, утомленно сѣлъ въ кресло тетки Юдиѳи.—Когда нибудь вы поймете это сами!—закончилъ онъ.

Очень возможно, что понимаетъ это и теперь. Во всякомъ случаѣ, она знаетъ, что ея мужъ безсиленъ спасти ее отъ Христіана Веллакота, отъ нея самой—отъ ея любви, хотя въ этой любви нѣтъ розъ, но только одни терніи.

А наверху, въ спальнѣ, тетка Эсѳирь умирала. Такъ все идетъ въ мірѣ. На сценѣ жизни происходитъ трагедія безъ всякой послѣдовательности, и отдѣльные акты не связаны ничѣмъ, а ихъ творецъ—слѣпой случай.

Докторъ и м-съ Керью стояли у постели и прислушивались къ отрывистому бормотанью старухи. Въ ея старческій умъ, вѣроятно, проникъ уже неземной свѣтъ, потому что она въ первый разъ ласково заговорила о своемъ племянникѣ.

— Ахъ, Христіанъ,—бормотала она,—хотѣлось мнѣ видѣть васъ. Я должна поблагодарить за вашу доброту—особенно къ теткѣ Юдиѳи. Она уже стара. Я знаю, она становится раздражительна. Это случилось давно, когда вашъ отецъ былъ маленькій мальчикъ—но вся жизнь ея была разбита. Я чувствую себя нехорошо, племянникъ Веллакотъ. Мнѣ хотѣлось бы видѣть доктора. Что думаетъ тетка Юдиѳь? Она спитъ?

Она повернула голову въ ту сторону, гдѣ ожидала увидѣть сестру, но тутъ ея глаза сомкнулись. Она спокойно за-

Digitized by Google

снула. Обѣ сестры спали вмѣстѣ семьдесятъ лѣтъ — долгихъ, монотонныхъ лѣтъ, не нарушаемыхъ ни сильной радостью, ни глубокой печалью. Вдругъ тетка Эсѳирь открыла глаза и взглядъ ее упалъ на пустую подушку, лежавшую возлѣ. Черезъ минуту она медленно повернула голову и устремила взглядъ на лицо доктора. Онъ думалъ, что у нея отнялся языкъ, но вдругъ она совершенно ясно заговорила:

— Гдѣ моя сестра Юдиѳь?

Иногда бываетъ необходимо сказать правду, даже если она можетъ убить.

— Ваша сестра скончалась,—отвѣчалъ докторъ.

Тетка Эсѳирь лежала совершенно неподвижно, уставивъ глаза въ потолокъ. Ея высохшіе пальцы перебирали одѣяло. Вдругъ лицо ея приняло осмысленное выраженіе.

— Теперь я одна буду спать на постели,—сказала она.— Я давно этого ждала.

Тетка Эсѳирь оставалась эгоисткой, не смотря на то, что тѣнь смерти уже вѣяла надъ нею.

. . . . . .

Много лѣтъ спустя, Христіану Веллакоту снова пришлось видѣть ангела смерти. Однажды ему подали телеграмму изъ Гавра, когда онъ сидѣлъ въ маленькой редакціонной комнатѣ высокаго дома на Стрэндѣ и, прочитавъ ее, онъ въ ту же ночь отплылъ изъ Сутгамптона въ Гавръ.

На слѣдующее утро, когда солнце поднялось надъ моремъ, его первые лучи весело проникли въ окно маленькой каюты большаго океанскаго парохода, еще дышавшаго тяжело послѣ переѣзда черезъ восточное море. Въ этой маленькой каютѣ лежалъ іезуитскій миссіонеръ, Ренэ Дрюкеръ, и слѣдилъ за отраженіемъ воды, игравшимъ вверху, на потолкѣ. Его отправилъ на родину изъ Индіи добродушный военный докторъ. Онъ былъ приговоренъ къ смерти:—его убилъ нездоровый климатъ. Агентъ ордена іезуитовъ былъ мягкосердый человѣкъ. Онъ уступилъ просьбѣ Ренэ Дрюкера и телеграфировалъ Христіану Веллакоту.

Въ настоящую минуту, Христіанъ спускался по лѣстницѣ каюты. Онъ вошелъ и остановился у постели больнаго.

— Ахъ, вы пришли,—проговорилъ французъ съ тѣмъ особеннымъ патетическимъ юморомъ, который понятенъ только на

Digitized by Google

его родномъ языкѣ.—Но какъ вы стары! Хотѣлъ бы я знать, кажусь ли я такимъ же старымъ? И тверды вы, да, тверды, какъ сталь!

— О, нѣтъ, — отвѣчалъ Веллакотъ. — Твердость, которая прежде была въ душѣ, теперь видна на лицѣ—вотъ и все.

Французъ глядѣлъ на него любовно, глазами женщины.

— Теперь вы великій человѣкъ, говорятъ всѣ.

Веллакотъ пожалъ плечами.

— Въ своемъ родѣ,—согласился онъ.—А вы?

— Я—я поучалъ.

— А! И было это успѣшно?

— Я учился, поучая.

Веллакотъ только кивнулъ головой.

— Вы знаете, почему я хотѣлъ васъ видѣть?—спросилъ миссіонеръ.

— Нѣтъ.

— Я хотѣлъ вамъ сказать, что сжегъ тогда письмо въ Одьернѣ.

— Я догадался объ этомъ, потому что оно не было получено.

— Я хочу, чтобы вы меня простили.

Веллакотъ засмѣялся.

— Я совсѣмъ забылъ про это,—сердечно отвѣтилъ онъ.

Пріэстъ смотрѣлъ на него острымъ взглядомъ.

— Я думалъ,—проговорилъ Ренэ Дрюкеръ,—что кто нибудь... какая нибудь женщина ожидала этого письма.

Послѣ небольшой паузы, журналистъ отвѣтилъ.

— Дорогой аббатъ,—сказалъ онъ,—во всемъ мірѣ нѣтъ женщины, которая бы ждала отъ меня письма. И вслѣдствіе этого какъ вы любезно замѣтили, я сдѣлался великимъ человѣкомъ—въ своемъ родѣ.

Но онъ зналъ, что могъ сдѣлаться еще болѣе великимъ.

Конецъ.

Digitized by Google

НАША ЖУРНАЛИСТИКА.

(«Перевалъ», романъ въ 3 частяхъ, П. Д. Боборыкина. «Вѣстникъ Европы», кн. I—VI, 1894 г.).

I.

Мы «переваливаемъ» за прежніе принципы, за тѣ традиціи, которыя выработаны шестидесятыми годами. Такъ полагаетъ г. Боборыкинъ, старающійся въ своемъ новомъ романѣ показать, какимъ порядкомъ совершается «перевалъ», въ какую сторону пошло теченіе русской мысли. Еслибы почтенный беллетристъ принадлежалъ къ числу писателей съ яснымъ и опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, было бы легко понять изъ его произведенія: добра или худа ждать отъ «перевала». Но г. Боборыкинъ желаетъ ограничить свою роль простымъ установленіемъ факта. Фактъ, безспорно, устанавливается романомъ. Г. Боборыкину нельзя отказать въ извѣстной чуткости, въ способности улавливать новыя общественныя настроенія. То, чего не замѣчаютъ многіе, усердно истребляющіе бумагу, публицисты—замѣтилъ и поспѣшилъ описать проницательный беллетристъ. Читая «Перевалъ», невольно жалѣешь о недостаткѣ художественнаго дарованія у автора и, пожалуй, еще болѣе о несамостоятельности его «основныхъ взглядовъ». Представьте себѣ, что г. Боборыкинъ отрѣшился бы отъ предвзятости и посмотрѣлъ на происходящее въ современномъ русскомъ обществѣ движеніе глазами безпристрастнаго наблюдателя. О, какая поучительная эпопея создалась бы изъ добытаго имъ матеріала!

Авторъ «Перелома» всѣми подробностями, всѣми персонажами романа свидѣтельствуетъ, что шаблонный либерализмъ виситъ на волоскѣ. Его мертвыя теоріи, его искусственно-склеенные принципы утратили безусловное значеніе даже въ средѣ малоопытнаго юношества, легче всего попадающагося на удочку «принциповъ» и «теорій». Еще подробная критика либерализма этимъ юношествомъ не произведена, но уже въ главномъ оно убѣдилось: большинство либеральныхъ тезисовъ обращается въ общія, ничего не значущія мѣста, разъ ихъ провѣряетъ жизнь, практика. Г. Боборыкинъ вы-

Digitized by Google

водить нѣсколько типовъ «идейныхъ» студентовъ. Эти «идейные» студенты, люди честные и мыслящіе, совершенно непроизвольно уклоняются отъ либеральнаго шаблона, чувствуя, что если ужь надо быть либералами, то либералами какого-то другаго, новаго, а не прежняго склада.

За шаблонный либерализмъ даже, повидимому, и самъ г. Боборыкинъ не расположенъ стоять съ надлежащей энергіей. Герои, къ которымъ авторъ чувствуетъ несомнѣнную симпатію, Лыжинъ и Кострицынъ—далеки отъ шаблоннаго либерализма и романистъ не казнитъ ихъ за это. Онъ воздерживается отъ порицаній и въ тѣхъ случаяхъ, когда на сцену выступаетъ консерваторъ Боярцевъ, предводитель дворянства, русскій баринъ, русскій искренній, честный и вѣрующій человѣкъ. Объективное отношеніе г. Боборыкина къ героямъ «Перевала» нѣсколько мѣняется по мѣрѣ приближенія къ весьма щекотливому пункту новой, обрисовывающейся уже, общественной программы—именно къ вопросу о національномъ. Для характеристики пробуждающагося національнаго самознанія романистъ вводитъ трагическій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необычайно-нелѣпый эпизодъ съ однимъ изъ «идейныхъ» студентовъ. «Идейный» студентъ по отцу—южноруссъ, мать студента—родомъ полька. Фамилія его—Мечъ. Мечъ былъ довѣреннымъ лицомъ въ землячествѣ, дѣйствовавшемъ сообща съ другимъ землячествомъ. Вышло между двумя землячествами недоразумѣніе, на почвѣ тонко-національной. Меча заподозрили въ пристрастіи, въ томъ, что онъ покривилъ душою и помирволилъ «своему человѣку», отецъ котораго — литовецъ, а мать—малороссіянка. Впечатлительный южноруссъ-полякъ не вынесъ тяжести неосновательнаго подозрѣнія и... отравился. Онъ отравился потому, что ничтожный самъ по себѣ фактъ раскрылъ передъ нимъ мрачнѣйшіе горизонты безвозвратнаго паденія молодежи, наводящей слишкомъ тщательныя справки о національности товарищей и относящейся къ вопросамъ о южноруссахъ-полякахъ и литвино-хохлахъ черезчуръ нетерпимо. Между тѣмъ этой молодежи предстоитъ въ недалекомъ будущемъ «дѣлать жизнь»—какъ имѣетъ обыкновеніе выражаться г. Боборыкинъ—и легко себѣ представить, насколько жизнь въ издѣліи подобной молодежи будетъ напоминать гамбургскую луну—въ издѣліи криваго бочара. Мечъ безповоротно убѣжденъ въ плохихъ качествахъ предстоящей «жизни» и спѣшитъ уйти изъ нея... кажется, слишкомъ заблаговременно.

Итакъ, пробужденіе національнаго самосознанія знаменуется у насъ племенной нетерпимостью. Студенты притѣсняютъ южноруссовъ и литвино-хохловъ, а болѣе зрѣлые мужи занимаются окончательно непотребнымъ «утѣсненіемъ» евреевъ. Г. Боборыкинъ знако-

Digitized by Google

мить читателя съ нѣкоторыми типами юдофобовъ. Дѣйствуютъ здѣсь, или вѣрнѣе разговариваютъ, съ одной стороны—бездушный докторъ-карьеристъ и петербургскій значительный чиновникъ. Оба дышутъ—надо признаться—глупѣйшею ненавистью къ евреямъ и болтаютъ удивительный вздоръ. Такъ какъ ихъ бесѣда происходитъ за обѣдомъ, то читатель невольно заподозриваетъ подлинныя побудительныя причины безсмысленной болтовни: онѣ скорѣе кроются въ выпитомъ винѣ, нежели въ дѣйствительной ненависти къ «гонимому племени». Г. Боборыкинъ *вѣрно* отмѣтилъ явленіе. Русское общество доразвилось до антисемитизма, но источники его—иные, чѣмъ думаетъ или желалъ бы думать г. Боборыкинъ. Не вдаваясь въ подробности, достаточно извѣстныя читателямъ нашего журнала, напомню лишь, что элементовъ *религіозной* и *племенной вражды* русскій антисемитизмъ не содержитъ. Все зиждется на такихъ нравственныхъ особенностяхъ еврейства, которыя съ точки зрѣнія любой религіи — исключая талмудизма—и любой націи—исключая еврейской—представляются отвратительными, нетерпимыми ни въ одной, мало-мальски культурной средѣ.

Итакъ, общество «переваливаетъ», оставляя позади и шаблонный либерализмъ, и пошлый космополитизмъ, и презрѣнную боязнь сознавать себя именно русскимъ, а не чухонско-нѣмецко-жидовско-татарскимъ или «международнымъ» человѣкомъ. Въ отрезвляющемся обществѣ, соотвѣтственно главному теченію, начинаютъ обозначаться и второстепенныя. Г. Боборыкинъ даетъ недурной типъ «ученой женщины», посвятившей лучшіе годы занятіемъ археологіей и затѣмъ, уже на склонѣ лѣтъ, вдругъ познавшей истинную потребность сердца, удовлетворить которую безсильны самые драгоцѣнные памятники старины, самыя удивительныя реликвіи допотопной культуры. Покорная этому влеченію сердца, ученая женщина мало по малу сбрасываетъ искусственную логику, преображаясь изъ муміи въ живаго человѣка. Явленіе, опять таки, подмѣчено вѣрно и опять таки полно смысла. Нигилистки низводили потребности сердца до степени откровенно-скотскихъ потребностей. Ученую женщину г. Боборыкина отъ мертваго «археологическаго» сна пробуждаетъ призывъ настоящей человѣческой любви, съ ея мечтательностью, поэтическими иллюзіями, со всѣми тѣми особенностями, которыя отличаютъ любовь разумнаго, свободнаго существа отъ любви неразумныхъ, порабощенныхъ темными инстинктами, животныхъ или... нигилистовъ.

Косвенно порицаетъ г. Боборыкинъ и противоположное нигилистическому отношеніе къ любви. Одна изъ его героинь—существо, извѣдавшее всю глубину любовныхъ разочарованій, тѣмъ болѣе

Digitized by Google

сильныхъ, что лишь удовлетворенію этой стороны сердечныхъ влеченій посвятила она жизнь. Чувствуется, что автора беретъ сомнѣніе насчетъ цѣлесообразности ухлопыванія всѣхъ силъ и всѣхъ помысловъ на одну любовь. Въ концѣ концовъ выходитъ, правда, отдаленная «реабилитація» семьи. Конечно, семья не слишкомъ либеральное учрежденіе, но, знаете, принявъ во вниманіе рядъ такихъ-то данныхъ и присоединивъ къ нимъ рядъ другихъ данныхъ, приходится сознаться, что семью еще можно «терпѣть»...

Стало быть, общество «переваливаетъ» и за принципъ безсемейственности, какъ успѣло «перевалить» за теорію скотской любви. Картина «Перевала» выростаетъ передъ нашими глазами все въ болѣе и болѣе значительныхъ размѣрахъ, все въ болѣе и болѣе симпатичныхъ очертаніяхъ.

Я сказалъ: «въ симпатичныхъ очертаніяхъ». Можетъ быть, найдутся и среди читателей убѣжденные друзья «прежняго порядка». Въ утѣшеніе имъ остается замѣтить, что будущее принадлежитъ поколѣнію «перевалившему» или «переваливающему» и что, слѣдовательно, несогласіемъ тутъ ничего не подѣлаешь. Могучій потокъ подхватитъ несогласныхъ, закружитъ, оглушитъ шумомъ новой жизни и вышвырнетъ на необитаемый островъ. Тамъ будетъ очень удобно «не соглашаться» и «протестовать», ибо необитаемые острова сами по себѣ, а населенные, культурные центры тоже сами по себѣ. Никто, разумѣется, отъ этого не теряетъ.

II.

Для тѣхъ общихъ выводовъ, которые я сдѣлалъ, характеризуя «перевалъ», въ романѣ г. Боборыкина имѣются достаточныя фактическія данныя. Извлечь ихъ цѣликомъ очень трудно, потому что почтенный романистъ загромождаетъ подробности цѣнныя и нужныя массою подробностей ненужныхъ и неинтересныхъ. Незначительность собственно художественнаго дарованія г. Боборыкина давно и опредѣленно установлена критикою. Къ этому остается прибавить, что и наблюдательная способность его также со значительнымъ дефектомъ. Нашъ авторъ схватываетъ настроенія и явленія слишкомъ поверхностно, слишкомъ въ общихъ чертахъ. Отсюда вотъ что получается. Первыя главы романа возбуждаютъ серьезный интересъ и большія ожиданія. Не соглашаясь съ авторомъ въ оцѣнкѣ фактовъ, вы не можете, однако, не признавать, что факты вѣрны, что они чутко схвачены, современны. Далѣе ходъ событій и обрисовка лицъ принимаютъ уже иной характеръ. Г. Боборыкинъ, чѣмъ ближе подвигается къ развязкѣ, тѣмъ больше

Digitized by Google

и больше запутываетъ читателя. Читатель въ недоумѣніи, но дѣло само собою выясняется: авторъ, во-первыхъ, не настолько талантливъ, чтобы оживить, одухотворить это множество выведенныхъ имъ персонажей; во-вторыхъ, онъ схватилъ лишь верхушки явленій, запечатлѣвъ лишь смутныя черты «новыхъ лицъ». Еслибы г. Боборыкинъ придерживался эскизнаго письма и не питалъ склонности къ многотомнымъ романамъ, результаты его чуткой наблюдательности выражались бы яснѣе, ярче, опредѣленнѣе. Вѣдь нельзя отрицать, что г. Боборыкинъ—единственный изъ современныхъ романистовъ, слѣдящій за движеніями общественной мысли и общественнаго настроенія. Какъ ни слабъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, «Василій Теркинъ», однако этотъ романъ далъ намъ совершенно новый типъ «человѣка изъ народа». «Перевалъ» еще значительнѣе «Теркина». Объективность, которую тщательно старается сохранить нашъ авторъ, удерживаетъ его отъ соблазна калѣчить до неузнаваемости «несимпатичныя» явленія. А «несимпатичныхъ»— съ либеральной точки зрѣнія — явленій въ «Перевалѣ» очень много.

До сихъ поръ я говорилъ объ идеѣ романа. Теперь слѣдовало бы перейти къ фабулѣ и подробностямъ. Фабулы въ «Перевалѣ», въ строгомъ смыслѣ, нѣтъ, а есть рядъ фабулъ, рядъ самостоятельныхъ романовъ. Г. Боборыкинъ дѣлаетъ изъ своихъ произведеній, вообще, нѣчто въ родѣ театральныхъ «revues», привившихся и къ нашимъ нравамъ. Revue—собраніе сценъ, не связанныхъ опредѣленнымъ сюжетомъ. Каждая сцена передаетъ какую нибудь злобу дня, всѣ же онѣ вмѣстѣ объединяются чисто искусственнымъ путемъ. Такое дѣйствующее лицо, появляющееся въ большинствѣ сценъ — comprère — въ сущности самое незамѣчательное лицо. Оно «обозрѣваетъ», попадая изъ думы въ участокъ, изъ участка въ кафе-шантанъ, изъ кафе-шантана въ модный магазинъ, оттуда на телефонную станцію и т. д., и т. д. Г. Боборыкинъ для своего послѣдняго «revue» избралъ comprère'омъ «кающагося дворянина» Лыжина, въ либеральныхъ убѣжденіяхъ котораго произошелъ переломъ и который, на первыхъ порахъ, заинтересовываетъ читателя именно поврежденностью прежнихъ своихъ воззрѣній. Вскорѣ обнаруживается, что Лыжинъ—не главный герой, а только «обозрѣватель». Гораздо значительнѣе его супруги Кумачевы. Кумачевъ — комерсантъ новѣйшаго типа. Получивъ прекрасное образованіе, Кумачевъ не счелъ нужнымъ бросить доставшагося ему отъ родителей дѣла. Онъ пошелъ «по купечеству», подкрѣпилъ силу милліоновъ силою знанія, воспитанности, свѣтскаго такта. Г. Боборыкинъ черезчуръ намудрилъ съ Кумачевымъ—иначе этотъ персонажъ

Digitized by Google

былъ бы самымъ удачнымъ въ романѣ. Кумачевъ сливается съ родовою аристократіей. По внѣшности, онъ уже слился съ нею. Его умѣніе барски держаться не выдаетъ купца. Женатъ онъ на княжнѣ изъ обѣднѣвшаго, но очень древняго рода. Казалось бы, еще шагъ— и сліяніе полное. Однако, этого шага Кумачевъ не торопится дѣлать. Можетъ быть, впослѣдствіи мы увидимъ внука мелкаго торговца крупнымъ администраторомъ, превосходительствомъ; только произойдетъ подобная метаморфоза не сразу и никому не кинется въ глаза. Кумачевъ отличается отъ прочихъ выскочекъ-милліонеровъ громадною выдержкою. Постепенно входя въ новый для него кругъ, онъ дѣлаетъ такъ, что каждый его успѣхъ является для всѣхъ естественнымъ и ожиданнымъ, точно не онъ пролѣзаетъ въ извѣстную среду, а среда эта, нуждаясь въ немъ, тянетъ его. И когда Захаръ Лукьяновичъ достигнетъ своего, то ни одинъ злой языкъ не скажетъ: «парвеню», а всѣ будутъ очень рады, всѣмъ онъ покажется «на мѣстѣ». Общество должно обновляться и лучшіе элементы обновленія — это Кумачевы, богатые, сильные физически и умственно, побѣдившіе въ себѣ мужика окончательно—по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны.

Вдумайтесь во все это хорошенько и вы поймете разницу между Кумачевымъ и обыкновеннымъ выскочкой-милліонеромъ. Кумачевъ, во многомъ существенномъ, остается вѣренъ себѣ. Онъ прежде всего комерсантъ, сознающій силу и значеніе данной профессіи. Его личныя качества подчеркнуты. Они также бросаются въ глаза, какъ и его богатство. У Кумачева есть опредѣленное міросозерцаніе, консервативное, но безъ оттѣнка аристократизма. Оттѣнокъ аристократизма явится впослѣдствіи. Теперь этотъ вопросъ очень искусно обойденъ Захаромъ Лукьяновичемъ. Было бы смѣшно, еслибы онъ разыгрывалъ аристократа и отстаивалъ «дворянскія традиціи». Вѣдь никто еще не успѣлъ забыть его дѣда и отца. Съ другой стороны, совсѣмъ не разсчетливо придерживаться демократическихъ тенденцій. Умѣстныя въ настоящемъ, онѣ могутъ повредить въ будущемъ. Для «новаго положенія» Кумачевъ готовъ. Его консерватизмъ извѣстенъ. Когда наступитъ время, легко будетъ наложить на него финальный штрихъ. Тогда уже не станутъ удивляться, что Захаръ Лукьяновичъ не только консерваторъ, но и защитникъ интересовъ дворянства.

Супруга Захара Лукьяновича тоже представляетъ любопытный типъ, но г. Боборыкинъ приложилъ всѣ старанія, чтобы обезцвѣтить его. Урожденная княжна не можетъ примириться съ мыслью, что она m-me Кумачева и что мужъ ея—купецъ. Она признаётъ безукоризненность его тона и, конечно, ничего не имѣетъ противъ нажитыхъ ненавистнымъ торгашествомъ милліоновъ, но «Захаръ Лукьянычъ», «Кумачевъ» — это нестерпимо. Г. Боборыкинъ здѣсь

Digitized by Google

положительно хватилъ черезъ край. Его Антонина Борисовна производитъ впечатлѣніе особы невполнѣ нормальной. Должны быть особыя причины, чтобы женщина *такъ* мучилась демократическимъ происхожденіемъ мужа. Захаръ Лукьяновичъ ничѣмъ не напоминаетъ ей объ этомъ своемъ демократическомъ происхожденіи. «Захара» она благополучно передѣлала въ «Закки» и могла бы на томъ успокоиться. Но Антонина Борисовна не успокоилась. Ненавистный «кумачъ» совсѣмъ сбилъ ее съ пути истины и бросилъ въ объятія ничтожнаго гвардейскаго офицера, счастливаго обладателя частицы «фонъ». Это уже окончательно неправдоподобно. Женщинѣ можетъ, безъ всякихъ причинъ, надоѣсть красивый и умный мужчина, она въ состояніи отдать предпочтеніе лишь красивому и менѣе умному, но, конечно, не въ силу того основанія, что одного зовутъ «Кумачевъ», а другаго «фонъ-Гольцъ», что одинъ—купецъ, а другой гвардейскій офицеръ. Антонина Борисовна для подобной пошлой «замѣны» слишкомъ разсчетлива, слишкомъ самолюбива. Ея мечта—присоединить къ богатству видное общественное положеніе. М-me Кумачева безконечно честолюбива, а когда женщиной овладѣваетъ такое чувство, какъ честолюбіе, и когда женщина при этомъ умна, то ни одного шага она не сдѣлаетъ, прежде чѣмъ не освѣдомится у своего идола, не оцѣнитъ поступка съ точки зрѣнія всѣхъ честолюбивыхъ замысловъ.

Между тѣмъ, на почвѣ «замѣны» Кумачева фонъ-Гольцемъ г. Боборыкинъ и строитъ романъ. Я думаю, достаточно остановиться на одной подробности «Перевала», чтобы понять нелѣпость сочиненной г. Боборыкинымъ интриги. Антонина Борисовна, подвергаясь ухаживаніямъ различныхъ престарѣлыхъ свѣтскихъ хлыщей, замѣчаетъ, что въ этомъ ухаживаніи есть что-то специфическое. *Такъ* ухаживать можно лишь за m-me *Кумачевой*, а не за графиней N. или княгиней М., хотя бы онѣ пользовались даже сравнительно не блестящей репутаціей. Очевидно, милліоны еще не окончательная гарантія—въ глазахъ извѣстнаго общества. Только съ милліонами и знатностью не обращаются за панибрата. Съ одними милліонами за панибрата обращаться можно, точно также какъ и съ одною знатностью.

Подобное открытіе на умную, *честолюбивую* женщину должно было произвести особое дѣйствіе. Оно должно было убѣдительно доказать ей, что для жены *Кумачева*, болѣе чѣмъ для всякой другой, необходимо заботиться о незапятнанности репутаціи. А сохранить незапятнанную репутацію, давъ волю сердечному влеченію, очевидно, нельзя. «Любовниковъ счастливыхъ узнаютъ по ихъ глазамъ», стало быть самая бдительная осторожность не спасла бы

Digitized by Google

Антонину Борисовну отъ подозрѣній, особенно въ кругу искусившихся свѣтскихъ волокитъ. Кажется, этого соображенія вполнѣ достаточно, чтобы уяснить ложность интриги, положенной въ основу романа.

Впрочемъ, разбирать «Перевалъ», какъ художественное произведеніе, врядъ ли есть надобность. Г. Боборыкинъ на своемъ вѣку выслушалъ достаточное количество упрековъ и рацей, а публика достаточно знакома съ пріемами этого романиста. Центръ же тяжести «Перевала», какъ я уже говорилъ, лежитъ вовсе не въ «интригахъ» и не въ художественныхъ особенностяхъ произведенія.

Лыжинъ—compère обозрѣнія—вышелъ блѣднымъ, недописаннымъ. Въ концѣ романа мы узнаёмъ о немъ не больше, чѣмъ знаемъ въ началѣ. Было время, когда Лыжинъ «пускалъ вошь въ ухо» и «стучалъ лбомъ передъ мужицкимъ зипуномъ». Теперь онъ ни того, ни другаго не дѣлаетъ, а просто околачивается около хорошихъ людей, поддерживая съ ними пріятныя отношенія.

Ярче Лыжина—Кострицынъ. Кандидатъ университета, даже магистрантъ, Кострицынъ состоитъ на службѣ у Кумачева. Когда будетъ нужно, онъ напишетъ диссертацію, защититъ ее и примется за самостоятельную дѣятельность. Пока въ этомъ нѣтъ надобности, Кострицынъ сидитъ въ кумачевскомъ «амбарѣ», наблюдаетъ и философствуетъ. Роль «амбарнаго Сократа» его удовлетворяетъ. Чѣмъ онъ удовлетворится впослѣдствіи — изъ романа, опять таки, видно несовсѣмъ ясно.

По міросозерцанію, Кострицынъ—послѣдователь Ницше, «но только съ русскою душой». У «амбарнаго Сократа» остается несомнѣнная связь съ либерализмомъ. Онъ пользуется нѣкоторымъ вліяніемъ на «идейную» молодежь. Крайности теоріи свихнувшагося нѣмецкаго публициста философа чужды Кострицыну. Для нихъ онъ недостаточно мечтателенъ—слишкомъ прозаиченъ. Амбарный Сократъ отрицаетъ равенство. «Его нѣтъ въ природѣ, — говоритъ онъ,—нѣтъ ни въ чемъ, что развивается. Въ избранникахъ человѣчества только и находимъ мы оправданіе его жизни на землѣ. А гдѣ избранники, тамъ и различіе, и обособленіе, и каста, если вамъ угодно. Безъ іерархіи немыслимо ничто живое. И торжество гнилаго принципа всеобщаго уравненія будетъ концомъ всякой справедливости, смѣшеніемъ въ одной безобразной кучѣ—глупыхъ и умныхъ, калѣкъ и бойцовъ, геніевъ и жалкихъ бездарностей, красоты и уродства. Поэтому-то и безуміе—дѣлать генія орудіемъ массы и ставить высшей цѣлью усилій избранниковъ: пошлое благополучіе стада, которое само не въ силахъ даже, безъ указанія, пережевывать свою жвачку»! Кострицынъ порицаетъ ходячую мо-

Digitized by Google

раль, которая возится съ болью, страданіями и ихъ антиподами—удовольствіемъ и наслажденіемъ. «Удовольствіе и страданіе,—разсуждаетъ «амбарный Сократъ»,—только признаки, показатели. Сами по себѣ они ничто. Боль не хороша—только когда она безсмысленна. Но когда надо перейти черезъ страданіе, чтобы дать ходъ своей личности, подняться на высшую ступень развитія, тогда страданіе въ разсчетъ нейдетъ. Отъ васъ же требуютъ постоянно копаться въ самыхъ жалкихъ немощахъ человѣка. Въ каждомъ изъ насъ одновременно сидятъ тварь и творецъ. Тварь поетъ и плачетъ, клянчитъ и выставляетъ на показъ болячки, прося милостыни... и, вмѣсто того чтобы идти къ освобожденію себя самихъ отъ твари, мы только съ нею и носимся, на нее только и полагаемъ душу. И добро бы еще на могучую тварь, полную хищныхъ здоровыхъ порывовъ! А то на самую дрянную, разслабленную гуманной культурой. А разъ удѣлъ нашего бытія на землѣ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ возвышеніемъ, въ каждомъ изъ насъ творца надъ тварью,—ибо человѣкъ самъ себѣ дѣло и ни у кого и ни у чего не обязанъ просить позволенія думать и чувствовать такъ, а не иначе,—то изъ этого прямо вытекаетъ, что самое великое дѣло—въ молодыхъ лѣтахъ дать заказъ характеру: стать самимъ собою и въ самомъ себѣ найти смыслъ и удовлетвореніе. Единой же спасительной морали нѣтъ и быть не можетъ! Если ты по натурѣ злобенъ, то честнѣе быть злобнымъ, чѣмъ фальшиво или по доброй волѣ стукать лбомъ передъ прописями, годными только для уроковъ чистописанія. И когда личность освободитъ себя отъ какихъ бы то ни было цѣпей, тогда только творческая основа и возьметъ въ ней верхъ надъ тварью. Этого нельзя достигнуть, не преодолѣвъ самого себя».

Въ словахъ Кострицына нѣтъ никакихъ новыхъ откровеній; люди, успѣвшіе покончить съ либеральной фальшью и вышвырнувшіе за окно прописи ходячей морали, гораздо раньше Кострицыныхъ пришли къ аналогичнымъ выводамъ. Весь вопросъ въ томъ, чтобы общественное сознаніе глубже восприняло *обновленныя* истины. Вредъ прописной морали заключается не столько въ ея банальности, сколько въ худосочіи и непрактичности. Мораль можетъ вытекать или изъ религіи, или изъ научныхъ данныхъ. Въ обоихъ случаяхъ она несокрушимо-тверда и входитъ въ плоть и кровь человѣка. Человѣкъ вѣрующій не можетъ преступить, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ требованій морали, такъ какъ эта мораль—органически слита съ его вѣрой, не нуждается ни въ какихъ отвлеченныхъ доказательствахъ. Ее нѣтъ надобности искусственно затверживать. Съ другой стороны, мораль, вытекающая изъ науч-

Digitized by Google

ныхъ положеній, слишкомъ очевидна для знакомаго съ этими положеніями, чтобы подлежать спорамъ и сомнѣніямъ. Ей легко подчиняются инстинкты, разумъ никогда не становится въ противорѣчіе съ нею. Только мораль чувства—религіозная—и мораль разума—научная—способны держать человѣка на извѣстной высотѣ, помочь ему побѣдить тварь и освободить творца. Прописная мораль лишена такой силы. Человѣкъ прививаетъ ее себѣ искусственно. Если ему не удастся застыть въ этой искусственной формѣ, онъ, сначала незамѣтно, а потомъ мало по малу и сознательно, начинаетъ «сжигать, чему поклонялся». Прописная мораль не выдерживаетъ напора жизни. Кто хочетъ сохранить ее въ неприкосновенности, долженъ уйти изъ жизни, долженъ забраться на необитаемый островъ и убѣдить себя, что мчащаяся мимо жизнь вовсе не мчится, а стоитъ на одномъ мѣстѣ, движеніе же ея только призрачное.

Наоборотъ, если человѣкъ съ прописною моралью останется въ жизни и признаетъ ея движеніе,—прописная мораль разлетится въ дребезги и у этого человѣка не будетъ ничего, чѣмъ бы онъ могъ наполнить разумъ и душу. Лишь избранные переходятъ отъ прописной морали къ религіозной или научной. Чаще всего случается, что носитель прописной морали ничѣмъ ея не смѣняетъ, давая полный просторъ твари. У насъ есть цѣлая литература объ «отступникахъ». Эти отступники—именно отступники отъ прописной морали. Авторы такихъ произведеній, сами проникнутые прописной моралью, видятъ въ отступничествѣ отъ прописной морали гибель человѣка. Такъ оно, пожалуй, и есть въ дѣйствительности. Жизнь уничтожаетъ тезисъ за тезисомъ, искусственно-придуманный кодексъ становится все ничтожнѣе и безсодержательнѣе. Убѣдившись въ его негодности, человѣкъ дѣлается «отступникомъ», пускается въ побѣдившую его жизнь «безъ руля и безъ вѣтрилъ». Куда прибьетъ волна—тамъ онъ и обоснуётся.

Совершенно иное значеніе пріобрѣло бы отступничество отъ прописной морали, еслибы люди, отвергнувъ прежнія заблужденія, наполняли душу новыми истинами, укрѣплялись въ правилахъ религіозной или научной морали. Это было бы не паденіемъ человѣка, а возрожденіемъ, возвышеніемъ.

Я не знаю, зачѣмъ понадобился г. Боборыкину Ницше (онъ почему-то нигдѣ не называетъ имени этого писателя, даже цитируя его)—какъ не знаю, зачѣмъ онъ побезпокоилъ прахъ Фурье и перерылъ Гегеля. Дѣло ясно и безъ Ницше. Безпринципность, на которую одно время жаловались принципіальные люди всѣхъ направленій, не была тенденціозною выдумкой. Поколѣнія, выступившія непосредственно вслѣдъ за поколѣніями, проникну-

Digitized by Google

тыми самою строгою принципіальностью, повидимому, внесли въ общественную жизнь нездоровые, зловредные элементы. Эгоизмъ, доведенный до жестокости, до безсмыслицы, отличилъ эти поколѣнія не только отъ предшествовавшихъ, но и отъ народившагося. Насколько охотно предшествовавшія поколѣнія вѣрили всему доброму и честному, настолько смѣнившимъ ихъ поколѣніямъ все честное и доброе сдѣлалось ненавистнымъ. Но грозные симптомы, оказывается теперь, были грозны только по внѣшнему виду. Русское общество еще слишкомъ молодо и слишкомъ полно силъ, чтобъ начавшееся мѣстное разложеніе могло распространиться на весь организмъ. Дѣйствительно, эпоха безпринципности знаменуетъ собою поворотъ отъ морали прописной къ морали болѣе устойчивой, опредѣленной и жизненной. Жаль честныхъ южноруссовъ-поляковъ, которые отравляются, не желая принимать участія въ предстоящемъ «развалѣ». Но честные южноруссы-поляки не правы: никакого «развала» не предстоитъ и гибнутъ они жертвами не этого грядущаго «развала», а минувшей, отжившей прописной морали, скрывающей отъ человѣка свѣтлые горизонты. Еслибы г. Боборыкинъ подробнѣе остановился на эпизодѣ со студентомъ Мечемъ, онъ легко догадался бы, въ чемъ дѣло. «Перевалъ» унесетъ не одну жертву; будутъ выбывать изъ строя тѣ, которые разочаровались въ прописной морали, будутъ выбывать изъ строя и тѣ, которымъ тяжело признать прописную мораль несостоятельною. Въ надвигающемся на общество новомъ настроеніи способны оріентироваться далеко не всѣ умные и проницательные люди. Самъ г. Боборыкинъ, отмѣтившій «перевалъ», многаго не понимаетъ. Здоровый консерватизмъ Боярцева и теорія «освобожденія творца отъ твари» ему кажутся если невполнѣ основательными, то терпимыми. Зато національное самосознаніе представляется нашему романисту въ уродливой, отталкивающей формѣ. Духъ западничества еще живетъ у насъ и порой твердо заявляетъ о своемъ существованіи. Извѣстной категоріи русскихъ людей продолжаетъ казаться, что быть русскимъ несовсѣмъ ладно и что нужно стараться какъ можно болѣе походить на «европейца». Именно на европейца,—точно существуетъ такая нація: «европейцы». Съ понятіемъ объ европейцѣ связывается понятіе о культурѣ, общей всѣмъ народамъ Европы, и о нѣкоторыхъ научныхъ принципахъ, ставшихъ достояніемъ всего образованнаго міра. Далѣе «европеецъ» подраздѣляется на разновидности, чрезвычайно яркія и типичныя: француза и нѣмца нельзя смѣшать съ англичаниномъ. Итальянецъ имѣетъ свою физіономію. Сыны Испаніи имѣютъ очень мало общаго съ датчанами и норвежцами. Почему же среди этихъ разновидностей не быть и

Digitized by Google

русской? Почему мнѣ не сознавать себя русскимъ и не консервировать особенностей, отличающихъ меня отъ нѣмцевъ, французовъ и скандинавовъ? Почему мои *русскія* особенности непремѣнно слѣдуетъ признавать дикими, безобразными, некультурными? Не вижу также причинъ, отчего нѣмецъ имѣетъ право заботиться о приведеніи къ одному виду всякихъ, входящихъ въ составъ германской имперіи, народностей, а я, русскій, этого права не имѣю?

Впрочемъ, затронутый сейчасъ вопросъ отвлекъ бы насъ далеко въ сторону. А намъ предстоитъ сказать еще нѣсколько словъ о «Перевалѣ».

По обыкновенію, г. Боборыкинъ, параллельно съ главной интригой, ведетъ нѣсколько второстепенныхъ. Ихъ свободно можно было бы выбросить изъ романа — еслибы это былъ именно *романъ*, а не «обозрѣніе». Нагроможденіе эпизодовъ и скучиванье персонажей — составляютъ страсть г. Боборыкина. Эта страсть иногда переходитъ въ довольно смѣшной азартъ. Въ «Василіи Теркинѣ» у г. Боборыкина имѣется такая любопытная глава. Теркинъ и Калерія отправляются въ усадьбу знакомыхъ «героическаго волгаря». Пока они идутъ (а идетъ эта парочка очень медленно) г. Боборыкинъ подробно разсказываетъ, что за усадьба, въ которой живутъ знакомые Теркина, что за люди эти знакомые и т. д. и т. д. Читатель готовится къ встрѣчѣ съ новыми персонажами. Но ожиданіе напрасно. Въ усадьбѣ Теркину объявляютъ, что «господа уѣхали» и неизвѣстно, когда будутъ. Такъ съ ними читатель, на всемъ протяженіи романа и не встрѣчается.

Въ «Перевалѣ» г. Боборыкинъ остался вѣренъ излюбленному пріему. Его герой, Лыжинъ, желаетъ помочь спрятаться одной барынѣ отъ приставаній наглаго ухаживателя. Съ этою цѣлью Лыжинъ ѣдетъ къ старой знакомой, съ которою не видался болѣе года. Читатель узнаётъ подробную біографію дамы. Она была замужемъ, но мужъ растратилъ ея состояніе и скрылся. Теперь она держитъ мастерскую и этимъ существуетъ. Слѣдуетъ рядъ сценъ — въ квартирѣ покинутой мужемъ дамы и въ мастерской. Затѣмъ, когда все осмотрѣно и все досконально оцѣнено, начинается самое «дѣйствіе».—Можете спрятать такую-то?—спрашиваетъ Лыжинъ.—Нѣтъ, не могу,—отвѣчаетъ дама.—А вотъ моя пріятельница, женщина-врачъ, ее спрятать можетъ.—Лыжинъ направляется къ женщинѣ-врачу. Теперь спрашивается: для чего же читателю было знакомиться съ персонажемъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго отношенія къ роману? Потому, что дама сама по себѣ интересна? Но, во-первыхъ, ничего интереснаго въ ней нѣтъ, а во-вторыхъ, еслибы и было, то нельзя же каждаго встрѣчнаго интереснаго человѣка «тащить въ романъ» — будь то даже романъ-«обозрѣніе».

Digitized by Google

III.

Изъ числа привлекающихъ вниманіе персонажей «Перевала», намъ остается отмѣтить еще актрису Липу и офицера фонъ-Гольца. Фонъ-Гольцъ вышелъ у г. Боборыкина совсѣмъ безжизненною фигурой. Этотъ корректный гвардеецъ—какая-то рыба. Даже его корректность неосмысленна и безжизненна. И этого-то манкена г. Боборыкинъ приспособилъ для роли любовника Антонинѣ Борисовнѣ Кумачевой.

Липа также—скорѣе намекъ на типъ, нежели типъ. Это честная женщина и талантливая артистка, натура пылкая, съ демократическимъ пошибомъ. Въ началѣ романа мы знакомимся съ Липой, какъ съ любовницей Гольца. Но ихъ связь прекращается и Липа привлекаетъ вниманіе амбарнаго Сократа, въ концѣ концовъ соединяющагося съ нею союзомъ брачнымъ.

Интереснѣе этой интриги другая, героями которой являются Боярцевъ и Акридина, спеціалистка по части археологіи. Страстная любовь къ Боярцеву перерождаетъ Акридину, но когда Боярцевъ дѣлаетъ ей предложеніе, она отвергаетъ его. Слишкомъ много «благочестія» въ Боярцевѣ и слишкомъ мало онъ увлеченъ ею, какъ женщиной. Эта черта подмѣчена г. Боборыкинымъ довольно тонко. Вообще эпизодъ интриги Боярцева и Акридиной—одинъ изъ удачныхъ въ романѣ.

Выводитъ г. Боборыкинъ на сцену еще одного интереснаго человѣка—«византійца» и аскета Козьмина. Козьминъ отрицаетъ «прогрессъ, торжество науки». «Развѣ превращеніе однѣхъ формъ въ другія есть безконечное развитіе, въ смыслѣ блага, духовнаго совершенства? Господа дарвинисты—самые умные—давно установили, что правъ тотъ, кто душитъ и колетъ другихъ! Вотъ вамъ и прогрессъ! Мы съ вами сочувствуемъ долѣ нашихъ братьевъ славянъ... Было время, когда я за всю славянскую братію душу готовъ былъ заложить, и одна только кличка «братъ-славянинъ» заставляла меня считать ихъ совершенствомъ, а теперь нѣтъ! Все, что̀ пропахло западнымъ ёрничествомъ—то̀ уже прогнило: всѣ эти культурные сербы, болгары, хорваты, лужичане, венды. О чешкахъ,—презрительно выговорилъ онъ,—и говорить нечего! И имъ не очиститься... Они ушли изъ Византіи, отъ того уклада жизни, которому теперь можно учиться только въ одномъ мѣстѣ во всей вселенной». Этимъ мѣстомъ оказывается Аѳонъ. Всемогущество науки, выводы знанія доказываютъ одно:—«культура ведетъ къ полнѣйшему разгулу похоти и разнузданнаго себялюбія. Пресловутая

Digitized by Google

наука ничего и никого не спасетъ, ни въ кого не вложитъ единаго спасительнаго начала—страха передъ Вѣчнымъ Судьей! Я тоже вѣровалъ,—продолжалъ Козьминъ,—въ точное знаніе и кончилъ, какъ видите, тѣмъ, что извѣрился во всѣ ухищренія великой вавилонской блудницы, имя которой: «торжество науки». Это эресь—западные друзья надѣлили насъ всяческимъ юродствомъ, развели всяческую эмансипацію, духа и тѣла, дѣтей и слугъ, мужиковъ и баръ, а—главное—дѣвчонокъ и бабёнокъ, мнящихъ себя носительницами передовыхъ идей».

Не трудно догадаться, чьи мысли влагаетъ г. Боборыкинъ въ уста Козьмина. Я этихъ мыслей не раздѣляю, но нужно признать, что въ русской публицистикѣ онѣ имѣли блестящаго, своеобразнаго выразителя. Подобныя мысли, при всей ихъ ошибочности, надобно было *выстрадать*. Оригиналъ, съ котораго копируетъ г. Боборыкинъ византійца-аскета, гораздо значительнѣе, чѣмъ думаетъ нашъ романистъ. Есть ли у Козьмина и ему подобныхъ послѣдователи, сомнѣваюсь. Козьмины не создали стройной теоріи, не говоря уже о системѣ. Но извѣстную долю проясненія русской мысли нужно приписать и ихъ заслугамъ. Сквозь болѣзненную лирику этихъ византійцевъ-аскетовъ пробивалось нѣчто, родственное всѣмъ русскимъ людямъ, еще не окончательно потерявшимъ себя. Можетъ быть, это «нѣчто» противорѣчило тому, что они считали своей теоріей. Да развѣ въ писателѣ или общественномъ дѣятелѣ всегда цѣнно именно то, что онъ самъ полагаетъ цѣннымъ?

Прежде чѣмъ перейти къ заключительнымъ выводамъ о «Перевалѣ», не могу не отмѣтить варварскаго языка, которымъ пишетъ г. Боборыкинъ. На каждомъ шагу, у него встрѣчаются такія выраженія: «дѣлать жизнь», «отвѣтилъ онъ радостнымъ звукомъ», «пустилъ барскимъ звукомъ» и т. д. Или: «она брала почтовый»—вмѣсто: «ѣхала съ почтовымъ поѣздомъ». Уснащать русскій языкъ оборотами, даже у публики Итальянскаго бульвара быстро выходящими изъ моды, право, не задача русскаго романиста. Г. Боборыкинъ положительно разучивается, мало по малу, правильно писать на родномъ языкѣ. Онъ пишетъ не по французски и не по русски, а на какомъ-то невѣдомомъ діалектѣ, на которомъ не изъясняется ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, если не считать самого г. Боборыкина.

Покончивъ съ этимъ замѣчаніемъ, возвращаемся къ «Перевалу». Явленія, указанныя г. Боборыкинымъ, свидѣтельствуютъ о нарожденіи въ современномъ обществѣ такихъ особенностей, которыя характеризуютъ *культурное* общество. Сводя и обобщая эти явленія, можно сказать, что русское общество начинаетъ чувствовать потребность въ самостоятельности. Оно не поворачиваетъ «назадъ», но

Digitized by Google

понемногу выходитъ на свой путь, путь вѣрный и широкій, проложенный вѣковою работой народа. Русское общество, сознающее себя русскимъ, гораздо больше—*общество европейцевъ* въ извѣстномъ уже намъ смыслѣ, чѣмъ прежнее русское общество, проникнутое западническими тенденціями.

Мы смотримъ теперь на европейскую культуру не какъ на рѣдкость или новинку, достойную нашего удивленія и уваженія, но какъ на нѣчто, присущее и намъ. Мало того, что мы «вошли» въ эту культуру, мы успѣли внести въ нее и кое-что свое. Почему же намъ слѣдуетъ преклоняться передъ западной Европой, когда мы сами—Европа? Русскій культурный человѣкъ знаетъ, что онъ европеецъ, но знаетъ еще, что онъ *русскій* человѣкъ, что для его интимной, внутренней жизни многое нѣмецкое, англійское, французское и т. д. либо не подходитъ, либо недостаточно. Неподходящее нѣтъ надобности перенимать; недостающее нужно постараться восполнить и прежде всего собственными силами и средствами. Съ какой стати будутъ работать на насъ англичане и нѣмцы, а если-бы имъ и вздумалось еще разъ насъ облагодѣтельствовать, то простое человѣческое самолюбіе должно удержать русскихъ отъ принятія этого благодѣянія. Допустимъ даже, что въ концѣ концовъ придется принять благодѣянія, но не лучше ли, не почтеннѣе, не нравственнѣе ли попытаться обойтись безъ посторонней помощи?

Въ общежитіи такъ оно и есть. И г. Боборыкинъ, и всѣ шаблонные и нешаблонные либералы согласятся, что человѣкъ, пользующійся только готовымъ и постоянно смотрящій изъ чужихъ рукъ, не достоинъ уваженія. Отсюда, отъ отдѣльнаго человѣка, не трудно сдѣлать переходъ къ націи. Нація, подобно отдѣльному человѣку, должна прежде всего возлагать надежды на собственныя силы и ничего, ни у кого, не брать даромъ.

«Перевалъ» знаменуетъ наступленіе именно такой эпохи, когда русскіе люди будутъ жить своимъ умомъ и возмѣщать культурнымъ сосѣдямъ каждое позаимствованіе у нихъ.

Перспективы, которыя раскрываются съ этого пункта, свѣтлы, многообѣщающи, радостны. Такъ «переваливать», конечно, согласны всѣ честные и образованные русскіе люди. И страшиться здѣсь имъ нечего. Путь избранъ вѣрный и не достичь, идя по нему, цѣли—немыслимо.

К—скій.

Digitized by Google

Тайна души.

Люблю... кого люблю? не знаю!
Напрасно въ памяти ищу,
Чей образъ я воспоминаю,
Предъ кѣмъ задумчиво грущу.

И какъ, скажи, восприняло
Небесной грезы отраженье
Сознанья зыбкое стекло
Сквозь мглу житейскаго броженья?

Волнуема стихіей бурной,
Поверхность озера темна,
И безпредѣльности лазурной
Не можетъ отразить она.

Н. Энгельгардтъ.

Digitized by Google

ДВѢ СИСТЕМЫ СРЕДНЯГО ОБРАЗОВАНІЯ.

VI.

Взглядъ нашъ на концентрацію обученія подробно выясненъ въ началѣ этой статьи. Гр. Капнистъ силится защитить ее исторически. Онъ пишетъ: «Принципъ концентраціи сложился естественнымъ образомъ. Первоначально, 4—5 столѣтій тому назадъ, ученіе невольно сосредоточивалось на очень небольшомъ числѣ предметовъ, такъ какъ, послѣ паденія древней греко-римской образованности, самый кругъ знаній, могущій стать предметомъ научнаго изученія, былъ крайне ограниченъ; затѣмъ, по мѣрѣ того какъ началось возрожденіе наукъ и искусствъ и какъ цивилизація новѣйшаго времени стала расти и крѣпнуть, расширялся и кругъ знаній, могущихъ стать предметомъ изученія. Времена, когда школа вынуждена была сосредоточивать все свое вниманіе на одной или двухъ наукахъ—давно миновали, а между тѣмъ, въ силу неизбѣжной необходимости, концентрація преподаванія не только сохранилась въ школахъ, но окрѣпла, развилась и перешла изъ смутнаго, невполнѣ сознательнаго понятія въ ясно и опредѣленно формулированный принципъ».

Разсмотримъ это положеніе. Прежде, въ началѣ IV—V столѣтія, ученіе естественно сосредоточивалось на немногихъ предметахъ, по неимѣнію бо́льшаго ихъ числа,—это вполнѣ правильная, естественная, невольная концентрація, и тамъ она имѣла свое законное право. Но, по мѣрѣ развитія наукъ, концентрація — опять таки вполнѣ естественно!—должна была постепенно ослабѣвать, и неизбѣжная необходимость требовала не развитія ея, а умаленія, такъ какъ нельзя же было эти новыя развивающіяся науки оставить въ пренебреженіи, а надо было и на ихъ долю удѣлить время на изученіе; такимъ естественнымъ путемъ концентрація должна была постепенно исчезать, а не развиваться. И если, какъ представляетъ гр. Капнистъ, дѣло шло иначе, то понятно, что оно шло ненормально, неестественно. До изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ, скорое сообщеніе естественно совершалось при помощи лошадей, но какъ только желѣзныя дороги стали быстро перевозить съ одного мѣста въ другое,—конное движеніе стало ослабѣвать, а не развиваться. Итакъ, доводы гр. Капниста о развитіи концентраціи совсѣмъ не убѣдительны.

Затѣмъ, перейдемъ къ разсужденію о необходимости раздѣленія образованія на *классическое* и *реальное*. Гр. Капнистъ стоитъ горячо за это дѣленіе. Посмотримъ, насколько сильны его доводы.

Digitized by Google

«Важнѣйшая цѣль гимназій—говоритъ онъ—есть приготовленіе въ университеты: съ этою главною цѣлью и должно сообразоваться устройство гимназій. Цѣль же университетскаго образованія есть занятіе, такъ сказать, *чистою*, а не *прикладною* наукою». Но послушаемъ, что̀ говоритъ о подобномъ дѣленіи наукъ глубокій англійскій мыслитель Гёкели: «Я часто отъ души сожалѣю, что было выдумано выраженіе «прикладная наука». Ибо оно выражаетъ мысль, что существуетъ какое-то научное знаніе особаго сорта, которое имѣетъ прямую практическую пользу и можетъ быть изучаемо отдѣльно отъ другаго сорта научнаго знанія, не имѣющаго практической полезности и именуемаго «чистою наукою». Невозможно представить себѣ болѣе коренной ошибки. То, что̀ называютъ прикладною наукою, есть ничто иное, какъ приложеніе чистой науки къ спеціальнымъ классамъ задачъ. Она состоитъ изъ выводовъ, вытекающихъ изъ этихъ общихъ принциповъ, установленныхъ разсужденіемъ и наблюденіемъ, составляющими чистую науку. Никто не можетъ дѣлать вѣрно эти выводы, пока не овладѣетъ вполнѣ принципами; овладѣть же ими возможно только путемъ опытности въ пріемахъ, наблюденія и разсужденія, на которыхъ они основаны. Почти всѣ процессы, которые употребляются въ ремеслахъ и фабричномъ производствѣ, входятъ въ предѣлы или физики, или химіи. Для улучшенія ихъ, необходимо основательное пониманіе, а *основательно понять ихъ можетъ только тотъ, кто овладѣлъ тѣмъ прочнымъ знаніемъ принциповъ и тою привычкою обращаться съ фактами, которые даются продолжительнымъ и хорошо направленнымъ—чисто научнымъ—воспитаніемъ* въ физическихъ и химическихъ лабораторіяхъ». Слышите ли. гр. Капнистъ? невозможно представить себѣ болѣе коренной ошибки, какъ раздѣленіе науки на чистую и прикладную. А вы на этой самой ошибкѣ строите дѣленіе воспитанія юношей и такъ авторитетно доказываете необходимость раздѣлить воспитаніе нашего юношества на классическое, подготовляющее къ занятіямъ какой-то чистой наукой, и реальное—къ прикладной!! Но, быть можетъ, вы совершенно правы, а англійскій мыслитель ошибается? Посмотримъ.

Еще въ первой половинѣ этого столѣтія, педагоги тогдашняго времени, — какъ приведено нами выше, — справедливо возражая противъ спеціальныхъ заведеній съ низшими классами, спрашивали: «Неужели юристъ долженъ знать другой катехизисъ, другую ариѳметику, другую географію, чѣмъ офицеръ, негоціантъ и человѣкъ другихъ сословій»? Раздѣленіемъ образованія на классическое и реальное и сдѣлана была эта прискорбная ошибка, которую немедленно и обнаружила, во всей ея силѣ, сама жизнь. Въ Германіи, съ которой хотя и плохо, скопировали у насъ воспитаніе, тоже раздѣлили воспитаніе на классическое, подготовляющее для университета, и реальное—для другихъ техническихъ заведеній. Но что̀ же мы видимъ и что̀ проглядѣлъ гр. Капнистъ. Выше нами приведена масса жалобъ университетовъ и отдѣльныхъ профессоровъ на *недостаточную подготовку гимназистовъ для занятій въ университетахъ по разнымъ отраслямъ наукъ*. Съ другой стороны, депутаціи разныхъ городовъ Германіи подавали петиціи въ палату

Digitized by Google

депутатовъ, разъясняя пригодность реальнаго образованія почти для всѣхъ университетскихъ факультетовъ, кромѣ богословскаго. Для наглядности, приведемъ нѣкоторыя данныя изъ статьи «Вѣстника Европы» (1870 г., № 8). Такъ, въ петиціи магистрата и попечительства реальной школы въ Липштадтѣ, представленной въ палату депутатовъ 22 ноября 1868 г. и возобновленной 25 октября 1869 г., между прочимъ, сказано: «Насколько опытъ позволяетъ намъ судить, *ученики реальныхъ школъ 1-го разряда отнюдь не ниже по своему умственному развитію, чѣмъ ученики соотвѣтствующихъ классовъ гимназіи*, хотя ихъ развитіе обусловливается частію другими основаніями. Учителя естественныхъ наукъ и врачи находятъ безспорно болѣе цѣлесообразной подготовку въ реальныхъ школахъ, чѣмъ въ гимназіяхъ, такъ какъ для врачей и для учителей естественныхъ наукъ гораздо важнѣе въ молодости не изученіе греческаго языка, а пріученіе точно наблюдать природу и ея явленія; безъ этой привычки, которая не можетъ быть пріобрѣтена въ гимназіи и которую лишь немногіе даровитые люди въ состояніи усвоить въ болѣе зрѣлыхъ годахъ—да и то лишь при усиленномъ прилежаніи,—безъ этой привычки учитель естественныхъ наукъ никогда не можетъ имѣть истинно образовательнаго вліянія на своихъ питомцевъ, а врачъ часто будетъ дѣлать промахи, во вредъ здоровью и даже самой жизни своихъ паціентовъ. Мы считаемъ также образованіе, даваемое реальными школами, по меньшей мѣрѣ столь же цѣлесообразнымъ, какъ и классическое, для юриста и администратора; если послѣднее и разовьетъ въ нихъ скорѣе способность толковать смыслъ какого нибудь темнаго закона или мѣста въ договорѣ, зато первое лучше подготовитъ ихъ къ практической жизни, въ которой имъ придется дѣйствовать, къ сложнымъ условіямъ промышленности и торговли, къ отношеніямъ народовъ между собою. При всемъ уваженіи къ греческому языку, всякій опытный педагогъ долженъ сознаться, что вліяніе его изученія на множество гимназистовъ очень ничтожно, что 50% всѣхъ, кончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, не смотря на убитое время и силы, не могутъ овладѣть имъ и что болѣе 90% по выходѣ изъ гимназій, если только они не занимаются филологіей или богословіемъ, никогда больше не притрогиваются ни къ одной греческой книгѣ. Вотъ эти-то самые юноши, будь только ихъ учебныя занятія болѣе согласны съ ихъ талантами и наклонностями, произвели бы что нибудь дѣльное въ другой, болѣе подходящей къ ихъ призванію, спеціальности. Поэтому, желательна возможно большая свобода преподаванія, или, точнѣе сказать, *расчищеніе пути*, который можетъ привести *къ единственному необходимому для слугъ государства общему образованію*. Для достиженія же этой цѣли, къ которой наше время неудержимо стремится,—важной мѣрой было бы сравненіе правъ реальныхъ училищъ съ гимназіями. Старинное единство образованія, существовавшее для всѣхъ высокообразованныхъ людей и опиравшееся на латыни, утрачено безвозвратно; всякія попытки возвратить этому языку его прежнее значеніе и положеніе будутъ тщетными, потому что идутъ въ разрѣзъ съ развитіемъ нашего времени; остается, слѣдовательно, искать новаго един-

Digitized by Google

ства, причемъ, по нашему мнѣнію, единственнымъ исходомъ можетъ служить только то, что все юношество, которое должно возвышаться надъ уровнемъ общаго народнаго образованія, будетъ изощрять свои логическія и мыслительныя способности не на латинскомъ, а на какомъ нибудь новѣйшемъ иностранномъ языкѣ,—причемъ пріобрѣтается гибкость ума и, въ силу контраста, болѣе ясное сознаніе сущности и достоинства собственной національности и роднаго языка—а, слѣдовательно, умственно разовьется и усвоитъ себѣ какъ начала необходимыхъ въ наше время для каждаго гражданина познаній, такъ и дальнѣйшее образованіе, смотря по призванію и склонности».

Вотъ какъ думала Германія въ 1868 г.,—та Германія, изъ которой наши классическіе реформаторы черпали свои запоздалые образцы. Припоминая разглагольствованія Каткова по тому же предмету, становишься втупикъ: что же это было—круглое ли невѣжество и полнѣйшее непониманіе требованій жизни и времени, или *умышленное замалчиваніе*?

По поводу требуемаго разными городами Германіи уравненія правъ классическихъ и реальныхъ гимназій при поступленіи въ университетъ, палата депутатовъ назначила комисію для разсмотрѣнія этихъ требованій, и докладчикомъ былъ назначенъ депутатъ Шмидтъ. Въ докладѣ этомъ, между прочимъ, говорилось, «что 9-лѣтній опытъ реальныхъ школъ образовалъ добрую традицію и что хорошее изученіе новыхъ языковъ, математики, естественныхъ наукъ, нѣмецкой литературы и исторіи содержитъ въ себѣ достаточный матеріалъ для развитія духа и способностей; а потому воспитанники ихъ могутъ быть допускаемы въ университеты, кромѣ отдѣла классической филологіи и богословія». И правительству Германіи пришлось растворить двери университета для всѣхъ, безъ различія, реалистовъ и классиковъ. Итакъ, изъ приведеннаго читатель видитъ, что Германія еще въ 1869 году со всѣхъ сторонъ обсудила это дѣло и такъ сказать официально пришла къ полному убѣжденію, что не одно только классическое воспитаніе развиваетъ юношество, а и реальное имѣетъ то же дѣйствіе, да еще въ большей степени. У насъ же и по настоящее время являются защитники исключительно классическаго образованія; и по настоящее время реальное образованіе держится на степени ремесленнаго. Сопоставляя все вышеизложенное, — т. е., съ одной стороны, что гимназіи не удовлетворяютъ требованіямъ почти всѣхъ факультетовъ университета, а реальныя училища, правильно поставленныя, содержатъ въ себѣ «не меньше матеріала для развитія духа и способностей, чѣмъ классическія гимназіи», и могутъ удовлетворить вполнѣ требованіямъ почти всѣхъ факультетовъ университата, кромѣ классической филологіи и богословія,—не убѣдимся ли мы, что искусственное дѣленіе образованія юношества на классическое, подготовляющее будто бы къ занятіямъ «чистою наукою», и реальное—для науки прикладной, не имѣетъ ни малѣйшаго разумнаго основанія? Сама жизнь перемѣшала это ненормальное искусственное дѣленіе и прямо привела, еще въ 1868 году, ту же Германію къ совершенно логической мысли,—«къ необходимому для государства

Digitized by Google

общему образованію, къ которому неудержимо стремится наше время». Наши же защитники классицизма и въ 20 лѣтъ не додумались до пониманія этого неизбѣжнаго требованія времени, не захотѣли вывести наши реальныя училища изъ ихъ почти ремесленнаго направленія, приданнаго имъ при самомъ основаніи. Они и теперь силятся доказать, что дѣленіе образованія правильно, что такъ и должно быть, и заявляютъ: «Смѣшеніе этихъ двухъ типовъ можетъ, по нашему глубокому убѣжденію, только исказить и вредно отозваться на каждомъ изъ нихъ». «По нашему мнѣнію — продолжаетъ гр. Капнистъ,—права тѣхъ и другихъ учебныхъ заведеній должны быть во всѣхъ отношеніяхъ равны, *за исключеніемъ права поступленія въ университетъ* (бездѣлица!) которое должно принадлежать исключительно воспитанникамъ гимназіи». Прекрасное понятіе о равенствѣ правъ: классикъ можетъ поступить всюду, куда вздумаетъ: въ университетъ, во всѣ техническія заведенія, а реалистъ лишенъ всѣхъ факультетовъ университета—и это называется «равенствомъ правъ»! Читаешь и удивляешься!

Далѣе гр. Капнистъ впадаетъ въ паѳосъ и восклицаетъ: «Развѣ языкъ, величайшій даръ божій, данный человѣку, не есть дѣйствительность и не заслуживаетъ, чтобы законы его были изучены? Неужели высшее проявленіе языка—литература—не достойна вниманія? Неужели высокія и вѣчныя произведенія искусства не имѣютъ цѣны? А между тѣмъ утилитаризмъ отказываетъ имъ въ должномъ значеніи и изгоняетъ ихъ изъ школы, не смотря на то, что эти именно отрасли знанія наиболѣе въ ней умѣстны и приносятъ развитію юношескаго ума наибольшую пользу въ истинномъ, широкомъ значеніи этого слова». Языкъ — дѣйствительно величайшій даръ божій, но, конечно, свой родной, а за нимъ современныхъ намъ народовъ, которые стоятъ во главѣ цивилизаціи. Языки же древнихъ развитыхъ народовъ вошли значительнѣйшею своею частію въ языкъ новѣйшихъ цивилизованныхъ націй. Законы языка должны изучаться юношею въ главныхъ, основныхъ чертахъ; требовать же отъ гимназиста глубокаго всесторонняго изученія языка невозможно: это — дѣло немногихъ зрѣлыхъ умовъ. Заставлять же сплошь всѣхъ юношей постигать глубоко и вдумчиво законы языковъ древнихъ—не имѣетъ смысла. Что вынесутъ они изъ такого изученія? Будутъ ли они, на формахъ этихъ языковъ, раскрывать законы человѣческаго разума, насколько они отпечатлѣлись въ строеніи языка,—но это не дѣтское дѣло. Будутъ ли бродить по лабиринту сравнительнаго языкознанія, — опять таки недоступнаго юношамъ? Или, можетъ быть, это глубокое изученіе дастъ имъ возможность почерпать непосредственно изъ сокровищницы древней мудрости? Но, предположивъ даже невѣроятное, — что эта возможность будетъ дана имъ,—то и тогда все таки юноша получитъ возможность только читать древнихъ, но въ большинствѣ случаевъ не понимая ихъ, какъ это засвидѣтельствовано знатокомъ древности Вельцгоферомъ.

Высшее проявленіе языка — литература достойна полнаго вниманія, такъ почему же три четверти этой литературы отнято у нашихъ юношей и имъ не дозволяютъ пользоваться ею сполна?

Digitized by Google

Отчего массы книгъ, завѣдомо полезныхъ, не стоятъ въ спискѣ «допущенныхъ» (долгое время, въ каталогѣ были пропущены даже басни Крылова) и еще недавно было опубликовано, что въ безплатныхъ библіотекахъ допускаются къ чтенію только «Московскія Вѣдомости», «Русскій Вѣстникъ», «Гражданинъ», «Царь-Колоколъ» (?) и тому подобныя изданія; всѣ же прочія изгнаны поголовно...

Высокія произведенія искусства имѣютъ, конечно, большую цѣну, такъ зачѣмъ же у гимназистовъ отнятъ даже карандашъ, и до настоящаго времени ихъ не учатъ рисованію?

Затѣмъ гр. Капнистъ подходитъ къ главному предмету классическаго воспитанія,—къ изученію древнихъ языковъ... Пропустимъ разсужденіе его о связи слова съ мыслью и мысли со словомъ, — кто этого не знаетъ? Далѣе гр. Капнистъ утверждаетъ: «Если въ насъ есть прирожденное стремленіе не только созерцать внѣшнюю природу и пользоваться ея дарами, но и *проникать въ ея существо и познавать ея законы*, то не также ли естественно и необходимо для насъ сознательное отношеніе и тщательное изученіе языка». Итакъ самъ гр. Капнистъ признаётъ въ людяхъ прирожденное стремленіе проникать въ существо природы и познавать ея законы. Да позволено будетъ спросить, отчего же онъ защищаетъ такой неестественный порядокъ воспитанія, гдѣ выкинуто вовсе познаніе природы? Да о чемъ же и толкуютъ разумные люди?—о томъ именно, что для воспитанія юношества недостаточно только безсознательно «созерцать природу» и пользоваться ея дарами, но необходимо проникать въ ея существо и изучать ея законы? Это отвергаютъ только крайніе классики, изгнавшіе изъ воспитанія юношества всѣ естественныя науки, и, слѣдовательно, парализовавшіе въ юношахъ это законное, естественное стремленіе и не дающіе имъ возможности «проникать въ существо природы и познавать ея законы».

Знаменитый славянинъ, «Колумбъ педагогики»,—какъ называютъ его нѣкоторые,—Амосъ Коменскій, еще 300 лѣтъ тому назадъ, въ своей «Великой Дидактикѣ» говорилъ: «Между многими тысячами, я самъ — одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ дѣтей, у которыхъ *дорогая весна всей жизни, цвѣтущіе годы юности, погибли жалкимъ образомъ въ схоластическомъ педантствѣ!* Ахъ, какъ часто, когда мнѣ приходилось узнавать лучшее, *воспоминаніе о потерянномъ времени выжимало у меня стоны изъ груди, слезы изъ глазъ, скорбь изъ сердца.* Въ школахъ,—говорилъ онъ далѣе,—*обучаются рѣчи ранѣе вещей.* Въ теченіе многихъ лѣтъ, способности учениковъ заняты изученіемъ словесныхъ искусствъ и только; не знаю, когда допускаютъ ихъ до изученія реальныхъ предметовъ? А между тѣмъ вещь и есть сущность, а слово—случайное явленіе; вещь есть тѣло, слово — одежда; вещь—ядро, слова—скорлупа и шелуха. Слѣдовательно, то и другое надо предлагать человѣческому духу одновременно; но на *первомъ мѣстѣ—вещь*, и именно, какъ предметъ для познанія и для рѣчи. И потому нужно: 1) образовать разсудокъ прежде языка и 2) реальныя науки предпосылать формальнымъ». Вотъ какъ истинные мыслители и истинные педагоги понимали ходъ воспитанія еще 300 лѣтъ тому назадъ! А наши мудрецы — и въ настоящее время предлагаютъ юношеству, вмѣсто зерна, одну «скорлупу и шелуху».

Digitized by Google

Сколько же еще столѣтій нужно, чтобы они взглянули здраво на предметъ, который избрали цѣлью своей профессіи!

«Да и чего ожидать,—восклицаетъ Спенсеръ,—когда одну изъ самыхъ сложныхъ проблемъ берутся рѣшать люди, не имѣющіе никакого понятія о правилахъ, отъ которыхъ зависитъ это рѣшеніе? Чтобы умѣть хорошо тачать башмаки, строить дома, управлять кораблемъ или локомотивомъ, надо долго учиться. Неужели же процессъ умственнаго и физическаго развитія человѣка—такая простая вещь, что слѣдить за нимъ и направлять его можно безъ всякой подготовки? А если нельзя, если этотъ процессъ сложнѣе всѣхъ прочихъ процессовъ въ природѣ и если задача управлять имъ невыразимо трудна, то не безуміе ли браться за такую задачу, не подготовляя себя предварительно къ ней?»

«Вещей, вещей!» восклицаетъ и Руссо. «Я никогда не перестану повторять, что мы придаёмъ слишкомъ много значенія словамъ: *съ нашимъ болтливымъ воспитаніемъ мы и дѣлаемъ только болтуновъ*». «Слова суть только заглавія вещей», говорилъ великій Беконъ. «При изученіи языковъ, связь идей, воспринимаемыхъ умомъ,—говоритъ Спенсеръ,—соотвѣтствуетъ фактамъ, большею частію, случайнымъ, тогда какъ при знакомствѣ съ наукой связь тѣхъ же идей соотвѣтствуетъ фактамъ, большею частію непреложнымъ. Слѣдовательно, изученіе языковъ знакомитъ насъ съ нераціональными, а наука—съ раціональными отношеніями, и тогда какъ въ первомъ случаѣ упражняется одна память, во второмъ упражняются и память, и умъ.

Замѣтьте далѣе, что огромное преимущество науки надъ языками заключается въ томъ, что она развиваетъ въ человѣкѣ способность разсуждать. Профессоръ Фарадэй въ одной изъ своихъ лекцій объ умственномъ воспитаніи, читанной имъ въ королевскомъ институтѣ, очень вѣрно замѣтилъ, что общій умственный нашъ недостатокъ состоитъ въ отсутствіи способности сужденія. «Люди, говоря вообще,—замѣчаетъ онъ,—не только невѣжды относительно развитія сужденій; но даже невѣжды относительно своего собственнаго невѣжества». Причина, которой онъ приписываетъ такое состояніе общества, заключается въ *недостаткѣ научнаго образованія*. Вѣрность его вывода очевидна.

«Правильное сужденіе объ окружающихъ насъ предметахъ, о событіяхъ и ихъ послѣдствіяхъ, вырабатывается не иначе, какъ съ помощію знанія. Никакое, самое обширное, знакомство со значеніемъ словъ не даетъ точнаго понятія о причинѣ дѣйствій и явленій. Способность правильнаго сужденія пріобрѣтается только привычкою дѣлать выводы изъ данныхъ и провѣркой этихъ выводовъ наблюденіемъ и опытомъ. Неизмѣримое преимущество науки и состоитъ именно въ томъ, что она побуждаетъ насъ къ этой привычкѣ. Изученіе языковъ ведетъ скорѣе всего къ увеличенію и безъ того непомѣрнаго уваженія къ авторитетамъ. Слова эти означаютъ то-то и то-то, говоритъ учитель или лексиконъ; въ такомъ-то случаѣ, руководись такимъ-то правиломъ, говоритъ грамматика. Ученикъ считаетъ всѣ эти наставленія за непреложныя; въ продолженіе цѣлаго урока, онъ напрягаетъ свой умъ на то только, чтобы

Digitized by Google

безмолвно подчиниться догматическому преподаванію. Результатомъ подобнаго состоянія является стремленіе принимать на вѣру, безъ разбора, все, что уже установлено другими. При научномъ же образованіи, обнаруживается совершенно противоположное направленіе ума. Наука постоянно обращается съ запросами къ индивидуальному разсудку; истины ея принимаются въ силу не однихъ авторитетовъ; каждому предоставлена свобода провѣрить ихъ; мало того, нерѣдко случается такъ, что учитель предлагаетъ ученику дѣлать свои собственныя заключенія по поводу такого-то или инаго факта. Каждый шагъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ отдается прямо ему на судъ; онъ не обязанъ съ ними соглашаться, пока самъ не убѣдится въ несомнѣнности ихъ. Зародившаяся въ ученикѣ увѣренность въ своихъ силахъ все болѣе и болѣе растетъ, вслѣдствіе неизмѣннаго постоянства, съ которымъ природа подтверждаетъ всѣ его выводы, если они правильно сдѣланы. Вотъ какимъ путемъ формируется самостоятельность—этотъ драгоцѣнный элементъ въ характерѣ человѣка».

Вотъ этотъ-то *драгоцѣнный элементъ* въ характерѣ юноши, эта формируемая, при помощи изученія наукъ, самостоятельность, повидимому, и страшитъ закоренѣлыхъ классиковъ, и вотъ почему они выкидываютъ изъ воспитанія почти всѣ науки и основываютъ его только на изученіи языковъ, пріучая юношу благоговѣть передъ авторитетами самой низшей пробы.

Принявъ за главную основу въ воспитаніи юношества изученіе только однихъ языковъ, гр. Каннистъ переходитъ къ разсужденію: на какомъ именно языкѣ должно быть сосредоточено воспитаніе, и выясняетъ «тѣ общія цѣли, которыя возможно преслѣдовать при изученіи языковъ, а равно тѣ различные виды и способы этого изученія, которые доступны школѣ». «Прежде всего—говоритъ онъ—укажемъ на то, что изученіе въ школѣ языка или языковъ важно тѣмъ, что оно представляетъ единственный матеріалъ, который, при совершенной элементарности преподаванія и при соотвѣтствіи возрасту и пониманію учениковъ, обладаетъ строгою послѣдовательностію и заставляетъ постоянно работать логическія, мыслительныя способности учащихся. Изученіе языка заключаетъ рядъ задачъ, начиная съ простѣйшихъ и кончая самыми сложными, путемъ разъясненія и рѣшенія коихъ учащійся постепенно проходитъ цѣлую школу логическаго мышленія».

Но какая же наука преподается обратно? всякая начинается съ простѣйшихъ положеній и переходитъ къ болѣе сложнымъ выводамъ, всякая предлагаетъ рядъ задачъ по силамъ учащагося и, рѣшая ихъ, ученикъ проходитъ цѣлую школу логическаго мышленія. Никто не начинаетъ ариѳметику съ тройныхъ правилъ, геометрію съ коническихъ сѣченій; разница состоитъ только въ томъ, что гораздо полезнѣе изучать значеніе предметовъ, чѣмъ исключительное значеніе словъ; точно также въ умственномъ воспитаніи изученіе окружающихъ явленій неизмѣримо полезнѣе изученія только грамматики и лексиконовъ.

Далѣе гр. Каннистъ продолжаетъ: «Учащійся, при изученіи языка, постоянно переходитъ чрезъ самыя разнообразныя ступени пони-

Digitized by Google

манія и мышленія; сперва требуется простое усвоеніе значенія словъ и ихъ видоизмѣненій, причемъ, однако, каждое видоизмѣненіе сопряжено съ представленіемъ объ отношеніи къ предмету, съ понятіемъ о времени, мѣстѣ, лицѣ и т. д., благодаря чему, при каждой ступени даже самаго элементарнаго изученія языка, на разрѣшеніе ребенка предлагается маленькая умственная задача. Отъ пониманія отдѣльныхъ словъ ученикъ переходитъ къ простымъ, а затѣмъ и къ болѣе сложнымъ сочетаніямъ и сопоставленіямъ. Далѣе предъ нимъ раскрываются законы уже не соединенія отдѣльныхъ словъ, а связной рѣчи, и, наконецъ, онъ доходитъ до изученія того, что составляетъ вѣнецъ всякаго языкознанія, — къ изученію литературы, въ которой соединяется высокое содержаніе съ возможно совершенною и изящною формой. Такое постепенное и связное прохожденіе всѣхъ этихъ ступеней и составляетъ задачу общаго образованія, даваемаго школою, основанною на языковѣдѣніи; причемъ всѣ части этого образованія такъ тѣсно связаны между собою, что выкинуть которую либо изъ нихъ — значитъ лишить изученіе языка той полноты его воспитательнаго значенія, которая составляетъ главную его цѣну и силу».

Подумаешь, какъ все это гладко и послѣдовательно выходитъ на бумагѣ! Но вникнемъ въ самый ходъ дѣла. Во-первыхъ, графъ Капнистъ,—если взять родной языкъ, — самъ смѣшалъ понятіе о времени: вѣдь онъ беретъ школьный возрастъ, а разсужденіе ведетъ съ младенческаго. Какъ только дитя начинаетъ различать звуки, оно приглядывается къ предметамъ, прислушивается и запоминаетъ, какими звуками или словами большіе выражаютъ эти предметы и всѣ различныя свои дѣйствія; постепенно запоминаетъ ихъ названіе и мало по малу начинаетъ пріучаться самъ называть предметы и выражать свои мысли, связывать эти мысли и понимать смыслъ предложеній, начиная съ простѣйшихъ и постепенно переходя къ болѣе сложнымъ. Такимъ нормальнымъ путемъ онъ овладѣваетъ постепенно всѣми частями рѣчи. Не понимая еще, что такое—глаголъ, существительное, прилагательное и пр., онъ уже отлично спрягаетъ, склоняетъ и употребляетъ степени сравненія; однимъ словомъ, естественнымъ, логическимъ путемъ научается разговорной рѣчи, и школою для него въ это время служатъ только его личная наблюдательность, память и окружающіе его люди. Этотъ естественный методъ изученія языка въ короткое время развиваетъ рѣчь ребенка и вводитъ его въ составъ человѣчества. Итакъ, главнѣйшая часть изученія языка — умѣніе владѣть имъ въ разговорѣ—пройдена самимъ дитятею, помимо всякихъ образовательныхъ школъ; затѣмъ, при помощи указанныхъ ему знаковъ, буквъ, онъ пріучается понимать писанное и выражать письменно свои мысли, т. е. выучивается читать и писать, и въ среднюю школу переходитъ уже со сравнительно обширнымъ знаніемъ своего языка. Но тутъ-то, въ этой школѣ, и ставится запятая его естественному развитію. Педагоги-классики для изученія языковъ, особенно древнихъ, примѣняютъ, начиная съ младшихъ классовъ, совершенно противоположный, неестественный методъ. Они прямо сажаютъ мальчика за зубреніе грамматическихъ правилъ, такъ что

Digitized by Google

во второмъ классѣ изучаютъ уже неправильные глаголы и мальчикъ, кромѣ всего прочаго, долженъ зазубрить не менѣе 200 этихъ глаголовъ, какъ требуютъ программы. Это зубреніе грамматическихъ правилъ продолжается въ теченіе всего гимназическаго 8—10 лѣтняго курса, а особенно усилено въ младшихъ 4 классахъ. Въ результатѣ юноша, напичканный этою массою всевозможныхъ грамматическихъ правилъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о самомъ языкѣ, говорить на немъ не можетъ, и понимаетъ читанное только при помощи учителя. А о литературѣ языка и заикаться не слѣдуетъ, такъ какъ нельзя же назвать «литературою» нѣсколько отрывковъ изъ разныхъ писателей древности. Какое же это «связное прохожденіе» всѣхъ ступеней, которое и составляетъ задачу общаго образованія, даваемаго школою, если главная, основная, естественная ступень, т. е. изученіе самаго языка, прежде изученія его грамматики, выкинута совершенно? Французскій мыслитель Марсель говоритъ: «Можно утвердительно сказать, что грамматика—*не основной камень знанія, а орудіе для окончательной его отдѣлки*». Уайзъ пишетъ: «*Грамматика и синтаксисъ* — это собраніе законовъ и правилъ; правила же почерпаются изъ практики; они—результатъ индукціи, до которой мы доходимъ путемъ продолжительнаго наблюденія и сравненія фактовъ; въ сущности, это *философія языка*. Слѣдуя естественному процессу, ни отдѣльныя личности, ни цѣлыя націи никогда не начинали прямо съ науки. Говорить и писать стихи начали много лѣтъ прежде, чѣмъ взялись за грамматику и просодію. Люди не дожидались же Аристотеля, чтобы разсуждать. Словомъ, такъ какъ языкъ уже существовалъ до появленія грамматики, то изъ этого слѣдуетъ, что *ее нужно преподавать не ранѣе, какъ хорошо ознакомившись съ языкомъ*. Нашимъ жизненнымъ принципомъ должно быть стремленіе узнать, какъ приспособить ребенка къ правильному самообученію. Естественный методъ есть первообразъ всѣхъ методовъ».

Вотъ святая истина, и какъ она проста для пониманія! Всякая иностранная гувернантка подтвердитъ это. Употребляя такой «естественный методъ», какъ скоро она выучиваетъ дѣтей иностранному языку. Выходитъ, что языкознаніе, на которомъ гр. Капнистъ думаетъ развить всѣ умственныя способности юношей, поставлено классиками противно природѣ юноши: нераціонально начинать изученіе языка, хотя бы и древняго—съ его философіи, т. е. съ конца, а не съ начала. «Лѣстница» обученія, очевидно, поставлена не тѣмъ концомъ. Далѣе гр. Капнистъ дѣлитъ изученіе языковъ сообразно съ различными цѣлями, а именно: 1) на практическое изученіе; владѣніе устною и письменною рѣчью; 2) на теоретическое т. е грамматическое знаніе языка, направленное на изученіе его законовъ и правилъ, и на вполнѣ основательное пониманіе не только содержанія читаемаго, но и его формы, и 3) на знакомство съ литературою языка.

Для среднеучебнаго заведенія, какъ наша гимназія, самое главное въ изученіи языка есть достиженіе способности читать легко, правильно понимать содержаніе прочитаннаго. Конечно, пріятно было бы, чтобы наши гимназисты владѣли и разговорною рѣчью на

Digitized by Google

иностранномъ языкѣ, но только врядъ ли это достижимо въ гимназіяхъ. А при условіи легко и правильно понимать читанное, для гимназиста открывается и вся литература этого языка. Но гр. Капнистъ не удовлетворенъ такимъ изученіемъ; онъ говоритъ: «Мы утверждаемъ, что самый процессъ подобнаго изученія языка, скользя по его поверхности, оказываетъ весьма слабое вліяніе на мыслительныя способности учащихся, не укрѣпляетъ въ нихъ разумѣнія и не придаетъ уму зрѣлости и логической силы; а потому подобное прикладное изученіе языка не можетъ быть положено въ основу системы школы, имѣющей главною своею задачею воспитаніе юношества для дальнѣйшаго самостоятельнаго труда».

Читая эту фразеологію, опять становишься втупикъ. И чего г.г. классики хотятъ и чего добиваются? Изучая вышеуказаннымъ нами способомъ иностранный языкъ, т. е. научившись на немъ понимать и быстро усвоивать читанное,—ученикъ, вѣдь, для этого долженъ будетъ познакомиться довольно подробно съ грамматическими правилами языка; слѣдовательно, его,—какъ выражаются классики,—«мыслительныя и логическія способности» должны же развиться, хотя не такъ глубоко, какъ того требуютъ строгіе критики, но все таки развиться, и хоть отчасти придать уму зрѣлости и логической силы. А владѣя пониманіемъ литературы этого языка, онъ естественно можетъ обогатить себя новыми идеями, мыслями, взглядами и цѣлымъ міросозерцаніемъ даннаго народа; однимъ словомъ, владѣя ключемъ къ хранилищу знаній этого народа,—отпереть себѣ входъ въ него и вторично укрѣпить свои логическія и мыслительныя способности. А субъектъ, изучившій по методѣ классиковъ иностранный языкъ такъ глубоко, какъ они желаютъ, изъ этой бездонной глубины не можетъ овладѣть литературою языка, а, слѣдовательно, и понимать что либо на немъ, кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ, хотя бы и классическихъ. Это и оказывается въ конечномъ результатѣ и, вѣроятно, ни одинъ гимназистъ не выноситъ собственно изъ гимназіи хоть мало-мальски порядочнаго усвоенія иностранныхъ языковъ, не говоря уже о ихъ литературѣ.

И правда русская пословица: «Дайте лучше синицу въ руки, чѣмъ журавля въ небѣ». Владѣй каждый гимназистъ хоть двумя иностранными языками, чтобы онъ могъ говорить, читать и вполнѣ понимать иностранныя книги по содержанію,—какой необозримый новый умственный горизонтъ открылся бы его дальнѣйшему развитію на всѣхъ поприщахъ жизни. А теперь сидятъ 8—10 лѣтъ юноши на какомъ-то «глубокомъ изученіи языковъ» и ничего въ нихъ не понимаютъ. Языки эти остаются для нихъ «terra incognita».

Что же касается до заключительныхъ словъ гр. Капниста о воспитаніи такимъ путемъ юношества «для дальнѣйшаго самостоятельнаго труда», то лучше бы онъ оставилъ эту самостоятельность труда въ покоѣ. Какое ужь тутъ пріученіе къ самостоятельному труду, когда три четверти гимназистовъ младшихъ классовъ безъ помощи репетиторовъ не могутъ окунуться въ эту глубину изученія, чтобы не утонуть въ ней, а въ старшихъ классахъ не могутъ разобрать отрывка изъ классиковъ безъ помощи учителя, какъ подтверждаетъ самъ гр. Капнистъ. Такимъ ложнымъ путемъ самостоятельность

Digitized by Google

труда не развивается, а, напротивъ, убываетъ. Примѣры, выставленные гр. Капнистомъ для доказательства «слабаго воспитательнаго вліянія, оказываемаго механическимъ изученіемъ языковъ», намъ кажутся совсѣмъ неубѣдительными. Его указаніе на какихъ-то молодыхъ людей первой половины нынѣшняго столѣтія, которые «свободно болтали, читали, а нерѣдко и писали на нѣсколькихъ языкахъ и въ то же время отличались неспособностью къ серьезному труду и ограниченностью своего развитія», подтверждаетъ только сказанное нами, что изученіе *однихъ только языковъ*, будь то изученіе глубокое или поверхностное, безъ знанія наукъ, не способствуетъ умственному развитію, такъ какъ это—«только скорлупа, а не зерно». Эта золотая молодежь, съ одной стороны, матеріально обезпеченная, а съ другой—вращавшаяся въ обществѣ, въ которомъ не было никакихъ возвышенныхъ идеаловъ, разбрасывала свои умственныя силы по мелочамъ, и поверхностное знаніе языковъ не могло подтолкнуть ихъ на другой, болѣе разумный путь въ жизни.

Далѣе у автора идутъ въ примѣръ кельнеры и торговые прикащики, говорящіе и часто недурно пишущіе на двухъ-трехъ языкахъ.

«Соберите этихъ людей,—предлагаетъ гр. Капнистъ,—образуйте изъ нихъ общество, и вы убѣдитесь, какъ мало внѣшнее знаніе языковъ повліяло не только на ихъ развитіе, но и на способность пріобрѣтать умственное развитіе». Примѣръ опять странный и гадательный. Кельнеры и торговые прикащики, владѣющіе нѣсколькими языками, могутъ назваться идеальными кельнерами и прикащиками, которые, принявъ на себя эти обязанности, могутъ выполнять ихъ самымъ совершеннымъ образомъ. Ихъ даже можно взять за образецъ, какъ слѣдуетъ быть подготовленнымъ къ исполненію принятыхъ на себя обязанностей; не всякій у насъ на своемъ мѣстѣ, какъ эти кельнеры и прикащики. Суетливая служба кельнера и прикащика не можетъ расположить ихъ въ то же время къ серьезному умственному труду. Но поставьте этихъ способныхъ къ языкамъ людей въ другую умственную обстановку,—и, вѣроятно, самъ гр. Капнистъ убѣдился бы, что эти люди способны пріобрѣтать умственное развитіе. Кажется, и Жанъ-Жакъ Руссо былъ одно время кельнеромъ.

Еще далѣе авторъ начинаетъ бороться съ вѣтряными мельницами, восклицая: «Неужели, если признать, что въ настоящее время грамматика преподается очень дурно, слѣдуетъ уничтожить или довести до нуля грамматическое преподаваніе!»

Да когда же вооружались собственно противъ грамматики? Вооружались противъ того воображаемаго «глубокаго изученія», которое составляетъ спеціальность зрѣлыхъ умовъ, филологовъ, а не юношей, и, примѣненное къ юношамъ, не приноситъ имъ ни малѣйшей пользы, отнимая напрасно громадное время, которое они могли бы посвятить общеобразовательнымъ полезнымъ наукамъ,—вотъ противъ чего, а не противъ общей грамматики, вооружаются здравомыслящіе люди.

Основать же все образованіе преимущественно на языкахъ только потому, что,—какъ пишетъ гр. Капнистъ,—условія школы, по боль-

Digitized by Google

шей части не позволяютъ выполнить надлежащимъ образомъ преподаванія естественныхъ наукъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни достаточнаго матеріала, ни потребнаго мѣста, ни учебно-вспомогательныхъ средствъ, тогда какъ при изученіи языка матеріалъ всегда на лицо и пособія преподаванія таковы, что они всегда могутъ находиться въ полномъ распоряженіи учителя и учениковъ,— крайне ошибочно. Конечно, чего легче для преподавателя языковъ: взялъ грамматику въ руки, задалъ «отъ сихъ и до сихъ»—и конецъ дѣлу! Это, дѣйствительно, очень просто, но простота не есть рѣшающій аргументъ въ такомъ крайне важномъ дѣлѣ, какъ образованіе. Если у насъ до сихъ поръ ничего не приспособлено для преподаванія естественныхъ наукъ, если нѣтъ хорошихъ руководствъ, нѣтъ физическихъ, химическихъ, минералогическихъ и другихъ кабинетовъ, нѣтъ обсерваторій, — такъ есть самая насущная потребность позаботиться объ устройствѣ всего этого въ каждомъ учебномъ городѣ. Опять запоютъ старую пѣсню: «денегъ нѣтъ». Не денегъ нѣтъ, а разумнаго настойчиваго желанія пріобрѣсть и устроить все это! Нація съ милліарднымъ годовымъ бюджетомъ не считается бѣдною и можетъ щедро отпустить потребныя суммы на самую главную потребность—на образованіе юношества. Заведите-ка все это, пересоздайте наше неразумно направленное воспитаніе, сдѣлайте воззваніе ко всѣмъ ученымъ людямъ о помощи, назначьте конкурсъ на лучшія руководства, на учебныя пособія по всѣмъ наукамъ,—и въ десятокъ лѣтъ мы не узнаемъ умственной физіономіи нашего отечества. Но вы боитесь такого гигантскаго образовательнаго шага, вы не хотите естественныхъ наукъ. Это—какая-то идіосинкразія. Вамъ нужны не самостоятельные, дѣльные люди, а усердные зубрилы. Такъ бы прямо и говорили,—это мы понимаемъ. Но вы одно упустили изъ виду: что съ однимъ этимъ зубреніемъ древнихъ языковъ, находясь въ сосѣдствѣ съ развитыми европейскими націями,—жить становится опасно. Вѣдь не всегда можно только заимствовать, надо и самимъ надъ чѣмъ нибудь потрудиться самостоятельно, во имя насущныхъ интересовъ своей родины.

VII.

Гр. Капнистъ упрекаетъ насъ, родителей, въ недостаткѣ наблюдательности, когда мы утверждаемъ, что, при исключительно грамматическомъ преподаваніи языка, ученіе лишено всякаго интереса для учащихся, и приводитъ умилительный примѣръ радости ребенка, сдѣлавшаго первые шаги въ жизни. «Кому не приходилось умиляться веселому смѣху и восторгу, съ которымъ ребенокъ бросается въ объятія матери, наблюдающей за этимъ первымъ его успѣхомъ? Здѣсь, очевидно, радуетъ ребенка не первый шагъ самъ по себѣ, то есть, не содержаніе дѣйствія, а сознаніе достигнутаго успѣха, увѣнчавшаго его усилія».

Объяснить себѣ, что̀ именно радуетъ въ этомъ случаѣ ребенка,— вещь довольно трудная. Быть можетъ, дитя радуется тому, что избавился отъ скотскаго положенія—ползать на четверенькахъ—и

Digitized by Google

принялъ положеніе человѣческое, вертикальное. Но, во всякомъ случаѣ, примѣръ этотъ въ примѣненіи къ латинской азбукѣ, вѣроятно, никого не убѣдитъ въ томъ, что одна грамматика и ея правила могутъ возбудить восторгъ ребенка.

Затѣмъ авторъ жалуется на окружающую учениковъ среду, не сочувствующую классическому воспитанію, Что наше общество смотритъ на созданное классиками воспитаніе, какъ на не достигающее никакой общеобразовательной цѣли,—противъ этого мы возражать не будемъ. Видѣть юношу, 8—10 лѣтъ изучавшаго массу языковъ, тратившаго на это ученіе свое здоровье и силы, и въ концѣ концовъ не умѣющаго выразить на нихъ самыя простыя мысли; видѣть юношу совершеннымъ невѣждой во всѣхъ естественныхъ наукахъ, не знающимъ, какъ онъ созданъ, чѣмъ живетъ, дышетъ, какъ расположены его различные органы, что̀ такое кровь, сердце и пр. — зрѣлище, конечно, не отрадное, и отвѣтственность за него наше общество справедливо возлагаетъ на рутинный классицизмъ, идущій на убыль въ самой Европѣ, откуда мы его благоговѣйно заимствовали.

«Школѣ не опрокинуть жизни,—говоритъ Ушинскій,—но *жизнь легко опрокидываетъ дѣятельность школы, которая становится поперекъ ея пути.* Школа, противящаяся жизни, сама виновата, если не внесетъ въ нее тѣхъ благодѣтельныхъ умиряющихъ вліяній, которыя можетъ и обязана внести; тѣхъ разумныхъ элементовъ, подъ сѣнію которыхъ должны обезпечиться отъ ѣдкой остроты жизни и ея безпрестанныхъ увлеченій какъ нѣжное беззащитное дѣтство, такъ и не окрѣпшая еще, пылкая юность. Успѣхи естественныхъ наукъ, характеризующіе наше столѣтіе, идутъ не только въ ширь, но и въ глубь. Число знаній человѣка о природѣ не только увеличилось въ громадныхъ размѣрахъ, но и самыя эти знанія все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ научную форму, способную развить человѣка умственно не менѣе, а можетъ быть и болѣе, чѣмъ прежніе пріемы и методы такъ называемаго «формальнаго развитія». Неужели же школа останется какъ бы не знающею о такой реформѣ въ наукѣ и жизни, и будетъ идти своимъ прежнимъ устарѣлымъ ходомъ, забывая, что то, что̀ было современнымъ и полезнымъ, можетъ сдѣлаться и несовременнымъ, и неполезнымъ? Еслибы европейская школа XVI-го столѣтія осталась глуха и нѣма къ реформамъ, совершавшимся тогда въ жизни, и къ возрожденію науки изъ классическихъ источниковъ, то хорошо ли бы она сдѣлала? Почему же будетъ хорошо, если современная школа ничѣмъ не отзовется на глубокую реформу, совершающуюся теперь въ той же жизни и въ той же европейской наукѣ? Неужели же воспитатель выполнитъ свое дѣло, только отвернувшись отъ той самой жизни, для которой долженъ приготовить своихъ воспитанниковъ? Истинный воспитатель долженъ быть посредникомъ между школою, жизнью и наукой. Онъ долженъ выводить изъ школы въ жизнь новыя поколѣнія вполнѣ готовыми къ борьбѣ, которая ихъ ожидаетъ. Напрасно бы надѣялся воспитатель на силу одного *формальнаго развитія.* Психическій анализъ показываетъ ясно, что формальное развитіе разсудка въ томъ видѣ, какъ его прежде понимали, есть *несуществующій при-*

Digitized by Google

зракъ, что разсудокъ развивается только въ дѣйствительныхъ реальныхъ знаніяхъ, что его нельзя *наломать*, какъ какую нибудь стальную пружину, и что самый умъ есть ничто иное, какъ хорошо организованное знаніе». «Воспитаніе—говоритъ нѣмецкій мыслитель и педагогъ Бенеке—только тогда достигаетъ истинной цѣли, когда будетъ ведено *сообразно природѣ воспитываемаго.* Дитя слѣдуетъ воспитывать для настоящей жизни, ибо оно будетъ ею пользоваться, *и отъ ея вліянія мы настолько же можемъ его отрѣшить, какъ и отъ вліянія атмосфернаго воздуха.* Но какъ въ воздухѣ мы можемъ жить различнымъ образомъ,—или въ полной зависимости отъ всѣхъ перемѣнъ его, или же закаленными и сильными,—также точно мы можемъ относиться и къ вліянію окружающаго насъ міра. Слѣдовательно, мы обязаны снабдить питомца нашего знаніями и силою... Питомцу, во всякомъ случаѣ, по окончаніи воспитанія предстоитъ жить въ свѣтѣ, и намъ бы пришлось послѣ воспитанія, если оно идетъ въ разрѣзъ съ жизнью, дать воспитаннику другое, совершенно противоположное, которое помирило бы его съ жизнью, ввело бы въ нее и разрушило все то, чего прежде добивались съ такимъ трудомъ. Мы должны создать изъ питомца сильнаго бойца за высшія нормы, развить въ немъ стремленіе усовершенствовать ихъ въ себѣ и, по мѣрѣ своего положенія и силъ, содѣйствовать успѣхамъ всего человѣчества. Итакъ, мы должны воспитать его не по тѣмъ призрачнымъ, чуждымъ человѣческой природѣ, идеаламъ, которые при своемъ выполненіи должны обратиться въ карикатуру, но по идеалу, который вытекаетъ изъ врожденныхъ основныхъ свойствъ человѣческой природы. Такимъ образомъ, все то, что мы будемъ стараться доставить ребенку воспитаніемъ, будетъ вытекать изъ основныхъ стремленій и основныхъ потребностей собственной его природы. Воспитатель всегда долженъ опираться на науку воспитанія, которая основывается *на глубокомъ психологическомъ анализѣ* основныхъ свойствъ человѣческой природы».

Академикъ Никитенко, въ своемъ дневникѣ, отъ 30 апрѣля 1872 г., пишетъ: «Какую бы образовательную силу ни признавали за классицизмомъ, это не болѣе, какъ *сила формальная.* Но образованіе классическое—говорятъ—дѣлаетъ человѣка ко всему способнымъ, потому что оно и развиваетъ, и пріучаетъ къ труду, и дисциплинируетъ умы. А другія науки развѣ не развиваютъ, не требуютъ серьезнаго труда и метода, который собственно и составляетъ высшую, настоящую дисциплину ума? И возможное ли, полезное ли дѣло—обратить умы общества къ одной сторонѣ знанія, а другія стороны оставить въ пренебреженіи, или относиться къ нимъ даже съ нѣкотораго рода презрѣніемъ? Вы хотите создать правителей, руководителей умовъ и общества изъ классиковъ, и это будетъ настоящая соль русской земли, аристократія умственная въ консервативномъ духѣ. Да какъ же эти правители и руководители будутъ поступать, когда нужда или жизнь общества потребуетъ отъ нихъ соображеній финансовыхъ, политико-экономическихъ, строительныхъ, статистическихъ, знанія природы, знанія людей и народовъ? Дадутъ ли имъ для этого средства классическія знанія. Но—возражаютъ—классическое образованіе даетъ возмож-

Digitized by Google

ность пріобрѣсти ихъ самымъ лучшимъ образомъ... т. е. послѣ того какъ юноши истощатъ запасъ лучшихъ, свѣжихъ умственныхъ силъ и запасъ драгоцѣннаго времени на классицизмъ, они въ состояніи будутъ уже посвящать себя трудамъ спеціальнаго знанія? Удивительно»!

Вотъ золотыя мысли, и можно посовѣтовать нашимъ великомудрымъ классикамъ усвоить ихъ хорошенько. Итакъ, гр. Капнистъ, успокойтесь и не плачьтесь на общество, что оно не понимаетъ вашего глубокаго воспитанія и подчиняетъ учениковъ «вліянію совершенно ложной легенды о неопреодолимой трудности и безцѣльности систематическаго изученія языка». Общество-то, выходитъ, право, требуя, что ужь если вы взялись, то воспитали бы намъ готовыхъ и сильныхъ борцовъ въ жизни, а не однихъ только плохихъ словесниковъ, буквоѣдовъ, которые за буквою и формою ничего болѣе не видятъ, не знаютъ и знать не хотятъ.

Разсуждая о громадномъ воспитательномъ значеніи языка, гр. Капнистъ приводитъ слова Фелькера, что, «разбирая значеніе формы чужаго языка и отыскивая для передачи его на родной языкъ соотвѣтствующее выраженіе, мы осуществляемъ закономѣрный процессъ мышленія, что это есть элементарное упражненіе въ логикѣ». Со всѣмъ этимъ мы вполнѣ согласны и спорить не будемъ;—замѣтимъ только, что у насъ въ гимназіяхъ дѣло поставлено совершенно наоборотъ: все вниманіе и всѣ усилія направлены не къ тому, чтобы съ чужаго языка переводить на свой, а обратно—задались мыслью переводить съ русскаго языка на древніе и этому упражненію посвящается все время, а это не одно и то же. Во всякомъ случаѣ, это не есть элементарное упражненіе въ логикѣ, а надрываніе одной памяти; еще прибавимъ, что сказанное Фелькеромъ примѣнимо ко всѣмъ чужимъ языкамъ, а не къ однимъ только древнимъ.

Далѣе авторъ резонируетъ о преподаваніи роднаго языка въ томъ смыслѣ, что постановка этого преподаванія должна быть иная, чѣмъ иноземныхъ языковъ, и, между прочимъ, жалуется, что «нашъ языкъ еще такъ мало сложился, такъ измѣнчивъ и такъ плохо изслѣдованъ во многихъ отношеніяхъ, что научный методъ изученія, который долженъ быть господствующимъ въ гимназіи, далеко не примѣнимъ къ нему въ школьномъ періодѣ ученія и можетъ скорѣе повести къ сбивчивости въ понятіяхъ учениковъ, чѣмъ укрѣпить ихъ въ знаніи роднаго языка». Боже мой! Сознаютъ, что «нашъ родной языкъ такъ мало изслѣдованъ, что научный методъ изученія его можетъ скорѣе повести къ сбивчивости въ понятіяхъ учениковъ, чѣмъ укрѣпить ихъ въ знаніи роднаго языка» и пальцемъ не пошевелятъ, чтобы выйти изъ этого положенія. Имѣя уже весьма порядочный запасъ умственныхъ силъ, въ лицѣ профессоровъ-филологовъ во всѣхъ нашихъ университетахъ, и учителей русскаго языка въ гимназіяхъ, мы сидимъ спокойно, безмолвно, и ждемъ, когда явится добрая душа и примется изслѣдовать нашъ языкъ, къ которому даже нельзя еще примѣнить научнаго метода изученія. Грамматику англійскаго языка можно всю написать на ладони,—до того она усовершенствована и сокращена,

Digitized by Google

и никто не скажетъ, чтобы англичанинъ на своемъ языкѣ не могъ выразить самыхъ возвышенныхъ, самыхъ высокихъ и изящныхъ мыслей во всѣхъ ихъ оттѣнкахъ. А у насъ въ грамматикѣ такое нагроможденіе правилъ, исключеній изъ правилъ, и исключеній изъ исключеній, что самые завзятые грамотѣи спорятъ о правописаніи словъ и не могутъ добраться до корня слова. Ясно, что самая насущная потребность—изслѣдовать точно нашъ языкъ, выкинуть все темное, все, безъ чего можно обойтись; сократить и упростить до послѣдней возможности, и представить его грамматику въ сжатомъ, ясномъ и доступномъ каждому изложеніи. Сдѣлать это нужно немедленно, а не ждать спокойно: когда-то Богъ пошлетъ добраго человѣка для облегченія юношества, которому на своихъ плечахъ приходится выносить этотъ хаосъ роднаго слова...

VIII.

Отвергая построеніе концентраціи на родномъ языкѣ, гр. Капнистъ доказываетъ, что новѣйшіе иностранные языки для этого не годятся и приводитъ, въ подтвержденіе, слова профессора Буслаева, сказанныя имъ въ 1866 г.: «Основательное грамматическое изученіе классическихъ языковъ, доведенное на практикѣ до правильнаго употребленія ихъ устно и письменно, и чтеніе прозаиковъ и поэтовъ Греціи и Рима, въ связи съ древностями и исторіей литературы и искусства,—вотъ та приготовительная основа, которая называется гуманнымъ образованіемъ, та общая пропедевтика, которая предшествуетъ въ гимназіяхъ университетскимъ спеціальностямъ. Молодой человѣкъ, такъ подготовленный, поступая въ университетъ, не только знаетъ древніе языки грамматически, но и владѣетъ элементами общечеловѣческаго образованія, завѣщанными Европѣ ея исторіей. На какой факультетъ онъ ни поступитъ, хотя на медицинскій, онъ уже вооруженъ элементами просвѣщенія (?) которые навсегда оставятъ въ немъ неизгладимые слѣды общаго гуманнаго образованія. Такихъ результатовъ не можетъ дать преподаваніе ни одного изъ языковъ новыхъ народовъ». Но, во-первыхъ, г. Буслаевъ требуетъ такого всесторонняго знанія древнихъ языковъ и знакомства съ древностью, что наша гимназія никогда не можетъ дать требуемаго имъ подготовленія. Вѣроятно, это доступно только по окончаніи филологическаго факультета; слѣдовательно, примѣръ этотъ ничего для гимназіи не доказываетъ. Во-вторыхъ, это говорено было еще въ 1866 году. Но съ того времени, подъ вліяніемъ, приведенныхъ нами выше, жалобъ университетскихъ профессоровъ на малую подготовленность гимназистовъ къ факультетскимъ занятіямъ,—для которыхъ мало только быть «вооруженнымъ элементами просвѣщенія», а надо вооружиться и предварительными знаніями,—причемъ указывалось на то, что именно къ медицинскому факультету гимназисты и оказались менѣе всего подготовленными,—мы убѣждены, что г. Буслаевъ, увидѣвъ воочію, что его теорія не сходится съ практическими результатами, и самъ пришелъ бы теперь къ другимъ выводамъ, такъ какъ противъ очевидности умные люди не спорятъ.

Digitized by Google

Но, приведя въ примѣръ отрывокъ мысли г. Буслаева, гр. Капнистъ самъ, вѣроятно, убѣдился въ его непримѣнимости и старается смягчить его смыслъ, говоря, что для гимназистовъ будетъ достаточно, если они понимаютъ читанное на древнихъ языкахъ *по формѣ* (!). Съ кѣмъ соглашаться? если съ авторомъ, то тогда, быть можетъ, пострадаетъ общая пропедевтика и г. Буслаевъ будетъ протестовать. Ужь если приводить примѣръ, то слѣдуетъ его и держаться, безъ раздробленія. Далѣе, доказывая и развивая мысль г. Буслаева о педагогическихъ преимуществахъ древнихъ языковъ передъ новыми, гр. Капнистъ пишетъ: «Свободное, хотя бы и поверхностное владѣніе новымъ языкомъ имѣетъ само по себѣ, какъ орудіе для пріобрѣтенія другихъ знаній, такую большую цѣну, что стремленіе возможно быстро пріобрѣтать этотъ навыкъ всегда возьметъ верхъ и отодвинетъ на второй планъ серьезное методическое преподаваніе. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ, по коимъ обученіе новымъ языкамъ, хотя и представляется въ высшей степени полезнымъ и желательнымъ, но въ воспитательномъ отношеніи не можетъ замѣнить собою глубокаго и вдумчиваго изученія древнихъ языковъ, которое заставляетъ вникать въ значеніе каждаго слова, каждаго оборота рѣчи, и пріучаетъ не только схватывать общее содержаніе мысли, но углубляться во всѣ ея оттѣнки и проникать въ самую глубину ея. Это свойство, разъ пріобрѣтенное, остается на всю жизнь и оказываетъ свою силу и пользу при изученіи всякой науки, при переработкѣ всякаго умственнаго матеріала. Говоря о языковѣдѣніи отвлеченно, въ теоріи, можно было бы признать, что всякій сложившійся и выработанный языкъ образованнаго народа можетъ служить матеріаломъ для того серьезнаго и систематическаго изученія, предметомъ коего служатъ древніе языки, но на дѣлѣ это оказывается не такъ, частію потому, что новые языки представляютъ матеріалъ, находящійся еще въ процессѣ развитія, а потому измѣнчивый и недостаточно устойчивый, частію вслѣдствіе того, что новые—живые—языки всегда подчиняются разнообразнымъ внѣшнимъ вліяніямъ».

Совершенно вѣрно, что древніе языки уже двѣ тысячи лѣтъ остановились въ своемъ развитіи и правила ихъ и по сей часъ остаются неизмѣнными. Но, спрашивается, достоинство ли это языка, или его громадный недостатокъ? Намъ кажется, что это огромный недостатокъ. Можно ли, при полномъ и подробномъ изученіи всѣхъ правилъ древнихъ языковъ выразить на нихъ современныя событія? Попробуйте на любомъ изъ нихъ описать хоть какое нибудь современное сраженіе, объяснить воздухоплаваніе, познакомить съ устройствомъ и дѣйствіемъ паровыхъ и всякихъ современныхъ машинъ, изложить біологическую систему или сложное психо-физіологическое ученіе и т. д. до безконечности. Ничего или почти ничего вы на этихъ языкахъ не выразите, потому что лексиконъ ихъ уже 2,000 лѣтъ не пополнялся тѣми словами, которыя выражаютъ современные предметы и понятія. Взявъ въ соображеніе, что въ эти 2,000 лѣтъ люди совершили цѣлую массу открытій и разработали систематически новыя отрасли науки и искусства,—становится понятно, что число не вошедшихъ въ древніе лексиконы новыхъ словъ

Digitized by Google

составляютъ громадную величину. Съ другой стороны, масса грамматическихъ правилъ древнихъ языковъ постепенно входила въ новѣйшіе цивилизованные языки, какъ и многія слова древнихъ, а слѣдовательно, изучая основательно новые языки, мы изучаемъ и эти общія, вошедшія туда, правила языковъ древнихъ въ еще болѣе переработанномъ и усовершенствованномъ видѣ. Но какая громадная разница между изучившими древніе и новые языки! Для изучившаго послѣдніе открыта вся вселенная, весь міръ старый и новый: онъ можетъ выразить на изученномъ имъ языкѣ все, начиная съ мелкихъ фактовъ и кончая возвышенными комбинаціями идей. Такъ неужели древнимъ языкамъ можно отдать предпочтеніе предъ новыми? И заставлять юношество сидѣть 8—10 лѣтъ за изученіемъ этихъ многочисленныхъ правилъ, которыя потомъ некуда приложить, кромѣ чтенія только однихъ древнихъ писателей, но опять таки всѣ эти древніе глубокіе мыслители и философы разъяснены, всѣ ихъ великія и малыя мысли разжеваны и переведены почти на всѣ европейскіе языки,—читай, поучайся, и наслаждайся. Кто же, кромѣ завзятыхъ филологовъ и мыслителей, зрѣлыхъ лѣтами и умомъ, засядетъ за подлинники; только эти, крайне ограниченные числомъ, люди будутъ добиваться, не осталось ли въ мысляхъ и изреченіяхъ древнихъ еще чего нибудь неразработаннаго. Спрашивается, изъ-за чего же бьется юношество надъ этою массою грамматическихъ правилъ мертвыхъ языковъ, когда множество живыхъ и необходимыхъ наукъ требуютъ для ихъ усвоенія также глубокаго, вдумчиваго изученія, заставляющаго вникать въ каждый фактъ, въ каждое сочетаніе фактовъ, и углубляться во всѣ ихъ признаки, различія, совпаденія и пр. до безконечности. Въ результатѣ получить глупое положеніе: юноша не знаетъ, куда дѣвать, къ чему приложить свои грамматическія познанія древнихъ языковъ. А безконечное живое примѣненіе изученной науки къ вопросамъ современной жизни на счастіе, благосостояніе и радость живыхъ людей?—Да неужели всего этого не понимаютъ классики? Они, пользуясь непосредственно всѣми новѣйшими примѣненіями живыхъ наукъ, отворачиваются отъ самой этой науки и не придаютъ ей никакой цѣны. Гдѣ же логика? Но для этого нужно быть вдвойнѣ слѣпымъ и глухимъ. «Въ пользу изученія новыхъ языковъ,—продолжаетъ намъ авторъ,—преимущественно передъ древними, часто приводятъ сравнительную легкость первыхъ и указываютъ на это, какъ на важное преимущество; это справедливо только при самомъ поверхностномъ изученіи языка; если же говорить о серьезномъ значеніи его, или даже о способности сколько нибудь удовлетворительно и точно переводить съ него, то уже достиженіе этой цѣли совершенно немыслимо безъ значительнаго усилія со стороны учащагося». Но это и подтверждаетъ высказанную нами мысль, что изученіе новыхъ языковъ требуетъ значительныхъ усилій, а потому должно вліять на мыслительныя и логическія способности учащагося. Но гр. Капнистъ нашелъ болѣе легкій способъ основательнаго изученія новыхъ языковъ. Способъ этотъ очень своеобразенъ. Изучи сперва серьезно древніе языки и тогда легко усвоить себѣ знаніе любаго новаго языка. Средство, какъ видитъ читатель, радикальное: оно похоже на предложеніе человѣку,

Digitized by Google

желающему перейти въ бродъ рѣку, построить для этого сначала мостъ и тогда уже легко будетъ перейти рѣку Съ своей стороны, мы предложимъ автору вопросъ: почему же ученики гимназій, изучая такимъ «легкимъ способомъ» новые языки, при помощи древнихъ, вовсе не знаютъ ни новыхъ, ни древнихъ языковъ? Но, вѣроятно, авторъ понялъ и самъ, что предложенный имъ способъ не особенно легокъ и потому продолжаетъ: «Научить серьезно работать и *преодолѣвать трудности*—должно составлять одну изъ важныхъ воспитательныхъ задачъ школы»; при этомъ онъ приводитъ слова педагога Кауера: «Напряженная работа *не по принужденію* представляетъ собою нѣчто такое, что и въ зрѣломъ возрастѣ не всякому удается. Какъ же ожидать этого отъ юношей, въ которыхъ такъ естественны безпечность и *нѣкоторая самонадѣянность*? Чтобы преодолѣть эту самонадѣянность, *нужно сильное принужденіе*, которое *гнететъ тѣмъ сильнѣе*, чѣмъ больше оно примѣняется *внѣшними средствами*. Поэтому-то въ основѣ всякаго преподаванія должны лежать такія науки, которыя уже по самому существу своему *дѣйствуютъ принудительно* и держатъ шаткій еще умъ въ строгой дисциплинѣ». Интересно бы знать, изъ какого столѣтія почерпнутъ взглядъ нашего педагога? Современники думаютъ иначе, но во всякомъ случаѣ этотъ нѣмецкій педагогъ понимаетъ «концентрацію» совсѣмъ иначе, чѣмъ наши классики. Тѣ распинались за то, что концентрація древнихъ языковъ *дѣйствуетъ самымъ развивающимъ образомъ* на всѣ мыслительныя спссобности: поселяетъ въ умѣ юношей лучшіе навыки, здоровые инстинкты; вкореняетъ чувство истины и пр., и пр., а г. Кауеръ прямо заявляетъ, что главная бѣда у юношей—это безпечность и самонадѣянность, и, чтобы уничтожить въ нихъ это зло, нужно *сильное принужденіе*, которое угнетало бы тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше оно примѣняется внѣшними средствами, — и вотъ этотъ-то педагогическій гнетъ представляютъ собой древніе языки. «Но особенно—прибавляетъ Кауеръ—образовательное значеніе представляетъ собою самостоятельное пониманіе формы языка».

Хотя педагогъ этотъ высказываетъ допотопные взгляды на педагогику, но мы должны сказать ему большое спасибо за то, что онъ откровенно и правдиво выясняетъ вліяніе древнихъ языковъ на юношей,—вліяніе, которое у насъ все еще приправляется разными сладкими соусами, въ видѣ «незамѣнимаго средства для развитія всѣхъ способностей» и пр. Пусть молодое поколѣніе будетъ почти невѣжественно, неразвито; пусть не понимаетъ самыхъ элементарныхъ законовъ «природы и жизни»; но оно не должно быть «самонадѣянно»,—вотъ главная задача классическаго гнета, и онъ, дѣйствительно, принесъ въ этомъ направленіи свои печальные плоды... Просмотрите внимательно любой учебникъ, латинскій и греческій, и васъ удивитъ и ошеломитъ масса правилъ, исключеній, примѣчаній,—сухихъ, не всегда понятныхъ юношеству. Все это ученикъ долженъ взять своею памятью, такъ какъ никакія соображенія тутъ не помогутъ, а приведутъ только къ сбивчивости. На этихъ правилахъ сидятъ 8 лѣтъ, стараясь примѣнить ихъ при переводахъ съ русскаго языка на древніе. Казалось бы, нелѣпо переводить

Digitized by Google

почти исключительно съ русскаго языка на древніе: кому, когда и куда придется обращаться съ латинскою или греческою рѣчью о современныхъ вопросахъ жизни? Но, вопреки очевидной ненужности этихъ переводовъ, они господствуютъ въ гимназіяхъ и только они одни имѣютъ рѣшающее значеніе для перехода изъ класса въ классъ и при окончаніи гимназическаго курса. Развѣ все это не есть, дѣйствительно, самый тяжелый гнетъ? Кажется, не трудно понять, что русскую статью о современныхъ предметахъ нельзя перевести на древніе языки, такъ какъ лексиконъ современныхъ словъ, не вошедшихъ въ древніе языки, громаденъ. Вотъ почему всѣ переводы вертятся у насъ только на изломанныхъ педагогическихъ отрывкахъ изъ нѣкоторыхъ писателей древности: К. Непота, Цезаря, Ксенофонта, Геродота, Софокла и немногихъ другихъ. И все это выдаютъ за незамѣнимую «гимнастику ума», за ту «вдумчивость», тотъ «развивающій методъ», который не изгладится потомъ на всю жизнь,— какъ увѣряютъ наши классики. И вотъ почему, вѣроятно, ни одинъ изъ гимназистовъ, окончившихъ курсъ, не въ состояніи читать и понимать древнихъ авторовъ ни по формѣ, ни по содержанію.

Для вящаго подкрѣпленія этого *гнета* авторъ приводитъ мнѣніе Бреаля. «Неоцѣненная польза изученія мертваго языка кроется въ томъ, что оно вводитъ умъ въ совершенно чужую область и заставляетъ его мыслить и говорить другимъ способомъ. Всякое построеніе рѣчи, всякое грамматическое правило, отдаляющееся отъ нашего языка, должно быть для ученика новымъ поводомъ къ размышленію... Задача учителя состоитъ не въ томъ, чтобы удалять съ дороги затрудненія, а въ томъ чтобы расположить ихъ въ систематическомъ и постепенномъ порядкѣ. Дѣло не въ томъ, чтобы сократить путь, *такъ какъ этотъ путь и есть въ нѣкоторомъ родѣ цѣль*, къ которой слѣдуетъ стремиться. Но если вы отнимите отъ изученія древнихъ языковъ *трудности*, дающія поводъ къ упражненіямъ, укрѣпляющимъ умъ, то въ чемъ же будетъ заключаться та умственная польза, о которой говорятъ»?

Опять, значитъ, главное дѣло сводится собственно къ трудности, встрѣчаемой при изученіи древнихъ языковъ, т. е. къ тому же гнету.

Нѣтъ, не такъ понимаютъ нынче развитіе юношества! Ни о какомъ «гнетѣ» нѣтъ и помину; рѣчь идетъ именно о физическомъ и умственномъ *облегченіи* юношества. Вотъ что недавно австрійскій министръ просвѣщенія, баронъ Гаучъ, писалъ въ своемъ циркулярѣ по поводу измѣненія учебныхъ плановъ для прогимназій и 4-хъ низшихъ классовъ гимназіи. «Педагогическія соображенія сами по себѣ должны привести къ заключенію, что *требованія, предъявляемыя теперь къ ученикамъ низшихъ классовъ гимназій, необходимо въ значительной мѣрѣ уменьшить* (sic!). Въ томъ возрастѣ, въ которомъ находятся ученики прогимназій, *главной задачей воспитанія должно быть развитіе физическихъ и умственныхъ силъ ребенка, а не обремененіе памяти.* Такъ какъ воспитаніе шло до сихъ поръ, оно могло лишь *притупить мальчиковъ и сдѣлать ихъ неспособными къ самостоятельному мышленію и къ живой, энергичной работѣ*». Педагогическія соображе-

Digitized by Google

нія подкрѣпляются указаніями врачей, требующихъ, чтобы мальчики 10—14 лѣтъ проводили время въ школѣ за интересной и развивающей работой, и какъ можно меньше обременены были внѣ школы». Сокращеніе занятій въ школѣ тѣми предметами, которые требуютъ механическаго заучиванія, и почти полное освобожденіе дѣтей отъ внѣклассныхъ занятій составляютъ поэтому содержаніе новой австрійской программы для прогимназій. Кромѣ осуществленной уже ранѣе отмѣны грамматическихъ задачъ по древнимъ языкамъ, новая программа ограничиваетъ изученіе математики исключительно уроками въ классѣ, выбрасываетъ за бортъ всѣ детали по исторіи и географіи (какъ напр., заучиваніе хронологіи, названій второстепенныхъ городовъ и рѣкъ, и пр.) отмѣняетъ задачи на домъ, обременительное рисованіе картъ и т. д. Все, что учитель можетъ достигнуть въ классѣ въ предѣлахъ способностей средняго ученика: вотъ квинтъ-эсенція новой австрійской программы, которая встрѣчаетъ горячее сочувствіе у родителей и педагоговъ. Въ pendant къ этому, приведемъ мнѣніе Спенсера: «Изо всѣхъ измѣненій въ воспитательныхъ началахъ,—говоритъ онъ,—наибольшее значеніе имѣетъ постоянное стремленіе родителей и наставниковъ *сдѣлать пріобрѣтеніе знаній пріятнымъ для дѣтей, а не мучительнымъ*. Это стремленіе основано на ясномъ сознаніи, что *въ каждомъ возрастѣ только то умственное занятіе здорово, которое нравится, и наоборотъ*. Въ обществѣ утвердилось мнѣніе, что проявленіе въ ребенкѣ наклонности къ какому либо роду знаній служитъ доказательствомъ того, что развивающійся умъ сдѣлался способнымъ къ усвоенію такого рода знаній и даже требуетъ этого для своего дальнѣйшаго роста, а съ другой стороны, что *отвращеніе къ извѣстнымъ знаніямъ есть признакъ или того, что ихъ преждевременно преподаютъ ребенку, или что ихъ сообщаютъ ему въ неудопонятной формѣ*. Краткіе, но частые промежутки между уроками, загородныя экскурсіи, занимательное чтеніе вслухъ, пѣніе хоромъ и другія подобныя нововведенія—изгоняютъ аскетизмъ изъ воспитанія, какъ онъ изгнанъ и изъ жизни. Естественный методъ всегда возбуждаетъ интересъ въ дѣтяхъ. Мѣриломъ, при обсужденіи какой бы то ни было воспитательной системы, служитъ вопросъ: произведетъ ли оно пріятное впечатлѣніе на воспитанника? Если есть хотя малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что принятый способъ обученія вполнѣ согласуется съ вышеупомянутомъ принципомъ, то можно въ этомъ случаѣ спокойно положиться на чутье дѣтей. Хотя бы предложенная система или учебный курсъ, разсмотрѣнный теоретически, показались намъ наилучшими, но если они не возбуждаютъ интереса въ дѣтяхъ, или даже только менѣе ихъ интересуютъ, чѣмъ другіе системы и курсы, мы обязаны отвергнуть ихъ, потому что интеллектуальные инстинкты дѣтей всегда надежнѣе нашихъ собственныхъ разсужденій. Отвращеніе къ тому или другому предмету занятій, обыкновенно вызывающее досаду въ учителѣ, не есть прирожденное ребенку чувство, но результатъ неблагоразумной системы наставника. Не соглашаться съ тѣмъ, что поддержаніе въ дѣтяхъ счастливаго настроенія составляетъ уже само по себѣ высокую цѣль, значило бы вернуться къ стариннымъ понятіямъ объ аскетической

Digitized by Google

нравственности или, лучше сказать, безнравственности. Мало того: хорошее расположеніе духа имѣетъ несравненно болѣе благодѣтельное вліяніе но умственную дѣятельность, чѣмъ состояніе равнодушія или чувство отвращенія къ труду. Сравните только наружность и манеры двухъ мальчиковъ: одного, всегда веселаго, счастливаго, потому что ему всегда приходится заниматься предметами, интересными для него, и другаго, совершенно несчастнаго, чувствующаго отвращеніе къ урокамъ, отупѣвшаго отъ безпрестанныхъ выговоровъ, угрозъ и наказаній,—и вы сейчасъ убѣдитесь, что воспитаніе перваго благодѣтельно отражается на его способностяхъ, а воспитаніе втораго—вредно».

Вотъ какъ понимаютъ истинные мыслители ходъ воспитанія! Нѣмецкіе же мудрецы,—а вслѣдъ за ними и наши,—основываютъ воспитаніе только на принужденіи, на гнетѣ...

Гр. Капнистъ разсуждаетъ еще о томъ, что классическая школа требуетъ, «чтобы методы преподаванія были согласованы между собою и чтобы всѣ, особенно сродные, предметы стояли въ связи другъ съ другомъ, поддерживаясь взаимно и этимъ путемъ содѣйствуя общему развитію учащихся. Классическая школа должна походить на машину, въ которой всѣ части согласованы между собою и, дѣйствуя взаимно другъ на друга, облегчаютъ общую работу».

Читая это, невольно вспомнишь слова берлинскаго преподавателя Лота, который говоритъ: «Гимназическое обученіе приноравливается къ кругу или шару, въ центрѣ котораго помѣщаются классическіе языки, между тѣмъ какъ прочіе предметы преподаванія располагаются на поверхности, непремѣнно въ равномъ разстояніи отъ центра. Но можетъ ли законоучитель согласиться на то, чтобы христіанская религія имѣла своимъ центромъ классическіе языки? могутъ ли учитель географіи или математики усматривать свой центръ въ латинскомъ языкѣ? Итакъ, на дѣлѣ выходитъ, что въ центрѣ преподаванія два предмета вращаются въ видѣ планетъ, а остальные предметы оставляютъ центръ въ сторонѣ и идутъ себѣ своею дорогою. Если защитники гимназическаго плана, во что бы то ни стало, желаютъ имѣть у себя центръ, то пусть они его и творятъ, а мы, преподаватели реальныхъ школъ, весьма довольны, что у насъ нѣтъ такого центра; зато мы имѣемъ другой центръ,—именно: *гармоническое научное образованіе, равномѣрное укрѣпленіе духа посредствомъ всесторонняго упражненія духовныхъ силъ* надъ изученіемъ нравственно-интеллектуальныхъ интересовъ человѣчества».

Итакъ, классическая гимназія врядъ ли можетъ походить на машину, у которой «все части согласованы между собою», какъ наивно увѣряетъ насъ гр. Капнистъ.

IX.

Нашъ авторъ заявляетъ далѣе, что «классическое образованіе есть звено, связывающее между собою въ первоначальной основѣ цивилизацію всѣхъ образованныхъ странъ». Замѣтимъ, что звено

Digitized by Google

такъ старо и такъ перержавѣло отъ времени, подъ вліяніемъ разлагающаго дѣйствія естественныхъ наукъ, что о немъ въ настоящее время можно упоминать только, какъ о музейной рѣдкости. Послѣ возникновенія этого звена, до настоящаго времени, наука сковала массу новыхъ звеньевъ, связующихъ все цивилизованное человѣчество,—и вотъ эти-то звенья не мѣшало бы и намъ примѣнить, для связи съ европейскимъ міромъ, которой у насъ все еще очень мало, такъ что мы болѣе тяготѣемъ къ Азіи... Авторъ предупредительно совѣтуетъ намъ не обособляться и не воздвигать китайской стѣны, такъ какъ національность въ дѣлѣ образованія не можетъ-де и не должна заключаться въ отверженіи всего, что̀ на первый взглядъ кажется чужимъ; напротивъ, *она должна въ этомъ чужомъ отыскивать общее, незыблемое, т. е. то, что̀ составляетъ достояніе всего человѣчества*, и пользоваться этимъ благомъ, избѣгая только слѣпаго подражанія и неосмысленнаго заимствованія. Но, кажется, ужь насъ-то нельзя упрекнуть въ томъ грѣхѣ, что мы не беремъ чужаго; напротивъ, у насъ почти все чужое, а своего собственнаго крайне мало; мы даже черезчуръ пользуемся чужимъ добромъ. Но главное-то и заключается въ томъ, чтобы брать умѣючи, съ толкомъ, и не принимать мишуру за чистое золото, а отжившее за эссенцію жизни.

Ссылка автора на Жюля-Симона, что «было бы преступленіемъ уничтожить изученіе латинскаго языка, даже умалить его значеніе» и его согласіе съ тѣми, кто предлагаетъ преподавать этотъ языкъ меньшему числу лицъ на томъ основаніи, что «лучше совсѣмъ не учиться мертвымъ языкамъ, чѣмъ учиться, не научаясь имъ»—то слова эти только подтверждаютъ общее мнѣніе, что не слѣдуетъ всѣхъ поголовно учить древнимъ языкамъ, а только желающихъ.

Еще «Вѣстникъ Европы» (1871 г., № 8) въ корреспонденціи изъ Италіи сообщалъ: «Въ томъ видѣ, въ какомъ преподаются древніе языки въ нашихъ школахъ, они является тратою времени. Мы видимъ, что юноша прилежный, воспитанный дома, можетъ вполнѣ обладать древними языками въ 2 года постоянныхъ занятій; и видимъ, что 8-лѣтнее ученіе въ гимназіяхъ не дѣлаетъ юношей способными свободно читать латинскій текстъ и дѣлать подробный анализъ. Слѣдовательно, главный недостатокъ заключается въ преподаваніи; затѣмъ большой недостатокъ заключается въ томъ, что *классическимъ языкамъ учатъ всѣхъ, также и тѣхъ, кто не имѣетъ никакого расположенія къ ихъ изученію и никакой въ нихъ надобности*. Печальный недостатокъ сказывается въ томъ, что терзаютъ молодые умы изученіемъ мертвыхъ языковъ, прежде чѣмъ они усвоятъ себѣ отечественный языкъ и познакомятся съ главными иностранными живыми языками».

Нашъ педагогъ Ушинскій также говоритъ: «Мы признаёмъ необходимость изученія классическихъ языковъ не для всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ имѣть высшее гуманное образованіе, но *только для тѣхъ, кто хочетъ имѣть ученое филологическое образованіе*. Для филолога древніе языки—основа, камень его познанія. Главнымъ предметомъ въ общемъ гуманномъ развитіи современнаго человѣка должны стоять вовсе не классическіе языки, а *родной языкъ и родная литература*».

Digitized by Google

Наконецъ, переходимъ и къ послѣднему положенію автора: о необходимости изученія въ гимназіяхъ *непремѣнно обоихъ древнихъ языковъ*. Основывая свои доводы, во-первыхъ, на томъ, что Европа «не считаетъ школъ съ однимъ древнимъ языкомъ за классическія» (ну, и пусть не считаетъ, это ея личное дѣло и до насъ не касается!); во-вторыхъ, на взглядѣ нашего правительства и «лучшихъ умовъ» (?) стоящихъ за оба языка,—авторъ нападаетъ на «Вѣстникъ Европы» и на Ѳ. П. Еленева, не раздѣляющихъ этихъ взглядовъ, и въ упрекъ г. Еленеву саркастически приводитъ его слова, что «люди, стоящіе за необходимость греческаго языка для нашихъ гимназій, *повторяютъ это, не вдумавшись сами*, а просто изъ подражанія, потому что такъ дѣлала доселѣ Европа». Авторъ отъ себя *скромно* замѣчаетъ г. Еленеву, что такіе люди, какъ Муравьевъ (бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія) митрополитъ Евгеній, Гнѣдичъ, гр. Уваровъ, гр. Сперанскій, Перовскій, гр. Строгановъ, Грановскій, Пироговъ, Аксаковъ и Буслаевъ обладали способностью вдумываться въ сущность своихъ мыслей, когда они, начиная съ прошлаго столѣтія вплоть до нашихъ дней, принципіально стояли за изученіе обоихъ древнихъ языковъ и ихъ литературы, какъ за необходимую основу общаго образованія».

Ссылка автора на правительство и авторитетъ поименованныхъ имъ лицъ не есть, однако, непререкаемое свидѣтельство. Поименованныя авторомъ лица, безъ всякаго сомнѣнія, очень почтенные и даже ученые люди, но значительная часть ихъ вышла изъ семинарій или изъ духовныхъ семей, и потому они волей-неволей изучили греческій языкъ и впечатлѣніе молодости должно было отразиться на ихъ взглядахъ. Человѣкъ воленъ думать, какъ ему заблагоразсудится, но не всякій обязанъ безъ разбора принимать эти думы за непреложныя. А потому для насъ интереснѣе личныя педагогическія соображенія самого автора, къ которымъ мы и перейдемъ.

«Но не одни только историческія данныя—продолжаетъ онъ—говорятъ въ пользу сохраненія въ нашихъ гимназіяхъ обязательнаго изученія греческаго языка. Необходимость преподаванія этого предмета основывается на цѣломъ рядѣ соображеній педагогическаго и логическаго свойства. Греческая словесность, какъ равно и ея исторія, имѣютъ особую цѣну въ воспитательномъ значеніи, благодаря своей цѣльности и законченности. Здѣсь, на пространствѣ, ограниченномъ по мѣсту и времени, въ формѣ ясной и понятной по своей простотѣ, предъ нами развертывается картина умственнаго развитія одного изъ даровитѣйшихъ народовъ вселенной, начиная съ его младенчества и кончая его старостью и дряхлостью. Исторія человѣчества не представляетъ поля, болѣе благороднаго для познанія вѣчной красоты искусства и вѣчной мудрости человѣческой, и притомъ въ формѣ несложной и не запутанной тѣмъ множествомъ вводныхъ понятій и представленій, которыми изобилуютъ позднѣйшія времена. Эта полнота, законченность и простота греческой словесности и исторіи дѣлаетъ ее ничѣмъ незамѣнимымъ для воспитанія матеріаломъ, пополняющимъ то формальное развитіе, которое дается преимущественно изученіемъ латинскаго языка. Если намъ замѣтятъ, что гимназіи наши не до-

Digitized by Google

стигаютъ той цѣли, для которой мы считаемъ необходимымъ изученіе греческаго языка и его словесности, то мы возразимъ на это, что въ такомъ случаѣ нужно употребить всѣ усилія къ тому, чтобы они достигали этой цѣли; причемъ необходимо *снабдить ихъ всѣми потребными для того средствами* и, прежде всего, достаточнымъ количествомъ времени; но было бы нелогично и непослѣдовательно упразднить преподаваніе греческаго языка или умалить его значеніе». Свое мнѣніе гр. Капнистъ подкрѣпляетъ словами Левисса: «Въ какой другой странѣ и въ какое другое время мы найдемъ болѣе одаренное племя, умственная исторія котораго была бы богаче и доступнѣе, и въ то же время болѣе сходна съ исторіей отдѣльнаго лица, которая начинается съ дѣтства, переходитъ правильнымъ теченіемъ лѣтъ къ юности, затѣмъ къ зрѣлому возрасту; сперва является воображеніе и поэзія, далѣе болѣе устойчивая мысль и великіе образцы прозы, исторія, философія, краснорѣчіе съ трибуны и предъ судилищемъ; затѣмъ, при началѣ старости, которая будетъ продолжительна и небезплодна,—опытъ, критика, наука. Неужели не имѣетъ значенія видѣть въ прекрасно очерченной рамкѣ послѣдовательное рожденіе всѣхъ этихъ безсмертныхъ видовъ творчества, въ которыхъ человѣческій разумъ проявился во всей полнотѣ своего разнообразія: героическая эпопея, эпопея дидактическая, трагедія, комедія, исторія, философія, краснорѣчіе, критика»?

Не правда ли, какая удивительная картина для созерцанія, поученія и сравненія?! Въ «прекрасно очерченной рамкѣ» видимъ послѣдовательное рожденіе всѣхъ безсмертныхъ видовъ творчества: созерцаемъ героическія и дидактическія эпопеи, трагедіи, комедіи, изучаемъ теорію, философію, краснорѣчіе съ трибуны и на судѣ, критику и—въ концѣ концовъ— познаёмъ вѣчныя красоты искусства и вѣчную мудрость человѣчества. Но да позволено будетъ спросить: для созерцанія кого именно предназначается эта великолѣпная историческая картина, да еще въ прекрасной рамкѣ? Для людей зрѣлыхъ, изучившихъ предварительно современную поэзію, видавшихъ на своемъ вѣку трагедіи и комедіи въ жизни и на современной сценѣ, знакомыхъ съ исторіей, изучившихъ современныя философскія системы, слышавшихъ краснорѣчіе въ парламентахъ и судахъ, знакомыхъ съ современною критикою и потому могущихъ сознательно отнестись ко всему видимому на картинѣ древности, взвѣсить и сравнить настоящее съ прошедшимъ, и, дѣйствительно, познать вѣчныя красоты искусства и вѣчную мудрость человѣчества? Нѣтъ, вся эта премудрость древности предназначается для юношей-гимназистовъ, начиная съ 11-лѣтняго возраста, какъ гласитъ 8 пунктъ «основъ» автора. Вѣдь это почти для дѣтей! Гдѣ же ребятамъ созерцать всѣ эти красоты? возможно ли имъ разобраться въ героическихъ и дидактическихъ эпопеяхъ, въ трагедіяхъ и комедіяхъ древнихъ, когда имъ незнакомы понятія, выражаемыя этими словами. Я не говорю уже о краснорѣчіи съ трибуны, о философіи и критикѣ древнихъ. Вѣчная мудрость и 11-лѣтній мальчикъ! Напомнимъ, что писали объ этой мудрости въ петиціи магистрата г. Липштадта: «При всемъ уваженіи къ греческому языку, всякій опытный педагогъ долженъ сознаться, что

Digitized by Google

вліяніе его изученія на множество гимназистовъ очень ничтожно, что 50% всѣхъ кончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, не смотря на убитое время и силы, не могутъ овладѣть имъ и что болѣе 90%, по выходѣ изъ гимназій,—если только они не занимаются филологіей или богословіемъ,—никогда больше не притрогиваются ни къ одной греческой книгѣ». А мюнхенскій историкъ Вельцгоферъ прямо смѣется надъ тѣмъ, что юношей заставляютъ изучать древнихъ авторовъ. «Наши педагоги—говоритъ онъ—совершенно забываютъ, что Ксенофонтъ писалъ не для мальчиковъ, а для взрослыхъ людей, и еслибы этотъ писатель зналъ, какое употребленіе сдѣлаютъ изъ его сочиненій потомки, то онъ, вѣроятно, не взялся бы за перо. Риторика Демосѳена осталась чужда даже писателямъ эпохи возрожденія, такъ какъ она вся основана на политическихъ, юридическихъ и соціальныхъ мотивахъ, составлявшихъ вопросы дня слишкомъ 2,000 лѣтъ тому назадъ. Неужели вы думаете, что мальчикъ 16 лѣтъ, не имѣющій представленія о философскихъ системахъ, извлечетъ для себя малѣйшую пользу изъ чтенія Платона»?

Ясно, что дѣло-то о вѣчной красотѣ искусства и вѣчной мудрости человѣчества приходится отложить въ сторону, такъ какъ, съ одной стороны, въ петиціи магистрата г. Липштадта сообщается, что болѣе 50% учащихся, не смотря на убитое время, не могутъ владѣть греческимъ языкомъ, и 90% по выходѣ изъ гимназій никогда болѣе не прикасаются ни къ одной греческой книгѣ; а съ другой стороны Вельцгоферъ доказываетъ, что и тѣ, которые прикоснутся къ ней, не только не извлекутъ понятій о «вѣчной красотѣ искусства, вѣчной мудрости» и пр., но, по просту говоря, ничего и не поймутъ, если они не принадлежатъ къ числу исключительныхъ «эллинскихъ натуръ».

Если же ко всему сказанному еще прибавимъ слова самого автора, высказанныя имъ въ 9-мъ пунктѣ «основъ», что въ старшихъ классахъ необходимо бо̀льшее число уроковъ на чтеніе авторовъ,—ибо по отношенію къ древней литературѣ нельзя требовать, чтобы учащіеся знакомились съ нею «безъ помощи преподавателя»,—то становится уже неопровержимымъ, что, не имѣя возможности, безъ указки преподавателя, читать древнихъ авторовъ, ученикъ не смѣетъ и мечтать о пониманіи вѣчной красоты и вѣчной мудрости... Да если даже предположить невозможное: что ученики будутъ сами читать и понимать древнихъ авторовъ, то и тогда нельзя не вспомнить словъ Ушинскаго: «Всмотритесь въ нравы и обычаи грековъ и римлянъ, въ ихъ семейный бытъ, въ ихъ отношенія къ женщинамъ и рабамъ, въ ихъ понятія о человѣкѣ и гражданинѣ, въ ихъ воззрѣнія на государство, народъ, на отношеніе человѣка къ человѣчеству, въ ихъ политико-экономическія убѣжденія, въ ихъ историческую критику—и вы убѣдитесь, что преимущественное изученіе того, что̀ завѣщалъ намъ классическій міръ, никогда не можетъ одно ввести человѣка въ современную жизнь Европы, что *изученіе древнихъ классическихъ писателей не дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, какъ мы его теперь понимаемъ*, и никакъ не можетъ способствовать къ тому единенію науки и жизни, которое, конечно,

Digitized by Google

признаётъ необходимымъ каждый, кто желаетъ истиннаго прогресса. Напротивъ, мы имѣемъ основаніе думать, что преимущественное изученіе классической древности основалось на историческомъ преданіи, и болѣе всего мѣшаетъ до сихъ поръ дѣйствительному соединенію науки и жизни».

Сопоставляя все вышесказанное, на повѣрку—то и выходитъ, что г. Еленевъ совершенно правъ, когда говоритъ, что люди, которые стоятъ за необходимость греческаго языка для нашихъ гимназій, повторяютъ это, не вдумавшись въ свои слова, а «*просто изъ подражанія*».

На замѣчаніе автора, что «нужно употребить всѣ усилія къ тому, чтобы гимназисты достигли той цѣли, для которой мы считаемъ необходимымъ изученіе греческаго языка, причемъ необходимо *снабдить ихъ всѣми потребными для того средствами* и прежде всего достаточнымъ количествомъ времени»,—мы осмѣливаемся скромно спросить: какимъ путемъ, не противорѣча себѣ, авторъ думаетъ достигнуть этого? Вѣдь самъ же онъ раньше восклицалъ: «Мы утверждаемъ, что нынѣшняя классическая школа гордится тѣмъ, что она постоянно слѣдитъ за успѣхами просвѣщенія и всегда развивалась и развивается сообразно требованіямъ времени». Но если просвѣщеніе и требованія времени заставляютъ постепенно вводитъ въ курсъ классической школы современныя науки, т. е. отнимать на изученіе ихъ время отъ древнихъ языковъ, то какъ же авторъ хочетъ одновременно удовлетворить этимъ двумъ противоположнымъ требованіямъ?! Откуда онъ возьметъ «достаточное количество времени» для изученія греческаго языка, когда и нынѣ ему удѣлено по 5 — 6 уроковъ въ недѣлю въ каждомъ классѣ гимназій? Значитъ, авторъ думаетъ совершить историческую прогулку назадъ, къ тому далекому прошлому, когда въ школѣ изучали только древніе языки; но тогда куда же дѣнется «гордость развитія»? Или, быть можетъ, авторъ придумалъ другой способъ и къ 8—10 лѣтнему прохожденію гимназическаго курса желаетъ прихватить еще годикъ-другой, и впускать въ университетъ юношей не моложе 25 лѣтъ? Надо предоставить автору рѣшить самому эту проблему. Принявши въ соображеніе все нами изложенное, нельзя не прійти къ такому логическому выводу: слѣдуетъ не медля упразднить преподаваніе греческаго языка, какъ предмета вовсе ненужнаго юношамъ, изученіе котораго не достигаетъ никакой развивающей цѣли.

Историческое изученіе греческаго міра очень полезно, но уже въ зрѣлыхъ годахъ, всесторонне развитому человѣку, и на своемъ родномъ языкѣ, когда онъ, безъ указки учителя, самъ, не торопясь, можетъ на полной свободѣ вдумываться въ историческій ходъ жизни этого даровитаго народа, удивляться его развитости, завидовать его гражданской и умственной свободѣ, сравнивать съ настоящимъ и выводить свои философскія заключенія; а юноша пусть сначала познакомится съ современною наукою и жизнью, а не наоборотъ.

Витая превыспренно гдѣ-то въ пространствѣ, классики забыли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло; вѣдь это дѣти и юноши, а не зрѣлые люди, изучившіе современный міръ и пожелавшіе затѣмъ изучить и міръ

Digitized by Google

древности классической. Фанатики классицизма не знали и не знаютъ, что у дѣтей и юношей существуютъ три воспитателя,—какъ говоритъ Бенеке:—природа, обстоятельства и другіе люди. Воспитаніе посредствомъ внѣшней природы повсемѣстно и непрерывно. Воспитаніе посредствомъ другихъ людей тогда только заслуживаетъ довѣрія, когда для образовательныхъ цѣлей оно пользуется явленіями и произведеніями окружающей природы, и эти заимствованныя вліянія выясняетъ и *разнообразитъ* до безконечности. Тогда только можно достигнуть истинной цѣли воспитанія, когда оно будетъ ведено *сообразно натурѣ воспитываемаго*; молодое поколѣніе слѣдуетъ воспитывать для настоящей жизни, отъ воздѣйствія которой нельзя отрѣшить его, какъ и отъ вліянія атмосфернаго воздуха. Мы должны воспитывать его *не по призрачнымъ, чуждымъ человѣческой природѣ, идеаламъ*, а по идеалу, вытекающему изъ врожденныхъ основныхъ свойствъ нашей натуры. Классики не признаютъ, что воспитатель долженъ всегда опираться на науку воспитанія, которая основывается *на глубокомъ психологическомъ анализѣ основныхъ свойствъ человѣческой природы*. Въ области духовной, какъ и въ области тѣлесной, только тотъ управляетъ природою, кто прислушивается къ ней и понялъ ея законы. *Знаніе есть сила*, и чѣмъ правильнѣе, полнѣе и глубже постигъ человѣкъ законы извѣстной области естественныхъ явленій, тѣмъ болѣе у него средствъ пользоваться этими явленіями для достиженія своихъ цѣлей. Классики не сознаютъ, что немыслимо никакое формальное развитіе, напримѣръ, общее развитіе памяти, разсудка, и т. д., но что это развитіе существуетъ лишь по отношенію къ тому или другому предмету. Такъ, заучиваніе наизустъ латинскихъ вокабулъ вовсе не упражняетъ *памяти вообще*, а только *по отношенію къ вокабуламъ*, потому что, если память есть ничто иное, какъ самосохраненіе извѣстныхъ слѣдовъ, то—спрашивается—въ чемъ это самосохраненіе латинскихъ словъ можетъ быть полезно для прочнаго усвоенія и удержанія, напримѣръ, физическихъ фактовъ, для представленія извѣстныхъ растеній, людей и т. п.? Нужно стараться воздѣйствовать на питомца такъ, чтобы въ его душѣ психическіе слѣды носили характеръ живыхъ, бодрыхъ и разносторонніхъ впечатлѣній. Новѣйшая психологія неопровержимо доказываетъ, что память, какъ нѣчто *отличное* отъ представленія, вовсе не существуетъ, но существуетъ только относительно ихъ и въ нихъ, какъ *свойственная самимъ представленіямъ сила самосохраненія*. Каждое представленіе, исчезая изъ сознанія, продолжаетъ однако существовать въ глубинѣ души,—это свойство его и есть память, вовсе не существующая сама по себѣ, какъ нѣчто отдѣльное и самодовлѣющее. Слѣдуетъ остерегаться поврежденія еще неокрѣпшихъ способностей юноши *излишнимъ умственнымъ раздраженіемъ*, притомъ же однообразнымъ, а слѣдуетъ заботиться *объ обиліи, многообразіи, силѣ, живости и свѣжести воспріятія*. Однообразныя раздраженія уничтожаютъ, ослабляютъ способности и оказываютъ вредное вліяніе не только на нихъ, но и на прочіе самые скрытые психологическіе процессы. Удержаніе чего либо въ памяти,—какъ указывали Амосъ Коменскій, Базедовъ и Песталоцци,—имѣетъ цѣну лишь постольку,

Digitized by Google

поскольку удержанное служитъ для нашего дальнѣйшаго духовнаго развитія и для жизни. Въ особенности *слова*,—главный предметъ запоминанія,—не имѣютъ никакой цѣны въ тѣхъ случаяхъ, когда въ душѣ человѣка отсутствуетъ или находится въ несовершенномъ видѣ то, что они должны обозначать, и поэтому такого рода образованіе, безпрерывно сообщающее человѣку массу психическихъ слѣдовъ, лишенныхъ высшаго духовнаго характера, даже препятствуетъ правильному развитію духа; ребенку нужно давать запоминать или удерживать въ памяти только то, что онъ *понимаетъ*, т. е. способенъ, независимо отъ словеснаго знака, полно и ясно представить себѣ, и потому заучиваніе должно быть не наизустъ, а посредствомъ *прямаго изученія предметовъ*, чтобы вдохнуть живой смыслъ въ мертвые и скудные по содержанію словесные знаки и замѣнить видимое развитіе—дѣйствительнымъ. Ребенку, уже сдѣлавшему извѣстные успѣхи въ умственномъ отношеніи, механическое заучиваніе наизустъ легко можетъ опротивѣть, при побужденіи его къ этому заучиванію; въ немъ легко можетъ возникнуть реакція въ пользу высшихъ умственныхъ занятій и противъ зубренія на память, — вотъ почему, вѣроятно, и пришлось классикамъ бороться съ этою реакціею и изгонять толпами юношей изъ гимназій, якобы «неспособныхъ» (къ чему?) юношей. Воспитатель долженъ какъ можно ранѣе внушить ребенку стремленіе къ самостоятельной провѣркѣ сообщаемаго ему. Только въ такомъ случаѣ, когда человѣкъ съ самаго начала пріученъ къ самостоятельности въ своихъ умозаключеніяхъ, эта самостоятельность можетъ впослѣдствіи развиться до надлежащей степени. Поэтому дѣло воспитателя—какъ можно ранѣе пріучить ребенка не усвоивать, безъ предварительнаго *обдумыванія*, ничего сообщаемаго ему другими, словесно или посредствомъ книгъ, но, напротивъ, постоянно сопоставлять и сравнивать полученныя свѣдѣнія съ тѣмъ, что ему удалось ранѣе испытать, думать, выучить. Успѣхъ нашего, такъ называемаго, «нигилизма» именно и основывался на слабости и несамостоятельности умственнаго развитія нашего юношества, охотно принимавшаго на вѣру все, что ему «книга послѣдняя скажетъ». А классики подняли войну именно противъ умственной самостоятельности, смѣшавъ ее съ самонадѣянностью, и придумали для истребленія ея—классическій гнетъ. Все сказанное выше есть азбука здравой педагогики. «Природа—говоритъ г. Ушинскій—есть одинъ изъ могущественныхъ агентовъ въ воспитаніи человѣка, и самое тщательное воспитаніе, безъ участія этого агента, будетъ отзываться сухостью, односторонностью, непріятною искусственностью. Бѣдное дитя, если оно выросло, не сорвавъ полеваго цвѣточка, не порвавши въ волю зеленой травки! *Никогда оно не разовьется съ тою полнотою и свѣжестью, къ которымъ способна душа человѣческая; развитіе это всегда будетъ отзываться душною атмосферою запертыхъ зданій.* Ни въ чемъ, можетъ быть, одностороннее направленіе знаній и мышленія такъ не вредно, какъ въ педагогической практикѣ. *Не односторонность ли филологическаго образованія пустила въ ходъ множество чужихъ фразъ*, которыя обращаются теперь между людьми, вмѣсто дѣйствительныхъ, глубоко сознанныхъ идей, затрудняютъ оборотъ человѣ-

Digitized by Google

ческаго мышленія, какъ фальшивая монета затрудняетъ обороты торговли? Сколько глубокихъ идей древности пропадаетъ теперь даромъ именно потому, что человѣкъ *заучиваетъ ихъ прежде, чѣмъ въ состояніи понять.* Не оттого ли и самый языкъ современной литературы уступаетъ въ точности и выразительности языку древнихъ, что мы учимся говорить почти единственно изъ книгъ, и пробавляемся чужими фразами, тогда какъ *слово древняго писателя выростало изъ его собственной мысли, а мысль—изъ непосредственнаго наблюденія надъ природою, другими людьми и самимъ собою.* Слово хорошо, когда оно вѣрно выражаетъ мысль; а вѣрно выражаетъ мысль тогда, когда выростаетъ изъ нея, какъ кожа изъ организма, а не надѣвается, какъ перчатка изъ чужой кожи. Языкъ, конечно, есть одинъ изъ могущественныхъ воспитателей человѣка, но онъ не можетъ замѣнить собою знаній, извлекаемыхъ прямо изъ наблюденій и опытовъ. Онъ даже можетъ помѣшать знанію, если слишкомъ рано было обращено вниманіе не на содержаніе, а на форму мысли, да еще чужой, до пониманія которой, быть можетъ, еще и не дорось учащійся. Не умѣть хорошо выражать свои мысли—недостатокъ; но не имѣть самостоятельныхъ мыслей — еще гораздо большій; *самостоятельная же мысль вытекаетъ только изъ самостоятельно пріобрѣтенныхъ знаній.* Изучая душевные процессы, нельзя не видѣть возможности дать человѣку съ обыкновенными способностями, и дать прочно, въ десять разъ болѣе свѣдѣній, чѣмъ получаетъ теперь самый талантливый, тратя драгоцѣнную силу памяти на пріобрѣтеніе тысячи знаній, которыя потомъ забудутся безъ слѣда. Мы утѣшаемъ себя мыслью, что дѣло воспитанія—только *развить умъ*, а не наполнить его свѣдѣніями; но психологія обличаетъ ложь этого утѣшенія, показывая, что самый умъ есть ничто иное, какъ хорошо организованная система знаній. Педагогъ, желающій что нибудь прочно запечатлѣть въ дѣтской памяти, долженъ позаботиться о томъ, чтобы какъ можно болѣе органы чувствъ, глаза, ухо, голосъ, чувство, мускульное движеніе и даже обоняніе и вкусъ принимали участіе въ актѣ запоминанія. Каждый на себѣ испыталъ, что душа особенно чутка къ тому, что̀ ее интересуетъ, а интересуетъ ее всегда то, что̀ можетъ возбудить въ ней бо̀льшее число слѣдовъ, т. е. душевныхъ силъ, стремящихся къ сознанію и къ образованію новыхъ сочетаній съ другими слѣдами и тѣмъ дать ей обширнѣйшее поприще дѣятельности. *Повтореніе одного и того же впечатлѣнія ослабляетъ наше вниманіе и почти нѣтъ труднѣе, какъ быть внимательнымъ къ длинному ряду совершенно сходныхъ впечатлѣній.* Педагогъ беретъ въ одну руку учебникъ своего предмета, а въ другую—ферулу, и дѣло идетъ у него, какъ по маслу: ученики учатся прилежно, переходятъ изъ класса въ классъ, вступаютъ въ жизнь, и какъ будто никогда и ничему не учились. Они выполнили необходимую комедію дѣтства и юности, и принимаются за новыя роли, не имѣющія никакого отношенія къ старымъ, воспоминаніе о которыхъ только мѣшаетъ жить, и чѣмъ скорѣе исчезнетъ, тѣмъ лучше».

Неужели учатся только для того, чтобы исполнить необходимую процедуру молодости, просидѣть извѣстные годы на школьной скамейкѣ и получить аттестатъ? Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ вся эта

Digitized by Google

трата времени для пріобрѣтенія временныхъ познаній, требуемыхъ только на экзаменахъ и ни къ чему негодныхъ въ жизни?

У Спенсера читаемъ: «Неразумно было бы со стороны воспитателей предполагать, что они въ состояніи надлежащимъ образомъ регулировать процессъ зарожденія и накопленія понятій въ дѣтскомъ мозгу, если они сами не понимаютъ сущности этого процесса».

X.

Всѣ истинные педагоги одинаково смотрятъ на воспитаніе юношества. Отчего же произошла такая смута въ понятіяхъ нашихъ насадителей и защитниковъ классицизма? Отчего они поняли и приняли все вопреки требованіямъ природы юноши? Отвѣтъ очень простъ и ясенъ: отъ слабости ихъ педагогическаго пониманія и отъ громаднаго самомнѣнія, отъ неслыханной нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ. Вѣдь педагогу, а тѣмъ болѣе реформатору, нельзя и шагу ступить безъ изученія психологіи, физіологіи, гигіены, да и при этомъ изученіи нужно еще имѣть правильно-развитый философскій умъ, чтобы понять и разумно приложить научныя свѣдѣнія къ воспитанію. Физическое и умственное развитіе дѣтей и юношей подчиняется извѣстнымъ законамъ, и воспитатели обязаны же знать и строго подчиняться всѣмъ правиламъ и требованіямъ этихъ педагогическихъ законовъ.

Обратимъ теперь вниманіе и на самую систему преподаванія предметовъ: она тоже до крайности своеобразна. У гимназиста каждодневно масса уроковъ, не менѣе 5—6 въ день. Лишь только онъ успѣетъ немного отдохнуть дома отъ гимназической сутолоки, которой подвергался въ теченіе 6½ часовъ, т. е. съ 8½ до 3 часовъ, ему нужно торопиться, чтобы засѣсть за приготовленіе 5—6 уроковъ. Только что успѣетъ онъ окунуться въ глубину латинскаго урока,—ему уже приходится вылѣзать изъ этой глубины и переходить къ греческому; не успѣетъ еще вдуматься хорошенько, что такое за штука эпопея дидактическая и героическая, какъ время говоритъ: пожалуйте за русскій языкъ—переваривать правила, которыя, по сознанію самого гр. Капниста, могутъ повести только «къ сбивчивости въ понятіяхъ учениковъ». Не добившись толку въ этихъ сбивчивыхъ правилахъ, онъ уже долженъ переходить къ математикѣ; только начнетъ правильно вникать въ ходъ ея положеній, какъ уже нужно оставить ихъ и переходить къ остальнымъ предметамъ: вѣдь все это нужно приготовить къ слѣдующему дню! И вотъ сидитъ онъ весь вечеръ за приготовленіями, и все таки каждый предметъ проходитъ торопливо, отрывочно, чтобы успѣть хоть что нибудь удержать въ головѣ для отвѣта. Въ гимназіи та же исторія. Учитель спѣшитъ; у него времени менѣе часа и 20—40 учениковъ въ классѣ; нужно въ это короткое время разъяснить слѣдующій урокъ, спросить прошлый, и приходится вести разъясненіе кое-какъ,—нѣкогда углубиться въ дѣло. Спрашиваетъ онъ тоже отрывочно, предложитъ вопросъ одному; отвѣтилъ—хорошій балъ, замялся — плохой. Онъ не имѣетъ никакой возможности разспросить

Digitized by Google

ученика основательно, не торопясь, удостовѣриться въ пониманіи предмета, — некогда! И вотъ всѣ куда-то торопятся, всѣ обременены непосильнымн трудами; нѣтъ физической возможности ни на чемъ сосредоточиться, подумать, взвѣсить—всѣ точно на пожарѣ—и эта сутолока, точно въ насмѣшку, называется «вдумчивостью, сосредоточенностью, серьезностью труда, всестороннимъ развитіемъ ума» и прочими великомудрыми словами. Я посовѣтовалъ бы нашимъ классикамъ-проповѣдникамъ помѣстить у себя на дому хоть 2—3 гимназистовъ разныхъ классовъ. Тогда они запѣли бы, вѣроятно, другую пѣсню; а то поютъ, какъ птицы небесныя, не соображаясь съ жизнью! При такой обстановкѣ, можетъ ли возникнуть какая нибудь прочная связь наставника съ ученикомъ? Если не ошибаюсь, учитель и не отвѣчаетъ ни за что: идетъ ли его классъ худо, или хорошо. Кажется, никто не удостовѣряетъ, почему мальчики, учившіеся въ предъидущихъ классахъ хорошо, вдругъ въ слѣдующемъ получаютъ худыя отмѣтки? не самъ ли учитель виноватъ? умѣетъ ли онъ толково выяснить свой предметъ? сообразенъ ли съ умственными силами учениковъ самый предметъ и задаваемые уроки? умѣютъ ли они толково примѣнить сообщенныя имъ правила? Задавая классную работу на правила, учитель въ большинствѣ случаевъ довольствуется только внѣшнею провѣркою работы, и по числу ошибокъ ставитъ тотъ или другой баллъ. Врядъ ли вникаетъ онъ: отчего именно ошибаются юноши, отъ трудности ли правила, отъ непониманія ли его и неумѣнія примѣнить? — ему все это кажется безразлично.

Вѣроятно, отъ этого большинство юношей, особенно въ младшихъ классахъ, не въ силахъ справиться сами съ грамматическими правилами древнихъ языковъ и вѣрно приложить ихъ въ работахъ, и невольно приходится большинству ихъ прибѣгать къ репетиторамъ,—этой новѣйшей нелѣпости воспитанія,—и при помощи ихъ дома получить болѣе толковое и понятное объясненіе этихъ правилъ для приложенія къ дѣлу. Еслибы учитель въ классѣ имѣлъ время и желаніе понятно изложить правила, показать наглядно ихъ примѣненіе, то къ чему бы тогда служили репетиторы? Мы ихъ прежде никогда не знали. А теперь безъ нихъ почти невозможно обойтись ученику обыкновенныхъ способностей. Все дѣло, кажется, состоитъ въ томъ, что, вмѣсто 5—6 уроковъ, совершенно достаточно только 3-хъ, по часу съ четвертью. И тогда можно и должно требовать, чтобы каждый учитель былъ отвѣтственъ за неуспѣхъ своихъ учениковъ, какъ и всякій работающій отвѣчаетъ за свое дѣло; не юноши виноваты, что не понимаютъ своихъ учителей, а сами учителя, не умѣющіе изложить своего предмета толково, интересно, вразумительно. «Какъ бы мало ни былъ способенъ ученикъ,—говоритъ Спенсеръ,—но если ему объяснятъ предметъ правильно и ясно съ самаго начала, онъ побѣдитъ всѣ послѣдующія затрудненія, почти не требуя чужой помощи. Необходимость объяснять по нѣскольку разъ одно и то же происходитъ отъ нашей собственной безтолковости, а не отъ тупости ребенка. Видя, что ребенокъ неохотно воспринимаетъ предложенныя ему свѣдѣнія, мы стараемся *вбить ихъ въ его голову посредствомъ угрозъ и наказаній*,

Digitized by Google

лишаемъ его пріятныхъ для него знаній, а пичкаемъ такими, которыхъ мозгъ его не въ состояніи переварить, вслѣдствіе чего обнаруживается болѣзненное ослабленіе способностей, сопровождаемое отвращеніемъ къ знанію вообще. Ребенокъ, по нашей милости, дѣлается апатиченъ и лѣнивъ; подавленный непосильными занятіями, онъ положительно ничего не можетъ понять безъ объясненій и становится пассивнымъ пріемникомъ нашего обученія».

Всю рутину относительно такого живаго и важнаго дѣла, какъ воспитаніе юношества, должно не медля отбросить, преслѣдовать ее, какъ злѣйшаго врага воспитанія. Преподавая свой предметъ съ одушевленіемъ, любовію и знаніемъ дѣла, въ понятномъ, оживленномъ изложеніи, учитель увлечетъ всякаго ученика, если предметъ доступенъ его пониманію; даже вялаго отъ природы заставитъ полюбить этотъ предметъ, причемъ обмѣнъ мыслей между учителемъ и учениками будетъ самый живой и свободный. Тогда не придется ученикамъ начинать дома урокъ съизнова; не нужны будутъ никакіе побочные разъяснители и репетиторы. Возьмите въ примѣръ преподаваніе въ школахъ Америки: тамъ ни на секунду не умолкаетъ общій обмѣнъ мыслей между учениками и учительницами. Урокъ бьетъ живымъ ключемъ, а не стоитъ мертвымъ болотомъ, какъ въ иныхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ мертвая тишина учащихся считается за самое главное и первенствующее условіе, гдѣ ученикъ не рѣшается рта разинуть, для вопроса о непонятомъ имъ, чтобы не раздражить учителя и не получить грубыхъ отвѣтовъ, въ родѣ «глупца» и пр. «Должно заботиться всѣми силами,—говоритъ Ушинскій,—чтобы школа самымъ естественнымъ путемъ вошла въ жизнь ребенка и чтобы незамѣтно приняла въ свое распоряженіе часть его умственной и сердечной дѣятельности. Мало успѣховъ будетъ имѣть та школа, въ которую дитя переходитъ изъ дому, какъ изъ рая въ адъ, и изъ которой онъ бѣжитъ домой, какъ изъ темнаго ада,—въ которомъ все мрачно, чуждо и непонятно,—въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно, понятно и близко сердцу. Классъ классу рознь: если учитель требуетъ, чтобы дѣти сидѣли неподвижно, какъ куклы, если они не смѣютъ открыть рта, чтобы заговорить съ учителемъ, и если голосъ учителя бубнитъ одиноко, какъ дождь въ стекло, то и одного такого часа достаточно, чтобы измучить ученика и измучить притомъ совершенно безполезно. Но если ученики шевелятся непринужденно, если они безпрестанно спрашиваютъ учителя и отвѣчаютъ на его вопросы, если они живо участвуютъ въ урокѣ,—словомъ, если дѣтей не учатъ, а они сами учатся въ классѣ, съ помощью наставника, то и пяти-шести часовъ такого занятія въ классѣ не много, и дѣти нисколько не утомятся». О директорахъ и инспекторахъ сказать почти нечего: это весьма нерѣдко—чиновники просвѣщенія, а не педагоги; у каждаго набраны классные уроки; они же и классные наставники; это тѣ же учителя, съ тою лишь разницею, что директоры руководятъ канцелярскою дѣятельностью, а инспекторы—хозяйственною и полицейскою. А педагогическій совѣтъ? Но мы, родители, должны чистосердечно сознаться, что не имѣемъ объ немъ почти никакого понятія. Слышимъ, что онъ собирается: послѣ каждой четверти учебнаго

Digitized by Google

года—обсудить и разсортировать учениковъ на разряды; а въ концѣ года—рѣшить, кого слѣдуетъ перевести въ слѣдующій классъ, кого оставить, кому дать переэкзаменовку, да въ экстренномъ случаѣ,—большаго проступка ученика,—выбрать ему наказаніе. Больше ничего мы объ этихъ педагогическихъ совѣтахъ не знаемъ. Обсуждаетъ ли совѣтъ педагогическіе вопросы, взвѣшиваетъ ли причины неуспѣховъ учениковъ, принимаетъ ли противъ этой неуспѣшности какія либо общія мѣры, разсуждаетъ ли объ общемъ ходѣ дѣла воспитанія, что предпринимаетъ для его улучшенія, представляетъ ли куда свои мнѣнія о всѣхъ замѣченныхъ имъ неправильностяхъ въ ходѣ дѣла,—мы ничего этого не знаемъ, такъ какъ протоколы педагогическихъ совѣтовъ если и ведутся, то составляютъ «тайну заведенія» и до общаго свѣдѣнія, а въ частности до насъ, родителей, не доходятъ,—какъ будто все это вовсе до насъ не касается, и входить по поводу педагогическихъ вопросовъ въ общеніе съ родителями не принято въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Никто не знаетъ, гдѣ и когда засѣдаютъ эти совѣты, а любопытно было бы для насъ, родителей, хоть тайкомъ послушать, о чемъ толкуютъ наставники нашихъ дѣтей. И вотъ, вѣроятно, отъ этой канцелярской тайны совѣщанія, мы, родители, очень часто становимся втупикъ. Потрудитесь, напримѣръ, разумно разъяснить себѣ, отъ чего ученикъ, учившійся во весь годъ удовлетворительно, получавшій за всѣ четверти года по 3 балла и имѣющій въ среднемъ годовомъ 3—вдругъ на экзаменѣ, который слѣдуетъ не медля за окончаніемъ ученія, получаетъ 2, т. е. неудовлетворительную отмѣтку. Какъ разъяснить такую быструю метаморфозу: весь годъ учился удовлетворительно, по рѣшенію того же педагогическаго совѣта—и вдругъ, въ одинъ экзаменный день, все удовлетворительное годовое знаніе предмета исчезаетъ, какъ дымъ, и ученикъ аттестуется неудовлетворительнымъ?

Такихъ анормальныхъ явленій очень много, и все это шитокрыто. Такъ рѣшилъ совѣтъ, а на чемъ основалъ онъ такія вопіющія противорѣчія, чѣмъ мотивировалъ,—мы, родители, да и все общество, ничего не знаемъ; потрудитесь сами додуматься. Нѣтъ, по нашему, если вы составляете педагогическій совѣтъ, такъ совѣщайтесь вслухъ, чтобы мы, родители, поучались отъ васъ педагогической мудрости, а иногда имѣли бы возможность предложить и свои немудрые, но практическіе вопросы и получить разъясненіе. Дѣло это—не секретъ служащихъ лицъ, а дѣло общественное и должно обсуждаться гласно.

Мы, родители, предложили бы такой вопросъ: для чего именно существуетъ въ настоящее время 8 классъ гимназіи—это повтореніе всего пройденнаго, и только? Для чего молодаго человѣка 18—20 лѣтъ держатъ совершенно лишній годъ, что онъ дѣлаетъ въ этомъ 8 классѣ? Болѣе всего повторяетъ математику, начиная съ ариѳметики. Но наука эта безпрестанно повторяется каждодневными запросами самой жизни. Повторяетъ граматику, продолжаетъ, по указкѣ учителя, переводить латинскіе отрывки Цицерона и Горація или, по гречески, Демосѳена, Платона и Еврипида. Но вѣдь все это уже усвоивалось въ прежнихъ 7 классахъ...

Digitized by Google

Изучаетъ, затѣмъ, физику—кое-какъ, только для счета балловъ, такъ какъ экзамена изъ нея не полагается. Однимъ словомъ, на это повтореніе убивается совершенно непроизводительно цѣлый лишній годъ, тогда какъ этотъ годъ могъ бы быть проведенъ юношей, съ громадною пользою для своего развитія, въ стѣнахъ университета или высшаго техническаго училища.

Въ заключеніе, мы не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи привести слова знаменитѣйшаго ученаго настоящаго времени, Германа Гельмгольца, о ходѣ его юношескаго развитія, въ рѣчи, сказанной имъ не такъ давно, по случаю празднованія его 70-лѣтія сотоварищами по наукѣ и представителями отъ всѣхъ странъ Европы. Разсказывая о своей юности, онъ вспоминалъ, что уже тогда у него была одна черта: слабая память на все, что́ не имѣло опредѣленной связи, *что́ требовало механическаго изученія*; въ училищѣ грамматика давалась ему гораздо труднѣе, чѣмъ другимъ дѣтямъ; въ особенности трудно ему приходилось заучиваніе неправильныхъ формъ. Исторія,—какъ она тогда преподавалась, по книжкѣ, съ заучиваніемъ наизустъ, — была для него пыткой. «Этотъ недостатокъ способности механическаго заучиванія и сохраненія въ памяти съ годами только усилился,—прибавляетъ Гельмгольцъ,—и теперь это—пытка моей старости». Замѣчательно, что сочиненія великихъ поэтовъ онъ заучивалъ сравнительно легко. Гельмгольцъ объясняетъ это тѣмъ, что въ дѣйствительно великой поэзіи всегда есть натуральное и послѣдовательное развитіе идеи, которое онъ считаетъ даже маштабомъ эстетической красоты. «Самымъ совершеннымъ средствомъ къ развитію памяти я считаю пониманіе законовъ явленій, и это я самъ позналъ въ геометріи. Къ моему собственному удивленію и къ удивленію учителей, всѣ теоремы, которыя они излагали, были мнѣ заранѣе извѣстны: это сохранилось отъ игры въ кубики и деревяшки, за которыми я позналъ отношенія въ пространствѣ». Несравненно сильнѣе, чѣмъ геометрія и алгебра, на мальчика подѣйствовали уроки физики, гдѣ уже была полная дѣйствительность, безъ абстрактныхъ формъ. «Подчиненіе природы логическимъ законамъ было первое, что́ очаровало меня въ физикѣ. Къ этой мысли очень скоро присоединилось сознаніе, что знаніе законовъ въ явленіяхъ природы даетъ обладаніе волшебнымъ ключемъ, власть надъ природой. Въ этихъ сферахъ вращались мои мысли, здѣсь я почувствовалъ себя дома». Молодой Гельмгольцъ начинаетъ продѣлывать собственные опыты: въ классѣ читали Цицерона или Виргилія, а онъ, подъ лавкою, высчитывалъ ходъ пучка лучей чрезъ телескопъ, причемъ уже находилъ нѣкоторыя положенія, которыхъ не было въ учебникахъ.

Вотъ яркій, разительный примѣръ, взятый прямо изъ жизни геніальнаго ученаго и вполнѣ подтверждающій приведенный выше взглядъ нашъ на правильное воспитаніе и развитіе юношества. Отсюда видно съ наглядностью, какъ рутина и механическое заучиваніе затрудняютъ болѣе всего развитіе даже геніальныхъ юношей.

Одинъ изъ родителей.

Digitized by Google

ЛУРДЪ.

Романъ **Эмиля Золя**.

III.

Когда поѣздъ остановился въ Пуатье, сестра Гіацинта поспѣшила выйти изъ вагона среди суеты кондукторовъ, отворявшихъ дверцы, и паломниковъ, бросавшихся оттуда.

— Погодите, погодите,—повторяла сестра своимъ пассажирамъ.—Пропустите меня впередъ; я хочу взглянуть, дѣйствительно ли все кончено.

Потомъ, войдя въ сосѣднее отдѣленіе, монахиня приподняла голову незнакомца, подумала сначала, что онъ въ самомъ дѣлѣ умеръ, судя по его смертельной блѣдности и остановившимся глазамъ. Но она уловила слабое дыханіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ дышетъ. Скорѣе, надо спѣшить.

И, увидавъ другую сестру, сидѣвшую на этомъ концѣ вагона, Гіацинта прибавила:

— Пожалуйста, сестра Клэръ-Дезанжъ, сбѣгайте за отцомъ Массіасомъ; онъ долженъ быть въ третьемъ или четвертомъ вагонѣ. Скажите ему, что у насъ больной, которому очень плохо, и попросите его сюда немедленно со священнымъ елеемъ.

Ничего не отвѣтивъ, сестра исчезла въ толкотнѣ. Она была маленькаго роста, изящная и кроткая, съ сосредоточеннымъ видомъ, съ таинственными глазами, но однако жь очень расторопная.

Пьеръ, слѣдившій за этой сценой изъ другаго отдѣленія, позволилъ себѣ замѣтить:

— А еслибъ сходить за докторомъ?

— Конечно, я уже думала о томъ,—отвѣчала сестра Гіацинта.—О, г-нъ аббатъ, какъ было бы любезно съ вашей стороны, еслибъ вы отправились за нимъ сами!

Digitized by Google

Пьеръ какъ разъ собирался достать бульону для Мари изъ буфетнаго отдѣленія поѣзда. Оправившись немного, съ тѣхъ поръ какъ прекратилась тряска, больная снова открыла глаза и попросила отца посадить ее. Ей хотѣлось подышать чистымъ воздухомъ на платформѣ, но она сознавала, что перетаскивать ее туда и обратно было бы слишкомъ хлопотливо. Де-Герсенъ, позавтракавшій въ вагонѣ, какъ большинство паломниковъ и больныхъ, стоялъ съ папиросой на платформѣ у растворенной дверцы вагона, пока Пьеръ бѣгалъ въ буфетное отдѣленіе поѣзда, гдѣ сидѣлъ также и дежурный докторъ съ маленькой аптечкой.

Въ вагонѣ остались также другіе больные, которыхъ нельзя было и думать вынести. Гривоттъ задыхалась и бредила; она задержала даже г-жу де-Жонкьеръ, которая дала слово своей дочери Раймондѣ, г-жѣ Вольмаръ и г-жѣ Дезаньо—сойтись съ ними въ буфетѣ, чтобы позавтракать вчетверомъ. Какъ оставить одну на жосткой скамейкѣ эту несчастную, которая, казалось, была въ агоніи? Сабатье, прикованный къ своему мѣсту, поджидалъ жену, вышедшую купить ему винограду, тогда какъ Марта не шевелилась, не покидая своего брата Изидора, молодаго миссіонера, продолжавшаго слабо стонать. Другіе, которые могли ходить, толкались, спѣша сойти, чтобы избавиться на минуту отъ этого вагона, похожаго на видѣніе кошмара, гдѣ имъ сводило члены вотъ уже въ продолженіе семи часовъ со времени отъѣзда. Г-жа Мазъ тотчасъ отдалилась отъ прочихъ на безлюдный конецъ станціи, блуждая одна со своей меланхоліей. Отупѣвшая отъ страданій, г-жа Ветю имѣла настолько силы, чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ и сѣсть на скамью на самомъ солнопекѣ, не чувствуя палящихъ солнечныхъ лучей, тогда какъ Элиза Рукэ, стыдливо закутавъ лицо черной косынкой, искала повсюду водоема, мучимая желаніемъ освѣжиться водою. А г-жа Венсанъ прохаживалась медленными шагами, со своей маленькой Розой на рукахъ, стараясь ей улыбаться и развеселить ее ярко раскрашенными картинками, на которыя малютка смотрѣла съ серьезной миной, ничего не видя.

Между тѣмъ, Пьеру стоило ужаснаго труда проложить себѣ дорогу въ толпѣ, запружавшей платформу. Нѣчто невообразимое представляла собою эта живая волна, калѣки и люди здо-

Digitized by Google

ровые, которыхъ изрыгнулъ изъ себя поѣздъ, около тысячи человѣкъ, суетливо бѣгавшихъ и задыхавшихся. Каждый вагонъ выкинулъ свою долю бѣдствій и скорби, подобно палатѣ госпиталя, перевозимаго на другое мѣсто, и можно представить себѣ, какую ужасающую сумму страданій везъ этотъ страшный бѣлый поѣздъ, создавшій наконецъ на своемъ пути легенду, отъ которой волосы становились дыбомъ. Калѣки тащились сами, другихъ больныхъ несли, многіе лежали кучей на платформѣ. Происходила толкотня, слышался отчаянный зовъ, люди съ растерянным видомъ мчались къ станціонному буфету. Каждый спѣшилъ, торопился по своему дѣлу. Единственная получасовая остановка до Лурда была такъ коротка! И единственнымъ свѣтлымъ пятномъ на этой картинѣ посреди черныхъ сутанъ и бѣдняковъ въ изношенной одеждѣ неопредѣленнаго цвѣта была, веселившая глазъ, бѣлизна монашенокъ общины Успенія, совсѣмъ чистенькихъ и такихъ расторопныхъ, въ высокомъ бѣлоснѣжномъ чепцѣ, апостольникѣ и передникѣ.

Когда Пьеръ добрался, наконецъ, до буфетнаго отдѣленія въ срединѣ поѣзда, онъ нашелъ его порядочно таки осажденнымъ. Тамъ стояла керосиновая плита и цѣлая баттарея кухонныхъ принадлежностей первой необходимости. Бульонъ, приготовленный изъ концентрированныхъ соковъ, подогрѣвался въ лаханяхъ кованаго желѣза, а сгущенное молоко въ жестянкахъ распускалось и утилизировалось только по мѣрѣ надобности. Нѣкоторые другіе припасы лежали на полкахъ: сухари, фрукты, шеколадъ. Но, въ виду множества требованій и жадно протянутыхъ рукъ, сестра Сенъ-Франсуа, завѣдывавшая буфетомъ, маленькая, толстая женщина сорока пяти лѣтъ, съ румянымъ добродушнымъ лицомъ, совсѣмъ засуетилась и отчасти теряла голову. Она была принуждена продолжать раздачу провизіи, слушая Пьера, звавшаго доктора, который занималъ другое отдѣленіе фургона съ дорожной аптекой. Затѣмъ, когда молодой священникъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, и разсказалъ о несчастномъ умиравшемъ бѣднякѣ, монахиня передала свою обязанность другой и вздумала сама пойти взглянуть на неизвѣстнаго пассажира.

— А я хотѣлъ попросить у васъ еще бульона для больной, сестра.

— Хорошо, г-нъ аббатъ, я вамъ принесу; ступайте впередъ.

Digitized by Google

Они торопились; докторъ и аббатъ обмѣнялись нѣсколькими быстрыми вопросами и отвѣтами, сопровождаемые сестрой Сенъ-Франсуа, которая осторожно несла большую чашку бульону, боясь, чтобъ не пролить его въ толкотнѣ. Докторъ былъ молодой малый, лѣтъ двадцати восьми, брюнетъ, коренастый, очень красивый, съ головою юнаго римскаго императора, какія встрѣчаются еще на спаленныхъ зноемъ поляхъ Прованса. Едва сестра Гіацинта завидѣла его, какъ у нея вырвался возгласъ удивленія:

— Какъ, это вы, г-нъ Ферранъ!

Оба не могли опомниться отъ неожиданности. Сестры общины Успенія посвящаютъ себя человѣколюбивому уходу исключительно за бѣдными больными, которые не могутъ платить и лежатъ при смерти въ своихъ мансардахъ. Эти монахини проводятъ жизнь съ бѣдняками, водворяются возлѣ ихъ жалкаго ложа, въ тѣсной комнатѣ, не брезгаютъ ничѣмъ, исполняютъ работы по хозяйству, какъ наемныя служанки или родственницы, до самаго выздоровленія или до смерти паціента. Такъ и сестра Гіацинта, молоденькая дѣвушка, со своимъ молочно-бѣлымъ личикомъ и безпрестанно смѣющимися голубыми глазами, поселилась однажды у этого юноши, тогда еще студента, лежавшаго въ тифозной горячкѣ, и до того бѣднаго, что онъ проживалъ въ улицѣ Фуръ на чердакѣ, куда приходилось лазить по приставной лѣстницѣ, подъ самыя крыши. Она не отходила отъ больнаго и спасла его, одушевляемая желаніемъ жить только для другихъ, какъ бездомное существо, подкинутое нѣкогда на церковную паперть и не имѣвшее иной семьи, кромѣ страдальцевъ, которымъ она посвящала себя со всѣмъ пыломъ любящаго сердца. И какой восхитительный мѣсяцъ провели они, какія славныя товарищескія отношенія постепенно сложились у нихъ въ чистой атмосферѣ братскихъ чувствъ, созданныхъ страданіемъ! Когда онъ называлъ ее «сестрою», то обращался къ ней, дѣйствительно, какъ къ сестрѣ. Она была ему также и матерью, поднимала его съ постели, укладывала, какъ ребенка, причемъ между ними не было ничего, кромѣ сердечной жалости, божественнаго умиленія милосердія. Она была неизмѣнно весела, безъ пола, безъ инаго инстинкта, кромѣ жажды облегчать и утѣшать, а онъ

Digitized by Google

обожалъ ее, почиталъ, сохранялъ о ней одно самое цѣломудренное и восторженное воспоминаніе.

— О, сестра Гіацинта, сестра Гіацинта!—съ восхищеніемъ шепталъ Ферранъ.

Ихъ свела только случайность; онъ не былъ вѣрующимъ и если находился тутъ, то лишь потому, что передъ самымъ отъѣздомъ вздумалъ замѣнить товарища, которому встрѣтилось неожиданное препятствіе. Почти уже годъ онъ состоялъ пансіонеромъ при госпиталѣ Питье. Путешествіе въ Лурдъ при такихъ исключительныхъ условіяхъ интересовало молодаго медика.

Однако радость свиданія заставила его на минуту позабыть о цѣли своего прихода. И сестра напомнила ему.

— Вотъ видите, г-нъ Ферранъ, я васъ звала къ этому бѣдняку. Мы даже думали одну минуту, что онъ уже скончался. Съ самаго Амбуаза этотъ больной сильно тревожитъ насъ и я ужь послала за священнымъ елеемъ... Какъ вы думаете, очень онъ плохъ? Нельзя ли привести его въ себя?

Молодой врачъ уже осматривалъ паціэнта; другіе больные, оставшіеся въ вагонѣ, съ любопытствомъ слѣдили за ними. У Мари, которой сестра Сенъ-Франсуа подала бульонъ, до того тряслись руки, что Пьеръ взялъ у нея чашку и пытался напоить ее самъ. Но она не могла ѣсть и не докончила принесенной порціи, не сводя глазъ съ умирающаго пассажира, точно дѣло шло объ ея собственной жизни.

— Скажите,—снова начала сестра Гіацинта,—какъ вы его находите? Какая у него болѣзнь?

— Какая болѣзнь!—прошепталъ Ферранъ.—Да у него всѣ недуги вмѣстѣ.

Онъ вынулъ скляночку изъ кармана и съ трудомъ влилъ нѣсколько капель въ ротъ больнаго сквозь стиснутые зубы. Тотъ вздохнулъ, поднялъ вѣки и опять опустилъ ихъ. И это было все: онъ не подавалъ другихъ признаковъ жизни.

Сестра Гіацинта, обыкновенно такая спокойная и никогда не падавшая духомъ, пришла въ нетерпѣніе.

— Но это ужасно! И сестры Клэръ-Дезанжъ все еще нѣтъ. Между тѣмъ я отлично объяснила ей, въ какомъ вагонѣ находится отецъ Массіасъ... Боже мой, что мы станемъ дѣлать!

Digitized by Google

Видя, что она не можетъ тутъ ничѣмъ помочь, сестра Сенъ-Франсуа собралась уходить. Сначала она спросила, не умираетъ ли несчастный просто съ голоду. Такіе случаи бывали и монахиня пришла предложить чего нибудь съѣстнаго. Наконецъ, уходя, она обѣщала поторопить сестру Клэръ-Дезанжъ, если встрѣтится съ нею. И, не успѣвъ отойти еще на какихъ нибудь двадцать метровъ, сестра Сенъ-Франсуа обернулась, махая рукой и указывая на Клэръ-Дезанжъ, которая возвращалась одна своею скромной походкой, мелкими шажками.

Высунувшись изъ двери, сестра Гіацинта торопила ее.

— Скорѣй! скорѣй! Ну что? Гдѣ же отецъ Массіасъ?

— Его тамъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Правда. Какъ я ни спѣшила, мнѣ трудно было пробраться въ толпѣ. Когда я подошла къ вагону, отецъ Массіасъ уже сошелъ и, вѣроятно, отправился куда нибудь со станціи.

Она объяснила, что монахъ, какъ ей разсказывали, хотѣлъ повидаться съ приходскимъ священникомъ изъ церкви св. Радегонды. Въ прежніе года національное паломничество останавливалось въ Пуатье на цѣлыя сутки. Больныхъ помѣщали въ городскую больницу, а богомольцы отправлялись съ крестнымъ ходомъ къ св. Радегондѣ. Но въ этотъ годъ встрѣтилось препятствіе и поѣздъ долженъ былъ идти прямо въ Лурдъ. Отецъ Массіасъ, безъ сомнѣнія, былъ тамъ, потому что хотѣлъ переговорить съ приходскимъ священникомъ о дѣлахъ.

— Мнѣ обѣщали послать его сюда со священнымъ елеемъ, какъ только онъ вернется.

Для сестры Гіацинты это было настоящимъ ударомъ. Если наука оказывалась безсильной, можетъ быть, соборованіе облегчило бы больнаго. Она часто видала такіе примѣры.

— О, сестрица, сестрица, какое горе!.. Вотъ еслибъ вы были такъ добры и вернулись бы туда посторожить батюшку, чтобы онъ пришелъ, не мѣшкая.

— Хорошо, сестра,—послушно отвѣчала Клэръ-Дезанжъ и снова удалилась со своимъ серьезнымъ, таинственнымъ видомъ, скользя въ толпѣ съ гибкостью тѣни.

Ферранъ по прежнему смотрѣлъ на незнакомца, катившаго

Digitized by Google

гося со скамьи, и былъ въ отчаяніи, что не могъ угодить сестрѣ Гіацинтѣ, приведя его въ чувство. Съ жестомъ безсилія она опять стала упрашивать доктора.

— Г-нъ Ферранъ, не уходите, пока не подойдетъ батюшка... При васъ я все таки спокойнѣе.

Онъ остался и помогъ ей усадить больнаго, валившагося со скамьи. Потомъ она взяла полотенце и обтерла ему лицо, на которомъ то и дѣло проступалъ липкій потъ. И ожиданіе продолжалось; больнымъ, оставшимся въ вагонѣ, было жутко, а посторонняя публика, привлеченная любопытствомъ, стала уже толпиться у дверей.

Вдругъ какая-то молодая дѣвушка съ живостью раздвинула стоявшихъ здѣсь и, взойдя на подножку, окликнула г-жу де-Жонкьеръ.

— Что же ты, мама? Наши дамы ожидаютъ тебя въ буфетѣ.

То была Реймонда де-Жонкьеръ, порядочно зрѣлая для своихъ двадцати-пяти лѣтъ, поразительно похожая на мать, сильная брюнетка, съ крупнымъ носомъ, большимъ ртомъ и пріятными чертами полнаго лица.

— Но, дитя мое, ты видишь, что я не могу оставить эту бѣдную женщину.

И она указала на Гривоттъ, съ которой сдѣлался какъ разъ жестокій приступъ кашля.

— О, мама, какая досада! А г-жа Дезаньо и г-жа Вольмаръ такъ желали позавтракать съ нами вчетверомъ!

— Да какъ же быть, мое бѣдное дитя?.. Садитесь за столъ безъ меня. Передай этимъ дамамъ, что я приду, какъ только освобожусь.

Потомъ, сообразивъ, она прибавила:

— Постой, тутъ есть докторъ; я постараюсь передать ему больную... Иди, я тебя догоню. Мнѣ ужасно хочется ѣсть.

Реймонда легкой поступью вернулась въ буфетъ, тогда какъ г-жа де-Жонкьеръ стала просить доктора зайти въ ихъ отдѣленіе и посмотрѣть, не можетъ ли онъ помочь Гривоттъ. По просьбѣ Марты, Ферранъ осмотрѣлъ уже брата Изидора, не переставшаго стонать, и снова выразилъ свое безсиліе грустнымъ жестомъ. Однако молодой человѣкъ принялся хлопотать

Digitized by Google

около чахоточной; онъ приподнялъ ее, желая посадить, въ надеждѣ, что кашель отъ этого уймется. Дѣйствительно, больная постепенно успокоилась. Потомъ врачъ помогъ дамѣ-попечительницѣ дать ей глотокъ успокоительнаго питья. Сабатье, лакомившійся, не спѣша, вѣткой винограда, принесенной ему женою, не сталъ и обращаться къ нему, заранѣе зная отвѣтъ; ему уже наскучило, какъ онъ выражался, совѣтоваться со всѣми «принцами науки»; тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ нѣкоторое нравственное успокоеніе при видѣ того, какъ докторъ помогъ бѣдной дѣвушкѣ, сосѣдство которой его стѣсняло. Даже Мари слѣдила за дѣйствіями Феррана съ возрастающимъ интересомъ, не смѣя однако обратиться къ нему сама, увѣренная въ свою очередь, что онъ не въ состояніи ничего для нея сдѣлать.

Толкотня на платформѣ увеличивалась. Оставалось всего четверть часа до отхода поѣзда. Какъ будто въ столбнякѣ, съ открытыми глазами, но ничего не видя, г-жа Ветю усыпляла свою боль подъ жгучими лучами полуденнаго солнца, тогда какъ мимо нея г-жа Венсанъ прохаживалась тѣмъ же убаюкивающимъ шагомъ, съ маленькой Розой на рукахъ, вѣсившей не больше больной птички, такъ что мать не чувствовала ея тяжести. Многіе бѣжали къ водоему, чтобы наполнить жбаны, кувшины, бутылки. Госпожа Мазъ, крайне чистоплотная и аккуратная, вздумала вымыть тамъ руки; но, подойдя, увидала Элизу Рукэ, утолявшую жажду, и отступила при чудовищномъ видѣ этой собачьей головы съ изъѣденной язвами мордой. Элиза тянулась къ струѣ воды покосившейся щелью своей раны, высунувъ языкъ и лакая. Всѣ, подошедшіе сюда, также содрогнулись, не рѣшаясь наполнять своихъ бутылокъ, жбановъ и кувшиновъ у источника, откуда пила прокаженная. Большое число богомольцевъ расположилось съ ѣдой вдоль платформы. Слышался ритмическій стукъ костылей какой-то женщины, безостановочно бродившей взадъ и впередъ между группами. По полу съ трудомъ ползъ безногій калѣка, неизвѣстно куда и зачѣмъ. Другіе, сбившись въ кучу, неподвижно сидѣли на мѣстѣ. Весь этотъ развалъ на одну минуту, этотъ путешествующій госпиталь, выпущенный здѣсь на полчаса, торопился освѣжиться воздухомъ посреди шальной суеты здоровыхъ и производилъ удручающее впечатлѣніе своимъ жалкимъ видомъ при яркомъ свѣтѣ солнца.

Digitized by Google

Пьеръ не отходилъ отъ Мари, такъ какъ де-Герсенъ исчезъ, прельстившись сельскимъ пейзажемъ, съ его свѣжей зеленью, на концѣ станціи. Молодой священникъ, встревоженный тѣмъ, что больная не доѣла бульона, старался возбудить ея апетитъ и съ улыбкой предлагалъ купить ей персикъ; она отказалась, потому что слишкомъ страдала и ни въ чемъ не находила удовольствія. Дѣвушка смотрѣла на аббата своими большими скорбными глазами, раздражаясь и этой остановкой, замедлявшей для нея возможное исцѣленіе, и въ то же время съ ужасомъ думая о тряскѣ, которая опять начнется, когда поѣздъ двинется въ безконечный тягостный путь.

Толстый господинъ подошелъ къ вагону и тронулъ Пьера за плечо. Это былъ человѣкъ съ сѣдѣющими волосами, бородатый и съ широкимъ добродушнымъ лицомъ.

— Извините, г-нъ аббатъ, не тутъ ли бѣдный больной въ агоніи?

И послѣ утвердительнаго отвѣта онъ совсѣмъ разошелся, пустившись въ фамильярныя разглагольствованія.

— Моя фамилія Виньеронъ, я помощникъ управляющаго въ министерствѣ финансовъ и взялъ отпускъ, чтобы съѣздить съ женою и сыномъ Густавомъ въ Лурдъ... Нашъ бѣдный мальчикъ возлагаетъ всю надежду на пресвятую Дѣву, которую мы непрестанно молимъ за него... Мы ѣдемъ вонъ въ томъ вагонѣ, впереди вашего, у насъ тамъ отдѣльное купэ втораго класса.

Тутъ онъ обернулся и поманилъ рукою своихъ.

— Идите, идите, это здѣсь. Несчастный больной, дѣйствительно, совсѣмъ плохъ.

Г-жа Виньеронъ, маленькая, съ длиннымъ блѣднымъ лицомъ, смотрѣла малокровной при своемъ выдержанномъ видѣ приличной буржуазки и ея недугъ страшнымъ образомъ отразился на сынѣ. Пятнадцатилѣтній Густавъ казался десятилѣтнимъ ребенкомъ, скривленный, худой, какъ скелетъ, съ высохшей правою ногою, что̀ заставляло его ходить съ костылемъ. У него было узкое, маленькое личико, немного кривое, гдѣ были замѣтны только глаза, но зато глаза, горѣвшіе яснымъ умомъ, изощреннымъ болѣзнью, и, безъ сомнѣнія, способные заглядывать въ самую глубину души.

За матерью и сыномъ слѣдовала старушка съ отекшимъ

Digitized by Google

лицомъ, едва волочившая ноги. Виньеронъ, спохватившись, что не отрекомендовалъ и ея, вернулся къ Пьеру.

— Это г-жа Шезъ,—пояснилъ онъ,—старшая сестра моей жены; она также пожелала сопровождать Густава, котораго очень любитъ.

И, подавшись корпусомъ впередъ, Виньеронъ добавилъ конфиденціальнымъ тономъ, понизивъ голосъ:

— Г-жа Шезъ—вдова купца, торговавшаго шолковыми тканями, страшная богачка. У нея болѣзнь сердца, которая ее сильно безпокоитъ.

Тутъ вся семья, столпившись кучкой, стала съ любопытствомъ наблюдать происходившее въ вагонѣ. Другіе, шедшіе мимо, также то и дѣло останавливались, привлеченные зрѣлищемъ. Виньеронъ поднялъ Густава на рукахъ, чтобы тотъ могъ хорошенько видѣть; тетка удержала въ это время его костыли, а мать тянулась въ окно, приподнимаясь на цыпочки.

Въ вагонѣ все шло по прежнему. Незнакомый пассажиръ сидѣлъ, вытянувшись въ углу, откинувшись головою на жесткую перегородку. Онъ былъ мертвенно-блѣденъ, съ закрытыми вѣками, съ растянутымъ въ агоніи ртомъ, покрытый холоднымъ потомъ, который сестра Гіацинта отъ времени до времени вытирала полотенцемъ. Монахиня молчала и не тревожилась больше, вернувшись къ своей обычной ясности духа, уповая на небо, и только посматривала порою вдоль платформы, нейдетъ ли отецъ Массіасъ.

— Взгляни, Густавъ,—сказалъ Виньеронъ сыну,—это, должно быть, чахоточный.

Мальчикъ, изъѣденный золотухой, съ холоднымъ нарывомъ на бедрѣ, съ начинающимся омертвеніемъ позвоночника, повидимому, сильно заинтересовался этой агоніей. Ему не было страшно и онъ улыбался безконечно печальной улыбкой.

— О, какой ужасъ!—прошептала г-жа Шезъ, блѣднѣя при мысли о смерти, такъ какъ ей постоянно грозила опасность внезапно скончаться отъ паралича сердца.

— Ну, что жъ!—философскимъ тономъ произнесъ Виньеронъ,—каждому своя очередь, всѣ мы смертны.

Тутъ улыбка Густава приняла оттѣнокъ горькой иронія, какъ будто въ этихъ словахъ отца сквозило безсознательное желаніе, надежда, что старая тетка умретъ раньше его, что онъ

Digitized by Google

получитъ въ наслѣдство обѣщанные пятьсотъ тысячъ франковъ и перестанетъ быть въ тягость своей семьѣ.

— Поставь его на землю,—сказала мужу г-жа Виньеронъ.— Ему неловко, когда ты держишь его, обхвативъ за ноги.

И она засуетилась, осторожно опуская больнаго при помощи г-жи Шезъ, чтобы нечаянно не тряхнуть мальчика. Бѣдняжка требовалъ такого тщательнаго ухода! Родители каждую минуту боялись его лишиться. Отецъ предлагалъ усадить Густава пораньше въ купэ. И, пока женщины уносили его, онъ прибавилъ съ волненіемъ, снова обращаясь къ Пьеру:

— Ахъ, г-нъ аббатъ, еслибы Господь отнялъ его у насъ, съ нимъ ушла бы вся наша жизнь... Я не говорю уже о наслѣдствѣ тетки, которое перешло бы къ другимъ племянникамъ. А, не правда ли, вѣдь это было бы противъ природы: умри онъ раньше нея, въ особенности при плохомъ состояніи здоровья старушки... Впрочемъ, всѣ мы во власти провидѣнія и уповаемъ, что пресвятая Дѣва все устроитъ къ лучшему.

Наконецъ, г-жа де-Жонкьеръ, успокоенная докторомъ Ферраномъ, могла оставить Гривоттъ. Тѣмъ не менѣе она позаботилась сказать Пьеру:

— Я умираю съ голоду и бѣгу на минуту въ буфетъ... Но, прошу васъ, если кашель у больной опять возобновится, вызовите меня оттуда.

Въ буфетѣ, куда ей удалось съ трудомъ пробраться по платформѣ, г-жа де-Жонкьеръ наткнулась на другую суматоху. Состоятельные паломники осадили столы; въ особенности было много священниковъ, торопившихся утолить голодъ подъ звонъ ножей, вилокъ и посуды. Трое или четверо лакеевъ не успѣвали подавать, тѣмъ болѣе, что толпа мѣшала имъ, тѣснясь у прилавка, покупая фрукты, маленькіе хлѣбцы и тартинки съ холоднымъ мясомъ. Здѣсь, въ глубинѣ залы, за маленькимъ столикомъ расположились завтракать Реймонда съ г-жою Дезаньо и г-жею Вольмаръ.

— Ахъ, мама, наконецъ-то!—воскликнула дѣвушка.—А ужь я хотѣла снова бѣжать за тобою. Вѣдь надо же тебѣ поѣсть.

Она смѣялась съ большимъ оживленіемъ, въ восторгѣ отъ приключеній путешествія и отъ этого завтрака на скорую руку среди всеобщей суматохи.

— Постой! Вотъ я оставила тебѣ твою долю форели съ зе-

Digitized by Google

леным соусомъ, а тутъ тебя ожидаетъ котлетка... Мы сами ужь дошли до артишоковъ.

Компанія собралась премилая. Въ этомъ уголку пріютилось веселье, на которое пріятно было смотрѣть.

Молодая г-жа Дезаньо была въ особенности восхитительна. Нѣжная блондинка, съ желтоватыми, капризно вьющимися волосами, съ миньятюрнымъ личикомъ молочной бѣлизны, кругленькая, вся въ ямочкахъ, хохотунья и предобрая, эта женщина, вышедшая за богача, вотъ уже три года оставляла мужа въ Трувилѣ въ самый разгаръ купальнаго сезона, чтобы присоединиться къ національному паломничеству въ качествѣ дамы-попечительницы: ея глубокой страстью было трепетное состраданіе къ несчастнымъ, потребность отдаваться всей душой больнымъ въ продолженіе пяти дней, настоящій пиръ полнѣйшаго самопожертвованія, послѣ котораго она возвращалась разбитой и восхищенной. Единственное ея горе заключалось въ томъ, что она до сихъ поръ не имѣла дѣтей, и г-жа Дезаньо съ комическимъ паѳосомъ сожалѣла иногда, что не угадала раньше своего призванія сестры милосердія.

— Ахъ, моя дорогая,—съ живостью сказала она Реймондѣ,—не жалѣйте вашу матушку, что ей приходится возиться съ больными. По крайней мѣрѣ, это занимаетъ ее.

И, обратившись къ г-жѣ де-Жонкьеръ, г-жа Дезаньо продолжала:

— Еслибъ вы знали, какъ мы скучаемъ отъ бездѣлья въ нашемъ щегольскомъ купэ перваго класса! Нельзя даже заняться рукодѣльемъ, это запрещено... Я просила, чтобы меня помѣстили съ больными, но всѣ мѣста были уже розданы; мнѣ остается только постараться заснуть въ своемъ уголку эту ночь.

И, засмѣявшись, она прибавила:

— Не правда ли, г-жа Вольмаръ, вѣдь мы будемъ спать, потому что разговоръ, кажется, утомляетъ васъ?

Спрошенная была видная женщина, вѣроятно, лѣтъ за тридцать, сильная брюнетка, съ продолговатымъ лицомъ, съ тонкими осунувшимися чертами, ея большіе великолѣпные глаза такъ и горѣли, подергиваясь порою легкой, волнистой дымкой и какъ будто угасая. Г-жа Вольмаръ не поражала съ перваго взгляда красотою, но, по мѣрѣ того какъ въ нее вглядывались,

Digitized by Google

становилось жутко; она смущала, побѣдоносно овладѣвала человѣкомъ, заставляла желать себя съ тревожной страстностью. Впрочемъ, она старалась оставаться незамѣченной, держала себя скромно, стушевываясь, не выставляя на показъ своихъ достоинствъ, всегда въ черномъ и безо всякихъ драгоцѣнныхъ украшеній, хотя ея мужъ торговалъ брилліантами въ Парижѣ.

— О,—возразила она,—меня бы только не слишкомъ тормошили, я и тѣмъ довольна.

Дѣйствительно, г-жа Вольмаръ уже два раза ѣздила въ Лурдъ въ качествѣ помощницы сердобольныхъ дамъ и тамъ ее никогда не видали въ госпиталѣ Скорбящей Божіей Матери; она такъ уставала съ самаго пріѣзда, что, по ея словамъ, не могла выйти изъ комнаты.

Г-жа де-Жонкьеръ, директриса больничной палаты, выказывала ей, впрочемъ, самую любезную снисходительность.

— Ахъ, Боже... Мои бѣдные друзья, вамъ еще придется поработать! Усните хорошенько, если можете, а потомъ наступитъ ваша очередь, когда ужь я не буду въ силахъ держаться на ногахъ.

Затѣмъ она обратилась къ дочери:

— А тебѣ, милочка, совѣтую не слишкомъ суетиться, если ты хочешь, чтобъ голова у тебя была свѣжа.

Реймонда, улыбаясь, съ упрекомъ взглянула на мать.

— Мама, мама, зачѣмъ ты это говоришь?.. Ну, развѣ я не разсудительна?

Съ ея стороны, было излишнимъ хвалиться этимъ, потому что твердая воля, рѣшимость самой устроить свою судьбу свѣтились въ ея сѣрыхъ глазахъ подъ видомъ безпечной юности, довольной просто тѣмъ, что она живетъ.

— Правда, — созналась мать, немного сконфуженная,—у этой дѣвочки иногда больше разсудка, чѣмъ у меня... Постой, передай-ка мнѣ котлетку, увѣряю тебя, что я съѣмъ ее съ удовольствіемъ. Господи, какъ я проголодалась.

Завтракъ продолжался, оживляемый безпрестаннымъ смѣхомъ г-жи Дезаньо и Реймонды. Молодая дѣвушка развеселилась и ея лицо, уже слегка пожелтѣвшее отъ ожиданія супружества, стало румянымъ и свѣжимъ, какъ у двадцатилѣтней. Дамы торопились ѣсть, потому что оставалось только десять минутъ. Въ залѣ все усиливался смѣшанный гулъ голосовъ; пассажиры боялись, что не успѣютъ напиться кофе.

Digitized by Google

Между тѣмъ пришелъ Пьеръ: у Гривоттъ опять сдѣлался припадокъ удушья. Г-жа де Жонкьеръ доѣла артишокъ и пошла въ свой вагонъ, поцѣловавъ на прощанье дочь, которая шутливымъ тономъ пожелала ей добраго вечера. Священникъ едва удержалъ невольный жестъ удивленія при видѣ г-жи Вольмаръ съ краснымъ крестомъ сердобольныхъ дамъ на своемъ черномъ корсажѣ. Онъ ее зналъ, изрѣдка бывая еще у старой г-жи Вольмаръ, ея свекрови, старинной знакомой его покойной матери; то была ужаснѣйшая женщина, невыносимая ханжа, грубая и строгая до того, что она чуть не спускала шторъ на окнахъ, чтобы невѣстка не смѣла смотрѣть на улицу. И аббатъ зналъ, какія вещи творятся въ этомъ домѣ: молодую женщину заперли, какъ въ тюрьму, на другой же день свадьбы, и она жила между свекровью, которая наводила на нее ужасъ, и мужемъ, чудовищемъ самаго отталкивающаго безобразія, бѣшенымъ ревнивцемъ, доходившемъ до побоевъ, хотя самъ онъ имѣлъ въ то же время содержанокъ. Бѣдную затворницу отпускали только въ церковь. Однажды Пьеръ нечаянно открылъ ея тайну; онъ засталъ г-жу Вольмаръ позади церкви Троицы, торопливо разговаривавшей съ какимъ-то приличнымъ господиномъ изъ хорошаго общества: неизбѣжное паденіе и вполнѣ простительное, увлеченіе въ объятіяхъ скромнаго друга, подвернувшагося кстати; затаенная, пожирающая страсть, которой нельзя удовлетворить и которая пылаетъ огнемъ, свиданіе, стоившее множества ухищреній; его придется снова ожидать цѣлыя недѣли и имъ жадно пользуются при внезапной вспышкѣ желанія.

Она смутилась и протянула ему свою маленькую ручку, продолговатую и тепловатую.

— Ахъ, какая встрѣча, г-нъ аббатъ!.. Мы такъ давно не видались!

И г-жа Вольмаръ объяснила, что уже третій годъ ѣздитъ въ Лурдъ, такъ какъ свекровь заставила ее поступить въ общину Божіей Матери-Спасительницы.

— Удивительно, что вы не замѣтили ея на вокзалѣ; она привозитъ меня каждый разъ на поѣздъ и пріѣзжаетъ за мною по возвращеніи.

Это было сказано очень просто, но съ такимъ оттѣнкомъ скрытой иронiи, что навело Пьера на догадку. Онъ зналъ молодую г-жу Вольмаръ за женщину вовсе не набожную, кото-

Digitized by Google

рая ходила въ церковь лишь для того, чтобы воспользоваться отъ времени до времени свободнымъ часомъ, и ему вдругъ пришло на умъ, что въ Лурдѣ у нея условлено свиданіе. Вѣроятно, на встрѣчу страстно любимому человѣку такъ спѣшила она, стараясь стушеваться и внутренно пылая, со своими огненными глазами, которымъ молодая женщина нарочно придавала выраженіе полнаго равнодушія.

— Я, — сказалъ въ свою очередь аббатъ, — везу бѣдную больную дѣвушку, подругу дѣтства... Позвольте поручить ее вашимъ заботамъ, вы присмотрите за нею...

Тутъ г-жа Вольмаръ слегка покраснѣла и у Пьера исчезло послѣднее сомнѣніе. Реймонда тѣмъ временемъ сводила счеть, съ дѣловымъ видомъ молодой особы, которая знаетъ толкъ въ цифрахъ, а г-жа Дезаньо увела г-жу Вольмаръ. Лакеи суетились еще больше, метались, какъ угорѣлые; столики пустѣли, пассажиры бросились вонъ, заслышавъ звонокъ.

Пьеръ также спѣшилъ къ себѣ въ вагонъ, какъ вдругъ его опять остановили.

— Ахъ, г-нъ кюрэ!—воскликнулъ онъ.—Я видѣлъ васъ при отъѣздѣ, но не могъ подойти поздороваться.

И онъ протянулъ руку старому священнику, который, улыбаясь, смотрѣлъ на него съ видомъ славнаго малаго. Аббатъ Жюденъ былъ приходскимъ священникомъ въ Салиньи, маленькой сельской общинѣ въ департаментѣ Уазы. Высокій, видный, онъ имѣлъ широкое румяное лицо, обрамленное сѣдыми кудрями. Чувствовалось, что это святая душа, которую никогда не терзали ни плоть, ни умъ съ его запросами. Въ своей безмятежной невинности онъ вѣрилъ твердо, абсолютно, безо всякой борьбы, и то была безыскуственная вѣра дитяти, не вѣдающаго страстей. Съ тѣхъ поръ какъ Богоматерь исцѣлила его въ Лурдѣ отъ глазной болѣзни, совершивъ настоящее чудо, надѣлавшее много шума и заставившее говорить о себѣ до настоящаго времени, аббатъ еще болѣе утвердился въ своихъ вѣрованіяхъ, къ которымъ примѣшивалось теперь сердечное умиленіе и сладостное чувство благодарности.

— Я очень радъ, что вы съ нами, мой другъ, — тихонько сказалъ онъ:—молодымъ священникамъ полезны эти паломничества... Мнѣ говорили, что въ нихъ пробуждается иногда духъ непокорности. Но вы увидите, какъ эти бѣдные люди

Digitized by Google

прибѣгаютъ съ молитвой къ Богородицѣ; на нихъ нельзя смотрѣть безъ слезъ... Какъ не предать себя въ руки божіи передъ такой массой скорби, исцѣленной или утѣшенной!

Почтенный старикъ также сопровождалъ больную. Онъ указалъ на отдѣльное купэ перваго класса, гдѣ была вывѣшена карта съ надписью: *Г. аббатъ Жюденъ, занято.* И, понизивъ голосъ, кюрэ прибавилъ:

— Здѣсь ѣдетъ г-жа Дьелафэ,—знаете, жена крупнаго банкира? Ихъ замокъ, королевское жилище, находится въ моемъ приходѣ. Когда это семейство узнало, что пресвятая Дѣва удостоила меня своей великой милостью, то стало просить, чтобы я помолился за бѣдную больную. Я служилъ за нее обѣдню и давалъ пламенные обѣты... Вонъ видите: она тамъ на полу. Бѣдняжка непремѣнно захотѣла, чтобы ее вынесли на минуту, хотя внести ее обратно будетъ стоить большаго труда.

На платформѣ въ тѣни, дѣйствительно, лежала въ чемъ-то въ родѣ ящика молодая женщина, которой, судя по ея прекрасному лицу съ чистымъ овалomъ, съ великолѣпными глазами, можно было дать не болѣе двадцати-шести лѣтъ. Она страдала ужасной болѣзнью: потерей известковыхъ солей, что̀ влекло за собою размягченіе костнаго состава, медленное разрушеніе костей. Разрѣшившись три года назадъ мертвымъ ребенкомъ, г-жа Дьелафэ стала чувствовать неопредѣленныя боли въ позвоночникѣ. Потомъ мало по малу кости начали усыхать и искривляться, позвонки осѣдали, тазовыя кости сплющивались, кости рукъ и ногъ уменьшались, и, съеженная такимъ образомъ, точно растаявшая, она обратилась въ какой-то человѣческій лоскутъ, въ жидкую безымянную вещь, которую нельзя было поставить на ноги и которую переносили съ безконечными предосторожностями, изъ боязни, что она уйдетъ сквозь пальцы. Голова сохраняла свою красоту, голова неподвижная, съ отупѣвшимъ глупымъ лицомъ. И, передъ этимъ жалкимъ остаткомъ женщины, что̀ еще больнѣе сжимало сердце, такъ это изысканная роскошь, окружавшая ее—этотъ ящикъ, обитый внутри голубымъ шолкомъ, дорогія кружева, которыми была она покрыта, чепчикъ изъ валансьенскихъ кружевъ на волосахъ,—богатство, простиравшееся даже на агонію.

— Ахъ, какая жалость!—снова заговорилъ вполголоса аббатъ Жюденъ. — Подумайте только: такая молодая, хорошень-

Digitized by Google

кая и съ милліонами въ карманѣ! И еслибъ только вы знали, какъ она была любима, какъ боготворитъ ее мужъ даже и теперь!.. Это онъ, высокій мужчина, стоящій возлѣ нея, а вотъ сестра г-жи Дьелафэ, г-жа Жуссёръ, такая элегантная дама.

Пьеру припомнилось, что онъ не разъ встрѣчалъ въ газетахъ фамилію г-жи Жуссёръ, супруги дипломата, игравшей видную роль въ высшемъ католическомъ обществѣ Парижа. Въ свѣтѣ ходили даже слухи объ одномъ страстномъ увлеченіи этой особы, съ которымъ она боролась и побѣдила его. Очень хорошенькая, она была одѣта съ самой изысканной простотой, и съ беззавѣтной преданностью хлопотала вокругъ своей жалкой сестры. Что касается мужа, въ тридцать пять лѣтъ получившаго недавно въ наслѣдство банкирскій домъ своего отца съ колоссальными оборотами, то онъ былъ красивый мужчина съ бѣлымъ румянымъ лицомъ, одѣтый крайне тщательно, въ черномъ сюртукѣ; но его глаза были полны слезъ, такъ какъ онъ обожалъ свою жену. Ему вздумалось свозить ее въ Лурдъ и онъ бросилъ всѣ дѣла, возлагая послѣднюю надежду на это воззваніе къ божественному милосердію.

Вообще съ самаго утра Пьеръ видѣлъ множество ужасныхъ страданій на этомъ скорбномъ бѣломъ поѣздѣ. И, однако, ни одно изъ нихъ не подѣйствовало на него такъ сильно, какъ видъ этого женскаго скелета, разжижавшагося посреди ея кружевъ и милліоновъ.

— Несчастная!—прошепталъ онъ, содрогаясь.

Но аббатъ Жюденъ сдѣлалъ жестъ, выражавшій непоколебимую надежду.

— Пресвятая Дѣва исцѣлитъ ее, я такъ усердно молилъ Владычицу небесную!

Тутъ опять отчаянно зазвонилъ звонокъ, на этотъ разъ уже возвѣщавшій отбытіе поѣзда. Оставалось всего двѣ минуты. Произошла послѣдняя суета; люди возвращались съ ѣдой, завернутой въ бумагу, съ бутылками и кувшинами, наполненными у водоема. Многіе растерялись, не находя своего вагона, и бѣжали безъ памяти по платформѣ вдоль поѣзда, между тѣмъ какъ больные тащились подъ учащенное постукиванье костылей, а другіе, ходившіе съ трудомъ, старались ускорить шагъ, подъ руку съ сердобольными дамами-попечительницами. Четверо мужчинъ съ величайшими усиліями втаскивали г-жу

Digitized by Google

Дьелафэ въ отдѣльное купэ перваго класса. Виньероны, довольствовавшіеся путешествіемъ въ второмъ классѣ, уже устроились у себя, посреди страшной груды корзинокъ, ящиковъ, чемодановъ, едва позволявшихъ маленькому Густаву вытянуть свои бѣдные члены насѣкомаго-недоноска. Затѣмъ появились всѣ: г-жа Мазъ, скользившая со своимъ молчаливымъ видомъ, г-жа Венсанъ, держа на вѣсу свою дорогую дочку и каждую минуту опасаясь, что та вскрикнетъ отъ боли; г-жа Ветю, которую приходилось толкать, предварительно заставивъ очнуться отъ оцѣпененія ея невыносимой пытки; Элиза Рукэ, вся измокшая изъ-за того, что непремѣнно хотѣла напиться у водоема, и продолжавшая еще вытирать свое чудовищное лицо. И, пока всѣ усаживались по своимъ мѣстамъ, водворяясь снова въ этомъ вагонѣ, набитомъ биткомъ, Мари слушала своего отца, который былъ въ восторгѣ отъ прогулки на самый конецъ станціи, до будки стрѣлочника, откуда открывался великолѣпный видъ.

— Не хотите ли снова лечь?—спросилъ Пьеръ, котораго приводило въ отчаяніе страдальческое лицо больной.

— О, нѣтъ, нѣтъ, не сейчасъ!—отвѣчала та.—Я успѣю еще наслушаться грохота колесъ, который отзывается у меня въ головѣ, точно они ломаютъ мнѣ кости.

Сестра Гіацинта упросила Феррана еще разъ осмотрѣть незнакомаго пассажира, прежде чѣмъ вернуться въ буфетное отдѣленіе поѣзда. Она все поджидала отца Массіаса, удивляясь такому необъяснимому замедленію. Однако она не отчаивалась, потому что сестра Клэръ-Дезанжъ все еще не возвращалась.

— Г-нъ Ферранъ, прошу васъ, скажите: дѣйствительно ли этому несчастному такъ плохо?

Молодой врачъ снова посмотрѣлъ на паціента, послушалъ его, пощупалъ. Потомъ онъ сдѣлалъ унылый жестъ и прошепталъ:

— По моему, вамъ не довезти его живымъ до Лурда.

Всѣ головы съ тревогой потянулись въ ихъ сторону. Хоть бы узнать, по крайней мѣрѣ, имя этого человѣка, кто онъ и откуда! Неужели такъ никто и не добьется ни слова отъ этого жалкаго бѣдняка, и онъ умретъ здѣсь въ вагонѣ, неузнанный никѣмъ?

Сестрѣ Гіацинтѣ пришло въ голову обыскать его. При настоящихъ обстоятельствахъ, тутъ не было ничего предосудительнаго.

Digitized by Google

— Г-нъ Ферранъ, осмотрите его карманы.

Докторъ осторожно обшарилъ умирающаго, но въ карманахъ пассажира оказались только четки, ножъ и три су. Такъ объ немъ и не узнали ничего больше.

Чей-то голосъ въ эту минуту сообщилъ о приходѣ сестры Клэръ-Дезанжъ и отца Массіаса. Послѣдній просто заговорился въ пассажирской залѣ съ приходскимъ священникомъ изъ церкви св. Радегонды. Присутствующіе взволновались; съ минуту казалось, что все еще поправимо. Но поѣздъ собирался отходить; кондуктора захлопывали уже дверцы; надо было совершать обрядъ соборованія на скорую руку, чтобы не произошло слишкомъ значительной задержки.

— Сюда, почтенный отецъ!—кричала сестра Гіацинта.— Да, да, входите, нашъ бѣдный больной тутъ.

Отецъ Массіасъ, пятью годами старше Пьера, хотя они одновременно учились въ семинаріи, былъ высокій, худой мужчина съ лицомъ аскета, обрамленнымъ тусклою бородой, съ глазами, блестѣвшими огнемъ. То не былъ священникъ, сокрушенный сомнѣніемъ, ни служитель алтаря съ дѣтскою вѣрой, но апостолъ, увлекаемый страстью, вѣчно готовый бороться и побѣждать единственно во славу пресвятой Дѣвы. Подъ своею черной пелериной съ большимъ капюшономъ, въ мягкой шляпѣ съ широкими полями, онъ сіялъ вѣчнымъ пыломъ битвы.

Отецъ Массіасъ тотчасъ вынулъ изъ кармана серебряный ковчежецъ со священнымъ елеемъ. И церемонія началась подъ послѣднее хлопанье дверецъ, подъ топотъ ногъ запоздалыхъ пассажировъ, тогда какъ начальникъ станціи тревожно поглядывалъ на стѣнные часы, сознавая необходимость дать нѣсколько минутъ отсрочки.

— *Credo in unum Deum...* [1])—торопливо бормоталъ священникъ.

— *Amen* [2]) — отвѣчала сестра Гіацинта и съ нею весь вагонъ.

Кто могъ, сталъ на колѣни на скамейкахъ. Другіе складывали руки, учащенно крестились, и когда за чтеніемъ молитвъ послѣдовали положенныя по уставу литаніи,—возвысились поющіе голоса и пламенная мольба вознеслась вмѣстѣ съ

[1]) Вѣрую во единаго Бога...

[2]) Аминь.

Digitized by Google

Kyrie eleison объ отпущеніи грѣховъ, о тѣлесномъ и духовномъ исцѣленіи страждущаго. Да будетъ прощена ему вся его, неизвѣстная имъ, жизнь; да внидетъ онъ, невѣдомый и торжествующій, въ царствіе божіе!

— *Christe, exaudi nos* [1]).

— *Ora pro nobis, sancta Dei genitrix* [2]).

Отецъ Массіасъ вынулъ серебряную иглу, на концѣ которой дрожала капелька священнаго елея. Впопыхахъ, среди напряженнаго ожиданія цѣлаго поѣзда, когда головы удивленныхъ людей высовывались изъ дверецъ, онъ не могъ и думать о томъ, чтобы совершить обычное помазаніе на различныхъ органахъ внѣшнихъ чувствъ, служащихъ вратами для проникновенія зла. Правило позволяло ему въ крайнемъ случаѣ ограничиться однимъ помазаніемъ, и онъ произвелъ его на губахъ страдальца, этихъ мертвенно-блѣдныхъ, полураскрытыхъ губахъ, откуда едва вылетало слабое дыханіе, тогда какъ лицо съ закрытыми вѣками, какъ будто уже стушевалось, возвратившись къ персти земной.

— *Per istam sanctam unctionem et suam piissimam misericordiam, indulgeat tibi Dominus quidquid per visum, auditum, adoratum, gustum, tactum deliquisti* [3]).

Заключеніе церемоніи затерялось въ суматохѣ отъѣзда. Священникъ едва успѣлъ стереть каплю елея клочкомъ ваты, которую сестра Гіацинта держала наготовѣ. Массіасъ былъ принужденъ выйти изъ вагона и спѣшить къ своему, приводя въ порядокъ на ходу серебряный ковчежецъ, между тѣмъ какъ присутствующіе доканчивали пѣть финальную молитву.

— Мы не можемъ дольше ждать, это невозможно!—повторялъ суетившійся начальникъ станціи.—Поторопитесь, прошу васъ, поторопитесь!

Наконецъ, поѣздъ былъ готовъ двинуться въ путь. Пассажиры снова усаживались, размѣщаясь по своимъ уголкамъ. Г-жа де Жонкьеръ, которую по прежнему безпокоило состояніе Гривоттъ, перемѣнила мѣсто, пересѣвъ къ ней поближе,

---

[1]) Христе, услыши насъ.

[2]) Моли о насъ, Матерь Божія.

[3]) Черезъ сіе святое помазаніе и по всесильному милосердію, прощаетъ тебя Господь, въ чемъ бы ты ни согрѣшилъ—зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ.

Digitized by Google

напротивъ Сабатье, который ждалъ конца пути, безропотный и молчаливый. Сестра Гіацинта не вернулась въ свое отдѣленіе, рѣшившись остаться возлѣ человѣка въ агоніи, чтобы слѣдить и ухаживать за нимъ, тѣмъ болѣе, что тутъ она была ближе и къ брату Изидору, съ которымъ Марта не знала, что̀ дѣлать. А Мари блѣднѣла, заранѣе ощущая въ своемъ изможденномъ тѣлѣ толчки, отдававшіеся у нея внутри, еще прежде, чѣмъ поѣздъ двинулся дальше подъ гнетущимъ, какъ свинецъ, солнечнымъ зноемъ, таща свой грузъ больныхъ въ духотѣ и зараженномъ воздухѣ накалившихся вагоновъ.

Раздался пронзительный свистокъ, машина запыхтѣла и сестра Гіацинта поднялась, чтобы сказать:

— *Magnificat*, дѣти мои!

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Высочайше учрежденная комисія для пересмотра дѣйствующихъ правилъ по судебной части.—Мотивы пересмотра судебныхъ уставовъ:—объединеніе частичныхъ исправленій и дополненій судебнаго законодательства, устраненіе частныхъ несовершенствъ и пробѣловъ, и необходимость улучшенія нашей юстиціи.—Двѣ рѣчи министра юстиціи Н. В. Муравьева, сказанныя имъ при открытіи новаго суда въ олонецкой губерніи и при началѣ засѣданій судебной комисіи.—Основные принципы судебныхъ уставовъ.—Какія положенія министръ юстиціи считаетъ главными устоями правосудія. — Планъ предстоящихъ комисіи занятій и перечень тѣхъ практическихъ вопросовъ, которые намѣчены судебною практикой.—Высокое значеніе комисіи Н. В. Муравьева.—Враги «судебной реформы» и несостоятельность ихъ нападокъ.—Предстоящая реформа крестьянскаго банка.—Обзоръ дѣятельности банка и недостатки его устава.—Основная цѣль банка.—Крестьянскій банкъ не можетъ руководствоваться пріемами частныхъ банковъ, но долженъ имѣть въ виду народное благо. — Двѣ разнородныя функціи банка должны быть распредѣлены между двумя различными вѣдомствами.

По всеподданнѣйшему докладу г. министра юстиціи, 7-го апрѣля текущаго года, высочайше повелѣно образовать при министерствѣ юстиціи особую комисію, подъ предсѣдательствомъ министра, для пересмотра дѣйствующихъ правилъ по судебной части. Въ составъ комисіи вошли: товарищъ министра юстиціи, управляющій межевою частью, нѣсколько сенаторовъ, высочайше назначенныхъ, директоры обоихъ департаментовъ министерства юстиціи, оберъ-прокуроры 1-го, 3-го, а равно и уголовнаго, гражданскаго и общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, два члена консультаціи, учрежденной при министерствѣ юстиціи, по избранію министра, и по 2 представителя отъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, отъ государственной канцеляріи, по выбору подлежащихъ министровъ и государственнаго секретаря. Кромѣ того, предсѣдателю комисіи предоставлено: 1) приглашать въ составъ ея, на правахъ членовъ, всѣхъ тѣхъ лицъ, участіе которыхъ въ трудахъ комисіи будетъ признано полезнымъ по ихъ служебному положенію, научнымъ знаніямъ или практической опытности; 2) образовывать въ составѣ комисіи особыя подкомисіи или отдѣлы, для разработки отдѣльныхъ вопросовъ или частей судебнаго законодательства,

Digitized by Google

и назначать предсѣдателей и членовъ этихъ подкомисій; 3) возлагать, въ случаѣ надобности, предсѣдательствованіе въ комисіи на одного изъ постоянныхъ ея членовъ, по своему усмотрѣнію, и 4) принимать всѣ тѣ мѣры по собранію матеріаловъ и выясненію вопросовъ, которые онъ признаетъ необходимыми для успѣшнаго хода трудовъ комисіи.

Въ правительственномъ сообщеніи объ образованіи комисіи для пересмотра судебныхъ уставовъ, необходимость такого пересмотра мотивируется тѣмъ, что «въ теченіе почти 30-лѣтняго дѣйствія высочайше утвержденныхъ, 20 ноября 1864 г., судебныхъ уставовъ неоднократно были издаваемы многія отдѣльныя законоположенія, частью въ дополненіе уставовъ, а частью въ видахъ исправленія нѣкоторыхъ недостатковъ, выяснившихся на практикѣ. Означенныя исправленія и дополненія существенно видоизмѣнили судебный строй, первоначально введенный уставами, и при этомъ, не будучи между собою согласованы, образовали также наслоеніе неоднородныхъ судебныхъ порядковъ, что, въ свою очередь, привело къ ихъ излишней пестротѣ и сложности, въ особенности по отношенію къ подсудности, обжалованію приговоровъ и рѣшеній, и проч. Наряду съ симъ, примѣненіе новаго судебнаго законодательства, при всей настоятельности и высокомъ достоинствѣ произведеннаго имъ преобразованія, постепенно обнаружило въ этомъ послѣднемъ рядъ частныхъ несовершенствъ и пробѣловъ, не всегда соотвѣтствующихъ стремленію законодателя укрѣпить повсюду въ судебныхъ дѣлахъ строгое соблюденіе законности и справедливости, и повсемѣстно утвердить въ имперіи правильное и скорое отправленіе правосудія.

Въ виду всего этого, теперь «представляется необходимымъ и своевременнымъ — отъ частичныхъ измѣненій въ судебной области перейти не только къ объединенію тѣхъ изъ нихъ, которыя уже послѣдовали, но и къ всестороннему выясненію и разработкѣ предположеній о томъ, что еще надлежало бы сдѣлать съ цѣлью улучшенія нашей юстиціи и приведенія ея въ болѣе стройное и единообразное положеніе, одинаково обезпечивающее какъ важнѣйшіе интересы государственнаго порядка и общественнаго благоустройства, такъ и законныя права отдѣльныхъ лицъ. Задачи эти могутъ быть успѣшно осуществлены единственно путемъ полнаго и систематическаго пересмотра дѣйствующихъ правилъ о судебной части, предпринятаго по общему плану и руководящимъ началамъ, въ составъ котораго должно войти, съ одной стороны, сохраненіе и развитіе всего дѣйствительно полезнаго, а съ другой—видоизмѣненіе или устраненіе всего, не оправданнаго жизнью».

Кромѣ этого правительственнаго сообщенія о предстоящемъ пересмотрѣ законовъ по судебной части, имѣются еще два источника, по которымъ мы можемъ до нѣкоторой степени судить о направленіи предстоящихъ работъ—это двѣ рѣчи министра юстиціи: при открытіи имъ новаго суда въ олонецкой губерніи, и въ началѣ засѣданій высочайше учрежденной комисіи для пересмотра судебныхъ уставовъ. Болѣе же подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ мы получимъ изъ обѣщанныхъ правительствомъ сообщеній о ходѣ работъ означенной комисіи. Обращаясь къ названнымъ выше рѣчамъ

Digitized by Google

министра юстиціи, мы находимъ, что нашъ министръ ясно высказался за сохраненіе основъ новыхъ судебныхъ учрежденій, говоря, что «правда и милость, не чуждыя и прежнему судоустройству и судопроизводству, только въ новомъ получаютъ дѣйствительную силу—руководить примѣненіемъ закона въ дѣлахъ судебныхъ; *только новые судебные уставы даютъ этимъ началамъ необходимый для нихъ просторъ*». Основные принципы судебныхъ уставовъ, оставшіеся неизмѣнными, по мнѣнію министра юстиціи, среди развитія и движенія судебной жизни, уцѣлѣвшіе при всевозможныхъ перемѣнахъ, составляютъ прочный фундаментъ всякаго правильнаго суда, и при нихъ можно поручиться за то, что судебная истина будетъ обнаружена, что законъ будетъ точно примѣненъ и что каждый изъ судящихся получитъ по заслугамъ. Эти основные принципы судебныхъ уставовъ, «выдержавшіе испытаніе жизни и вышедшіе изъ него если не съ побѣдою, то съ правомъ на дальнѣйшее существованіе, доказали свою жизнеспособность и практическую пригодность, и убѣдили всѣхъ, что они не зависятъ отъ какихъ либо тенденцій, отъ преходящихъ вѣяній или теченій, а составляютъ необходимую принадлежность правомѣрнаго суда». Такими *устоями правосудія* министръ юстиціи считаетъ слѣдующія 10 положеній:

1) *Судъ долженъ быть устный* или непосредственный, т. е. судья долженъ лично видѣть и слышать судящихся, а не судить по однѣмъ бумагамъ. 2) *Судъ долженъ быть гласный*, т. е. общество должно знать, что дѣлается въ судѣ и какъ творится правосудіе. 3) *Судъ долженъ быть состязательный*, т. е. стороны,—обвинитель и обвиняемый, истецъ и отвѣтчикъ,—должны быть противопоставлены другъ другу для того, чтобы изъ ихъ противоположныхъ утвержденій выяснилась истина во всей ея полнотѣ. 4) *Судъ долженъ быть* государственный, правительственный и вмѣстѣ *независимый* отъ постороннихъ вліяній и давленій, такъ чтобы судья могъ исполнять свою обязанность, *ничего не опасаясь, не руководствуясь и не стѣсняясь ничѣмъ инымъ, кромѣ закона, совѣсти и фактовъ*. 5) Судебный дѣятель долженъ обладать извѣстнымъ цензомъ — нравственнымъ, образовательнымъ и практическимъ—т. е. быть лицомъ во всѣхъ отношеніяхъ благонадежнымъ и подготовленнымъ къ отправленію суда. 6) *Судъ долженъ производиться* хотя и правительственными должностными лицами, но *не безъ незамѣннаго въ извѣстныхъ случаяхъ участія общественнаго элемента* въ лицѣ обывателей, которые несутъ государственную повинность содѣйствовать правосудію въ качествѣ *современныхъ судей*,—*присяжныхъ засѣдателей*,—понятыхъ и свидѣтелей. 7) *Судъ долженъ производиться* на основаніи оцѣнки доказательствъ, но не по предустановленной формальной ихъ теоріи, а по разумному и въ то *же время свободному внутреннему убѣжденію совѣсти*. 8) Государство, олицетворяемое правительствомъ, должно имѣть въ судѣ своего особаго представителя или агента, въ лицѣ прокурора—блюстителя законности и органа публичнаго преслѣдованія преступленій. 9) Отдѣльная личность гражданина, обывателя, должна пользоваться предъ судомъ такимъ положеніемъ, которое вполнѣ ограждало бы

Digitized by Google

ея законныя права. 10) Судъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы на первой—мѣстной—его ступени находились органы, близкіе къ народу и ему доступные; чтобы затѣмъ другія—общія—инстанціи были сильны не количествомъ, а качествомъ своей организаціи, и чтобы на вершинѣ судебной іерархіи стоялъ правительствующій сенатъ, какъ верховный судъ, прямо подвѣдомственный высочайшей власти.

Ставя передъ комисіею, отъ которой въ значительной степени зависятъ дальнѣйшія судьбы русскаго правосудія, задачу систематическаго пересмотра законоположеній по судебной части, въ видахъ ея объединенія и улучшенія, нашъ министръ юстиціи считаетъ вышеприведенныя положенія тѣми краеугольными камнями, на которыхъ должна и можетъ быть основана перестройка зданія судебныхъ уставовъ. «Въ перечисленныхъ положеніяхъ—говорится въ рѣчи Н. В. Муравьева — уже давно нѣтъ, а въ нѣкоторыхъ и никогда не было ничего отвлеченнаго, теоретическаго, навѣяннаго, подражательнаго. Они составляютъ средній и, повидимому, безспорный итогъ всего того, до чего додумалось человѣчество въ сферѣ правосудія; они, кромѣ того, *уже успѣли войти въ плоть и кровь страны*, сдѣлались привычнымъ и дорогимъ достояніемъ нашего народа; *они образуютъ охранительный, консервативный, если такъ можно выразиться, элементъ нашихъ судебныхъ порядковъ*. (Интересно сопоставить это вѣское заявленіе г. министра юстиціи съ легкомысленными навѣтами якобы «консервативныхъ» газетъ, утверждающихъ, что судебные уставы внесли въ нашу жизнь революціонныя начала). Форма, способъ, даже размѣры ихъ примѣненій могутъ измѣняться, но *ихъ наличность, сущность, духъ должны остаться неприкосновенными*, и въ этомъ заключается цѣнное преемство, завѣщанное нашими, много для Россіи потрудившимися, предмѣстниками».

Такимъ образомъ, нашъ министръ юстиціи считаетъ основами правосудія: устность, гласность, независимость суда и участіе въ немъ общественныхъ элементовъ. Это авторитетное и рѣшительное провозглашеніе достоинствъ судебныхъ уставовъ является весьма отраднымъ фактомъ современной жизни, такъ какъ, по справедливому замѣчанію одной газеты, офиціальное признаніе хотя бы одного суда общественной совѣсти въ числѣ «основъ правосудія» является первымъ послѣ появленія судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года. Изъ всего этого слѣдуетъ, что основы судебнаго законодательства, принятыя въ уставахъ Александра II, будутъ сохранены и при ихъ пересмотрѣ, т. е. явятся твердой почвой для дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія нашей судебной части.

Мы старались выше охарактеризовать значеніе основныхъ началъ судебныхъ уставовъ, приводя авторитетное мнѣніе самого Н. В. Муравьева; переходя же теперь къ опредѣленію характера тѣхъ измѣненій, которымъ подвергались уставы въ теченіе 28-лѣтняго ихъ существованія, постараемся уяснить себѣ взглядъ нашего министра юстиціи и на этотъ предметъ. Послѣ талантливой и вѣрной характеристики принциповъ судебной реформы 1864 года, Н. В. Муравьевъ въ своей рѣчи говоритъ, что «послѣдующія новеллы видо-

Digitized by Google

измѣняли и ограничивали, *но не поколебали и тѣмъ болѣе не уничтожили* основныхъ началъ судебныхъ уставовъ, точно также, какъ изъ тѣхъ началъ вытекаютъ и вокругъ нихъ группируются или, по меньшей мѣрѣ, *отнюдь не исключаютъ ихъ*—назрѣвшія потребности современной дѣйствительности». Обозрѣвая около 700 дополнительныхъ узаконеній по судебной части, изданныхъ послѣ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года; до 12 различныхъ, на пространствѣ имперіи, судоустройственныхъ и судопроизводственныхъ порядковъ; до 9 разныхъ типовъ одной мѣстной юстиціи, Н. В. Муравьевъ считаетъ нужнымъ объединить и согласовать между собою разрозненныя и разнородныя, иногда другъ другу противорѣчащія, учрежденія и правила судебной части. Эти пестроты въ строѣ различныхъ судебныхъ учрежденій нашъ министръ считаетъ совершенно ненормальными и свидѣтельствующими о нарушеніи всякой системы и о полномъ недостаткѣ единства, а потому и громко требующими упорядоченія. Затѣмъ, переходя къ обзору мѣръ, долженствующихъ упорядочить нашу юстицію, Н. В. Муравьевъ проводитъ тотъ взглядъ, что въ судебныхъ уставахъ правительство снабжено *недостаточно сильными и дѣйствительными средствами* немедленно устранять изъ судебнаго вѣдомства всякій безпорядокъ при первыхъ его признакахъ, такъ что *независимость суда и самостоятельность судей оказались у насъ не согласованными съ коренными основами нашего государственнаго права.* Эти коренныя основы нашего государственнаго права, по словамъ министра юстиціи, заключаются въ томъ, «что и судьи, наравнѣ со всѣми вѣрноподданными слугами отечества, подлежатъ въ томъ или иномъ направленіи дѣйствію непосредственнаго усмотрѣнія самодержавной верховной власти и что, *вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство должно всегда имѣть возможность быстро водворить въ судѣ нарушенный порядокъ или избавиться отъ недостойныхъ дѣятелей*».

Изъ всего вышеизложеннаго можно сдѣлать два вывода: во-первыхъ, какъ послѣдующія «новеллы», такъ и «назрѣвшія потребности» современной дѣйствительности, могли и впредь могутъ, пожалуй, не только поколебать, но фактически совсѣмъ уничтожить даже основныя начала судебныхъ уставовъ Александра II,—какъ напримѣръ, полную и совершенную независимость судей отъ администраціи,—и, во-вторыхъ, есть, должно быть, какое-то другое болѣе дѣйствительное, чѣмъ судъ и законъ, средство—немедленно устранять изъ судебнаго вѣдомства всякій безпорядокъ. Что независимость суда является однимъ изъ главныхъ устоевъ судебныхъ уставовъ, это видно изъ слѣдующихъ словъ бывшаго государственнаго секретаря В. П. Буткова: «Если, при дальнѣйшемъ направленіи дѣла и при необходимомъ, по указаніямъ опыта, исправленіи уставовъ со временемъ, будутъ тщательно сохраняемы начала, преподанныя «основнымъ положеніемъ», и если притомъ *судебная власть будетъ поставлена въ полную и совершенную независимость отъ административной*, то успѣхъ предпринятой у насъ судебной реформы едва ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію». Между тѣмъ, у насъ въ настоящее время нанесенъ уже серьезный ущербъ принципу

Digitized by Google

судейской независимости, такъ что періодъ частичныхъ передѣлокъ судебныхъ уставовъ внесъ въ эти послѣдніе не простую пестроту, а начала, прямо противорѣчащія основнымъ принципамъ судебной реформы 1864 года. Съ другой стороны, коренныя начала нашего, какъ и всякаго другаго, государственнаго права опредѣляются основными законами, законы же охраняются судомъ, — слѣдовательно, поскольку дѣятельность представителей судебнаго вѣдомства не согласуется съ этимъ закономъ, она влечетъ *законную* же отвѣтственность, и судъ въ этомъ случаѣ является не только наиболѣе дѣйствительнымъ, сильнымъ, но и единственно желательнымъ средствомъ—немедленно устранять изъ судебнаго вѣдомства всякій безпорядокъ. Но если считать эти гарантіи недостаточными для охраненія коренныхъ основъ нашего государственнаго права и требовать предоставленія администраціи возможности быстро водворять въ судѣ нарушенный порядокъ или избавляться отъ недостойныхъ дѣятелей, то это значитъ допускать прямую зависимость суда отъ администраціи. По словамъ Н. В. Муравьева, независимость суда и самостоятельность судей по судебнымъ уставамъ оказались несоотвѣтствующими не только праву администраціи смѣнять судей по собственному усмотрѣнію, но и прерогативамъ верховной власти. Позволительно, однако, спросить:—«развѣ *принципъ независимости судей* отъ произвола администраціи внесенъ въ нашу жизнь путемъ уличнаго бунта, а *не установленъ по прямому предначертанію самой верховной власти*, и развѣ не эта же власть признала за благо, во имя высшей христіанской справедливости, открыто провозгласить *равенство всѣхъ передъ закономъ*, въ дополненіе къ прежде возвѣщенной ею же *отмѣнѣ порабощенія одного человѣка другимъ*? Если же изъяномъ для верховной власти мы будемъ считать всякую заботу ея о возвышеніи нравственной личности своихъ подданныхъ, объ укрѣпленіи и воспитаніи въ народѣ понятій о правѣ и правомѣрномъ порядкѣ, о защитѣ священныхъ правъ и обязанностей человѣка и гражданина уздою закона, равно обязательнаго и для сильныхъ, и для слабыхъ,—то слѣдовало бы признать таковымъ изъяномъ и уничтоженіе опричнины, и отмѣну рабства вмѣстѣ съ тѣлесными наказаніями, и отказъ верховной власти отъ конфискаціи въ ея пользу имуществъ государственныхъ преступниковъ; словомъ, все то, въ чемъ выражался, на протяженіи нашей многовѣковой исторіи, умственный и нравственный ростъ народа; все то, *что̀ служило къ скрѣпленію, а не къ расторженію солидарности и духовнаго единенія между властью и народомъ*». (*«Наблюдатель»*: «Наши внутрен. дѣла», 1885 г., № 6). Такимъ образомъ, судебные уставы предоставляютъ возможность смѣнять судей по суду же, какъ и вообще преслѣдовать кого бы то ни было, но если этой мѣры оказывается недостаточно, то остается лишь «административное усмотрѣніе»:—между этими двумя средствами нѣтъ ничего общаго и они исключаютъ другъ друга. Принципъ независимости суда отъ административнаго произвола, созданный великой судебной реформой, подвергался въ началѣ существеннымъ ограниченіямъ, а потомъ и совсѣмъ былъ поколебленъ въ нашемъ судебномъ законодательствѣ, между тѣмъ какъ

Digitized by Google

въ государственномъ совѣтѣ было высказано слѣдующее сильное соображеніе въ пользу этой независимости: «Самостоятельность судей, избранныхъ съ осмотрительностью, есть, безъ всякаго сомнѣнія, *одно изъ надежныхъ ручательствъ въ правильности совершенія правосудія, а потому и одно изъ главныхъ условій хорошаго судоустройства.* Дѣла судебнаго вѣдомства касаются важнѣйшихъ интересовъ частныхъ лицъ: ихъ гражданской жизни, чести и достоянія; въ дѣлахъ этого рода могутъ быть нерѣдко заинтересованы, — или непосредственно, или въ качествѣ покровителей подсудимыхъ и тяжущихся, — лица, сильныя по своему положенію въ обществѣ (т. е., между прочимъ, и лица, занимающія важные административные посты); поэтому судьи должны быть поставлены въ положеніе сколько возможно болѣе независимое». Мало этого: государственный совѣтъ считалъ возможнымъ послѣдовательное проведеніе начала независимости суда отъ административной власти лишь съ отмѣною крѣпостнаго права, такъ какъ, по мнѣнію государственнаго совѣта, *«смѣшеніе властей, начиная отъ станового пристава и до министра, было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостнаго права»*.

«Пересмотръ обширнаго судебнаго законодательства,—по мнѣнію министра юстиціи,—заключаетъ въ себѣ три момента, явственно-отдѣленные другъ отъ друга временемъ, пространствомъ и характеромъ. Это, во-первыхъ,—судебные уставы въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли 20 ноября 1864 г. изъ рукъ державнаго законодателя и были введены въ дѣйствіе въ 1866 году; во-вторыхъ,—всѣ дополненія и измѣненія въ уставахъ, послѣдовавшія за 28 лѣтъ, съ 1866 по 1-е января 1894 года, и, въ третьихъ, — главнѣйшіе вопросы судебнаго строя и судебной части, выдвинутые практикою, но не получившіе еще законодательнаго разрѣшенія, котораго, однако же, настойчиво требуетъ ихъ выдающееся государственное, общественное или даже просто судебно-техническое значеніе».

Переходя къ выясненію тѣхъ несовершенствъ существующаго судебнаго порядка, которыя послужили поводомъ къ пересмотру судебныхъ законовъ, Н. В. Муравьевъ съ замѣчательной полнотой указалъ на всѣ вопросы, выдвинутые жизнью и ожидающіе разрѣшенія; и такимъ образомъ довольно ясно и опредѣленно выяснилъ объемъ работъ, предстоящихъ комисіи. Къ числу необходимыхъ улучшеній судебной части министръ юстиціи относитъ устраненіе существующей пестроты судебныхъ учрежденій и порядковъ, между собою разрозненныхъ и разнородныхъ, часто другъ другу противорѣчащихъ; затѣмъ—упрощеніе, ускореніе и удешевленіе судопроизводства, увеличеніе матеріальнаго обезпеченія судей, преобразованіе сыскной, слѣдственной и обвинительной части, усиленіе самодѣятельности гражданскаго суда и пр.

Рѣчь нынѣшняго министра юстиціи Н. В. Муравьева, сказанная имъ при открытіи засѣданій высочайше учрежденной комисіи для пересмотра законоположеній по судебной части, 30 апрѣля 1894 года, производитъ въ общемъ самое отрадное впечатлѣніе. Оно и не удивительно: Н. В. Муравьевъ воспитывался въ университетѣ въ то самое время, когда «судебные уставы» были дѣйствительными устоями общественно-государственной жизни, и поэтому нѣтъ ни-

Digitized by Google

чего страннаго въ томъ, если онъ окажется защитникомъ тѣхъ основныхъ принциповъ, которые составляютъ духъ уставовъ, если онъ постоитъ за эти «устои», т. е. за самостоятельность и независимость нашего гласнаго, равнаго для всѣхъ, нелицепріятнаго суда. Было время, когда Н. В. Муравьевъ имѣлъ возможность лишь внушать молодымъ юристамъ любовь и уваженіе къ судебнымъ уставамъ, считая «начала, въ нихъ проведенныя, столь высокими и чистыми, а вліяніе и послѣдствія этихъ началъ столь благодѣтельными для русской жизни, что *дальше ихъ намъ незачѣмъ и некуда идти*»; теперь же Н. В. Муравьевъ, стоя во главѣ нашей юстиціи, имѣетъ возможность провести въ жизнь эти высокія и чистыя начала, и мы увѣрены, что его вліяніе будетъ направлено къ сохраненію и дальнѣйшему развитію принциповъ судебной реформы 1864 года. Одна газета справедливо замѣтила, что настоящая комисія имѣетъ весьма высокое значеніе, такъ какъ съ самаго учрежденія, въ 1862 г., при государственной канцеляріи знаменитой комисіи Буткова-Заруднаго, для составленія основныхъ началъ судебнаго преобразованія, ни на одну изъ учреждаемыхъ комисій не возлагалось болѣе важной и отвѣтственной задачи. Давно извѣстно, какимъ нареканіямъ подвергаются въ извѣстной части нашего общества и печати «судебные уставы». Въ своей злобѣ и ненависти къ этому великому акту государственной мудрости, они заходятъ слишкомъ ужь далеко и проявляютъ «усердіе не по разуму». И, въ дѣйствительности, какихъ только клеветъ и инсинуацій не наслушались мы по адресу судебныхъ уставовъ и всего служебнаго персонала судебнаго вѣдомства: насъ старались запугать «судебной республикой», указывали на политическую опасность суда присяжныхъ, на враждебность настроенія судебныхъ чиновъ противъ всѣхъ дѣйствій администраціи, на ихъ политическую неблагонадежность, на приближающееся разрушеніе «основъ» государства, на противорѣчіе судебныхъ уставовъ, заимствованныхъ изъ Франціи, нашему государственному устройству, и пр., и пр. Какъ образецъ, мы можемъ привести слѣдующія строки, взятыя наудачу и принадлежащія одному изъ главнѣйшихъ органовъ нашей реакціи:

«Какимъ образомъ Россія, страна по преимуществу анти-революціонная, очутилась въ положеніи страны *архи-революціонной, гдѣ власть выброшена на улицу*, гдѣ ничего не осталось нетронутымъ... Почему же у насъ оказываются явленія, свойственныя только странѣ революціонной, анархической, потрясенной въ своихъ основаніяхъ? Потому что въ Россію *внесены учрежденія, созданныя по французскому шаблону и не имѣющія ничего съ Россіею общаго.* Мы искусственно привили себѣ французскій недугъ, и весьма естественно, что у насъ оказываются характеризующіе его симптомы. Вмѣстѣ съ учрежденіями, которыя, впрочемъ, могли быть переработаны и усвоены намъ цѣлительною силою природы, мы внесли къ себѣ *разныя фальшивыя доктрины, подъ видомъ высшей мудрости и цивилизаціи,*—доктрины, находящіяся въ противорѣчіи съ духомъ истинной науки и истинной мудрости. Этими доктринами, и въ числѣ ихъ *доктриною, требующею упраздненія правительства* (?) набиваемъ мы головы нашей учащейся молодежи и рабски

Digitized by Google

подчиняемся имъ, подавляя въ себѣ здравый смыслъ и совѣсть. Мы пошли, наконецъ, далѣе: такъ какъ *многое въ нашихъ учрежденіяхъ не вяжется съ нашимъ государственнымъ устройствомъ*, то мы сами придумали доктрину, неслыханную даже въ революціонной Франціи,—*доктрину, въ силу коей судъ будто бы образуютъ въ государствѣ особую, отъ него независимую, республику.* Мы доходили до того, что министръ, какъ представитель этой республики при русскомъ государѣ, могъ сказать ему: «*Вы не имѣете права смѣнить должностное лицо судебнаго вѣдомства*». Идя этимъ путемъ, мы, пожалуй, дойдемъ до того, что представитель судебной республики, забывъ, что въ верховной власти сосредоточиваются всѣ власти, а стало быть—и судебная (кто же, однако, на самомъ дѣлѣ забываль это?) скажетъ: «Вы не имѣете права принять жалобу на несправедливость судебнаго рѣшенія. Вы не можете отмѣнить судебное постановленіе, хотя бы очевидно несправедливое. Вы не можете спасти пострадавшаго отъ разбойника и мошенника, если преступное дѣло, какъ бы оно ни было мерзко, совершено съ соблюденіемъ легальныхъ формальностей».

По поводу подобныхъ мнѣній и взглядовъ на судебную реформу 1864 года, нашъ журналъ имѣлъ случай не разъ категорически высказываться. Такъ, въ іюньской книгѣ за 1885 годъ, въ отдѣлѣ «Наши внутреннія дѣла», мы читаемъ слѣдующее: «Якобы революціонная доктрина о раздѣленіи властей—законодательной, судебной и исполнительной—высказана и обоснована *еще до первой французской революціи* знаменитымъ Монтескьё, и съ тѣхъ поръ такъ успѣшно пролагала себѣ дорогу въ сознаніе всѣхъ просвѣщенныхъ людей, что нынѣ она считается азбучною истиной государственной науки. Благодаря этой доктринѣ, европейскія государства, не замедлившія приложить ее къ практикѣ, вышли изъ того азіатскаго хаоса и смѣшенія властей, при которомъ всѣ виды власти безраздѣльно сосредоточивались въ рукахъ даже не самихъ султановъ и шаховъ, а великихъ визирей или приближенныхъ евнуховъ, свободно распоряжавшихся жизнью и имуществомъ гражданъ, не взирая ни на какія права и законы. *Только подъ сѣнію этой доктрины, признанной всѣми цивилизованными правительствами, могли развиться и пустить глубокіе корни самыя понятія о «правѣ» и законѣ, безъ которыхъ теперь уже нельзя себѣ представить ни одного европейскаго общества.* Доктрина, опирающаяся на идею права и закона, есть, по существу своему, наиболѣе консервативная; «разрушительною» же должна быть признана противоположная доктрина, доктрина «упраздненія» всѣхъ правъ и законовъ, приносимыхъ въ жертву административному произволу. Плоды разумнаго примѣненія первой доктрины—мирное прогрессивное развитіе личности и общества на всѣхъ путяхъ цивилизаціи и культуры; вторая же, въ своемъ практическомъ приложеніи, приводитъ рано или поздно къ отупенію личности и одичанію общества, къ господству зоологической борьбы въ силу мудраго правила: homo homini lupus; а затѣмъ—къ матеріальному и нравственному упадку всей страны, на территоріи которой разыгрывается и бушуетъ эта слѣпая стихійная борьба всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ».

Digitized by Google

Лже-консерваторы, или «революціонные консерваторы»,—какъ ихъ метко назвалъ Ю. Ѳ. Самаринъ,—кричатъ о государственныхъ основахъ, но не основы имъ нужны, а произволъ, т. е. отсутствіе основъ; не порядокъ имъ нуженъ, а отсутствіе порядка, вольная рука для злоупотребленій. До 1864 года не могло быть и рѣчи о потрясеніи основъ въ области права, такъ какъ и основъ-то никакихъ не существовало, а безраздѣльно царствовали произволъ и взятка... Насъ увѣряютъ, что несмѣняемость судей составляетъ органическую болѣзнь нашего новаго судоустройства, и что если отрубить этотъ гангренозный членъ новыхъ судебныхъ уставовъ, т. е., другими словами, подчинить судей произволу администраціи, то господня весь немедленно спустится на русскія пажити и нивы. Но Эльдорадо, которое намъ сулятъ для центральной Россіи, давно уже существуетъ въ нѣкоторыхъ нашихъ губерніяхъ, гдѣ судебная реформа введена не во всемъ своемъ объемѣ и гдѣ административная власть вооружена достаточно сильнымъ вліяніемъ на составъ судебнаго персонала. Казалось бы, чего же лучше? ненавистной судейской независимости тамъ пообрѣзаны крылья, и «властныя руки» могутъ довольно свободно распоряжаться выборомъ и назначеніемъ судей. Однако, *неоднократныя ревизіи старыхъ судебныхъ учрежденій устанавливали, что небрежность, медленность, запутанность дѣлопроизводства—черты, присущія старымъ судамъ; мало этого, ревизіи обнаруживали очень часто почти невѣроятныя и неслыханныя злоупотребленія*, долго совершавшіяся на полномъ просторѣ, передъ самыми глазами лицъ, облеченныхъ властью «смѣнять» подобныхъ героевъ. Ясно, что такая власть, предоставленная администраціи, также мало гарантируетъ и въ наше время доброкачественность судебнаго персонала, какъ мало гарантировала ее въ дореформенный періодъ. Справедливость требуетъ прибавить, что ничего подобнаго этимъ злоупотребленіямъ не встрѣчалось въ дѣятельности новыхъ судовъ, и ихъ ревизіи приносили съ собою совсѣмъ другіе результаты». («Наблюдатель», 1885 годъ, № 6). Извѣстный московскій публицистъ, будучи открытымъ врагомъ принциповъ судебной реформы, не стѣсняясь, назвалъ судъ присяжныхъ—«судомъ улицы». По этому поводу мы съ удовольствіемъ вспоминаемъ прекрасныя слова С. А. Андреевскаго, сказанныя имъ въ рѣчи по дѣлу кронштадтскаго банка. «Еще недавно одинъ публицистъ дерзнулъ назвать судъ присяжныхъ—«улицей». Но, вопреки намѣреніямъ автора, я вижу въ этомъ словѣ не униженіе или поруганіе суда присяжныхъ, а такую характеристику его, въ которой метко соединены едва ли не самыя дорогія черты этого суда. И правда: пусть вы—улица. Мы этому рады. На улицѣ свѣжій воздухъ; мы бываемъ тамъ всѣ, безъ различія, именитые и ничтожные; тамъ мы всѣ равны, потому что на глазахъ народа чувствуемъ свою безопасность; передъ улицей никто не позволитъ себѣ безстыдства; когда вы по улицѣ провожаете близкаго покойника, незнакомые люди снимаютъ шапки и крестятся... На улицѣ помогутъ заболѣвшему, подадутъ милостыню нищему, остановятъ обидчика, задержатъ бѣгущаго вора! Когда у васъ въ домѣ бѣда—грабежъ, убійство, пожаръ—куда вы бѣжите за помощью? На улицу. Потому, что тамъ всегда найдутся

Digitized by Google

люди, готовые служить началамъ общечеловѣческой справедливости. Вносите къ намъ, въ наши суды, эти начала... Приходите судить съ улицы, потому что самъ законодатель пожелалъ брать своихъ судей именно оттуда, а не изъ кабинетовъ и салоновъ»...

Весьма распространено у насъ убѣжденіе, что въ составленіи судебныхъ уставовъ сказалось сильное увлеченіе иностранными, особенно французскими образцами, и новые суды принято считать у насъ экзотическимъ растеніемъ. При разсмотрѣніи этого упрека, прежде всего нужно сказать, что всѣ наши реформы были навѣяны идеями, пришедшими къ намъ съ запада, и что въ этомъ смыслѣ, конечно, иностранныя законодательства имѣли и должны были имѣть большое вліяніе на судебную реформу 1864 г. Но это вліяніе вовсе не означало слѣпаго подражанія или копированія съ французскихъ образцовъ, такъ какъ составители судебныхъ уставовъ, относясь вполнѣ сознательно къ иностраннымъ законодательствамъ и прекрасно видя, какъ хорошія, такъ и дурныя ихъ стороны, дѣлали сознательную выборку изъ нихъ и старались, по крайней мѣрѣ, избѣгать односторонности и примѣняться къ условіямъ русской жизни. Наука давно оцѣнила достоинства этихъ законодательныхъ работъ, и въ нашихъ судебныхъ уставахъ отмѣтила рядомъ съ заимствованіемъ и оригинальныя черты, неизвѣстныя европейскимъ законодательствамъ, такъ какъ эти черты внесены въ уставы примѣнительно къ бытовымъ условіямъ нашей страны.

Защищая судебную реформу отъ ея упразднителей и враговъ, доказывая благодѣтельность и гуманность началъ, положенныхъ въ основаніе нашего судопроизводства, наша печать, въ лицѣ ея честныхъ и добросовѣстныхъ представителей, указывала и на нѣкоторые его недостатки, которые могутъ быть устранены—но не искаженіемъ или урѣзываніемъ основныхъ началъ судебной реформы, а дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ и примѣненіемъ къ областямъ, еще не затронутымъ реформой. Разумное уваженіе къ судебнымъ уставамъ не только даетъ право, но и налагаетъ обязанность указывать на ихъ слабыя стороны, съ тѣмъ чтобы такое указаніе, если оно основательно, содѣйствовало преуспѣянію и усовершенствованію нашего судебнаго законодательства въ духѣ требованій времени и указаній опыта.

Къ числу слабыхъ сторонъ реформы, на первомъ мѣстѣ, нужно поставить недостатки слѣдственной части, давно уже отмѣченные нашей печатью (между прочимъ, и нашимъ журналомъ, въ № 5-мъ текущаго года). Въ то время какъ основнымъ принципомъ нашихъ судебныхъ уставовъ является *начало состязательное*, начало равенства и самостоятельности сторонъ передъ судомъ, наше предварительное слѣдствіе построено совершенно на другомъ принципѣ—*инквизиціонномъ*, сыскномъ, противорѣчащемъ духу судебной реформы. Изъ инквизиціоннаго начала, на которомъ зиждется предварительное слѣдствіе, вытекаютъ всѣ остальные его недостатки:—недопущеніе къ обвиняемому, и вообще къ участію въ предварительномъ слѣдствіи, защитника для руководства обвиняемаго и для заступничества за него во время производства слѣдствія; полная замкнутость слѣдствія, его медленность и наконецъ, положеніе, су-

Digitized by Google

дебныхъ слѣдователей, какъ самыхъ младшихъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства. Устраненіе недостатковъ предварительнаго слѣдствія и его противорѣчій духу судебныхъ уставовъ не только важно для успѣшности и правильности самого слѣдствія, но важно еще и потому, что нѣкоторыя ненормальности въ области нашей юстиціи, происходящія главнымъ образомъ отъ этихъ недостатковъ предварительнаго слѣдствія, совершенно ложно связываются съ общими условіями нашего судопроизводства и судоустройства, которыя, между тѣмъ, рѣшительно тутъ неповинны.

Вторымъ недостаткомъ нашего современнаго правосудія можно считать вредное, подчасъ, значеніе кассаціонныхъ рѣшеній сената, замѣняющихъ собою и науку, и основательное знаніе дѣйствующаго законодательства. «Въ настоящее время,—говоритъ проф. Шершеневичъ,—вся задача практики заключается въ томъ, чтобы *подыскать кассаціонное рѣшеніе на данный случай*. Борьба передъ судомъ ведется не силою логики, не знаніемъ соотношенія конструкціи института и системы права, не искусствомъ тонкаго толкованія законовъ, а *исключительно ссылкою на кассаціонныя рѣшенія*. Авторитетъ кассаціонныхъ рѣшеній отучилъ нашихъ практиковъ отъ самостоятельнаго мышленія, отъ собственнаго юридическаго анализа. Умъ облѣнился и рука невольно тянется къ лежащему на столѣ «Боровиковскому», какъ только передъ глазами—дѣло, прямо не разрѣшаемое закономъ». Но, спрашивается: какъ можно строить правосудіе на авторитетѣ кассаціонныхъ рѣшеній, когда эти рѣшенія заключаютъ въ себѣ массу противорѣчій, и цѣлый рядъ кассаціонныхъ рѣшеній даетъ на одинъ и тотъ же вопросъ совершенно различные отвѣты? Затѣмъ заслуживаетъ вниманія и слѣдующее обстоятельство. По уставу уголовнаго судопроизводства, жалобы на рѣшенія кассаціоннаго сената ни въ какомъ случаѣ не допускаются и никѣмъ не могутъ быть принимаемы, причемъ эти рѣшенія почитаются безусловно обязательными для суда, изъ котораго дѣло вступило, и для суда, въ который оно обращено, въ случаѣ кассаціи. Конечно, обязательность этихъ рѣшеній установлена въ интересахъ единообразнаго исполненія и примѣненія законовъ, охраненія авторитета и неприкосновенности рѣшеній кассаціоннаго сената, установленія стройности развитія основныхъ началъ. Но этими достоинствами исчерпывается все значеніе непоколебимости сенатскихъ рѣшеній, которая не удовлетворяетъ, однако, своей практической, жизненной сторонѣ. Закрыть путь къ возстановленію легальности приговора во имя одной неприкосновенности рѣшеній кассаціоннаго суда—значитъ сообщить правосудію безжизненный характеръ, лишить его всякаго практическаго значенія. Въ дѣйствительности, прежде всего, нельзя отрицать возможности ошибки въ указаніи, преподанномъ кассаціоннымъ судомъ, а въ этихъ случаяхъ приходится закрывать глаза передъ ошибкою, какъ бы она ни была очевидна, и оставлять въ легальной силѣ явно не легальное рѣшеніе суда.

Закончимъ свою замѣтку объ учрежденіи комисіи для пересмотра судебнаго законодательства двумя пожеланіями: чтобы основныя начала судебной реформы 1864 года были дѣйствительно ру-

Digitized by Google

ководящими принципами въ предстоящихъ трудахъ комисіи, и, во-2-хъ, чтобы ея работы были доступны широкой гласности. Наше второе пожеланіе вытекаетъ изъ сознанія, что печать является выразительницей общественнаго мнѣнія, къ голосу котораго всегда полезно прислушаться, особенно же при законодательныхъ работахъ.

Мы находимся наканунѣ реформы крестьянскаго банка, а потому является весьма интереснымъ подвести итоги его дѣятельности. Уставъ крестьянскаго поземельнаго банка, какъ извѣстно, былъ утвержденъ 18 мая 1882 года, а съ 1883 года банкъ началъ свою дѣятельность. Почти одновременно съ возникновеніемъ этого кредитнаго учрежденія начались толки о необходимости коренныхъ его измѣненій. Крестьянскій банкъ учрежденъ въ виду ясно обозначившагося обезземеленія крестьянъ и желанія правительства обезпечить землею подростающее поколѣніе. Считая обезпеченность крестьянъ землею залогомъ государственнаго благоденствія и надежнымъ средствомъ противъ развитія у насъ величайшаго зла—безземельнаго пролетаріата, наше правительство взяло на себя задачу большой государственной важности—земельное устройство крестьянства—и создало спеціальное кредитное учрежденіе «для облегченія крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земли, въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы земель пожелаютъ продать, а крестьяне пріобрѣсти оныя».

Обозрѣвая дѣятельность крестьянскаго банка, вступившаго во второе десятилѣтіе своего существованія, мы замѣчаемъ прежде всего крайнюю ничтожность общихъ результатовъ этой дѣятельности. А именно: отъ начала возникновенія банка до 1-го января 1892 года выдано по 8,553 покупнымъ сдѣлкамъ ссудъ на сумму 60.616,980 р. для покупки 1.742,331 десятины; этою помощью воспользовалось 248,896 домохозяевъ, въ составъ семей которыхъ входило 804,333 души мужскаго пола. Ко времени открытія дѣйствій крестьянскаго банка, во владѣніи крестьянскаго населенія въ губерніяхъ европейской Россіи состояло около 137 мил. десятинъ земли; въ настоящее время оказывается, что дѣятельность банка за девять лѣтъ существованія выразилась въ увеличеніи площади крестьянскаго землевладѣнія не болѣе какъ на 1,2%, или, въ среднемъ ежегодномъ приращеніи, на 0,13%. Во-вторыхъ, наибольшее содѣйствіе въ покупкахъ банкъ оказывалъ крестьянамъ срѣдняго землевладѣнія, на долю же безземельныхъ приходится за періодъ съ 1885 по 1891 годъ лишь 11,6% общаго количества земли, купленной при посредствѣ банка. Въ третьихъ, сдѣлки, совершонныя при посредствѣ банка, вовсе не обезпечивали прочнаго землевладѣнія. Въ 1891 году, при общемъ количествѣ 8,553 ссудъ, выданныхъ со времени учрежденія банка, значились опубликованными въ продажу за недоимки въ срочныхъ платежахъ 1,018 имѣній, т. е. недоимочность достигала до 12% общаго числа выданныхъ ссудъ. По 883 имѣніямъ продажа была отмѣнена и произведены торги на 169 имѣній, проданными же оказалось всего 5 имѣній, а за банкомъ осталось 164. Къ 1-му января 1891 года, на рукахъ банка осталось 189 земельныхъ участковъ, прибавилось 164 участка—и вотъ оказывается, что къ 1892 году банкъ владѣетъ 353 участками, пространствомъ

Digitized by Google

въ 133,731 десятину съ остаткомъ капитальнаго долга на нихъ въ 7,804.104 р. Для охраненія себя отъ возрастанія недоимокъ, банкъ началъ оказывать предпочтеніе покупкамъ одиночекъ и менѣе многочисленныхъ товариществъ, такъ какъ оказалось, что недоимочность вообще значительнѣе среди сельскихъ обществъ и многочисленныхъ товариществъ. Во-вторыхъ, банкъ сталъ требовать болѣе значительныхъ доплатъ, такъ какъ обнаружилось, что недоимочность тѣмъ значительнѣе, чѣмъ меньше доплаты къ ссудамъ, и если въ 1883 году доплаты составляли 9,8% продажныхъ цѣнъ, то въ 1890 году онѣ были равны 36,8%. Въ третьихъ, банкъ началъ вообще съуживать свою дѣятельность, и съ 1885 года наступаетъ почти неуклонное уменьшеніе оборотовъ банка. Такъ, въ 1885 году при содѣйствіи банка куплено 318,002 десятины на 13.771,978 р., въ 1886 г. 290,588 дес. на 11.063,850 р., въ 1887 г. 213,806 дес. на 7.397,681 р., въ 1888 г. 190,463 дес. на 5.133.539 р., въ 1889 г. 156,347 дес. на 3.692,133 р., въ 1890 г. 172,138 дес. на 4.519,209 р., въ 1891 г. 162,940 дес. на 4,438.667 р.

Въ печати, въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, въ объясненіяхъ управляющихъ отдѣленіями крестьянскаго банка было указано на слѣдующія причины нынѣшняго неудовлетворительнаго положенія банка: 1) Безучастное отношеніе банка къ сдѣлкѣ между покупателями и продавцами земли, приводящее къ покупкамъ, убыточнымъ для первыхъ. Такъ, напр., очень часто крестьяне пріобрѣтаютъ такое количество земли, которое имъ совершенно не требуется и не подъ силу обработывать, или же крестьяне покупаютъ земли по цѣнамъ не только невыгоднымъ, но и прямо убыточнымъ. Еслибы банкъ производилъ предварительный осмотръ земли и изслѣдовалъ условія покупки, то не было бы допущено массы заключенныхъ сдѣлокъ. 2) Обременительность доплатъ ставитъ крестьянъ въ затруднительное положеніе, вслѣдствіе чего крестьяне или вовсе отказываются отъ услугъ банка, или же, одновременно съ услугами крестьянскаго банка, прибѣгаютъ къ содѣйствію ростовщиковъ и кулаковъ, которые такъ опутываютъ крестьянъ, что послѣдніе, въ концѣ концовъ, принуждены бываютъ отказаться отъ купленной земли. 3) Тяжесть платежей, приводящая къ накопленію недоимокъ, а затѣмъ къ продажѣ земли съ торговъ. Дѣло въ томъ, что продажныя цѣны, въ большинствѣ случаевъ, были очень высоки и платежи не соотвѣтствовали доходности земель. Если ко всему этому прибавить еще и то, что крестьянскій банкъ взимаетъ $7^1/_2$ и $8^1/_2$%, т. е. больше чѣмъ всѣ частные земельные банки, то станетъ понятной совершенная непосильность платежей. 4) Отсутствіе принудительныхъ способовъ взиманія признается также важною причиною недоимокъ. Это обстоятельство дѣйствовало неблаготворно въ томъ отношеніи, что крестьянинъ привыкъ ко взысканію недоимокъ полицейскими средствами, и повѣстки крестьянскаго банка ему не кажутся страшными.

Всѣ эти недостатки крестьянскаго банка не только были указаны въ литературѣ, но даже послужили поводомъ къ возбужденію передъ правительствомъ ходатайствъ разными учеными обществами о необходимыхъ измѣненіяхъ въ уставѣ банка. Такъ, «общество

Digitized by Google

для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ», придя къ заключенію, что 10-лѣтняя дѣятельность крестьянскаго банка невполнѣ удовлетворяла той цѣли, ради которой онъ былъ учрежденъ, возбудило ходатайство объ измѣненіяхъ устава крестьянскаго банка и высказало слѣдующія положенія: 1) Доплаты покупщиковъ, требуемыя во многихъ случаяхъ крестьянскимъ банкомъ, составляютъ источникъ ихъ разоренія и потому должны быть уничтожены. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, доплаты производятся на деньги, занятыя на ростовщическихъ условіяхъ. 2) Принятыя уставомъ банка нормы, помощи крестьянамъ (до 125 руб. на душу и 500 руб. на дворъ) потеряли уже свое значеніе и должны быть замѣнены другими. Наименьшая помощь должна быть такова, чтобы дворъ или общество послѣ покупки обладали такимъ количествомъ земли, съ котораго они могли бы пропитываться, уплачивать налоги и отбывать повинности. Наибольшая помощь должна опредѣляться тѣмъ соображеніемъ, чтобы образовавшееся путемъ прикупки владѣніе не превышало рабочихъ силъ крестьянской семьи. 3) Процентъ по ссудамъ долженъ быть пониженъ до возможнаго minimum'а. 4) Такъ какъ наиболѣе обременительными для крестьянъ оказываются платежи за первые три-четыре года, особенно при переселенческихъ покупкахъ, то было бы полезно, въ теченіе первыхъ трехъ-четырехъ лѣтъ, не производить съ крестьянъ взысканій въ пользу банка, а наросшіе за это время проценты, равно какъ и платежъ капитальной суммы, разсрочивать на все время ссуды. 5) Общество полагаетъ, что при взысканіи недоимокъ по платежамъ крестьянскаго банка слѣдуетъ допускать возможно бо́льшія льготы и лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ доводить до продажи имѣнія, купленныя при помощи банка. 6) Въ заключеніе, общество высказываетъ мнѣніе, что наиболѣе желательный видъ помощи крестьянскаго банка—это содѣйствіе въ покупкѣ земли цѣлыми сельскими общинами. По духу и смыслу учрежденія крестьянскаго банка, его помощь должна распространяться главнымъ образомъ на бѣднѣйшее и обезземеленное населеніе; а эта цѣль всего лучше можетъ быть достигнута при покупкахъ земли цѣлыми сельскими обществами.

Чтобы иллюстрировать дѣятельность крестьянскаго банка и его содѣйствіе крестьянству при покупкѣ земли, мы приведемъ случай, разсказанный Д. Ѳ. Самаринымъ. Какъ извѣстно, уже при обсужденіи крестьянскаго положенія 19 февраля 1861 г. въ государственномъ совѣтѣ, въ это положеніе включена была злополучная статья о такъ называемомъ даровомъ надѣлѣ, который очень скоро получилъ болѣе соотвѣтствующее ему названіе сиротскаго или «нищенскаго надѣла». Но пока горькій опытъ выяснилъ всю разорительность для крестьянъ дароваго надѣла, во многихъ мѣстахъ крестьяне послѣ объявленія воли требовали для себя именно этого дароваго надѣла. Крестьяне обширныхъ вотчинъ покойнаго Ю. Ѳ. Самарина, нынѣ составляющихъ собственность Д. Ѳ. Самарина—всего свыше 1,800 ревизскихъ душъ—оказались въ числѣ тѣхъ, которые непремѣнно хотѣли получить—на свое разореніе—даровой надѣлъ. Всѣ убѣжденія владѣльцевъ ни къ чему не повели. Крестьяне упорно стояли на своемъ и, «чтобы положить конецъ крайне напряженнымъ

Digitized by Google

отношеніямъ», Самарины должны были подчиниться этому требованію. Когда опытъ уяснилъ крестьянамъ значеніе дароваго надѣла, они сами просили о переводѣ ихъ на выкупъ, но было поздно, потому что законъ этого не дозволяетъ. Но вотъ открывается крестьянскій банкъ. Въ 1886 и 1888 гг. отдѣленія банка появляются и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ лежатъ вотчины Самариныхъ (въ самарской и симбирской губ.). Съ помощью банка, по просьбѣ крестьянъ, Д. Ѳ. Самаринъ сдѣлалъ то, чего крестьяне не захотѣли по объявленіи воли. Пять сельскихъ обществъ, въ составѣ 1,818 ревизскихъ душъ, купили у Д. Ѳ. Самарина тѣ земли, которыя слѣдовали бы имъ въ надѣлъ, еслибы крестьяне не потребовали дароваго надѣла, такъ что съ ранѣе полученнымъ даровымъ надѣломъ прикупленная земля составила полный душевой надѣлъ,—и за ту же самую цѣну, какая слѣдовала за надѣлъ по положенію 19-го февраля, хотя продажная цѣна въ это время стояла уже значительно выше. На пять обществъ было отведено, такимъ образомъ, 6,859 десятинъ—при содѣйствіи крестьянскаго банка. Что же оказалось? Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ часть этихъ земель за недоимки банку назначена была въ продажу, именно въ 1890 г. Д. Ѳ. Самаринъ, чтобы предупредить разгромъ пяти крестьянскихъ обществъ, хлопоталъ передъ бывшимъ министромъ финансовъ, чтобы превратить купчіе акты на землю въ выкупные, но хлопоты эти не увѣнчались успѣхомъ, и самъ же Д. Ѳ. Самаринъ долженъ былъ на торгахъ купить землю одного общества (прочія внесли срочные платежи), чтобы сохранить землю за крестьянами. Это было въ апрѣлѣ 1890 г., но прошло всего три года и, по случаю неурожая, тѣ же общества снова оказались въ недоимкѣ передъ крестьянскимъ банкомъ, и снова земли, купленныя при содѣйствіи этого банка, назначены въ продажу. При этомъ можетъ случиться одно изъ двухъ. Либо земля эта будетъ куплена съ торговъ однимъ изъ мѣстныхъ капиталистовъ, и тогда обоимъ обществамъ предстоитъ довольно плачевная будущность въ экономическомъ отношеніи: послѣдуетъ не улучшеніе, а значительное ухудшеніе ихъ быта сравнительно съ тѣмъ, что было до покупки ими земли при содѣйствіи крестьянскаго банка. Либо земля эта будетъ куплена безъ торговъ снова Д. Ѳ. Самаринымъ, но тогда г. Самарину придется уплатить около 23 тысячъ свыше суммы, которую онъ получилъ семь лѣтъ тому назадъ изъ банка за эту землю. «Эти 23 тысячи—говоритъ г. Самаринъ—будутъ въ такомъ случаѣ для меня какъ бы штрафомъ за то, что я рѣшился, для исправленія ошибки положенія 19-го февраля 1861 г., введшей крестьянъ въ пагубное заблужденіе, идти тѣмъ путемъ, на который указывало правительство учрежденіемъ крестьянскаго поземельнаго банка».

Чтобы опредѣлить то направленіе, какое должна принять готовящаяся реформа крестьянскаго банка, надо прежде всего выяснить основную цѣль учрежденія. Крестьянскій банкъ, какъ извѣстно, былъ образованъ для ослабленія обнаружившагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего государства крестьянскаго малоземелья и для помощи той части нашего крестьянства, которая не имѣетъ собственныхъ средствъ на пріобрѣтеніе земли. Изъ этой основной задачи

Digitized by Google

банка, какъ намъ кажется, вытекаютъ всѣ вышеприведенныя требованія и пожеланія, а потому мы и не будемъ вновь повторять ихъ. Скажемъ только, что крестьянскій банкъ, по основной своей цѣли, не есть простое ипотечное учрежденіе, дѣйствующее ради своихъ комерческихъ прибылей, и, слѣдовательно, его дѣятельность нельзя подчинять правиламъ частныхъ кредитныхъ учрежденій. Другими словами, такъ какъ крестьянскій банкъ учрежденъ для удовлетворенія насущной нужды крестьянъ въ землѣ, то онъ не долженъ ограничиваться комерческимъ взглядомъ на свое дѣло—заботой о вѣрности и своевременности возврата ссудъ, объ обезпеченіи послѣднихъ цѣнностью земли и пр.,—напротивъ того, онъ всегда долженъ имѣть въ виду соображенія государственнаго интереса и благосостояніе крестьянской массы.

Разъ будетъ установленъ такой взглядъ на крестьянскій банкъ, въ его дѣятельности ясно выступятъ двѣ различныя функціи—хозяйственная и финансовая—и, въ зависимости отъ этого, его придется подчинить двумъ соотвѣтствующимъ вѣдомствамъ. Какъ кредитное учрежденіе, банкъ, конечно, долженъ быть подчиненъ финансовому вѣдомству, и это не нуждается въ объясненіяхъ по своей ясности и безспорности. Поскольку же крестьянскій банкъ призванъ къ поземельному устройству крестьянскаго населенія, къ улучшенію крестьянскаго быта чрезъ расширеніе крестьянскаго землевладѣнія,—дѣятельностью его должно руководить министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Всѣ нападки на крестьянскій банкъ вытекаютъ изъ критики его дѣятельности не какъ ипотечнаго учрежденія, а какъ учрежденія, призваннаго устранить крестьянское безземелье и малоземелье, т. е. коренную причину народнаго обнищанія. Какъ учрежденію кредитному, крестьянскому банку нѣтъ никакой нужды подробно знакомиться съ условіями покупки, съ ея выгодностью, съ предполагаемымъ устройствомъ хозяйства на покупаемой землѣ, соотвѣтственностью количества покупаемой земли рабочимъ силамъ покупателей и пр., и пр. Между тѣмъ, все это необходимо должно войти въ задачу банка, разъ онъ дѣйствительно желаетъ прійти на помощь крестьянамъ и заняться ихъ поземельнымъ устройствомъ. Министерство земледѣлія, какъ глава и руководитель аграрной политики въ странѣ, не можетъ сохранять безразличное отношеніе къ крестьянскому банку, призванному оказывать столь рѣшительное вліяніе на судьбу крестьянскаго населенія.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Убійство президента французской республики.—Волненія въ Ліонѣ.—Сочувствіе иностранныхъ дворовъ.—Версальскій конгрессъ и выборы новаго президента. — Семья и характеръ Казимира Перье. — Похороны Карно и отзывы французской и иностранной печати. — Президентское посланіе.— Прокламаціи и дѣйствія анархистовъ. — Скандальныя сцены во французскомъ и итальянскомъ парламентахъ.—Приближенные Вильгельма II.— Десятилѣтняя годовщина нѣмецкаго закона о страхованіи рабочихъ. — Революція въ Корѣѣ.

Два мѣсяца тому назадъ, говоря о непонятномъ равнодушіи правительствъ Европы къ принятію серьезныхъ международныхъ мѣръ для обузданія анархизма, мы выразили надежду, что власть имѣющія лица тогда только начнутъ вести переговоры о средствахъ къ прекращенію гнусныхъ покушеній, когда кто нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ пострадаетъ отъ этихъ покушеній. Не долго пришлось ждать осуществленія этихъ опасеній. 25 іюня, въ Ліонѣ, на праздникѣ промышленности, совершилось возмутительное убійство: подъ ножемъ анархиста палъ президентъ французской республики, встрѣченный народомъ, какъ всегда, съ овваціями въ этомъ первомъ, послѣ столицы, городѣ Франціи. Во дворцѣ торговли была выставка, на которую Карно пріѣхалъ изъ Парижа. На банкетѣ въ городской ратушѣ онъ говорилъ рѣчь о единствѣ націй, обезпечивающемъ развитіе прогресса и правосудія. Затѣмъ онъ вспомнилъ о горячемъ пріемѣ, сдѣланномъ жителями Ліона русскимъ морякамъ, и въ 9 часовъ вечера отправился въ театръ на парадный спектакль. Коляска его ѣхала тихо, среди огромной массы народа, и президентъ по временамъ пожималъ руки нѣкоторымъ изъ своихъ восторженныхъ поклонниковъ, толпившихся вокругъ ландо. Вдругъ молодой человѣкъ въ сѣрой блузѣ протискался сквозь толпу съ большимъ букетомъ цвѣтовъ, который поднесъ президенту лѣвой рукою. Карно нагнулся взять цвѣты, но въ ту же минуту убійца правой рукою выхватилъ кинжалъ, лезвіе котораго было воткнуто въ букетъ, и нанесъ страшную рану въ животъ снизу вверхъ. Префектъ департамента, сидѣвшій въ ландо съ президентомъ, ударомъ кулака сшибъ убійцу съ ногъ и его тотчасъ же задержали, хотя толпа, узнавъ о покушеніи, чуть не растерзала злодѣя. Коляска повернула тотчасъ же въ префектуру, гдѣ раненому была оказана медицинская помощь, оказавшаяся

Digitized by Google

безплодною. Рана была смертельною. Кинжалъ пробилъ печень, перерѣзалъ воротную вену, и кровоизліяніе во внутреннія полости было такъ сильно, что не оставалось никакой надежды. Раненый жилъ только до половины перваго, то есть три часа, и былъ все время безъ сознанія, сказавъ во время операціи, что ему больно и лучше бы его оставили въ покоѣ. Послѣдними словами его были: «вижу, что я погибъ—благодаренъ друзьямъ за ихъ попеченія». А въ эту минуту до одра страданій долетали звуки фейерверка, сжигаемаго на озерѣ парка и котораго никому не пришло въ голову отмѣнить...

Явился, конечно, и архіепископъ ліонскій со своими церковными напутствіями къ умирающему президенту, который, какъ извѣстно, никогда не былъ крещенъ. Онъ принадлежалъ къ сектѣ теофилантроповъ (друзей Бога и людей), къ которымъ присоединился еще его дѣдъ, Лазарь Карно, въ 1795 году. Эта секта, считающая таинство крещенія излишнимъ, признавалась многими католиками, даже священниками. Она была уничтожена декретомъ конвента въ 1800 году, но Карно присоединилъ къ ней своего сына Ипполита, отца президента Сади-Карно, также считавшаго себя теофилантропомъ. Убійство Карно вызвало въ Ліонѣ сильное возбужденіе и озлобленіе противъ убійцы, особенно, когда узнали, что онъ итальянецъ. Толпа тысячъ въ 50 направилась къ дому итальянскаго консульства, но полиція уже успѣла принять свои мѣры. Ворота охранялъ взводъ жандармовъ съ саблями наголо. Консулу посовѣтовали спустить флагъ и снять гербъ. Итальянецъ сначала было поупрямился, но, видя крайнее ожесточеніе массы, принялъ и эту мѣру. Въ то же время, въ другомъ концѣ города, народъ разгромилъ ресторанъ Казати, сложилъ всю мебель, всѣ обломки въ огромный костеръ и зажегъ его; разрушено еще нѣсколько итальянскихъ кафе и были попытки къ поджогу частныхъ зданій, но жандармерія вездѣ разгоняла толпы и защищала иностранцевъ, подвергавшихся насиліямъ. Въ Парижѣ извѣстіе объ убійствѣ произвело сильное волненіе и негодованіе противъ итальянцевъ, но телеграммы, полученныя отъ Криспи и короля Гумберта, успокоили общество. Премьеръ Италіи отрекся въ сенатѣ отъ убійцы, такъ какъ анархисты не признаютъ отечества, и предложилъ послать Франціи депешу съ выраженіемъ единодушнаго горя и ужаса. Президентъ сената сказалъ: «да соединятъ оба народа въ вѣчномъ согласіи испытываемыя ими нынѣ общія чувства скорби и негодованія». Король говорилъ въ депешѣ къ Дюпюи, что преступленіе нанесло ударъ сокровеннѣйшимъ чувствамъ его сердца. Г-жѣ Карно онъ писалъ: «Италія поражена не менѣе жестоко, чѣмъ Франція, и всецѣло присоединяется къ вашему горю». Вильгельмъ II поручилъ выразить французскому правительству, что онъ отъ всей души и самымъ искреннимъ образомъ раздѣляетъ горе Франціи, а г-жѣ Карно писалъ: «достойный своего великаго имени, Карно, какъ воинъ, палъ на полѣ бра-

Digitized by Google

ни». По конституціи, сенатъ и палата, соединившись въ конгрессъ, должны въ случаѣ смерти президента республики произвести новые выборы на другой же день, но для чего-то отложили на третій, не давши никакихъ объясненій, и это, хотя незначительное, нарушеніе закона озлобило оппозицію. Послѣ того какъ на конгрессѣ президентъ заявилъ о выборѣ 56-ти кандидатовъ для счета голосовъ по избранію, соціалисты потребовали слова и заявили, что хотятъ внести предложеніе объ уничтоженіи званія президента республики. Шальмель Лакуръ даже не далъ себѣ труда объяснить, что по закону на конгрессѣ не произносятъ рѣчей, и приступилъ къ баллотировкѣ. Поданныхъ голосовъ было 845; для абсолютнаго большинства требовалось получить 423. Казиміръ Перье получилъ 451, кандидатъ радикаловъ Бриссонъ 195, первый министръ Дюпюи 97, генералъ Февріе 53, восьмидесятилѣтній Эмануэль Араго 22. Еще шесть человѣкъ получили всѣ вмѣстѣ то же число: Кавеньякъ, Лубэ, Фрейсинэ, Рошфоръ, Туссэнъ, Флурансъ. Оппозиція попробовала протестовать, назвала членовъ конгресса узурпаторами, реакціонной коалиціей, но, не получивъ никакихъ объясненій, была подавлена рукоплесканіями большинства, провозгласившаго Перье президентомъ республики. Печать очень довольна этимъ избраніемъ, только радикальные листки увѣряютъ, что патеры и плутократы устроили иллюминацію по случаю избранія. Новый президентъ принадлежитъ къ старинной монархической и министерской семьѣ. Дѣдъ его, во время реставраціи, боролся съ реакціоннымъ направленіемъ политики Виллеля и во время іюльской монархіи сдѣлался главою кабинета, но умеръ отъ холеры въ 1832 году. Сынъ его былъ уже чистымъ орлеанистомъ, не призналъ Наполеона III и во время второй имперіи не принималъ никакого участія въ правленіи. Въ 1871 году Тьеръ сдѣлалъ его министромъ внутреннихъ дѣлъ. Нынѣшній президентъ былъ тогда 21-лѣтнимъ юношей и управлялъ канцеляріей своего отца. Перье не разъ употреблялъ его для переговоровъ съ членами палаты, которыхъ хотѣлъ привлечь на свою сторону. Въ 1876 году онъ сдѣлался депутатомъ и принадлежалъ сначала къ центру, но потомъ перешелъ въ республиканскую партію, оставаясь все таки приверженцемъ консервативныхъ принциповъ. Такъ, когда палата приняла законъ, запрещавшій членамъ царствовавшихъ во Франціи династій занимать государственныя должности, онъ вышелъ въ отставку. Избранный вновь въ 1883 году, онъ былъ товарищемъ военнаго министра, въ 1885 г. вицепрезидентомъ палаты, а послѣ панамской исторіи—президентомъ. Потомъ онъ сдѣлался и первымъ министромъ, выказывая, во время своего управленія, легкія попытки къ диктаторству, за что, мѣсяцъ назадъ, былъ низвергнутъ палатою и принялъ снова званіе ея президента. Теперь неожиданная катастрофа сдѣлала его первымъ сановникомъ республики. Народные представители предпочли краснорѣчиваго оратора — первому министру Дюпюи,

Digitized by Google

говорившему имъ правду. Лучше ли пойдутъ отъ этого дѣла — это мы скоро увидимъ. Что Перье даровитый, честный, умный человѣкъ, вполнѣ принявшій республиканскія убѣжденія—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, также какъ и въ томъ, что онъ твердо поведетъ внутреннюю и внѣшнюю политику, но главный, жизненный вопросъ Франціи теперь лежитъ въ устройствѣ рабочаго вопроса, въ подавленіи анархизма, въ сохраненіи мира:—будетъ ли Перье въ силахъ бороться съ палатой, гдѣ изъ 600 членовъ едва ли десятая часть думаетъ о благѣ Франціи, а остальная — аферисты, карьеристы, заботящіеся только о личныхъ интересахъ?

Похоронили Карно въ Пантеонѣ, съ особеннымъ торжествомъ, при милліонной массѣ народа, конечно, на счетъ государства. Тысячи вѣнковъ, присланныхъ государями и учрежденіями всѣхъ странъ, положены на гробъ человѣка, погибшаго не за свои личные поступки, а какъ жертва государства и общества. Если онъ и совершалъ ошибки, какъ президентъ, то, какъ частный человѣкъ, всегда заслуживалъ уваженія даже своихъ противниковъ, за безукоризненное исполненіе своего долга, за его лойяльность и корректность. («Figaro» прибавляетъ къ этимъ качествамъ и великодушіе, которое Карно не имѣлъ случая проявлять). Нѣмецкая печать считаетъ смерть его—предостереженіемъ по адресу всего культурнаго міра и надѣется, что къ этому событію отнесутся вездѣ съ должнымъ вниманіемъ, такъ какъ теперь правители націй являются олицетвореніемъ государственной власти, а не прежняго личнаго произвола. Поэтому покушеніе противъ представителя такой власти является нападеніемъ на цивилизаторскія учрежденія всего человѣчества. «Journal des Débats» говоритъ: «во Франціи были болѣе блестящіе правители, но врядъ ли у насъ былъ до сихъ поръ такой прямой и честный правитель, неуклонно исполнявшій обязанности главы государства». Роялистская или—вѣрнѣе—продающаяся тѣмъ, кто даетъ дороже, газета «Gaulois» высказываетъ наглое мнѣніе, что «ничтожность такого лица должна бы, казалось, служить ему охраною противъ убійцъ». «Intransigeant» замѣчаетъ, что должность его была безполезна и смѣшна, но, какъ честный человѣкъ, онъ не занимался на ней гешефтами и дѣлалъ много добра, хотя, какъ консерваторъ, не отличался стремленіемъ къ прогрессу. Англійскія газеты говорятъ, что это событіе должно еще болѣе укрѣпить союзъ двухъ націй, 80 лѣтъ жившихъ въ совершенномъ согласіи. «Daily News» замѣчаетъ, что «подлое убійство должно переполнить чашу долготерпѣнія, по отношенію къ существованію анархистской шайки». Напоминая о двухъ другихъ президентахъ республики, погибшихъ отъ руки убійцъ,—о Линкольнѣ, убитомъ актеромъ Бусомъ, и о Гарфильдѣ, смертельно раненомъ Гито —газета говоритъ, что и Карно палъ, какъ жертва, уважаемый всѣми націями. Но въ томъ-то и дѣло, что даже это убійство врядъ ли расшевелитъ представителей власти въ Европѣ, и они едва ли рѣшатся принять

Digitized by Google

противъ убійцъ хотя бы такія мѣры, какія примѣнила Англія къ индійской сектѣ туговъ (душителей), лѣтъ тридцать назадъ свирѣпствовавшей на Гангѣ. Туги убивали для убійства, съ религіозной цѣлью, всѣхъ, кто не вѣрилъ въ богиню смерти, но англичане очень скоро и безпощадно истребили это фанатическое и многочисленное общество. Анархистовъ все таки горсть, не смотря на то, что имъ позволили расплодиться. Они не признаютъ общества, его учрежденій, культуры:—зачѣмъ же имъ позволяютъ жить въ этомъ обществѣ? На землѣ еще немало далекихъ острововъ, пустынныхъ мѣстностей; отчего не переселяютъ туда этихъ враговъ общества, предоставивъ имъ насаждать новую культуру по своимъ соображеніямъ? «Daily Telegraph» доказываетъ, что уничтоженіе анархизма для Франціи гораздо важнѣе, чѣмъ сіамскія и конгскія дѣла. Это безспорно, но, не говоря о томъ, что нельзя все таки поручить ихъ англичанамъ, изъ-за колоніальныхъ владѣній никогда не прекращались столкновенія между державами, а изъ-за анархистовъ, къ которымъ вообще относились индиферентно, еще никто не ссорился: ихъ только пересылали изъ одного государства въ другое, съ напутствіемъ: динамитствуйте, сколько угодно, только не у насъ. Истинно европейское и международное единеніе!

На провозглашеніе его президентомъ, Перье отвѣчалъ Шальмель-Лакуру нѣсколькими словами, называя это избраніе величайшею честью, которой только можетъ быть удостоенъ гражданинъ, но не скрывая въ то же время, что эта честь возлагаетъ на него тяжелую обязанность. Онъ обѣщалъ посвятить странѣ и республикѣ свой патріотизмъ, всю свою энергію. Потомъ онъ выразилъ желаніе повидаться съ представителями прессы и въ кабинетъ вошло болѣе 60-ти журналистовъ. «Я принадлежу вамъ,—сказалъ онъ имъ,—критикуйте меня, но не упускайте только при этомъ изъ виду Францію и республику». Этотъ пріемъ произвелъ на журналистовъ пріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что Шальмель-Лакуръ свысока относился къ нимъ во время конгресса, стѣснялъ ихъ мелочными формальностями, не позволялъ имъ ни бесѣдовать съ членами конгресса, ни отправлять телеграммъ, такъ что даже редакція министерской газеты «Temps» получала извѣстія черезъ велосипедистовъ. «Въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ, никто такъ не обращался съ печатью», говорилъ «Temps», обыкновенно сдержанный въ своихъ сужденіяхъ. И отчего всѣ эти либералы, какъ только достигаютъ власти, тотчасъ же превращаются въ диктаторовъ, которымъ никто не можетъ противорѣчить? Въ молодости, Шальмель, посланный комисаромъ въ Ліонъ, приказывалъ разстрѣливать тѣхъ, кто не повиновался его приказаніямъ; подъ старость онъ вздумалъ разыгрывать роль неограниченнаго автократа надъ журналистами. По счастью, онъ могъ деспотически распоряжаться только въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и былъ, за время своего управленія, по заслугамъ осмѣянъ органами серьезной печати.

Digitized by Google

Дюпюи, на основаніи конституціи, заявилъ новому президенту, что министерство и весь кабинетъ слагаетъ съ себя управленіе дѣлами, и Перье предложилъ портфель перваго министра другу своему Бюрдо, финансовый проэктъ котораго палата отвергла цѣликомъ и въ частяхъ. Бюрдо хотѣлось быть премьеромъ, но у него порокъ сердца и родные убѣдили его не брать на себя тяжелой обязанности, опасной для его здоровья. Только послѣ отказа друга, Перье обратился опять къ Дюпюи и тотъ согласился остаться премьеромъ, и сохранилъ свой прежній кабинетъ въ полномъ составѣ. Это начало новаго правленія не доказываетъ его устойчивости, но посланіе президента въ сенатъ и палату составлено умно и ловко, безъ надутыхъ фразъ о славѣ отечества, цивилизаціи, безъ пышныхъ обѣщаній, безъ ханжества и увѣреній, что французы не боятся никого, кромѣ Бога.

Перье объявляетъ, что онъ не человѣкъ партіи, что онъ принадлежитъ Франціи и республикѣ. Его дѣйствіями будетъ руководить память о героѣ долга, семь лѣтъ бдительно стоявшемъ на стражѣ учрежденій страны. «Я имѣю намѣреніе—говоритъ онъ—по истеченіи семи лѣтъ передать судьбы Франціи въ другія руки. Она будетъ всегда служить очагомъ умственнаго свѣта, терпимости, прогресса. Парламентъ съумѣетъ доказать, что республика не есть безплодное соперничество личныхъ честолюбій, а неустанное изученіе улучшеній въ области матеріальной и нравственной, національное выраженіе плодотворныхъ мыслей и благородныхъ порывовъ. По самому существу своему, республика есть такое правительство, которое трогаютъ незаслуженныя страданія и оно должно удовлетворять ихъ не однѣми надеждами. Понимать свое время, вѣрить въ прогрессъ, желать его—значитъ обезпечивать общественный порядокъ и соціальный миръ». Посланіе это произвело впечатлѣніе; недовольны имъ только клерикалы, за то что въ немъ не упоминается о религіи, безъ которой министерства уже нѣсколько лѣтъ пробуютъ обойтись въ управленіи страною. Да еще радикалы кричатъ, что всѣ власти давно уже толкуютъ о незаслуженныхъ страданіяхъ народа, но все таки кормятъ его однѣми надеждами. Серьезные политики недовольны фразою, что президентъ не допуститъ умаленія правъ, присвоенныхъ конституціей его званію. Но именно только при расширеніи этихъ правъ и возможно сохраненіе нелѣпой конституціи, сочиненной роялистами и клерикалами. Независимость кабинета, выбираемаго президентомъ и прогоняемаго палатою, должна быть ограждена положительными установленіями. Затѣмъ и самъ Перье возстаетъ прямо противъ вторичныхъ выборовъ въ президенты. Этого же мнѣнія держался и Карно, и теперь, по свидѣтельству его брата Адольфа и другимъ несомнѣннымъ документамъ, подтверждается, что Карно считалъ невозможнымъ и вреднымъ для демократіи оставаться президентомъ еще на семь лѣтъ. Онъ уже нашелъ себѣ скромную квартиру, въ которую

Digitized by Google

думалъ переѣхать въ концѣ декабря. Онъ не хотѣлъ только заранѣе объявлять о своемъ рѣшеніи, чтобы газетные толки не уменьшили его значенія по отношенію къ иностраннымъ государствамъ. Преемникомъ своимъ онъ открыто называлъ Казимира Перье. Вдова Карно переѣхала однако въ ихъ прежнюю квартиру, гдѣ они жили до водворенія въ Елисейскомъ дворцѣ. Она отказалась также отъ всякой пенсіи по смерти мужа, имѣя 50,000 фр. своего дохода (она дочь умершаго журналиста Дюпонъ-Вейта). Карно вообще очень не богаты, и покойный тратилъ немало изъ своего личнаго имущества на издержки представительства, которыя его предшественникъ, скаредный взяточникъ Греви, клалъ себѣ въ карманъ. У Перье состояніе въ 50 милліоновъ фр. Это одинъ изъ богатѣйшихъ капиталистовъ Франціи, предпріимчивыхъ промышленниковъ и финансистовъ,—и это больше всего заставляетъ заподозривать, что онъ не очень будетъ заботиться о нуждахъ народа. Онъ—другъ Ротшильдовъ и всѣхъ мильонеровъ, и хотя не запятналъ себя ничѣмъ въ панамскомъ дѣлѣ и не принимаетъ участія ни въ какихъ промышленныхъ и биржевыхъ предпріятіяхъ; даже, сдѣлавшись депутатомъ, сбылъ всѣ свои акціи въ анзерскихъ угольныхъ копяхъ; но вліяніе его на банкирскія, желѣзнодорожныя и подрядныя предпріятія такъ велико, что онъ противъ воли долженъ вращаться въ денежныхъ сферахъ, чуждыхъ народнымъ интересамъ. Одна уже необходимость поддерживать связь съ капиталистами и выдвигать впередъ своихъ друзей, въ родѣ еврея Бюрдо, рѣзко отличаетъ его отъ Карно, въ теченіе семи лѣтъ не давшаго никакого теплаго мѣстечка никому изъ своихъ любимцевъ, не говоря уже о своихъ родственникахъ, не пользовавшихся никакимъ вліяніемъ. Старшій сынъ покойнаго президента—поручикъ армейскаго полка, другой—инженеръ; братъ не занималъ никакого правительственнаго поста. Непотизмомъ никто не могъ никогда попрекнуть Карно, не устраивавшаго, въ президентскомъ дворцѣ, какъ его предшественникъ, фабрики для продажи выгодныхъ мѣстъ, чиновъ и орденовъ. Не выдававшійся впередъ, не искавшій почета, Карно строго исполнялъ свои конституціонныя обязанности; Перье, въ первый же день вступленія во власть, не захотѣлъ послѣдовать если не законамъ, то обычаямъ, принятымъ въ странѣ, и во время похоронъ Карно, всю дорогу отъ Елисейскаго дворца до церкви Богоматери, а оттуда до Пантеона, шелъ пѣшкомъ въ лентѣ почетнаго легіона за гробомъ президента. Напрасно церемоніймейстеры представляли ему, что правители страны никогда не участвовали, по принятымъ правиламъ, ни въ какихъ траурныхъ церемоніяхъ, что императоръ Наполеонъ III не провожалъ въ могилу даже своего отца, что нельзя ручаться, чтобы среди милліоновъ парижанъ не нашелся фанатикъ, рискнувшій повторить покушеніе... Перье лично не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности и до конца отдалъ послѣдній долгъ своему предшественнику. Положимъ, въ ночь на 1-е іюля,

Digitized by Google

взято было въ Парижѣ 230 анархистовъ (160, черезъ два дня, опять выпущены) а процесія шла все время между двойнымъ рядомъ солдатъ, не допускавшимъ къ ней никого изъ народа, но вѣдь шла она мимо тысячи домовъ, и изъ любаго окна можно было удобно бросить бомбу или сдѣлать выстрѣлъ.

Наканунѣ соціалисты обнародовали манифестъ, въ которомъ поносили парламентъ, «отдавшій себя въ руки сенатской дряхлости, растлѣвающаго вліянія капитала и избравшій въ президенты Казимира Перье Анзерскаго, ставленника орлеанской династіи», а газета бывшаго премьера Гобле называетъ Перье «ставленникомъ правой, прислужникомъ церкви, повѣреннымъ въ дѣлахъ реакціи, представителемъ денежныхъ Роберъ-Макеровъ, волковъ биржи, бароновъ угольныхъ копей и желѣзныхъ дорогъ». Газета Cocarde напечатала извѣстіе объ убійствѣ въ Римѣ французскаго посла. Итальянскій посолъ въ Парижѣ потребовалъ отъ Дюпюи конфискаціи газеты. «Законъ мнѣ этого не разрѣшаетъ»—отвѣчалъ премьеръ, и все таки, одумавшись, поступилъ противъ закона и приказалъ конфисковать газету. Въ кварталѣ Сентъ-Онорэ были прибиты прокламаціи слѣдующаго содержанія: «Съ Перье будетъ поступлено также, какъ и съ Карно. Вскорѣ будетъ объявлено время его убійства». Вообще послѣ удавшагося покушенія анархисты выказываютъ особенную энергію. Во время похоронъ слышались крики: да здравствуетъ коммуна! На площади Сенъ-Мишель полиція съ трудомъ спасла изъ рукъ толпы какого-то повара, превозносившаго убійство. Важнѣйшій свидѣтель Гарнье, въ Монпелье, получивъ повѣстку судебнаго слѣдователя по этому дѣлу, закололся. Въ Италіи убитъ журналистъ Бонди, порицавшій анархизмъ въ своей газетѣ; въ Эмполи (въ Тосканѣ) анархистъ Пуччи, не пожелавшій больше принадлежать къ шайкѣ, заколотъ своими бывшими единомышленниками; въ Туринѣ убитъ богатый кожевенный заводчикъ, совѣтовавшій примѣнять къ анархистамъ репрессивныя мѣры; въ Римѣ, въ домѣ, гдѣ жила прежде какая-то учительница, нашли цѣлую мастерскую, гдѣ изготовлялись бомбы; арестовано 145 анархистовъ; въ Генуѣ захвачены два опасныхъ разбойника, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ убійцею Карно. Все это—единичные факты, но такими фактами переполнены всѣ газеты.

О личности убійцы, какомъ-то Казеріо, не стоитъ распространяться. Это булочный подмастерье, 19-ти лѣтъ, изъ самыхъ низшихъ сферъ общества, необразованный, грубый фанатикъ, ненавидящій все, что выше и развитѣе его. Что онъ былъ только безсмысленнымъ орудіемъ въ рукахъ вождей анархизма—это несомнѣнно, но чтобы убійство было дѣломъ обширнаго международнаго заговора анархистовъ—это едва ли вѣрно. Къ преступленію могла склонить Казеріо группа анархистовъ южной Франціи и сѣверной Италіи. Убійца плохо говоритъ по французски и долженъ былъ бѣжать изъ отечества, осужденный за распространеніе между солдатами

Digitized by Google

воззваній къ бунту. Разсказъ какого-то солдата о томъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ семеро заговорщиковъ поручили Казеріо совершить покушеніе—очень фантастиченъ. Вѣрно только, что въ Монпелье было произведено нападеніе на пороховые склады, съ цѣлью похитить оттуда динамитъ. Часовые сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, послѣ которыхъ злоумышленники бѣжали. Въ томъ же городѣ, у дверей ювелирнаго магазина, въ лучшей улицѣ, найдена огромная бомба съ потухшимъ фитилемъ, взрывъ которой произвелъ бы огромныя опустошенія.

Президентское посланіе парламенту, не смотря на произведенное имъ весьма пріятное впечатлѣніе въ палатѣ депутатовъ, было причиною огромнаго скандала. Какъ только посланіе, сопровождаемое взрывомъ рукоплесканій, было прочтено, соціалистъ Вальянъ принялся критически разбирать его съ трибуны. Большинство членовъ, возмущенное выраженіями радикала, не позволило ему продолжать рѣчи: начало кричать, топать ногами и хлопать крышками пюпитровъ. Вальянъ сошелъ съ трибуны и мѣсто его занялъ Дюпюи. Тогда оппозиція, въ свою очередь, не дала ему говорить съ помощью рычанья и хлопанья крышками. Насиліе въ первомъ случаѣ неминуемо должно было возбудить насиліе и во второмъ. Президентъ палаты Бюрдо растерялся и, вмѣсто того чтобы обратиться съ вопросомъ къ палатѣ, какого порядка желаетъ она держаться, принужденъ былъ прочесть предложеніе Вальяна объ избраніи особой комисіи для составленія отвѣтнаго адреса на президентское посланіе. Тогда Дюпюи указалъ, что посланіе контрасигновано министрами и отвѣтственность за него падаетъ на весь кабинетъ, къ которому палата можетъ обратиться съ запросомъ, а не подвергать критикѣ мнѣнія президента. Палата приняла мнѣніе премьера большинствомъ 450-ти голосовъ противъ 77. Это доказываетъ, что число соціалистовъ въ палатѣ не велико, но и восемдесятъ человѣкъ могутъ высказывать свое убѣжденіе и препятствовать этому не слѣдуетъ. Оппозиція принадлежитъ также къ народнымъ представителямъ, избраннымъ всеобщею подачею голосовъ, хотя и не составляетъ большинства.

Въ итальянской палатѣ депутатовъ былъ также большой скандалъ. Криспи, подъ шумокъ политической катастрофы, продолжаетъ слѣдовать политикѣ, принятой имъ съ начала преній о финансовыхъ мѣрахъ: онъ ведетъ съ различными партіями переговоры, чтобы заручиться по частямъ утвержденіемъ той или другой мѣры. Благодаря такой тактикѣ, онъ одерживаетъ частныя побѣды; такъ, аграріи помогли ему вотировать хлѣбную пошлину въ 7 франковъ. Увеличеніе соляного налога палата утвердила большинствомъ 60 голосовъ, потому что король уже предписалъ декретомъ взимать этотъ налогъ въ усиленномъ размѣрѣ. Но при именной подачѣ голосовъ произошелъ сильный скандалъ. Когда очередь дошла до депутата Нардуччи, взявшаго подъ векселя изъ римскаго банка пять

Digitized by Google

мильоновъ лиръ, Кавалотти трижды крикнулъ ему въ лицо: «воръ, воръ, воръ»! а соціалистъ Анзини прибавилъ: «да, воръ, какъ и многіе другіе, называющіе себя патріотами»! Президенту палаты сдѣланъ былъ формальный запросъ: думаетъ ли онъ возбудить судебное преслѣдованіе противъ государственныхъ сановниковъ и полицейскихъ чиновъ, кравшихъ деньги изъ римскаго банка? находятъ ли депутаты, замѣшанные въ это грязное дѣло, возможнымъ исполнять свои политическія полномочія? Требовали раскрытія всего дѣла и президентъ, конечно, обѣщалъ все на свѣтѣ, съ тѣмъ, конечно, чтобы ровно ничего не исполнить.

Крупный скандалъ взволновалъ также и берлинское общество. Камергеръ и церемоніймейстеръ Либрехтъ фонъ-Котце былъ арестованъ по личному приказанію императора. Онъ принадлежитъ къ одному изъ знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ Германіи, очень богатъ и въ сорокъ лѣтъ— ротмистръ уланскаго полка и женатъ на красавицѣ. Котце систематически разсылалъ членамъ высшаго общества анонимныя письма съ самыми гнусными обвиненіями, особенно по части прелюбодѣянія, сѣя такимъ образомъ раздоръ въ семьяхъ. И этимъ онъ занимался уже четыре года, но заподозрили его только недавно, хотя сочинитель писемъ посвященъ былъ во всѣ тайны двора. Графиню Гагенау письма эти обвиняли въ гнуснѣйшемъ развратѣ и графъ просилъ перевести его корпуснымъ командиромъ въ провинцію, чтобы избавиться отъ придворной клеветы. Тогда онъ получилъ анонимную записку: «хоть ты и сбираешься бѣжать въ Ганноверъ, но я тебя и тамъ не оставлю». На другой же день императоръ объявилъ графу, что назначаетъ его въ Ганноверъ. Это такъ поразило Гагенау, что онъ показалъ Вильгельму записку, и тотъ, убѣдившись, что говорилъ о своемъ намѣреніи только самымъ близкимъ двумъ-тремъ лицамъ, приказалъ арестовать Котце. Обвиненный не сознаётся, однако, въ своей винѣ и защитники его стараются объяснить его анонимное сочинительство припадками атавическаго помѣшательства, такъ какъ отецъ его содержится въ домѣ умалишенныхъ. Но какъ бы то ни было, а убѣжденіе главы обширной монархіи, что онъ окруженъ негодяями или психопатами, очень печально. Онъ уѣхалъ теперь въ Сѣверный океанъ, выразивъ французскому послу Гербету и новому президенту знаки особаго расположенія и приказавъ, въ день похоронъ Карно, выпустить изъ тюрьмы двухъ французскихъ офицеровъ, присужденныхъ къ шести и четырехлѣтнему тюремному заключенію, за снятіе плановъ прусскихъ приморскихъ укрѣпленій и добываніе секретныхъ военныхъ свѣдѣній, не разрѣшенныхъ для частныхъ лицъ. Французская печать пришла въ восторгъ отъ такой любезности германскаго императора и прославляетъ его великодушную мысль до того, что увѣряютъ, будто парижане осыпали бы его цвѣтами, еслибы онъ явился ихъ гостемъ. Французамъ суждено вѣчно увлекаться. Нѣмецкія газеты, напротивъ, не видятъ въ прощеніи шпіоновъ никакого политиче-

Digitized by Google

скаго значенія, что̀ также составляетъ крайность, такъ какъ нельзя же назвать поступокъ Вильгельма актомъ простой вѣжливости.

Еслибы нѣмцы не были такъ погружены во всемірную политику, они могли бы праздновать въ нынѣшнемъ іюлѣ десятилѣтнюю годовщину введенія въ имперію закона объ обязательномъ государственномъ страхованіи отъ увѣчій фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Законъ этотъ имѣлъ благотворное вліяніе на всю страну. Благодаря помощи и заступничеству правительства, нѣмецкій пролетарій застрахованъ теперь, по крайней мѣрѣ, отъ вопіющей нужды, если его изувѣчитъ машина или онъ захвораетъ въ своемъ жалкомъ и сыромъ логовищѣ. Старость и неспособность къ труду даютъ ему также право на правительственную помощь. Это страхованіе распространяется и на семью рабочихъ; не легко было ввести его и, исполняя настоятельное желаніе Вильгельма I, Бисмаркъ долженъ былъ сильно бороться съ упорствомъ чиновниковъ всякихъ вѣдомствъ и съ оппозиціею парламентскаго большинства, фабрикантовъ и капиталистовъ. Рейхстагъ и заводчики ревниво оберегали свои карманные интересы и возставали противъ вмѣшательства государства въ устройство участи рабочихъ, нарушающее право собственности. Но законъ наложилъ на фабрикантовъ обязанность участвовать своими взносами въ кассахъ рабочихъ, что̀ сводилось, въ сущности, къ увеличенію заработной платы, хотя и весьма незначительному. Не только чиновники отстаивали своихъ пріятелей заводчиковъ, но и министры считали опаснымъ для правительства входить въ подробности рабочаго вопроса и полагали довольствоваться только всякими разрѣшеніями и запрещеніями. Алармисты пророчили соціальную революцію съ введеніемъ этого закона, а соціализмъ передъ тѣмъ принялъ угрожающее положеніе и разразился покушеніями на жизнь Вильгельма I и Бисмарка. Но посланіе императора къ парламенту, полное заботливости объ участи обездоленныхъ пролетаріевъ, сломило оппозицію. И что же? въ теченіе десяти лѣтъ, ни одно изъ зловѣщихъ предсказаній противниковъ закона не оправдалось; напротивъ, массы рабочихъ отказались отъ революціоннаго соціализма и нѣмецкія постановленія по страхованію рабочихъ, далеко не образцовыя, сдѣлались, въ свою очередь, образцами для другихъ странъ. Такъ, во всякомъ случаѣ, положеніе нѣмецкаго пролетарія гораздо лучше и обезпеченнѣе, чѣмъ во Франціи. Съ теченіемъ времени, законъ распространился и на рабочихъ въ сельско-хозяйственной и лѣсной промышленности, на рабочихъ, занятыхъ рѣчнымъ судоходствомъ, и мореходовъ, даже на извощиковъ. Въ 1886 году выдано пособій пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ до мильона рублей, въ прошломъ же году—уже 19 мильоновъ. Пособія получили 278,777 лицъ и меньшая доля помощи пришлась на вдовъ и семьи пролетаріевъ. Число лишившихся своихъ кормильцевъ на работѣ въ 1893 году доходитъ до 68,000. Это доказываетъ, сколько человѣческихъ жертвъ

Digitized by Google

пожираетъ современная промышленность, не считая тѣхъ, кого она калѣчитъ на всю жизнь. А такихъ лицъ въ прошломъ году было 219,000 и почти всѣ они неспособны продолжать сколько нибудь серьезный трудъ. Средній размѣръ денежнаго пособія подобному рабочему, однако, очень не великъ, всего до 70-ти рублей въ годъ, на женщинъ приходится нѣсколько больше, на дѣтей меньше. Кто же не согласится съ тѣмъ, что даже такой законъ предупреждаетъ озлобленіе пролетаріевъ, готовыхъ на всякія крайности отъ голода, и обезоруживаетъ пропаганду анархизма и динамита? А, между тѣмъ, своекорыстные капиталисты не хотятъ удѣлить гроша своимъ меньшимъ братьямъ, какъ будто унесутъ свои деньги въ могилу, разсчитывая попасть за нихъ въ рай.

Не смотря не только на миролюбивое, но даже на идиллическое настроеніе Европы, война готова вспыхнуть на ея восточныхъ окраинахъ. Наши желтолицые сосѣди-китайцы готовы сцѣпиться съ японцами изъ-за протектората, или попросту за обладаніе Кореей, съ которой также граничатъ наши восточно-океанскія владѣнія. Революція, вспыхнувшая въ послѣднее время въ этой странѣ, оказалась весьма серьезной. Власть короля тамъ совершенно ничтожна, дворъ и аристократія—самые испорченные и развращенные между всѣми азіатскими дворами. Въ странѣ нѣтъ ни арміи, ни денегъ. Китай считаетъ Корею частью Поднебесной имперіи и отправилъ туда свое войско, когда возникли безпорядки. Но японцы предупредили сосѣдей и, подъ предлогомъ охраны своихъ миссій и консульствъ, и даже безъ всякихъ предлоговъ, взяли столицу Сеуль, захватили въ плѣнъ короля и держатъ его заложникомъ въ своемъ лагерѣ, заставляя отказаться отъ китайскаго протектората. Возстаніе въ Кореѣ началось изъ-за сущихъ пустяковъ—по понятіямъ восточныхъ народовъ. Въ Шанхаѣ жилъ, бѣжавшій туда еще въ 1884 году, кореецъ, глава произведеннаго въ этомъ году, но неудавшагося возстанія, обагрившаго, впрочемъ, Сеуль и королевскій дворецъ кровью. Корейское правительство нѣсколько разъ требовало у китайцевъ выдачи зачинщика заговора, но они отказывали въ этомъ. Тогда корейскій король распорядился по азіатскимъ обычаямъ: онъ отправилъ въ Шанхай убійцъ, которые не только зарѣзали бунтовщика, но украли его тѣло и привезли въ Сеуль. Король приказалъ отрубить голову у трупа, потомъ четвертовать тѣло и члены его развѣсить на столбахъ въ разныхъ кварталахъ столицы. Это поруганіе трупа—на востокѣ къ мертвымъ относятся съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ живымъ,—привело въ озлобленіе враговъ корейскаго правительства: они взбунтовались, разграбили провинцію, служившую житницей страны, разбили посланныя противъ нихъ войска, но, въ свою очередь, были разогнаны японцами, овладѣвшими Кореею и не желающими ее отдавать, не смотря на всѣ настоянія китайцевъ. До насъ, конечно, вся эта исторія не касается, но дѣло въ томъ, что Китай проситъ нашего

*

Digitized by Google

посредничества въ его спорѣ съ Японіей, а Англія успѣла уже этимъ обидѣться и заявить, разумѣется косвенно, почему не къ ней обратилась Срединная имперія? Положить сразу конецъ этимъ претензіямъ необходимо, и чѣмъ рѣзче будетъ это сдѣлано, тѣмъ лучше. Вѣдь англичане только тогда начинаютъ говорить высокомѣрнымъ тономъ, когда дѣлаются уступки ихъ требованіямъ, а какъ только ихъ обрѣжутъ, они начинаютъ объяснять все недоразумѣніями. Лордъ Грей торжественно объявилъ въ парламентѣ, что онъ не допускаетъ даже и мысли, чтобы какая нибудь держава могла вмѣшиваться въ какой бы то ни было договоръ Англіи съ другою державою и не признавать его, а въ конгскомъ договорѣ она должна была отказаться отъ своихъ претензій на «аренду» полосы земли, соединяющей ея сѣверо-африканскія владѣнія съ южными. «Развѣ Англія воюетъ»?—спрашивалъ во французской палатѣ одинъ депутатъ, когда заговорили о необходимости уничтожить договоръ съ Конго. Она только захватываетъ въ свои руки то, что плохо лежитъ...

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія скандинавской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, *Фредерика Горна*, переводъ К. Бальмонта. Москва, 1894.

Скандинавскія повѣсти и разсказы. *А. Стриндберга.* Переводъ В. Фирсова. Москва, 1894.

Литература сѣвера теперь въ большой модѣ въ Европѣ, причисляющей и Россію къ скандинавскимъ государствамъ. Г. Бальмонтъ говоритъ даже, что скандинавскіе авторы возбуждаютъ и у насъ интенсивный интересъ. Послѣднее едва ли вѣрно. Переводятъ у насъ, правда, немало шведскихъ и датскихъ разсказовъ и пьесъ съ нѣмецкаго, но только оттого, что пряные французскіе романы начали уже претить читателямъ и журналы, особенно «съ приложеніями», стали наполнять свои книжки, по крайней мѣрѣ, разнообразнымъ и оригинальнымъ хламомъ. Да и тутъ, на скандинавовъ въ Петербургѣ налегли только переводчицы еврейскаго органа «Сѣверный Вѣстникъ», а въ Москвѣ—сотрудники художественнаго журнала «Артистъ». Что же касается до массы русской публики, она не очень поддавалась скандинавофильству и не очень увлекалась ибсено- и бьёрнсоно-маніей, прочтя три-четыре романа этихъ авторовъ. Да нельзя сказать, чтобы и въ литературѣ западной Европы они произвели особенно сильное впечатлѣніе. Большинство бросилось на новыхъ писателей, но теперь начинаютъ мало по малу охладѣвать къ нимъ, отдавая справедливость оригинальности ихъ взглядовъ и достаточной скукѣ ихъ произведеній. А, между тѣмъ, переводчикъ книги Горна называетъ драмы Ибсена

Digitized by Google

«несравненными» и увѣряетъ, что онъ, какъ и Бьёрнсонъ, «гораздо ближе къ Льву Толстому и Достоевскому, чѣмъ это можно подумать съ перваго взгляда», хотя ни съ перваго, ни со втораго взгляда никому и въ голову не придетъ подобное нелѣпое сравненіе. Намъ уже много разъ приходилось указывать на странное свойство нашихъ критиковъ, особенно работающихъ надъ многотомными иностранными произведеніями: приравнивать ихъ, ни къ селу, ни къ городу, къ трудамъ русскихъ людей и возносить выше облака ходячаго западную и сѣверную литературу. Въ настоящемъ случаѣ, неумѣренное преклоненіе передъ чужеземщиной тѣмъ страннѣе, что самъ авторъ исторіи скандинавской словесности далеко не увлекается своимъ предметомъ и излагаетъ его, не восторгаясь имъ, а скорѣе даже сухо, сжато и поверхностно. Въ этомъ сознаётся и г. Бальмонтъ, нашедшій необходимымъ дополнить книгу Горна особымъ приложеніемъ этюда Швейцера «о скандинавскомъ творчествѣ новѣйшаго времени». Этотъ этюдъ гораздо живѣе и содержательнѣе всей книги Горна, отличающейся научнымъ характеромъ, но слишкомъ спеціальной и мало оживленной характеристиками выдающихся явленій Скандинавіи. Въ наше время, исторія любой литературы должна сопровождаться многочисленными цитатами и отрывками изъ писателей, быть вмѣстѣ и критической исторіей націи, и хрестоматіей. А для этой цѣли добросовѣстный и почтенный трудъ Горна не пригоденъ: онъ слишкомъ кратокъ и сухъ, а для полной картины творческаго развитія четырехъ группъ сѣверныхъ племенъ: исландцевъ, датчанъ, шведовъ и норвежцевъ, слѣдовало остановиться на трехтомной исторіи того же Швейцера, изъ которой взята только сотня страницъ о современныхъ писателяхъ Скандинавіи. Съ нашей стороны, имѣя въ виду русскихъ читателей, мы бы, впрочемъ, довольствовались даже гораздо менѣе объемистой исторіей, чѣмъ томъ Горна въ 700 страницъ, такъ какъ добрая половина старинныхъ шведскихъ и датскихъ авторовъ для насъ очень мало интересна: все это люди, дивившіе только свой муравейникъ и имѣвшіе очень мало отношеній къ развитію общечеловѣческой культуры. Важнѣе всего для исторіи этой культуры, конечно, старинныя легенды и народныя саги, но двѣ главныя изъ нихъ, обѣ Эдды, по словамъ г. Бальмонта, не переведены на русскій языкъ и отрывки изъ нихъ, весьма немногочисленные, плохо переведены А. Чудиновымъ въ «Филологическихъ запискахъ» 1875 года. Напрасно, однако, г. Бальмонтъ, прежде чѣмъ выразиться такъ категорически, не принялъ на себя труда ознакомиться съ прежними работами по этому предмету. Вторая Эдда переведена еще въ 1795 году адъюнктомъ Ѳедоромъ Моисеевымъ въ его введеніи въ датскую исторію Моллета и потомъ, въ отрывкахъ, М. Стасюлевичемъ, въ его «Исторіи среднихъ вѣковъ», гдѣ изложена, съ большими цитатами, и старая Эдда. Главныя мѣста этого замѣчательнаго труда приведены въ «Исторіи всемірной литературы» В. Р. Зотова, также какъ и пе-

Digitized by Google

реводъ Я. К. Грота, о которомъ также совершенно умалчиваетъ г. Бальмонтъ, перечисляя только работы дамъ изъ «Сѣвернаго Вѣстника» и утверждая, что во «Всеобщей исторіи литературы» Корша и Кирпичникова о скандинавской культурѣ можно найти «кое-какія свѣдѣнія». Не кое-какія, а весьма достаточныя для ознакомленія съ нею, также какъ въ «Исторіи всемірной литературы», гдѣ на полутораста страницахъ подробно и обстоятельно изложена умственная дѣятельность Скандинавіи и Финляндіи. Да и вообще въ переводѣ книги Горна на русскій языкъ не предстояло особенной надобности. Не говоря уже о тщательной разработкѣ шведской литературы В. Головинымъ, о замѣчательныхъ характеристикахъ Эрстеда, Бострема, Гейера, Гольберга, Бремеръ, Сведенборга и др., объ одной исландской литературѣ у насъ имѣется болѣе 20-ти выдающихся сочиненій, кромѣ переводовъ Грановскаго: «Пѣсни Эдды о нифлунгахъ», Сенковскаго—«Эймундовой саги», Сабинина — «Саги Олафа Тригвассона», народныхъ пѣсенъ Н. Берга, трудовъ Буслаева, Шемякина, Лобойко, Левестама и др.

О норвежскихъ беллетристахъ заговорили у насъ недавно. Въ 1891 году, въ Кіевѣ вышелъ «Сборникъ произведеній скандинавскихъ писателей». Въ немъ помѣщено пять маленькихъ разсказовъ Бьёрнсона изъ крестьянской жизни, драма Ибсена: «Нора»—лучшее его произведеніе, два небольшихъ очерка Киланда и одинъ Герборга. Въ нихъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Теперь вышло въ Москвѣ пять повѣстей Стриндберга. Въ нихъ нѣтъ, однако, никакой «силы, необузданности, вѣроломства, свойственныхъ морю, омывающему берега его родины»,—какъ ихъ характеризуетъ Швейцеръ (въ приложеніи къ книгѣ Горна). Содержаніе главнаго разсказа: «Обитатели Гемсэ» состоитъ въ томъ, что батракъ, посланный съ твердой земли, чтобы привести въ порядокъ хозяйство, запущенное на маленькомъ островѣ, сначала улучшаетъ его, потомъ прибираетъ къ своимъ рукамъ, наконецъ, женится на старой вдовѣ-хозяйкѣ и, разумѣется, обманываетъ ее съ молоденькими работницами. Когда старуха умираетъ, простудившись во время подсматриванія за любовными похожденіями мужа, ее везутъ хоронить на твердую землю во время ледохода: лодка опрокидывается, гробъ старухи тонетъ, а мужъ замерзаетъ на берегу. Это, конечно, вѣрное изображеніе жизни простаго народа на скандинавскомъ поморьѣ, но все это очень обыкновенно, кромѣ напрасно придуманной мелодраматической развязки. Въ народныхъ типахъ нѣтъ ничего особеннаго; вездѣ та же забота о хлѣбѣ насущномъ, тѣ же мелкія мошенничества, сдѣлки съ совѣстью, та же страсть къ водкѣ, которую на сѣверѣ пьютъ больше, чѣмъ у насъ, и постоянно пополамъ съ кофе, для котораго созрѣли вполнѣ только столичныя чиновницы и кухарки, а не крестьянки. Хороши типы лѣнивыхъ рабочихъ и пьянаго пастора, но вѣдь гдѣ же не лѣнятся мужики и не напиваются изрѣдка духовныя лица? Гораздо

Digitized by Google

лучше два другихъ разсказа Бьёрнсона, касающіеся житейскихъ обстоятельствъ болѣе интеллигентнаго класса: борьбы за самостоятельность и средства къ брачной жизни. Въ первомъ разсказѣ, жена учителя, работающая отдѣльно на желѣзной дорогѣ, при рожденіи дѣтей не можетъ соединить долга природѣ и семьѣ съ долгомъ службѣ и обществу, принужденная заняться только уходомъ за дѣтьми и хозяйствомъ, и сдѣлаться — какъ она говоритъ—рабою мужа. Второй очеркъ посвященъ вопросу: долженъ ли интеллигентный человѣкъ прежде производить дѣтей, а потомъ уже заботиться о средствахъ добывать имъ хлѣбъ, или сначала найти эти средства, а потомъ уже жениться? Послѣднее, конечно, было бы благоразумнѣе, но много ли у насъ разумныхъ браковъ? Переводъ скандинавскихъ писателей вообще гладокъ, но неужели историки литературы думаютъ, что значеніе писателей опредѣляется, напримѣръ, подобными метафорами: «Сонеты Снойльскаго производятъ впечатлѣніе отточеннаго хрусталя, черезъ край котораго пѣнится жемчужное, огненное вино»? Встрѣчаются мѣстами неправильныя выраженія: «онъ преборолъ всѣ затрудненія», «Шернъельмъ ввелъ въ шведскій языкъ неизвѣстные размѣры, какъ александринъ». Г. Бальмонтъ перевелъ недавно Шелли и неужели ему незнакомъ александрійскій стихъ? Корректура изданія вообще плоха и мы уже не разъ обращали вниманіе почтеннаго К. Т. Солдатенкова на необходимость имѣть хорошаго корректора для серьезныхъ изданій. Два съ полтиной за книгу, мало кому нужную—цѣна очень высокая.

Производство и украшеніе глиняныхъ издѣлій (керамика). Составилъ *В. Селезневъ*. Изданіе Риккера. 1894.

Книгопродавецъ К. Риккеръ принадлежитъ къ весьма небольшому числу петербургскихъ издателей, выпускающихъ въ свѣтъ серьезныя научныя книги. Авторъ появившагося нынѣ трактата о керамикѣ завѣдуетъ фабрикаціей эмали въ мозаичномъ отдѣленіи академіи художествъ. Въ нашей технической литературѣ такъ мало сочиненій, относящихся къ фабрикатамъ изъ глины, надъ которыми работали еще доисторическіе предки человѣчества, что трудъ г. Селезнева съ 104 рисунками, прекрасно изданный, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Каменныя породы и металлы въ исторіи культуры являются гораздо менѣе важными, чѣмъ глина, употребляемая въ строительномъ дѣлѣ, въ домашнемъ быту, въ промышленности, въ искусствахъ, въ археологіи. Въ керамикѣ сходятся фабричная техника и химико-механическіе процессы съ тонкими художественными исполненіями въ украшеніяхъ. Русскій трактатъ о керамическомъ искусствѣ заключаетъ въ себѣ изложеніе свойствъ глины, ея химической переработки, декоративной техники и историческій обзоръ разнаго вида глиняныхъ произведеній — кромѣ кирпичныхъ. И мы не знаемъ даже въ иностранной литературѣ трактата о керамикѣ болѣе подробнаго и обстоятельнаго, чѣмъ книга г. Селезнева. Въ первой части

Digitized by Google

онъ представляетъ общую технологію глиняныхъ издѣлій, описываетъ составъ и происхожденіе глины, ея свойство, обработку, формовку, прессовку, сушку и отливку. Затѣмъ слѣдуютъ составъ и свойство глазури, описаніе обжига и устройства печей, украшеніе глиняныхъ товаровъ, окраска массъ, цвѣтныя эмали, живопись красками и пр. Вторая часть посвящена описанію глиняныхъ товаровъ; терракотамъ, поливнымъ и горшечнымъ издѣліямъ, фаянсу, маіоликѣ, товарамъ огнеупорнымъ и каменнымъ, наконецъ—фарфору. Третья часть заключаетъ въ себѣ: очеркъ развитія современнаго положенія керамической промышленности въ Россіи, гончарства въ древней Руси; старинныхъ изразцовъ, кустарно-гончарнаго промысла; начало производства тонкаго фаянса, развитіе фарфороваго производства и проч. Этой части, къ сожалѣнію, недостаетъ полноты по неимѣнію для нея данныхъ, а между тѣмъ глиняную посуду выдѣлывалъ у насъ еще допотопный насельникъ сѣверо-восточной Руси, кіевскія же раскопки дали намъ образцы мѣстной посуды, выдѣланной на гончарномъ кругѣ. Кирпичныя постройки явились у насъ, правда, только въ XVI вѣкѣ, а до тѣхъ поръ печи обыкновенно цѣликомъ выбивались изъ глины. Первыя глазированныя издѣлія явились въ видѣ половыхъ глиняныхъ плитъ въ X вѣкѣ, но это была работа византійскихъ мастеровъ, вызываемыхъ для украшенія храмовъ. Византійцы же приготовляли поливныя кафли, или изразцы и смальты для облицовки печей и стѣнъ княжескихъ дворцовъ. Стало быть, употребленіе расписныхъ глиняныхъ издѣлій на Руси было извѣстно много раньше, чѣмъ въ западной Европѣ. Неизвѣстно только, привилась ли выдѣлка вылитыхъ и полированныхъ издѣлій, или, какъ ихъ называли въ старину—цѣнинныхъ—въ до-монгольскій періодъ. Возродилась цѣнина только въ XVI вѣкѣ, и опять въ видѣ изразцоваго производства,—вѣроятно, подъ вліяніемъ татаръ, у которыхъ цѣнинныя украшенія были въ большомъ употребленіи, хотя и заимствованныя отъ арабовъ и персовъ. Литовцы также выдѣлывали кафли, но уже съ орнаментами во вкусѣ эпохи возрожденія, залитыми зеленой поливой или расписанныя цвѣтными эмалями. Какъ нѣкогда въ Новгородѣ былъ цѣлый «гончарный конецъ», такъ въ XVI вѣкѣ въ Москвѣ, за Яузой, была обширная гончарная слобода, гдѣ готовили черепицу и глиняную поливу. Никонъ выписалъ изъ Москвы настоящихъ цѣнинныхъ художниковъ. На изразцахъ XVII вѣка изъ красной глины съ цвѣтными эмалями, кромѣ русскаго орнамента: пѣтушковъ, фантастическихъ птицъ и растеній, единороговъ, встрѣчаются и западные элементы въ подражаніе эпохѣ возрожденія и барокко. Въ XVIII вѣкѣ, вкусъ къ стѣнному изразцовому убранству—упалъ, и въ слѣдующемъ вѣкѣ расписныя печи замѣнились бѣлыми голландскими. Выдѣлка гончарныхъ издѣлій съ давняго времени являлась у насъ въ видѣ мелкаго кустарнаго промысла. Г. Селезневъ говоритъ о многихъ работахъ крупныхъ фабрикъ фаянса и

Digitized by Google

фарфора. Ввозъ этихъ издѣлій у насъ былъ безусловно запрещенъ до 1850 года. Наша нынѣшняя керамическая промышленность держится по преимуществу въ рукахъ неинтеллигентныхъ людей. Эти промышленники, занятые исключительно комерческими интересами, оправдываютъ свою косность недостаткомъ спроса въ публикѣ на художественныя издѣлія, забывая, что спросъ не развивается безъ предложенія. Даже издѣлія Корниловыхъ, украшенныя рисунками изъ русской природы и быта, обязаны своимъ появленіемъ на свѣтъ заказу американской торговой фирмы и покупкамъ во Франціи, гдѣ даже простой и дешевый товаръ носитъ печать стиля и вкуса. Вообще керамическое дѣло процвѣтаетъ въ западной Европѣ, а у насъ всѣхъ заводовъ, производящихъ кирпичъ и гончарное издѣліе,—1580, съ 77 паровыми машинами и 30 тысячами рабочихъ. Фарфоровыхъ и фаянсовыхъ заводовъ всего 47, съ 30 машинами и менѣе 10 тысячъ рабочихъ. Этими двумя послѣдними производствами завѣдуютъ всего два человѣка съ техническимъ образовательнымъ цензомъ. По офиціальнымъ даннымъ, общая производительность за 1891 годъ по всѣмъ отраслямъ керамической отрасли, не считая кустарной, составляла 13 милліоновъ съ небольшимъ. Мы увѣрены, что и эти цифры, и эти данныя, собранныя въ книгѣ г. Селезнева, будутъ совершенною новостью, какъ и вообще свѣдѣнія о керамикѣ, когда-то процвѣтавшей въ Элладѣ, гдѣ родилось и самое названіе этого искусства отъ слова глина—κέραμος.

А. А. Ивановскій и А. Г. Рождественскій. **«Насколько вѣрны выводы проф. Н. Ю. Зографа въ его «Антропометрическихъ изслѣдованіяхъ мужскаго великорусскаго населенія владимірской, ярославской и костромской губерній», и имѣютъ ли эти «Изслѣдованія» какое либо научное значеніе»?** 1893.

Подъ этимъ заглавіемъ вышла небольшая брошюрка, направленная противъ книги проф. Зографа. Два названныхъ выше автора брошюры раздѣлили между собою трудъ по провѣркѣ книги профессора, причемъ г. Рождественскимъ провѣрены данныя о ростѣ призывныхъ ярославской и костромской губерній, о величинѣ головъ въ вертикальной проэкціи и о цвѣтѣ глазъ и волосъ; а провѣрка и разборъ всего остальнаго матеріала принадлежатъ г. Ивановскому.

Авторы разсматриваютъ всѣ 6 главъ книги г. Зографа. Первая глава этой книги посвящена разсмотрѣнію *величинъ роста великоруссовъ*, и авторы брошюры указываютъ на цѣлый рядъ ошибокъ въ обработкѣ данныхъ о ростѣ призывныхъ къ исполненію воинской повинности за 1882—1884 гг., и матеріала, собраннаго самимъ авторомъ и г. Лыжинымъ. Во второй главѣ книги г. Зографа приводятся *измѣренія туловища* великоруссовъ. Въ этой главѣ также замѣчена масса ошибокъ, вслѣдствіе чего невозможно сдѣлать какіе бы то ни было выводы. Въ третьей главѣ разсматриваются *величины верхнихъ и нижнихъ конечностей*. Ошибки,

Digitized by Google

допущенныя въ этой главѣ, дѣлаютъ совершенно ложными и среднія цифры, которыя служатъ, однако, основаніемъ для нѣкоторыхъ выводовъ проф. Зографа. Четвертая глава посвящена *измѣреніямъ головы и лица* великоруссовъ; пятая — *описательнымъ частностямъ* (разсмотрѣнію цвѣта волосъ и глазъ) и шестая, наконецъ,—общимъ заключеніямъ. Смыслъ брошюры сводится къ тому, чтобы доказать полную неосновательность выводовъ проф. Зографа, такъ какъ выводы эти вытекаютъ изъ неправильно обработаннаго сыраго матеріала. Гг. Ивановскій и Рождественскій, доказывая научную недостовѣрность книги Зографа, наглядно показываютъ также, что, при исправленіи цифръ, приводимыхъ авторомъ, вполнѣ измѣняются и выводы, а потому и трудъ проф. Зографа лишенъ, по мнѣнію гг. Рождественскаго и Ивановскаго, всякаго научнаго значенія.

Волостной судъ по закону 12-го іюля 1889 года. Сборникъ узаконеній и распоряженій, относящихся къ волостнымъ судамъ, дѣйствующимъ въ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены земскіе участковые начальники. Составилъ *И. Н. Аристовъ*, непремѣнный членъ казанскаго губернскаго присутствія. Казань 1893.

Книга г. Аристова раздѣлена на шесть отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены временныя правила о волостномъ судѣ съ послѣдовавшими къ нимъ, по 1 іюля 1893 г., разъясненіями. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ основныя положенія, которыми волостной судъ долженъ руководствоваться при разрѣшеніи дѣлъ. Въ третьемъ отдѣлѣ перечислены подсудные волостному суду проступки и указаны наказанія, которымъ волостной судъ вправѣ подвергать виновныхъ въ этихъ проступкахъ. Четвертый отдѣлъ составляетъ извлеченія изъ разныхъ узаконеній, имѣющихъ значеніе въ дѣлахъ, подсудныхъ волостному суду. Въ пятомъ—приведены узаконенія, установляющія порядокъ разсмотрѣнія жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ. Наконецъ, въ шестомъ отдѣлѣ даются указанія относительно дѣлопроизводства и отчетности волостныхъ судовъ, и приводятся соотвѣтствующія формы книгъ и бланокъ. Настоящая работа г. Аристова вышла вторымъ изданіемъ и представляетъ собою настольную книгу, въ которой объединены всѣ узаконенія и распоряженія, касающіяся дѣятельности волостнаго суда.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

Тюрьма и жизнь.

Отъ юныхъ лѣтъ давно ужь мы
Знакомы съ изреченьемъ старымъ:
«Не отрекайся отъ сумы,
А, съ нею вмѣстѣ, отъ тюрьмы».—
Народъ его сложилъ недаромъ!
Судебныхъ намъ ошибокъ рядъ
Грозитъ лишеніемъ свободы,
Пока же дѣло разъяснятъ,
Иной въ тюрьмѣ проводитъ годы...
Среди житейской кутерьмы
Рокъ иногда подшутитъ странно:
Суровый плѣнъ въ стѣнахъ тюрьмы
Вамъ приподносится нежданно...
Слѣдя за жизнью, безъ труда
Замѣтить можно иногда,
Что, бытъ съ комфортомъ свой устроя
Живутъ иные господа
Тюремной жизнью «Домостроя».
Наглядно кажетъ фактовъ рядъ,
Что въ наши дни, какъ въ годы оны,
Въ быту купеческомъ царятъ
Законы строгіе Дракона.
Суровыхъ мѣръ въ большомъ вредѣ
Мы самодура не увѣримъ;
Въ преданій область кое-гдѣ
Еще не канулъ древній «теремъ»...
Мужъ-старецъ, какъ жены глава,
Свои преслѣдуетъ права:
Терзаясь ревности мученьемъ,

Digitized by Google

Супругу держитъ онъ едва
Не въ «одиночномъ заключеньѣ».
Сварливый нравъ не научась
Смягчать,—чѣмъ дальше, тѣмъ шумнѣе
Живутъ супруги, обозлясь...
Тяжеле «каторги» подчасъ
Имъ служатъ «цѣпи» Гименея!..
Отъ рукъ купеческій саврасъ
Отбился,—сына каждый разъ
«На исправленіе» родитель,
Съ приличной дозой крѣпкихъ фразъ,
Шлетъ въ монастырскую обитель;
Когда жъ онъ зритъ, что буйный нравъ
Не стихъ отъ ряда мѣръ суровыхъ,
Онъ сына, кушъ приличный давъ,
«Лишаетъ правъ» въ дѣлахъ торговыхъ...
Итакъ, замѣтишь безъ труда,
Слѣдя за жизненной борьбою,
Что тѣсно связаны всегда
Тюрьма и *жизнь* между собою...

Фланеръ.

Digitized by Google

Апатія.

Извѣстны слабостью большой—
Разсудкомъ вялымъ,
Неравнодушны мы порой
Къ однимъ скандаламъ.
Спокойно лежа на боку,
Воруя ль смѣло,
Мы не поможемъ бѣдняку—
Не наше дѣло!
Васъ «караулъ»! во тьмѣ ночей
Со сна подъемлетъ,
А на посту городовой
Спокойно дремлетъ.
Онъ этимъ крикомъ не смущенъ:
Пусть грабятъ смѣло—
«Не нашъ участокъ»,—скажетъ онъ:
«Не наше дѣло!»
На мясо цѣны высоки
Въ столицѣ нашей,
И горе жизни бѣдняки
Пьютъ полной чашей.
Холера въ городѣ сидитъ
Бѣда заѣла,
А дума вяло говоритъ:
«Не наше дѣло!»
Суля большіе барыши
Отъ предпріятья,
Взимаетъ съ публики гроши
Банкировъ братья.
Чрезъ мѣсяцъ «общества» ужь нѣтъ—
Въ просакъ влетѣло...
На вопли вкладчиковъ отвѣтъ:
«Не наше дѣло!»

Digitized by Google

Чуждаясь всякаго труда,
Но лишь не взятокъ,
Мы флегматичны, господа,
До самыхъ пятокъ.
Намъ надо пить, намъ надо ѣсть,
Кутить умѣло,
А трудъ, нашъ ближній, долгъ и честь—
Не наше дѣло!..

Невскій Житель.

Digitized by Google

Ломеранскимъ гренадерамъ.

Бей крѣпко, вышибая зубы,
Всевластная рука!
А послѣ колоти сугубо
И въ спину, и въ бока!
А ты, mein freund, свое знай дѣло—
И выю подставляй,
Запомнивъ, что страданья тѣла
Душѣ готовятъ рай!

Графъ Лимбургскій.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 8-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Золоченая богема. Романъ В. Свѣтлова 7
II. Два жребія. Стихотвореніе А. В. Круглова 60
III. «Сумерки человѣчества». К. П. Медвѣдскаго 61
IV. Жертва иллюзіи. Романъ К. В. Назарьевой 96
V. «Два сердца бьются, какъ одно». Стихотвореніе М. М. Гербановскаго 122
VI. Наша музыкальная жизнь. В. С. Баскина. 123
VII. Юліанъ Отступникъ. Историческій романъ Феликса Дана . 136
VIII. Силуетъ. Стихотвореніе В. К. Булгакова 181
IX. Теорія Броунъ-Секара и ея примѣненіе. В. Г. Швецова . . 182
X. Желѣзомъ и кровью. (Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа при Ермоловѣ). Д. Л. Мордовцева. (*Окончаніе*) . . 196
XI. Разрушенный храмъ. Стихотвореніе Л. Афанасьева . . . 227
XII. Рабъ свѣта. Политическій романъ изъ англо-французской жизни, Генри Сетона Мерримена. (*Окончаніе*) 229
XIII. Наша журналистика. К—скаго 286
XIV. Тайна души. Стихотвореніе Н. А. Энгельгардта 301
XV. Двѣ системы средняго образованія. Одного изъ родителей. 302
XVI. Лурдъ. Романъ Эмиля Золя 338

Современное обозрѣніе.

XVII. Наши внутреннія дѣла 1
XVIII. Политическая хроника 18
XIX. Новыя книги 30
XX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія Фланера, Невскаго Жителя и Графа Лимбургскаго 37

8546 [illegible]11

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google